Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Министерство внутренних дел Российской Федерации
Московский университет Министерства внутренних дел
Российской Федерации имени В.Я. Кикотя

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРОИЗВОДСТВА ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Всероссийская научно-практическая конференция
(7 апреля 2022 г.)

Сборник научных трудов

1 электронный оптический диск (CD-R)
Текстовое электронное издание

Научное электронное издание

Москва
Московский университет
МВД России имени В.Я. Кикотя

2022

© Московский университет МВД России
имени В.Я. Кикотя, 2022
ISBN 978-5-9694-1195-1

УДК 343.985
ББК 67.73
А43

Рецензенты:
начальник управления организации дознания ГУ МВД России
по г. Москве **П. П. Милованов**;
старший следователь 1 отдела СЧ по РОПД СУ УВД по ЗАО ГУ МВД России
по г. Москве **В. В. Сиворакша**

Составитель *Д. А. Иванов*

А43 **Актуальные вопросы производства предварительного следствия в современных условиях совершенствования уголовно-процессуального законодательства** : сборник научных трудов Всероссийской научно-практической конференции, 7 апреля 2022 г. – М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2022. – 474 с. – 1 электронный опт. диск (CD-R) – Системные требования : CUP 1,5 ГЦ ; RAM 512 Мб ; Windows XP SP3 ; 1 Гб свободного места на жестком диске.

ISBN 978-5-9694-1195-1

Сборник научных трудов составлен по материалам Всероссийской научно-практической конференции «Актуальные вопросы производства предварительного следствия в современных условиях совершенствования уголовно-процессуального законодательства», приуроченной к 20-летию Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, состоявшейся 7 апреля 2022 г. в г. Москве.

Материалы сборника могут быть полезны как для преподавателей, адъюнктов и аспирантов образовательных организаций МВД России, так и для практических работников экспертных и следственных подразделений, а также всех, кто интересуется данной тематикой.

Научное электронное издание

Минимальные системные требования: CPU 1,5 ГГц; RAM 512 Мб;
Windows XP SP3; 1 Гб свободного места на жестком диске

© Московский университет МВД России
имени В.Я. Кикотя, 2022

Издание подготовлено
с помощью программного обеспечения Microsoft Word

Корректор *Мирзоева Л. С.*
Компьютерная верстка *Мирзоева Л. С.*

Подписано к изданию 02.09.2022
Объем издания: 3,69 Мб
1 электронный оптический диск (CD-R)

ISBN 978-5-9694-1195-1

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя
117997, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 12
http://www.mosu.mvd.ru; e-mail: support_mosu@mvd.ru

СОДЕРЖАНИЕ
ЧАСТЬ 1

Агутин А. В.

О нелинейности оснований при принятии решения о возбуждении уголовного дела по «новому преступлению» и в отношении «нового лица» 13

Абызова Е. Р.

Проблемы правовой квалификации неправомерного завладения автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения 23

Алимамедов Э. Н.

Актуальные проблемы расследования незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ, совершенных с использованием криптовалюты 27

Алонцева Е. Ю.

Значение принципа языка уголовного судопроизводства 30

Анисимова Н .В., Маркова Д. В.

Процессуальные особенности участия законного представителя несовершеннолетнего на стадии предварительного расследования 34

Антимонова С. И.

Некоторые вопросы использования технических средств для вызова участников уголовного процесса к следователю 37

Архипова И. А.

Особенности личности преступника и потерпевшего при расследовании краж из хранилищ 40

Бессонов А. А.

К вопросу о профессиональном становлении следователя 46

Блинова Е. В., Стрельников Д. А.

Получение сведений из информационно-телекоммуникационной сети Интернет в работе следователя 51

Валюлин Р. Р., Кохан Т. В.

Проведение следственных действий при применении мер безопасности 55

Гаврилов В. Я.

К вопросу об эффективности деятельности следственного аппарата в условиях изменившегося уголовного и уголовно-процессуального законодательства 58

Гладышева О. В.

Возбуждение уголовного дела по новым эпизодам преступной деятельности 69

Гончар В. В.

Отдельные особенности осмотра серверного оборудования при производстве следственных действий 76

Горач Н. Н., Лаврова О. Н.

Некоторые особенности расследования уголовных дел о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, совершенных с ипользованием криптовалюты 79

Горлова Ю. А., Введенский И. А.

Особенности преступлений, связанных с хищениями автотранспорта 84

Григорьев Д. А., Басина А. С.

Проблемы процессуальной деятельности следователя при расследовании преступлений экономической направленности, совершаемых с применением информационных технологий 87

Григорьева Н. В., Кривенцов Н. М.

Особенности доказывания по уголовным делам о преступлениях, совершенных с использованием виртуальных активов (криптовалюты) 93

Гриненко А. В.

Подследственность уголовных дел о ряде преступлений, недавно введенных в УК РФ 98

Гурдин С. В.

Производство следственных действий как средство достижения назначения уголовного судопроизводства 101

Данилкина В. М.

Дистанционное мошенничество в современных реалиях: понятие, особенности совершения 106

Емельянова Н. Ю.

Возбуждение уголовного дела как стадия уголовного процесса 112

Ендольцева А. В., Галчонков К. Ю.

Электронный документ и электронный документооборот при производстве по уголовному делу 115

Ендольцева Ю.В., Дякина С. Н.

Законность и обоснованность возбуждения уголовного дела как фактор эффективности предварительного расследования преступлений 119

Ермаков С. В.

О формировании профессиональных компетенций следователя, необходимых для расследования преступлений, совершенных с использованиеминформационно-телекоммуникационных технологий 122

Есина А. С., Жамкова О. Е.

С чего начинается уголовное судопроизводство? 125

Заливин А. Н., Рыжаков А. П.

Процессуальные последствия неразработанности типичных черт незаконного использования объектов авторского права..... 129

Золотухин Н. А., Кадатенко Е. П.

Электронные доказательства – робкие шаги к цифровизации уголовного процесса 134

Иванов Д. А., Карлина О. Ю.

Актуальные аспекты подготовки высокопрофессиональных кадров для следственного аппарата системы МВД России (в контексте Всероссийской научно-практической конференции «Актуальные вопросы производства предварительного следствия в современных условиях совершенствования уголовно-процессуального законодательства»)..... 140

Филатова И. В.

Особенности прекращения уголовного преследования по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности 143

Казакова А. Н.

Актуальные проблемы производства осмотра места происшествия по делам о кражах автотранспортных средств..... 147

Колесник В. В.

Содержание и значение основных элементов теоретической концепции развития договорных отношений в российском уголовном судопроизводстве 151

Крылова Д. С.

О месте деятельности следователя по выявлению обстоятельств, способствовавших совершению преступления, в процессе доказывания по уголовному делу..... 155

Левченко О. В.

Правое положение прокурора в Российском предварительном следствии: современность и будущее..... 159

Лисицына А. В.

Своевременность возобновления приостановленного предварительного расследования: теория и практика..... 162

Макаренко М. М.

Некоторые проблемные вопросы, возникающие при принятии решения о прекращении уголовного дела на этапе предварительного расследования 166

Макеев А. В.

Совершенствование управленческой деятельности органов внутренних дел в современных условиях 170

Макеева Н. В., Бекирова К. А.

Особенности производства осмотра места происшествия при расследовании дорожно-транспортных преступлений 176

Маслов Н. В.

Отдельные вопросы методики расследования преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий и применения специальных знаний при противодействии киберугрозам 182

Меркулова М. В.

К вопросу о понятии цифровых следов в криминалистике 188

Мичурина О. В.

Оценка эффективности процедур продления сроков предварительного следствия и дознания 191

Мозговая Д. А., Макаревич В. Е.

Отдельные вопросы фиксации следственного эксперимента 197

Корниенкова М. Р., Нефедов М. С.

Некоторые отличительные признаки добровольного отказа от деятельного раскаяния 200

Нуйкин С. Ю., Ильинская К. О.

Особенности расследования преступлений, совершаемых через интернет-ресурсы 203

Подустова О. Л., Соколова М. В.

Работа с цифровыми объектами при производстве предварительного следствия по уголовным делам в сфере компьютерной информации 208

Попенков А. В.

Производство осмотра места происшествия: актуальные аспекты теории и практики 211

Посельская Л. Н.

Особенности расследования неправомерного оборота электронных средств платежей 214

Прохорова Е. А., Клементьева Е. С.

Установление условий жизни и воспитания несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого: некоторые аспекты правоприменения 219

Пушкарев В. В.

Сравнительно-правовой анализ непубличных видов уголовного преследования, как средство разрешения уголовно-процессуальных проблем их регулирования и осуществления 224

Рудавин А. А.

К вопросу о тактике следственных действий по делам о киберпреступлениях 232

Самолаева Е. Ю.

К вопросу о применении ст. 157 УПК РФ 236

Саморока В. А.

Место сведений, полученных путем использования интеллектуального анализа данных, в системе уголовно-процессуальных доказательств 239

Светильникова Е. А.

Предмет, объекты и задачи судебной психологической экспертизы по верификации показаний 243

Семенкова Е. В.

Законодательный пробел в регулировании временного помещения лица, не содержащегося под стражей, в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях 248

Семенцов В. А.

Почему следователей сегодня по-прежнему не хватает? 253

Скачко А. В.

Примирение сторон и деятельное раскаяние, как основания прекращения уголовного дела (уголовного преследования) при возмещении вреда, причиненного преступлением 257

Скороделова Е. И.

Особенности методики расследования мошенничества, совершенного с использованием информационно-коммуникационных сетей 262

Соколова М. В., Бондаренко И. А.

Деятельность следователя по производству обыска при расследовании киберпреступлений 266

Соломатина А. Г.

Применение цифровых технологий при производстве отдельных следственных действий 269

Титовец И. В.

Новое в механизме исключения недопустимых доказательств 273

Тишутина И. В.

Использование возможностей средств массовой информации в раскрытии и расследовании преступлений 279

Ткаченко Л. Б.

Психологические аспекты кризиса профессионального развития следователя 283

Угольникова Н. В., Сбитнева И. А.

Проблемы реализации права на защиту при явке с повинной 287

Уханова Н. В.

Некоторые аспекты назначения портретной экспертизы и оценки следователем заключения эксперта по видеозаписям 291

Фадеев П. В.

К вопросу о правовом положении частного детектива в уголовном судопроизводстве 294

Федулова И. И.

О возможности производства следственных действий в дистанционной форме 297

Федюкина А. Ю.

Особенности проведения допроса путем использования систем видео-конференц-связи 300

Химичева О. В., Сумин А. А.

Onus probandi: проблема переноса (реверса) в уголовном процессе 304

Хмелев С. А., Макушинская А. А.

Актуальные вопросы производства осмотра места дорожно-транспортных преступлений, совершенных в условиях неочевидности 309

Шаров А. В.

О возможности применения стороннего программного обеспечения в деятельности следователя 313

Шаталов А. С.

Судебный контроль на стадии предварительного расследования, как способ предотвращения необоснованного ограничения конституционных прав и свобод участников уголовного судопроизводства 318

Шеховцова Л. С.

Участники допроса несовершеннолетних свидетелей 324

Шуваева М. С.

Особенности организации расследования и предупреждения некоторых видов интернет-мошенничеств 328

ЧАСТЬ 2. Трибуна молодого ученого 333

Балакирева Е. М., Алимамедов Э. Н.

Актуальные проблемы расследования мошенничеств экономической направленности 333

Бондаренко И. П.

О разграничении процессуальных терминов «применение» и «избрание» в части мер пресечения 337

Буй Т. Т.

Процессуальный статус и полномочия прокурора в досудебном производстве по уголовным делам в Социалистической Республике Вьетнам 341

Васеха М. С., Иванова О. М.

Особенности организации и тактики проведения допроса несовершеннолетних участников предварительного расследования: психологические и логические основы 347

Воронина Н. А.

О некоторых проблемных аспектах процессуального положения лиц, которым переходят права потерпевшего, в случае его смерти 352

Вяхирева Е. С.

Проблемные аспекты производства дознания по уголовным делам о преступлениях в сфере с незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ 356

Глазунова А. А.

Некоторые особенности расследования мошенничеств совершенных с использованием возможностей информационно-коммуникационных технологий 361

Горбатых И. М.

Результаты оперативно-разыскной деятельности как основание для применения меры пресечения в виде домашнего ареста 366

Горбунова А. А.

Применение следователем информационно-телекоммуникационных технологий при производстве допроса 369

Григорян Т. А.

Собирание и приобщение вещественных доказательств на стадии возбуждения уголовного дела 373

Гущина С. В.

Организационно-тактические особенности первоначального этапа расследования дистанционного мошенничества, совершенного при помощи средств мобильной связи 378

Данг Вьет Хынг

Проблемы предварительного расследования при сокращенном производстве в Социалистической Республике Вьетнам 382

Демичева Т. С.

Некоторые особенности использования современных информационных технологий на стадии возбуждения уголовного дела в Китайской Народной Республике 385

Денисова М. Д.

О необходимости совершенствования уголовно-процессуального закона, регламентирующего наложение ареста на имущество 389

Духвалова И. Г.

Прокурорский надзор за законностью и обоснованностью приостановления предварительного следствия 393

Евсеева Н. С., Шишов В. В.

Сравнительный анализ правовой регламентации принципа равенства всех перед законом в уголовно-процессуальном законодательстве государств-участников СНГ 398

Звонарева Ю. И.

Об отдельных проблемах электронных документов как доказательств по уголовному делу 403

Кожемякина О. С.

Рассмотрение некоторых проблемных вопросов предварительного расследования в России 407

Коновалова Е. А.

Следователь и его роль при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве при расследовании преступлений, совершенных организованными преступными группами 411

Карпова А. Г., Попенков А. В.

Влияние цифровизации на деятельность следственно-оперативной группы МВД России 415

Лавриков Р. И.

Проблемы реализации принципа неприкосновенности личности в уголовном судопроизводстве и пути их преодоления 418

Любимова А. А.

Защита имущественных прав и интересов личности в досудебном уголовном судопроизводстве 423

Милованов П. П.

Понятие «начальника подразделения дознания» следует уточнить и расширить 428

Михалева Е. С.

Проблемы при получении электронных доказательств в уголовном процессе 432

Московцева К. А.

Соотношение функции руководства процессуальной деятельностью следователя и контролирующей функции руководителя следственного органа при осуществлении ведомственного контроля 438

Плахота К. С.

Тактические особенности производства дистанционного допроса следователем (дознавателем) 441

Попова Н. А.

Криминалистически значимые сведения о преступных группах несовершеннолетних, совершающих грабежи и разбои 446

Сарыгина К. С.

Некоторые особенности назначения экспертиз на этапе предварительного расследования 451

Чиковани М. А.

Механизм реализации принципа законности в деятельности следователя 455

Щербакова М. А.

Психиатрическое освидетельствование как основание возбуждения производства о применении принудительных мер медицинского характера 460

Юнусов М. Д.

Новые способы предотвращения совершения преступлений, связанных с употреблением, производством и транспортировкой наркотиков в Республике Таджикистан 465

Яковлева К. Ю.

Верификация как свойство электронной информации на примере видео-конференц-связи в уголовном процессе 470

ЧАСТЬ 1

Агутин А. В.[1]***,***
профессор кафедры уголовного права и процесса
Национального исследовательского Нижегородского
государственного университета имени Н.И. Лобачевского,
доктор юридических наук, профессор

О НЕЛИНЕЙНОСТИ ОСНОВАНИЙ ПРИ ПРИНЯТИИ РЕШЕНИЯ О ВОЗБУЖДЕНИИ УГОЛОВНОГО ДЕЛА ПО «НОВОМУ ПРЕСТУПЛЕНИЮ» И В ОТНОШЕНИИ «НОВОГО ЛИЦА»

Проблема возбуждения уголовного дела по «новому преступлению» и в отношении «нового лица» в значительной мере навеяны юридической стороной оснований для возбуждения уголовного дела. Напомним: юридическая сторона основания для возбуждения уголовного дела представляет собой юридические факты (обстоятельства уголовного дела), с которыми уголовно-процессуальный закон связывает возникновение, изменение и прекращение уголовно-процессуальных отношений в стадии возбуждения уголовного дела.

В отличие от юридической стороны оснований для возбуждения уголовного дела ее фактическая сторона включает в себя доказательства (факты (совокупность фактов)). Фактическая сторона основания для возбуждения уголовного дела ответственна за обоснованность процессуального решения о возбуждении уголовного дела, а юридическая сторона – за законность. Она производна от фактической стороны для возбуждения уголовного дела. Только в отличие от последней законодатель придает юридической стороне для возбуждения уголовного дела дополнительный смысл. Он имеет правовой характер и подлежит обязательному учету при разрешении вопроса о возбуждении уголовного дела.

При принятии процессуальных решений, связанных с возбуждением уголовного дела, если правовой смысл юридической стороны характеризуется неясностью, неопределенностью и неустойчивостью, он является источником дезорганизации. Это объясняется идейной основой уголовно-процессуальной либеральной доктрины, воплощенной в УПК РФ. Она чужда духовным столпам традиционных для нашей общности религиям, культурно-историческому наследию и систему традиционных духовно-нравственных ценностей российского народа. В свою очередь такая ее чуждость дает нам основание сказать о том, что она не отвечает основному духовно-нравственному закону жизни российского (советского) народа – сострадания в форме самопожертвования, со свойственным ему чувством коллективизма. УПК РФ оказался лишенным самого главного – должностные лица, осуществляющие производство по уголовному делу в стадии возбуждения уголовного дела, оказались неспособными к самопожертвованию ради целого, а именно Родины, Отечества и Государства.

Либеральная экспансия отечественного уголовного судопроизводства нейтрализовала его духовно-нравственную основу. Духовно-нравственный закон жизни

[1]© Агутин А. В., 2022.

нашего народа был линейно (с помощью либерального законодателя) был замещен (ослеплен) либеральным духом, порожденным совокупностью либеральных идеологем (либеральной системой принципов уголовного судопроизводства, закрепленной в УПК РФ). Следствие такого замещения стала подмена идейных истоков (основ) формирования должной мотивации у должностных лиц, осуществляющих производство в стадии возбуждения уголовного дела. В результате законодателем искусственно были созданы благоприятные условия для развертывания в сфере уголовного судопроизводства порочной либеральной мотивации, для которой индивидуализм, рационализм и утилитаризм (эгоизм) являются краеугольными камнями.

Смена (замещение) идейных основ формирования должной мотивации в российском уголовном судопроизводстве с неизбежностью повлекло за собой изменение мыслительной деятельности. Должностные лица, осуществляющие производство в стадии возбуждения уголовного дела, а также различного рода контролирующие и надзирающие органы и лица, неизбежно стали усматривать действенность уголовно-процессуальных решений и действий в рациональных критериях либеральной мотивации, например, эффективности. Ценностные (качественные) критерии принятия решения о возбуждения уголовного дела оказались для них неведомой землей.

Ценностные (качественные) критерии принятия решения в стадии возбуждения уголовного дела являются основой бытия уголовно-процессуальной деятельности не только в стадии возбуждения уголовного дела, но и в целом в отечественном уголовном судопроизводстве. Своим потенциалом они обеспечивают духовно-нравственно единство российского (русского) народа с собственным государством.

В нашем исследовании ценностным (качественным) критериям принятия решения о возбуждение уголовного дела дано наименование «духовные столпы традиционных религий, культурно-историческое наследие и система традиционных духовно-нравственных ценностей». Если при принятии решения опираться на эти ценностные критерии, каждое процессуальное решение о возбуждении уголовного дела будет соответствовать жизни (бытию) нашего народа и его государства. Ведь жизнь (человеческая история) иррациональна (не линейна). Рациональна (линейна) только человеческая глупость и заблуждение.

Перевод основ принятия решения о возбуждении уголовного дела с ценностных оснований (критериев) на критерии либерализма означает разрушение целостности коллективного и индивидуального сознаний (мировоззрений) соответствующих должностных лиц и органов. Без взаимосвязи и взаимообусловленности с духовными столпами традиционных религий, культурно-историческим наследием и системой традиционных духовно-нравственных ценностей общественное (коллективное) и индивидуальное их мировоззрение зацикливается на порочном безжизненном круге, имя которому бессмыслица. Иначе можно сказать так: «При разрушении целостности коллективного и индивидуального сознаний (мировоззрений) должностных лиц и органов с духовными столпами традиционных религий, культурно-историческим наследием и системой традиционных духовно-нравственных ценностей мышление этих лиц начинает осуществляться в духе

бесовского мышления». Сами же должностные лица, принимающие решение в стадии возбуждения, произошедшему либеральному переформатированию сознания (мировоззрения) обозначили емким для понимания словом «дурдом».

Сермяжная правда в таком диагнозе имеется. Ведь переформатирование по канонам либерализма сознания (мышления) должностных лиц, осуществляющих производство в стадии возбуждения уголовного дела, влечет за собой его сужение (разрушение). Разрушение сознания является надежным признаком для диагностирования опасной инфекционной болезни – социальной шизофрении. Она является социальным недугом. К сожалению, в наше время им поражена значительная часть всего того, что связано с возбуждением уголовного дела [5, С. 33–34]. Должностные лица, осуществляющие производство по уголовному делу в стадии возбуждения уголовного дела, оказались не единственными заложниками либерального хаоса в сфере уголовного судопроизводства.

Уголовное судопроизводство является всего лишь одной из многочисленных отраслей государственной деятельности, которая подверглась разрушительному воздействию в ходе либерального реформирования. На уровне мировоззрения (правосознания) уполномоченных должностных лиц, хаос, порожденный либеральным реформированием отечественного уголовного судопроизводства, оказывает дезорганизационное воздействие на принятие решения о возбуждении уголовного дела. У отдельной категории должностных лиц, принимающих решение о возбуждение уголовного дела, мировоззрение (сознание) поражено либерализмом (рационализмом, индивидуализмом и утилитаризмом), а у некоторых – социальной шизофренией эгоистического типа [2, С. 41–44]. Все это как в отдельности, так и в своей совокупности влечет за собой принятия уязвимых с точки зрения законности, обоснованности и мотивированности процессуальных решений о возбуждении уголовного дела. Особенно актуальна эта проблема при возбуждении уголовного дела по «новому преступлению или в отношении нового лица».

Принятие уязвимых с точки зрения законности, обоснованности и мотивированности процессуальных решений о возбуждении уголовного дела по «новому преступлению или в отношении нового лица» обуславливается неустойчивостью, неопределенностью и неясностью их оснований. Такая неясность, неопределенность и неустойчивость процессуальных решений о возбуждении уголовного дела по «новому преступлению или в отношении нового лица», прежде всего, связана не с фактической стороной (совокупностью доказательств (фактов)), а с юридической его стороной основания (совокупностью обстоятельств уголовного дела).

Юридическая сторона основания для возбуждения уголовного дела по «новому преступлению» или в отношении «нового лица» является одним из наиболее яркий проявлений либерально-правовой доктрины уголовного судопроизводства. Соотносятся они между собой как часть к целому. Отсюда все организационно-правовые пороки либерально-правовой доктрины свойственны юридической стороне основания для возбуждения уголовного дела. Поэтому для того, чтобы концептуально разрешить проблему возбуждения уголовного дела по «новому преступлению» или в отношении «нового лица» необходимо изгнать

из отечественного уголовно-процессуального законодательства либерально-правовые идеологемы юридической стороны основания для возбуждения уголовного дела.

В отечественном уголовном судопроизводстве как на уровне целого, так и на стадии уголовного судопроизводства либерально-правовые идеологемы юридической стороны основания для возбуждения уголовного дела должны быть замещены духовными столпами, культурно-историческим наследием и системой традиционных духовно-нравственных ценностей российского народа. Без разрешения на концептуальном уровне проблемы юридической стороны основания для возбуждения уголовного дела она будет напоминать «игру в пятнашки». Именно «игрой в пятнашки» сегодня представляет собой процессуальной проблемы, имеющей место в правоприменительной практике, связанные с разрешением вопроса о необходимости неоднократного возбуждения уголовного дела по ранее возбужденному уголовному делу. В уголовно-процессуальной литературе данная проблема обозначена так: «…надо ли возбуждать новое уголовное дело в случае, когда в ходе расследования дела, возбужденного в отношении лица (лиц), которому(ым) предъявлено обвинение, установлен еще один или несколько соучастников преступления, или если в ходе расследования уголовного дела выявлены новые эпизоды преступной деятельности» [6, С. 20–22].

Наша жизнь нелинейна. Она многообразна. Однако, уголовно-процессуальная доктрина, воплощенная в российском уголовно-процессуальном законодательстве, линейна. Ее методологической основой является либерально-правовая доктрина, опирающаяся в своих истоках на гносеологию со свойственной ей формальной логикой. Главным для нее является соблюдение логической формы (в нашем случае, уголовно-процессуальной формы), с неизбежностью влекущая за собой формализацию уголовно-процессуальной деятельности. В такой ситуации смысловые и содержательные вопросы, связанные с возбуждением уголовного дела, уходят на второй план, а формальные начинают рассматриваться в качестве панацеи от всех «бед» стадии возбуждения уголовного дела.

На этой линейном основе, а именно на уровне уголовно-процессуального законодательства, страдающего излишним формализмом, и возникают противоречия в мышлении некоторых мыслителей от теории и практики возбуждения уголовного дела. В самой же жизни, связанной с уголовно-процессуальной действительностью на стадии возбуждения уголовного дела, таких противоречий нет. Наша жизнь является надежным способом разрешения (нейтрализации) любых противоречий. Ее не прерывают даже самые изощренные процессуальные решения, связанные с возбуждением уголовного дела.

Наша жизнь в своих основаниях исходит из вечности, функционирует ради вечности и уходит в вечность. В этом смысле она бесконечна. Для нее вопросы, связанные с возбуждением уголовного дела, являются порождением духа времени, обремененного суетой человеческой истории, не имеющей ничего общего с вечностью. Поэтому лучшим «лекарством» от противоречий, возникающих при осуществлении уголовно-процессуальной деятельности на стадии возбуждения уголовного дела, является наша жизнь, рассматриваемая с позиции вечности. Все остальное является суетой духа времени.

С позиции вечности проблемы суеты духа времени на стадии возбуждения уголовного дела должны разрешаться с учетом духовных столпов традиционных для нашего народа религий, культурно-исторического наследия и системы традиционных духовно-нравственных ценностей российского народа. Это предполагает, что проблемы, связанные с возбуждением уголовного дела, должны разрешаться с использованием духовного меча вечности – правды. Все то, что находится вне правды, должно признаваться ложным и отсекаться. Тоже, что соответствует правде, должно воплощаться в уголовно-процессуальной сфере для укрепления духовных столпов, культурно-исторического наследия и системы традиционных духовно-нравственных ценностей российского народа.

Для укрепления духа вечности не менее важное значение имеет нижеследующее обстоятельство. Как в целом отечественное уголовное судопроизводство, так и в части возбуждения уголовного дела должно осуществляться личностями. Если должностное лицо, осуществляющее уголовно-процессуальную деятельность на стадии возбуждения уголовного дела, является личностью, в его деятельности нет места лжи и суете духа времени. Свою деятельность он будет осуществлять с учетом действующей системы уголовно-процессуального законодательства, обрамленной духом вечности, воплощенной в личности именно этого должностного лица.

Личностью должностное лицо, осуществляющее уголовно-процессуальную деятельность, является тогда, когда оно восприняло духовные столпы, культурно-историческое наследие и систему традиционных духовно-нравственных ценностей российского народа. В рассматриваемой ситуации для должностного лица не будет иметь значения либеральные пороки российского законодателя. Он будет их мыслить в качестве дополнительных, но преодолимых барьеров на пути достижения (установления) правды по уголовному делу, включая и ту ее часть, которая имеет отношение к принятию процессуального решения о возбуждении уголовного дела в отношении «нового преступления» и «нового лица». Когда в стадии возбуждения уголовного дела мы имеем дело с коллективной личностью в лице компетентного государственного органа. Хотя, сугубо внешне, может сложиться впечатление – на стадии возбуждения уголовного дела представлено отдельное должностное лицо, например, прокурор. Однако это далеко не так. Прокурор [3, С. 95–100], наряду с индивидуальными личностными особенностями, является носителем свойств коллективной личности – системы органов прокуратуры Российской Федерации.

Тогда, когда уголовно-процессуальная деятельность в стадии возбуждения уголовного дела осуществляется должностными лицами – личностями, отечественное уголовное судопроизводство обусловлено вечностью и целеустремлено на установление правды. В диаметрально противоположной ситуации (при увлечении духом времени) мы имеем дело не с уголовно-процессуальной деятельностью, а с ее манипуляцией. Причем, чем изощреннее манипуляция уголовно-процессуальной деятельностью, тем она кажется правдоподобней по форме. Правдоподобность формы, но ложность содержания уголовно-процессуальной деятельности на стадии возбуждения уголовного дела является первейшим признаком разрушения (омертвления) сознания должностных лиц. В большей мере,

разрушение (омертвления) сознания должностных лиц, осуществляющих уголовно-процессуальную деятельность на стадии возбуждения уголовного дела, является не их пороком, а ложностью той системы организации уголовного судопроизводства, которая нашла свое проявление в либеральной системе российского уголовно-процессуального законодательства.

Сегодня либеральная система уголовно-процессуального законодательства со свойственной для нее идеологией являются главной причиной обезличивания отечественного уголовно-процессуального законодательства. Обезличивание отечественного уголовно-процессуального законодательства влечет за собой утрату им духовных столпов, культурно-исторического наследия и системы традиционных духовно-нравственных ценностей российского народа. В свою очередь их утрата с неизбежностью формирует «порочный круг» уголовно-процессуальной деятельности на стадии возбуждения уголовного дела, со свойственной для него социальной шизофренией, в которой корыстная и иная мотивация рассматривается в качестве доминирующей.

По инициативе президента нашего государства В. В. Путина внесены изменения в Конституции Российской Федерации. Их осмысление дает нам надежду – конституционные изменения, связанные с переориентированием российской правовой системы на Господа Бога, культурно-историческое наследие и систему традиционных духовно-нравственных ценностей российского народа, способно нейтрализовать агрессивные происки, либерально-правовой доктрины, воплощенной в сегодняшнем российском уголовно-процессуальном законодательстве.

Наши размышления, связанные с осмыслением проблем (вопросов), возникающих при принятии решения о возбуждении уголовного дела, дают нам высказать мысль нижеследующего содержания: «Тогда, когда мы опираемся на смыслы вечности, проблема возбуждения уголовного дела по «новому преступлению» и в отношении «нового лица» разрешается самой жизнью». К сожалению, наша эпоха либеральна. В основном она зациклена на либеральном духе времени. Либералами всех мастей он выдается за дух вечности. Подмена либеральным духом времени духа вечности влечет за собой утрату смысла нашей жизни, делают ее несчастной, лишают нас дружбы, сострадания, сочувствия, понимания друг друга и т. п., включая и ту ее часть, которая имеет отношении к принятию решения о возбуждении уголовного дела в отношении «нового лица» и «нового преступления».

Уголовно-процессуальная деятельность на стадии возбуждения уголовного дела является одним из целостных компонентов нашей жизни. Следствием ее либерализации является разрушением смысла, утрата взаимного понимания, внесения раздора и недоверия между должностными лицами, осуществляющими эту деятельность. В правоприменительной практике эти следствия способны повлечь за собой подрыв доверия в целом ко всему происходящему в сфере уголовной юстиции. В подтверждение сказанного приведем следующий довод.

На уровне целого сегодняшняя российская уголовно-процессуальная доктрина как таковая, в части поводов и оснований для возбуждения уголовного

дела, предусматривает возбуждения уголовного дела по факту совершения преступления. По крайне мере, именно в таком контексте изложено основание для возбуждения уголовного дела в ч. 2 ст. 140 УПК. В эпистолярном виде оно изложено так: «Основанием для возбуждения уголовного дела является наличие достаточных данных, указывающих на признаки преступления». Таким образом, в тексте ч. 2 ст. 140 УПК мы не видим, чтобы достаточные данные, указывали на признаки преступного лица. По этой причине, каждое уголовное дело, которое возбуждается в нашей стране возбуждается по факту преступления, а не в отношении лица, его совершившего.

Возбуждение уголовного дела в отношении лица, совершившего преступление, обусловлено помрачением правосознания (мировоззрения) либерального законодателя, незначительной части научных работников от либерализма и должностных лиц, причастных к уголовному судопроизводству. Такое помрачения общественного и индивидуального сознаний (мировоззрений) произошло под воздействием чуждой нашему народу либеральной пропаганды, целеустремленной на установление и поддержание контролируемого хаоса в российском уголовном процессе. Вначале законодатель реанимировал устаревшую идею семидесятых годов прошлого века о расширении круга лиц, которых, согласно уголовно-процессуальному закону, следовало бы считать подозреваемыми (в то время наиболее распространенной и известной была мысль (идея) о том, чтобы считать дополнительно таковым лицо, в отношении которого возбуждено уголовное дело), а затем под благовидным предлогом эту ложную мысль (идею) воплотил в УПК РСФСР.

В УПК РСФСР мысль (идея) о том, чтобы считать дополнительно подозреваемым лицо, в отношении которого возбуждено уголовное дело, была законодательно закреплена только в 2001 г. Федеральным законом от 20 марта 2001 г. № 26-ФЗ. В последующем эти изменения были восприняты и УПК РФ. Напомним, согласно п. 1 ч. 1 ст. 46 УПК РФ подозреваемым признается лицо, в отношении которого возбуждено уголовное дело по основания и в порядке, которые установлены главой 20 УПК РФ. Обратим внимание: признание лица подозреваемым в совершении преступления не связано с изменением оснований и порядка возбуждения уголовного дела. Он, как и прежде остается в правовом поле главы 20 УПК, а это означает – возбуждение уголовного дела осуществляется пределах тех оснований, которые установлены ч. 2 ст. 140 УПК. Поэтому порядок возбуждения уголовного дела остается прежний, а именно по так называемому «факту совершения преступления».

Возбуждение же уголовного дела в отношении лица производно от юридической стороны ее оснований. Сама же юридическая сторона оснований для возбуждения уголовного дела производна (вторична) от фактической ее стороны. Применительно к предмету нашего анализа, изложенное означает: фактическая сторона основания для возбуждения уголовного дела в виде наличия достаточных данных (доказательств), указывающих на признаки преступления, является основным (системообразующим) основанием для возбуждения уголовного дела. Возбуждение же уголовного дела в отношении лица не имеет самостоятельного

значения, поскольку взаимосвязано и взаимообусловлено с фактической стороной его оснований. Поэтому «возбуждение уголовного дела по факту преступления» является единственно верным процессуальным решением. Во всех ситуациях оно будет законным, обоснованным и мотивированным.

На данное обстоятельство правильно указывает известный в нашей стране представитель теории и практики уголовного процесса Б.Я. Гаврилов, когда пишет: «…Верховный Суд Российской Федерации как в период действия УПК РСФСР, так и УПК РФ последовательно в своих решениях утверждал, что нормы уголовно-процессуального законодательства не предусматривают обязанность органов предварительного расследования и органов дознания выносить постановление о возбуждении уголовного дела в каждом случае, когда по уголовному делу будет установлено, что к совершенному преступлению причастно и другое лицо, или в процессе предварительного расследования выявлено совершение других преступлений лицом, в отношении которого возбуждено уголовное дело. В числе таких судебных решений необходимо выделить определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 25 ноября 1998 г., которым отменено постановление Президиума Краснодарского краевого суда о возвращении дела на дополнительное расследование и, соответственно, оставлен без изменения приговор Ленинского районного суда г. Краснодара, которым Б. осужден по ч. 1 ст. 228, п. «в» ч. 3 ст. 228 УК РФ. Суд надзорной инстанции усмотрел существенное нарушение закона в том, что уголовное дело, по которому Б. был осужден, возбуждено только в отношении У., задержанного с марихуаной, из чего краевым судом сделан вывод, что производство по делу в отношении Б. проводилось без его возбуждения. Однако, по оценке Верховного Суда Российской Федерации, ни ст. 129, ни ст. 112 УПК РСФСР не предусматривают обязанности органов предварительного следствия выносить каждый раз новое постановление о возбуждении уголовного дела, когда по делу установлено, что к совершенному преступлению причастно другое лицо» [5, С. 34].

С позиции уголовно-процессуальной доктрины в целом ситуация не изменилось и сегодня. По-прежнему, возбуждение уголовного дела «по факту совершения преступления» является системообразующим основанием для возбуждения уголовного дела. Законодателем она была поддержана в ч. 1 ст. 448 УПК РФ, согласно которой решение о возбуждении уголовного дела в отношении лица, указанного в ч. 1 ст. 447 УПК РФ, либо о привлечении его в качестве обвиняемого, если уголовное дело было возбуждено в отношении других лиц или по факту совершения деяния, содержащего признаки преступления, принимается уполномоченным на то лицом и в порядке, дополнительно установленном статьей 448 УПК РФ.

Применительно к предмету нашего анализа, ключевой мыслью в положениях части 1 статьи 448 УПК РФ является то, что возбуждение уголовного дела в отношении лица уже предусматривает его возбуждение по факту преступления. Хотя последнее, иногда не указывается в соответствующих постановлениях о возбуждении уголовного дела. Поэтому складывается ложная установка о том,

что возбуждение уголовного дела в отношении лица имеет самостоятельное значение. Мы еще раз подчеркиваем: прежде чем возбудить уголовное дело в отношении лица, в качестве первого пункта в постановлении о возбуждении уголовного дела необходимо указывать на возбуждение уголовного дела по факту совершения преступления. Особенно такое указание имеет важное значение по тем преступлениям, в которых свойства (признаки) субъекта преступления тесно взаимосвязаны с самим преступлением. Такая взаимосвязь весьма отчетливо прослеживается по коррупционным преступлениям [4, С. 102], по налоговым преступлениям и другим преступлениям [1, С. 20]. По этим преступлениям их свойства (прежде всего, признаки состава преступления) тесно взаимосвязаны с свойствами лица, его совершившего.

Принципиально позиция не меняется даже тогда, когда формально возможно усмотреть исключения из общего правила. Например, такое исключение возможно усмотреть при поверхностном прочтении положений, имеющих отношение к возбуждению уголовного дела при его выделении, либо выделении материалов уголовного дела. В частности, уголовно-процессуальный закон указывает: 1) если уголовное дело выделено в отдельное производство для производства предварительного расследования нового преступления или в отношении нового лица, то в постановлении должно содержаться решение о возбуждении уголовного дела в порядке, предусмотренном статьей 146 УПК РФ (ч. 3 ст. 154 УПК РФ; 2) в случае, если в ходе предварительного расследования становится известно о совершении иными лицами преступления, не связанного с расследуемым преступлением, следователь, дознаватель выносит постановление о выделении материалов, содержащих сведения о новом преступлении, из уголовного дела и направлении их для принятия решения в соответствии со статьями 144 и 145 УПК (часть 1 статьи 155). Здесь надо помнить: в изложенных ситуациях уголовное дело возбуждается как по факту совершения преступления, так и в отношении лица. Только при выделении уголовного дела в отдельное производство для производства предварительного расследования нового преступления или в отношении нового лица, процессуальное решение о возбуждении уголовного дела содержится в постановлении о выделении уголовного дела в отдельное производство.

Данное правило не всегда соблюдается в правоприменительной практике. Дополнительную смуту в правоприменительную практику вносят иногда решения, которые, условно говоря, навеяны достаточно сомнительным пониманием принятия процессуального решения о возбуждении уголовного дела в отношении «нового преступления» или в отношении «нового лица». Так, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации своим кассационным определением (дело № 2 89-УДП2О-1О) от 17 декабря 2020 г., отменила приговор и последующие решения судов Тюменской области в отношении Болкоева Башира Мухтаровича в части его осуждения по ч. 1 ст. 30, п. ч. 3 ст. 228 [1] УК РФ, и возвратило уголовное дело в этой части прокурору на основании п. ч. 1 ст. 237 УК РФ, сославшись то, что следователем предъявлено обвинение осужденному Болкоеву Б. М. по ч. 1 ст. 30, п. «г» ч. 3 ст. 228[1] УК РФ в отношении

новых событий, установленных в ходе расследования ранее возбужденного уголовного дела, по которым уголовное дело не возбуждалось. Однако, из анализа текста определением (дело № 2 89-УДП2О-1О) от 17 декабря 2020 г. Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации следует, что уголовное дело возбуждено сразу после того, как было установлены новое событие и новое лицо. Поэтому с позиции уголовно-процессуального закона является безупречным как решение о возбуждении уголовного дела, так и об его выделении в отдельное производство.

Список литературы

1. Агутин А. В. К вопросу о роли уголовно-процессуальных норм в организации следственной работы по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности // Актуальные вопросы российского права: сборник научных статей. Вып. 19. /Отв. Ред. А. Ю. Винокурова. М. : Изд-во Моск. Гуманит. Ун-та, 2010. С. 20–23.

2. Агутин А. В. Либерально-правовая стратегия и бытие российского уголовного судопроизводства // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 3. С. 41–44.

3. Агутин А. В. Противодействие религиозному экстремизму и проявлениями религиозного экстремизма в молодежной среде с использованием полномочий прокурора как компонент обеспечения национальной безопасности: проблемы нелинейного управления социальными процессами // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2020. № 5. С. 95–100.

4. Агутин А. В., Трошкин Е. З., Ануфриев С. Б. Организация досудебного производства по уголовным делам о преступлениях коррупционной направленности: монография. М., 2010. С. 144.

5. Гаврилов Б. Я. Стадия возбуждения уголовного дела: мнение практиков и ученых // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 4. С. 33–40.

6. Кожокарь В. В. Возбуждение уголовного дела: правовая позиция Конституционного Суда и Верховного Суда РФ // Труды Академии управления МВД России. 2015. № 1 (33). С. 20–22.

Абызова Е. Р.[1]*,*
доцент кафедры уголовного права
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОЙ КВАЛИФИКАЦИИ НЕПРАВОМЕРНОГО ЗАВЛАДЕНИЯ АВТОМОБИЛЕМ ИЛИ ИНЫМ ТРАНСПОРТНЫМ СРЕДСТВОМ БЕЗ ЦЕЛИ ХИЩЕНИЯ

Уголовно-правовая норма, устанавливающая уголовную ответственность за неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения, обладает определенной спецификой. Исторически появление данной нормы в уголовном законе обусловлено необходимостью охраны отнюдь не отношений собственности. Идея законодателя состояла в том, чтобы защитить интересы общественной безопасности, поскольку на момент включения этой нормы в действовавший до принятия Уголовного кодекса Российской Федерации (далее по тексту – УК РФ) уголовный закон, ориентиром для законодателя служила существенная угроза общественной безопасности, которая имеет место при угоне автотранспорта. В ситуации, когда управление автомобилем переходит в руки лица, не имеющего в отношении этого имущества никаких прав (как действительных, так и предполагаемых), его действия могут стать вредоносными для неопределенного круга лиц, чем, собственно, и может создаваться угроза общественной безопасности. Рассматриваемое преступление, однако, в современной системе уголовно-правовых норм отнесено к преступным деяниям против собственности.

Согласно статистическим данным Судебного Департамента при Верховном Суде Российской Федерации о состоянии судимости в России, в 2020 г. по ст. 166 УК РФ было осуждено 8 622 лиц. Для сравнения, в 2019 г. этот показатель составил 9 031 осужденных, в 2018 г. – 10 216 осужденных, в 2017 г. – 11 473 осужденных, в 2016 г. – 13 196 осужденных. При этом 5,3 % от всех осужденных лиц по данной статье, составляют несовершеннолетние.

На сегодняшний день существуют некоторые спорные ситуации в законодательстве, которые связаны с несоответствием санкций за кражу, разбой и неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения, постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 09.12.2008 № 25 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также их неправомерным завладением без цели хищения», разъясняющее возникающие в судебной практике вопросы применения ст. 166 УК РФ.

Также демонстрирует сложности практика применения ст. 166 УК РФ квалификации деяний по рассматриваемой статье уголовного закона. В частности, наибольшее количество вопросов возникает при определении момента оконча-

[1] © Абызова Е. Р. 2022.

ния неправомерного завладения автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения, а также отграничении данного преступного деяния от смежных ему составов преступлений.

Итак, угон автомобиля или иного транспортного средства, а также его хищение имеют достаточно схожих правовых признаков, однако различаются они друг от друга лишь по умыслу виновного лица.

Кроме того, нередки случаи, когда не успевшее реализовать похищенное имущество (в данном случае транспортное средство) лицо, признается виновным в совершении преступления по ст. 166 УК РФ, т. е. в угоне автотранспортного средства. В то же время лица, которые успели распорядиться похищенным транспортным средством (к примеру, продать его по частям или целиком), признаются виновными в совершении кражи по ст. 158 УК РФ, санкция которой является более суровой. И все это несмотря на то, что объективная сторона преступления в обеих описанных ситуациях практически схожа. Ключевое отличие названных преступлений состоит в направленности умысла виновного – на кражу (цель – хищение) или на угон (без цели хищения). Однако помимо вышеуказанных объективных обстоятельств не имеется ни одного иного доказательства, которое подтверждало бы наличие или отсутствие цели хищения транспортного средства. Тем самым, лицу, которое совершает более тяжкое преступление, удается избежать за это преступление наказание, предусмотренного соответствующей статьей УК РФ.

Следует отметить, что Верховный Суд Российской Федерации неоднократно акцентировал внимание на различиях угона и кражи автомобиля. В недавнем своем постановлении, высшая судебная инстанция снова обратилась к вопросу о разграничении кражи и угона автомобиля.

Как следует из материалов дела, заявитель кассационной жалобы (осужденный по ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 166 УК РФ к 3 годам лишения свободы гражданин Полев А. Н.) осуществил вскрытие сначала одной машины, а затем второго автомобиля. Очевидец преступления заподозрил попытку угона автомобилей и обратился в полицию. До приезда полиции на место происшествия, в одном из автомобилей сработала сигнализация, что напугало Полева А. Н. и он покинул салон автомобиля. Второй автомобиль виновному завести не удалось (в машине была установлена противоугонная система), к этому моменту на место происшествия уже прибыла полиция. Увидев сотрудников полиции, Полев А. Н. вместе с сообщником попытались скрыться с места преступления, выкинув на ходу инструменты (отвертки) и пневматический пистолет. Сообщник Полева А. Н. выкрикнул ему фразу: «Лучше бы поехали на такси».

По прибытии на место преступления собственников автомобилей, они обнаружили вскрытые двери своих машин и оборванные провода зажигания, что навело их на мысль, что автомобили пытались угнать.

Таким образом, судами нижестоящих инстанций действия виновных были квалифицированы как попытка угона. Однако Полев А. Н. с такой позицией судов не согласился, утверждая, что его единственным намерением было согреться

в салонах автомобилей, поскольку на улице была холодная погода. Также осужденный утверждал, что все собранные по делу обвинительные доказательства были сфабрикованы, а свидетель дал ложные показания.

Высшая судебная инстанция пришла к выводу о доказанности вины Полева А. Н. в совершении инкриминированного ему преступления, правильно квалифицировав его действия по ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 166 УК РФ.

Следует отграничивать угон автомобиля и от грабежа – открытого хищения чужого имущества. Так, например, по способу совершения преступления, открытость хищения расценивается как хищение, которое, по мнению виновного лица, является противоправным, уголовно наказуемым в глазах окружающих ему лиц. Как и в случае с кражей, грабеж имеет также корыстную цель.

Кроме того, приговором суда Н. и Б. признаны виновными в неправомерном завладении автомобилем без цели хищения с причинением особо крупного ущерба. Однако следуя разъяснениям Пленума Верховного Суда Российской Федерации, при квалификации деяния по ч. 4 ст. 166 УК РФ, следует опираться на фактически понесенные владельцем угнанного автомобиля расходы, которые он произвел в связи с восстановительным ремонтом найденного автомобиля в том случае, если это имущество было повреждено во время угона. В случае, когда угнанный автомобиль получил технические повреждения, которые не позволяют его эксплуатировать в силу существенных повреждений, а также в силу невозможности проведения восстановительного ремонта (не подлежит восстановлению), размер причиненного ущерба определяется фактической стоимостью автомобиля на момент совершения преступления.

Если исходить из буквального толкования положений ч. 4 ст. 166 УК РФ, угон, при котором применяется опасное для жизни или здоровья насилие (либо угроза его применения), будет читаться оконченным преступным деянием с момента, когда виновный завладел автомобилем, а не сразу после нападения с применением такого насилия или обозначения угрозы. Иными словами, момент окончания этого преступления связан с моментом начала движения автомобиля, которым виновный завладел насильственным способом. Тем самым, нападение, сопряженное с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия, не достигшее цели завладения автомобилем или иным транспортным средством может быть квалифицировано либо как оконченный разбой (если виновный преследовал цель хищения), либо покушение на угон (если цель хищения виновным не преследовалась).

Важным является и то, что на практике так называемые угонщики транспортных средств часто действуют в составе организованной группы с распределением обязанностей внутри своей преступной группы (вскрытие автомобиля, приведение его в движение, перегон автомобиля, подделка документов, разборка на запчасти, непосредственно реализация). Однако, если сотрудники полиции задержат «перегонщика» похищенного автотранспортного средства и ей не удастся установить действия подозреваемого в составе преступной группы, целью которой является реализация похищенного имущества, предъявить задержанному лицу возможно только обвинение в угоне транспортного средства.

Как нам представляется, предложенные в специальной литературе корректировки действующей нормы УК РФ об угоне транспортного средства без цели хищения в части дополнения состава преступления способами проникновения и хищения транспортного средства, а также передачей автомобиля в пользование третьим лицам, изменением его внешнего вида, государственных регистрационных номеров, излишни – это существенно усложнит работу правоохранительных органов.

Также предлагалось исключить ст. 166 из действующего УК РФ и, как следствие, привлекать к уголовной ответственности лиц за угон автомобилей по ст. 158 УК РФ. Как представляется некоторым ученым, по своей правовой природе угон представляет собой кражу, что позволяет говорить о возможности обхода закона преступниками, похищающими дорогие автомобили. Санкция за угон в данном случае ниже, чем за кражу в значительном или крупном размере. Кроме того, в УК РФ нет ни одного изъятия подобного рода для составов преступных деяний, которые предполагают тайное хищение чужого имущества. Исключение сделано лишь для транспортных средств. В среде практических сотрудников, высказывается точка зрения, что использование специальных инструментов для вскрытия дверей автомобиля, обхода систем защиты автомобиля от угона прямо свидетельствует о попытке хищения.

Указанные обстоятельства в их совокупности обусловливают необходимость углубленного теоретического анализа признаков неправомерного завладения автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения, а также выявления проблем квалификации данного состава преступления и практики его применения.

Список литературы

1. Постановление Верховного Суда РФ от 3 декабря 2020 г. по делу № 49-УД19-22. Документ опубликован не был. СПС «Консультант Плюс».

Алимамедов Э. Н.[1]**,**
доцент кафедры предварительного расследования
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАССЛЕДОВАНИЯ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ И ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, СОВЕРШЕННЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ КРИПТОВАЛЮТЫ

В настоящее время, общественная опасность незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ не вызывает сомнения. Вредоносность данного вида преступления, давно подтверждаются наступлением таких общественно опасных последствий, как совершение лицами, страдающими сильной наркотической зависимостью, более тяжких преступлений, чем незаконное хранение наркотических средств без цели сбыта, т. е. для личного употребления. Наркоманы готовы совершить преступления в отношение не только близких людей, но и беззащитных людей, в целях получения материальных средств необходимых для приобретения наркотиков. Наличие наркозависимых людей в определенных местах вызывает социальную напряженность среди постоянно проживающих там граждан. Наркотики вызывают привыкание, от того и определены как панацея, беда XXI века. Наркотики продолжают ломать жизни многим людям, самым минимальным результатом их воздействия является снижение трудоспособности, а самым максимальным – смерть. Тяжкий вред наносится психике и потомству человека, употребляющего наркотики, от чего наркоманы и идут на совершение преступлений ради употребления наркотиков.

Появление новых и современных способов незаконного распространения наркотических средств и психотропных веществ, затрудняет выявление и раскрытие преступных действий. Одним из новых способов незаконного приобретения наркотиков стало использование криптовалюты и интернета. В интернете идет активное распространение наркотиков, путем их рекламы через социальные сети и другие интернет-ресурсы. При это сам распространитель может находиться в нескольких тысячах километров от места распространения, наняв себе «закладчиков» – работников дистанционно, и незаконно распространять наркотики. При этом оплата также принимается дистанционно, в том числе с помощью криптовалюты, перечисление которой, на счет «драгдилера», своевременно отследить не представляется возможным. Установление же организаторов данной незаконной деятельности, в настоящее время стало из области фантастики.

У правоохранительных органов отсутствуют реальные инструменты для отслеживания действий преступников, отсутствуют четкие механизмы и методические рекомендации по работе с дистанционными способами незаконной торговли наркотиками, а также отсутствует необходимое оборудование для такой деятельности. Отсутствие должного методического обеспечения в сфере рассле-

[1] © Алимамедов Э. Н., 2022.

дования преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств, совершаемых как лично, так и организованной группой. Немедицинское потребление наркотических средств достигли таких громадных размеров, что представляют собой огромную опасность для всего общества и государства.

Анализ статистических данных о преступлениях в сфере незаконного оборота наркотических средств в России свидетельствует о том, что их количество остается примерно на одном и том же уровне, при этом, цифры выглядят удручающе. Так, в 2016 г. совершено 236 939 преступлений данного вида, из которых 175 778 – тяжкие и особо тяжкие, в 2017 г. – 201 165 преступлений, из которых 144 104 – тяжкие и особо тяжкие; в 2018 – 208 681 преступлений, из которых 150 243 тяжкие и особо тяжкие; в 2019 г. – 200 306, из которых 148 445 – тяжкие и особо тяжкие, в 2020 г. – 190 197 преступлений, из которых 143 227 тяжкие и особо тяжкие, в истекшем 2021 г. – 189 905, из которых 141 940 – тяжкие и особо тяжкие. Перечисленные цифры подтверждают серьезность ситуации, сложившейся за последнее время в Российской Федерации в сфере незаконного потребления наркотиков.

Приведенные нами выше статистические данные свидетельствуют о том, что незаконный оборот наркотических средств приобретает огромные масштабы. При этом, с нашей точки зрения, данные цифры не отражают реальной картины, поскольку преступления рассматриваемого вида обладают определенной степенью латентности, далеко не всегда о них становится известно сотрудникам правоохранительных органов, так как в разглашении сведений о них не заинтересованы ни сбытчик, ни приобретатель, напротив, указанными лицами принимаются все меры по сокрытию преступлений данного вида. Особую озабоченность вызывает совершение преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств организованными преступными группами, которые разрабатывают все новые и новые способы совершения преступлений, что требует от российского законодателя, от всего мирового сообщества, поиска новых мер противодействия данным преступным деяниям, в том числе и уголовно – правового характера.

В современном мире можно наблюдать тенденцию увеличения числа населения, которое страдает от наркотических средств, да и в целом распространение наркотических средств на территории государства, а также за ее пределами. Употребление и распространение наркотических и психотропных средств и их аналогов, не только составляет огромную опасность для жизни и здоровья каждого человека, но и является опасностью для социального, экономического состояния государства и ее национальной безопасности. Впервые человечество «познакомилось» с наркотическими веществами еще 40 тысяч лет назад до нашей эры, когда люди добывали наркотики из пыльцы растений. Некоторые племена знали свойства таких растений и специально использовали растения в своих целях, например, проведение обрядов, охота. Употребляя наркотические средства, они испытывали новые эмоции, чувства, разум вел себя совершенно по-другому, и благодаря этому старались избавить от каких-либо проблем, скажем так выйти за грани реального и почувствовать себя независимыми и расслабленными. Правительница Хенет Тауи, жившая 3 тысячи лет назад является еще одним древним

доказательством употребления наркотических средств. После ее смерти были проведены токсикологические исследования волос и некоторых участков тканей, в результате чего обнаружились следы никотина и кокаина. Естественно, после такого, результаты еще несколько раз проверялись исследованиями, но первоначальные находки подтверждаюсь безоговорочно. Из этих двух примеров можно сделать вывод, что наркотические средства и их свойства были известны человеку уже давно, но последствия применения наркотиков, их опасность, в данный момент составляет огромнейшую тайну для всего человечества.

Люди, употребляющие наркотические средства, постепенно сталкиваются с побочными эффектами от таких веществ. Некоторые после первого употребления отказываются от них и становятся противниками наркотиков, но вот большая часть населения, понимает, что в таком состоянии они всемогущие и бессмертные и продолжают пропагандировать употребление наркотических средств.

Использование современных информационных технологий, позволяет преступникам свести на нет старые методы выявления и борьбы с незаконным оборотом наркотиков. В настоящее время изменился способ передачи (сбыта) наркотических средств от «из рук в руки» до «найди закладку по координатам». Это в значительной степени осложнило задачу по установлению мест, где распространяются наркотики, потому что «закладки» могут быть установлены где угодно, в том числе и в движущихся объектах, например для этого использовали автомобили каршеринга. Оплата за незаконное приобретение наркотиков также изменило свой характер от «из рук в руки» до «перевод криптовалюты на виртуальные места хранения этой самой криптовалюты». При этом, момент оплаты и приобретения наркотиков может иметь существенный временной разрыв, что так же затрудняет доказывание факта использования криптовалюты для незаконного приобретения наркотиков.

Для эффективной борьбы с незаконном оборотом наркотических средств и психотропных веществ необходимо: 1) Разработать методические рекомендации по работе правоохранительных органов по борьбе незаконном оборотом наркотических средств и психотропных веществ, осуществляемых с использованием криптовалют; 2) Обеспечить правоохранительным органам доступ к необходимой информации, которая позволит беспрепятственно отследить отправителя и получателя платежей осуществляемых с использование криптовалют; 3) Необходимо выделить особое подразделение сотрудников правоохранительных органов, которые буду заниматься борьбой именно с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, совершенных с использованием криптовалюты.

Список литературы

1. Предварительное следствие: учебник. / Под ред. М. В. Мешкова. М. : Юнити-Дана. 2021. С. 245.

2. Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru (дата обращения: 03.07.2022).

Алонцева Е. Ю.[1]**,**
доцент кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

ЗНАЧЕНИЕ ПРИНЦИПА ЯЗЫКА УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Права и свободы человека и гражданина являются высшей ценностью государства. В настоящее время это конституционное положение актуально как никогда. Степень признания прав определяется уровнем развития государства и теми приоритетами, которые устанавливает государство в рамках уголовного судопроизводства, где права и свободы ограничиваются наиболее существенно. Правовые предписания Конституции Российской Федерации определяют содержание и значение принципов уголовного судопроизводства. Принципы уголовного судопроизводства в своей системе обеспечивают реализацию и соблюдение тех прав, которые установлены государством. Анализ следственной и судебной практики свидетельствуют о том, что определенная часть преступлений на территории Российской Федерации совершается иностранными гражданами либо лицами без гражданства. Указанная категория лиц как правило недостаточно владеет русским языком, что обязывает следователя дознавателя и суд обеспечить участие переводчика по уголовному делу. В этой связи из всей системы принципов уголовного судопроизводства важнейшее внимание принадлежит принципу языка уголовного судопроизводства, его содержанию и проблемам реализации. Действие данного принципа связано с обеспечением прав таких участников уголовного судопроизводства, как подозреваемый, обвиняемый, подсудимый и защитник, а также потерпевшего и свидетеля по уголовному делу. Актуальные вопросы участия переводчика в уголовном процессе определяют процессуальную форму документов судопроизводства, возможность осуществления защиты всеми незапрещенными законом способами и множество других аспектов, которые невозможно рассмотреть в рамках одной статьи. Однако некоторые из них, касающиеся понимания и содержания принципа языка судопроизводства необходимо рассмотреть и подвергнуть анализу.

Для четкого и полного понимая значения слова «принцип» в целях дальнейшего оперирования данным термином, рассмотрим лексические толкования понятия «принцип» как в философском смысле, так и обращаясь к конкретно уголовно-процессуальному положению о принципах, закрепленных во второй главе УПК РФ.

В философском понимании данной категории принцип есть теоретическое обобщение типичного, что утверждает и проявляет закономерность, положенную в основу познания вообще или в основу какой-либо отрасли знания. Если анализировать это же понятие применительно к практической деятельности, принцип означает «одно из основных, общих требований, которому должна отвечать данная деятельность».

[1]© Алонцева Е. Ю. 2022.

Следует отметить, что принципом уголовного судопроизводства может быть признано не каждое положение, в той или иной степени характеризующее организацию и деятельность профессиональных участников уголовного судопроизводства. Для того чтобы выступать в роли принципа, соответствующее положение должно устанавливать и характеризовать в организации и деятельности этих органов главные, определяющие моменты, из которых в свою очередь следуют положения более частного характера [2, с. 145].

В общепринятой классификация принципов права по уровню их законодательного закрепления, выделяют их три основные группы: конституционные, отраслевые и частные. Поясним, что конституционные принципы представляют собой положения, закрепленные Конституцией Российской Федерации. Отраслевыми же являются принципы, характерные для конкретной отрасли права, как-то уголовное право, уголовно-процессуальное право, административное право и так далее. Наконец, частными признаются лишь характерные для конкретных правоотношений, относящимся к отдельным элементам системы права. Обращаясь к главному закону России, Конституции Российской Федерации, отметим, что в ней закреплено право каждого на пользование родным языком [1]. Данное положение обладает наивысшей силой, поскольку является, в своем роде, конституционным принципом. Оно же, в последующем, реализовано в упомянутой нами ранее статье 18 УПК РФ, которая посвящена принципу уголовного судопроизводства. В связи с вышеуказанным, следует, обособить такую особенность принципа языка как всеобщность. Данный принцип реализуется на всех стадиях и во всех институтах уголовного судопроизводства, применяется ко всем субъектам, осуществляющим исполнение или применение норм уголовно-процессуального законодательства.

Одним из первостепенных вопросов, решаемых при возбуждении уголовного дела, а иногда и на стадии проверки сообщения о преступлении, является проблема о языке судопроизводства. Реализуемый при этом принцип языка выступает гарантом отправления правосудия в состязательном процессе. Язык, на котором осуществляется расследование уголовного дела и его рассмотрение в судебных стадиях уголовного процесса, определяют ст. 10 Закона о судебной системе и ст. 18 УПК РФ, сущность которых состоит в необходимости ведения уголовного судопроизводства на русском языке и государственных языках республик, которые входят в состав Российской Федерации.

В ходе осуществления государственной деятельности, в структуру которой входит и уголовно-процессуальная, определяющую роль играет установление порядка и средств языкового общения. Кроме того, процесс реализации данного принципа касается и, так называемых, механизмов защиты прав и законных интересов лиц, не владеющих либо недостаточно владеющих языком производства по конкретному уголовному делу. Стоит отметить, что данные лица находятся, если являются потерпевшими или подозреваемыми, в первую очередь, в некомфортном, состоянии, поскольку не могут в полной степени реализовывать свои права, требовать отстаивания своих законных интересов, либо, в случаях, когда данные лица являются очевидцами и свидетелями произошедшего, полностью описать наблюдаемую ими ситуацию.

Таким лицам сотрудниками, осуществляющими предварительное расследование, разъясняются и обеспечиваются их права по даче объяснений и показаний, заявлению ходатайств, принесению жалоб, производству заявлений, ознакомлению с материалами уголовного дела, выступлению в суде на родном или другом языке, которым они владеют, а также бесплатно пользоваться помощью переводчика. В случаях, если действительно возникают трудности при общении, выражении своих мыслей у таких лиц, сотрудники органов внутренних дел обязаны разъяснять таким гражданам, что услуги переводчика, действительно, бесплатны, и эта помощь переводчика будет только благоприятствовать всем участникам расследования по данному уголовному делу.

Тот факт, что вопрос о языке судопроизводства закреплен в качестве принципа уголовного процесса, свидетельствует о наивысшей значимости данного вопроса при осуществлении предварительного расследования по уголовному делу, а также отправлении правосудия.

Статья 18 УПК РФ устанавливает обязательное для исполнения предписание о том, что, если лицо не владеет или недостаточно владеет языком уголовного судопроизводства, ему должен быть предоставлен переводчик. В соответствии с ч. 3 ст. 18 УПК РФ следственные и судебные документы, подлежащие обязательному вручению подозреваемому, обвиняемому, а также другим участникам уголовного судопроизводства, должны быть переведены на родной язык соответствующего участника уголовного судопроизводства или на язык, которым он владеет.

В случае если право обвиняемого (подсудимого), не владеющего языком судопроизводства, на пользование услугами переводчика не будет реализовано, приговор по данному делу, в последующем, будет отменен, поскольку данное нарушение является существенным. Не менее четко Пленум Верховного Суда Российской Федерации в постановлении от 31.10.1995 № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» определил свою позицию по поводу неблагоприятных процессуальных последствий в случае нарушения при отправлении правосудия права лица на пользование родным языком [3].

Сразу же отметим, что наличие в риторике обвиняемого (подсудимого) акцента, отсутствие знаний и понимания конкретных научных, технических, юридических или иных понятий и терминов при общем понимании и внятном изложении мыслей не является обстоятельством, позволяющим сделать вывод о незнании или о низком уровне владения русским языком. Далее, таковой момент (если переводчик не примет участия в уголовном процессе) не будет рассмотрен в качестве существенного нарушения, да и нарушения в целом, и, как результат, приговор суда не сможет быть обжалован по данному факту.

Кроме того, реализация принципа языка судопроизводства заключается не только касательно тех лиц, которые не владеют языком судопроизводства. Более того, если конкретное лицо желает воспользоваться своим родным языком, обладая при этом достаточными знаниями языка судопроизводства, оно не может быть лишено данного права, поскольку, по смыслу ранее упоминаемой нами ст. 26 Конституции Российской Федерации, ограничения на право использования

родного языка будут являться незаконными. Таким образом, реализуя данное положение Конституции Российской Федерации, являющееся положением нормы прямого действия, по первому ходатайству о необходимости переводчика, таковой должен быть предоставлен.

Важно заметить, что участие переводчика необходимо для коммуникативного общения по уголовному делу и не связано никаким образом с доказыванием каких-либо обстоятельств по уголовному делу. Действительно отсутствие переводчика может повлечь признание доказательств недопустимыми в соответствии со ст. 75 УПК РФ ввиду нарушения процессуальной формы процессуальных и следственных действий. Однако действие данного принципа наиболее связано с защитой прав и свобод лиц, вовлекаемых в судопроизводство, с действиями в системе с другими принципами правосудия и судопроизводства – равенство всех перед законом и судом и состязательность сторон в уголовном судопроизводстве.

Резюмируя изложенное, хотелось бы еще раз обратить внимание на значение данного принципа. Не предоставление переводчика любым участникам уголовного судопроизводства, например, обвиняемому, подсудимому, защитнику и так далее, признается ограничением прав таких лиц на использование родного языка, препятствуя реализации принципа языка в уголовном судопроизводстве. В последующем, данное нарушение будет признано грубейшим, нарушающим требования как конституционных, так и уголовно-процессуальных норм, что, в конечном счете, повлечет отмену приговора со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Список литературы

1.Конституция Российской Федерации от 25.12.1993 (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // Российская газета. Федеральный выпуск № 144(8198) от 04 июля 2020 г.

2. Бунова И. И. Участие переводчика в уголовном судопроизводстве: диссертация кандидата юридических наук: 12.00.09. М., 2013. 195 с.

3.Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 31 октября 1995 г. № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» (с изменениями и дополнениями) // НПП «Гарант-серис». URL: http://base.garant.ru/10103328/.

Анисимова Н. В.[1],
старший преподаватель кафедры предварительного расследования
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук
Маркова Д. В.[2],
курсант института подготовки сотрудников
для органов предварительного расследования
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ УЧАСТИЯ ЗАКОННОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО НА СТАДИИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

Преступность несовершеннолетних и преступность в отношении несовершеннолетних – масштабная проблема современного мира, которая требует к себе пристального внимания, как самого общества, так и государства. С каждым днем наблюдается рост численности противоправных деяний, связанных с молодежью.

Повышенной гарантией для защиты интересов несовершеннолетних лиц, при производстве по уголовным делам в отношении последних, является участие законного представителя.

Основная цель законного представителя заключается в следующем:

– оказать психологическую и моральную поддержку подростку;

– не допустить необоснованное и незаконное ограничение прав и свобод несовершеннолетнего;

– осуществлять защиту от обвинения.

Ст. 5 УПК РФ дает полный перечень лиц, входящих в круг, которые могут быть законными представителями, ими являются родители несовершеннолетнего или усыновители, его попечители или опекуны, а также представители организаций и учреждений, на попечении которых он находится и органы опеки и попечительства [1].

Главенствующую роль по защите и отстаивание интересов несовершеннолетних приоритетную роль занимают родители. Участие законных представителей не должно быть их желанием или волей. Вопрос с участием законных представителей несовершеннолетних является на наш взгляд проблематичным и в ходе предварительного расследования правоохранительные органы в своей деятельности сталкиваются с определенными трудностями.

В качестве первого момента можно выделить такую ситуацию, когда в семье только один родитель, который не желает или по каким-то причинам не может быть законным представителем. В таких случаях правоохранительные органы вопреки УПК привлекают другие лица, например, бабушек и дедушек, дядю и тетю.

---

[1] © Анисимова Н. В., 2022.
[2] © Маркова Д. В., 2022.

Анализ судебной практики за 2020 г. демонстрирует то, что роль законного представителя иногда исполняют тети, дяди, бабушки и дедушки, братья и сестры, или на одном следственном действии присутствует один законный представитель, а на другом иное лицо. Оба случая являются неправомерными с точки зрения законодательства, соответственно, все следственные действия будут получены с нарушением и будут являться недопустимыми.

Так, Макаренко И. А. предлагает правильно сгруппировать понятие «законного представителя», где в категорию близких родственников будут входить родители, усыновители, родные брат и сестра, дедушка и бабушка; также друзья, иначе говоря, близкие к семье лица; опекуны или попечители; соответствующие организации [2].

Эта проблема актуальна также при вызове на допрос, так как не всегда родители могу оказаться эффективными, поскольку заинтересованы в одном исходе дела и могут эмоционально и психологически воздействовать на своего ребенка, дабы получить определенный результат, то есть можно сказать, что не всегда интересы ребенка совпадают с интересами родителей.

Лица, можно сказать, «нежелательные» в качестве законных представителей могут затянуть процесс самого расследования, несовершеннолетний не даст соответствующих показаний, а вопрос «отстранения» законного представителя, если тот наносит ущерб подростку, до сих пор является спорным.

Следующим проблемным моментом является случаи, когда несовершеннолетний не имеет родителей и проживает с лицами, которые не являются его родственниками и не являются ни опекунами, ни попечителями. В таких случаях органы предварительного расследования в качестве законных представителей используют представителей органов опеки и попечительства. Но в данном случае на наш взгляд есть минус в этом случае так как представитель органа опеки и попечительства для несовершеннолетнего является посторонним человеком и функция представительства носит формальный характер, то есть они к своим обязанностям относятся поверхностно.

Зайнуллин Р. И. считает, что законными представителями могут быть лица, фактически занимающиеся воспитанием несовершеннолетнего и вносит предложение закрепить это в уголовно-процессуальном законодательстве [3].

В практике были случаи, когда в качестве законного представителя в судебные заседания являлись оба родителя, тогда, суд решал, кому именно из них необходимо предоставить право законного представителя, вынося определение. На сегодняшний день законодательство не предусматривает присутствие нескольких законных представителей, либо преждевременное назначение замены, в случае болезни первоначально установленного. Недопустимы случаи, когда лицо является одновременно потерпевшим и законным представителем подростка, поскольку тогда здесь выступают противоречивые функции «защиты» и «обвинения» [4, С. 124].

Стоит сказать, что права законных представителей, четко одной статьей не регламентированы и находятся в разных статья УПК РФ. Необходимо Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации дополнить нормой, в которой предусматривалось бы, что законный представитель может участвовать

при любом контакте несовершеннолетнего со следователем или любым сотрудником правоохранительных органов, в настоящее же время статья 426 УПК РФ акцентирует внимание, что законный представитель участвует с момента первого допроса.

Таким образом, в действующем уголовно-процессуальном законодательстве имеется ряд пробелов, которые необходимо устранить для полноценного и правомерно участия законного представителя:

– указание прав и обязанностей законного представителя несовершеннолетнего;

– конкретизирование лиц, которые могут участвовать в качестве законного представителя;

– конкретизирование момента «отстранения» законного представителя.

Список литературы

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 01.07.2021, с изм. от 30.12.2021) // «Российская газета», № 249, 22.12.2001.

2. Макаренко И. А. Проблемы участия третьих лиц в процессе расследования уголовных дел в отношении несовершеннолетних. М., 2015. С. 43–46.

3. Зайнулли Р. И. Проблемы участия законного представителя несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого: уголовно-процессуальные и криминалистические аспекты // Российский следователь. 2016. № 16.

4. Куряшева П. Э. К вопросу об участии законного представителя несовершеннолетнего обвиняемого в уголовном деле // Новизна. Эксперимент. Традиции.2021. С. 121–124.

Антимонова С. И.[1]**,**
преподаватель кафедры предварительного расследования
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТЕХНИЧЕСКИХ СРЕДСТВ ДЛЯ ВЫЗОВА УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА К СЛЕДОВАТЕЛЮ

Назначением уголовного судопроизводства является защита прав и законных интересов участников уголовного процесса, которые обеспечиваются не только при производстве следственных и иных процессуальных действий, но и в процессе их подготовки, в том числе при вызове участников к следователю (дознавателю).

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, с одной стороны, конкретизирует данный порядок вызова, так как определяет лицо, которому вручается повестка, в каком качестве и во сколько оно вызывается, к кому и по какому адресу ему необходимо явиться, последствия неявки без уважительной причины и др.

С другой стороны, предполагает замещение вручения повестки, распечатанной на бумаге, на уведомление лица о необходимости явки к следователю (дознавателю) по телефону – путем осуществления звонка либо направления СМС-сообщения, обычно через часто используемые мессенджеры WhatsApp, Telegram или Viber, поскольку они позволяют отследить получение и прочтение сообщения адресатом.

Однако, как показывает анализ, порядок вызова участников уголовного судопроизводства с использованием информационных технологий (путем СМС – сообщений или телефонных звонков) не конкретизирован в отличие от вызова повесткой в нормах уголовно-процессуального закона. Согласно ч. 2 ст. 188 УПК РФ указана только возможность передачи повестки с помощью средств связи.

Данное обстоятельство привело к тому, что в юридической литературе и на практике сформировались две точки зрения по этому вопросу. На взгляд первой группы юристов «повестка является единственным официальным средством вызова участников судопроизводства на допрос. Другой порядок вызова (устное приглашение, телефонограмма) допускается, однако не имеет юридических последствий, например, для констатации уклонения по вызову».

В связи с проблемами, возникающими из-за неопределенности норм УПК РФ о порядке вызова лица при помощи технических средств (телефона), на практике возникают сложности подтверждения законности вручения или получения повестки. По мнению юристов, принимающих участие в уголовном судопроизводстве в качестве адвокатов (защитников, представителей), неконкретность указанных норм права о порядке вызова участников уголовного процесса через СМС – сообщения, посредством интернет–приложений, влечет за собой существенные

[1] © Антимонова С. И., 2022.

нарушения их прав и законных интересов, так как не подтвержден факт своевременного извещения о дате, времени и месте проведения процессуальных действий, о направлении извещения адвокату.

По мнению второй группы юристов, целесообразность применения такого способа вызова для участия в процессуальном действии не вызывает сомнений и предполагает совершенствование норм уголовно-процессуального закона, путем конкретизации процедуры уведомления. Данную точку зрения поддерживает и Верховный суд Российской Федерации, который в своем постановлении от 27 декабря 2007 г. № 52 «О сроках рассмотрения судами Российской Федерации уголовных, гражданских дел и дел об административных правонарушениях» разъяснил, что вызов лиц посредством СМС-сообщений возможен в случае их согласия на уведомление таким способом, оформленного соответствующей распиской, при фиксации факта отправки и доставки СМС-извещения адресату.

Следует отметить, что информационный способ вызова к следователю (дознавателю) в современный период массово применяется следователями (дознавателями). Так, опрос практических работников, осуществляющих уголовное судопроизводство, показал, что в 45 % случаев уведомления о вызове направляются с помощью СМС-сообщений; в 45 % – путем звонка по телефону; в 10 % – путем вручения бумажной повестки. Кроме того, такой подход согласуется с п. 28 ст. 2 Федерального закона №126-ФЗ «О связи» и п. 10 ст. 2 Федерального закона № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации».

И это вполне закономерно – отправить СМС-сообщение или позвонить намного проще, быстрее и удобнее, чем потратить значительное время на доставку повестки, особенно если участник уголовного процесса проживает в другом городе или его сложно застать по месту жительства, а место работы неизвестно.

Если следователь (дознаватель) передает вызов на допрос по телефону, то он составляет телефонограмму, в которой указывает сведения, предусмотренные ст. 188 УПК РФ для указания в повестке. Также в телефонограмме указывается: когда, по какому номеру телефону осуществлялось уведомление, а также кто его принял. Телефонограмму следователь (дознаватель) подписывает и приобщает к материалам уголовного дела.

В случае уведомления лица посредством направления СМС-сообщения, всю необходимую информацию, следователь (дознаватель) должен отразить в сообщении, а также убедиться, что сообщение было получено лицом, которое должно явиться по вызову. После этого скриншот экрана телефона с сообщением-уведомлением и ответом на него распечатывают и приобщают к материалам уголовного дела в качестве подтверждения получения.

Следует отметить, что указанный выше порядок не закреплен в каких-либо нормативно-правовых актах, а сложился в ходе практической деятельности сотрудников следственных подразделений.

Представляется, что в этом процессе важен «критерий гарантированности получения (а точнее – прочтения) уведомления (повестки) о вызове на допрос»,

позволяющий подтвердить, что именно это лицо ответило на звонок или прочитало сообщение, а также зафиксировать факт вызова в материалах уголовного дела.

В числе такого критерия целесообразно указать порядок вызова на допрос, с расшифровкой формулировки «средства связи» и способов подтверждения получения уведомления. Например, в Республике Узбекистан участников уголовного процесса вызывают к дознавателю, следователю, прокурору и в суд повесткой, которую посылают по почте или с нарочным. При этом отдельно отмечается, что вызов может быть сделан также телефонограммой, телеграммой, радиограммой или по телефаксу [5].

В Республике Молдова вызов в орган уголовного преследования осуществляется письменной повесткой. Также он может быть осуществлен и посредством телефона, телеграфа, телефакса или электронных средств связи. Повестка может быть отправлена и по электронной почте или посредством других электронных систем сообщения в случае, если офицер по уголовному преследованию, прокурор, судебная инстанция оснащены техническими средствами для доказательства факта получения повестки [6].

В Уголовно-процессуальном кодексе Эстонии вызову лиц посвящен целый раздел, состоящий из 10 статей. В нем указан и общий порядок доставки повестки – по телефону или иному техническому средству связи. Законодатель указывает, что письменная повестка может быть доставлена под роспись на уведомлении, по почте заказным письмом с уведомлением о вручении или электронным способом. Документы, подтверждающие получение повестки, приобщаются к материалам уголовного дела. Отдельная статья раздела посвящена уведомлению через газетное объявление, которое используется, если в деле большое количество потерпевших и гражданских ответчиков или в случае невозможности установления их личностей. В таком случае повестка считается врученной со дня публикации газетного объявления. Текст объявления приобщается к материалам уголовного дела.

Таким образом, применение средств связи для уведомления лица о необходимости явки к следователю представляется целесообразным, поскольку преимущества этого способа вызова лица очевидны, подтверждаются правоприменительной практикой. Вместе с тем такая процедура должна быть конкретизирована в нормах УПК РФ, чтобы исключить возможность ее двоякого толкования и нарушения прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства.

Список литературы

1. Следственные действия : учебное пособие // В. В. Кальницкий, Е. Г. Ларин. Омск: Омская академия МВД России, 2015. с. 86.

2. Захарова В. О. О способах вызова на допрос следователем// Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2016. № 3 (13). С. 85–87.

Архипова И. А.[1]*,*
заместитель начальника кафедры криминалистики
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

ОСОБЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКА И ПОТЕРПЕВШЕГО ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ КРАЖ ИЗ ХРАНИЛИЩ

Для полного и всестороннего анализа краж с незаконным проникновением в хранилище необходимо также обратиться к теоретическим основам характеристики личности преступника и потерпевшего. Вопросы изучения личности преступника рассматриваются в трудах многих отечественных криминалистов, среди которых Р. С. Белкин, Ф. В. Глазырин, А. С. Кривошеев, В. Е. Корноухов, А. А. Беляков и другие. Личность преступника, как объект изучения в криминалистике, отличается от аналогичных объектов изучения в криминологии и психологии. Это определяется тем, что изучение личности преступника в первую очередь имеет свое целью использование полученной информации для разработки тактических приемов расследования преступления. Следовательно, наибольший интерес представляет то, как психические качества личности преступника в процессе совершения преступления влияют на изменение окружающей обстановки и какие следы преступна личность может оставить на месте совершения преступления.

Следует отметить, что в криминалистической науке нет четко выраженного понятия личности преступника. Следовательно, рассматривая этот вопрос с точки зрения других наук, можно сказать, что под личностью преступника понимается индивид или человек, обладающий совокупностью социально-значимых свойств, а также участвующий в совершении преступления. Ведерников Н.Т. в своей работе «Личность преступника в криминалистике и криминологии» говорит о том, что в криминалистике личность субъекта, совершившего преступление, устанавливается через познание ее отдельных свойств и качеств, получающих отражение в следах преступления с тем, чтобы затем использовать эти знания в качестве средств воздействия на данную личность при производстве следственных действий [1, с. 148]. Исходя из приведенного выше высказывания можно сделать вывод о том, что для криминалистики важна информация о совокупности биологических, социальных и психологических качеств человека, которые представляют практическую пользу для процесса расследования. В частности, В. А. Жбанков говорит о том, что криминалистику интересует три элемента в личности преступника: социально обусловленные свойства, биологически обусловленные свойства, психологические черты [2, с. 13].

В процессе изучения личности преступника необходимо ознакомиться с ее внутренней структурой. Как известно, причинами совершения преступления выступают только лиц социально-значимые черты, которые человек приобретает в процессе развития и социализации. Психические и биологические процессы

[1] © Архипова И. А., 2022.

обычно выступают факторами, способствующими появлению указанной причины. С учетом этого, рассматривая структуру личности преступника, можно выделить следующие подструктуры:

− социально-демографические признаки, включающие в себя социальное и семейное положение, социальное происхождение, уровень материального обеспечения;

− биофизиологические признаки: возраст, пол, состояние здоровья, особенности физического строения человека;

− психические процессы, состояние личности;

− нравственные ориентации, социальная позиция, потребности, наклонности и привычки;

− уровень умственного развития, умения и навыки, жизненный опыт;

− способность принимать волевые решения, регулировать направленность поступков, осуществлять принятые решения.

Для понимания личности преступника, совершающего кражи из хранилища, необходимо провести анализ приведенных выше структурных элементов, основываясь на официальных статистических данных. Для начала следует отметить, что, как во всей Российской Федерации, так и, в частности, в Москве, наблюдается динамика на уменьшение общего количества совершенных краж. Согласно статистике ЕМИСС количество совершенных краж по всей России и по Москве за 2020 г. составило 751 243 и 60 119 соответственно, что по сравнению с аналогичным периодом 2019 г. составляет снижение на 3 % и 9 % соответственно. Статистика, предоставленная на официальном сайте МВД Российской Федерации, указывает на то, что общее количество краж за 2021 г. сократилось на 4 %.

Обращаясь к статистике социального портрета преступности, можно сделать вывод о том, что кражи с проникновением в хранилище совершаются в основном мужчинами. Танков А. Ю. в своей статье, основываясь на результатах судебной практики, приводит следующие статистические данные по кражам из хранилища за 2021 г.: удельный вес в совершении указанного вида преступлений составляют мужчины, а именно 88 % в то время, как количество женщин составляет 12 %. По возрастному критерию наибольший процент набирают две категории: 26–30 лет и 30–39 лет, что в процентном соотношении составляет 32 % и 22 % соответственно. 3 9 % преступников имеют среднее общее образование, 34 % – среднее специальное, количество лиц, имеющих высшее образование, составляет всего 4 %. Также среди лиц, совершающих тайное хищение с проникновением в хранилище, 67 % составляют лица, ранее совершавшие преступления против собственности, а 37 % – ранее совершали аналогичные деяния. Процент групповой преступности по данному виду кражи составляет 11 % [3, с. 114]. Рассматривая статистику о месте проживания лица, совершающего тайное хищение из хранилища, следует сказать, что примерно половину от общего количества преступников занимают лица, проживающие вблизи с районом совершения кражи. По социальному положению около 80 % краж совершается лицам, не имеющими постоянного источника дохода либо вообще нигде не работающими. Анализ семейного положения говорит о том, что около 60 % на момент совершения преступления не имеют семьи, из которых примерно 89 % разведены.

В отличие от других типов преступников, лица, совершающие кражи из хранилища, в большей степени социально адаптированные, не испытывают проблем в общении и установлении контактов с другими людьми. Они не склонны к агрессии и импульсивному поведению, имеют четко выраженные мотивы и цели преступной деятельности. Также рассматривая вопрос влияния на формирование личности преступника семьи, можно сделать вывод, что среди лиц, совершающих кражи только 18 % выросли в неблагополучной семье, тогда как остальные 82 % выросли в относительно благополучных семьях, имеющих хорошие жилищные и бытовые условия.

Основываясь на приведенной выше статистике, можно составить обобщенный портрет лица, совершающего тайное хищение из хранилища. Как правило, это мужчина в возрасте от 26 до 39 лет, имеющий среднее образование и навыки, связанные с незаконным проникновением, имеющий преступный опыт за совершение аналогичных деяний. Указанное лицо проживает в пределах района совершения преступного деяния, чаще всего действует в одиночку, не имеет семьи и постоянного источника дохода, совершает кражи на постоянной основе или с большой периодичностью.

Важное место в криминалистическом изучении личности преступника занимает категоризация и типология. М. И. Еникеев определяет тип личности преступника как устойчивую криминальную направленность личности, связанную с характерным для нее криминальными способами поведения [4, с. 234]. Типизация происходит на основе большого количества факторов, на основе которых возможно построить и разработать тактику взаимодействия с преступником. Предлагаю рассмотреть типологию по следующим основаниям: мотивационная направленность и наличие преступны навыков.

Рассматривая мотивационную составляющую деятельности лиц, совершающих кражи, необходимо обратиться к трудам Е. А. Алексеева и С. М. Мировича. В своей работе «Криминалистическая типология личности корыстно-насильственных преступников» С. М. Мирович предлагает выделить следующие типы: исключительно корыстный тип; корыстный тип; корыстный тип, а также тип с сопутствующей корыстной мотивацией; тип с сопутствующей корыстной мотивацией [5, с.61-63]. Основной мотивацией для лиц, совершающих кражу из хранилища, выступает корысть. Под корыстной мотивацией, согласно мнению А. А. Жижиленко, понимается желание наживы, приобретение каких-либо ценностей [6, с. 48]. Рассмотрим приведенные выше типы подробнее.

Исключительно корыстный тип отличается тем, что мотивация на совершение преступления возникает задолго до его реализации. Его деятельность не носит спонтанный характер, она спланирована и имеет заблаговременную подготовку к совершению преступления. Корыстный тип также имеет заранее возникшую мотивацию, однако указанная мотивация возникает в результате удачно сложившихся обстоятельств, следовательно носит отчасти ситуационный характер. Корыстный тип с сопутствующей преступной мотивацией характеризуется тем, что в его деятельности отсутствует подготовка к краже. Тип с сопутствующей преступной мотивацией отличается тем, что он не осуществляет подготовки к тайному хищению, а корыстная мотивация возникает как производное

от первичной некорыстной мотивации. Проанализировав приведенную выше типологию, можно сделать вывод о том, что преступников, совершающих кражи из хранилища, можно отнести к корыстному и исключительно корыстному типам, в виду того, что указанный вид преступлений, как правило, сопряжен с первичной подготовкой и изучением объекта хищения, а корыстная мотивация является первичной для их деятельности.

В виду того, что способ и механизм совершения преступления влияют на выдвижение следователем версий и разработку плана расследования, представляется необходимым также обратить внимание на типологизацию по наличию преступных навыков. Первый тип преступников не имеет опыта в совершении краж с незаконным проникновением в хранилище и не имеет специальных навыков. Как правило, данный тип лиц совершает единичную кражу из хранилища, либо несколько, но в отношении одного хранилища, которое ему знакомо, действует в результате удачного стечения обстоятельств.

Второй тип имеет опыт совершения общеуголовных преступлений, но не имеющий преступных навыков по незаконному проникновению и не разрабатывающий способов проникновения. Такие преступники характеризуются использованием наиболее простых и примитивных способов проникновения, например, путем свободного доступа либо с использованием оригинальных ключей. В меньшей степени предпринимают попытки сокрыть совершенное преступление.

Третий тип имеет опыт и неоднократно совершает кражи из хранилища, действует серийно, использует один отработанный способ. Следующий тип – профессиональные воры. Они имеют большой опыт в совершении краж, неоднократно судимы за аналогичные деяния, совершают кражи с проникновением различными способами. Преступная деятельность носит серийный характер, данный тип постоянно совершенствуется в способах проникновения. Они оставляют минимум следов, которые позволяют их идентифицировать, имеют проверенные каналы сбыта, в основном совершают кражи ювелирных изделий и денежных средств.

Центральным элементом изучения в процессе расследования наряду с личностью преступника выступает и личность потерпевшего. Следует отметить, что потерпевший является объектом изучения многих наук, таких как уголовное и уголовно-процессуальное право, криминология, юридическая психология и другие. Особую важность изучение жертвы преступления представляет на первоначальном этапе расследования, так как сведения о личности потерпевшего и его показания являются одним из основных источников информации. В процессе производства расследования следователю необходимо получить максимально полную информацию относительно личности потерпевшего. Под личностью потерпевшего в криминалистике понимается совокупность свойств и качеств, которые имеют значение для расследования преступления.

По мнению Ю. В. Гаврилина, информация о потерпевшем должна включать демографические данные, сведения о характере и объеме нанесенного ему ущерба, физических, биологических и психологических особенностях потерпевшего, его образе жизни, заболеваниях, виктимности поведения, уровне культуры, ценностных ориентациях, наличие связей и отношений с другими людьми

[7, с. 56]. Для криминалистики личность потерпевшего представляет интерес ввиду того, что жертва, как объект взаимодействует с окружающей обстановкой, вносит в нее изменения и влияет на действие преступника. Однако, следует заметить, что при расследовании краж из хранилища, которое совершается тайно, потерпевший непосредственно не взаимодействует с преступником, в результате чего личность потерпевшего несет в себе не так много криминалистически значимой информации. В ряде случаев особенности поведения потерпевших определяют способ совершения преступления или способствуют возникновению мотивации на совершение в отношении них преступлений своим виктимным поведением.

Виктимное поведение потерпевшего определяется действиями лица, которые в той или иной степени способствуют совершению преступления, облегчают совершение преступления и провоцируют преступника на активные действия. Применительно к совершению краж из хранилища виктимное поведение часто является криминалистически важным элементом и выражается в халатном отношении потерпевших к системам безопасности хранилищ, оставлении незапертыми дверей, через которые можно проникнуть в хранилище, распространение информации, облегчающей доступ к хранилищу. Взаимосвязь потерпевшего с преступником также является важным элементом криминалистического изучения. В большинстве случаев, примерно в 80 % случаев совершения краж из хранилища преступник выбирает жертву случайно, ранее с ней не знаком. Исходя из приведенной выше характеристики можно классифицировать потерпевших при совершении краж из хранилища на три основные группы: потерпевший с невиктимным поведением, потерпевший с нейтральным поведением и потерпевший с виктимным поведением.

Изучение личности как преступника, так и потерпевшего, является ведущим элементом при расследовании, выявления причин и обстоятельств совершения преступления. Ключевое значение в собирании информации о личности преступника по делам о совершении краж из хранилища служит осмотр места происшествия, так как объективная обстановка отражает методику работы преступника, его основные характеристики и черты личности. Характеристика личности преступника и построение на ее основе обобщенного портрета типичного лица, совершающего кражи из хранилища, способствует выдвижению версий, построению плана расследования и сужению круга лиц в процессе поиска подозреваемого. Личность потерпевшего также содержит в себе криминалистически значимую информацию, дополняет картину произошедшего и может стать важным а иногда и единственным источником информации по совершенному преступлению.

Список литературы

1. . Ведерников Н. Т. Личность преступника в криминалистике и криминологии. Вестник Томского государственного университета 2014. № 384.

2. Жбанков В. А. Концептуальные основы установление личности преступника в криминалистике: диссертация. М. 1995.

3. Танков А. Ю. Типы личности лиц, совершающих кражи с незаконным проникновением в жилище. Омск. 2019.

4. Еникеев М. И. Юридическая психология : учебник. СПб., 2005.

5. Мирович С. М. Криминалистическая типология личности корыстно-насильственных преступников // Вестник. Москва. 1991.

6. Жижиленко А. А. Преступления против личности. М. : ГИЗ, 1927

7. Гаврилин Ю. В., Шурухнов Н. Г. Криминалистика: методика расследования отдельных видов преступлений : курс лекций. М., 2004.

Бессонов А. А.[1]*,*
и. о. ректора Московской академии
Следственного комитета Российской Федерации,
доктор юридических наук, доцент

К ВОПРОСУ О ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ СТАНОВЛЕНИИ СЛЕДОВАТЕЛЯ

Усложнение современного мира, обусловленное в первую очередь цифровизацией и технологизацией большинства сфер жизни, предъявляет новые требования к профессионализму следователя. Одновременно с этим нужно учитывать постоянно существующую потребность государства и общества в высоком качестве следственной работы. В этой связи на первый план выходит вопрос обеспечения органов следствия высоко профессиональными кадрами. Причем здесь важна не только первичная профессиональная подготовка в образовательной организации, но и процесс адаптации молодого специалиста к практической деятельности и последующее постоянное повышение им своей профессиональной квалификации.

Вполне очевидно, что работа следователя относится к числу профессий, в которой предъявляются повышенные требования к психологическим, характерологическим, интеллектуальным и нравственным качествам личности. Особо отметим, что интеллектуальная составляющая включает в себя высокий уровень общего развития и специальных знаний, базирующихся на развитом правосознании. Из психологических и характерологических качеств прежде всего стоит выделить стрессоустойчивость, дисциплинированность, ответственность, «эмоциональный интеллект». Что касается нравственных качеств, то, пожалуй, ключевым является неукоснительное следование не только в своей повседневной работе, но и на уровне мировоззрения добру, справедливости, «букве» закона.

Готовность работать следователем должна опираться на осознание того, что этот вид профессионального занятия относится к федеральной государственной службе, предполагающей определенные ограничения в том числе и во внеслужебное время. Более того, этимология слова «служба» нацеливает нас на то, что этот вид деятельности предполагает служение общей пользе с полной самоотдачей. Следуя такой логике рассуждения, обоснованно можно сказать, что работа следователя – это нечто большее, чем просто профессиональное занятие, а скорее – это призвание. И в этом понимании крайне важно молодому специалисту, делающему первые шаги в качестве следователя, оказать помощь в осознании всего этого.

Теперь несколько слов скажем о принципиальных с точки зрения рассматриваемой профессии характеристиках современной молодежи, которые подлежат учету в организации системы профессионального становления следователей:

– фрагментарность (клиповость) мышления, сформировавшаяся под воздействием цифровой реальности;

[1] © Бессонов А. А., 2022.

– сложность целостного и системного восприятия устройства общества и государства, роли в них права и культуры;

– резкий отрыв от ценностей и норм предыдущего поколения как фундамента формирования мировоззрения нового поколения;

– снижение навыков и качества социальной коммуникации в результате цифровизации жизни и пандемии коронавирусной инфекции COVID-19 [2].

Перечисленные особенности, присущие большинству нынешних молодых людей, к тому же сталкиваются со спецификой следственной работы, характеризующейся жесткой правовой регламентацией и сопряженностью с постоянным вторжением в сферу конституционных прав граждан, а потому – высоким уровнем ответственности за каждое процессуальное действие и решение, а также зачастую необходимостью принятия решений в условиях информационной неопределенности. В этой связи молодые сотрудники следственных органов самостоятельно не всегда способны успешно пройти этап адаптации к выбранной профессии, что требует выстроенной системы, обеспечивающей их профессиональное становление в первоначальный период работы.

Конечно же в определенной мере отправной точкой формирования профессионализма работников органов следствия является высшее профессиональное образование. И здесь уместно согласиться с одним из основоположников отечественной криминалистики Г. Ю. Маннсом, который еще в начале прошлого века абсолютно верно отметил, что «в случае, если следственный работник учится преимущественно во время практики или на практике, учится всегда за ее счет, то есть за счет людей, которые имеют несчастье попасть в сферу его неумелой деятельности, или за счет интересов общества, которые он, терпя неудачу при раскрытии преступлений, не в состоянии в должной мере от них оградить» [4, с. 162–163].

Применительно к этапу получения будущим следователем высшего профессионального образования в свете рассматриваемой проблемы остановимся на некоторых, на наш взгляд, ключевых вопросах.

Прежде всего, при подготовке в системе высшего профессионального образования специалистов для органов расследования в качестве путеводного ориентира должен служить соответствующий образовательный стандарт, например, ФГОС «Следователь», разработку которого целесообразно надолго не откладывать. Тем более, что уже имеется опыт разработки и принятия образовательного стандарта «Следователь-криминалист» [6]. К этому нужно добавить, что подготовка компетентного специалиста в сфере следственной деятельности должна осуществляться исключительно с уровнем высшего образования – специалитет.

Важной задачей, стоящей перед образовательной организацией, является формирование у обучающихся профессионального мышления следователя. Поскольку в основе расследования лежит работа с информацией о преступлении, нашедшей свое отражение в объективной реальности, с информацией, характеризующей собственно процесс расследования, приоритетным, по нашему мнению, выступает криминалистическое мышление следователя.

Под криминалистическим мышлением мы понимаем обусловленное знаниями, опытом и интуицией умение организовывать собственный логико-эвристический процесс, направленный на постижение смысла отразившейся в объективной реальности информации о криминальном и связанных с ним событиях, выявление связей между ними и составляющими их внутреннее содержание элементами с целью получения истинных (то есть полных, объективных и всесторонних) знаний о них, в конечном итоге облекаемых в форму доказательств в рамках уголовного судопроизводства [1, с. 58].

Принципиально, чтобы такое мышление в достаточной мере развивалось в процессе изучения криминалистики и связанных с ней учебных дисциплин уже в ходе получения высшего профессионального образования. Развитое криминалистическое мышление позволит молодому следователю более успешно пройти процесс своего профессионального становления на начальном этапе работы. Дидактические и методические основы этого заложены еще в конце прошлого века В. Г. Коломацким в своей докторской диссертации, посвященной вопросам преподавания криминалистики [3]. Однако изменившийся с того времени самым существенным образом окружающий нас мир и реалии сегодняшнего дня ставят во главу угла вопрос о необходимости совершенствования методики формирования криминалистического мышления у будущего следователя с учетом современного состояния информационных технологий, научно-технического процесса и конечно же особенностей сегодняшней преступности. Причем у современного следователя, учитывая «цифровизацию преступности», обязательно должно иметься хотя бы самое общее представление о том, что такое математическая статистика, методы машинного обучения, составляющие основу технологии искусственного интеллекта, наконец, наука о данных. В противном случае все, что касается самых передовых достижений в области цифровизации и используется преступниками в реализации своих криминальных замыслов, а органами расследования для их изобличения, будет для новоиспеченного следственного работника не более чем «пустой звук».

Нельзя при этом забывать, что современные цифровые технологии предоставляют прекрасные возможности для реализации инновационных методик обучения – виртуальные лаборатории и тренажеры, средства виртуальной и дополненной реальности и т. п., и конечно же способствуют развитию профессионального мышления.

Как представляется, правильная стратегия формирования профессионального мышления следователя и, в частности криминалистического мышления, позволяет нивелировать контрпродуктивные стороны указанных выше особенностей современного молодого поколения.

Вместе с тем, несмотря на применение практико-ориентированных технологий в образовательном процессе, большинство молодых специалистов все же сталкивается с трудностями применения полученных знаний непосредственно в практической деятельности.

Московской академией Следственного комитета Российской Федерации на постоянной основе проводится мониторинг деятельности выпускников в целях получения сведений о соответствии уровня их подготовки требованиям практики

и о процессе адаптации к работе следователя. В качестве наиболее часто встречающихся проблем возможно отметить следующие:

– сложности в организации своего рабочего времени, обусловленные неправильной расстановкой приоритетов при выполнении служебных задач и недостаточно развитыми навыками адаптации типовых методик расследования к процессу расследования конкретных преступлений;

– проблемы с качеством составления процессуальных документов и документов первичного учета;

– недостаточный уровень владения криминалистической техникой и современными цифровыми технологиями.

На обозначенные трудности накладывается ряд объективных факторов, осложняющих процесс становления молодых следователей:

– нестабильность действующего законодательства;

– расхождения практики правоприменения в различных регионах Российской Федерации;

– стремительный научно-технологический прогресс, оказывающий влияние на трансформацию преступности в целом и ее отдельные виды.

На пути преодоления перечисленных проблем хорошим механизмом оказания помощи впервые назначенным на должности следователям в их профессиональном становлении, приобретении профессиональных навыков выполнения служебных обязанностей, адаптации в коллективе, воспитании дисциплинированности выступает институт наставничества.

К примеру, в системе Следственного комитета Российской Федерации в качестве наставников выступают руководители и наиболее опытные следователи следственных органов. Осуществляется наставничество в отношении следователей, впервые назначенных на должности, и его продолжительность составляет до одного года [5].

Еще одним эффективным способом оказания помощи в профессиональном становлении молодым специалистам являются стажировки в вышестоящих следственных органах и подразделениях центрального аппарата соответствующего ведомства, например, Следственного комитета Российской Федерации или Следственного департамента МВД России. К тому же стажирование видится как хороший инструмент мотивации к высокоэффективному выполнению своих служебных обязанностей, поскольку наглядно открывает новые горизонты профессиональной деятельности и явно демонстрирует возможности служебного роста.

Не менее полезный метод подготовки молодого следователя к самостоятельной работе – это повышение квалификации в рамках дополнительного профессионального образования в течение первых трех лет службы. Такое обучение позволит ему систематизировать ранее полученные знания, акцентировать внимание на наиболее актуальных из них и восполнить имеющиеся пробелы.

Подводя итог, отметим, что первые шаги молодого следователя в профессии являются важным этапом его профессионального становления, поскольку при правильном подходе способствуют формированию потребности в постоянном

пополнении знаний и расширении кругозора, творческом подходе к выполнению повседневных служебных обязанностей, повышении результативности своей работы, развитии умений и навыков применения имеющихся знаний в практической деятельности. Вопрос профессионального становления следователя видится одним из актуальных, поскольку, например, в системе Следственного комитета Российской Федерации, треть от всего количества следователей имеют стаж работы до 3-х лет. Выполнение возложенных на органы расследования задач напрямую зависит от уровня профессиональной подготовки каждого следователя. В то же время, ресурсы, затраченные на обучение следователей и приобретение самых совершенных средств обнаружения и фиксации доказательств, будут потрачены впустую, если эти средства окажутся в руках профессионально не подготовленного человека.

Список литературы

1. Бессонов А. А. Криминалистическое мышление как основа профессионализма работников следствия // Следственный комитет Российской Федерации: второе десятилетие на службе Отечеству (Москва, 7 февраля 2019 г.) / под общ. ред. А. М. Багмета. М. : Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, 2019. С. 56–60.

2. Гусарова М. А. Формирование правосознания молодежи в условиях цифровизации правовой реальности // История государства и права. 2022. № 2. С. 68–71.

3. Коломацкий В. Г. Курс криминалистики (дидактика и методика) : автореф. дисс. … д-ра юрид. наук. – М., 1992. – 29 с.

4. Маннс Г. Ю. Криминалистика как прикладная дисциплина и предмет преподавания // Сборник трудов профессоров и преподавателей государственного Иркутского университета. Отдел I – науки гуманитарные. Иркутск, 1921. Вып. 2. С. 139–164.

5. Положение об организации наставничества в системе Следственного комитета Российской Федерации, утвержденное приказом Председателя Следственного комитета Российской Федерации от 29.03.2011 № 42 // СПС «КонсультантПлюс».

6. Приказ Минтруда России от 23.03.2015 № 183н (в редакции от 12.12.2016) «Об утверждении профессионального стандарта «Следователь-криминалист» // СПС «КонсультантПлюс».

Блинова Е. В.[1]**,**
старший преподаватель кафедры предварительного расследования
московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук
Стрельников Д. А.[2]**,**
следователь 10 отдела следственной части
по расследованию организованной преступной деятельности
Главное Следственное управление ГУ МВД России по г. Москве

ПОЛУЧЕНИЕ СВЕДЕНИЙ ИЗ ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННОЙ СЕТИ ИНТЕРНЕТ В РАБОТЕ СЛЕДОВАТЕЛЯ

Основные термины, применяемые следователем при расследовании уголовных дел с использованием информации, получаемой из телекоммуникационной сети интернет, содержаться в статье второй Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27.07.2006 № 149-ФЗ, где приводятся основные термины, используемые в информационных технологиях. В первую очередь, когда мы говорим об информации, мы подразумеваем некие сведения, необходимые для разрешения какого-либо вопроса. Обладателем информации считается лицо, создавшее информацию, при этом может свободно распоряжаться ею, также это лицо может получать информацию в соответствии с законом, разрешает или запрещает доступ к имеющимся сведениям.

Как свидетельствует официальный сайт МВД России, в стране на фоне снижения количества различных видов преступлений, преступления в сфере информационно-телекоммуникационных технологий выросли на 20,3 %. Так, за последние полгода, зарегистрировано 271,1 тысяч преступлений в сфере незаконного использования информации, при этом большая часть преступлений подпадают под категорию тяжких и особо тяжких преступлений (57,1 %) [1]. Общество развивается, а вместе с этим развивается и преступность. Способы реализации того или иного противоправного умысла становятся более профессиональными, что создает угрозу обеспечения безопасности граждан и государства в целом.

Основной целью любого киберпреступления является незаконное использование информации, компьютерной сети или сетевого устройства. Перед следователем стоит задача подобные противоправные действия научиться расследовать. Такие расследования бессильны без использования сведений, получаемых от интернет-провайдеров, различных организаций связи, интернет-сервисов.

Взаимодействие с интернет-провайдерами, различными организациями связи, интернет-сервисами способствует эффективному и быстрому выявлению, сохранению и изучению цифровых следов. Под цифровыми следами в юридической литературе авторы называют «уникальный набор действий в Интернете или

[1] © Блинова Е. В., 2022.
[2] © Стрельников Д. А., 2022.

на цифровых устройствах». Также встречаются определения цифрового отпечатка или цифровой тени, которые также употребляются для обозначения цифрового следа [2, с. 10].

По мнению А.В. Ростовцева, выявление, фиксация и экспертное исследование цифровых следов будут способствовать раскрытию и расследованию самых различных, в том числе и компьютерных преступлений [3, с. 71]. Под организациями связи понимается юридические лица, чья деятельность концентрируется на использовании технических средств связи.

Для успешного расследования уголовных дел, при необходимости получения, фиксации и изучения цифровых следов, следователю необходимо понимать, что информационно-телекоммуникационная сеть предназначена для передачи по линиям связи информации, доступ к которой осуществляется с использованием средств вычислительной техники. При этом, не стоит забывать и о конфиденциальности содержащейся там информации, за незаконное распространение которой возможно наступление ответственности, в том числе и уголовной. Под конфиденциальностью любой информации понимается обязательное для выполнения лицом, получившим доступ к определенной информации, требование не передавать такую информацию третьим лицам без согласия ее обладателя.

Следователь постоянно в своей деятельности направляет соответствующие запросы операторам связи, в различные организации для предоставления органам следствия данных об абоненте, о доступе в Интернет, о том, какие операции были проведены, на какой IP-адрес. Данный вид взаимодействия принято считать непроцессуальным, чаще им пользуются оперативные сотрудники при проверке сообщения о преступлении, в рамках оперативно-розыскной деятельности. Чтобы данное взаимодействие можно было отнести к процессуальной форме, необходимо пройти несколько стадий после того, как следователь возбудил уголовное дело, а именно: направление официального запроса в конкретную организацию связи, затем, после получения ответа на запрос, следователь должен произвести осмотр данного документа и приобщить его к материалам уголовного дела, опять же, если в соответствующем ответе будет содержаться информация, интересующая следствие по делу.

По удачному сравнению К. С. Сидоровой, «если в действительности человека идентифицируют по следам обуви, транспортных средств, голосу, то в виртуальном пространстве представляется возможным это делать по неким идентификаторам в сети интернет, которыми представлен пользователь в сети и техническое устройство, благодаря которому он осуществляет активные действия в сети» [4. с. 88]. Здесь, как раз и говориться об IP-адресе.

Для установления такого адреса следователь вправе напрямую обратиться к компании-провайдеру, осуществляющей услуги доступа к сети «Интернет» с соответствующим запросом, а также направить поручение органу дознания.

Также, при получении ответа от интернет-провайдера до возбуждения уголовного дела, то есть, при проверке сообщения о преступлении, можно поручить оперативным сотрудникам собрать необходимый материал, а уже после, в ходе

проведения следственных действий, придать данным сведениям статус доказательств по уголовному делу. В том числе и информация из социальных сетей, где большинство людей добровольно распространяют личную информацию о себе.

Общеизвестно, что даже полное удаление информации о посещении различных сайтов подозреваемым не исключает доступа к таковой. Направив соответствующий запрос интернет-провайдеру, всю историю действий с файлами и папками, а также их содержимое можно воспроизвести. В ходе допроса следователю рекомендуется выяснить примерное время посещения тех или иных сайтов, что упростит поиск информации.

Запрашиваемые таким образом хранящиеся у провайдера сведения, содержат персональные данные лица, заключившего договор об оказании услуг доступа к сети «Интернет», информацию о соединениях пользовательского оборудования с сетью «Интернет». Получить их следствие вправе в порядке ст. 186 УПК РФ (получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами).

Согласно действующему законодательству, оператор связи, оказывающий услуги междугородной и международной телефонной связи, услуги связи персонального радиовызова, услуги подвижной радиосвязи в сети связи общего пользования, услуги подвижной радиотелефонной и спутниковой связи, услуги связи по передаче данных для целей передачи голосовой информации, внутризоновой телефонной связи, местной телефонной связи (в том числе с использованием таксофонов и средств коллективного доступа), обеспечивает хранение в технических средствах накопления информации голосовой информации и текстовых сообщений пользователей услугами связи в полном объеме в течение 6 месяцев с даты окончания их приема, передачи, доставки и (или) обработки. А оператор связи, оказывающий телематические услуги связи и (или) услуги связи по передаче данных, за исключением услуг связи по передаче данных для целей передачи голосовой информации, обеспечивает с 1 июля 2018 г. хранение сообщений электросвязи в нулевом объеме, а с 1 октября 2018 г. – хранение в полном объеме сообщений электросвязи в технических средствах накопления информации емкостью, равной объему сообщений электросвязи, отправленных и полученных пользователями указанного оператора за 30 суток, предшествующих дате ввода технических средств накопления информации в эксплуатацию [5].

При этом правоприменитель повсеместно сталкивается с тем, что провайдеры не спешат предоставлять ответы на запросы, особенно остро эта проблема встает при взаимодействии с небольшими региональными провайдерами. В качестве борьбы с указанной проблемой авторы предлагают, в частности, упоминание в тексте запроса информацию о потенциальном привлечении к административной по ст. 17.7 КоАП РФ «Невыполнение законных требований прокурора, следователя, дознавателя или должностного лица, осуществляющего производство по делу об административном правонарушении».

Список литературы

1. Официальный сайт МВД РФ. URL: https://мвд.рф/reports/item/22678184/.

2. Гайдаш О. В. Феномен цифрового следа в современном обществе // Вестник магистратуры. 2020. № 6 (105). С. 10–17.

3. Ростовцев А. В. Особенности судебно-экспертного исследования «Цифровых следов» // Академическая мысль. 2019. №3 (8). С. 71–73.

4. Сидорова К. С. Способы установления IP-адреса и сведений о нем при расследовании уголовных дел // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. 2018. № 2 (26). С. 88–92.

5. Постановление Правительства Российской Федерации от 12 апреля 2018 г. № 445 «Об утверждении Правил хранения операторами связи текстовых сообщений пользователей услугами связи, голосовой информации, изображений, звуков, видео- и иных сообщений пользователей услугами связи» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://consultant.

Валюлин Р. Р.[1],
преподаватель кафедры уголовного процесса
Барнаульского юридического института МВД России
Кохан Т. В.[2],
курсант Барнаульского юридического института МВД России

ПРОВЕДЕНИЕ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ ПРИ ПРИМЕНЕНИИ МЕР БЕЗОПАСНОСТИ

Безопасность в государстве имеет безусловный приоритет, так как гражданин является носителем прав и свобод, соблюдение которых гарантируется положениями Конституции и законодательства Российской Федерации.

В большинстве случаев граждане не желают выступать в качестве свидетелей, опасаясь негативных последствий для себя. Ежегодно около 10 млн человек проходят свидетелями по уголовным делам, а около 2,5 млн отказываются из-за давления преступников» [3, с. 26].

Государственная защита свидетеля регламентирована рядом нормативных правовых актов:

1) в ст. 2 Федерального закона №119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» перечисляются участники уголовного процесса, подлежащие государственной защищенности. Так, одним из этих лиц является свидетель;

2) ч. 3 ст. 11 УПК РФ говорит об обязательной защите свидетеля. Если при достаточных данных свидетелю (его близким родственникам, родственникам) угрожают противоправным воздействием, то в отношении данных лиц применяются меры безопасности;

3) согласно ч. 9 ст. 166 УПК РФ в протоколе следственных действий возможно указание псевдонима свидетеля. Это означает, что во всех процессуальных документах не должны указываться не только достоверные данные, но также любые сведения, с помощью которых можно будет установить лицо (адрес проживания (регистрации) или место работы; номер мобильного телефона; государственный регистрационный номер транспортного средства; состав семьи; дети; дата и место рождения; иные данные о личности).

Следует упомянуть то, что «засекреченного» свидетеля следует ограничивать от проведения следственных действий, требующих участия понятых, специалистов и других участников. Также немаловажным является тот факт, что постановление о сохранении в тайне сведений о личности помещается в непрозрачный конверт, опечатывается, и в таком виде приобщается к материалам уголовного дела. Важно подчеркнуть, что такой конверт может открыть и просмотреть лицо, которое непосредственно засекречивало свидетеля, а также суд. Для остальных лиц конверт должен быть недоступен.

Однако встречаются случаи рассекречивания, которые возникают в двух ситуациях.

---

[1] © Валюлин Р. Р., 2022.
[2] © Кохан Т. В., 2022.

Первая проблема заключается в том, что в соответствии со ст. 39 УПК РФ руководитель следственного органа может изымать уголовное дело у следователя и передавать его другому следователю. Соответственно, в процессе передачи материалов дела от одного следователя к другому автоматически расширяется список лиц, которым известно о личности «засекреченного» свидетеля. Исходя из сказанного выше, риск утечки информации увеличивается, что является существенной проблемой. Так, например, если «новому» следователю потребуется дополнительно допросить «засекреченного» свидетеля, то он должен вскрыть конверт, ознакомиться со всеми его данными, вызвать его, а перед началом следственного действия еще и убедиться в личности допрашиваемого. Фактически получается, что о «засекреченном» свидетеле становится известно второму лицу.

Второй проблемой является то, что в соответствии со ст. 217 УПК РФ материалы уголовного дела предъявляются обвиняемому и его защитнику для ознакомления. На практике встречались такие случаи, когда следователь нумеровал конверт с данными о личности как очередной лист, либо приклеивал его к внутренней стороне обложки дела, и соответственно данный конверт вместе с другими материалами уголовного дела предъявлялся стороне защиты для ознакомления. Были прецеденты, когда в связи с халатным отношением следователя при ознакомлении с материалами было допущено вскрытие конверта с данными о личности. Таким образом, данная информация разглашалась.

Для решения данных проблем можем предложить пути решения:

– во-первых, «новый» следователь может дать поручение следователю, который изначально выносил постановление о сохранении в тайне данных о личности, для того чтобы он дополнительно допросил «засекреченного» свидетеля и передал полученную информацию. Таким образом, мы сможем полностью обезопасить личность свидетеля.

– во-вторых, следует держать конверт с данными о личности свидетеля в закрытом сейфе следователя, который изначально выносил постановление о сохранении в тайне данных о личности, исключающем доступ посторонних лиц.

Соблюдение указанных выше способов помогут усовершенствовать институт защиты участника уголовного процесса. Соответственно, свидетелю не нужно будет испытывать страх о том, что его данные могут быть рассекречены.

Итак, можно сделать вывод, институт защиты свидетелей в уголовном процессе играет важную роль, поэтому нужно постоянно его совершенствовать и дорабатывать в соответствии с требованиями, предъявляемыми для наиболее эффективного обеспечения безопасности свидетеля в уголовном процессе, отвечающие требованиям и реалиям современности.

Список литературы

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 30.12.2021) // Программа информационной поддержки российской науки и образования. Консультант Плюс. URL: http//www.consultant.ru (дата обращения: 13.03.2022).

2. Федеральный закон от 20.08.2004 № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» (ред. от 01.07.2021) // Программа информационной поддержки российской науки и образования // СПС «КонсультантПлюс». URL: http//www.consultant.ru (дата обращения: 13.03.2022).

3. Москалькова Т. Н. У нас свои методы борьбы с преступностью // Парламентская газета. 2004. С. 26.

Гаврилов Б. Я.[1],
профессор кафедры управления
органами расследования преступлений
Академии управления МВД России,
доктор юридических наук, профессор

К ВОПРОСУ ОБ ЭФФЕКТИВНОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЛЕДСТВЕННОГО АППАРАТА В УСЛОВИЯХ ИЗМЕНИВШЕГОСЯ УГОЛОВНОГО И УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Исследуя вопросы эффективности деятельности органов предварительного следствия, автор публикации считает необходимым обратиться к истории зарождения и становления российского следственного аппарата, выделяя при этом ряд основных этапов.

Расследование преступлений в дореволюционной России. До 8 июня 1860 г. расследование преступлений в России осуществляла полиции, когда Указом Императора Александра II «следственная часть» была отделена от полиции, в 44 губерниях России были созданы 993 следственных участка с учреждением должностей судебных следователей. Однако обслуживаемые участки достигали 16 тысяч квадратных верст, а нагрузка на следователя составляла до 200 уголовных дел и даже более, что не позволяло своевременно их расследовать. В холе последующей судебной реформы 1864 г. положение следователей существенно изменилось. Согласно ст. 212 Учреждения судебных установлений от 20 ноября 1864 г. должности судебных следователя были приравнены к членам окружного суда; введена их несменяемость; назначение и смешение отнесено к компетенции Императора по представлению Министра юстиции.

Становление следственного аппарата в период 1917-1924 гг. Деятельность следственных органов регламентировалась нормами Декрета о суде от 22 ноября 1917 г. №1, который установил, что «впредь до преобразования всего порядка судопроизводства предварительное следствие по уголовным делам возлагается на местных судей единолично». Положением о народном суде РСФСР от 2 октября 1920 г. были учреждены должности народных следователей по важнейшим делам при губернских отделах и Наркомате юстиции. В ст. 23 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, утвержденного 25 мая 1922 г. третьей сессии ВЦИК под следователем подразумевались народные следователи, следователи, состоящие при советах народных судей и революционных трибуналах, военные следователи и следователи по важнейшим делам при Наркомате юстиции. В Основах уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик 1924 г. впервые было введено понятие «органы, производящие предварительное расследование преступлений, под которыми согласно ст. 7 подразумевались органы дознания, следователи и иные должностные лица, коим это предоставлено общесоюзными законами и законами союзных республик».

---

[1] © Гаврилов Б. Я., 2022.

Образование и становление следствия в прокуратуре (1924-1963). В 1924 г. на Пятом съезде деятелей советской юстиции А.Я. Вышинский поднял вопрос о передаче следственного аппарата в полное административное и оперативное подчинение прокуроров. Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 3 сентября 1928 г. были внесены изменения в Положение о судоустройстве РСФСР, следователи были выведены из подчинения судов и подчинены прокурорам. Тем не менее, подконтрольность следователей Наркомюсту и местным Советам еще сохранялась, поскольку прокуратура оставалась в Структуре Наркомата юстиции. Постановлением ЦИК и СНК СССР от 20 июня 1933 г. была учреждена Прокуратура СССР как самостоятельный орган, независимый от Верховного суда СССР. Однако в союзных республиках прокуроры и следователи по-прежнему оставались в системе наркомюстов. Постановлением ЦИК и СНК СССР от 20 июля 1936 г. предусматривалось «выделить из системы народных комиссариатов юстиции союзных и автономных республик органы прокуратуры и следствия, подчинив их непосредственно Прокурору Союза ССР». При этом значительную часть следственной работы выполняли органы дознания Министерства охраны общественного порядка МВД СССР, о чем свидетельствуют приведенные статистические данные.

Сведения о состоянии работы по расследованию преступлений (1959–1962)

Состояние работы	**1959**	**1960**	**1961**	**1962**
Всего окончено уголовных дел, в т.ч.	490 558	429 701	535 248	535 276
следователями прокуратур	195 388	184 405	244 280	256 123
органами дознания	295 170	245 296	290 296	276 153
Всего направлено в суд уголовных дел, в т.ч.	317 252	244 628	372 213	375 521
следователями прокуратуры	125 004	109 363	160 893	170 831
органами дознания	192 248	135 265	211 320	204 690
Всего возвращено судом дел для доследования, в т.ч.			8 572	8 362
следователями прокуратуры			5 341	5 642
уд. вес от направленных в суд (в %)	2,9	2,5	3,3	3,3
органами дознания			3 231	2 720
уд. вес от направленных в суд (в %)	1,5	1,3	1,5	1,3
Всего окончено дел в срок свыше двух месяцев, в т.ч.		17 203	35 626	40 763
следователями прокуратуры		9 196	18 486	23 052
уд. вес от направленных в суд (в %)	6,2	4,9	7,4	8,8
органами дознания		8 007	17 140	17 711
уд. вес от направленных в суд (в %)	5,0	3,2	5,9	6,4

Сложившееся положение обусловило принятие Указа Президиума Верховного Совета СССР от 6 апреля 1963 г. № 1237-VI «О предоставлении права производства предварительного следствия органам охраны общественного порядка», что фактически обеспечило повышение эффективности расследования преступлений, что подтверждается приведенными ниже статистическими данными.

Сведения о состоянии работы по расследованию преступлений (1963-1964)

Состояние работы	**1963**	**1964**
Всего окончено уголовных дел, в т.ч.	451 084	
следователями прокуратур	194 219	
следователями органов МООП	256 865	227 491
Всего направлено в суд уголовных дел, в т.ч.	311 650	
следователями прокуратуры	127 444	
следователями органов МООП	184 206	170 420
Всего возвращено судом уголовных дел для дополнительного расследования, в т.ч.	7 631	
следователями прокуратуры	4 991	
уд. вес от направленных в суд (в %)	3,9	
следователями органов МООП	2 640	5 366
уд. вес от направленных в суд (в %)	1,4	3,1
Всего окончено уголовных дел в срок свыше двух месяцев, в т.ч.	32430	
следователями прокуратуры	19 419	
уд. вес от направленных в суд (в %)	10,0	
следователями органов МООП	12 921	10 309
уд. вес от направленных в суд (в %)	5,0	4,5

Следственный аппарат органов охраны общественного порядка (в последующем – министерства внутренних дел) за сравнительно короткий срок превратился в структуру правоохранительных органов, осуществляющую расследование большинства совершенных в стране преступлений, о чем свидетельствуют представленные ниже цифры.

	1964	**1974**	**1984**	**1994**	**1999**
Количество расследованных уголовных дел	256 815	457 173	976 123	1913461	1815518
Количество оконченных уголовных дел	227 491	389 011	744 853	809 677	966 242

Если в 1964 г. следственным аппаратом органов внутренних дел было окончено 61,4 % уголовных дел, в 1966 г. – 67 %, в 1978 г. – 76 %, то в 1999 г. – 89,2 % от общего числа оконченных всеми правоохранительными органами уголовных дел, по которым предварительное следствие обязательно. Значительно возросла и его численность (на 1 января 1978 г. она составила 13,7 тыс. штатных единиц

против 8,5 тыс. в 1964 г.). Улучшился и качественный состав следователей, почти 85 % из них имели высшее юридическое образование, а более 60 % – стаж работы свыше трех лет, что создало условия для передачи в подследственность органов внутренних дел уголовные дела об экономических преступлениях, взяточничестве и ряд других, а с 1 сентября 1978 г. – преступления, совершенные несовершеннолетними или с их участием, включая убийства и изнасилования. До 1989 г. следственный аппарат ОВД обеспечивал расследование 70 % совершаемых в стране преступлений и 90 % уголовных дел об экономических преступлениях. Доля следователей с высшим юридическим образованием на 1 января 1989 г. составила 87,4 % а и 69,2 % со стажем работы свыше трех лет. Однако начиная с 1989 г. ситуация коренным образом стала ухудшаться, поскольку увеличилось с 1,2 миллиона в 1988 г. до 2,5–3 млн. в 1999–2002 гг. количество зарегистрированных преступлений, увеличилась организованность преступной среды (преступлений с признаком «совершено организованной группой» возросло в 10 раз (с 3,3 тысячи в 1989 г. до 33,5 тысячи в 2001 г.), следователями ОВД расследовано несколько сотен уголовных дел о финансовых мошенничествах (финансовых «пирамидах»), число потерпевших по которым составило более пяти миллионов граждан. И, несмотря на увеличение за этот период в 2,1 раза штатной численности, нагрузка на следователей составляла в среднем 70 дел на одну штатную единицу, а в отдельных регионах доходила до 120–130 дел. С 1 января 1997 г. вступил в действие УК РФ, в который включены 63 новых состава преступлений, расследование основной массы которых осуществляли следователи органов внутренних дел. Все это негативно сказалось на состоянии следственной работы.

Основные статистические показатели работы следственных аппаратов прокуратуры, МВД

	1997	**1998**	**1999**	**2000**	**2001**
Прекращено дел (с повторными) (в % к оконченным) МВД	20,9	20,9	19,2	19,9	17,7
Прокуратура	27,2	26,8	24,9	25,6	23,6
Удел. вес дел, возвращенных для доп. расследования (в % к направленным в суд)					
МВД	7, 8	8,2	6,4	6,0	6,8
Прокуратура	10,8	11,5	8,5	7,7	8,5
Удельный вес дел, оконченных в срок, свыше УПК (в % к оконченным)					
МВД	16,7	16,3	15,5	14,2	15,2
Прокуратура	42,8	42,8	41,0	39,0	39,7
Число оправданных и реабилитированных (на 1 тыс. привлеченных к уголовной ответственности)					
МВД	4,4	3,9	3,2	2,9	3,3
Прокуратура	34,4	29,2	25,6	25,3	25,8

Говоря о последующем развитии следственного аппарата, необходимо указать, что принятие в 2001 г. нового УПК РФ породило ряд *проблемных вопросов,* решение которых потребовало в последующие 20 лет внесение в Кодекс изменений порядка 300 федеральными законами. При этом необходимо уточнить, что 70 % из них были обусловлены, в первую очередь, введением вновь или совершенствованием ряда институтов УПК РФ. Так, с 1 января 2013 г. действует принципиально измененное апелляционное, кассационное и надзорное производство. С 1 июня 2018 г. суды присяжных введены в районных, городских судах, а с 1 октября 2019 г. действуют пять апелляционных и девять кассационных окружных судов общей юрисдикции. Федеральным законом от 30.04.2010 № 69-ФЗ в УПК введена норма-принцип (ст. 6^1) «Разумный срок уголовного судопроизводства» с внесением в последующие годы только в одну эту норму изменений пятью Федеральными законами.

Существенные шаги законодателем предприняты и по совершенствованию досудебного производства. Они касаются:

1) вывода следователей из состава органов прокуратуры (Федеральный закон от 05.06.2007 № 87-ФЗ);

2) дифференциации процессуальных полномочий между прокурором и руководителем следственного органа (указанный ФЗ-87 от 05.06.2007);

3) введения в УПК РФ за 95 лет его существования такого участника уголовного судопроизводства, как начальник подразделения дознания, а затем – и начальник органа дознания;

4) введения в УПК РФ досудебного соглашения о сотрудничестве (Федеральный закон от 29.06.2009 № 141-ФЗ);

5) в досудебное производство возвращена сокращенная форма дознания и ряд других нововведений (Федеральный закон от 04.03.2013 № 23-ФЗ). Кстати, о необходимости многих из этих законов автор высказывался еще в конце 1990-х в период подготовки УПК РФ ко второму чтению.

Следует также учитывать, что УПК РФ принимался в условиях компромисса в решении наиболее сложных вопросов. Так, Федеральный закон от 18.12.2001 № 177-ФЗ предусматривал переходные положения, согласно которым производство осмотра жилища при отсутствии согласия проживающих в нем лиц; обыска и (или) выемки в жилище, о заключении под стражу без судебного решения и ряд других должны были вводится в действие с 1 января 2004 г. (и это через 10 лет после принятия Конституции Российской Федерации), что Постановлением Конституционного Суда Российской Федерации от 14.03.2002 №6-П было признана не соответствующими Конституции Российской Федерации, и Федеральным законом от 29.05.2002 №58-ФЗ, когда УПК еще не вступил в силу, законодатель был вынужден внести в него первые изменения, предусматривающие единый судебный порядок ограничения конституционных прав и свобод участников уголовного процесса и ряд других. Компромиссом законодателя являлась и редакция ст. 146 УПК РФ, предусматривающая получение согласия прокурора на возбуждение уголовного дела, для пересмотра которого потребовалось 5 лет (Федеральный закон от 05.06.2007 № 87-ФЗ).

Однако уже сегодня развитие научной мысли, складывающаяся следственная и судебная практика, признание Конституционным Судом Российской Федерации отдельных положений УПК РФ несоответствующими Конституции Российской Федерации, происходящие в уголовно-процессуальном законодательстве государств бывшего СССР значительные изменения и, в целом, затратность и забюрократизированность уголовного процесса требуют научного обоснования и новых законодательных решений.

Если кратко, то отдельные положения УПК РФ: не отражают в полной мере реалии развития российского общества; содержат в себе ряд положений, перешедших из уголовно-процессуального законодательства 1922, 1960 гг.; законодатель уже в период действия УПК РФ неоднократно допускал принятие поправок, носящих характер контрреформ (например частичное возвращение института судебного доследования, необоснованное расширение изложения в обвинительном заключении доказательств), которые, кстати, были для России всегда характерными.

Говоря о необходимости дальнейшего совершенствования, но не создания нового УПК РФ, автор хотел бы остановиться на необходимости конкретных изменений:

– процессуальной нормы о 2-х месячном сроке предварительного следствия (ч. 1 ст. 162 УПК РФ), которая воспроизводит аналогичное положение ст. 119 УПК РСФСР 1922 г., а ее содержание, позволяющее продлевать без ограничений срок предварительного следствия не соответствует положениям ст. 6.1 УПК РФ о разумном сроке уголовного судопроизводства, который в соответствии с Постановлением Пленума Верховного Суда от 29.03.2016 № 11-П по уголовным делам не должен превышать 4 лет;

– еще более одиозная ситуация сложилась с первоначальным сроком содержания обвиняемого под стражей (2 месяца), в который сегодня входят от 10 до 30 суток для принятия прокурором решения о дальнейшем движении дела (ранее до 5 суток), и 14 суток для принятия судом (судьей) решения в соответствии с ч. 1 ст. 227 УПК РФ. В государствах Европы первоначальный срок содержания под стражей составляет от 100 до 120 суток.

Принципиального пересмотра требует и институт предъявления обвинения, поскольку:

– исключение института предъявления обвинения частично уже реализовано при расследовании в форме дознания. За 20 лет действия УПК РФ без предъявления обвинения направлено в суд более 5 млн. уголовных дел;

– фактически отсутствуют различия в правовом статусе подозреваемого (ст.46 УПК РФ) и обвиняемого (ст.47 УПК РФ). Кроме этапа окончания уголовного дела;

– позиция Европейского Суда по правам человека (гр. Экли против Германии) о том, что обвинение определяется как официальное уведомление лица компетентным органом государственной власти о наличии предположения о том, что этим лицом совершено уголовно-наказуемое правонарушение [1].

В этой же связи предлагается реализовать в УПК РФ опыт абсолютного большинства зарубежных государств, предусматривающих в своем процессуальном законодательстве возможность изменения в суде обвинения. Подобное ходатайство может быть заявлено стороной в любое время. Так, согласно ч. 2 ст. 301 УПК Республики Беларусь, если в ходе судебного следствия возникнет необходимость в дополнении расследования, или изменения обвинения на более тяжкое либо в предъявлении нового обвинения, суд по ходатайству государственного обвинителя объявляет перерыв на срок до 10 суток, который может быть продлен до 30 суток и предлагает прокурору устранить выявленные недостатки и даже перепредъявить обвинение.

Считаем необходимым обратиться к еще одному аспекту в обеспечении прав и свобод человека и гражданина. На протяжении уже 10 лет продолжаются научные баталии о результатах реализации Федерального закона от 05.06.2007 № 87-ФЗ. Еще в 2010 г. Н. Н. Ковтун по этой проблеме высказался, по сути, так, что «хватит лить крокодиловы слезы» [2]. Анализ позволяет заявить о положительной роли этого закона в обеспечении прав и свобод участников процесса.

Статистические данные о результатах расследования уголовных дел в новых условиях подтверждают обоснованность данной реформы. Так, число оправданных судом лиц по направленным в суд следователями ОВД уголовным делам сократилось с 1 372 подсудимых в 2006 г. до 371 подсудимого в 2021 г., а по делам, расследованным следователями Следственного комитета Российской Федерации их число за указанный период уменьшилось с 1885 до 630 подсудимых. Многократно сократилось за указанный период и число оправданных, содержащихся под стражей (с 524 до 151 оправданных по делам, расследованным следователями ОВД и с 954 до 220 человек по делам следователей Следственного комитета). Как результат усиления прокурорского надзора автор рассматривает и многократно сокращение количество уголовных дел, возвращенных судом прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ (с 34 209 уголовных дел в 1999 г. или 4 % от направленных в суд до 4 518 дел или 1,2 % – в 2021 г.).

Автор предлагает включить в УПК РФ протокольную форму предварительного расследования, включающий в себя следующие положения:

– расследование должно производиться в отношении конкретного лица, признавшего факт совершения преступления;

– при этом обстоятельства преступления должны быть очевидны и не требовать производства всего комплекса следственных действий;

– начало производства по уголовному делу не должно обусловливаться постановлением о возбуждении уголовного дела;

– должно быть предусмотрено ограничение перечня следственных действий допросом подозреваемого и потерпевшего;

– экспертиза должна производиться лишь в случаях, предусмотренных п. 2 ст. 196 УПК РФ;

– к материалам уголовного дела подлежит приобщению справка о судимости для определения судом вида уголовного наказания.

Суть другой составляющей в том, что:

– подозреваемые (порядка 150 тыс. в год) подлежат, за исключением отдельной категории (возраст, болезнь), задержанию в порядке ст. 91, 92 УПК РФ (для сравнения, в 1998-1999 гг. ежегодно заключалось под стражу 450-480 тыс. подозреваемых, обвиняемых, а сегодня – 130 тыс.);

– в течение 48 часов уголовное дело предлагается направлять прокурору для утверждения обвинительного протокола и передачи его в суд;

– судья в соответствии с требованиями ч. 7 ст. 108 УПК РФ, с учетом внесения в нее в будущем изменений, продлевает срок задержания до 72 час, в течение которых рассматривает уголовное дело;

– в случае невозможности рассмотрения уголовного дела, расследованного в протокольной форме, суд возвращает его прокурору для расследования в общем порядке;

– расследование по протокольной форме производится как дознавателем, так и иным должностным лицом органа дознания (полиции);

– в 1995–1996 гг. по протокольной форме досудебной подготовки материалов в суд их направлялось 250-300 тыс. ежегодно.

Среди других проблем современного УПК – избрание меры пресечения в отношении лиц, скрывшихся от органов расследования и объявленных в федеральный розыск, поскольку ежегодно их число достигает 150 тыс., а действующий порядок избрания меры пресечения, не допускающий заочного вынесения судом решения о заключении под стражу, за исключением обвиняемого, объявленного в международный розыск (ч. 5 ст. 108 УПК РФ), соответствуя тем самым положениям Конституции Российской Федерации и Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод, предоставляющим задержанному лицу право предстать перед судом незамедлительно после задержания.

С учетом изложенного автором предлагается: предоставить суду по месту расследования уголовного дела возможность заочного заключения объявленных в федеральный розыск подозреваемых, обвиняемых под стражу; при задержании вне места производства предварительного расследования в течение 48 час. это лицо должно предстать перед судом по месту фактического задержания, которым устанавливается его личность и проверяется не отменено ли решение суда о заключении под стражу. А после доставления к месту производства предварительного расследования – в течение 48 час. задержанный должен предстать перед судом (судьей), избравшим меру пресечения, для решения вопроса об оставлении ее в силе либо изменении.

И последнее, по поводу чего сегодня активизировалась дискуссия на различных площадках (от Общественной палаты – до Совета Федерации)-это неэффективность стадии возбуждения уголовного дела, результатом чего является сокращение уровня уголовно-процессуального реагирования. Так, несмотря на сохранение количества заявлений, сообщений о преступлениях (10,7 млн. в 2006 г. и 9,3 млн. в 2021 г.), количество возбужденных уголовных дел значительно (в 1,9 раза) сократилось (с 3,3 млн. в 2006 г. до 1,67 млн. в 2021 г.), а их удельный вес от зарегистрированных сообщений о преступлениях сократился в 2 раза, составив в 2021 г. всего 15,8 %.

Причина складывающейся негативной практики реагирования на сообщения о преступлениях обусловлена значительным увеличением ежегодно количества принимаемых следователем, дознавателем, органом дознания процессуальных решений об отказе в возбуждении уголовного дела. Прямым следствием действия института «отказных» материалов является искусственное изменение «тренда» преступности, уровень которой к 2006 г. составлял 3.853 млн., однако к 2021 г. он сократился до 2.004 млн. или на 1,85 млн. преступлений или на 47 %. При этом количество «отказных» материалов значительно возросло (с 4,5 млн. в 2006 г. до 6,8 млн. в 2016 г. и 5,7 млн. в 2021 г.). Как следствие, ежегодно порядка 5 млн. потерпевших от совершенных в отношении них противоправных деяний не получают юридической помощи от государства в лице правоохранительных органов и судов, чем прямо нарушаются положения ст. 2 Конституции Российской Федерации.

Наше предположение об исключении из УПК РФ процессуальной нормы – ст. 146 УПК РФ или стадии возбуждения уголовного дела обусловлено и складывающейся с учетом решений Конституционного Суда Российской Федерации, начиная с определения от 18.07.2006 № 343-О, и, соответственно, Верховного Суда Российской Федерации судебно-следственной практики, которая сегодня исходит из необходимости возбуждения уголовного дела, например, в случае установления нового лица, совершившего преступление, по факту которого уже возбуждено основное дело, или при выявлении нового преступления лицом, в отношении которого уже возбуждено уголовное дело.

Так, определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 19.12.2013 уголовное дело, возбужденное по признаку совершения преступления группой лиц (п. «б» ч.4 ст.132 УК РФ), было возвращено прокурору, поскольку в постановлении о возбуждении был указан только гражданин «З.». По мнению Верховного Суда Российской Федерации, в отношении «Г.» также необходимо было вынести постановление о возбуждении дела, что противоречит как многолетней практике Конституционного Суда и Верховного Суда Российской Федерации, так и правовому содержанию остающейся неизменной на протяжении 55 лет норме о возбуждении дела и ч. 1 ст. 448 действующего УПК РФ, не требующей вынесения самостоятельного постановления о возбуждении дела, если оно возбуждено в отношении других лиц.

Указанные и другие обстоятельства обуславливают необходимость обсуждения вопросов развития уголовно-процессуальной политики в контексте совершенствования в целом уголовно-правовой политики на Парламентских слушаниях в Совете Федерации 18 ноября 2013 г. и там же на заседаниях «круглого» стола 24 июня и 23 сентября 2014 г. В последующем о необходимости разработки концепции досудебного производства научная дискуссия продолжалась на «Бабаевских» чтениях в мае 2015 г., на «Кутафинских» чтениях в апреле 2016 г., на Парламентских слушаниях в Совете Федерации 20 декабря 2016 г. и 5 апреля 2017 г. при обсуждении Дорожной карты (2017–2025 гг.) совершенствования уголовной политики, представленной А.Л. Кудриным, 13 декабря 2017 г. на «круглом столе» в Совете Федерации и ряде других научных форумов. Автор

участвовал в указанных слушаниях и представлял свои предложения по совершенствованию отдельных институтов УПК РФ.

Список литературы

1.Гаврилов Б. Я. Предъявление обвинения в досудебном производстве: есть ли основания к его реорганизации? // Труды Академии управления МВД России, 2017. № 4. С. 51–56.

2.Ковтун Н. Н. К дискуссии об «утраченных» полномочиях прокурора. Есть ли предмет для дискуссии? // Российская юстиция. 2010. № 5. С. 29–34.

3.О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок»: Федеральный закон от 30.04.2010 №69-ФЗ (ред. от 08.03.2015) // Собрание законодательства Российской Федерации, 2010. №18. ст. 2145.

4.О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации»: Федеральный закон от 05.06.2007 №87-ФЗ (ред. от 22.12.2014) // Собрание законодательства Российской Федерации, 2007. № 24. ст. 2830.

5.О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 06.06.2007 № 90-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 2007. №24. ст. 2833.

6.О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части уточнения полномочий начальника органа дознания и дознавателя: Федеральный закон от 30.12.2015 №440-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 2016, №1. ст. 60.

7.Федеральный закон от 29.06.2009 №141-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации, 2009. № 26. ст. 3139.

8.О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 04.03.2013 №23-ФЗ (ред. от 28.12.2013) // Собрание законодательства Российской Федерации, 2013. № 9. ст. 875.

9.Федеральный закон от 18.12.2001 № 177-ФЗ (ред. от 23.06.2016) «О введении в действие Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации, 2001. № 52. ст. 4924.

10. По делу о проверке конституционности статей 90, 96, 122 и 216 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами граждан С. С. Маленкина, Р. Н. Мартынова и С. В. Пустовалова: Постановление Конституционного Суда РФ от 14.03.2002 № 6-П // СПС «КонсультантПлюс».

11. О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 29.05.2002 №58-ФЗ (ред. от 29.12.2010) // Собрание законодательства Российской Федерации, 2002. №22. ст. 2027.

12. О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении дел о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.03.2016 №11 // СПС «КонсультантПлюс».

13. Отсутствие постановления о возбуждении уголовного дела является существенным нарушением уголовно-процессуального закона, влекущим отмену приговора, поскольку связано с несоблюдением органами предварительного следствия процедуры судопроизводства и нарушением права на защиту: Определение судебной коллегии по уголовным делам Верховный Суд Российской Федерации от 19 декабря 2013 г. №60-Д13-3 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2014. № 8.

Гладышева О. В.[1]*,*
заведующий кафедрой уголовного процесса
Кубанского государственного университета,
доктор юридических наук, профессор

ВОЗБУЖДЕНИЕ УГОЛОВНОГО ДЕЛА ПО НОВЫМ ЭПИЗОДАМ ПРЕСТУПНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Уголовное судопроизводство является важным социальным инструментом разрешения конфликтов, порожденных совершением уголовно-наказуемого деяния. Содержание имеющихся законодательных положений обеспечивает возможность установления обстоятельств совершения преступлений и защиты прав лиц, вовлеченных в сферу уголовно-процессуальных отношений. В системе уголовно-процессуального права предусматриваются институты, непосредственно направленные на восстановление нарушенных либо неправомерно ограниченных прав участников. В то же время не менее, а, возможно, и более значимыми, выступают те институты, которые обеспечивают обоснованное начало всей этой масштабной, всегда правоограничительной, деятельности государственных органов и должностных лиц.

Одним из таких институтов выступает возбуждение уголовного дела. Данный институт локализован в рамках самостоятельной стадии. Ее исследование ведется постоянно и затрагивает самые различные аспекты: от принципов уголовного судопроизводства и проблем их реализации до определения элементов процессуального статуса отдельных участников этой стадии.

Надо также отметить активную законодательную деятельность, проводимую в отношении правового регулирования в стадии возбуждения уголовного дела. Эта деятельность перманентно и динамично изменяет законодательные предписания, касающиеся соответствующих правил. Так, ст. 140 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) многократно изменялась, включая введение и исключение новых поводов к возбуждению уголовного дела, уточнению, а подчас и кардинальному изменению его оснований.

Отметим также, что постоянные изменения ст. 140, 144 и иных положений УПК РФ, затрагивающих порядок стадии возбуждения уголовного дела, не могут не восприниматься как проблема не только стабильности законодательства, но и правоприменения, затрудняющая понимание содержания этой стадии в целом. В то же время эти изменения свидетельствуют о продолжении поиска законодателем оптимального порядка возбуждения уголовного дела.

Не менее активны в этом направлении и ученые. Не затрагивая детали полученных научных результатов, которые весьма многочисленны, отмечу лишь сформировавшиеся и ставшие уже традиционными два основных взгляда на стадию возбуждения уголовного дела:

1) это рудимент устаревшей советской системы уголовного судопроизводства, подлежащий скорейшему исключению из этой системы;

---

[1] © Гладышева О. В., 2022.

2) необходимый элемент уголовного судопроизводства, который, однако, нуждается в совершенствовании.

Именно второго из указанных подходов, как свидетельствуют изменения в УПК РФ, придерживается законодатель.

Критические замечания в отношении стадии возбуждения уголовного дела высказываются, в основном, по отношению к тем правилам, которые установлены и прямо определяются в тексте УПК РФ. Однако, есть ряд положений, которые, не имея буквального отражения в нормах права, тем не менее, существенно влияют на общую конфигурацию не только этой стадии, но и всего уголовного судопроизводства.

Речь идет о вынесении постановлений о возбуждении уголовного дела при *выявлении новых эпизодов преступной деятельност*и одного и того же лица, уже выступающего подозреваемым или обвиняемым по уголовному делу. Механизм этого действия внешне выглядит следующим образом:

– следователь, проводя расследование по некоторым фактам преступной деятельности, выясняет причастность подозреваемого (обвиняемого) к иным аналогичным либо отличающимся по фактической стороне, фактам;

– полученные сведения становятся основанием для нового постановления о возбуждении уголовного дела, которое следователь и выносит;

– после этого принимается решение о соединении уголовных дел и продолжается предварительное расследование уже по нескольким эпизодам преступной деятельности, в том числе, перепредъявляется обвинение, с учетом нового эпизода. Здесь уместно будет привести позицию Конституционного Суда Российской Федерации: «само по себе выявление новых эпизодов криминальной деятельности одного и того же лица, которые могут быть связаны либо не связаны с расследуемыми в его отношении преступными деяниями по различным объективным и субъективным признакам, *не влечет автоматического соединения* (здесь и далее курсив наш. – О.Г.) уголовных дел. … соединение уголовных дел выступает проявлением *дискреционного усмотрения* осуществляющих производство по делу должностных лиц и органов» [1].

Такого рода возбуждение уголовных дел по нескольким эпизодам стало обычной практикой. Например, в уголовных делах по ст. 159 УК РФ такого рода мероприятия могут проводиться на регулярной основе, поскольку мошенничество редко бывает одноэпизодным преступлением. Еще раз отметим, что указанная практика имеет под собой не буквальное законодательное правило, а является следствием истолкования и системного понимания положений уголовно-процессуального закона, в том числе, касающихся гарантий прав участников уголовного судопроизводства.

В уголовно-процессуальной науке задается вопрос: необходимо ли возбуждать уголовное дело в отношении одного и того же лица при выявлении нового эпизода преступной деятельности этого же лица? [2, с. 93].

И в этой части вектором для построения рассуждений вновь выступает правовая позиция Конституционного Суда Российской Федерации: «уголовно-процессуальный закон *не содержит норм, позволяющих* привлекать лицо в качестве

подозреваемого или обвиняемого, а также изменять и дополнять ранее предъявленное обвинение в связи с совершением лицом преступления, по признакам которого *уголовное дело не возбуждалось*. Напротив, УПК Российской Федерации предполагает необходимость соблюдения общих положений его статей 140, 146 и 153, в силу которых при наличии достаточных данных, указывающих на признаки преступления, *должно быть вынесено постановление* о возбуждении уголовного дела, которое при наличии других уголовных дел о совершенных тем же лицом преступлениях может быть соединено с ними в одном производстве. ... Определение того, является ли вновь обнаруженное преступное деяние составной частью события преступления, по которому ранее уже было уголовное дело возбуждено, или оно образует самостоятельное событие преступления, по признакам которого должно быть возбуждено новое уголовное дело, относится к компетенции правоприменительных органов» [3].

Эта правовая позиция не опровергается учеными: «Выявление в процессе расследования по «основному» делу признаков нового преступного события, в том числе совершенного тем же подозреваемым или обвиняемым, влечет необходимость решения вопроса о возбуждении нового уголовного дела. При этом следует учесть, что *вынесение отдельного* постановления о возбуждении дела *не требуется*, если вновь обнаруженное преступное деяние является *составной частью преступлений*, по которым ранее уже было уголовное дело возбуждено» [4, с. 6].

В части определения связи между имеющимися фактическим обстоятельствами и вновь выявленными эпизодами преступной деятельности на практике имеются существенные трудности. Их свидетельством, в частности, выступает одно из определений Верховного Суда Российской Федерации, сформировавшуюся в связи с рассмотрением конкретного уголовного дела: «… решение о возбуждении уголовного дела по факту приобретения (обвиняемым) и передаче на хранение (тайному свидетелю) наркотических средств не принималось, а инкриминируемое осужденному указанное преступление *не является* частью ранее возбужденного и расследуемого дела по факту незаконного сбыта наркотических средств, поскольку данные преступления отличаются конкретными фактическими обстоятельствами, направленностью умысла осужденного при совершении в разное время преступлений и с разными лицами» [5]. Эти обстоятельства стали причиной признания незаконным постановления суда первой инстанции.

Проблемная ситуация изложена в работе В. Н. Григорьева и А. Ю. Терехова, результаты ее анализа авторы представили так: «1) возбуждено уголовное преследование и предъявлено обвинение по признакам преступления, предусмотренного частью 6 статьи 290 УК РФ; 2) возбуждено уголовное преследование по признакам преступления, предусмотренного частью 1 статьи 201 УК РФ (злоупотребление полномочиями); 3) предъявлено обвинение по признакам преступления, предусмотренного частью 4 ст. 160 УК РФ (растрата)» [6, с. 56].

И, если первая ситуация вписывается в привычный алгоритм, то вторая и третья авторами квалифицируются как проблемные: во второй уголовное дело не получило своего логического завершения – прекращения либо иного формального окончания, а в третьей – не случилось возбуждения уголовного дела.

В таких условиях авторами вполне закономерно ставятся вопросы о правильности действий органов предварительного расследования и о выработке единого алгоритма процессуального поведения для исключения процессуальных ошибок и нарушений.

В правоприменительной деятельности органов предварительного расследования применительно к возбуждению уголовного дела, как представляется, могут складываться довольно многочисленные ситуации, связанные с новыми эпизодами или лицами. В их числе следующие:

1) обвиняемый по уголовному делу совершил новое преступление, *не связанное* (по фактическим обстоятельствам) с тем, которое находится в производстве следователя (дознавателя), при этом, обвиняемый совершил это новое преступление:

а) в соучастии с неизвестным лицом;

б) в соучастии с известным лицом;

в) самостоятельно;

2) в процессе расследования выясняется наличие нескольких новых эпизодов (*связанным* по фактическим обстоятельствам) преступной деятельности лица, которому предъявлено обвинение по текущему уголовному делу, при этом эти эпизоды совершены обвиняемым;

а) в соучастии с известным лицом;

б) в соучастии с неизвестным лицом;

в) самостоятельно;

3) выявляются признаки нового преступления, совершенного:

а) неизвестным лицом;

б) известным лицом, не являющимся обвиняемым или подозреваемым по текущему уголовному делу.

Каждая из этих ситуаций требует своего процессуального решения по части принятия или непринятия процессуального решения о возбуждении уголовного дела, с учетом, как представляется, общего алгоритма, который должен быть единым. Однако правила и условия возбуждения уголовного дела в указанных ситуациях сегодня существуют в большинстве своем только в рамках логических выводов, а не прямого законодательного регулирования. К их (правил) числу можно отнести:

– обязательность возбуждения уголовного дела в случаях, когда речь идет о привлечении к уголовному преследованию конкретного лица. Поясним свою мысль следующим тезисом: возбуждение уголовного дела в отношении конкретного лица требуется для того, чтобы обеспечить права этого лица, в частности, гарантировать его право на ознакомление с постановлением о возбуждении уголовного дела, предоставить возможность обжаловать это решение и др.;

– прекращение уголовного преследования конкретного лица, в отношении которого возбуждено уголовное дело, *не может приводить* к автоматическому переформатированию постановления о возбуждении уголовного дела по факту, о чем пишут ученые [7, с. 85].

Наша позиция основана на том, что нет ни одного положения уголовно-процессуального права, которое бы свидетельствовало о некоей *автоматичности* изменения процессуального решения:

– при обнаружении в ходе предварительного расследования в отношении обвиняемого нового эпизода преступной деятельности, *не совпадающего* по фактической стороне с расследуемым событием, необходимо возбуждать новое уголовное дело. В указанном случае существует большая вероятность их раздельного производства, что требует наличия самостоятельного решения о начале предварительного расследования;

– в случае выявления эпизода преступной деятельности, *совпадающего* с теми, что уже выступают предметом предварительного расследования, полагаю, что возбуждать новое уголовное дело не имеет смысла: фактические обстоятельства, субъект преступления – совпадают, что обусловливает единство процессуальных подходов, тактики предварительного расследования, его процессуальной формы и т. д.

Например, сегодня приобрело характер обязательного правила возбуждать уголовные дела по всем эпизодам незаконности в действиях, связанных с маркировкой товаров. Проиллюстрируем это конкретными материалами практики:

1) 04.02.2020 СЧ СУ УМВД России по Брянской области возбуждено уголовное дело № ... по признакам преступления, предусмотренного п. «б» ч. 6 ст. 171.1 УК РФ;

2) 20.03.2020 СО МО МВД России «Новозыбковский» возбуждено уголовное дело № … по признакам преступления, предусмотренного п. «б» ч. 6 ст. 171.1 УК РФ;

3) 07.05.2020 СЧ СУ УМВД России по Брянской области в отношении С. и неустановленных лиц возбуждено уголовное дело № … по признакам преступления, предусмотренного п. «а», «б» ч. 6 ст. 171.1 УК РФ;

4) 29.05.2020 СЧ СУ УМВД России по Брянской области возбуждено уголовное дело № … по признакам преступления, предусмотренного п. «а», «б» ч. 6 ст. 171.1 УК РФ» [8].

Возникает проблема процессуальной экономии в контексте существенного увеличения количества совершаемых процессуальных действий со стороны органов предварительного расследования, заинтересованных лиц, которые получают право обжаловать принятые решения, обусловливающее и все последующие, многочисленные, связанные с этим мероприятия. При этом каких-либо значимых результатов для назначения уголовного судопроизводства (в части обеспечения прав заинтересованных участников) или в решении иных важных задач не наблюдается. Все вопросы, которые могут возникнуть в связи с незаконным присоединением эпизодов преступной деятельности к уже имеющемуся обвинению могут быть благополучно разрешены средствами, доступными участникам в ходе предварительного расследования и судебного разбирательства.

Список этих условий можно продолжать и далее.

В целом же, как представляется, проблема с неоднократным возбуждением уголовного дела обусловлена существованием института возбуждения уголовного дела в отношении конкретного лица. Вспомним, что в содержании

УПК РСФСР 1960 г. допускалось возбуждение только по факту преступного события, при обнаружении его признаков, а не в отношении конкретных лиц, что исключало появление тех вопросов, которыми сегодня изобилует практика и соответствующая часть теории уголовного процесса.

В силу отмеченных проблем, полагаем, есть смысл обсудить такой аспект, как законодательный отказ от принятия решения о возбуждении уголовного дела в отношении конкретных лиц. Альтернативой может выступить ограничение таких решений конкретными составами преступления, например, относящимися к числу частного и/или частно-публичного обвинения.

Подводя итог, отметим основные выводы:

– возбуждение уголовного дела в ситуациях, когда речь идет о неоднократности эпизодов преступной деятельности составляет не только неразрешенную, но и недостаточно изученную проблему уголовного судопроизводства, включая отсутствие необходимого законодательного регулирования возникающих при этом правоотношений;

– причина имеющихся проблем, возможно, заключается в возбуждении уголовного дела в отношении конкретных лиц, и данная гипотеза требует своего дополнительного исследования;

– текущая ситуация может и должна быть скорректирована более детальным законодательным регулированием вопросов о возбуждении уголовных дел в спорных ситуациях. При этом целесообразно установить буквальные законодательные правила, обязывающие выносить отдельные постановления о возбуждении уголовного дела в случаях выявления новых эпизодов преступной деятельности обвиняемого (подозреваемого), в отношении которого проводится предварительное расследование;

– возбуждение уголовного дела в отношении конкретного лица не является в настоящее время обязательным, поэтому возбуждение уголовного дела по факту преступного события может помочь избежать многих процедурно не решенных вопросов и существенно сэкономить время и процессуальные ресурсы.

Список литературы

1. Определение Конституционного Суда РФ от 14 января 2020 г. № 6-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ефимова Александра Евгеньевича на нарушение его конституционных прав статьей 109 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации / Законы, Кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации».

2. Ковтун Н. Н. Возбуждение уголовного дела в отношении нового лица или по признакам нового преступления: дискреционное право или императивная обязанность следственных органов? // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2019. № 1 (47). С. 93–99.

3. Определение Конституционного Суда РФ от 21 октября 2008 г. № 600-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Пивоварова Александра Николаевича на нарушение его конституционных прав положениями части первой ст. 175 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» / Архив решений арбитражных судов и судов общей юрисдикции.

4. Калиновский К. Б. Всегда ли следует возбуждать уголовное дело при обнаружении нового преступления или нового лица? // Российский следователь. 2009. № 6. С. 5–8.

5. Верховный Суд Российской Федерации. Кассационное определение от 17 декабря 2020 г. Дело № 89-УДП20-10 / Доступ с официального сайта Верховного Суда Российской Федерации.

6. Григорьев В. Н., Терехов А. Ю, Научный анализ некоторых практических явлений (об уведомлении о переквалификации действий) // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2015. № 2 (30). С. 55–61.

7. Шишков А. А. Процессуальные решения при обнаружении нового преступления или нового лица в ходе предварительного расследования // Вестник Московского университета МВД России. 2012. № 2. С. 83–87.

8. Брянский областной суд. Постановление от 17 июня 2020 г. по делу № 22к-919. URL: sudact: https://sudact.ru/regular/doc/h9JmglASDn1J/.

Гончар В. В.[1]**,**
начальник кафедры ИБ УНК ИТ
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

ОТДЕЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОСМОТРА СЕРВЕРНОГО ОБОРУДОВАНИЯ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

Как отмечают в экспертном сообществе в 2021 г. количество атак с использованием вредоносного программного обеспечения (далее ВПО) увеличилось на 54 % относительно прошлогоднего показателя. Разработчики ВПО уделяли много внимания методам сокрытия деструктивного воздействия и совершенствовали способы доставки, переключились на использование уязвимостей на сетевом периметре. Частных лиц в основном атаковали с помощью шпионского ВПО и банковских троянов, а организации чаще становились жертвами программ-вымогателей.

Трендом 2020 и 2021 гг. в атаках на организации является применение шифровальщиков, их доля среди ВПО составила 45 %. Операторы программ-вымогателей перешли от массовых атак к целенаправленному выбору жертв, увеличили суммы выкупа, открыли новые сайты по продаже украденной информации и начали использовать DDoS-атаки для шантажа жертв.

В данной статье рассматриваются некоторые аспекты данной деятельности, так как детальное описание особенностей работы со всеми разновидностями серверного оборудования выходит за рамки отдельной статьи.

При проведении следственных действий, связанных с исследованием серверного оборудования, можно выделить две основные следственные ситуации:

– изъятие серверного оборудования при поддержке владельца (сотрудник, занимающийся эксплуатацией и администрированием данного оборудования, добровольно предоставляет учетные данные и рассказывает о способах подключения);

– изъятие серверного оборудования, при котором администратор (собственник) не желает оказывать содействие, либо активно противодействует проводимому следственному действию.

И если при первой ситуации методика работы с оборудованием понятна, то в отсутствии средств взаимодействия и хоть какой-то исходной информации об объекте осмотра, планирование проведения следственного действия значительно усложняется.

В практической деятельности даже обнаружение сервера может вызвать затруднения, так как роль сервера может выполнять абсолютно любой компьютер. В рамках проведения следственного действия особое внимание стоит уделять исследованию сетевого взаимодействия различных электронных устройств. Факт

[1] © Гончар В. В., 2022.

обнаружения сетевого хранилища, с которым взаимодействуют локальные компьютеры задаст необходимый вектор проведения следственного действия и в дальнейшем позволит установить местонахождение искомого сервера.

После обнаружения соответствующего устройства его необходимо описать и упаковать (либо создать копию для дальнейшего исследования) [1]. В данном случае необходимо обратить внимание на особенности эксплуатации накопителей в серверном оборудовании. Не редко, привычные экспертам и специалистам накопители на жестких магнитных дисках используются в составе RAID-массивов, и изъятие отдельно накопителей, без соответствующего его описания, последовательности установки и конфигурации RAID-массива приводит как правило к серьезным затруднениям при проведении дальнейшего исследования (экспертизы) изъятых устройств.

Подобные ситуации, в большинстве случаев, связаны с недостаточной компетенцией привлеченного к производству следственного действия специалиста, который, например, не усмотрел необходимости в изъятии целиком аппаратного контроллера RAID-массива, ограничившись копиями жестких дисков, либо при схожих обстоятельствах не изъял из ноутбука один из жестких дисков, объединенных в массив, в виду того, что компоновка современных компьютеров затрудняет осмотр его элементов без полной разборки.

Довольно часто следователи даже не подозревают, что в ходе осмотра и изъятия ноутбука или системного блока они также сталкиваются с хранением данных в RAID-массивах, поскольку жесткие диски, из которых он собран, не утрачены, настройки не нарушены. В дальнейшем эксперт, обладающий необходимыми познаниями в области судебной компьютерно-технической экспертизы, сможет качественно произвести исследование хранящихся в массиве данных, собрав в массив копии жестких дисков.

Существует мнение, что работа с в RAID-массивами может быть усложнена применением различных средств и способов шифрования данных, которые затрудняют доступ к значимой информации. Здесь необходимо помнить, что это не является чем-то особенным, поскольку зашифрованы и на аппаратном, и на программном уровне могут быть также жесткие диски, не собранные в RAID.

В следственной практике не редко встречаются ситуации, при которых необходимо наряду с RAID массивами осматривать «облачные» хранилища информации, данные, имеющие доказательственное значение, и реализованные как публичные либо приватные сервисы в сети Интернет. Считаем, что такие действия целесообразно осуществлять в рамках оперативного мероприятия «получение компьютерной информации», так как уголовно-процессуальным законодательством не предусмотрено соответствующего следственного действия.

Сложившаяся следственная практика изучения электронных страниц веб-сайтов в ходе осмотре электронного документа в данном случае неприменима, так как доступ к аккаунту облачного хранилища, в большинстве случаев, осуществляется по URL-адресу под аутентификационными данными владельца хранящейся в нем информации. Таким образом, при осмотре информации, содержащейся в «облачном» хранилище, производится копирование данных с удаленных

серверов на электронный носитель информации, который приобщается к протоколу и в дальнейшем направляется на исследование или экспертизу. Действия, направленные на копирование информации, не должны нарушать целостность и конфиденциальность иных данных, не относящихся к исследуемому аккаунту.

Список литературы

Статистика МВД России. URL: https://мвд.рф/Deljatelnost/statistics (дата обращения: 12.08.2022).

2. Гончар В. В., Галиев Д. В. Особенности осмотра и изъятия электронных носителей информации с учетом требований ст. 164.1 УПК РФ // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 2. С. 134–134.

Горач Н. Н.[1],
доцент кафедры предварительного расследования
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат педагогических наук
Лаврова О. Н.[2],
заместитель начальника кафедры уголовного процесса
Московского областного филиала
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ РАССЛЕДОВАНИЯ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ, СВЯЗАННЫХ С НЕЗАКОННЫМ ОБОРОТОМ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ И ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, СОВЕРШЕННЫХ С ИПОЛЬЗОВАНИЕМ КРИПТОВАЛЮТЫ

В последние два года по всему миру, произошел огромный скачок развития распределенных вычислений, основанных на технологии BlockChain (в переводе с англ. – «цепочка блоков»). Особенно это актуально для повсеместного распространения криптовалют – так называемых электронных денег.

Как следует из следственной практики, в Российской Федерации широко распространилась торговля наркотическими веществами и их прекурсорами именно с помощью криптовалюты.

Наиболее распространенной является биткоин, в ввиду его наиболее удобной конвертируемости в «реальные» деньги. Однако следует отметить то, что ряд преступных организаций (как, например, террористические), используют еще более криптозащищенные электронные деньги. Связано это с тем, что уровень компьютерной грамотности злоумышленников постоянно растет. В частности, некоторые преступные организации практически отказались от использования Биткоина и перешли на Zcash после появления в специализированных научных журналах информации о том, что с помощью специальных алгоритмов у Центрального разведывательного управления США имеется возможность территориально локализовать местоположение владельца Биткоин-кошелька.

Преступники достаточно комфортно чувствуют себя в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», поскольку существующую систему ограничения доступа (блокировки) сайтов, осуществляемую Роскомнадзором по требованиям судов, возможно обойти. Так, злоумышленники переносят сайт с запрещенного адреса и домена на другой (не входящий в реестр запрещенных сайтов) в течение нескольких часов. Однако чаще всего они этого не делают, поскольку так как зайти на «заблокированный» сайт можно с помощью программных средств, используемых преступниками для обхода блокировок.

Рассмотрим классическую схему приобретения наркотиков в сети «Интернет» с помощью криптовалюты и так называемых «закладок».

---

[1] © Горач Н. Н., 2022.
[2] © Лаврова О. Н., 2022.

На сайте, расположенном в любой доступной доменной зоне, находится интернет-магазин с наркотическими средствами и иными запрещенными к свободному обороту вещами и предметами. После выбора интересующего товара и желаемого места «закладки», происходит перенаправление на веб-страницу оплаты, на которой указаны платежные реквизиты – адрес электронного кошелька, на который необходимо перевести необходимое количество криптовалюты для завершения покупки. Далее у лица, приобретающего наркотическое вещество, есть два пути: приобрести криптовалюту на платформе, аффилированной с ресурсом по продаже наркотиков (соответствующий рекламный баннер (ссылка) обычно присутствует на подобных сайтах), либо приобрести на стороннем ресурсе и перевести по указанным реквизитам.

У лиц, имеющих постоянный контакт с критообменными операциями, зачастую имеются электронные кошельки на персональных компьютерах или мобильных телефонах. Но с целью сокрытия или при эпизодическом характере приобретения криптовалюты, покупка необходимого количества «электронных денег» происходит непосредственно в момент приобретения наркотических веществ.

После оплаты наркотика, покупатель получает географические координаты и фотографию места «закладки» с кратким пояснением о ее конкретном местоположении. Далее покупатель может забрать «закладку» сам либо воспользоваться услугами так называемого «дропа». «Дропами» в преступном сообществе называют посредника, который за небольшое вознаграждение заберет приобретенный товар из «закладки» и сделает «перезаклад». Особо осторожные покупатели наркотиков делают «перезаклады» до пяти раз, дабы максимально удлинить цепочку от продавца до приобретателя. Услуги «дропов» зачастую также оплачиваются криптовалютой.

При приобретении крупных партий наркотиков на большие суммы используется схема приобретения через так называемого «гаранта». «Гарант» – это доверенное лицо, авторитетное в криминальном сообществе (либо на конкретном ресурсе), которое за небольшой процент от суммы совершения сделки (обычно от двух до пяти процентов) обеспечивает прозрачность сделки для обеих сторон. Покупатель наркотиков переводит «гаранту» оговоренную сумму. «Гарант» переводит эту сумму продавцу, только после того как удостоверится, что «заклад» был поднят покупателем и у него нет иных претензий к продавцу. По требованию покупателя, также «гарант» может проверить качество наркотика, произвести его перефасовку, доставить в другое место из «заклада» и прочее. В частности, «гарант» может удержать часть суммы в пользу покупателя или продавца, если будут нарушены те или иные условия сделки.

Наибольшее значения для сбора доказательной базы при расследовании преступлений с использованием криптовалюты имеют электронные средства хранения и обработки информации – персональные компьютеры и мобильные телефоны, а также банковские выписки по движению денежных средств со счета подозреваемого. Если подозреваемый отрицает сам факт использования криптовалюты, то косвенным признаком, подтверждающим ее использование, является специализированное программное обеспечение, установленное на персональном

компьютере или мобильном телефоне. Данное программное обеспечение необходимо для приобретения, хранения и перевода различных криптовалют.

В частности, для мобильных телефонов используются следующие приложения: BitcoinCore, Abra, BitPay, Coinbase, CryptoPro, Gliph, Fold, Xapo, Circle, lockfolio, Криптонатор. Для персональных компьютеров используются такие программы, как: EXODUS, HolyTransaction, Coinomi, и другие. Следует отметить, что существуют «боты» (программные роботы) для мессенджера Telegram, с помощью которых также возможно приобретение и иные операции с криптовалютой. Злоумышленники чаще всего используют именно этот мессенджер, так как он обеспечивает защищенную передачу информации, которую, по их мнению, невозможно оттуда извлечь. Поэтому на первоначальном этапе предварительного следствия по уголовным делам о преступлениях указанной категории необходимо как можно скорее произвести изъятие у подозреваемого мобильного телефона и персонального компьютера для последующего осмотра и анализа, содержащихся в них сведений, специалистами и экспертами в сфере компьютерных технологий.

Каков же алгоритм действий следователя при расследовании уголовных дел о сбыте наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов, совершенных посредством использования информационно-телекоммуникационных сетей?

К примеру, версия об использовании наркоторговцами так называемых «закладок» может быть выдвинута уже в ходе *осмотра места происшествия*. Осмотр места происшествия имеет своими целями обнаружение, фиксацию, изъятие, упаковку и сохранение следов и иных вещественных доказательств, отбор сравнительных и контрольных образцов, которые впоследствии могут быть использованы, в том числе, и для проведения судебных экспертиз на предмет относимости обнаруженных объектов к наркотическим средствам, психотропным веществам и их аналогам. Чаще всего именно с него начинается расследование.

Учитывая групповой и организованный характер рассматриваемых преступлений, по делам данной категории нередко проводятся *обыски*, в частности, по местам жительства участников и руководителей преступных групп и сообществ, специализирующихся на производстве и распространении наркотиков.

Ключевая черта обыска заключается в том, что обыск имеет принудительный характер и его проведение связано с вторжением в сферу конституционных прав и свобод человека и гражданина. Обыски следует проводить оперативно и внезапно, поддерживая постоянный обмен оперативной и доказательственной информацией между проводящими одновременные обыски в разных местах группами. Это играет немаловажную роль преодолении противодействия расследованию со стороны виновных лиц и их пособников. Обыски должны проводится с соблюдением требований внезапности производства, плановости, последовательности и полноты поиска наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов, использования современных средств криминалистической техники, привлечения к участию в обыске специалистов [1].

Дефицит времени, обусловливающий особенности тактики проведения обыска, с одной стороны, затрудняет следователю процесс подготовки к обыску,

а, с другой стороны, влияет на то, что преступник зачастую не успевает тщательно скрыть все следы преступления.

В качестве обязательного участника производства обыска для изъятия электронных носителей информации необходимо привлекать специалиста в области вычислительной техники [2].

Серийный и многоэпизодный характер совершения преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов, обуславливает то, что выемки по данной категории уголовных дел должны проводиться незамедлительно после получения информации о нахождении в том или ином месте интересующих следствие названных средств и веществ. При необходимости проведения нескольких выемок по уголовному делу, они должны быть проведены максимально оперативно и, по возможности, одномоментно.

Как пишет Е. В. Баркалова, «допрос по уголовным делам о незаконном обороте наркотических средств и психотропных веществ должен проводиться тщательно по всем обстоятельствам, входящим в предмет доказывания. В случае, если в ходе допроса подозреваемый сообщает информацию о подельниках, например сбытчике наркотического средства, указывая на адрес его места жительства, целесообразно там провести обыск как следственное действие в случаях, не терпящих отлагательства» [3].

Среди следственных действий, проводимых при расследовании преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов, преступного сообщества (преступной организации), важное место занимает *допрос подозреваемого и обвиняемого*, так как следователи во всех случаях сталкиваются с необходимостью его проведения.

Допрос подозреваемого и обвиняемого – проводимое практически во всех случаях на первоначальном этапе расследования и раскрытия преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов, следственное действие. Понятия допроса подозреваемого и обвиняемого в УПК РФ не сформулировано. Порядок производства допроса обвиняемого регламентирован в ст. 173 УПК РФ.

На подготовительном этапе производства допроса подозреваемого и обвиняемого принимается решение о возможности и необходимости производства данного следственного действия; определяются цели его проведения, а также его способы, в частности, последовательность проведения; выясняются условия, при которых будет производиться допрос; разрабатывается план производства допрос подозреваемого и обвиняемого, подбираются необходимые средства и оборудование для фиксации хода допроса; принимаются соответствующие меры по обеспечению явки подозреваемого (обвиняемого).

Допрос подозреваемого и обвиняемого должен проводиться с соблюдением требований плановости, последовательности и полноты поиска и подтверждения доказательственной информации, использования современных познаний в области психологии и юриспруденции.

Фиксация результатов допроса подозреваемого и обвиняемого образует содержание завершающего этапа, на котором следователем оформляется и зачиты-

вается участникам следственного действия его протокол; оформляются и приобщаются к протоколу необходимые материалы (видеозаписи, фотографии и т. п.); принимаются меры, направленные на обеспечение сохранности полученных в ходе производства следственного действия материалов и документов.

В качестве одного из ключевых следственных действий по указанной категории уголовных дел является *проверка показаний на месте*. По прибытии на место проведения данного следственного действия проводятся, в частности, следующие мероприятия: проверяется или организуется охрана места проведения следственного действия; проверяется наличие участников следственного действия и устанавливаются их личности, приглашаются специалисты и иные необходимые участники; под подпись в протоколе участникам следственного действия разъясняются их права и обязанности, а также делается предупреждение об их ответственности; осуществляется инструктаж участников следственного действия; проверяется наличие и готовность технического оборудования и материалов; в присутствии понятых осуществляется проверка обстановки места проведения следственного действия.

В заключение следует отметить, что перечень следственных действий по уголовным делам о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов определяется исходя, из конкретной следственной ситуации.

Список литературы

1. Палий А. Ю. Особенности предварительного расследования и судебного рассмотрения уголовных дел о преступлениях, совершаемых организованными преступными сообществами на территории Республики Крым // Российский судья. 2018. № 5. С. 30.

2. Чистова Л. Е. Противодействие расследованию преступлений, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами: понятие и сущность // Lex russica. 2016. № 11. С. 61.

3. Анешева А. Т., Аксенова Л. Ю. Алгоритм действий следователя по установлению обстоятельств сбыта наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов посредством использования информационно-телекоммуникационных сетей (включая Интернет) // Российский следователь. 2019. № 6. С. 10.

4. Баркалова Е. В. Тактика производства следственных действий на последующем этапе расследования незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ // Российский следователь. 2018. № 12. С. 15.

Горлова Ю. А.[1]***,***
преподаватель кафедры предварительного расследования
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя
Введенский И. А.[2]***,***
слушатель Института подготовки сотрудников
для органов предварительного расследования
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

ОСОБЕННОСТИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ХИЩЕНИЯМИ АВТОТРАНСПОРТА

В наше время, такое имущество как автотранспортное средство, занимает в жизни человека важное место. Автотранспортное средство дает нам возможность быстро и комфортно добраться из своего местоположения до места назначения (на работу, учебу; до места отдыха; по личным делам и т. д.). Автомобилей в современном мире присутствует огромное множество. Из-за большого спроса на автомобили, их стоимость с каждым годом растет, а в условиях нынешней нехватки автомобильных запчастей и кризиса, стоимость автомобилей достигает наивысшей отметки в ценовом диапазоне. Согласно статистике, в среднем, в России, в семье имеется три автомобиля.

На фоне большой ликвидности и глобализации автотранспортных средств, возникает множество преступных деяний в отношении автотранспорта. За счет данных преступных деяний в виде краж и угонов автотранспорта, преступники имеют возможность быстрого и безопасного в преступном мире обогащения. Так, признаки такого уголовно наказуемого деяния как хищение чужого автотранспортного средства полностью подпадает под действие положений УК РФ, в которых предусмотрена ответственность за разные виды хищений – ст.ст. 158-162 УК РФ.

Основная цель, которую преследует лицо, похищающее автомобиль – это незаконное обогащение за счет данного автотранспортного средства, мотив – исключительно корыстный.

Согласно данным официальной статистики, подготовленной ФКУ ГИАЦ МВД России. Так, в 2021 г. на территории Российской Федерации было совершено 11 115 хищений транспортных средств, из которых раскрыто всего 44 981. В 2020 г. было похищено 14 788 транспортных средств, из которых раскрыто всего 51 652. В 2019 г. – 20 284 транспортных средств, из них раскрыто – 56 123.

Также, согласно данным официальной статистики, автотранспортные средства марок Mitsubishi, Toyota, Kia и Hyundai вошли в список самых угоняемых марок автомобилей с начала 2021 г. При этом, в г. Москва перечень самых угоняемых автомобилей заметно отличается от российского. Так, в столице угонщики чаще обращают внимание на Nissan XTrail и Nissan Qashqai, Mercedes-Benz GL/GLS и Mercedes-Benz GLK/GLC. Также среди преступников вырос интерес к Audi A6, Porsche Macan и Mazda CX-5 1. Следует отметить, что в большинстве

[1] © Горлова Ю. А., 2022.
[2] © Введенский И. А., 2022.

случаев преступники угоняют автомобили, которые пребывали в эксплуатации не более 5 лет.

Вместе с тем, рейтинг самых угоняемых машин говорит о том, какая модель популярна у угонщиков и какие автомобили наименее защищены от проникновения. Также из него можно сделать вывод о беспечности владельцев тех или иных машин. Так, например, в 69 % случаев автотранспортное средство не было оборудовано в момент угона охранной автосигнализацией. При этом, в 21 % такая система стояла в автомобиле, в связи с чем преступники с целью совершения преступления использовали штатные ключи, а также дополнительный пульт сигнализации.

Хищение автотранспортного средства следует рассматривать в качестве преступления, которое было совершено с корыстной целью и которое отвечает таким признакам, представленным ранее, как безвозмездность, противоправность изъятия, а также незаконное обращение в свою пользу либо в пользу третьих лиц. В качестве объекта хищения в данном случае выступает чужое автотранспортное средство, в связи с чем собственнику или другому законному владельцу похищенного автомобиля причиняется имущественный вред. Следует отметить, что такое преступление как хищение автотранспортного средства, будет считаться оконченным с того самого момента, когда собственнику или иному законному владельцу будет причинен имущественный ущерб. При этом, такой критерий как форма собственности похищаемого автотранспортного средства значения не имеет, поскольку в соответствии с положениями действующей Конституции Российской Федерации все формы собственности находятся под охраной закона.

Однако, анализ положений действующего Уголовного кодекса Российской Федерации позволяет сделать вывод, что в нем не предусмотрена ответственность за хищение автотранспортных средств. Данное обстоятельство в последствии приводит к тому, что рассматриваемое в данном исследовании преступление подлежит классификации в соответствии со статьями УК РФ, в которых предусмотрена ответственность за хищение чужого имущества в целом.

Имеет некоторые особенности момент окончания данного преступления, поскольку если хищение автотранспортного средства было совершено лицом или группой лиц с охраняемой территории, то в таком случае данное уголовно наказуемое деяние будет считаться в качестве оконченного с момента, когда похищенный автомобиль выедет либо будет вывезен за пределы этой территории. При этом, если хищение автомобильного средства будет совершено с неохраняемой территории, то в качестве окончания преступления следует рассматривать тот момент, в который данное автотранспортное средство было в последствии сдвинуто с места.

В качестве субъекта хищения автотранспортного средства выступает вменяемое физическое лицо, которое на момент совершения преступления достигло возраста 14 лет, что соответствует общему правилу, предусмотренному в ч. 2 ст. 20 УК РФ.

Само по себе хищение автотранспортных средств – в большей степени, преступление, которое носит ситуативный характер. Иными словами, такое хище-

ние может совершаться без предварительной к этому подготовки. Согласно данным статистики, представленной в специальной литературе, в 61 % случаев неправомерного завладения автотранспортным средством было совершено лицом, которое проживает в той же местности, что и потерпевший. В свою очередь, в 28 % случаев данное преступление совершил житель соседнего района или соседнего города. При этом, в 11 % случаев преступник прибыл с целью совершения данного преступления с другого города.

В заключении вышеизложенного можно сделать вывод о том, что ответственность за хищение автотранспорта предусмотрена общими статьями о хищениях, совершенных в разных формах – ст.ст. 158-162 УК РФ. Как следствие, хищение автотранспортного средства отвечает всем признакам хищений, то есть данное преступление совершается исключительно с корыстной целью и для него свойственны такие черты, как безвозмездность, противоправность изъятия, а также незаконное обращение в свою пользу либо в пользу третьих лиц. В качестве объекта хищения в данном случае выступает чужое автотранспортное средство, в связи с чем собственнику или другому законному владельцу похищенного автомобиля причиняется имущественный вред. Форма собственности данного автотранспортного средства значения не имеет.

Список литературы

1. Климов А. С. Хищения транспортных средств, совершаемые организованными группами: уголовно-правовой и криминологический аспекты : диссертация... кандидата юридических наук: 12.00.08 /. Елец, 2011. 239 с.

2. Колесников Р. В. Уголовно-правовые и криминологические аспекты борьбы с угонами и хищениями транспортных средств : монография / Р. В. Колесников. Воронеж: Воронежский ин-т МВД России, 2013. 139 с.

3. Колесников Р. В. Хищения и угоны транспортных средств: практика реализации уголовной ответственности и особенности квалификации: монография / Р.В. Колесников. Воронеж: Воронежский ин-т МВД России, 2016. 95 с.

4. Павлик Е. М. Предупреждение хищений транспортных средств : диссертация... кандидата юридических наук: 12.00.08. Санкт Петербург, 2015. 193 с.

5. Ищенко Е. П. Криминалистика для следователей и дознавателей: научно практическое пособие / Е. П. Ищенко, Н. Н. Егоров. – Москва: Контракт : ИНФРАМ, 2013. 683 с.

Григорьев Д. А.[1]*,*
заведующий лабораторией Криминалистика и специальная техника
кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин
Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова,
кандидат юридических наук
Басина А. С.[2]*,*
следователь Следственного управления
Управления Министерства внутренних дел
по Ленинскому городскому округу Московской области

ПРОБЛЕМЫ ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЛЕДОВАТЕЛЯ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ, СОВЕРШАЕМЫХ С ПРИМЕНЕНИЕМ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Согласно официальным статистическим данным МВД России в 2021 г. правоохранительными органами Российской Федерации выявлено более 117 000 преступлений экономической направленности, из них 99 000 преступлений по которым производство предварительного следствия обязательно. 18 256 преступлений из числа вышеуказанных преступных событий совершены с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации [5].

Такая значительная часть совершенных преступлений в данной сфере обусловливается тем, что современные злоумышленники, обладая знаниями в области информационных технологий, основываясь на новейших достижениях науки и техники, при совершении ими преступлений используют новые, неизученные в полном объеме, способы совершения преступлений, которым в настоящее время противостоять затруднительно. Одним из таких способов является применении информационных технологий при совершении преступных деяний.

Стоит отметить, что в действующем Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации – (далее УПК РФ), Уголовном кодексе Российской Федерации – (далее УК РФ) отсутствует точное определение понятия «информационные технологии», а также – понятие «преступление экономической направленности». При отнесении уголовных дел к вышеуказанной категории необходимо учитывать следующие факторы: позиции Главы 22 Уголовного кодекса Российской Федерации, Перечня № 2, утвержденного Указанием Генеральной прокуратуры РФ № 738/11 и МВД России № 3 от 25.12.2020 «О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых в статистической отчетности». В ходе анализа вышеуказанной норм права можно четко определить «круг» преступлений, объединенных единым понятием – «преступления экономической направленности», так к данной категории преступлений отно-

[1] © Григорьев Д. А., 2022.
[2] © Басина А. С. 2022.

сятся – преступления против собственности, преступления в сфере экономической деятельности и преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях.

Основываясь на представленных статистических данных можно сделать вывод, что кроме роста количества преступлений указанной категории, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации, увеличивается количество правовых коллизий и пробелов в практической деятельности, возникающих в ходе производства предварительного следствия по уголовному делу. Одной из главных проблем при расследовании вышеуказанных преступлений – это доказывание, в частности, в виду отсутствия должной законодательно-закрепленной регламентации деятельности следователя в определении тактики и способа получения компьютерной информации [1, с. 11–15].

На основании примечания 1 к ст. 272 УК РФ под компьютерной информацией понимается сведения (сообщения, данные), представленные в форме электрических сигналов, независимо от средств их хранения, обработки и передачи. Некоторые ученые приходят к выводу о том, что данное определение не является корректным. Здесь можно сослаться на мнение М. В. Старичкова, который пришел к выводу о том, «что посредством электрических сигналов возможна передача информации, не предназначенной для обработки средствами вычислительной техники, т. е. не являющаяся компьютерной (например, радиосвязь)» [4, с. 19].

Правомерно возникает вопрос об отсутствии исчерпывающего определения термина «компьютерная информация» и необходимости скорейшего устранения данного правового пробела, при этом при формировании исчерпывающих характеристик вышеуказанного термина следует учитывать мнение как ученых, так и практических работников, непосредственно осуществляющих деятельность по расследованию преступлений, сопряженных с использованием компьютерной информации.

Кроме того, так как отсутствует единство понимания значения основных терминов, используемых при расследовании уголовных дел экономической направленности, совершаемых с применением информационных технологий, существует ряд противоречий, возникающих при собирании доказательств и их исследовании.

В практической деятельности одной из сложностей при доказывании является определение подлинного IP-адреса, (точного адреса местонахождения устройства), используемого злоумышленником при совершении преступления.

Так при совершении преступлении преступлений экономической направленности, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации, злоумышленники используют специальное программное обеспечение, которое позволяет избежать (или существенно затруднить) идентификацию преступников. В данный перечень включены такие компьютерные программы как – VPN, TOR, SSL, а также иные технологии, позволяющих менять IP-адрес пользователя сети Интернет, создавать динамические или нераспознаваемые IP-адреса, применять технологии подменных абонентских номеров посредством IP-телефонии [3, с. 37–40].

При расследовании уголовного дела, сопряженного с мошенничеством в сфере кредитования, было установлено, что имущество, находящееся в залоге у Банка было незаконно удалено из реестра уведомлений о залоге движимого имущества. При этом злоумышленник изготовил поддельную электронную подпись от имени представителя Банка и, используя сервис VPN, осуществил свои преступные действия, сменив IP-адрес, используемого им при совершении преступления компьютера. При получении ответа на запрос было установлено, что преступник, согласно предоставленным данным, находился за пределами Российской Федерации, однако в действительности, данный факт противоречит обстоятельствам уголовного дела.

При этом в настоящее время данную проблему (незаконное использование и функционирование вышеуказанных компьютерных программ и технологий) правоохранительным органам решить не удается, так как отсутствует единая законодательная база, процессуальные институты и соответствующие специалисты, комплексное применение которых позволит блокировать их, обеспечивая предотвращение совершения новых преступлений и раскрытие уже содеянных преступных деяний.

К тому же отсутствует должный документооборот и взаимодействие между следственными органами и организациями, предоставляющими услуги в сфере информационных технологий. Так электронный документооборот между следственными органами Московской области и организациями существует с ограниченным количеством организаций, операторов, банков, в частности соответствующий договор о предоставлении данных заключен между органами МВД России и Банком ПАО «Сбербанк», сервисом «Яндекс». При этом большинство банков, организаций, предоставляющих услуги в сфере телефонной связи, интернет связи, и иные информационные ресурсы отвечают на рассылаемые органами следствия запросы в течении от одного до четырех месяцев, не смотря на законное требование предоставить ответы на запрос в течении 3-х суток с момента его получения, в силу чего значительно увеличивается срок предварительного следствия и прямо нарушает основной принцип уголовного судопроизводства, а именно ст. 6.1 УПК РФ «Разумный срок уголовного судопроизводства», а также позволяет злоумышленникам скрыться от следствия и суда, совершить новые преступления экономической направленности.

Процессуальной проблемой при расследовании преступлений указанной категории является фиксация следов совершенного преступления в сети «интернет». Согласно требованиям действующего УПК РФ при осмотре электронных носителей, компьютерных и информационных технологий необходимо участие специалиста, обладающего специальными познаниями в указанной области. При этом законодатель не указывает конкретные требования к лицу, которое привлекается к участию в указанном следственном действии и процессуальной деятельности в качестве специалиста.

В настоящее время, при расследовании преступлений экономической направленности, совершаемых с применением информационных технологий, в практической деятельности ощущается острая нехватка лиц, обладающих знаниями в области информационных технологий, имеющих право участвовать

в проведении указанного следственного действия, в виду чего возникают проблемы, связанные с увеличением срока предварительного следствия, а также складываются ситуации, которые ведут к потере значимой для уголовного дела информации, имеющей доказательственное значение, так как злоумышленник или его соучастники, обладая специальными знаниями в области компьютерной информации, и, имея удаленный доступ к информации, хранящейся на электронном носителе, могут ее уничтожить, чем воспрепятствовать производству по уголовному делу.

Если заострить внимание на недостаточность знаний следователя в области информационных технологий, то ради справедливости следует заметить, что некоторые частные организации, занимающиеся вопросами обеспечения информационной безопасности, организуют семинары для сотрудников правоохранительных органов, чья деятельность связана с цифровой криминалистикой. В качестве положительного примера, можно привести «Оксиджен софтвер», которая каждый год проводит эти семинары [7]. Данный опыт необходимо распространить и в отношении следователей, организовав семинары, посвященные раскрытию рассматриваемых в статье преступлений.

Основываясь на результатах правоприменительной практики, при расследовании преступлений указанной категории, в ходе производства отдельных следственных действий, в которых необходимо участие специалиста в области информационных технологий, проводимых для полноты, объективности и всесторонности предварительного следствия необходимо изъятие для дальнейшего осмотра и получения значимой информации для предварительного следствия электронных носителей, при этом отсутствует единство понимания требований ст. 164.1 УПК РФ.

Законодатель указал, что электронные носители информации изымаются в ходе следственных действий с участием специалиста, однако в уголовно-процессуальном законе определение понятия «электронные носители информации» не регламентировано. Данный правовой пробел необходимо решить в ближайшее время, так как, зачастую защитники злоупотребляют, пытаясь исключить из перечня доказательств значимые для предварительного следствия данные, полученные в ходе осмотра персональных компьютеров, ноутбуков, телефонов и иных технических средств, произведенных в отсутствие специалиста. Данная ситуация складывается по причине отсутствия единства понимания уголовно-правовых норм, что порождает существенные правовые коллизии.

В большинстве случаев при расследовании преступлений экономической направленности, совершенных с применением информационных технологий, одним из неотъемлемых следственных действий является изъятие и осмотр мобильного телефона злоумышленника, с помощью которого совершалось (способствовало совершению) преступление. При этом участие специалиста при проведении данного следственного действия, а также получение судебного решения не предусматривается, о чем указал Конституционный суд Российской Федерации.

Так, «проведение осмотра и экспертизы с целью получения имеющей значение для уголовного дела информации, находящейся в электронной памяти абонентских устройств, изъятых при производстве следственных действий в установленном законом порядке, не предполагает вынесения специального судебного решения. Лица же, полагающие, что проведение соответствующих следственных действий и принимаемые при этом процессуальные решения способны причинить ущерб их конституционным правам, в том числе праву на тайну переписки, могут оспорить данные процессуальные решения и следственные действия в порядке, предусмотренном ст. 125 УПК РФ» [6].

Одной из насущных проблем расследования преступлений вышеуказанных категорий является недостаточное оснащений следователей аппаратными средствами. Мы здесь имеем в виду компьютер, принтер, монитор и иное компьютерное оборудование, программное обеспечение, которые входят в комплектацию автоматизированного рабочего места (АРМ) эксперта-криминалиста. Аналогично должно быть оснащено АРМ следователя для «осуществления видеозаписи следственных и иных процессуальных действий в цифровом формате в служебных помещениях органов предварительного расследования [2, с. 221].

Таким образом, можно сделать вывод, что при производстве предварительного следствия основными проблемами при расследовании преступлений экономической направленности, совершенных с применением информационных технологий, являются – проблемы доказывания причастности лиц к совершению преступления, в частности это обусловлено отсутствием единой законодательной базы понятий, разъяснений отдельных законодательных норм Российского законодательства, регламентирующих порядок их изъятия, осмотра и хранения; должного количества специалистов, обладающих специальными познаниями в области информационных технологий, которые согласно требованиям Закона могут принимать участие в производстве отдельных следственных действий; отсутствие единого алгоритма взаимодействия между органами предварительного следствия и организациями, предоставляющими услуги в области информационных технологий; недостаточное оснащение следователей компьютерным оборудованием и программным обеспечением для успешного расследования преступлений.

Вышеуказанные противоречия могут быть разрешены только путем усовершенствования действующего законодательства, при этом изменения должны приниматься, основываясь на объективных теоретических знаниях, и также на анализе практического опыта сотрудников, осуществляющих расследование уголовных дел указанной категории.

Список литературы

1. Вехов В. Б., Васюков В. Ф. Получение компьютерной информации от организаторов ее распространения в сети Интернет при расследовании преступлений // Российский следователь. 2018. № 3. С. 11–15.

2. Клещина Е. Н., Григорьев Д. А. К вопросу о внедрении цифровых технологий в российский уголовный процесс // Государственная служба и кадры. 2021. № 4. С. 218–222.

3. Орлова А. А., Гончар В. В. Особенности расследования преступлений, совершаемых в сфере информационных технологий // Криминологический журнал. 2019. № 3. С. 37–40.

4. Старичков М. В. Понятие «компьютерная информация» в Российском уголовном праве // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2014. № 1 (68) С. 16–20.

5. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2021 г. / Министерство Внутренних Дел Российской Федерации ФКУ // Главный информационно-аналитический центр / URL: https://мвд.рф/reports/item/28021552 (дата обращения: 01.04.2022).

6. Определение Конституционного суда Российской Федерации № 189-О/2018 – URL // https://base.garant.ru/71875840/ (дата обращения: 01.04.2022).

7. Семинар «Цифровая криминалистика. Преодолевая рубежи». // URL https://www.oxygensoftware.ru/ru/events/428-digital-forensics-conference-2022 (дата обращения: 01.04.2022).

Григорьева Н. В.[1]*,*
доцент кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент
Кривенцов Н. М.[2]*,*
курсант Института подготовки сотрудников
для органов предварительного расследования
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

ОСОБЕННОСТИ ДОКАЗЫВАНИЯ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ, СОВЕРШЕННЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ВИРТУАЛЬНЫХ АКТИВОВ (КРИПТОВАЛЮТЫ)

В настоящее время в мире появилась новая технология блокчейн, на базе которой создаются криптовалюты, с помощью которых совершаются преступления экономической направленности, а также преступления, угрожающие безопасности государства – финансирование терроризма. Это все возможно благодаря тем преимуществам, которые дает данная технология, одно из таких преимуществ – анонимность.

Прежде всего необходимо понимать, как работает сама технология блокчейн. Для простоты понимания блокчейн можно представить в виде бухгалтерской книги, на страницах которой записываются финансовые операции. Особенность «книги» заключается в том, что записи на ее страницах не подлежат изменению и удалению – этому будут препятствовать криптографические алгоритмы, которые интегрированы в технологию. Сами же данные хранятся не в каком-то конкретном месте, имеющем статус управляющего центра, а копируются и синхронизируются, или, иначе говоря – реплицируются между всеми участниками системы – узлами сети.

Под «страницами» в данном примере стоит понимать блоки. Блоки, как и страницы «бухгалтерской книги», расположены в определенном порядке и имеют собственную нумерацию. Однако если обычную страницу можно из книги изъять или при желании переместить в другое место или же исключить из содержания, то с блоками повторить данные действия не получится. Все блоки жестко сцеплены между собой специальными криптографическими «замками», взломать которые, даже теоретически, исключительно сложно. Отсюда, собственно, и название технологии – «блокчейн» («цепочка блоков»).

Согласно рекомендациям Группы разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (далее – FATF), криптовалюты являются разновидностью виртуальных денег и обладают следующими признаками:

1) децентрализованность;
2) конвертируемость;
3) распределенность;
4) применение математических принципов [1, с. 131].

---

[1] © Григорьева Н. В., 2022.
[2] © Кривенцов Н. М., 2022.

Отсюда следует, что криптовалюта – это децентрализованная конвертируемая валюта, которая защищена с помощью криптографических методов и основана на математических принципах.

Необходимо отметить тот факт, что на протяжении следующих лет злоумышленники буду использовать криптовалюту в преступных целях чаще, способствовать этому будут децентрализованные биржи, которые набирают популярность и совершенствуются в ногу с развитием технологии блокчейн. В качестве подтверждения данной позиции можно обратиться к данным Chainalysis: в 2020 г. уровень преступности, связанной с криптовалютой, снизился по сравнению с 2019 г. Но 2021 г. стал лидером по количеству преступлений, связанных с криптовалютой [2].

Прежде чем переходить к проблемным аспектам доказывания по отдельным составам преступлений, связанным с криптовалютой, необходимо ознакомиться с дефиницией процесса доказывания. Доказывание – это регулируемая законом деятельность по собиранию, проверке и оценке доказательств с целью установления обстоятельств, имеющих значение для разрешения уголовных дел.

Исходя из данной дефиниции, выделяются этапы доказывания: собирание; проверка; оценка.

В случае с доказыванием по преступлениям, связанных с криптовалютой, могут возникнуть проблемы на первом и втором этапах данного процесса.

Проблемы с доказыванием по новому виду преступлений могут возникнуть, например, при уклонении от уплаты налогов, коррупционных преступлениях.

Так, способами уклонения от уплаты налогов и (или) сборов ст. 199 УК РФ признаются:

1) умышленное непредставление налоговой декларации (расчета) или иных документов, представление которых в соответствии с законодательством России о налогах и сборах является обязательным;

2) умышленное включение в налоговую декларацию (расчет) или такие документы заведомо ложных сведений.

В первом случае, у правоохранительных органов могут возникнуть проблемы с самим фактом установления наличия такого дохода. В настоящий момент набирают популярность анонимные биржи, на которых не требуется верификация с помощью паспорта, также на данных биржах отсутствуют превентивные меры для предупреждения преступлений, связанных с криптовалютой, они не блокируют счета, не предоставляют информации в правоохранительные органы, так как нет никакой информации о личности владельца. В дополнении к названной проблеме добавляется проблема с обменниками (сервисами, с помощью которых один пользователь может поменять виртуальную валюту на фиатную), деятельность таких обменников не всегда регулируется и контролируется государством. Также может быть такая ситуация, что человек продал свой кошелек, предназначенный для хранения криптовалют, другому человеку за фиатные средства, в таком случае невозможно доказать, что была передача данного кошелька за фиатные средства, так как подобные кошельки полностью анонимны.

Если в первом случае факт непредставления еще можно доказать (то есть при использовании централизованных бирж), то в случае неверно указанных данных

в декларации у правоохранительных органов могут возникнуть проблемы с доказыванием, так как проверить достоверность данных предположений будет практически невозможно без сотрудничества с биржами.

Одним из вариантов получения дохода от криптовалюты является ее перепродажа. Информация о совершенных сделках хранится на серверах биржи. Предполагается, что биржи, числящиеся в реестре ЦБ РФ, смогут предоставлять подобного рода информацию, но здесь стоит учесть тот факт, что в данный реестр попадают только те биржи, у которых на территории России зарегистрировано юридическое лицо. Если же сделки совершались на иной бирже, то правоохранительным органам будет сложно получить выписки о сделках, следовательно, доказать недостоверность представленных субъектом налогообложения данных будет практически невозможно.

Достаточно популярны такие составы преступлений, как получение взятки (ст. 290 УК РФ) и дача взятки (ст. 291 УК РФ).

Криптовалюта «переводит» данные виды преступлений в информационную среду. Методы и способы, применяемые при выявлении и расследовании аналогичных преступлений, но при физическом воздействии (имеется ввиду использование фиатных денежных средств), будут неактуальны и нецелесообразны.

Рассматривая данные составы преступления в совокупности, можно выделить следующее.

Во-первых, при даче или получении взятки (то есть ее переводе на кошелек другого лица – взяткополучателя) необходимо вовремя обнаружить и идентифицировать участников операции. Это будет возможно только при использовании централизованных бирж. Некоторые биржи замораживают средства после пополнения счета (то есть их нельзя переводить и выводить из системы определенный промежуток времени), сделано это для борьбы с подобными преступлениями. Но, стоит учесть, что деньги могут храниться на бирже задолго до момента перевода и система безопасности может не обозначить перевод в качестве подозрительного.

Во-вторых, при использовании специализированных кошельков ситуация обстоит сложнее, так как там выявится новая проблема – необходимо привязать адрес кошелька к определенному физическому лицу.

Также для проверки сведений необходимо будет получить доступ к такому кошельку, а это возможно лишь при наличии приватного ключа, восстановить который не представляется возможным.

В-третьих, не стоит упускать из виду специализированные обменники, там преступники могут оставить свои «физические» следы. Но надо понимать, что не все коррупционные преступления будут совершаться по такому принципу.

В-четвертых, важно помнить, что специализированные компании, например, Chainalysis, могут предоставить в силу специфики своей деятельности информацию о транзакциях, совершаемых с криптовалютой, но в связи с особенностями работы сети блокчейн они не предоставят данные об участниках таких транзакций (то есть не идентифицируют конкретных физических лиц).

Так, по сложности доказывания можно предложить следующую иерархическую цепочку:

1) дача / получение взятки с помощью обменника криптовалюты;

2) дача / получение взятки с помощью централизованной биржи;

3) дача / получение взятки с использованием специализированных кошельков или децентрализованных бирж.

Важно выделить некоторые составы преступлений, связанных с криптовалютой, из общего массива преступлений. Так, в октябре 2020 г. в связи со вступлением в силу с 01.01.2021 Федерального закона «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» Министерством финансов Российской Федерации были разработаны проекты федеральных законов, которые предполагают внесение изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ), Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ), Налоговый кодекс Российской Федерации.

На данный момент проекты данных Законов находятся на стадии рассмотрения.

Изменения в УК РФ носят следующий характер:

1) дополнение ст. 63 УК РФ новым подпунктом – в ч. 1 ст. 63 УК РФ появляется новое отягчающее обстоятельство, а именно: «с) совершение преступления с использованием цифровой валюты»;

2) включение в текст Закона новой статьи – дополнение главы 22 УК РФ новым видом преступлений в сфере экономической деятельности – ст. 199.5 «Уклонение от исполнения обязанности представлять отчет об операциях (гражданско-правовых сделках) с цифровой валютой и об остатках указанной цифровой валюты».

Необходимо также то, чтобы доказыванием по преступлениям, связанным с криптовалютой, занимался конкретный орган предварительного расследования. Предлагаемые изменения решают вопрос подследственности данного рода преступлений – Следственный комитет Российской Федерации (дополнение подпункта «а» п. 1 ч. 2 ст. 151 УПК РФ ст. 199.5 УК РФ).

Также предлагается дополнить дефиницию, закрепленную в п. 13.1 ст. 5 УПК РФ, – после слов «имущественные права» добавить следующее: «в том числе цифровая валюта».

Таким образом, криптовалюта со временем переведет многие «традиционные» преступления в информационную сферу, что потребует соответствующей реакции от правоохранительных органов. Главная задача правоохранительных органов в такой ситуации – подготовка специализированных сотрудников и заключение сотрудничества с различными компаниями, деятельность которых связана с криптовалютой. Также выявление и расследование данных преступлений предполагает наличие специальных знаний, которыми не обладают сотрудники правоохранительных органов на данный момент. Необходимо создать специализированное подразделение, которое будет заниматься расследованием преступлений, связанных с криптовалютой, а в некоторых случаях оказывать помощь другим подразделениям и органам. Это обусловлено самой технологией блокчейн, сотрудники должны понимать устройство и работу данной технологии для более качественного и оптимального по времени расследования.

Список литературы

1. Егорова М. А., Ефимова Л. Г. Понятие криптовалют в контексте совершенствования российского законодательства. Lex russica (Русский закон). 2019. № 7(152). С. 130–140.

2. Chainalysis: отчет по крипто преступлениям 2021 // Chainalysis: отчет по крипто преступлениям 2021. Финансы на vc.ru (дата обращения 10.03.2022).

Гриненко А. В.[1]**,**
профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Московского государственного института международных отношений Министерства иностранных дел Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор,

ПОДСЛЕДСТВЕННОСТЬ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ О РЯДЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, НЕДАВНО ВВЕДЕННЫХ В УК РФ

Подследственность представляет собой совокупность правил, обеспечивающих отнесение уголовных дел к ведению конкретного органа или должностного лица, наделенного государственно-властными полномочиями по производству предварительного расследования и принятию соответствующих процессуальных решений. Соблюдение требований о подследственности обеспечивает адекватное реагирование на каждое совершенное или готовящееся преступление, а также наиболее полное расследование уголовных дел с учетом специфики деятельности различных ведомств.

Законодатель различает следующие виды подследственности: предметную (родовую), персональную, альтернативную и по связи уголовных дел. Данные виды подследственности не поглощают друг друга. Поэтому при определении конкретного следователя (дознавателя), в производстве которого будет находиться уголовное дело, верное направление движения материалов возможно выбрать посредством последовательного применения правил, отграничивающих отдельные категории уголовных дел.

В настоящее время в УК РФ появился ряд преступлений, что вызывает необходимость уточнения подследственности соответствующих уголовных дел тем либо иным органам предварительного расследования.

Так, в соответствии с Федеральным законом от 4 марта 2022 г. № 32-ФЗ УК РФ был дополнен статьями о преступлениях, подследственных следователями различных ведомств. Деяния, предусмотренные ст. 207^3 (публичное распространение заведомо ложной информации об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации), 280^3 (публичные действия, направленные на дискредитацию использования Вооруженных Сил Российской Федерации в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности), 284^2 УК РФ (призывы к введению мер ограничительного характера в отношении Российской Федерации, граждан Российской Федерации или российских юридических лиц) подследственны следователям Следственного комитета Российской Федерации.

Наряду с этим можно обнаружить, что уголовные дела о преступлениях, предусмотренных ст. 280^3 УК РФ, также подсудны следователям органов внутренних дел России.

Таким образом, в данном случае фактически введена альтернативная подследственность – одно и то же деяние может быть расследовано следователями различных ведомств.

---

[1] © Гриненко А. В., 2022.

Представляется, что в данном случае требуется дополнительно, причем на законодательном уровне, пояснить, что при наличии признаков преступления, состоящего в публичных действиях, направленных на дискредитацию использования Вооруженных Сил Российской Федерации, возбуждать уголовное дело и проводить предварительное расследование вправе следователь того ведомства, должностные лица которого обнаружили соответствующие действия, причем ими могут быть не только следователи, но и иные сотрудники (например, оперуполномоченные уголовного розыска, участковые уполномоченные органов внутренних дел Российской Федерации).

Кроме того, по новым статьям УК РФ возможно возбуждение уголовных дел и производство неотложных следственных действий органами дознания в порядке ст. 157 УПК РФ [2, С. 31]. В данном случае от того, кто именно осуществляет такие действия, зависит и последующее направление уголовного дела следователю того либо иного ведомства.

Поскольку расследование уголовных дел о деяниях, предусмотренных ст. 280^3 УК РФ, исходя из правил подследственности, следователями органов ФБС России не осуществляется, при обнаружении признаков данного преступления оперативными сотрудниками данного ведомства материалы должны передаваться в Следственный комитет Российской Федерации, который собственного оперативно-розыскного аппарата не имеет.

Также следователи Следственного комитета Российской Федерации будут расследовать уголовные дела о преступлениях, предусмотренных ст. 280^3 УК РФ в случаях, когда их признаки обнаружены из других приближенных к ним источников (например, при поступлении заявления непосредственно в подразделение СКР, при обнаружении сведений из средств массовой информации).

Кроме того, следует иметь в виду, что в ст. 12 УК РФ установлена возможность возбуждать уголовное дело в отношении лиц, совершивших преступление вне пределов Российской Федерации, если оно посягнуло на интересы, охраняемые УК РФ, и если в отношении этих лиц по данному деянию нет решения суда иностранного государства. Поскольку такую информацию, особенно по тем составам преступлений, которые были введены Федеральным законом № 32-ФЗ, наиболее полно отслеживает Следственный комитет Российской Федерации, соответствующие преступления также расследуют следователи именно этого ведомства.

До недавнего времени такие расследования осуществляли столичные следователи, вместе с тем с появлением новых специфических составов преступлений можно разработать порядок передачи соответствующих материалов следователям других территориальных органов СК России или ОВД России. В данном случае следует согласиться с позицией В.Ю. Стельмаха, которых указывает на необходимость введения альтернативной подследственности не только по критерию ведомственной принадлежности, но и по территориальному признаку[1, С. 77].

В действительности также может сложиться ситуация, когда уголовное дело об одном или нескольких введенных преступлений будет расследоваться в отношении лица, которое и помимо этого совершило еще одно или несколько деяний.

Поэтому в данном случае целесообразно использовать и такой вид подследственности, как подследственность по связи уголовных дел, причем это правило должно действовать вне зависимости от того, следователь какого ведомства – СКР, МВД или ФСБ – расследует «основное» уголовное дело. В противном случае из одного ведомства в другое будут «перетекать» уголовные дела, для расследования которых требуется специфическая методика, навыки, возможности взаимодействия с оперативными подразделениями и т. п.

Однако, с другой стороны, нельзя признать соответствующими закону случаи, когда уголовное дело неосновательно, ввиду одной лишь общественной значимости, изымается из одного органа предварительного расследования и передается в другой орган.

Возможны и сходные ситуации, когда при действительной наличии общественной значимости определенного деяния наряду с возбуждением уголовного дела по признакам указанных выше преступлений может иметь место возбуждение уголовного преследования и по признакам иных преступлений, подследственных другому ведомству, но не при наличии соответствующих оснований, а исключительно для того, чтобы впоследствии «общее» уголовное дело мог осуществлять следователь определенного ведомства.

В данном случае, помимо явного снижения эффективности досудебного производства, можно вести речь и о необоснованном уголовном преследовании, ведь лицо будет вынуждено защищаться и от того деяния, которое оно в действительности не совершало.

Таким образом, требуется провести глубокое научное исследование всех обстоятельств, связанных с появлением в УК РФ ряда новых составов преступлений, и обосновать целесообразность внесения в уголовно-процессуальное законодательство более четкой иерархии видов подследственности уголовных дел.

Список литературы

1. Стельмах В. Ю. Проблемы законодательной регламентации подследственности. Разрешение споров о подследственности // Российский юридический журнал. 2020. № 3. С. 77–90.

2. Чапаев М. Р. Соотношение понятий «подследственность», «компетенция» и «полномочия» в процессуальной деятельности органов дознания // Российский следователь. 2021. № 1. С. 31–35.

3. Федеральный закон от 4 марта 2022 г. № 32-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и ст. 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 10. Ст. 1389.

Гурдин С. В.[1]**,**
доцент кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

ПРОИЗВОДСТВО СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ КАК СРЕДСТВО ДОСТИЖЕНИЯ НАЗНАЧЕНИЯ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Производство по уголовным делам в современной России имеет своим назначением защиту прав и законных интересов тех, кто претерпел от преступлений – потерпевших в независимости от того физическим лицом или организацией они являются.

Также законодатель справедливо полагает, что личность должна быть гарантированно защищена от своеволия стороны обвинения, то есть от незаконного и необоснованного обвинения.

Не менее прочные процессуальные гарантии должны защитить личность от огульного ограничения ее прав и свобод и конечно же осуждения.

Именно такой вывод можно сделать, проанализировав положения п. 1 и п. 2 ст. 6 УПК РФ [1, ст. 6].

Вместе с тем законодатель подчеркивает, что в государстве, которое в соответствии с Конституцией является правовым уголовное преследование и назначение виновным справедливого наказания в той же мере отвечают назначению уголовного судопроизводства, что и отказ от уголовного преследования невиновных, освобождение их от наказания, реабилитация каждого, кто необоснованно подвергся уголовному преследованию [1, ст. 6].

При этом рассматривая отечественное уголовное судопроизводство как деятельность вполне можно увидеть, что основными ее видами являются производство следственных и иных процессуальных действий, предусмотренных уголовно-процессуальным законом.

Действия, определенные процессуальным законодательством как следственные каждое в отдельности и в своей совокупности являются наиболее эффективными из всех существующих средств доказывания, а результаты их производства определяют направление движения уголовного дела в частности и судопроизводства вообще.

Производство следственных действий представляет собой неразрывное сочетание взаимно обусловливающих друг друга результатов мыслительной деятельности – решений и урегулированной нормами уголовно-процессуального законодательства деятельности наделенных на то полномочиями должностных лиц и органов со стороны обвинения, имеющих право осуществлять уголовное судопроизводство, направленных на собирание новых и проверку и уже, имеющихся в деле сведений о событии преступления (доказательств) их всестороннюю оценку для установления и доказывания поштучно определенных УПК положений, образующих собой предмет доказывания.

---

[1] © Гурдин С. В., 2022.

При таком подходе отчетливо видно, что производство следственных действий складывается из двух взаимосвязанных составляющих.

В первую очередь, это принятие законного решения о производстве следственного действия, которое должно быть непременно обоснованным. Причем одновременно должны присутствовать фактические и юридические (предусмотренные уголовно-процессуальным законом) основания.

Лицо принимающее такое решение должно отдавать себе отчет в том, что только при наличии обстоятельств, вызывающих необходимость производства следственного действия и обстоятельств, разрешающих его производство оно вправе выбрать необходимое, соответствующее ситуации следственное действие и сделать вывод о возможности его производства.

В противном случае ставится под сомнение возможность использования результатов следственного действия в процессе доказывания, что может привести к недостижению цели следственного действия и назначению уголовного судопроизводства в целом, так как будут нарушены права и законные интересы участников его производства, а также придется принимать меры к исправлению сложившейся ситуации.

Особенно важно это учитывать при принятии решений о производстве следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан, потому что основанием для производства таких действий является исключительно решение судебного органа, принятого в установленном уголовно-процессуальным законодательством порядке или в случаях не терпящих отлагательства, являющихся по своей сути исключением из общих правил с обязательной, последующей судебной проверкой их законности.

Такие следственные действия как правило затрагивают конституционные права участников уголовного судопроизводства и иных граждан на неприкосновенность жилища, частных жизни и собственности, тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, а также личную и семейную тайну.

По этой причине законодатель предусмотрел усложненный порядок ограничения конституционных прав личности при производстве отдельных следственных действий, указав, что они могут быть произведены только при наличии решения суда [1, ст. 164].

Также, законодатель обязал суды точно и неуклонно соблюдать, установленные Конституцией Российской Федерации и УПК процессуально-правовые гарантии в отношении этих прав.

Кроме того, не может считаться обоснованным решение о производстве следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан, не предусмотренных ч. 5. ст. 165 УПК в исключительных случаях.

Поддержал законодателя в этом вопросе и Пленум Верховного Суда Российской Федерации, уточнивший в одном из своих постановлений следующее: – «исходя из положений части 5 статьи 165 УПК судебной проверке подлежат как законность решения следователя, дознавателя о производстве следственного действия, так и соблюдение ими норм уголовно-процессуального закона при его производстве. В частности, судье следует убедиться в том, что произведенное

следственное действие относится к перечисленным в части 5 статьи 165 УПК РФ, имелись обстоятельства, свидетельствующие о необходимости безотлагательного его производства, следователем, дознавателем соблюден порядок принятия такого решения, а также что в ходе следственного действия не нарушены требования уголовно-процессуального закона» [2, с. 5].

Наряду с этим с этим Верховный Суд Российской Федерации в этом же документе уточнил случаи, не подпадающие под общие правила при которых производство следственного действия не могло быть отложено. Их анализ позволят утверждать, что к таковым относятся ситуации, которые могут существенно осложнить производство по уголовному делу в дальнейшем, создать препятствия в том числе и необратимого характера (например, уничтожение доказательств).

Таким образом законное, обоснованное решение наделенного на то полномочиями должностного лица или органа о производстве следственного действия есть не только основа для получения или проверки ранее собранных доказательств по уголовному делу, с одной стороны, но и гарантия защиты прав личности в уголовном судопроизводстве, что соответствует его назначению.

Чтобы производство следственных действий способствовало защите прав потерпевших, оберегало их законные интересы, гарантировало охрану прав личности от произвола, то есть являлось средством достижения назначения уголовного судопроизводства, оно должно осуществляться не только на законных основаниях, о которых речь шла выше, но и в установленной уголовно-процессуальным законом форме.

Производство следственных действий только наделенными на то полномочиями должностными лицами и органами, в установленном процессуальным законом порядке, надлежащее оформление результатов производства следственных действий позволяют получить доброкачественные доказательства по уголовному делу в том числе определяющие его дальнейшее движение, а также уберечь личность от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения и ограничения ее прав и свобод.

Сохранить от процессуальных ограничений права лиц непричастных к совершению преступления посредством прекращения уголовного преследования в их отношении или наоборот начать или продолжить уголовное преследование лиц, в отношении которых на том или ином этапе уголовного судопроизводства возможно сделать обоснованный вывод об их причастности к совершенному преступлению.

Современное представление о том, что есть следственное действие, вызвало серьезную научную дискуссию на страницах юридической литературы.

Так профессор С. А. Шейфер определяет следственное действие как регламентированный уголовно-процессуальным законом и осуществляемый следователем комплекс познавательных и удостоверительных операций, соответствующих особенностям определенных следов и приспособленных к эффективному отысканию, восприятию и закреплению содержащейся в них доказательственной информации, то есть получению соответствующего вида доказательств [4, с. 23].

В. А. Семенцов, в свою очередь в одной из своих работ писал, что следственные действия – это регламентированные уголовно-процессуальным законом процессуальные действия по собиранию и проверке доказательств, проводимые уполномоченными на то лицами с целью установления и доказывания имеющих значение для уголовного дела фактических обстоятельств, характеризующиеся детальной процедурой производства и оформления, обеспеченные уголовно-процессуальным принуждением [5, с. 26].

Очень интересную точку зрения высказал в своей работе В. Ю. Стельмах, который понимает под следственными действиями прямо предусмотренные и регламентированные уголовно-процессуальным законом процессуальные действия познавательного характера по собиранию и проверке доказательств, имеющие фактические и юридические (процессуальные) основания, проводимые уполномоченными на то должностными лицами с целью установления и доказывания имеющих значение для уголовного дела фактических обстоятельств, характеризующиеся детальной процедурой производства и оформления, обеспеченные уголовно-процессуальным принуждением и предусматривающие обязательное удостоверение результатов производства со строгим соблюдением процессуальной формы [3, с. 92].

По своей сути все приведенные определения, а также анализ имеющихся в современном УПК названий следственных действий и норм, регламентирующих их производство, позволяют нам утверждать, что-то или иное следственное действие это в некотором роде это инструмент (способ), посредством применения которого при соблюдении весьма строгой процедуры, достигается вполне определенная цель.

То есть не само по себе следственное действие и закрепленное в УПК описание его производства, а реализация, имеющим на это право должностным лицом или органом предписаний уголовно-процессуального законодательства, направленных на получение новых доказательств по уголовному делу, проверке уже имеющихся будет являться тем самым средством достижения цели следственного действия и в конечном итоге достижения назначения всего уголовного судопроизводства, указанного в ст. 6 УПК.

Такое положение дел не противоречит определению понятию «средство» под которым в Толковом словаре русского языка понимается – прием, способ действий для достижения чего-нибудь [6, с. 465].

Именно производство следственных действий позволяет стороне, осуществляющей процессуальную деятельность, в целях изобличения подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления собрать неопровержимые доказательства его виновности или невиновности в совершении инкриминируемого ему деяния, на основании которых суд вынесет законный, обоснованный и справедливый приговор.

К тому же суд никак не связан с выводами, сделанными в период предварительного расследования и вправе самостоятельно произвести те или иные необходимые для полного и всестороннего рассмотрения и разрешения уголовного дела по существу следственные действия.

Справедливость сказанного косвенно подтверждает и законодатель, разрешающих участникам уголовного судопроизводства заявлять ходатайство о производстве действия, результаты которого могут иметь важное значение для дела.

Далее отметим, что законодатель не зря поместил ст. 6 в главу 2 УПК, которая называется «Принципы уголовного судопроизводства», подчеркнув таким образом принципиально важное значение этого процессуального института.

Соответственно законность достижения назначения уголовного судопроизводства видится законодателю непременным условием всей уголовно-процессуальной деятельности.

В этом плане производство следственных действий как одно из средств достижения его назначения должно быть безупречным.

Этому в немалой степени способствуют: детально урегулированная процедура производства каждого следственного действия, четко установленные на законодательном уровне [1, ст. 164] общие правила производства следственных действий.

Не раскрывая последних, отметим, что детальное урегулирование производства следственных действий законодателем и его точно определенные требования к оформлению их результатов в совокупности с правилами их производства позволяют утверждать, что производство следственных действий действительно является средством, благодаря которому достигается возможность защитить права и законные интересы лиц и организаций потерпевших от преступлений, а также личность от произвольного притеснения ее прав и свобод в том числе от без основательного обвинения и осуждения.

Вместе с тем совокупность результатов в первую очередь производства следственных действий с одной стороны позволяет преследовать в уголовном порядке лиц, подозреваемых и обвиняемых в совершении преступления, выносить им в итоге законный и обоснованный приговор, а с другой отказаться от уголовного преследования невиновных и освободить их от наказания.

Список литературы

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 25.03.2022) // СПС КонсультантПлюс (дата обращения 16.04.2022).

2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.06.2017 № 19 «О практике рассмотрения судами ходатайств о производстве следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан (статья 165 УПК РФ)» // Бюллетень Верховного Суда РФ, № 7, июль, 2017.

3. Стельмах В. Ю. Понятие и отличительные признаки следственных действий // Российский юридический журнал. 2014. № 2. С. 88–97.

4. Шейфер С.А. Следственные действия. Основания, процессуальный порядок и доказательственное значение. Самара, 2004.

5. Семенцов В. А. Следственные действия в досудебном производстве (общие положения теории и практики): Монография. Екатеринбург, 2006.

6. Толковый словарь русского языка: В 4 т. – М.: Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1940. Т. 4.

Данилкина В. М.[1]**,**
доцент кафедры криминалистики
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

ДИСТАНЦИОННОЕ МОШЕННИЧЕСТВО В СОВРЕМЕННЫХ РЕАЛИЯХ: ПОНЯТИЕ, ОСОБЕННОСТИ СОВЕРШЕНИЯ

Последние события пандемии вызвали всеобщую панику в интернет-пространстве, что спровоцировало появление новой информационной угрозы – «киберкоронавируса». В период карантина деятельность мошенников стала заметно проще. Если раньше преступнику приходилось долго объяснять своей жертве массу причин, по которым сделка должна пройти дистанционно, то теперь для этого есть простой, а главное весьма убедительный ответ – самоизоляция.

Этой же самой «дистанционностью» могут прикрываться и те мошенники, которые выдают себя за представителей правоохранительных органов или органов государственной власти. Дистанционная форма позволяет мошеннику сохранять свою анонимность, тем самым улучшая условия его незаконной деятельности [5].

Режим повышенной готовности накладывает на граждан ряд обязанностей по соблюдению самоизоляции. Перемещения и социальные контакты должны быть ограничены. В связи с этим, совершая вроде бы простые действия (получение госуслуг, купля-продажа, благотворительность и другие), но уже в дистанционной форме, велик риск нарваться на мошенников. Этот риск увеличивается в случае, если человек доверчив и плохо разбирается в информационных технологиях.

Эксперты отмечают, что в 2020 г. число мошеннических схем растет в связи с пандемией коронавируса [11]. Новые схемы дистанционного обмана, наряду с уже проверенными, практикуют мошенники в период пандемии. Суммы, которые теряют россияне, внушительные – от десятков до сотен тысяч рублей. В разгаре пандемии CoV-2019 в мире, а также вызванного ею глобального экономического кризиса, безработицы и паники, разумеется, нашлись лица, которые не упустили возможности нажиться на всем этом путем обмана и злоупотребления доверием людей, оказавшихся в сложной жизненной ситуации.

Объединяет электронных мошенников жажда наживы и легких денег, как, в принципе, и любых других воров. Еще одной сходной чертой преступников является то, что большинство из них достаточно хорошо понимают поведенческие реакции людей. Зачастую это мужчины, хотя женщин становится все больше и больше. Возраст преступников варьируется от 25 до 40 лет [1, с.16]: то, что сейчас называется «трудоактивным населением». Все они имеют определенные знания по управлению денежными средствами, счетами. Умеют пользоваться интернетом. Такой способ заработка на них действует словно наркотик. Им хочется получить как можно больше денег.

Конкретный психологический портрет дистанционного мошенника составить невозможно. По ту сторону экрана (или на том конце провода) может быть

[1] © Данилкина В. М., 2022.

как полнейший маргинал, не раз побывавший в местах не столь отдаленных (и там же загоревшийся идеей удаленных краж), так и вполне прилично выглядящий семьянин или даже приятная в личном общении дама предпенсионного возраста с одним или несколькими внуками. Некоторые имеют полноценную работу и нелегальную подработку. А некоторые превратили в работу незаконную добычу денег.

Представим основные схемы дистанционного мошенничества, применяемые преступниками в период пандемии (табл. 1).

Таблица 1

Основные схемы дистанционного мошенничества, применяемые преступниками в период пандемии

Способ	Описание
Мошенничество посредством сайтов-объявлений. Мошенник-продавец	Это и просьба перевести 100 % предоплату на карту, и обещание отправить товар курьером/почтой, продажа товара по заниженной стоимости под предлогом того, что "в стране тяжелая ситуация и нужны деньги". В данной ситуации цель мошенника максимально быстро получить полную предоплату на свою банковскую карту или виртуальный кошелек, после чего отправить жертву в черный список. Мошенник также может согласиться на получение предоплаты, 50 % процентов суммы за несуществующий товар его тоже вполне устроят [3].
Мошенничество посредством сайтов-объявлений	Мошенник может слезно попросить Вас сначала передать ему товар (например, через таксиста) после чего пообещает аналогичным способом передать оплату после проверки товара. Разумеется, после «проверки товара» деньги никто не отдает. Но даже в том случае, если Вы отказались от дистанционной сделки, жуликоватый покупатель и при личной встрече может сделать вас потерпевшим [7].
Покупка в Интернет-магазине	Покупатель делает заказ на красивом и внушающем доверие сайте, товар его устраивает, цена тоже. Спустя 5 минут после заказа покупателю звонит оператор и вежливо сообщает, что товар на складе есть, однако в связи с карантином возможность самовывоза отсутствует и есть лишь доставка. В случае если покупатель соглашается и производит оплату, то никакого товара он не получает.
Способы заработка (пирамиды, фонды и прочее)	Мошенники даже в такой период не брезгуют способами, связанными с привлечением средств вкладчиков. Жертве может поступить звонок с предложением инвестировать 5000 рублей в предприятие по пошиву медицинских масок или производству аппаратов ИВЛ и уже через месяц получить прибыль в 100 500 %. Разумеется, что горе инвесторы остаются без вклада, и без процентов.
Сомнительные	Могут также позвонить «из банка» и предложить вложить

вклады	свои деньги на вклад по государственной программе, анонсированной правительством в апреле. Информации сейчас много, и человек неопытный действительно может спутать предложенную Президентом программу ипотеки с таким предложением.
Дистанционная ипотека	Банковский сотрудник, который предложит Вам по телефону принять участие в новой программе дистанционной ипотеки, будет с Вами очень вежлив, и Вы с радостью вышлите ему фотографии своих документов. Через неделю этот вежливый оператор будет шантажировать Вас тем, что возьмет микрозайм по фотографиям тех документов, которые Вы ему отправили.
Благотворительность	Одно из самых популярных направлений мошенничества. На сегодняшний день самый частый повод для сбора средств – помощь врачам, которые ведут борьбу с коронавирусом. Увы, но средства, собираемые таким способом, до нуждающихся никогда не доходят.
Лекарство от коронавируса	Мошенники готовы предложить вам любые средства против коронавируса. Заговоренные амулеты, секретные вакцины и тесты, магические животные и еще много чего. Любой каприз за Ваши деньги. О работоспособности всего этого и говорить даже не стоит.
Дистанционная медицина	В интернете появилась масса лиц, представляющимися врачами и проводящих приемы дистанционно. Такая консультация может отнять не только деньги, но и здоровье. Советы лжеврача могут быть смертельно опасны для здоровья. К этому же пункту можно отнести «Экспресс тест на коронавирус».
Случаи, когда мошенник выдает себя за гос.орган	Многим россиянам пришли электронные письма и смс с информацией о том, что на них наложен штраф за нарушение карантина. Вариаций таких писем есть множество, но главная их особенность – оплата штрафа по номеру телефона
Получение льгот и налоговые вычеты	В интернете есть масса рекламных баннеров, громко кричащих о том, что «ВАМ ПОЛОЖЕН ВЫЧЕТ 100500 РУБЛЕЙ ОТ ГОСУДАРСТВА». Разумеется, что в реальности такого вычета не существует. Жертву могут попросить заплатить пошлину за такую фейковую госуслугу, либо и вовсе попросить ввести полные данные своей банковской карты [8].
Скидка на оплату ЖКХ	Мошенник незаконно получает базу данных дома, после чего обзванивает жителей и предлагает оплатить ЖКХ по новой президентской программе всего лишь в размере 50 %. Платить, разумеется, нужно на номер телефона или карты.

Все способы перечислить невозможно, так как мошенники ежедневно придумывают новые или совершенствуют старые. В финансовых вопросах спешка губительна. Перед тем, как расстаться с со своими кровными средствами или имуществом, нужно дважды подумать.

Какова статистика дистанционных преступлений? Раньше было больше контактных мошенничеств. В 2015 г. доля дистанционных мошенничеств составляла всего 29,5 %, в 2016 г. уже половина мошенничеств была совершена дистанционным способом. В 2017 г. – 53,8 %, в 2018 г. – почти 60 %, в 2019 г. – уже 76,2 %, а в 2020 г. – 82,5 % [10, с. 226].

Три четверти всех мошенничеств – дистанционные. По статистике МВД, в 2019 г. в России было совершено около 300 тысяч дистанционных преступлений. Данный показатель продемонстрировал колоссальную динамику – в 2018 г. мошенничеств данного типа было меньше на 68,5 %.

Практически половина из всех зафиксированных дистанционных мошенничеств (48,5 %) относилась к категории тяжких и особо тяжких. За 2019 г. их было насчитано 142,7 тыс., что на 149 % больше, чем в предыдущем году. Почти все преступления данного вида раскрываются с помощью сотрудников МВД. По данным статистики, 98,4 % подобных мошенничеств выявляются сотрудниками ОВД. Также существенно возросло число преступлений, совершаемых через интернет (44 %). На 130 % чаще фиксируются преступления с использованием банковских карт. И на 91 % выросло число мошенничеств с мобильными телефонами [2].

Преступления, совершаемые без физического контакта с потерпевшими- дистанционные, довольно специфические. Хотя бы уже потому, что они, как правило, имеют серийный характер и в подавляющем большинстве своем совершаются жителями других регионов, а иногда и стран. Дистанционная преступность стремительно проникает во все сферы. К примеру, если вы работаете в отделе по борьбе с экономическими преступлениями – там все чаще «гуляют» электронные деньги. Если в подразделении по борьбе с незаконным оборотом наркотических средств – там тоже преступность семимильными шагами уходит в Интернет.

Специфика расследования подобных преступлений также многолика и разнообразна. Дистанционные преступления – это обязательно система. Это ведь бизнес, а любой бизнес требует вложений, в данном случае – покупки средств связи, программного обеспечения и так далее. Эти затраты надо «отбить», да еще и «заработать» сверху и побольше. Как правило, после разового использования никто такое оснащение не ликвидирует, а это уже след. У ОВД есть оперативная база, которую все территориальные подразделения полиции пополняют каждый день, – систематизация в данном деле крайне важна. Она включает в себя все поисковые признаки по дистанционным преступлениям. Туда входят абонентские номера, номера электронных устройств, номера счетов, банковских карт. Интернет-преступность также имеет свои поисковые признаки: ip-адреса, места подключения и т. п. [4, с.218].

Проблемным в раскрытии и расследовании таких мошенничеств является то, что потерпевшие проживают в различных регионах России, в то время как сам

преступник может находиться в регионе, не связанном с местом проживания заявителей. Большое количество времени затрачивается на ведение деловой переписки (направление, получение различного вида запросов, поручений), что негативно влияет на сокращение сроков расследования уголовных дел и установления по ним лиц, совершивших преступления.

«Цифровые» мошенники умело скрывают следы преступления. Преступники не могут не оставить следов. С дистанционными ворами все не так очевидно. Он делает звонок потерпевшему или пишет сообщение. Это уже следы преступления. Иногда потерпевшие успевают записать его голос. Конечно, это не отпечаток пальца на месте преступления, но все же. Сбор и обработка таких «следов» немного сложнее. Кроме того, деньги пострадавших (а ведь они являются главной целью жуликов) не уходят в пустоту. Они переводятся на другие счета или электронные кошельки, даже если потерпевшие делают это самостоятельно. Подобные транзакции можно отследить [9].

Итак, проблема дистанционного мошенничества сегодня является особенно актуальной в связи с распространением этого преступления, сложностью его квалификации и предупреждения. Использование электронно-вычислительных средств при совершении мошеннических действий создает специфику данного преступления, требующую специальных знаний при квалификации такого рода преступлений и их доказывании.

Рассматриваемые преступления сегодня имеют довольно большой процент в статистике общей преступности, и их число постоянно увеличивается. В большей степени это относится к преступлениям экономической направленности, где преступники используют электронные средства. Кроме того, если эти преступления касаются государственных интересов крупного экономического или производственного характера, они могут повлечь серьезные негативные последствия [6, С. 192].

На фоне распространения коронавируса отмечается активизация кибер-мошенничества (и не только) по всей России. В группе риска одинокие старики и доверчивые люди пожилого возраста. Дистанционное COVID-мошенничество развивается так быстро, что его уже можно назвать пандемией, которая насчитывает уже тысячи «жертв». Некоторых мошенников удается найти и наказать, а многих вычислить так и не удается. Поэтому, лучший способ защиты – это изоляция от сообщений и звонков с незнакомых номеров, бдительность и внимательность.

В заключение следует отметить, что борьба с дистанционным мошенничеством с использованием электронной техники, особенно в период пандемии коронавируса, требует обратить внимание на необходимость специальной подготовки оперативных и следственных кадров, осуществляющих раскрытие и расследование данных преступлений.

Список литературы

1. Богданов А. В. Киберпреступность и дистанционное мошенничество как одна из угроз современному обществу // Криминологический журнал. 2020. № 1. С. 15–20.

2. Как россиян обманывают мошенники во время пандемии https://news.rambler.ru/incidents/43940287/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink.

3. Коронавирус породил новые схемы мошенничества https://ria.ru/20200413/1569949717.html.

4. Кудрявцев Р. В. Организация деятельности по раскрытию дистанционных мошенничеств // Молодой ученый. 2019. № 24 (262). С. 218–221.

5. Ложь не во благо: какие новые схемы обмана используют мошенники в период пандемии? URL: https://www.5-tv.ru/news/297603/loz-nevoblago-kakie-novye-shemy-obmana-ispolzuut-mosenniki-vperiod-pandemii/ (дата обращения: 03.08.2022).

6. Любан В. Г., Молянов А. Ю., Хазов Е. Н. Распространенные способы мошенничеств в сфере информационно-телекоммуникационных технологий // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 1. С. 190–194.

7. Новые виды мошенничества в период пандемии коронавируса URL: https://www.mos.ru/news/item/73933073/ (дата обращения: 03.08.2022).

8. Новые мошеннические схемы в условиях глобальной пандемии URL: https://www.9111.ru/questions/777777777843548/ (дата обращения: 03.08.2022).

9. Поддельные вакцины и фейковые штрафы – новые схемы мошенничества в пандемию URL: https://riamo.ru/article/424278/poddelnye-vaktsiny-i-fejkovye-shtrafy-novye-shemy-moshennichestva-v-pandemiyu.xl (дата обращения: 03.08.2022).

10. Сердюк П. Л. Особенности правовой оценки дистанционного мошенничества // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2019. №4 (48). С. 226–230.

11. Торговцы вирусом: как преступники выманивают деньги у россиян во время пандемии URL: https://iz.ru/1015026/anna-kaledina/torgovtcy-virusom-kak-prestupniki-vymanivaiut-u-rossiian-vo-vremia-pandemii (дата обращения: 03.08.2022).

Емельянова Н. Ю.[1],
преподаватель кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

ВОЗБУЖДЕНИЕ УГОЛОВНОГО ДЕЛА КАК СТАДИЯ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

С момента вступления всего мирового сообщества в новый XXI век произошло множество глобальных и широкомасштабных изменений: сменились общественно-экономические формации, произошли войны и катастрофы, изменились модели внутригосударственной политики, наконец, поменялось законодательство. Для того чтобы обеспечивать наилучшие законность и правосудие наряду с ведущими цивилизованными странами мира, отечественный законодатель внес немало поправок в действующий уголовно – процессуальный кодекс, что естественного не дает нам права назвать его новым. Стоит отметить, что уголовно – процессуальное право, на мой взгляд, все же строится с оглядкой на международно – правовые нормы, зачастую принимая последние за источник права.

Безусловно, отдельно взятые нормы уголовно – процессуального кодекса претерпели изменения, а некоторые и вовсе утратили силу, но тот фундамент, та правовая основа, на которой базируется уголовное судопроизводство в Российской Федерации, остается неизменной и на сегодняшний момент, хоть и отличается от многих моделей уголовного процесса зарубежных стран. Наиболее остро и дискуссионно теоретики – процессуалисты относятся к значимости и необходимости первоначальной и самостоятельной стадии уголовного процесса – возбуждению уголовного дела. Это и является предметом представленного исследования.

Исследуя данную тему, неволей приходишь к выводу о том, что система уголовно – процессуального права в нынешних реалиях просто не может обойтись без данной стадии, ведь, как известно, на данной досудебной стадии начинается деятельность специально уполномоченных органов и лиц по принятию и проверке информации о совершенном или готовящемся преступлении в определенные уголовно – процессуальным кодексом сроки [1, с.49]. Отмечу, что законодатель предусмотрел и исключение из этого правила – дела частного обвинения, которые предусматривают, что заявитель сам непосредственно обращается к мировому судье. Но нельзя забывать об упомянутых ранее развитых во всех отношениях цивилизованных государствах, уголовный процесс в которых не предусматривает наличие стадии возбуждения уголовного дела. К таким государствам, к примеру, относится США и Германия.

Наиболее ярким примером отличия возбуждения уголовного дела в зарубежных странах является уголовное судопроизводство Соединенных Штатов Америки. Уголовный процесс США, в отличие от российского, не является столь регламентированным и хоть и имеет в своем арсенале стадию возбуждения уголовного дела, но подразумевает под собой совсем другие полномочия государственных органов и уполномоченных лиц. Так, к примеру, стоит сказать, что

[1] © Емельянова Н. Ю., 2022.

стадию возбуждения уголовного дела нельзя отнести к досудебной, потому как в ней присутствует деятельность судьи – магистрата, который, к слову, самостоятельно проверяет «достаточность оснований» и после этого уже выдает ордер на арест лица, подозреваемого в совершении преступления. Этого мы никак не можем представить, да, и не наблюдаем в российском уголовном судопроизводстве. Особенность, в данном случае, заключается в том, что именно судья выступает неким проводником для зарождения уголовного дела, а не следователь и дознаватель.

Остановимся так и на вопросе о формальности и значимости стадии возбуждения уголовного дела в США. Ранее указывалось, что именно судья – магистрат выдает ордер на арест или обыск (аналог решения российского суда о производстве предусмотренного УПК РФ процессуального действия) по заявлению полицейского. Но, как показывает теория, а затем уже и практика, не заявление лица является поводом для возбуждения уголовного дела в судопроизводстве США, а именно вышеназванный ордер, запускающий государственный аппарат уголовного подчинения и принуждения. Обратная картина наблюдается в нашем судопроизводстве, где заявление является поводом для возбуждения уголовного дела, конечно, после тщательной проверки поступивших сведений.

Примечательно, что США в последнее время все больше разграничивает полномочия прокурора как представителя стороны государственного обвинения, делая тем самым практически независимым его от судебного контроля. Бытует мнение среди американских ученых и о том, что нынешние полномочия прокурора как бы делегируют ему монопольное право, касающееся возбуждения уголовного дела. И сослаться, как мне кажется, следует, прежде всего, на особенность правовой системы Соединенных Штатов, которая опирается, в свою очередь, на прецедент, как источник права, а это, как известно, в корне отличается от признанной в российском обществе романо-германской системы [1, с. 31; 2, с. 164].

Продолжая анализировать стадию возбуждения уголовного дела на примере зарубежных стран, обратимся к еще одной представительнице европейского общества – Германии, уголовный процесс которой поистине индивидуален и практичен [3, с. 4]. Если в США все же присутствует стадия возбуждения уголовного дела со всеми вытекающими последствиями и процедурами, то уголовный процесс Германии и вовсе не предполагает такой стадии, а возбуждение уголовного дела начинается с момента производства первых процессуальных действий, что в Российской Федерации характерно для стадии предварительного расследования [5, с. 50]. Отмечу, что в Германии значительно улучшен статус прокурора, да и прокуратуры в целом как государственного органа, который возбуждает уголовное дело по делам именно публичного обвинения и принуждает абсолютно все практические органы выполнять ее распоряжения.

Деятельность органов внутренних дел до момента возбуждения уголовного дела так же вызывает массу вопросов, потому как фактически их деятельность свободна и неформальна, подразумевает под собой лишь проверку, а не расследование.

Такое положение дел ставит перед нами вопрос о значимости и необходимости такой стадии уголовного процесса, как возбуждение уголовного дела. Тем не менее, нельзя говорить о том, важна эта стадия или нет, имеется ли она право на существование или же нет. Ведь как сказано выше, уголовный процесс всех стран индивидуален, независимо от того, подразумевается в нем фактически наличие стадии возбуждения уголовного дела или нет. Зачастую в подобных вопросах судьей выступает время и реакция общества, и как факт – уголовное судопроизводство абсолютного большинства стран работает исправно и качественно. Здесь следует ссылаться на исторический опыт развития уголовно-процессуального права, как России, так и других стран, и особенности его формирования, ведь наше государство за все время становления и развития государственности развивалось самостоятельно и продуктивно. Сегодня мировое сообщество пришло к такому развитию, что страны считают необходимым взаимодействовать друг с другом, а где-то даже перенимать положительный опыт стран-соседей. Поэтому, в заключение скажу, что тенденции в развитии данного вопроса положительны и стремятся к тому, что возможно в конечном итоге мировое сообщество закрепит единую универсальную модель уголовного судопроизводства для всех!

Список литературы

1. Андреева О. И. Уголовный процесс. Ростов – на – Дону: учебник для бакалавриата юридических вузов. 2015.

2. Румянцева М. О. Возбуждение уголовного дела: проблемы и перспективы: монография. М. : Юстицинформ, 2019.

3. Шаталов А. С. Уголовное судопроизводство в зарубежных странах. М. : Берлин. 2016.

4. Яновский Р. С. Досудебное производство: Стадия возбуждения уголовного дела : учебник, Москва. Юрайт. 2019.

Ендольцева А. В.[1]**,**
профессор кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор юридических наук, профессор
Галчонков К. Ю.[2]**,**
слушатель ФПСПООП
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

ЭЛЕКТРОННЫЙ ДОКУМЕНТ И ЭЛЕКТРОННЫЙ ДОКУМЕНТООБОРОТ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ

Процесс перехода от индустриального общества к обществу информационному стал значимым этапом в развитии общественных отношений и перехода их на новый качественный уровень. Сегодня современное общество характеризует интенсивное развитие цифровых и информационных технологий и внедрение их во все сферы жизни. Это способствовало переносу документооборота в электронный формат органами государственной власти, органами местного самоуправления, различными организациями и объединениями, использованию информационных технологий в сфере оказания государственных услуг гражданам и др. Такие условия нового информационного общества диктуют социуму новые правила жизнедеятельности, внедряя различные способы получения и обработки информации, и, как следствие, повышение эффективности и качества исполнения архивами своих основных функций, в том числе и использования электронных документов [4, с. 177].

Отметим, что современные информационные технологии чрезвычайно расширяют возможности информационного обмена с использованием электронных документов. Однако электронный документ при этом понимается по-разному: одни подходят к его определению исключительно с позиций технологии и берут технические составляющие за основу определения электронного документа, другие – с позиции юриспруденции, которую интересует доказательность подлинности документа в суде. Отсюда и определения, которые предлагают авторы: «электронный документ – документ, созданный в электронной форме без предварительного документирования на бумажном носителе, подписанный электронной подписью в соответствии с законодательством России» [6, с. 92], «электронный документ – это информация, зафиксированная на электронном носителе, имеющая необходимые реквизиты, позволяющие его идентифицировать, и подтверждающая обстоятельства, имеющие правовое значение» [1, с. 8].

Под электронным документом в Федеральном законе от 27.07.2016 «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» понимается «документированная информация, представленная в электронной форме, то есть

[1] © Ендольцева А. В., 2022.
[2] © Галчонков В. Ю., 2022.

в виде, пригодном для восприятия человеком с использованием электронных вычислительных машин, а также для передачи по информационно-телекоммуникационным сетям или обработки в информационных системах…»[1].

Таким образом, можно считать, что электронным документом является любой документ, который представлен в электронном виде, в том числе и сканобраз бумажного документа, и файл, набранный в текстовом редакторе ЭВМ, и тому подобное. Главный его признак – наличие информации, имеющей правовое значение.

Электронный документ может участвовать как в непосредственном обмене информацией, так и в опосредованном, но при условии, что документ будет сохраняться и будет читаем на разных носителях, т. е. чтобы знание, содержащееся в электронном документе, было неизменным. Обеспечение аутентичности электронных документов является важнейшей по актуальности проблемой. На настоящий момент с этим связаны определенные трудности. Так, неизбежность переформатирования документа при длительном хранении и техническом устаревании носителей информации фактически влечет за собой создание другого документа с измененными реквизитами и контрольными характеристиками (в том числе с измененной датой последнего сохранения, объемом и т. д.) [3, с. 19]. Постоянное развитие информационных технологий ведет к тому, что подлинник документа прочесть с помощью новых технических средств будет затруднительно или невозможно, а копия с него не будет иметь юридической силы по причине несоответствия контрольных характеристик.

Любые изменения в документе (например, финансовом) могут привести к серьезным последствиям. Поэтому имеют место быть вопросы, которые требуют законодательного регулирования, например, право архивов анализировать и проводить конверсию сайтов с расположенными там электронными документами, заверять такие документы электронной подписью, идентифицировать соответствие цифровых документов существующим подлинникам на бумажных носителях, определение правовых рамок взаимодействия архивов с источниками комплектования (организациями), определять технические требования передаваемых на хранение в архив электронных документов, обеспечивающих согласованность нормативных требований к хранению электронных документов и др. [2, с. 131].

В настоящее время ведутся дискуссии по поводу использования электронных документов при доказывании по уголовному делу. Вместе тем такого вида доказательств действующий уголовно-процессуальный закон пока не называет. Прежде всего, возникает вопрос о допустимости подобного вида доказательств. Ведь крайне важно иметь возможность идентифицировать и аутентифицировать электронное доказательство. «Под идентификацией понимается установление лица, от которого исходит документ, аутентификация – это подтверждение того, что представленное доказательство является тем, что о нем заявляет лицо, представившее данное доказательство». [1, с. 9] Идентификация электронного документа осуществляется посредством электронной цифровой подписи, которая

кроме прочего гарантирует целостность и неизменность скрепленного ею документа [5, с. 95].

В связи с этим законодателю следует решить немало вопросов, связанных с определением понятия «электронное доказательство», установлению пределов их допустимости в уголовном процессе, степени возможного использования в производстве по уголовному делу, обеспечению их сохранности. Но прежде всего эти вопросы требуют научного осмысления.

Электронный документ в современном мире является важной составляющей частью документооборота во всех сферах государственной и общественной жизни. Уже настало время электронного документооборота и в сфере уголовного судопроизводства. И первые шаги в этом направлении сделаны. В 2016 г. Федеральным законом от 23 июня 2016 г. № 220-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части применения электронных документов в деятельности органов судебной власти» Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации был дополнен статьей 474.1, которая закрепила порядок использования электронных документов в уголовном судопроизводстве. В этой норме предусмотрено, что ходатайство, заявление, жалоба, представление могут быть поданы в суд в порядке и срок, которые установлены УПК РФ, в форме электронного документа, подписанного лицом, направившим такой документ электронной подписью в соответствии с законодательством Российской Федерации, посредством заполнения формы, размещенной на официальном сайте суда в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет». Материалы, приложенные к ходатайству, заявлению, жалобе, представлению, также подаются в форме электронных документов.

В соответствии с ч. 2 ст. 474.1 УПК РФ судебное решение может быть изготовлено в форме электронного документа, который подписывается судьей усиленной электронной подписью. Копия такого судебного решения по просьбе или с согласия участника уголовного судопроизводства может быть направлена ему с использованием информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» (ч. 3 ст. 474.1 УПК РФ).

Настало время сделать и второй шаг – урегулировать законодательно порядок и правила использования электронных документов в досудебном уголовном производстве. С тем, чтобы участники уголовного судопроизводства могли обратиться в органы дознания, предварительного расследования, прокуратуры с ходатайством, заявлением или жалобой в форме электронного документа, чтобы следователь и дознаватель в такой же форме могли обратиться к должностным лицам, осуществляющим процессуальный ведомственный контроль или надзор за их деятельностью, направляя им материалы в форме электронных документов (а не изготовляя многочисленные копии материалов уголовного дела), чтобы в таком же порядке представлялись материалы для рассмотрения судом ходатайств следователей и дознавателей об избрании мер процессуального принуждения или производстве следственных действий, затрагивающие конституционные права граждан.

С этой целью первоначально необходимо:

– закрепить основополагающие принципы и условия использования информационных технологий в уголовном судопроизводстве;

– создать единую взаимосвязанную систему стандартов приема, хранения и использования электронных документов при производстве по уголовному делу;

– обеспечить безопасность информационной инфраструктуры правоохранительных органов в условиях цифровой трансформации деятельности органов предварительного расследования, прокуратуры и суда, для чего создать национальную обособленную межведомственную систему электронного документооборота в сфере уголовного судопроизводства, исключающую возможность утечки информации и противоправного на нее воздействия.

Список литературы

1. Ворожбит С. П. Электронные средства доказывания в гражданском и арбитражном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. – СПб. – 2016. – 235 с.

2. Жилкин В. А. Цифровые технологии и применение искусственного интеллекта в Финляндии и России: сравнительно-правовое исследование // Журнал зарубежного и сравнительного правоведения. – 2018. – № 6. – С. 129-133.

3. Захаров В. Е., Володьков С. С., Литвиненко О. А. Внедрение цифровых технологий в архивное дело Ростовской области // Отечественные архивы. 2016. № 4. С. 18–21.

4. Правовое пространство и человек: монография / отв. ред. Ю. А. Тихомиров, Е. В. Пуляева, Н. И. Хлуденева. М. 2012. 236 с.

5. Соколова Н. В., Суханов Д.А. Доказательства в гражданском и арбитражном процессах: некоторые проблемные аспекты использования новых средств доказывания и определения их правового статуса // Вестник Шадринского государственного педагогического института. 2015. № 1 (25). С. 90–96.

6. Хабриева Т. Я., Черногор Н. Н. Право в условиях цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 1. С. 85–102.

7. Федеральный закон от 27.07.2016 № 149-ФЗ (ред. от 08.06.2020) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Собрание законодательства Российской Федерации, 31.07.2016, № 31, ст. 3448.

Ендольцева Ю. В.[1]**,**
старший преподаватель кафедры уголовно процесса
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук
Дякина С. Н.[2]**,**
курсант ФПСОПП
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

ЗАКОННОСТЬ И ОБОСНОВАННОСТЬ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА КАК ФАКТОР ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Необоснованный отказ от возбуждения уголовного дела является прямым нарушением прав и свобод граждан, приводит к утрате важных вещественных и иных доказательств, способствует сокрытию преступлений и, как следствие, не обеспечивает реализацию поставленных перед уголовно-процессуальным законодательством задач. Это, в свою очередь, не является признаком, характеризующим правовое государство. Однако существует и обратная ситуация, связанная с необоснованным возбуждением уголовного дела, что несет под собой большое количество правовых проблем и негативных последствий для участников недействительного уголовно-процессуального отношения.

Во многих зарубежных государствах стадия возбуждения уголовного дела отсутствует, ряд стран бывшего СССР тоже отказались от нее по причине необходимости усиления состязательного элемента производства, ускорения процесса и исключения дублирования одних и тех же процессуальных действий [2, с. 19]. Между тем, в российском уголовном процессе такая стадия сегодня имеет место быть, несмотря на мнение ряда ученых и практиков, которые предлагают от нее отказаться. Не вдаваясь в дискуссию по данному вопросу, полагаем, что главное значение этой стадии заключается в обеспечении гарантии от необоснованного вторжения государства в лице органов предварительного расследования в частную жизнь граждан и нарушения тем самым их прав и законных интересов. Иными словами, только убедившись в обоснованности, целесообразности и необходимости осуществления уголовного преследования, следователь или дознаватель возбуждает уголовное дело, тогда и появляется основание для вторжения в частную сферу интересов личности. В случае отсутствия такой уверенности компетентными органами должны быть предприняты меры (в виде проверки сообщения о преступлении) по сбору объективных данных, свидетельствующих о самом факте совершения преступления.

Однако такая проверка при имеющемся арсенале возможных средств, указанных в ч. 1 ст. 144 УПК РФ, не должна превратиться в расследование. На данном этапе процессуальной деятельности должен устанавливаться только факт наличия преступного деяния, то есть объективные признаки совершенного преступления, а решение иных задач, например, по установлению иных обстоятельств,

[1] © Ендольцева Ю. В., 2022.
[2] © Дякина С. Н.., 2022.

подлежащих доказыванию, выявлению заподозренных лиц или свидетелей происшедшего, в этот период необязательно, особенно, если срок, отведенный законодателем для принятия решения на рассматриваемой стадии, истек. Поэтому, если руководителю следственного органа поступило ходатайство следователя, а начальнику органа дознания ходатайство дознавателя о продлении срока проверки сообщения о преступлении, то они должны убедиться в том, что их просьба не связана с производством в этот дополнительный период каких либо следственных или иных процессуальных действий в условиях очевидности наличия основания для возбуждения уголовного дела.

Пресечение возможного незаконного вмешательства в личную жизнь граждан без наличия на то законного основания (без возбуждения уголовного дела) должно быть приоритетной задачей должностных лиц, осуществляющих процессуальный контроль, несмотря на то, что в перечень мер, предусмотренных первой частью ст. 144 УПК РФ, включены так называемые «мягкие» следственные действия, которые существенно не смогут нанести вред правам и законным интересам человека.

Проведение проверочных мероприятий позволяет не только осуществить сбор первоначального материала, на основе которого компетентное должностное лицо сможет установить наличие основания для возбуждения уголовного дела, но и зафиксировать следы совершенного преступления, которые если будут утрачены, то сформировать важные доказательства органам предварительного расследования будет крайне затруднительно, а порой и уже невозможно.

Вместе с тем, некоторые авторы заметили, что стадия возбуждения уголовного дела не всегда является механизмом преодоления «беззакония и произвола» в уголовном судопроизводстве. В практической деятельности встречаются случаи необоснованного возбуждения уголовного дела с целью выполнения определенных «показателей» с последующим доведением уголовного дела до состояния обвинительного приговора [1, с. 10]. Необоснованное, а порой и незаконное уголовное преследование лиц за совершение деяний, которые в принципе не содержат в себе признаков преступлений, отнюдь не способствует назначению уголовного судопроизводства.

При отказе от стадии возбуждения уголовного дела органы, осуществляющие предварительное расследование, могут столкнуться с большим числом возбужденных уголовных дел, которые в последующем будут прекращены. Это может привести к снижению престижа и авторитета правоохранительных органов и всей системы российского судопроизводства в целом. Нельзя забывать о том, что, если уголовное дело прекращается по основаниям, когда у лиц возникает право на реабилитацию, то это, в конечном счете, приведет к большим расходам федерального бюджета нашего государства, так как вред, причиненный незаконным или необоснованным уголовным преследованием, будет возмещаться из государственной казны.

Таким образом, стадия возбуждения уголовного дела является неким фильтром, который позволяет произвести отграничение преступного события от непреступного, способствуя эффективности будущего предварительного рассле-

дования, поскольку значительно уменьшается количество прекращенных уголовных дел в связи с отсутствием события или состава преступления, а также обращений лиц, в отношении которых приняты такие решения, в суд по вопросу возмещения причиненного им вреда незаконными или необоснованными действиями и решениями органов предварительного расследования. На этапе проверки сообщения о преступлении не так часто нарушаются права личности, ведь к ним в то время не применяются меры принуждения, не производятся такие процессуальные действия как обыски, выемки, контроль и запись переговоров и пр. Поэтому, существенных ограничений прав лиц, в отношении которых проводится проверка сообщения о преступлении, не наблюдается.

Итак, возбуждение уголовного дела – важный этап процессуальной деятельности, предопределяющий необходимость осуществления предварительного расследования, поскольку именно на стадии возбуждения уголовного дела решается вопрос о наличии или об отсутствии уголовно-процессуальных правоотношений, она позволяет определить «общие контуры» будущего расследования [3, с. 33]. Этому способствует первоначальная уголовно-правовая квалификация совершенного деяния, определение круга лиц, которые в последующем приобретут в порядке, установленном УПК РФ, соответствующий процессуальный статус, т. е. деятельность органов дознания, следователя и дознавателя, которая ими осуществлялась при проверке сообщения о преступлении.

Список литературы

1. Стадия возбуждения уголовного дела: созданы ли достаточные гарантии от злоупотребления правом? // О. И. Андреева и др. // Уголовная юстиция. 2018. № 11. С. 9–13.

2. Середнев В. А. Стадия возбуждения уголовного дела: рудимент или необходимость? // Российское право: образование, практика, наука. 2016. № 4 (94). С. 17–23.

3. Стельмах В. Ю. Правовая сущность стадии возбуждения уголовного дела // Общество и право. 2020. № 3 (73). С. 33–39.

Ермаков С. В.[1],
заместитель начальника кафедры предварительного расследования Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент

О ФОРМИРОВАНИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ СЛЕДОВАТЕЛЯ, НЕОБХОДИМЫХ ДЛЯ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

При подготовке кадров для органов предварительного расследования подлежат обязательному учету изменения, происходящие в структуре преступности. Так, ежегодно наблюдается увеличение количества преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, что актуализирует вопрос о подготовке специалистов по расследованию данных преступлений, обладающими профессиональными компетенциями в сфере высоких технологий.

30 апреля 2021 г. Министром внутренних дел Российской Федерации генералом полиции Российской Федерации В. А. Колокольцевым утвержден Комплекс мероприятий по формированию эффективной системы подготовки кадров для органов внутренних дел Российской Федерации, специализирующихся на предотвращении, выявлении, раскрытии и расследовании преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий (на 2021–2022 гг.).

Как отмечает И. А. Калиниченко, обучение «штучных» специалистов, способных раскрывать и расследовать IT-преступления, безусловно, дает положительный эффект, однако основной задачей является формирование необходимых знаний, умений и навыков большинства у сотрудников органов внутренних дел [1].

В Московском университете МВД России имени В.Я. Кикотя разработана и реализуется Стратегия совершенствования образовательного процесса, направленная на формирование соответствующих компетенций у курсантов и слушателей по направлению противодействия преступлениям, совершаемым в сфере информационных технологий.

Оперативно реагируя на изменения криминогенной обстановки в стране в образовательные программы университета включаются новые учебные дисциплины, такие как: «Организационно-правовые основы раскрытия и расследования преступлений в сфере компьютерной информации», «Расследование преступлений в сфере компьютерной информации», «Методы и способы получения доказательств и информации с электронных носителей», «Криминальная среда и современные информационные технологии» и другие.

[1] © Ермаков С. В., 2022.

Совершенно справедливо замечание Л. В. Бертовского о том, что в случае непринятия шагов к получению компетенций в сфере высоких технологий, практикующие юристы могут отстать навсегда от процесса цифровизации [2].

Руководством университета принято решение подготовке обучающихся по профилю образовательной программы «Предварительное следствие в органах внутренних дел по уголовным делам в отношении лиц, совершивших преступления с использованием информационно-телекоммуникационных технологий». Профессиональный отбор среди курсантов, интересующихся современными информационными технологиями, позволяет сформировать профильные учебные группы.

Для формирования необходимых профессиональных компетенций будущих следователей, курсанты в процессе обучения осваивают особый язык, терминологию используемою в IT-сфере: IMEI (международный идентификатор мобильного оборудования); IP-адрес (Internet Protokol address); MAC-адрес (Media Access Control) идентификатор сетевого оборудования; VPN (виртуальная частная сеть); SIP (Протокол установления сеанса); IP-телефония (телефонная связь по протоколу IP); BIN (банковский идентификационный номер); Cookie (фрагмент данных, отправленный веб-сервером и хранимый на компьютере пользователя) и другие.

Курсанты в процессе обучения изучают процессуальный порядок и отрабатывают навыки работы следователя с цифровыми следами. Цифровые следы остаются на различных носителях, сохраняются как на устройствах злоумышленника, так и на внешних ресурсах. При этом преступники предпринимают меры по сокрытию, шифрованию, уничтожению цифровых следов преступления, сохранению анонимности работы в сети Интернет. Что из цифровых следов станет доказательством и как будет использовано в процессе доказывания, зависит от полученных знаний, умений и навыков работы следователя с такими следами.

Рассматриваются вопросы организации взаимодействия следователей с организациями связи, Интернет-провайдерами, банками и другими организациями, где сохраняются цифровые следы преступной деятельности.

Проводится обучение курсантов алгоритму изъятия и осмотра компьютерной техники, сотовых телефонов и прочих накопителей в ходе производства обыска, выемки, осмотра места происшествия и других следственных действий.

При взаимодействии с ЭКЦ ГУ МВД России по г. Москве курсанты изучают возможности компьютерных экспертиз, способы получения компьютерной информации, удаленные данные с устройств.

Формируются навыки составления курсантами процессуальных документов. Процессуальные документы следователя по уголовным делам о преступлениях, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, содержат описания цифровых следов, указания на используемые преступниками никнеймы, аккаунты, пароли, файлы электронной переписки, ip – адреса. В процессе расследования анализируются данные log-файлов, раскрывается функционал используемых преступниками программ, фишинговых сайтов, схемы переводов средств с электронных кошельков, расчетов в криптовалюте и другие цифровые следы.

Практическая направленность обучения будущих следователей обеспечивается благодаря тесно налаженному взаимодействию университета с практическими подразделениями комплектующих органов, в том числе со Следственным департаментом МВД России. На практические занятия привлекаются следователи, дознаватели имеющие опыт расследования преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий.

В качестве положительного примера обучения следует отметить на проведение комплексных учений в условиях криминалистических полигонов в целях формирования навыков работы со следами преступлений в информационно-телекоммуникационной среде. Курсанты и слушатели различных факультетов университета, действуя в составе сформированных следственно-оперативных групп, отрабатывают навыки работы с цифровыми следами преступлений, в частности: следы сделок с криптовалютой; переписка преступников в мессенджерах, по электронной почте, файлы в памяти ЭВМ и других.

Считаем, что в современных условиях цифровизации общества следователи должны обладать профессиональными компетенциями по работе с цифровыми следами, навыками установления цифровой картины совершенного преступления. Повышение цифровой грамотности и квалификации сотрудников органов предварительного расследования позволит обеспечить качественное выполнение ежедневных задач по расследованию преступлений в условиях цифровизации общественных отношений. Полагаем, что формирование профессиональных компетенций следователя по расследованию преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, является одним из приоритетов сегодняшнего дня.

Список литературы

1. Калиниченко И. А. О приоритетных направлениях подготовки кадров для органов внутренних дел Российской Федерации в условиях информатизации общества // Вестник Московского университета МВД России. 2020. №3. С. 11–14.

2. Бертовский Л. В. Развитие уголовного судопроизводства в условиях цифровизации общественных отношений // Уголовное судопроизводство: современное состояние и стратегия развития: Международная научно-практическая конференция, 12 ноября 2021 г.: сборник научных трудов / [под ред. О. В. Химичевой]. М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2022. С. 194–198.

Есина А. С.[1]**,**
доцент кафедры предварительного расследования
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент
Жамкова О. Е.[2]**,**
доцент кафедры уголовного процесса Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

С ЧЕГО НАЧИНАЕТСЯ УГОЛОВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО?

Предпосылкой для начала уголовно-процессуальной деятельности в Российской Федерации является информация о фактах совершенного или готовящегося к совершению общественно опасного деяния, поступающая в правоохранительные органы России. УПК РФ устанавливает обязанность должностных лиц принять поступившую информацию и проверить. В статье 140 УПК РФ перечислены различные источники, из которых может поступать информация о преступных деяниях, которые в уголовно-процессуальной науке обозначены как поводы для возбуждения уголовного дела.

Согласно сведениям, полученным в ФКУ ГИАЦ МВД РФ, в 2019 г. всего было принято и рассмотрено 9 859 936 заявлений (сообщений) о преступлениях, в 2020 г. – 9 249 142 сообщений. В 2021 г. отмечено снижение количества зарегистрированных преступлений по сравнению с 2020 г. на 1,9 % [1].

Практически ежегодно законодатель вносит изменения и дополнения в ст. 140 УПК РФ, расширяя список поводов к возбуждению уголовного дела, уточняя, регулируя особые, частные случаи, информация о которых может быть началом к уголовному судопроизводству. Данное обстоятельство, позволяет ученым-процессуалистам, размышляющим на данную тему, высказывать различные предположения относительно содержания, значения рассматриваемого понятия, системы поводов к возбуждению уголовного дела.

В юридической и научной литературе отсутствует однозначное толкование понятия «повод к возбуждению уголовного дела». Существуют несколько точек зрения. По мнению значительного числа ученых-процессуалистов (Б.Т. Безлепкин, В.П. Божьев, Н.П. Лупинская, В.И. Радченко, В.Т. Томин и др.), повод для возбуждения уголовного дела следует понимать как источник сведений о признаках преступления. Другие авторы предпочитают считать повод – юридическим фактом, порождающим уголовно-процессуальные отношения (Л. Н. Масленникова, Н. В. Жогина, Р. Г. Ускова).

Многие определения, представленные различными специалистами, по своей сути являются идентичными и схожими. Например, в некоторых источниках вместо понятия «источник информации» авторами используется трактовка «источник осведомленности» или «источник сведений» о совершенном противоправном деянии, что в сущности не меняет содержания рассматриваемой категории.

---

[1] © Есина А. С., 2022.
[2] © Жамкова О. Е., 2022.

Авторами статьи разделяется позиция тех ученых, которые предпочитают определять повод для возбуждения уголовного дела как источник первичной информации о совершенном или готовящемся преступном деянии. Вместе с тем, не отрицаем, что предоставление (направление, поступление) данной информации в правоохранительные органы – это, безусловно, юридический факт, влекущий возникновение правоотношений между субъектами в уголовно-процессуальной сфере.

Следует констатировать, что без «повода», установленного законом, невозможно возбудить ни одно уголовное дело. Законодатель уделяет особое внимание системе поводов к возбуждения уголовного дела, пытаясь найти оптимальный перечень источников, послуживших к началу уголовного судопроизводства. Так, первоначально, редакция ч. 1 ст. 140 УПК РФ содержала всего 3 повода для возбуждения уголовного дела: заявление о преступлении, явка с повинной, сообщение о совершенном или готовящемся преступлении, полученное из иных источников. Последующие годы свидетельствуют о попытках законодателя совершенствовать систему поводов, в связи с чем редакция ч. 1 ст. 140 УПК РФ подвергалась неоднократным изменениям. Некоторые попытки законодателя следует признать удачными, которые доказали свою жизнеспособность и необходимость.

Так, Федеральным законом от 28.12.2010 № 404 в качестве самостоятельного повода к возбуждению уголовного дела был добавлен пункт 4 ч. 1 ст. 140 УПК РФ – постановление прокурора о направлении соответствующих материалов в орган предварительного расследования для решения вопроса об уголовном преследовании. Данное решение было принято в связи с необходимостью совершенствования деятельности органов предварительного расследования через призму усиления прокурорского надзора. С этого момента информация, поступающая из прокуратуры, выступает не как один из иных источников сведений, на основании которых ответственное лицо составляет рапорт об обнаружении признаков преступления, а как самостоятельный источник сведений, с момента поступления которых начинает осуществляться процессуальная деятельность, исчисляются процессуальные сроки. Данное решение позволило напрямую использовать результаты прокурорских проверок в качестве повода для возбуждения уголовного дела. Во всяком случае, более 10 лет практики использования «прокурорского постановления» в качестве повода к возбуждению уголовного дела свидетельствует о его востребованности и актуальности.

Были попытки включить в перечень поводов для возбуждения уголовного дела сведения, имеющие частноправовой характер. Полагаем, что регулирование частных правовых ситуаций на уровне текста УПК РФ нельзя признать удачным приемом законодательной техники, поскольку это усложняет единообразное правоприменение. Проиллюстрируем сказанное на примере.

Федеральным законом от 09.03.2022 № 51-ФЗ ст. 140 УПК РФ была дополнена ч. 1.3, в соответствии с которой поводом для возбуждения уголовного дела о преступлениях, предусмотренных статьями 198–199.2 Уголовного кодекса Российской Федерации, служат только материалы, которые направлены налоговыми

органами в соответствии с законодательством о налогах и сборах для решения вопроса о возбуждении уголовного дела.

Заметим, что аналогичная норма уже вводилась законодателем в 2011 г., однако впоследствии была признана утратившей силу. Одной из причин, по которой законодатель изменил свое мнение, следует признать тот факт, что введение нового источника поступающей информации ограничивало возможности правоохранительных органов, поскольку возбуждать уголовное дело по преступлениям ст. 198-199.2 УК РФ стало возможным только при поступлении информации от определенного источника (налогового органа), что затрудняло использование иных различных средств и способов обнаружения признаков налоговых преступлений и установления умысла на их совершение. Это привело к значительному снижению раскрываемости преступлений данной категории. Однако, в настоящее время законодатель вновь вернул в текст ст. 140 УПК РФ данный повод для начала уголовного судопроизводства. Интересно будет со временем проанализировать новую, складывающуюся правоприменительную практику.

Развитие системы поводов для возбуждения уголовного дела свидетельствует о том, что законодатель в некоторых случаях, использует и запретительный метод правового регулирования.

Так, Федеральным законом от 27.12.2019 № 498 была дополнена ст. 140 частью 3, в которой указывается, что не могут служить поводом для возбуждения уголовного дела факт представления специальной декларации в соответствии с Федеральным законом № 140-ФЗ «О добровольном декларировании физическими лицами активов и счетов (вкладов) в банках и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», а также сведения, содержащиеся в указанной декларации и документах и (или) сведениях, прилагаемых к указанной декларации.

Данное положение было внесено в УПК РФ в связи с реализацией так называемой «амнистии капитала», в соответствии с которой, лицо, освобождается от уголовной ответственности за совершение деяний, сведения о которых содержатся в специальной декларации, содержащих признаки отдельных составов преступлений. Указывалось, что в качестве основания для возбуждения уголовного дела не могут использоваться сведения, указанные в данной декларация. В целях единообразной правоприменительной практики Президиумом Верховного Суда Российской Федерации были даны разъяснения о том, что Федеральный закон от 8 июня 2015 г. № 140 предусматривает в отношении отдельных категорий лиц дополнительные гарантии их прав и свобод как участников уголовного судопроизводства [2]. Однако поскольку в деятельности органов предварительного расследования продолжали встречаться случаи использования декларации в качестве доказательства по уголовному делу, законодатель внес соответствующие изменения и в ст. 75 УПК РФ, в части признания этих сведений недопустимыми доказательствами.

В соответствии со ст. 4 Федерального закона «О добровольном декларировании физическими лицами активов и счетов (вкладов) в банках и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» подача

данной декларации является по закону основанием освобождения от уголовной ответственности, в связи с чем факт подачи декларации и сведения, содержащиеся в ней, сами по себе не могут выступать поводом для возбуждения уголовного дела.

Проведенный анализ, позволяет сделать вывод о том, что законодатель продолжает практику совершенствования уголовно-процессуальных норм, устанавливающих начальный момент уголовного судопроизводства, учитывая взаимообусловленность отдельных норм разных отраслей права при их комплексном правоприменении. По мнению авторов, отдельные частные правовые ситуации следует регулировать не посредством норм УПК РФ, а на уровне подзаконных актов, отдельные разъяснения могли бы содержаться в Постановлениях Пленума Верховного суда Российской Федерации, которые учитываются в правоприменительной практике и влияют на нее. Текст закона должен быть более стабилен и устойчив по отношению к меняющейся экономической ситуации. Для этого, необходимо совершенствовать технику написания текста закона, подбирая и используя такие термины и формулировки, которые были бы оптимальными и приемлемыми для различных ситуаций, и при этом были бы понятны правоприменителям при уяснении смысла законодательного установления.

Список литературы

1. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации 2019, 2020, с января по июнь 2021 гг. [электронный ресурс] // URL: https://мвд.рф/reports/item/28021552/; URL: https://мвд.рф/reports/item/22678184/; URL: https://мвд.рф/reports/item/19412450/.

2. О применении отдельных положений статьи 4 Федерального закона «О добровольном декларировании физическими лицами активов и счетов (вкладов) в банках и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 13.11.2019) // «Бюллетень Верховного Суда РФ», № 4, апрель, 2020.

Заливин А. Н. [1],
доцент кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент
Рыжаков А. П. [2],
пенсионер Министерства внутренних дел Российской Федерации,
кандидат юридических наук, профессор

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ НЕРАЗРАБОТАННОСТИ ТИПИЧНЫХ ЧЕРТ НЕЗАКОННОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ОБЪЕКТОВ АВТОРСКОГО ПРАВА

Типичные черты преступного события – элемент криминалистической характеристики любого преступления [12; и др.]. «Общие черты однородных преступлений способствуют тому, что на конкретных этапах расследования могут производиться одни и те же следственные действия и оперативные мероприятия, составляющие своеобразный алгоритм» [3]. Именно поэтому важны усилия в определении таких обобщенных черт преступлений, которые, с одной стороны, сегодня часто совершаются, с другой, методика расследования которых до настоящего времени недостаточно разработана. Одной из разновидностей таких преступлений является предусмотренное ч. 2 (3) ст. 146 УК РФ незаконное использование объектов авторского права, совершенное в крупном (особо крупном) размере.

В сети «Интернет» неоправданно большое число сайтов предлагают скачать платно, а порой и бесплатно чужие произведения. Преобладающее большинство владельцев (администраторов) таких сайтов не заключают лицензионные (сублицензионные) договоры с правообладателями (авторами) размещенных ими на сайте публикаций. Они нередко ограничиваются лишь фразой, что в случае предъявления правообладателем претензий, они уберут произведения со своего сайта. Между тем, согласно абз. 2 п. 1 ст. 1229 ГК РФ «отсутствие запрета не считается согласием (разрешением)» правообладателя на использование результата интеллектуальной деятельности. Размещение объекта авторского права на сайте всегда является формой его использования, предусмотренной подп.11 п. 2 ст. 1270 ГК РФ, а именно: доведением до всеобщего сведения.

На страницах таких сайтов всегда и безусловно имеется название, а равно аннотационная часть произведения [1]. Там же, как правило, предлагается при выполнении определенных условий (регистрации на сайте, оплаты какой-либо суммы и т. п.) скачать произведение целиком. Здесь возникают вопросы, разрешение которых позволит вычленить типичную ситуацию (типичную черту преступного события). Более важно, ответ на них облегчит и ускорит процесс доказывания наличия в действиях владельца (администратора) сайта состава преступления, предусмотренного ч. 2 или 3 ст. 146 УК РФ. Достаточно ли для

[1] © Заливин А. Н., 2022.
[2] © Рыжаков А. П., 2022.

констатации факта незаконного использования объектов авторского права доказанности использования на сайте без получения на то согласия правообладателя (автора) аннотационной части произведения? Обязательно ли необходимо следователю доказать возможность скачивания произведения? Для ответа на них следователю необходимо знать гражданско-правовые положения, определяющие – какое использование объекта авторского права является незаконным.

В силу п. 1 ст. 1270 ГК РФ автору произведения или иному правообладателю принадлежит исключительное право использовать произведение в соответствии со ст. 1229 ГК РФ в любой форме и любым не противоречащим закону способом (исключительное право на произведение), в том числе способами, указанными в п. 2 ст. 1270 ГК РФ. Согласно же названному пункту ст. 1270 ГК РФ использованием произведения независимо от того, совершаются ли соответствующие действия в целях извлечения прибыли или без такой цели, считается: «доведение произведения до всеобщего сведения таким образом, что любое лицо может получить доступ к произведению из любого места и в любое время по собственному выбору (доведение до всеобщего сведения)», «распространение произведения путем продажи или иного отчуждения его оригинала или экземпляров» и др.

Отметим, что для возникновения, осуществления и защиты авторских прав не требуется регистрация произведения или соблюдение каких-либо иных формальностей (п. 4 ст. 1259 ГК РФ). Согласно п. 7 ст. 1259 ГК РФ, «авторские права распространяются» не только на произведение в целом, но и «на часть произведения, на его название». Аннотацию, а значит и аннотационную часть произведения, и ранее было принято относить к самостоятельным объектам авторского права [2; 4; и др.].

Более того, в последнее время арбитражными судами использование без получения на то согласия правообладателя (автора) названия и части произведения, в том числе аннотационной части произведения «в коммерческих целях» воспринимается как использование произведения в целом. Так, Девятый арбитражный апелляционный суд в своих постановлениях указывал на то, что «размещая в открытом доступе на сайтах название и аннотационную часть произведения в коммерческих целях ответчики нарушили право истца на использование произведения способом доведения до всеобщего сведения» (к примеру: абз. 42 описательной части Постановления [10]).

Данное Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда было обжаловано в кассационном порядке. Однако Определением Верховного Суда Российской Федерации от 01 декабря 2020 г. [7] и Определением Верховного Суда Российской Федерации от 22 января 2021 г. [8] заявителям было отказано в передаче дела № А40-110796/2019 в Судебную коллегию по экономическим спорам Верховного Суда РФ для пересмотра в порядке кассационного производства данного постановления.

Не возражает Суд по интеллектуальным правам [11] против утверждения Девятого арбитражного апелляционного суда о том, что «судом первой инстанции сделан неправомерный вывод о том, что для доказательства нарушения исключительного права истцом должна была быть произведена закупка по предложению, опубликованному на указанных сайтах, что противоречит п. 91

постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 апреля 2019 г. № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» [6, с. 26], которым Верховный Суд Российской Федерации разъяснил нижестоящим судам, что предложение к продаже само по себе является распространением произведения.

Получается, что, по крайней мере, в случае преследования владельцем сайта коммерческой (корыстной) цели, использование на сайте названия и аннотационной части произведения без получения на то согласия правообладателя (автора) является незаконным использованием произведения способом доведения до всеобщего сведения. Мы же полагаем, что в этом случае имеет место и второй способ незаконного использования – распространение произведения путем отчуждения его экземпляра (подп. 2 п. 2 ст. 1270 ГК РФ). Причем второй способ незаконного использования имеет место и тогда, когда скачивание произведения предлагается безвозмездно.

Предложение безвозмездного для посетителя сайта незаконного отчуждения чужого произведения для владельца сайта остается коммерческим. Делая такое предложение, владелец сайта преследует корыстные цели. Хотя последний и не просит денег за скаченное произведение, предлагая отчуждение такового, владелец сайта пытается повысить посещаемость своего сайта и тем самым увеличить его стоимость, в частности, стоимости размещения на сайте рекламы.

В любом случае владелец сайта это делает «в коммерческих целях». Ведь за выполнение любой из перечисленных задач он получает денежное вознаграждение. Именно ради этого владелец сайта незаконно предлагает к отчуждению чужие произведения. То обстоятельство, от кого (от посетителя сайта, рекламодателя или работодателя) он за свои действия получает деньги, не влияет на тот факт, что им в рассматриваемой ситуации осуществляется предложение к отчуждению экземпляра произведения по своей сути и его умыслу не отличающееся от «продажи». Таким образом, полагаем, исходя из сложившейся судебной практики, такого рода предложение также охватывается правомочием как на доведение произведения до всеобщего сведения, так и на распространение произведения.

К тому же, напомним, в подп. 2 п. 2 ст. 1270 ГК РФ речь идет о распространении объекта авторского права не только путем продажи, но и путем «иного отчуждения его оригинала или экземпляров». Почему же правило, касающееся распространения путем продажи, не должно действовать в случае распространения произведения путем «иного отчуждения»? Такой подход к толкованию подп. 2 п. 2 ст. 1270 ГК РФ, полагаем, был бы непоследователен и нелогичен. Приходим к выводу, что исходя из формулировки подп. 2 п. 2 ст. 1270 ГК РФ и логики Верховного Суда Российской Федерации, заложенной в п. 91 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 апреля 2019 г. № 10, предложение к отчуждению (в любой его форме, а значит и путем скачивания экземпляров произведения с сайта) само по себе является распространением произведения. Когда на сайте есть такое предложение (предложение произвести действия, которые должны иметь следствие получение пользователем скаченного с сайта файла с контрафактным экземпляром произведения), доказывать была ли

возможность отчуждения (получения соответствующего файла) или нет, для принятия решения о нарушении владельцем сайта подп. 2 п. 2 ст. 1270 ГК РФ, нет необходимости.

В настоящее время, следователи не всегда однозначно трактуют рассмотренные положения. Зачастую следователи, опасаются, что предложение к отчуждению контрафактного экземпляра произведения путем незаконного использования названия и аннотационной части произведения даже при превышающей 100 000 (1 000 000) рублей стоимости прав на использование объектов авторского прав, не является тем способом, который предусмотрен ч. 2 (3) ст. 146 УК РФ [5].

Полагаем, такое положение вещей в определенной мере является следствием неразработанности рассмотренной в настоящей статье части криминалистической характеристики незаконного использования объектов авторского права, совершенного в крупном (особо крупном) размере, что приводит к вынесению незаконных и необоснованных постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела, их отмене надзирающим прокурором, и повторному незаконному отказу в возбуждении уголовного дела. Все это имеет следствием нарушение разумных сроков досудебного производства, утерю возможности собирания доказательств, учинению искусственных препятствий на пути привлечения лиц, совершивших рассматриваемое преступление к уголовной ответственности, в том числе и в связи с истечением сроков давности их уголовного преследования (п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ).

Список литературы

1. Варганова О. Пиратство в авторском праве // Трудовое право. 2021. № 10. С. 87–98.

2. Засыпкина Т. А. Авторское право в медицине / Т. А. Засыпкина, В. С. Карманова // Медицинское право. 2010. № 3. С. 14–18.

3. Ищенко Е. П. Глава 17. Криминалистические версии, планирование и организация расследования преступлений // Криминалистика (учебник для бакалавров и специалистов) / Бабаева Э. У. и др.; под ред. Е. П. Ищенко. М. : «Проспект», 2020. 560 с.

4. Лепина Т. Г. Некоторые вопросы уголовно-правовой охраны объектов авторского права / Т. Г. Лепина // Реклама и право. 2008. № 1. С.12–15.

5. Материал проверки № 404-пр20 Чертановского МСО СУ по Южному административному округу ГСУ СК России по г. Москве.

6. Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 7. С. 2–47.

7. Определение Верховного Суда РФ от 01 декабря 2020 г. № 305-ЭС20-8154 по делу № А40-110796/2019 // СПС «Консультант плюс». 2020.

8. Определение Верховного Суда РФ от 22 января 2021 г. № 305-ЭС20-8154 по делу № А40-110796/2019 // СПС «Консультант плюс». 2021.

9. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 08 июня 2020 г. № 09АП-12143/2020 по делу № А40-253280/2019». НПП «Гарант-сервис» 2020.

10. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 21 июля 2020 г. № 09АП-62463/2019-ГК, 09АП-62464/2019-ГК, 09АП-62460/2019 по делу № А40-110796/2019 // СПС «Консультант плюс». 2020.

11. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 18 августа 2020 г. № С01-822/2020 по делу № А40-253280/2019 // СПС «Консультант плюс». 2020.

12. Топорков А. А. Криминалистическая методика расследования преступлений: учебник. М. : Юстиция, 2018. 294 с. // НПП «Гарант-сервис». 2018.

Золотухин Н. А.[1]**,**
старший преподаватель кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя
Кадатенко Е. П.[2]**,**
преподаватель кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя

ЭЛЕКТРОННЫЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА – РОБКИЕ ШАГИ К ЦИФРОВИЗАЦИИ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

В настоящее время внедрение информационно-коммуникационных технологий повсеместно используется во всевозможных сферах жизнедеятельности, в том числе в различных областях юридической науки. Безусловно, своего рода толчком к подобному, стала сложившаяся эпидемиологическая ситуация в мире, которая показала, что одним из эффективных и относительно безопасных средств является использование цифровых технологий. Конечно, в уголовном процессе давно наметились шаги к цифровизации уголовно-процессуальной деятельности (например, использование систем видео-конференц-связи (ст. 189.1, 278.1, ч.2 ст. 389.12 УПК РФ и проч.), при несменяемом ранее консерватизме.

В уголовном судопроизводстве, зачастую, встречаются цифровые устройства (мобильные телефоны, планшеты, смартфоны, флеш-накопители, накопители на жестких магнитных дисках и проч.), которые содержат важную информацию для органов предварительного расследования и суда. Цифровая реальность, к сожалению, нашла не только законное применение, но и наоборот, стала средой и способом совершения преступлений (к примеру, дистанционное мошенничество). Тем самым, электронные носители информации могут содержать в себе следы совершаемых преступлений, а соответственно и сведения важные для расследования преступлений и привлечения виновных к уголовной ответственности. Однако, влияет ли определение вида следов (что характерно для науки криминалистики) при расследовании уголовного дела на отнесение его к тому или иному виду доказательств?

Говоря о цифровом (электронном) следе, вполне логично под ним понимать определенные данные, которые остаются при использовании глобальных сетей, в т.ч. Интернета. Эти данные включают посещаемые веб-сайты, отправляемые электронные письма и информацию, указываемую в онлайн-формах. Цифровой след можно использовать для отслеживания действий человека и его устройств в коммуникационной сети. Пользователи Интернета активно или пассивно создают собственный цифровой след [10]. В полной мере, однако, нельзя утверждать то, что подобные следы оставлены пользователем намеренно, все же они будут являться продуктом функционирования операционной системы, программ и устройств. Бесспорно, цифровой след создают не только пользователи глобальной сети интернета (например, в браузере, интернет-серфинге), но и пользова-

[1] © Золотухин Н. А., 2022.
[2] © Кадатенко Е. П., 2022.

тели локальной сети ЭВМ при использовании прикладного программного обеспечения (на внутренних накопителях, съемных носителях информации, в памяти ПЗУ компонентов ЭВМ). То есть, по сути, это будет любая значимая цифровая информация для расследования уголовного дела вне зависимости от формы ее отображения и порядка изъятия. Именно поэтому возможно классифицировать подобные следы по признакам удаленности расположения и установления устройств, содержащих значимую информацию для расследования уголовного дела, и на основании этого выделить два вида цифровых следов:

1) цифровые следы, оставленные в информационно-коммуникационной сети Интернет. Примеров подобных следов, имеющих значение для уголовного дела множество: публикации в социальных сетях, носящих незаконный, агитационный характер; рассылка в социальных сетях заведомо неправомерной информации; совершение покупок в интернет магазинах с использованием похищенных электронных платежных карт или сведений с них; распространение вредоносного программного кода и проч. Такие следы находятся не в обезличенном пространстве Интернета, а имеют конкретный материальный носитель в виде чипов ПЗУ, накопителей на жестких магнитных дисках (винчестер), твердотельных накопителей (флеш-память). Подобная информация сохраняется на серверах и сетевых устройствах, к которым обращается пользователь во время работы клиентского ЭВМ. Местонахождение серверного оборудования может устанавливаться через провайдера (организацию, предоставляющую доступ в глобальную сеть);

2) цифровые следы, оставленные на локальной сети ЭВМ или вычислительной сети без доступа к глобальной сети Интернет (следы от работы операционной системы, программного обеспечения или от работы цифровых устройств). Они также, в конечном итоге располагаются на ПЗУ, винчестерах и флеш-памяти, с той лишь разницей, что местонахождение сервера или ПЭВМ с интересующим носителем находится в расположении локальной сети, размеры которой не создают препятствий для их поиска. К ним могут относиться сведения о совершенном преступлении, хранящиеся в системных и лог-файлах операционной системы, лог-файлах программного обеспечения, служебная информация в ПЗУ компонентов ЭВМ; Здесь, безусловно, можно говорить об упрощенной процедуре получения таких сведений, поскольку найти искомую ЭВМ в сети отдельного взятого предприятия или организации намного проще, чем сервер в глобальном сетевом пространстве.

Соответственно, обозначенные нами цифровые следы при расследовании уголовного дела во всех случаях должны быть обнаружены, зафиксированы и изъяты только специалистом, который обладает достаточными знаниями в данной области в соответствии со ст. 164.1 УПК РФ.

Но к какому виду доказательств будут относиться цифровые следы?

Следует напомнить, что в уголовно-процессуальном законодательстве содержится определение доказательств по уголовному делу, под которыми понимаются любые сведения, на основе которых суд, прокурор, следователь, дознаватель в порядке, определенном настоящим Кодексом, устанавливает наличие или

отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела (ч. 1 ст. 74 УПК РФ). Важным моментом является то, что сведения должны иметь отношение к конкретному уголовному делу, иметь значимость для него. В качестве доказательств по уголовному делу допускаются: показания подозреваемого, обвиняемого; показания потерпевшего, свидетеля; заключение и показания эксперта; заключение и показания специалиста; вещественные доказательства; протоколы следственных и судебных действий; иные документы (ч. 2 ст. 74 УПК РФ). Отсюда следует, что самого термина «электронные доказательства» уголовно-процессуальный закон не содержит. Современная уголовно-процессуальная наука крайне неоднозначно относится к вопросу о понятии «электронное доказательство», его соотношению с понятием «цифровое доказательство», «цифровые следы», «электронная информация», а также раскрытию их содержания.

Так, например, учитывая сегодняшние реалии, при расследовании краж таких предметов как мобильный телефон, смарт-часы, планшет и проч., вышеперечисленные предметы относят непосредственно к вещественным доказательствам. Это можно объяснить тем, что противоправные действия направленны непосредственно на них, а электронная составляющая подобных устройств в данном случае значения не имеет.

Сложность в разграничении форм заключается в том, что электронные доказательства содержатся в идеальной форме (подразумевается не материальная форма воплощения) на материальном и (или) физическом носителе (например, смартфон, флеш-накопитель, лазерный оптический диск и проч.). Для того, чтобы человек смог воспринять информацию, находящемся на любом из вышеперечисленных носителей, необходимы периферийные устройства для чтения-отображения, вне которых цифровая информация не может существовать. Однако, с развитием информационных технологий следует сказать о возможности сохранения информации в облачном хранилище без облачения, со стороны пользователя, в материальную форму (можно отметить известные сетевые сервисы Google, iCloud, Yandex). Но не стоит забывать, что доступ к подобным хранилищам так же осуществляется при помощи слабозащищенных ЭВМ и каналов связи. При использовании накопителя, в настоящее время, он интересен именно с точки зрения информации, хранящейся на нем. Думается, создание в органах внутренних дел специализированного защищенного ведомственного сервиса хранения служебных данных и конфиденциальной цифровой информации позволило бы упростить процедуру изъятия и сохранности подобной информации при уголовном деле.

Один из основных вопросов, вызывающих полемику среди ученых-правоведов, связан с необходимостью и обоснованностью закрепления в уголовно-процессуальном законе нового вида доказательства – «электронного доказательства». Однако, в литературе и на практике наблюдается терминологическая разобщенность в наименовании понятий «электронное доказательство», «электронное вещественное доказательство», «цифровая информация», «электронный

носитель информации» и проч., отсутствует единое мнение относительно выделения такого доказательства в качестве отдельного вида доказательства и закрепления его в уголовно-процессуальном законе. Проанализируем сложившуюся ситуацию. Согласно ст. 2 ФЗ РФ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» информация – сведения (сообщения, данные) независимо от формы их представления; документированная информация – это зафиксированная на материальном носителе путем документирования информация с реквизитами, позволяющими определить такую информацию или в установленном законодательством Российской Федерации случаях ее материальный носитель; электронный документ – документированная информация, представленная в электронной форме, то есть в виде, пригодном для восприятия человеком с использованием электронных вычислительных машин, а также для передачи по информационно-телекоммуникационным сетям или обработки в информационных системах.

В своей работе Зазулин А. И. обозначил, что при использовании в УПК РФ термина «электронный носитель информации» необоснованно происходит сужение круга предметов, которые являются носителями цифровой информации, а также в отношении которых может быть осуществлено изъятие при участии специалиста и копирование содержащейся на них информацию [3, с. 56], что вполне разумно и справедливо.

Представляется, что, как и другие виды доказательств, электронные доказательства должны соответствовать критериям достоверности (подтверждать реальные факты), допустимости (иметь форму, отвечающую требованиям закона), относимости (должна существовать логическая связь между доказательствами, сведениями и обстоятельствами преступления) [5, с. 46]. Говоря о критериях допустимости, отечественные ученые-процессуалисты указывают, что данный вид доказательств должен подлежать идентификации (определение субъекта создания и модификации), аутентификации (определение подлинности), верифицируемости (определение даты, времени и способа создания и модификации), быть целостным (неизменным) и воспроизводимым (способность демонстрации доступным способом) [4, с. 620].

Укажем еще одну интересную позицию, высказанную Оконенко Р. И., который предлагает включить в научный оборот и закрепить законодательно термин «электронное доказательство», обосновывая это тем, что «хранение больших объемов персональных данных в компактном устройстве не позволяет распространить на соответствующие носители информации традиционные процессуальные гарантии, а характеристики цифровых сведений настолько отличаются от свойств объектов реального мира, что существующие юридические процедуры невозможно эффективно использовать для достижения целей правоохранительной деятельности» [7, с. 120].

Так, Пастухов П. С. склоняется к тому, что в выделении в отдельный вид электронные доказательства нет необходимости. При этом следовало бы несколько расширить, уточнить непосредственно сам термин «доказательство», со ссылкой на то, что сведения могут быть в виде электронной информации, которая, в свою

очередь, «вполне способна восприниматься в одном из традиционных доказательств – вещественном или ином документе» [8, с. 560].

Заслуживает внимания и позиция Баранова А. М., который считает некорректным называть доказательства «электронными», обосновывая это тем, что электронная среда – интернет, электронные средства сохранения и передачи информации являются хранителями информации аналогично электронному микроскопу, поскольку основным источником информации и соответственно доказательной базы всегда является человек, ведь доказательства имеют место быть только в сознании человека, не будет человека, не будет информации, электронные доказательства таковыми характеристиками не обладают, поэтому, по его мнению, не подходят для применения их при расследовании уголовных дел[1, С. 67]. И тем самым под доказательством предлагает понимать информацию, к которой применимы правовые требования, и которая не зависит от технических способов ее сохранения и передачи. Однако, подобная категоричность весьма спорна, поскольку цифровую информацию в процессуальное доказательство возможно преобразовать только посредством производства следственных действий, когда она будет выражена в той форме, которая воспринимается непосредственно человеком.

Вот почему, на основании рассмотренных выше позиций вполне возможно констатировать, что если следы находятся на электронном носителе информации, считываются с помощью ЭВМ при обязательном участии специалиста, то подобные сведения следует относить к такому виду доказательств, как электронные. И, вот, поэтому с осторожностью можно предложить определение электронного доказательства, под которым следует понимать сведения, хранящиеся или передаваемые в цифровой форме, содержащие электронные (цифровые) следы, которые специально уполномоченные субъекты могут использовать для установления обстоятельств, входящих в предмет доказывания или иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела.

Таким образом, в современной юридической науке широко обсуждаются вопросы, связанные с необходимостью правового регулирования отношений, относящихся к цифровой реальности и электронной информации, содержащихся на электронных носителях. Необходимо не просто введение понятия «электронные доказательства», важна именно адаптация современного уголовно-процессуального права к настоящим реалиям.

Список литературы

1. Баранов А. М. Электронные доказательства: иллюзия уголовного процесса XXI века // Уголовная юстиция №13. 2019. С. 67.

2. Воронин М. И. Электронные доказательства в УПК РФ: быть или не быть? // Lex Russica №7 (152) июль 2019. С. 78.

3. Зазулин А. И. Обоснованность использования термина «электронный носитель информации» в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации // Правопорядок: история, теория, практика. 2016. № 4 (11). С. 56.

4. Зуев С. В. О современной концепции развития информационных технологий в уголовном судопроизводстве (РИТВУС) // Пермский юридический альманах. 2019. № 2. С. 620.

5. Желева О. Е. К вопросу о понятии электронных доказательств и критериях допустимости их использования // Уголовная юстиция. 2021. №17. С. 46.

6. Марфицин П. Г. Некоторые подходы к формулированию понятия «электронное доказательство» в уголовном судопроизводстве. // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2017. № 3. С. 107.

7. Оконенко Р. И. Электронные доказательства как новое направление совершенствования российского уголовно-процессуального права // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 3 (52). С. 120.

8. Пастухов П. С. О развитии уголовно-процессуального доказывания с использованием электронных доказательств // В сборнике «Седьмой Пермский конгресс ученых-юристов». 2017. С. 560.

9. Уголовно–процессуальное право России / Отв. ред. И. Б. Михайловская. М., 2011. С. 127.

Иванов Д. А.[1],
начальник кафедры предварительного расследования
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор юридических наук, доцент
Карлина О. Ю.[2],
заведующий учебно-методическим кабинетом
кафедры предварительного расследования
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
магистр педагогических наук

АКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПОДГОТОВКИ ВЫСОКОПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КАДРОВ ДЛЯ СЛЕДСТВЕННОГО АППАРАТА СИСТЕМЫ МВД РОССИИ (В КОНТЕКСТЕ ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРОИЗВОДСТВА ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА»)

Проведение Всероссийской научно-практической конференции в этом году приурочено к Дню образования следственных подразделений МВД России и стало хорошей доброй традицией. В этом году она проводится в рамках 20-летнего Юбилея со Дня образования Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Подготовка специалистов для органов предварительного расследования системы органов внутренних дел является одним из приоритетных направлений подготовки кадров в Университете.

В условиях роста количества преступлений, совершаемых с использованием ИТ технологий и в сфере компьютерной информации, особую значимость приобретает подготовка специалистов для органов предварительного следствия и дознания, которые будут обладать необходимыми знаниями, умениями и навыками по расследованию данных преступлений.

При подготовке специалистов для службы следствия и дознания профессорско-преподавательский состав университета ориентируется на комплексность обучения и потребность правоприменительной практики. В соответствии с Директивой МВД России и предложениями Следственного департамента МВД России, а также учитывая нехватку специалистов по расследованию преступлений, совершаемых с использованием информационно-коммуникационных технологий, в институте подготовки следователей введены новые учебные дисциплины, такие как: «Расследование преступлений в сфере компьютерной информации», «Расследование отдельных видов преступлений, совершенных с использованием информационно-коммуникационных технологий» [2, с. 205].

---

[1] © Иванов Д. А., 2022.
[2] © Карлина О. Ю., 2022.

В рамках учебного процесса мы знакомим будущих следователей и дознавателей со спецификой деятельности по расследованию указанных преступлений, а также навыкам составления процессуальных документов, учитывая компьютерную терминологию [1, с. 62].

Осуществлен набор курсантов по профилю образовательной программы «Предварительное следствие в органах внутернних дел по уголовным делам в отношении лиц, совершивших преступления с использованием информационно-телекоммуникационных технологий». В настоящее время формируется группа, в которую войдут курсанты, заинтересованные в углубленном изучении вопросов расследования преступлений в сфере информационных технологий.

Вместе с тем, современные угрозы заставляют нас по-новому взглянуть на традиционные виды преступлений против личности, собственности, а также связанные с незаконным оборотом оружия, наркотиков, рост которых неизбежен в сложившейся социально-экономической и политической ситуации.

В этой связи кафедра принимает активное участие в оптимизации учебного процесса с учетом направлений деятельности органов внутренних дел в условиях специальной военной операции, проводимой Вооруженными Силами Российской Федерации.

Подготовку будущих следователей, дознавателей во многом обеспечивает практическая направленность обучения, которая реализуется благодаря тесно налаженному взаимодействию кафедр университета с практическими подразделениями основных комплектующих органов.

Кафедрой осуществляется тесное взаимодействие со Следственным Департаментом МВД России, ГСУ ГУ МВД России по г. Москве, ГСУ ГУ МВД России по Московской области, УОД ГУ МВД России по г. Москве и УОД ГУ МВД России по Московской области, а также другими практическими подразделениями органов предварительного расследования. Представители практических органов на постоянной основе принимают активное участие в проведении аудиторных занятий с курсантами и слушателями.

Огромную роль в становлении будущих специалистов играет ознакомительная практика на 3 курсе обучения и производственная преддипломная практика в практических подразделениях на 5 курсе обучения.

В Университете налажено тесное взаимодействие со Сбербанком России и ВТБ, которые оказали содействие в ходе подготовки учебного полигонного комплекса для проведения практических занятий. Организован рабочий контакт с компаниями, осуществляющими деятельность в сфере информационной безопасности, среди которых можно отметить АО «Лаборатория Касперского».

Кроме того, с курсантами и слушателями на постоянной основе проводятся выездные практические занятия в лаборатории компьютерной экспертизы факультета информационной безопасности, где обучающиеся могут наглядно ознакомиться с работой It-специалистов.

Профессорско-преподавательский состав кафедры, совместно с курсантами и слушателями принимают активное участие в научно-представительских мероприятиях, посвященных вопросам кибербезопасности, к примеру национальном Киберполигоне, созданном «Ростелекомом» в рамках программы «Цифровая

экономика», Кибер Полигон, который проводится при поддержке Центра кибербезопасности Всемирного экономического форума.

В университете регулярно проводятся научные и методические мероприятия. Так, 16 июня 2021 г. проведены комплексные учения по пресечению и расследованию незаконной банковской деятельности, а также легализации (отмывания) доходов, полученных преступных путем, совершаемых с использованием криптовалют и других виртуальных активов. Учения организованы при взаимодействии преподавателей пяти кафедр университета, с привлечением сотрудников Главного управления МВД России по г. Москве.

10 декабря 2021 г. в Университете был организован учебно-методический семинар на тему «Совершенствование методики обучения курсантов и слушателей производству следственных и иных процессуальных действий, связанных с исследованием информационно-телекоммуникационной среды при расследовании преступлений общеуголовной направленности».

В ходе нашей сегодняшней конференции планируются к обсуждению следующие проблемы:

– актуальные вопросы совершенствования предварительного следствия;

– вопросы методики расследования преступлений, совершаемых с использованием информационных технологий;

– меры по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства;

– вопросы подготовки сотрудников для органов предварительного следствия.

Заявленные темы выступлений найдут отражение в резолюции, которая будет утверждена по итогам нашего научно-представительского мероприятия.

Список литературы

1. Иванов Д. А., Попенков А. В., Сермягин К. А. Особенности преподавания экспериментальной практико-ориентированной дисциплины «Деятельность оперативного сотрудника уголовного розыска в ходе досудебного производства по уголовным делам» Московском университете МВД России имени В.Я. Кикотя // Вестник экономической безопасности. 2015. № 7. С. 62–67.

2. Предварительное следствие : учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция» / под ред. Д. А. Иванова, А. С. Есиной. 4-е изд., перераб. и доп. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2021. 575 с.

Филатова И. В.[1],
доцент кафедры предварительного расследования
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат экономических наук, доцент

ОСОБЕННОСТИ ПРЕКРАЩЕНИЯ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ ПО ДЕЛАМ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ В СФЕРЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Говоря о прекращении уголовного преследования по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности (ч. 3 [1] ст. 28[1] УПК РФ) отметим точку зрения Р. Г. Хасаншиной, которая последовательна в своих доводах и логично отмечает, что «лицо, обвиняемое в совершении экономического преступления, освобождается от уголовной ответственности при соблюдении четырех условий (ч. 2 ст. 76[1] УК РФ): 1) совершено преступление из предусмотренного законом перечня; 2) данное преступление совершено впервые; 3) возмещен ущерб, причиненный гражданину, организации или государству в результате совершения преступления (перечислен в федеральный бюджет доход, полученный в результате совершения преступления); 4) перечислено в федеральный бюджет денежное возмещение в размере пятикратной суммы причиненного ущерба (полученного дохода)» [6, с. 153].

Примечательно, что имеются противники такого подхода к разрешению вопросов возмещения вреда, причиненного, в частности, налоговыми преступлениями. Так, по мнению Л.И. Даньшиной, с помощью ст. 28 УПК РФ и примечания 2 к ст. 198 УК РФ происходит «выколачивание» налогов из недобросовестных налогоплательщиков [3, с. 182]. Возражая приведенному мнению, следует привести контраргументы, свидетельствующие о необходимости достижения конечной цели, а именно – возмещения вреда, причиненного преступлением.

В обозначенном контексте будет логичным и последовательным поддержать законодателя, предоставившего возможность лицу, совершившему преступление, избежать привлечения к уголовной ответственности после возмещения причиненного им вреда. Добавим, что, как свидетельствует следственная практика, обоснованными в данном случае видятся действия следователя, дознавателя, направленные на принятие законных мер по убеждению подозреваемых, обвиняемых в необходимости возмещения причиненного преступлением вреда, поскольку в результате этого возникнут смягчающие наказание обстоятельства. В указанных целях лицам, в отношении которых осуществляется уголовное преследование, предъявляются в качестве наглядного примера решения судов о прекращении уголовных дел в связи с деятельным раскаянием, приговоры судов, в которых имеются ссылки на обстоятельства, смягчающие наказания, а также приговоры прошлых лет по уголовным делам, где лицо причиненный вред не возместило. Данные действия, как правило, побуждают подозреваемого (обвиняемого) возместить вред в полном объеме.

---

[1] © Филатова И. В., 2022.

При этом имеются особенности соблюдения права на возмещение вреда, причиненного именно налоговыми преступлениями (ст. 198, 199, 199[1] и 199[1] УК РФ), в случаях прекращения уголовных дел по рассматриваемым основаниям. Данные особенности имеют два основных аспекта.

Во-первых, это специфика лица, потерпевшего от данных преступлений, в качестве которого выступает государство, ведь в его бюджет не поступают обязательные платежи. В отличие от преступлений других видов, последствия уклонения юридических и физических лиц от уплаты налогов и сборов негативно влияют на устойчивость бюджетной системы государства и государственных внебюджетных фондов, поскольку сокращается их доходная часть и создается дефицит как федерального бюджета, так и бюджетов субъектов Российской Федерации, местных бюджетов и бюджетов государственных фондов.

Во-вторых, происходит постоянное взаимодействие должностных лиц, осуществляющих досудебное производство по данной категории преступлений, с налоговыми органами в процессе предварительного расследования, в том числе с целью возмещения вреда, причиненного указанными деяниями.

Говоря о взаимодействии органов предварительного расследования с налоговыми органами, следует выделить именно этап окончания предварительного расследования в связи с тем, что вопросы возмещения вреда должны найти свое разрешение вне зависимости от процессуального решения, принятого по итогам проведенного расследования. В зависимости от процессуальных решений, принятых по уголовным делам, а также органов, проводивших документальные проверки, при рассмотрении вопроса о предъявлении исков необходимо учитывать особенности данной категории преступлений.

Речь, в частности, идет о том, что если проверки соблюдения налогового законодательства проводились налоговыми органами, а впоследствии по их материалам было прекращено уголовное дело, то следователь в обязательном порядке должен направить извещение о принятом решении с приложением соответствующего постановления. В извещениях следует высказать предложение о необходимости предъявления иска в соответствии с п. 11 ст. 7 Закона Российской Федерации от 21.03.1991 № 943-I «О налоговых органах Российской Федерации» [2]. Так, в соответствии с указанным положением Закона налоговым органам предоставляется право предъявлять в суде иски о взыскании сумм задолженности по процентам, начисленным на реструктурированную задолженность по федеральным, региональным и местным налогам и сборам в бюджеты бюджетной системы Российской Федерации.

Копию такого извещения целесообразно также направлять в прокуратуру для последующего контроля и организации надзора за исполнением налоговыми инспекциями требований закона по взысканию ущерба, в том числе путем предъявления исков.

В связи с чем следует уточнить, что Верховный Суд Российской Федерации также высказал свое видение на указанную проблему возмещения вреда, причиненного налоговыми преступлениями, указав в пункте 24 постановления Пленума от 28.12.2006 № 64 «О практике применения судами уголовного законодательства об ответственности за налоговые преступления», что судам,

руководствуясь ст. 309 УПК РФ при рассмотрении уголовных дел о преступлениях, предусмотренных ст. 198, 199, 199^1 и 199^2 УК РФ, в приговоре следует обосновать решение относительно судьбы гражданского иска. В качестве истцов по указанной категории преступлений чаще всего выступают налоговые органы (ст. 31 Налогового кодекса Российской Федерации) или органы прокуратуры Российской Федерации (ч. 3 ст. 44 УПК РФ). Принимая решение об удовлетворении гражданского иска, суд обязан указать в приговоре конкретный размер денежной суммы, подлежащей взысканию, в зависимости от вида неуплаченного налога, а также наименование бюджета, в доход которого указанная сумма будет взыскиваться [5].

На основе всего вышесказанного видится логичным предложить комплекс действий следователя на этапе окончания предварительного расследования именно при расследовании налоговых преступлений, учитывая специфику деятельности по возмещению вреда.

Во-первых, должностному лицу, осуществляющему предварительное расследование указанной категории преступлений, необходимо своевременно информировать налоговые органы не только о возбуждении уголовного дела в отношении налогоплательщика, но и о результатах расследования и сумме налогов, подлежащих уплате согласно заключению экономической судебной экспертизы или заключению специалиста, для принятия по ним решений отнесенных к полномочиям налоговых органов и исключения случаев зачета или возврата сумм возмещенного ущерба по уголовному делу о налоговом преступлении.

Во-вторых, следует своевременно уведомлять налоговый орган по месту регистрации налогоплательщика о возможности заявления гражданского иска в ходе предварительного следствия по уголовному делу.

В-третьих, надлежит принимать исчерпывающие меры к установлению места нахождения и наложению ареста на имущество как обеспечительной функции исполнения приговора в части гражданского иска.

В-четвертых, при предоставлении налогоплательщиком информации о возмещении причиненного им вреда приобщать к уголовному делу справку из налогового органа о поступлении денежных средств в бюджетную систему Российской Федерации. *Подтверждая сказанное, Р. С. Алаев ссылается на материалы уголовного дела № 665622, расследованного в следственном отделе по г. Тихвин СУ СК России по Ленинградской области. В частности, в августе 2012 г. следователь указанного подразделения прекратил уголовное дело по обвинению в совершении преступления, предусмотренного ст. 198 УК РФ, возбужденного в отношении индивидуального предпринимателя без образования юридического лица, руководствуясь ст. 76^1 УК РФ, ч. 1 ст. 28^1 УПК РФ. При этом в ходе предварительного расследования установлено, что указанный индивидуальный предприниматель в полном объеме возместил причиненный им имущественный вред и предоставил следователю квитанции и чеки об оплате налогов, пеней и штрафов на сумму 2 130 799 руб.* [1, с. 78]. При этом отметим, что следователь помимо квитанций и чеков должен обязать подозреваемого (обвиняемого) предоставить также справку из соответствующего подразделения Федеральной налоговой

службы Российской Федерации, которая также подтверждает факт уплаты налогов, пеней и штрафов и, как следствие, констатирует полное возмещение причиненного преступлением вреда.

Особо авторы акцентируют внимание на том, что по делам данной категории в подтверждение деятельного раскаяния и добровольного возмещения причиненного вреда следователь должен потребовать от подозреваемого (обвиняемого) справку о принятии у него налоговыми органами уточненной налоговой декларации [4, с. 47]. Данный факт исключит случаи последующего требования со стороны налогоплательщика зачета или возврата излишне уплаченной суммы налога (сбора) в порядке статьи 78 НК РФ.

Таким образом, делая вывод относительно возможности прекращения уголовного преследования по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности на основании положений ст. 28^1 УПК РФ, необходимо учитывать не только факт абсолютно полного и добровольного возмещения вреда, причиненного уголовно наказуемым деянием, но и наличие в материалах уголовного дела документов, свидетельствующих об уплате денежных сумм в зачет предъявленных подозреваемому (обвиняемому) исковых требований.

Список литературы

1. Алаев Р. С. Особый порядок прекращения уголовного преследования по делам о налоговом преступлении, предусмотренном статьей 281 УПК РФ // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2013. № 4 (34).

2. Ведомости СНД и ВС РФ. 1991. № 15. Ст. 492.

3. Даньшина Л. И. Возбуждение уголовного дела и предварительное расследование в уголовном процессе России : учебное пособие для вузов. М. : Экзамен, 2003.

4. Иванов Д. А. К вопросу о возмещении вреда, причиненного преступлением, по законодательству Российской Федерации в сравнении с опытом зарубежных государств // Международное уголовное право и международная юстиция. 2016. № 5.

5. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 декабря 2006 г. № 64 «О практике применения судами уголовного законодательства об ответственности за налоговые преступления» // Росс. газета. 2006, 31 дек.

6. Хасаншина Р. Г. Сущность и значение возмещения вреда потерпевшему при принятии процессуальных решений по уголовным делам: дисс. …канд. юрид. наук: 12.00.09 / Хасаншина Регина Гайфуловна. Казань, 2014.

Казакова А. Н.[1]**,**
преподаватель кафедры криминалистики
Московского университета МВД России имени В.Я.Кикотя

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОИЗВОДСТВА ОСМОТРА МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ ПО ДЕЛАМ О КРАЖАХ АВТОТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ

В последнее время в нашей стране хищение автомототранспортных средств приобрело широкую распространенность, особенно в крупных городах, и в настоящее время данный вид преступления с каждым годом стремительно набирает свои обороты. Это связано как с ростом автомобильного парка в стране, так и с высоким спросом на автомототранспорт, автозапчасти и комплектующие к ним.

Согласно официальной статистики Министерства Внутренних дел Российской Федерации за отчетный период январь-декабрь 2021 г. зарегистрировано 6 978 преступлений по кражам автотранспортных средств, из них раскрыто – 2 725 преступлений, процент раскрываемости составил 36,5 % [3]. За январь-февраль 2022 г. в Российской Федерации уже зарегистрировано 687 преступлений по кражам автотранспортных средств, из них раскрыто – 394 преступления, так раскрываемость составила 44,2 % за два отчетных месяца [4].

Исходя из представленной статистики, необходимо отметить, что раскрываемость данной категории преступлений на сегодняшний день остается достаточно низкой. Трудность с раскрываемостью данного вида преступлений связана с организованностью преступных сообществ, совершающих данные преступления, их технической оснащенностью и подготовкой к совершению преступления.

В связи с чем, важное значение имеет качественный сбор первоначального материала, главенствующую роль в котором занимает эффективный осмотр места происшествия по данному виду преступлений. Однако, несмотря на значительную разработку тактики следственного осмотра в криминалистической науке и практике, в отдельных случаях при расследовании недооцениваются значение и возможности осмотра [1].

Рассматривая основания и порядок следственного осмотра, следует отметить, что он регламентирован Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации. Исходя из его содержания, следственный осмотр помогает решить следующие важные задачи расследования:

– проанализировать обстановку места происшествия, выяснить как развивались события, понять действия преступника;

– выявить и изъять следы совершенного преступления;

– установить возможные источники получения других доказательств;

– получить информацию для выдвижения следственных версий;

– решить вопрос о приобщении к делу того или иного предмета в качестве вещественного доказательства;

---

[1] © Казакова А. Н., 2022.

– проверить другие источники доказательств по делу [2].

Так, основные задачи осмотра места происшествия по делам о кражах автотранспортных средств состоят в том, чтобы установить: откуда прибыли преступники, их количество, каким способом проникли к месту преступления, использовали ли другое автотранспортное средство, чтобы прибыть к месту преступления, либо с помощью него совершить хищение, в каком направлении скрылись. В некоторых случаях по способу проникновения преступника к месту хищения автотранспортного средства, по способу хищения (определенному «почерку»), выявленными на осмотре места происшествия, можно судить о профессиональных навыках преступника и выявить целую серию преступлений, совершенных им. Качественная фиксация следователем (дознавателем) всех следов преступления способствует дальнейшей возможности изобличения преступников и привлечения их к уголовной ответственности.

Поэтому актуальной проблемой, в настоящее время, является качество поиска и сбора следов, орудий преступления и иных вещественных доказательств при проведении осмотра места происшествия. Для этого важная роль выделяется специалисту, который оказывает следователю помощь в фиксации обстановки места происшествия, правильном описании тех или иных объектов, качественном изъятие обнаруженного. Специалист также обращает внимание на поиск слабовидимых следов, в связи с чем, его участие в следственно-оперативной группе при осмотре места происшествия по делам о кражах автотранспортных средств является необходимым.

Еще одной актуальной проблемой, проводимого осмотра места происшествия по данной категории дел, является то, что осмотр проводится чаще всего на открытом участке местности, либо в неотапливаемом боксе или гаражном помещении, что соответственно влияет на качество проведения осмотра. В связи с чем, важное значение имеет перед выездом следственно-оперативной группы на место происшествия объемный сбор информации о совершенном преступлении и о расположении места происшествия. После такого сбора информации необходима тщательная подготовка к выезду, которая включает в себя наличие и готовность к использованию вспомогательного оборудования, такого как обогреватели в холодное время года или осветители в ночное время суток. Также учитывая то, что на открытой местности с учетом погодных явлений следы, орудия преступления, вещественные доказательства могут быть утеряны с истечением времени, очень важна и незамедлительность выезда следственно-оперативной группы на место происшествия для проведения осмотра.

Еще одной из важнейших проблем на сегодняшний день остается и то, что обнаружение следов, орудий преступления и иных вещественных доказательств при осмотре места происшествия по данному роду преступлений, осложняется тем, что владелец автотранспортного средства обнаруживает его хищение спустя какой-то промежуток времени. Следует учитывать то, что за это время часть следов, орудий преступления и иных вещественных доказательств на открытом участке местности может быть утеряна из-за погодных условий (дождь, снег, ветер и пр.), теряются следы протектора шин похищенного автомобиля. Например, на снегу или грунте могут быть утеряны следы обуви, так как на парковку

на освободившееся место часто достаточно быстро припарковывается другой автомобиль. Также следует отметить, что теряются следы, орудия преступления и иные вещественные доказательства на открытой местности из-за работы дворников. Так, дворники могут, очищая закрепленную за ними территорию, уничтожить (вымести) такие следы преступления, как например, окурки от сигарет, которые мог оставить на месте преступления преступник, либо иные предметы, оставленные преступником, которые могут в последующем лечь в доказательственную базу причастности конкретного лица к преступлению.

Заслуживает внимания и то обстоятельство, что найти на открытом участке местности следы рук преступников достаточно трудно и возможно только при наличии каких-либо предметов, которые мог оставить преступник на месте происшествия, что при данной категории преступлений случается достаточно редко из-за детальной подготовленности преступника к совершению данного преступления.

Учитывая данные обстоятельства, следует отметить, что после заявления факта кражи автотранспортного средства, до выезда следственно-оперативной группы, необходимо, как можно быстрее организовать охрану места происшествия, возможно с привлечением к этому действию самого потерпевшего, чтобы сохранить следы преступления.

Сохранность следов и объектов напрямую зависит от предпринятых мер, как до выезда следственно-оперативной группы к месту осмотра происшествия, так и непосредственно по прибытию к месту осмотра.

Таким образом, по приезду на место происшествия следователю (дознавателю) необходимо исключить всех посторонних лиц и установить границы осмотра места происшествия, максимально их расширив до необходимых объемов, в пределах которых имеет место эффективность обнаружения и изъятия следов, орудий преступления, вещественных доказательств. Сам осмотр места происшествия по факту кражи автотранспортного средства целесообразно проводить в присутствии владельца автотранспортного средства или очевидца, который точно может указать место, откуда была похищена автомашина, а также сможет пояснить какие изменения произошли в обстановке места происшествия до прибытия следственно-оперативной группы.

Рассматривая далее проблемы проведения осмотра места происшествия по делам о кражах автотранспортных средств, следует отметить, что сложности осмотра места происшествия в неотапливаемом боксе или гаражном помещении, заключаются в том, что нередко преступниками после хищения автомашин из таких помещений не закрываются ворота и двери, после совершения преступления, в связи с чем, в помещении из-за погодных условий может образоваться сырость, возможно попадание снега или дождя, из-за чего также часть следов преступления может быть утеряна. При совершении краж автотранспорта из таких помещений важно проводить осмотр не ограничиваясь только осмотром помещения, потому что важные следы и доказательства могут находиться за пределами гаражного помещения и бокса, в связи с чем по прибытию на место происшествия следователь (дознаватель) также должен определить границы осмотра максимально их расширив до необходимых объемов, в пределах которых имеет

место эффективность обнаружения и изъятия следов и орудий преступления, вещественных доказательств. Результативность такого осмотра места происшествия, как отмечалось ранее, увеличивается при участии в нем потерпевшего, который сможет пояснить о нарушении обстановки, передвижениях предметов внутри гаража или около него, о похищенных предметах и вещах помимо автотранспортного средства.

Резюмируя вышеизложенное, становится очевидным тот факт, что обнаружение следов и орудий преступления, иных вещественных доказательств, установления путей отхода преступников, а также полученная от потерпевших, свидетелей информация, ложится в основу выдвижения следователем (дознавателем) версий совершенного преступления и направления хода расследования и раскрытия преступления. В связи с чем следует еще раз обратить внимание, что качественная фиксация следователем (дознавателем) обстановки места происшествия, всех обнаруженных следов, орудий преступления, вещественных доказательств в протоколе осмотра места происшествия имеет огромное значение при доказывании вины лица, совершившего преступление.

Список литературы

1. Аверьянова Т. В. Криминалистика. Учебник для вузов. Под ред. Заслуженного деятеля науки Российской Федерации, профессора Р. С. Белкина. М. : Издательство НОРМА: Москва, 2005. 551 с.

2. Ищенко Е. А., Топорков А. А. Криминалистика: учебник. Москва: Инфа-М. 2010. 351с.

3. Официальный сайт МВД РФ – ФКУ «Главный информационно-аналитический центр»: Состояние преступности в России за январь-декабрь 2021 г. URL: https://мвд.рф (дата обращения: 25.03.2022).

4. Официальный сайт МВД РФ – ФКУ «Главный информационно-аналитический центр»: Состояние преступности в России за январь-февраль 2022 г. URL: https://мвд.рф (дата обращения: 25.03.2022).

Колесник В. В.[1]**,**
доцент кафедры гражданского права Ростовского филиала «Российского государственного университета правосудия», кандидат юридических наук

СОДЕРЖАНИЕ И ЗНАЧЕНИЕ ОСНОВНЫХ ЭЛЕМЕНТОВ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ РАЗВИТИЯ ДОГОВОРНЫХ ОТНОШЕНИЙ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Развитие договорных правоотношений в современном отечественном уголовном судопроизводстве оказывает знаковое влияние на повышение эффективности разрешения уголовно-правового конфликта процессуальными средствами. Содержание, виды и формы уголовно-процессуального договора различны. В настоящее время российский законодатель внедряет новые современные правовые средства ускорения производства по уголовному делу с учетом публичных и частных интересов в уголовном процессе.

Концепция и ее понятие учеными определяется различно [1; 2, с. 77–81]. В традиционном понимании «Концепция (от лат. conceptio – понимание, система) рассматривается как определенный способ понимания, трактовки какого-либо предмета, явления, процесса, основная точка зрения на предмет или явление, руководящая идея для их систематического освещения» [2].

В этой связи уголовно-процессуальное сотрудничество имеет актуальное значение для определения основных направлений повышения эффективности доказательственной деятельности по уголовному делу. В нашем понимании такое сотрудничество может выражаться в различных формах и способах.

Концептуальный взгляд на уголовно-процессуальное сотрудничество, как полагаем, должен включать прежде всего, *цель и принципы*, которые определяют основу такой деятельности.

Цель. Целеполагание уголовного процесса непосредственно определяет содержание уголовно-процессуального сотрудничества, а также его стимулирования.

Сотрудничество участников уголовного процесса есть совместная деятельность лиц, участвующих в уголовном процессе, в целях разрешения уголовно-правового конфликта (спора). Отметим, что собственно уголовно-правовой конфликт между преступником и государством возникает ранее до появления уголовно-процессуальных правоотношений.

Это связано с тем, что разрешение уголовно-правового конфликта (спора) – имеет определенную универсальность и реалистичность и может быть единой для всех участников уголовного процесса.

Однако возникает сомнение относительно должной цели и реальной цели совместной уголовно-процессуальной деятельности.

Если должная цель это разрешение уголовно-правового конфликта, то реальная цель выражается в формировании совокупности имеющихся и возможных в

[1] © Колесник В. В., 2022.

перспективе обвинительных доказательств при сотрудничестве с органами предварительного расследования, разрешение уголовного дела по существу при сотрудничестве с судом.

Специфика уголовно-правового конфликта состоит в том, что здесь обязательное правило конфликтов (противоборствующие стороны должны непосредственно совершать активные действия друг против друга) действует иначе: зачастую активно лишь лицо, совершающее преступное деяние, а другая сторона – пассивна, если говорить об обществе и государстве, то тем более.

В основе уголовно-процессуального сотрудничества лежит согласие (компромисс, примирение, договоренности), которое приводит к выполнению совместной деятельности для достижения единой цели. Подобная консолидация позволяет оптимизировать уголовно-процессуальную деятельность, исключив из нее лишние процедуры и действия. В конечном счете процесс достижения назначения уголовного судопроизводства существенно ускоряется.

Принципы. Основу формирования и применения средств стимулирования участников уголовного процесса к сотрудничеству образуют именно указанные закономерности, которые, в свою очередь, лежат в основе соответствующих принципов. Понятие, содержание и система принципов в уголовном судопроизводстве вызывает достаточные дискуссии [4, с. 61–65].

Вместе с тем, наиболее общим определение принципов является их исходной. Основополагающее начало уголовно-процессуальной деятельности, на них основывается вся системы производства по уголовному делу.

Собственно принципы уголовно-процессуального сотрудничества основываются на системе собственно уголовно-процессуальных исходных началах и не могут им противоречить.

Из всех установленных закономерностей исходят следующие принципы формирования и применения средств стимулирования участников уголовного процесса к сотрудничеству с органами предварительного расследования и судом:

1) **целенаправленность** (направленность уголовно-процессуального стимулирования сотрудничества на разрешение уголовно-правового конфликта);

2) **функциональность** (процесс стимулирования сотрудничества может быть реализован в рамках уголовно-процессуального доказывания, где средства стимулирования сотрудничества выступают средствами доказывания уголовно-процессуальной функции обвинения);

3) **безопасность** (обеспечение достаточных условий для стимулирования безопасного сотрудничества участников производства по уголовному делу, которые как правило подвергаются противоправному воздействия в связи с содействием уголовному правосудию) [5, с.3-7; 6, с.51-56];

4) **свобода уголовно-процессуального регулирования** (возможность правовой регламентации стимулирование уголовно-процессуального сотрудничества как нормами и в пределах действующего уголовно-процессуального, так и иного законодательства);

5) **свобода правоприменения** (основой выбора средств и способов для стимулирования сотрудничества должно являться свободное вынесение соответствующего решения уполномоченным должностным лицом);

6) **субъективизм** (совокупность выбора средств и способов стимулирования с уголовно-процессуальному сотрудничеству прямо зависит от субъективного мнения лица, осуществляющего (принимающего) такое решение, на которое влияют различные факторы);

7) **ментальность** (образ мышления участников стимулирования уголовно-процессуального сотрудничества определяется на основе сложившейся законодательной и правоприменительной практики, национальных правовых традиций и прочих факторов);

8) **учет реальности противодействия органам предварительного расследования и суду** (противоправное воздействие на раскрытие преступления, доказывание обстоятельств, перечисленных в ст. 75 УПК РФ может сопровождаться созданием препятствий со стороны лиц, в отношении которых ведется уголовное преследований, так и их окружения, что ослабляет стимулирование к сотрудничеству по уголовному делу);

9) **учет и анализ судебно-следственной практики, разработка методики правоприменения сотрудничества по уголовному делу** (выявление эффективных средств применения стимулирования к уголовно-процессуальному сотрудничеству и накопление позитивного опыта реализации соответствующих правовых предписаний);

10) **динамичность** (то есть отсутствие статичности – вариативность применения средств стимулирования к сотрудничеству создает достаточные условиях для их изменчивости в зависимости от конкретной ситуации по уголовному делу со стороны лиц, ведущих производства);

11) **рецепция и конвергенция** (возможность применения позитивного международного и зарубежного опыта усиления системы средств стимулирования к уголовно-процессуальному сотрудничеству по уголовному делу);

12) **политическая обусловленность** (имеющиеся и возможные к перспективному применению правовые (уголовно-процессуальные и иные) средства стимулирования соответствуют уголовно-процессуальной политике [7, с.92-99], основанной на базе сложившихся политических устоев на конкретном этапе развития национальной правовой системы);

13) **«маятник»** (система средств стимулирования к уголовно-процессуальной сотрудничеству обладает свойством изменения в сторону увеличения или сокращения комплекса таких мер);

14) **экономическая предопределенность** (экономическая ситуация в государстве определяет возможность формирования новых средств стимулирования и применения уже имеющихся).

15) **реструктуризация** (постоянное изменение правовых и иных (организационных, финансовых и иных) условий стимулирования к сотрудничеству в соответствии с развитием правовой доктрины).

Таким образом, содержание теоретической концепции стимулирования к уголовно-процессуальному сотрудничеству включает основные компоненты, среди которых нами особо выделяется определение цели и принципов ее построения.

Список литературы

1. Дмитриева А. А. Теоретическая модель безопасного участия личности в российском уголовном судопроизводстве: автореферат дис. ... доктора юридических наук / Моск. акад. экономики и права. Москва, 2017.

2. Зайцев О. А. Концепция государственной защиты участников уголовного судопроизводства в Российской Федерации // Вестник Оренбургского государственного университета. 2006. №3 (53). С. 77–81.

3. Краснов Ю. К., Надвикова В. В., Шкатулла В. И. Юридическая техника: учебник. М.: Юстицинформ, 2014. 536 с.

4. Епихин А. Ю. Гласность судебного разбирательства: принцип или общее условие? // Вестник Коми республиканской академии государственной службы и управления. Серия: Государство и право. 2014. №18. С. 61–65 и др.

5. Зайцев О. А., Епихин А. Ю., Мишин А. В. Проблемы имплементации международного опыта безопасности участников российского уголовного процесса // Международное уголовное право и международная юстиция. 2018. № 2. С. 3–7.

6. Дмитриева А. А. Поводы и основание принятия решения о применении уголовно-процессуальных мер безопасности к участникам досудебного уголовного судопроизводства // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2016. Т. 16. № 1. С. 51–56.

7. Зайцев О. А. Уголовно-процессуальная политика Российской Федерации: содержание и основные направления // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. 2013. № 35. С. 92–99.

Крылова Д. С.[1]**,**
преподаватель-методист учебного отдела Тверского филиала Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

О МЕСТЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЛЕДОВАТЕЛЯ ПО ВЫЯВЛЕНИЮ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ, СПОСОБСТВОВАВШИХ СОВЕРШЕНИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, В ПРОЦЕССЕ ДОКАЗЫВАНИЯ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ

Современный уголовно-процессуальный закон возлагает на следователя колоссальный объем полномочий, необходимый для производства всестороннего, полного и объективного расследования уголовных дел. О целесообразности наличия некоторых таких компетенций в деятельности следователя в научных кругах, а также среди практических работников ведутся активные споры. В данной статье речь идет о деятельности следователя по выявлению обстоятельств, способствовавших совершению преступления, закрепленной в ст. 73 УПК РФ, посвященной обстоятельствам, подлежащим доказыванию.

По смыслу изложения данной нормы усматривается ее императивность, поскольку в ней не указано о праве следователя выявлять такие обстоятельства, а констатируется прямая адресность лицу, производящему расследование по уголовному делу, выявлять их, а ч. 2 ст. 158 УПК РФ обязует его вносить соответствующие представления. Таким образом, в ходе расследования уголовных дел следователю необходимо доказать не только событие преступления, виновность лица, обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого, характер и размер вреда, обстоятельства, исключающие преступность и наказуемость деяния, смягчающие и отягчающие наказание, обстоятельства, которые могут повлечь за собой освобождение от уголовной ответственности и наказания, но и выявить те условия, процессы, явления, «порождающие, непосредственно обуславливающие преступление» [3, с. 105]. Представляется, что данная деятельность крайне трудоемка и требует от следователя немалых усилий, поскольку ему надлежит не только выявить, какие именно факты послужили совершению того или иного преступления, но и доказать причинно-следственную связь между ними, а именно, что именно они (эти обстоятельства) спровоцировали или повлекли за собой совершение преступления.

Отметим здесь, что с учетом вышеизложенного, выявление обстоятельств, способствовавших совершению преступления, является серьезной профилактической деятельностью, делегированной следователям, которые, однако, не воспринимают ее таковой, а выполняют ее без отдачи, не уделяя ей должного внимания. В подтверждение данного умозаключения приведем результаты интервьюирования 41 следователя органов внутренних дел из Ивановской, Костромской, Новгородской, Тверской и Ярославской областей. На поставленный вопрос «Считаете ли Вы необходимым в процессе расследования уголовных дел выявлять обстоятельства, способствовавшие совершению преступления, наряду

[1] © Крылова Д. С., 2022.

с доказыванием обстоятельств, перечисленных в ч. 1 ст. 73 УПК РФ?», 23 следователя (56,1 %) ответили отрицательно. Автор, имея собственный опыт расследования уголовных дел, полагает, что такую деятельность производить безусловно необходимо, однако, зачастую не всегда возможно обнаружить такие обстоятельства, а тем более доказать, что именно они послужили совершению преступления. Тем не менее уголовно-процессуальный закон не оставляет за правоприменителем права выбора в данной ситуации, в результате чего такая важная превентивная мера в большинстве случаев становится лишь формальностью, изложенной на бумаге, не несущей в себе абсолютно никакой предупредительной нагрузки.

Кроме того, из УПК РФ не усматривается, в чем разница между процедурами доказывания и выявления, и имеет ли в виду законодатель, что выявление обстоятельств, способствовавшие совершению преступления, и доказывание обстоятельств, перечисленных в ч. 1 ст. 73 УПК РФ, равнозначны?

По мнению Л. Я. Драпкина и А. Е. Шуклина, «анализ обстоятельств, подлежащих, во-первых, доказыванию, и, во-вторых, установлению, (выявлению), позволяет сделать вывод о том, что обстоятельства, определенные ч. 1 ст. 73 УПК РФ, для решения следственных задач, получения достоверных и достаточных результатов, с учетом сложности данного процесса, более существенны» [1, с. 63]. По мнению авторов, законодатель выбрал процедуру выявления обстоятельств, способствовавших совершению преступления, а не доказывания, в связи «со сравнительной легкостью (простотой) их выявления» [1, с. 64]. Позволим себе не согласиться с данным утверждением авторов, поскольку выявление причин и условий, способствовавших совершению преступления, требует от следователя кропотливой аналитической работы, и значимость этих обстоятельств неоспорима. То есть, по нашему мнению, деятельности следователя, связанные с доказыванием обстоятельств, перечисленных в ч. 1 ст. 73 УПК РФ, и выявлением обстоятельств, способствовавших совершению преступления, эквивалентны между собой по своему значению, однако, в законодательной регламентации выявления последних усматриваются очевидные проблемы.

Отсюда возникает вопрос: в случае, если следователю не удалось выявить обстоятельства, которые спровоцировали совершение конкретного преступления, можно ли считать произведенное расследование по уголовному делу полным? Полагаем, что не по всем конкретным преступлениям следователем удачно осуществляется деятельность по выявлению таких обстоятельств, что зачастую обусловлено объективными причинами. Однако обязательный характер такой процедуры принуждает следователей вносить формальные представления по надуманным основаниям, что создает лишь видимость их профилактической деятельности. В настоящее время следственная практика сложилась таким образом, что наличие в каждом уголовном деле представления о принятии мер по устранению обстоятельств, способствовавших совершению преступления, является обязательным. В связи с чем следователи составляют их бессодержательно, то есть с указанием формальных оснований, и направляют в организации, заведомо не имеющими возможности устранить эти обстоятельства [3, с. 107].

По некоторым же преступлениям своевременная и качественная профилактическая работа следователя, заключающаяся в изучении истинных причин его совершения, действительно позволяет предотвратить аналогичные уголовно-наказуемые деяния, что подтверждается изучением некоторых уголовных дел.

Так, в производстве СУ УМВД России по Тверской области находилось уголовное дело по обвинению организованной преступной группы в совершении мошенничества в сфере страхования (ст. 159.5 УК РФ) [4]. В ходе расследования уголовного дела установлено, что организатор преступной группы, узнав от знакомого страхового агента правила страхования САО «ВСК» и ОАО «Росгосстрах», выяснил о возможности застраховать жилые дома в указанных страховых компаниях стоимостью менее 1 000 000 рублей без выезда на предстраховой осмотр. Далее он приобрел 11 заброшенных домов, оформил право собственности на третьих лиц, в договоре купли-продажи намеренно указал стоимость объектов менее 1 000 000 рублей, предоставил их в страховую компанию, где заполнил полисы страхования с заведомо ложными данными об отделке, мебели и др., тем самым завышая их страховую стоимость, далее совершил поджоги домов и обратился в страховую компанию с заявлением о получении страховой выплаты. Материальный ущерб по уголовному делу составил порядка 10 млн. рублей. Следователем были тщательно изучены правила страхования САО «ВСК» и ОАО «Росгосстрах», которые, как выяснилось, напрямую способствовали совершению данных преступлений, поскольку благодаря наличию именно такой «упрощенной» и «привлекательной» для клиентов процедуры страхования жилых домов у обвиняемого возник умысел на совершение преступлений, и его преступная деятельность увенчалась успехом. В представлении, направленном в страховые компании, следователем были перечислены все изложенные выше обстоятельства, в результате чего руководством САО «ВСК» и ОАО «Росгосстрах» были изменены правила страхования, которые исключили совершение аналогичных мошенничеств в дальнейшем. Безусловно, данный пример демонстрирует эффективную профилактическую деятельность следователя.

Еще одной проблемой в законодательной регламентации превентивной деятельности следователя, на наш взгляд, является отсутствие установленного порядка процедуры выявления обстоятельств, способствовавших совершению преступления. Доказывание события преступления, виновности лица, обстоятельств, характеризующих личность обвиняемого, характер и размер вреда, обстоятельств, исключающих преступность и наказуемость деяния, смягчающих и отягчающих наказание, обстоятельств, которые могут повлечь за собой освобождение от уголовной ответственности и наказания, происходит посредством производства следственных и иных процессуальных действий, строго регламентированных УПК РФ. То есть в данном случае у следователя имеются конкретные средства и механизмы для исполнения процесса доказывания обстоятельств, изложенных в ч. 1 ст. 73 УПК РФ. В то же время в отечественном уголовно-процессуальном законе не нашли своего отражения следующие важные аспекты: каким образом выявлять обстоятельства, способствующие совершению преступления, каковы объем, методы и формы этой деятельности. Выявленные

недостатки констатируют о несовершенстве законодательной регламентации порядка профилактической деятельности следователя, что затрудняет ее эффективное применение на практике.

Подводя итог, отметим, что своевременное и качественное осуществление следователем профилактической деятельности, заключающейся в выявлении обстоятельств, способствовавших совершению преступления, выполняет важнейшую роль в уголовном процессе. В связи с чем представляется необходимым наделить выявление таких обстоятельств «императивными связями с другими элементами предмета доказывания и соответствующей правовой системной основой уголовно-процессуальной профилактики» [2, с. 55].

Список литературы

1. Драпкин Л.Я., Шуклин А.Е., Уголовно-процессуальные и криминалистические особенности обстоятельств, подлежащих доказыванию и установлению (выявлению). Российское право: образование, практика, наука. 2019. № 3. С. 61-65;

2. Желудков М.А., Андрианова Ю.С. Обоснование необходимости признания обстоятельств, способствовавших совершению преступления, императивным элементом предмета доказывания по уголовным делам. Право: история и современность. 2019. № 2. С. 51-56;

3. Черепанова Л.В. Обстоятельства, способствовавшие совершению преступления: понятие, содержание. Алтайский юридический вестник № 1 (29) 2020 г. С. 104-109.

4. Архив Центрального районного суда г. Твери за 2016 г.: уголовное дело № 1-187/2015.1

Левченко О. В. [1]**,**
прокурор Троицкого и Новомосковского
административных округов города Москвы,
кандидат юридических наук

ПРАВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ПРОКУРОРА В РОССИЙСКОМ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОМ СЛЕДСТВИИ: СОВРЕМЕННОСТЬ И БУДУЩЕЕ

Развитие уголовного процесса в странах СНГ происходит, хотя и на общей базовой модели, созданной еще в единой стране СССР, и в общем направлении, но имеет свою специфику в каждом из независимых государств.

Весьма ярко это проявляется в изменении правового положения прокурора в предварительном следствии. Для России и Белоруссии определяющим событием в этом плане стало создание специального следственного органа – Следственного Комитета. Идея такого органа была рождена еще советской процессуалистикой. Так что ее реализация в наших и некоторых других государствах СНГ стала, можно сказать, продолжением нашей общей правовой традиции.

В Республике Белоруссии Следственный комитет стал единственным органом предварительного следствия. В России, несмотря на аналогичную первоначальную задумку, этот проект так далеко не зашел. Зато можно утверждать, что именно в России следователи СК получили такую степень процессуальной самостоятельности по отношению к надзирающему прокурору, какой нет ни в одной из стран СНГ.

Отличительной чертой российского прокурора, участвующего в досудебном производстве по уголовному делу, является и то, что он фактически перестал быть субъектом доказывания. Он не имеет полномочий сам совершать следственные действия или участвовать в их проведении. В том числе, например, не может участвовать в осмотре места происшествия. Хотя именно здесь координирующая, руководящая роль прокурора совершенно очевидна. Тем не менее, УПК РФ такой возможности прокурору формально не предоставляет, хотя по факту прокуроры иногда делают это. К этому побуждает сама действительность.

Не менее показательно участие прокурора в выполнении функции обвинения при производстве предварительного следствия. Российское законодательство сохранило в неизменном виде советскую модель выдвижения обвинения на предварительном следствии: следователь выносит постановление о привлечении в качестве обвиняемого и тем самым ставит лицо в положение обвиняемого, а затем предъявляет обвинение в ходе процедуры ознакомления обвиняемого с этим постановлением, разъяснением его прав и проведения допроса обвиняемого. Формально прокурор не участвует в выдвижении следователем обвинения и не уполномочен давать каких-либо указаний прокурору на этот счет. Хотя опять же на практике выработался стандарт так называемого «предварительного согласования обвинения» следователями органов внутренних дел с надзирающим проку-

[1] © Левченко О. В., 2022.

ром. Разумеется, такой практике нет в отношениях между надзирающим прокурором и следователем СК России. И это только один из примеров дифференциации правовых режимом участия прокурора в предварительном следствии, проводимом следователями различных ведомств.

Следователи, а еще более руководители следственных органов СК России, являются более процессуально независимыми из следственных органов. По крайней мере, в соотношении со следователями органов внутренних дел. В плане правовой определенности и соблюдения начала правового регулирования – равенства субъектов перед законом, организация предварительного следствия в Белоруссии выглядит предпочтительнее.

Не менее выигрышным, с нашей точки зрения, является сохранение в уголовном процессе Республики Белоруссии у прокурора ряда процессуальных прав, позволяющих прокурору оперативно вмешиваться в предварительное следствие и применять меры по устранению нарушений уголовно-процессуального закона.

Российский прокурор, на наш взгляд, нуждается в возвращении ряда процессуальных прав, которые позволили бы ему не просто требовать от следователя устранения нарушений уголовно-процессуального закона, а немедленно самому устранять их, в том числе путем отмены любого постановления следователя, руководителя следственного органа. Подобно тому, как это предусмотрено пунктом пятым части пятой статьи 34 УПК РБ.

Участие в производстве следственных действий, а тем более самостоятельное их проведение в случае необходимости, является совершенно необходимым, по нашему мнению, атрибутом прокурора как субъекта уголовно-процессуального доказывания. Без такого полномочия, которое предусмотрено пунктом 3 части 5 статьи 34 УПК РБ, российский прокурор не может надлежащим образом участвовать в формировании уголовно-процессуальных доказательств. Это бывает иногда крайне необходимым и, как показывает российский опыт [1, с. 10-12], отстранение прокурора от доказывания в ходе судебного следствия ведет к упущениям и следственным ошибкам трудно поправим на этапе принятия прокурором решения об утверждении обвинительного заключения.

Прокурору надлежит в случае установления признаков преступления не требовать от руководства следственного органа возбуждения уголовного дела посредством вынесения соответствующего постановления, как это предусмотрено пунктом четвертым части перовой статьи 140 УПК РФ, а самому возбуждать уголовное дело и непосредственно осуществлять уголовное преследование в форме предварительного следствия или дознания.

На наш взгляд, предусмотренное в части 4 статьи 34 УПК РБ полномочие прокурора самому возбуждать уголовное дело, принимать его к своему производству и проводить расследование, является более эффективным правовым средством урегулирования указанной ситуации.

Не видится никакого противоречия между надзорной функцией прокурора и функцией уголовного преследования, которые в равной мере должны реализовываться прокурором в ходе предварительного следствия. Это две главные составляющие, наряду с правозащитной функцией, процессуального функционала прокурора в досудебном производстве.

В то же время считаем возможным возвращение прокурору права санкционирования мер уголовно-процессуального принуждения. Полагаем, в этой связи позитивным шагом ведение в российский уголовный процесс института следственных судей, о чем в последнее время ведется бурная дискуссия [2, с. 405-411]. Подобное нововведение станет завершающим штрихом к формированию института судебного контроля за досудебным производством, который как показывает опыт, стал уже неотъемлемой и бесспорно позитивной частью современного российского уголовно-процессуального права.

Не разделяя позиции радикальных противников следственной власти, призывающих к полной смене правовой организации досудебного производства по уголовным делам, вплоть до ликвидации института предварительного следствия [3, с. 23-24], вместе с тем склонны согласиться с нарастанием формализма в работе следователей и прокуроров. Есть смысл в предложениях о переводе хотя бы части документооборота по уголовным делам в электронный вид [4, с. 199-207], об отказе от следственной формы выдвижения обвинения [5, с. 98-105] и некоторых других.

Но самое главное, на наш взгляд, что необходимо сделать в российском уголовном судопроизводстве, это вернуть прокурору роль процессуального руководства досудебным производством, включая такую его форму, как предварительное следствие. Полагаем, что прокурор должен отвечать за раскрытие и расследование преступлений и качество подготовки обвинения, а потому и обладать надлежащими полномочиями для того, чтобы осуществлять процессуальное руководство органами предварительного следствия и дознания.

Список литературы

1. Потапов Д.В. Проблемы взаимодействия следователя, руководителя следственного органа и прокурора в досудебном производстве по уголовному делу // Дис. … канд. юрид. наук: 12.00.09. М.: Академия управления МВД России, 2019. 206 с.

2. Александров А.С. Институт следственной власти в России: краткая история возникновения, развития и дегенерации // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. 2016. № 2 (34). С. 405-411.

3. Багмет А.М., Цветков Ю.А. Следственный судья как зеркало процессуальной революции // Российский судья. 2015. № 9. С. 23-24.

4. Александров А.С., Андреева О.И., Зайцев О.А. О перспективах развития российского уголовного судопроизводства в условиях цифровизации // Вестн. Том. гос. ун-та. 2019. № 448. С. 199-207.

5. Ковтун Н.Н. Институт привлечения в качестве обвиняемого: о «депроцессуализации» и «дематериализации» его сути и содержания в уголовном судопроизводстве России // Российский журнал правовых исследований. 2020. Т. 7. № 1. С. 98–105.

Лисицына А. В.[1],
старший инспектор первого отдела управления контроля
за следственными органами Главного следственного управления
Следственного комитета Российской Федерации

СВОЕВРЕМЕННОСТЬ ВОЗОБНОВЛЕНИЯ ПРИОСТАНОВЛЕННОГО ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Стадия «возбуждение уголовного дела» запускает механизм уголовного процесса, приводит его в движение, создает правовую основу для выполнения процессуальных действий в последующих стадиях [1, с. 144].

После возбуждения уголовного дела усилия следователя концентрируются и нацеливаются на установление обстоятельств совершенного преступления, личности обвиняемого, мотива преступления, ущерба, нанесенного противоправным деянием, то есть на максимально скорое и полное раскрытие преступления.

При этом нередко на практике возникают ситуации, когда уголовное дело направить в суд не представляется возможным и предварительное расследование завершается. Такое процессуальное решение возможно реализовать посредством оформленных в уголовно-процессуальном законодательстве процедур, таких как окончательное прекращение дела, а также с использованием мер временного характера, связанных с приостановлением производства по уголовному делу.

По сути, реализация указанных институтов в обоих случаях приводит к аналогичным правовым последствиям, представляющим собой правовой режим, не позволяющий продолжать производство по уголовному делу, проводить следственные и иные процессуальные мероприятия, то есть принудительно воздействовать на участников уголовно-процессуальной деятельности с целью обеспечения их надлежащего поведения в ходе уголовного судопроизводства.

Прекращение уголовного дела на стадии предварительного расследования – это итоговое решение, реализуемое исключительно в тех случаях, когда установленные в ходе следствия обстоятельства свидетельствуют об отсутствии правовых оснований для дальнейшего расследования. Приостановление предварительного расследования, напротив, вынужденная мера временно-неопределенного характера, призванная «сохранить» сроки следствия, если исчерпаны возможности реализовать следственно-процессуальный инструментарий, направленный на раскрытие преступления и изобличение виновного лица.

Анализ оснований для приостановления производства по уголовному делу, предусмотренных ст. 208 УПК РФ, демонстрирует, что решение о приостановлении уголовного процесса неразрывно сопряжено с физическим отсутствием в силу ряда причин основного фигуранта – подозреваемого или обвиняемого по уголовному делу.

---

[1] © Лисицына А. В., 2022.

В соответствии с положениями ст. 162 УПК РФ предварительное следствие по уголовному делу должно быть закончено в срок, не превышающий двух месяцев со дня его возбуждения. При этом срок расследования в соответствии с этой же статьей может продлеваться при определенных условиях. Каждое надлежащее оформленное и утвержденное решение о продлении должно содержать информацию о проведенных, невыполненных, а также запланированных процессуальных мероприятиях с акцентами на сроки, причины и условия следственных действий.

Очевидно, что техническое немотивированное и необоснованное продление сроков предварительного следствия нецелесообразно и деструктивно. Таким образом, в итоге, выполнив комплекс следственных действий и иных процессуальных мероприятий, возможных в отсутствие подозреваемого, обвиняемого, следователь вынужден приостановить производство по уголовному делу.

Законодатель не только юридически грамотно, но и практически тонко сформулировал основания приостановления предварительного следствия, при этом достаточно четко обозначив его порядок. Однако, сами по себе нормы, регламентирующие институт приостановления предварительного следствия, не способствовали бы достижению назначения уголовного судопроизводства без имеющихся норм о его возобновлении. Видимо в этой связи, многие исследователи рассматривают возобновление производства предварительного следствия в качестве составного элемента института приостановления, что, по нашему мнению, является вполне обоснованно [2, с. 161].

Полагаем, что возобновление предварительного расследования невозможно рассматривать исключительно в плоскости оформления соответствующего постановления – процессуального документа.

Согласно научно-практическим подходам, возобновление производства по приостановленному уголовному делу – это событие многоэтапное, последовательно реализуемое через не процессуальную деятельность следователя и органа дознания, логико-правовым итогом которого является юридическое оформление фактически установленных оснований для возобновления расследования. Важно обратить внимание, что не процессуальная деятельность субъектов уголовного процесса, направленная на возобновление следствия, в свою очередь, представляет собой прямое последствие процессуального решения о приостановлении расследования.

По нашему мнению, возобновление предварительного расследования состоит из следующих этапов:

– сбор информации (опросы, направление запросов, дача поручений органу дознания и т. д.), проведение совместных межведомственных совещаний о дальнейших перспективах по приостановленным уголовным делам, а также иных мероприятий, исходя из конкретной следственной ситуации;

– системный анализ полученной информации, установление оснований для возобновления предварительного расследования;

– возобновление производства по делу, реализуемое путем вынесения постановления о возобновлении уголовного дела с обязательным установлением срока предварительного расследования.

Но всегда ли своевременно возобновляется предварительное расследование после устранения обстоятельств, послуживших основанием для его приостановления?

Какой же промежуток времени отделяет момент, когда следователь получает сведения, позволяющие продолжить предварительное расследование и юридический факт, когда это решение оформляется путем вынесения соответствующего процессуального решения. Ответ на этот вопрос нормативно не урегулирован, так как законодателем предполагается, что обоснованное решение о возобновлении должно быть принято органом расследования незамедлительно.

Анализ следственной практики позволяет с уверенностью утверждать, что следователь при получении информации о причастности определенного лица к совершенному преступлению не во всех случаях незамедлительно реализует предоставленное право возобновить предварительное расследование. И это обстоятельство обусловлено, отнюдь, не только критериями служебной добросовестности следователя.

Например, данный факт легко объясним условиями распространенной следственной ситуации, при которой немедленное задержание лица, причастного к совершению преступления, в порядке ст. 91 и 92 УПК РФ, реализуемое сразу после возобновления предварительного расследования, может создать условия и предпосылки для уклонения от уголовной ответственности соучастников совершенного преступления. Или же, когда задержание лица, подозреваемого в совершении преступления при наличии достоверных данных о его причастности в настоящий момент нецелесообразно (проводятся оперативно-розыскные мероприятия по установлению возможных соучастников преступления), а возобновление предварительного расследования без возможности проведения следственных действий приведет к «пустому» исчислению процессуальных сроков.

Учитывая, что уголовно-процессуальным законом не установлен сроки, отведенные на принятие решения о возобновлении производства по уголовному делу, критерии и условия их разумности вызывают прикладной интерес и, соответственно, являются предметом исследования для ученых и практиков.

Приведем пример. Главным следственным управлением по Московской области расследовалось уголовное дело, возбужденное 16.08.2006 г. по признакам состава преступления, предусмотренного подп. «б» ч. 2 ст. 131 УК РФ, по заявлению А. о ее изнасиловании неизвестным мужчиной киргизкой национальности. В ходе предварительного расследования достоверно установлена причастность к совершенному преступлению гражданина Республики Узбекистан М., которая подтверждается показаниями потерпевшей, опознавшей преступника по фотографии паспорта, оставленного на месте преступления, допросами свидетелей, заключениями судебных экспертиз, а также иными материалами уголовного дела. М заочно предъявлено обвинение, он объявлен в международный розыск, судом ему заочно избрана мера пресечения в виде заключения под стражу. В связи истечением установленного законом срока, отведенного для предварительного расследования, и выполнением необходимых следственных действий, воз-

можных в отсутствие обвиняемого, подозреваемого, предварительное расследование 19.07.2012 по уголовному делу приостановлено по п. 2 ч. 1 ст. 208 УПК РФ.

По поступившей 28.07.2021 из органа дознания информации установлено, что М. скрывается на территории Республики Узбекистан. Вместе с тем, решение о возобновлении производства по уголовному делу для направления в компетентные органы иностранного государства в целях осуществлении уголовного преследования принимается следователем спустя три месяца – 28.10.2021. В связи с утратой актуальности информации о месте пребывания обвиняемого, уголовное дело было возвращено в орган предварительного расследования для актуализации сведений о месте нахождения обвиняемого, что, в свою очередь, привело к очередному продлению процессуальных сроков по уголовному делу.

С учетом изложенного, можно сделать вывод, что уголовно-процессуальное законодательство и практические аспекты его применения формируют особые признаки правосубъектности лица, принимающего решение о возобновлении предварительного расследования, связанные с самостоятельным принятием процессуального решения в зависимости от служебной добросовестности и конкретной следственной ситуации по уголовному делу.

Список литературы

1. Манова Н.С. Уголовный процесс : учебное пособие. Ростов, 2018.

2. Кочетова А.В. Актуальные вопросы института приостановления производства по уголовному делу: Дисс. … канд. юрид. наук. Челябинск, 2006.

Макаренко М. М.[1],
доцент кафедры предварительного расследования
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ, ВОЗНИКАЮЩИЕ ПРИ ПРИНЯТИИ РЕШЕНИЯ О ПРЕКРАЩЕНИИ УГОЛОВНОГО ДЕЛА НА ЭТАПЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

Прекращение уголовного дела (уголовного преследования) представляет собой процессуальное решение, принимаемое лицом, производящим расследование при установлении названных в законе оснований, делающих невозможным направление уголовного дела в суд. Данное решение носит окончательный характер, выносится по результатам стадии предварительного расследования и выступает как самостоятельная форма окончания последнего.

Вместе с тем, анализ практики органов предварительного расследования свидетельствует, что на сегодняшний день любой факт прекращения уголовного дела на стадии предварительного расследования рассматривается как недоработка и негативно оценивается в рамках ведомственного контроля. В числе прочего, это касается и случаев прекращения уголовного дела в связи с деятельным раскаянием (ст. 28 УПК РФ). Принятие подобных решений фактически оказалось под негласным ведомственным запретом, потому что применение соответствующих норм УПК РФ связано с усмотрением непосредственного правоприменителя, что потенциально может предполагать коррупционную составляющую со стороны субъектов уголовного процесса, правомочных их принимать.

Следствием подобного надуманного толкования законодательных установлений стала незначительная практика применения указанной нормы, на этапе предварительного расследования. Так, например, в 2021 г. на основании ст. 28 УПК РФ следователями было прекращено 387 уголовных дел, фигурантами которых являлись 548 человек, совершивших преступления небольшой и средней тяжести. Дознаватели применяли указанную норму в 7 320 случаях в отношении 7 409 человек [1].

Изложенное выше актуализирует и определяет значимость проблемных вопросов, которые являются предметом рассмотрения в данной статье.

Анализ содержания нормы, предусмотренной ст. 28 УПК РФ, а также практика ее применения, изученная в ходе работы над данной статьей, позволяют сделать обоснованный вывод о том, что исследуемое основание имеет дискреционный характер, не является реабилитирующим, отличается процессуальными особенностями и влечет за собой соответствующие правовые последствия.

Как и в случае с любой дискреционной нормой, применение исследуемой статьи 28 УПК РФ, не лишено некоторых проблем.

---

[1] © Макаренко М. М., 2022.

Прежде всего, среди теоретиков и практиков существуют диаметрально противоположные мнения по поводу необходимости учета мотивации преступника при выборе модели поведения, свидетельствующего о деятельном раскаянии. Часть исследователей считает, что следователь или дознаватель может не учитывать соответствующие мотивы фигуранта, принимая в отношении него решение о прекращении уголовного дела и уголовного преследования в связи с деятельным раскаянием [2]. Полагаем, что данная точка зрения беспочвенна, поскольку законодатель в тексте анализируемой нормы прямо указывает на то, что раскаяние должно носить деятельный характер. Однако, здесь важны не любые действия, а именно те, которые фигурант предпринимает через осознание совершенного им криминального деяния и наступивших общественно-опасных последствий. Полагаем, что правоприменитель, принимая соответствующее решение, должен обязательно учитывать это обстоятельство.

Дискуссионным является и вопрос, касающийся необходимого объема действий, образующих деятельное раскаяние для освобождения от уголовной ответственности. Считаем, что здесь может быть применим исключительно кумулятивный подход, при котором только наличие совокупности всех действий, указанных в данной норме позволяет говорить о деятельном раскаянии фигуранта, привлекаемого к уголовной ответственности. Именно данный подход логически соответствует содержанию нормы, предусмотренной ч. 1 ст. 75 УПК РФ.

Не нашел своего должного отражения ни в законе, ни в разъяснениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации и вопрос о степени возмещения ущерба (полное или частичное уменьшение вреда, причиненного преступлением). Оценка состояния последней выступает тем критерием, который позволяет правоприменителю принять правильное объективное решение в соответствии со ст. 28 УПК РФ. На наш взгляд, очевидно, что заглаживанию вреда, причиненного преступлением, изначально присуще лишь его уменьшение. В этой связи окончательное процессуальное решение правоприменителю целесообразно принимать путем осуществления анализа следственной ситуации, которая складывается на определенном временном промежутке расследования уголовного дела, и с учетом собранных данных о событии преступления и личности виновного. Следует заметить, что конкретные действия фигуранта, направленные на возмещение вреда, устанавливаются в ходе расследования, подлежат доказыванию и в обязательном порядке документально отражаются в материалах уголовного дела, например, путем показаний потерпевшего в протоколе его допроса; в виде различных расписок, квитанций, справок о внесении или погашении определенных денежных средств в счет возмещения ущерба и т. п.

Еще одной проблемой, на которой следует акцентировать внимание, являются ошибки, допускаемые следователями и дознавателями при составлении процессуального документа в виде постановления о прекращении уголовного дела (уголовного преследования) в связи с деятельным раскаянием. Большая их часть имеет место в описательно-мотивировочной и резолютивной части названного документа. Во избежание нарушения прав и законных интересов подозреваемого (обвиняемого) и иных участников уголовного процесса соблюдение

установленной юридической конструкции в этом случае является крайне важным.

Зачастую описательно-мотивировочная часть постановления перенасыщена сведениями, которые перегружают текст, но фактически не оказывают влияния на мотивировку решения, принимаемого следователем или дознавателем. Например, аргументируя прекращение уголовного дела в связи с деятельным раскаянием о преступлении, предусмотренном ст. 113 УК, следователь, в постановлении детально описывает медицинские критерии и показания, обосновывающие диагноз и вывод о степени тяжести вреда, причиненного здоровью. Очевидно, что подобная расстановка акцентов не влияет на обоснованность принимаемого решения о прекращении уголовного дела по рассматриваемому основанию.

В некоторых случаях описательно – мотивировочная часть постановлений не всегда заканчивается ссылкой на закон (статьи УПК, УК, их части и пункты), на основании которого, лицо выносит соответствующее решение. Вместе с тем, обязательная ссылка на юридическую норму необходима и в случае иного требования, которое также предъявляется к процессуальным документам, – их юридической грамотности.

Текст рассматриваемого постановления не всегда соответствует правилам русского языка. Например, в нем могут встречаться непринятые сокращения, неиспользуемые в официальных документах слова и выражения, просторечия или устаревшие слова («…был обдолбанным, находился под кайфом», вместо «… находился в состоянии наркотического опьянения», «… видел своими зенками», вместо «… непосредственно наблюдал своими глазами» и т. п.)

Допускаемые правоприменителями ошибки в резолютивной части постановления основном касаются того, что в ней нет указания на процессуальное положение фигуранта, привлекаемого к уголовной ответственности, на то, какой состав преступления имелся в его действиях и на иные обстоятельства, неотражение которых влечет возникновение значительного числа нарушений и ошибок при реализации решения о прекращении уголовного дела (уголовного преследования) в связи с деятельным раскаянием

В заключение отметим, что в рамках- данной статьи были рассмотрены лишь некоторые проблемные аспекты, связанные с принятием решения о прекращении уголовного дела (уголовного преследования) на основании ст. 28 УПК РФ. Обоснован также вывод о том, что законодатель, с одной стороны, предоставляет правоприменителю свободу в выборе данного решения, с другой стороны, очевидно, что принимаемые правоприменителем действия в этой связи должны быть законными, обоснованными, носить разумный и целесообразный характер.

Список литературы

1. Сведения о следственной работе и дознания органов внутренних дел. Сводный отчет по России за январь-декабрь 2021 г. Форма «1-Е» Статистические данные ФГКУ «Главный информационно-аналитический центр МВД России». Официальный сайт МВД России. URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/folder/101762/item/15304733/ (дата обращения: 16.04.2022).

2. Авсеницкая К. В. Деятельное раскаяние: понятие, формы выражения, стимулирование уголовно-правовыми мерами: Автореферат дис. … канд. юрид. наук. М., 2014.

Макеев А. В.[1]*,*
доцент кафедры организации судебной и правоохранительной деятельности Российского государственного университета правосудия,
кандидат юридических наук

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Комплексный процесс внедрения организационно-управленческого подхода в органы внутренних дел с учетом инновационной составляющей – это сложное многофакторное явление, представляющее собой научно обоснованную и выработанную систему действий субъекта управления по отношению к объекту.

Средствами управления могут выступать определенные рычаги воздействия, позволяющие сформировать в органах внутренних дел эффективный механизм управления, распространяемый территориально на все уровни его функционирования, направленный на становление и совершенствование сложившейся организации управления.

Современная российская система правоохранительных органов обладает внутренними противоречиями: строгой вертикальной иерархией с одной стороны, а с другой – децентрализованным пересечением компетенций. Так, в различных независимых друг от друга правоохранительных органах функционируют однотипные несоподчиненные подразделения с пересекающимися компетенциями, осуществляющие деятельность на единой территории и выполняющие однотипные действия в отношении общих объектов в общественно значимых целях, на основе единых норм права идентичными легальными методами.

Управление должно рассматриваться как система, имеющая определенные «системные функции». Важнейшим элементом системы социального управления является государственное управление.

Здесь важно подчеркнуть, что система органов внутренних дел – это самостоятельная система образования. Структура органов внутренних дел, включает три типа структур организационного управления: линейная, функциональная и гибридная.

При создании организационной структуры управления в органах внутренних дел следует учитывать такие факторы, как: цели, задачи и вытекающие из них функции, уровень квалификации сотрудников органов управления, а также технологии и технологии самого процесса управления.

В настоящее время в науке управления сформировался ряд основополагающих принципов построения организационно-управленческих структур, которые направлены на оптимизацию соблюдения организационно-управленческих структур, это:

– сокращение этапов иерархической системы управления и ее упрощение: сокращение числа промежуточных элементов управления, повышение эффективности управления, сокращение времени на передачу команд и сокращение числа менеджеров;

---

[1] © Макеев А. В., 2022.

– надлежащая организационная поддержка функций, предполагающая выделение необходимых кадровых, финансовых и материально-технических ресурсов для выполнения ими своих задач и функций в рамках установленных и существующих организационных структур;

– оптимальное сочетание централизованного и децентрализованного управления, позволяет эффективно манипулировать силами и средствами проведения единой кадровой и технологической политики в отрасли;

– устранение дублирования функций в структуре управления организацией.

Таким образом, вопросы организационной структуры органов внутренних дел являются важнейшими вопросами формирования в органах внутренних дел кадровой политики Министерства внутренних дел Российской Федерации.

Основными целями кадровой политики в области организации и кадровой работы являются:

– приведение организационной структуры и кадрового обеспечения органов внутренних дел в соответствие с приоритетами, задачами и научными стандартами оперативной и служебной деятельности;

– укрепление и развитие созданных полицейских сил Министерства внутренних дел России;

– оптимизация организационной структуры системы МВД России на основе разграничения полномочий центрального аппарата и территориальных органов всех уровней за счет уменьшения неэффективности и избыточности звеньев.

От организации взаимодействия органов внутренних дел на всех уровнях системы МВД России зависит их успешная работа. Внутреннее и внешнее взаимодействие органов внутренних дел, по существу, является управленческим воплощением комплексного подхода к использованию сил, средств и методов, принимаемых в своей работе.

Контроль за состоянием и результатами работы представляется важной организационно-управленческой мерой, поскольку позволяет фиксировать текущее состояние контролируемой сферы и оперативно воздействовать на его совершенствование в целях повышения эффективности организации оперативно-розыскной деятельности. Контрольные функции руководителей органов внутренних дел, их полномочия закреплены на всех уровнях Министерства внутренних дел Российской Федерации.

Проведенный контент-анализ материалов коллегий, оперативных совещаний органов внутренних дел регионального уровня позволяет выделить важность контроля среди прочих управленческих функций руководителей органов внутренних дел. Так, на уровне первых руководителей регионального уровня около 80 % принятых решений в той или иной степени связаны с контролем деятельности подчиненных подразделений и служб. На уровне первого заместителя руководителя названных органов внутренних дел доля подобных решений составляет около 62 %, на уровне начальников управлений уголовного розыска – 25 %. Приведенные данные отражают определенную закономерность в реализации контрольной функции в зависимости от уровня руководителя.

Одной из действенных организационно-управленческих функций является оценка деятельности органов внутренних дел.

Эффективная деятельность любой системы, предполагающей участие человеческого фактора у отдельных исполнителей или групп людей, возможна лишь при наличии определенного организующего начала, направляющего и регулирующего активность этого компонента системы, управляющего им.

Одним из направлений в совершенствовании управленческой деятельности органов внутренних дел является документальное сопровождение. Прежде всего, нуждающееся во внедрении инновационных технологий.

В целом документальное сопровождение – это большая часть системы управления органами внутренних дел, которая, в свою очередь, требует четкого организационного и целевого воздействия для максимизации эффективности их правоприменительной деятельности. В современной организации документального сопровождения, наряду с различными средствами информации и технологиями, используемыми для обработки документальной информации, становится все более очевидной необходимость в информационной поддержке всего процесса правоприменения.

Термин «поддержка управленческой документации» является синонимом термина «делопроизводство» и характеризуется полным набором процессов, обеспечивающих управление информационными документами и организацию работы со служебными документами.

Каждый документ вместе с другими документами взаимодействует в сложных материальных, материально-технических, организационных условиях, а именно в коммуникационной среде организации.

Набор взаимосвязанных документов, используемых в конкретной области или отрасли, образует систему документов – делопроизводство.

Документ служит инструментом для решения проблем, возникающих в ходе деятельности любой организационной структуры, включая органы внутренних дел.

Среди возможных проблем, возникающих при ведении непосредственно документооборота, можно выделить следующие:

1. Отсутствие прозрачности в управлении приводит к несогласованности управленческих решений из-за отсутствия четкой структуры разделения полномочий.

2. Несогласованность планов, потеря документов и информации, что связано с отсутствием единой системы планирования, бюджета, документооборота, поведенческих нарушений при работе, отсутствием навыков планирования у сотрудников и неэффективностью работы.

2. Высокая текучесть кадров, низкая мотивация сотрудников, из-за отсутствия согласованной кадровой политики, реализованной в процедурах управления персоналом

Цели организации и правовой статус должностных лиц органов внутренних дел определяют особенности документооборота.

Суть этой функции заключается в специфике входящих документов, в которых могут быть сообщения о преступлениях, детали внутренней обработки информации, которые обычно ограничены в доступе или секретны. Защита персональных данных и неприкосновенности частной жизни граждан, а также право на раскрытие информации о преступлениях зависят от степени соблюдения этих режимов.

Эффективная организация документооборота предусматривает:

– прохождение документов в системе органов внутренних дел кратчайшим путем;

– сокращение числа экземпляров документов, которые должны быть получены;

– единовременные операции по обработке документов, чтобы избежать дублирования при работе с ними;

– централизация, сосредоточение осуществления однотипных операций с документами в одном месте;

– рациональное размещение в структурных подразделениях органа внутренних дел.

Единой информационно-телекоммуникационной системой органов внутренних дел (ЕИТКС ОВД) является информационно-телекоммуникационная система, основанная на интегрированной транспортной среде органов внутренних дел, обеспечивающей взаимодействие с телекоммуникационными системами органов государственной власти, включая правоохранительные органы, а также доступ сотрудников органов внутренних дел к услугам публичных и специальных федеральных информационно-телекоммуникационных систем и состоящая из автоматизированных банков данных общего пользования на базе унифицированных программно-технических комплексов информационно-аналитических и экспертно-криминалистических центров органов внутренних дел.

Как показывает анализ реализации данной программы, она позволила:

1) повысить уровень безопасности государства и общества в целом;

2) уменьшить количество преступлений, а также уменьшить количество денежных средств выделяемых на раскрытие, пресечение и предотвращение преступлений;

3) увеличить контроль за процессами миграции внутри страны и тем самым уменьшить террористическую опасность;

4) понизить уровень социального напряжения; увеличить доверие населения к полиции;

5) понизить уровень теневой финансовой деятельности внутри страны.

Но рассмотрев ЕИТКС с положительной стороны, нельзя обойти ее рассмотрение и с отрицательной стороны, так как она обладает целым набором минусов, которые могут сказаться на всей системе в целом, к таким минусам можно отнести: дороговизну технического оборудования, дороговизну использования ЕИТКС в «полевых» условиях; острую нехватку специалистов в области создания систем электронного документооборота, отсталость технических устройств

от западных аналогов, а также низкий уровень обеспечения безопасности системы.

Также стоит отметить, что формирование систем электронных форм правовых актов является для МВД России одним из обязательных условий, которое поможет улучшить как качество документооборота, так и его скорость, которая на настоящий момент не отличается быстротой.

Безусловно, создание сети ЕИТКС, уже дает, свои первые положительные плоды в области обмена информацией, это должно облегчить усилия для создания общей сети электронного документооборота. Но на данный момент остро стоит и создание ведомственных правовых актов в открытом доступе, которые будут регулировать данный вопрос, так как без них полноценное и единое функционирование электронного документа невозможно.

Учитывая специфику МВД России необходимо изучение прикладных аспектов для налаживания и обеспечения полноценного правового регулирования, с налаживания схемы документооборота в данных структурных подразделениях.

Прикладные аспекты, можно разбить на три группы. Первая группа – это нормативные аспекты. В частности, необходимо принять дополнительные нормативные правовые акты открытого доступа по вопросам регулирования электронной формы правовых актов в системе МВД России, так как на данный момент, их анализ, изучение, а также полноценное применение затруднено тем, что действующий нормативный акт по данному вопросу имеет статус ДСП. В данном открытом для всеобщего доступа нормативном акте, в первую очередь, необходимо урегулировать возможность электронной системы общения граждан с полицией. В отличие от западных стран, в России в настоящее время такая возможность отсутствует. В качестве положительного примера можно привести Великобританию, где подданные этой страны могут заказать интересующие их документы из полиции через Интернет по электронной почте (к примеру, пакет документов для поездок в Канаду).

Во вторую очередь, в данном пакете нормативных актов необходимо предусмотреть не только лишь создание Единой информационно-телекоммуникационной системы в МВД России, но и создание удаленных баз данных внутри этой сети, а также различных служебных порталов для сотрудников органов внутренних дел.

В третью очередь, в рамках данной группы прикладных мероприятий необходимо заключение договоров с провайдерами в целях автоматического отслеживания физических адресов заявителей по IP-адресам, для предотвращения анонимных и ложных сообщений.

Помимо этого, необходимо создание отдельной локальной сети внутри каждого территориального органа внутренних дел и каждого учреждения системы МВД России для оперативного обеспечения делопроизводства и документооборота, а также обмена информацией между службами и подразделениями. Несмотря на то, что такие локальные сети уже созданы во многих территориальных органах внутренних дел и учреждениях, тем не менее, они не в полной мере используются для непосредственного документооборота между подразделениями.

Также необходимо установление на рабочих местах возможности удаленного доступа к электронным документам для самих сотрудников полиции их создавших, а также для начальников органов (подразделений) в целях контроля за электронными документами со стороны руководства, а возможно и надзирающего органа, что позволит упростить и ускорить документооборот в системе МВД России.

Реализация всех указанных мероприятий в рамках обеих групп прикладных аспектов использования электронной формы правовых актов позволит: 1) ускорить процесс их составления; 2) обеспечить контроль за ними как уполномоченных органов, так и заинтересованных в деле граждан в режиме удаленного доступа; 3) сэкономить бюджетные средства, выделяемые МВД России; 4) более оперативно принимать правовые решения, исправлять ошибки, недочеты, а также оперативно заключать сделки тыловым и иным службам; 5) позволит обеспечить контроль исполнения документа, как со стороны исполнителя, так и со стороны руководства, а также со стороны общественных организаций; 6) обеспечить стабильность правового акта, то есть отсутствие редактирования на этапах перемещения документа и несанкционированного вмешательства в его исполнение.

Безусловно, для налаживания сети электронного документооборота необходимо немалое финансирование, а также время на установку и налаживание оборудования, но все эти затраты не будут напрасны, так как даст возможность МВД России перейти на совершенно новый, перспективный уровень, увеличив поддержку граждан и общее доверие к полиции, а также сократит отставание от западных стран в вопросах технического оснащения, раскрытия и расследования преступлений.

Список литературы

1. Можаева И. П. Совершенствование организации деятельности по раскрытию и расследованию преступлений как перспективное направление научного обеспечения органов внутренних дел // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. 2018. №4 (87).

2. Смирнов А. В. Уголовный процесс: учебник / А. В. Смирнов, К. Б. Калиновский / Под общ. ред. А. В. Смирнова. – 8е изд., перераб. – М. Норма: ИНФРА-М, 2020. – 784 с.

3.Макеева Н. В., Макеев А. В. Процессуальный порядок и особенности допроса свидетеля. – Калининград, 2004. С. 32.

4. Артемова В. В. и др. Деятельность следователя по принятию и проверке сообщений о преступлениях. Учебное пособие. – М., 2009. С. 560;

5. Предварительное следствие : учебник. / Под ред. Д.А. Иванова, А.С. Есиной, 4-е издание, переработанное и дополненное. М.: Юнити-Дана. 2021. С.575.

Макеева Н. В.[1]**,**
доцент кафедры предварительного расследования
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент
Бекирова К. А.[2]**,**
курсант Института подготовки сотрудников для органов предварительного расследования Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗВОДСТВА ОСМОТРА МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Осмотр места происшествия является первостепенным и одним из наиболее значимых следственных действий при расследовании ДТП, поскольку именно в результате осмотра места ДТП следователь получает преимущественное число доказательственной информации, которая является отправным пунктом, направляющим весь последующий ход следствия.

Таким образом, основная задача данного следственного действия заключается в исследовании обстановки ДТП с целью объяснения взаимодействия ее внутренних элементов, а также с целью обнаружения объективных следов ДТП. Полученная на основе исследования следов доказательственная информация позволяет определить направления расследования, выдвинуть первоначальные следственные версии, а также восстановить механизм преступления [2, с. 108-111].

Осмотр места происшествия, как и остальные следственные действия, предполагает подготовительный, рабочий и заключительный этапы.

Подготовительный этап берет начало с момента получения следователем сообщения о ДТП. В отличии от особенностей следственной ситуации следователь должен осуществить подбор участников осмотра, которые совместно с ним осуществят выезд на места происшествия. Как правило, на место осмотра ДТП выезжают специалист-криминалист, специалист в области судебной медицины, а также специалист-автотехник. В том случае, если по оперативным сводкам виновник ДТП скрылся, также привлекаются сотрудники уголовного розыска и кинологи с собаками. Также при наличии информации о значительном повреждении транспортного средства следует позаботиться о привлечении эвакуатора с сотрудником ГИБДД.

Далее следует непосредственно рабочая фаза осмотра. Отметим, ДТП является динамичным преступлением и включает в себя три этапа: первый этап – восприятие водителем возникшей опасности, второй этап – попытки действия водителя по предотвращению столкновения, и третий этап – зона непосредственного столкновения. Таким образом, для эффективного восстановления механизма ДТП осмотр места происшествия следует производить в зависимости от указан-

[1] © Макеева Н. В., 2022.
[2] © Бекирова К. А., 2022.

ных этапов, начиная от более очевидной заключительной зоны (место поставарийного расположения участников), и далее двигаясь через промежуточную к исходной, то есть к месту, где виновный осознал опасность дорожной ситуации. Также отметим, что сначала необходимо произвести исследование привязанных к проезжей части дороги объектов и следов, каждой из трех зон осмотра, а уже потом осуществлять их детальное исследование. Данная тактика, в первую очередь, обусловлена таким требованием к осмотру места происшествия ДТП, как оперативность, поскольку само ДТП и его последующий осмотр зачастую создают неудобства для транспортного потока, способствуют образованию «пробок» и блокировке целых направлений движения и развязок, детальный же осмотр допустимо производить и после эвакуации объектов с проезжей части дороги.

Особенно значимую роль при проведении осмотра места ДТП играют специалисты, поскольку лишь благодаря их специальным знаниям представляется возможным зафиксировать и изъять весь объем следов, оставленных на месте ДТП, которые в последующем смогут стать важнейшими источниками криминалистически значимой информации [3, с. 10–11]. Поскольку лишь эксперт, посредством использования специальной аппаратуры может произвести точные замеры дорожного участка с отдельными элементами, имеющимися разметками, следами торможения, а также осуществить диагностику состояния частей, деталей, узлов транспортного средства. Лишь благодаря консультациям экспертов следователь сможет составить исчерпывающий протокол, зафиксировав в нем посредством правильной технической терминологии расположение и состояние транспортных средств, частицы отделенные в момент столкновения от автомобилей, повреждения, оставленные транспортными средствами.

Следует обращать внимание на повреждение груза. Степень загруженности автомобиля, влияет на длину тормозного пути автомобиля и соответственно для определения скорости автомобиля. Показания спидометра (общий пробег автомобиля и суточный), положение стрелки спидометра. В следственной практике при осмотре автомобиля, в частности после столкновения транспортных средств, бывают случаи, когда стрелка спидометра останавливается на показаниях скорости движения автомобиля с которой он двигался в момент столкновения. Данный показатель дает основание определить, что транспортное средство двигалось со скоростью не менее, чем указывает стрелка спидометра на момент осмотра.

При осмотре рычага ручного тормоза необходимо зафиксировать не только положение, в котором он находится, но и исправность ручного тормоза. Исправность ручного тормоза определена в инструкции по эксплуатации конкретной марки автомобиля. В протоколе указывается на сколько щелчков (положений) срабатывает тормоз.

При осмотре рычага переключения передач, в протоколе фиксируется вид коробки переключения передач (механическая МКПП или автоматическая АКПП, вариатор и т. д.), в каком положении находится рычаг. Для МКПП (на какой передаче №, 1, 2, 3 и т. д.), для автоматической (P, R, D и т. д.). При осмотре необходимо обратить внимание на детали и узлы рулевого управления, в частности резьбовые соединения, усилитель. Запрещена эксплуатация транспортных

средств, если имеются не предусмотренные конструкцией перемещения деталей и узлов. Суммарный люфт рулевого колеса для легкового автомобиля не должен превышать 10 градусов, автобуса 20 градусов и грузового автомобиля 25 градусов.

Необходимо учитывать, что автомашины разных производителей имеют свое, расположение маркировки и информационных табличек. Так, например, у отечественных автомашин ВИН номер, как правило, наносится на опору амортизатора под капотом, а у автомашин марки «Ренаульт» на полу заднего пассажира со стороны водителя. У некоторых автопроизводителей, маркируются даже второстепенные детали кузова, такие как осветительная оптика, зеркала заднего вида, кузовные элементы и т. д.

Так же заводом изготовителем маркируется головка блока цилиндров, на которую наносят так называемый номер двигателя. Несмотря на то, что согласно новым правилам регистрации транспортных средств в Российской Федерации органами ГИБДД номер двигателя больше не вносится в регистрационные документы, данные сведения все равно имеют для нас значение по уголовному делу. Нередко злоумышленники компилируют автомашину на продажу из узлов и агрегатов похищенных ранее автомашин. То есть кузов от одной, двигатель от другой, коробка переключения передач от третьей автомашины. Следовательно, при обнаружении такого «автомобиля – конструктора» мы должны будем установить всех владельцев номерных агрегатов и вернуть их им по принадлежности.

Затем при осмотре следует тщательно осмотреть все запорные механизмы дверей, капота, багажника, личинки замков и т. д. на предмет наличия на них следов механических повреждений. Убедившись, что внешне, кузов автомашины осмотрен полностью, следует переходить к осмотру салона автомобиля. Во-первых, следует сразу обеспечить сохранность возможных следов злоумышленника на различных поверхностях, с которыми возможно он контактировал. После поиска следов экспертом криминалистом мы так же детально осматриваем салон автомашины и все его полости. В каждом автомобиле предусмотрены как стандартные так и не стандартные места хранения предметов. Как правило, у подавляющего большинства автомашин это: перчаточный ящик («бардачок»), карманы дверей, карманы в спинках передних сидений, подлокотник. К нестандартным относятся индивидуальные решения заводов изготовителей, а именно: выдвижные полки под передними сидениями, дополнительные ниши около рулевой колонки, ящичек для хранения очков на потолке, отделение для мелких вещей в подлокотнике задних пассажиров, отсеки для хранения вещей в полу под ногами пассажиров, и т. д. Кроме того следует обязательно проверить все имеющиеся в автомашине пепельницы, на предмет обнаружения окурков сигарет со следами биологического происхождения. Не стоит забывать, что такие же следы в себе несут и перчатки, головные уборы, бутылки с напитками и другие вещи забытые злоумышленниками по разным причинам. Так же при осмотре следует обратить внимание на возможный мусор в салоне автомашины, потому что, к примеру, злоумышленник мог после кражи автомашины заезжать на заправку, откуда в последующем можно будет изъять видеозапись с камер видеонаблюдения, которая станет одним из доказательств виновности по уголовному делу. В

целом результативность осмотра салона автомашины будет зависеть от подробности допроса потерпевшего, в котором следователь непременно должен подробно описать и личные вещи потерпевшего, находившиеся в салоне автомашины на момент хищения. Только имея под рукой протокол подробного допроса потерпевшего, можно сразу и безошибочно определить какие вещи в машине принадлежат владельцу, а какие появились в ней после кражи.

Так же, на машинах поздних лет изготовления следует проверить сохранность подушек безопасности (AirBag) на которые так же заводом изготовителем наноситься ВИН номер автомашины, который сможет установить эксперт при производстве экспертизы. Кроме того если вытянуть ремень безопасности до конца, то в самом низу его будет пришит ярлык, на котором так же продублирован ВИН номер автомашины.

Помимо этого следует отразить в протоколе осмотра километровый пробег одометра, сравнив его с пробегом указанным потерпевшим на момент кражи автомашины. Так же отдельного внимания требует осмотр личинки замка зажигания и проводки к ней.

Затем следует осмотреть багажный отсек автомобиля. Как правило, если автомашина была похищена целенаправленно, то в багажнике будут спрятаны орудия и средства для совершения кражи, такие как оригинальные государственные номерные знаки автомашины, которые при краже были заменены на подложные, механические устройства для разблокировки педалей или рулевых механизмов автомашины, яркая и броская одежда, в которой злоумышленник шел на совершение преступления.

На заключительном этапе осмотра места ДТП специалисты оказывают помощь в изъятии следов, в том числе в погрузке и транспортировке разрушенных ТС или их буксировке. Проблема фиксации следов дорожно-транспортного происшествия заключается в том, что многие следы транспортного средства, невозможно обнаружить сразу, особенно, если осмотр места происшествия проводится в темное время суток, а также в сложных метеорологиях условиях, таких как дождь, снег, метель и т. д. [4, с.363-368]. Таким образом, по причине того, что не всегда возможно обнаружить следы, которые в последующем при исследовании помогут установить причины неисправности систем и узлов, с особым вниманием следует отнестись к транспортировке транспортного средства, выбор способа которой также осуществляется специалистом. К примеру, транспортное средство с места ДТП не должно подвергаться буксировке на поврежденных колесах, поскольку это может привести к утрате первоначальных следов и повреждений на колесах, и, следовательно, к утрате их пригодности для исследования [5, с. 20–24].

Также следует указать на зарубежный опыт, в соответствии с которым в качестве лиц, обладающих специальными знаниями, для установления технического состояния автомобиля привлекаются работники сервисных центров, поскольку они обладают исчерпывающими знаниями о производимых ими автомобилями. К примеру, в Чехии при ДТП с участием автомобиля «Skoda» на место происшествия обязательно выезжает представитель сервисного центра,

который осуществляет сбор сведений, которая впоследствии преобразуется в компьютерную модель автоаварии [6, с. 55–58].

При производстве осмотра привязанных к проезжей части дороги объектов и следов в обязательном порядке производится фиксация обстановки, посредством осуществления измерений, отображения ее на графическое схеме, фото- и видеофиксации. В зависимости от особенностей следственной ситуации среднее время фиксации обстановки составляет в среднем 25–40 минут [7, с. 21–23]. При осуществлении фиксации обстановки ДТП посредством использования новых технологий данное время может быть существенно сокращено, при этом автоматизация процесса фиксации существенно снизит влияние субъективных факторов. Благодаря развитию науки и техники уже имеют место при фиксации обстановки ДТП следующие технологии.

Во-первых, фотограмметрическая обработка, позволяющая отображать на снимке места происшествия, определяющие положение того или иного следа или объекта ситуационные точки. Отметим, что координаты данных точек устанавливаются автоматически, а, следовательно, автоматически рассчитываются и расстояния между данными точками, что, в свою очередь, позволяет существенно сократить время, затрачиваемое специалистами на измерительную детальность и повысить при этом объективность результатов.

Во-вторых, цифровая стереофотограмметрическая съемка, которая предполагает получение целостного объемного изображения объекта на основе двух различных цифровых изображений, совмещенных при помощи компьютерной обработки [7, с. 21–23].

В-третьих, 3D-сканирование, или, иными словами, построение виртуальной 3D-панорамы, получение которой возможно, к примеру, с помощью использования такого программного обеспечения, как «3D Свидетель» или специальной цифровой панорамной фотокамеры, предполагающей наличие двух синхронизированных между собой камер [8, с. 93–95]. Использование 3D-сканирования позволит сократить время осмотра ДТП до 15 минут, однако при этом, следует помнить, что при помощи данного метода возможно отсканировать только объемные объекты.

Также важным техническим средством фиксации места ДТП при осмотре, особенно в случае масштабного ДТП, являются беспилотные летательные аппараты. Следует отметить, что исследования в области применения квадрокоптеров для фиксации обстановки ДТП активно проводятся, в том числе в сфере применения квадрокоптера для составления достоверной схемы ДТП «сверху». Отрицательным аспектом использования БПЛА является лишь ограниченное время их действия [9, с. 250–258].

Подводя итог, следует отметить, что осмотр места происшествия выступает в качестве определяющего следственного действия при расследовании дорожно-транспортных преступлений, поскольку от объема обнаруженной в ходе него первичной доказательственной информации напрямую зависит эффективность дальнейших следственных действий, а также всего хода расследования в целом. Таким образом, действительно осмотр места ДТП требует особого подхода, обу-

словленного доскональностью, оперативностью, а также использованием специальных знаний (в том числе, не только штатных экспертов, но и иных лиц, обладающих необходимыми специальными знаниями) и новых технических средств.

Список литературы

1. Предварительное следствие: учебник / Под ред. М. В. Мешкова. М. : Юнити-Дана. 2021. С. 245.

2. Климентьев С. С. Применение современных технологий при осмотре места дорожно-транспортных происшествий // Актуальные проблемы криминалистики и судебной экспертизы. Материалы Международной научно-практической конференции. Иркутск, 2021. С. 108–111.

3. Макеева Н. В. Специалист на досудебных стадиях уголовного процесса. Калининград, 2003. С. 10-11.

4. Морозова Н.В., Чаплыгина В.Н. Осмотр места происшествия как основа получения криминалистически значимых объектов при расследовании ДТП / Государство и право: проблемы и перспективы совершенствования. Сборник научных трудов 3-й Международной научной конференции. В 2-х томах. Редколлегия: А.А. Горохов (отв. ред.). 2020. С. 363-368.

5. Осяк В.В., Бондарева Г.В., Бутенко А.С. Проблемы использования специальных знаний при осмотре места ДТП и предложения по их минимизации / Юрист Юга России и Закавказья. 2019. № 3 (27). С. 20-24.

6. Гареева Э. В., Габдуллин Т. Р. Использование специальных познаний при расследовании преступлений, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, совершенных водителями в состоянии опьянения // Евразийская адвокатура. 2017. №3 (28). С. 55–58.

7. Кокиева Г.Е., Базан А.В. Использование коммуникационных технологии для фиксации обстановки и объектов в пространстве при ДТП // Научно-технический вестник Поволжья. 2019. № 5. С. 21-23.

8. Лукинский И.С., Мысов А.Ю. К вопросу о необходимости применения сферических камер при фиксации обстановки места ДТП // Актуальные вопросы образования и науки. Сборник научных трудов по материалам международной научно-практической конференции. 2018. С. 93-95.

9. Лукьянчикова С.А. Особенности осмотра места происшествия при ДТП и обеспечение личной безопасности сотрудников при их производстве / Современное уголовно-процессуальное право – уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования. 2021. Т. 1. № 1 (3). С. 250-258.

Маслов Н. В.[1]**,**
преподаватель кафедры криминалистики
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ МЕТОДИКИ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И ПРИМЕНЕНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ ПРИ ПРОТИВОДЕЙСТВИИ КИБЕРУГРОЗАМ

В условиях цифровой трансформации особое место занимают новые технические решения, основанные на наработках в области искусственного интеллекта, и решающие сложные юридические задачи, в том числе при расследовании преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Современная криминалистика, является наукой, которая находится на передних рубежах противодействия преступности, путем изучения механизма совершения преступления и его отражения в идеальных образах и материальных следах. В центре внимания криминалистики всегда были вопросы обнаружения, фиксации, изъятия и исследования следов, производства судебных экспертиз, и методики расследования отдельных видов преступлений, в том числе совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Применение информационных технологий и специальных знаний возможно и при производстве судебно-медицинских экспертиз, что несомненно повышает эффективность производства данного вида экспертиз [1, с.72]. С каждым днем компьютерные технологии входят в жизнь человека все более активно, процесс компьютеризации населения порождает использование информационно-телекоммуникационных сетей в различных сферах жизни человека, начиная от медицинского обслуживания и заканчивая обеспечением безопасности государства. Следствием быстрого развития технологий является ухудшение криминогенной ситуации в области использования компьютерной информации. Согласно статистике, число преступлений в данной сфере, возросло в более чем 10 раз. Киберпреступность относительно новое понятие в уголовном процессе. Использование информационных технологий в жизни человека порождает ряд угроз как для граждан, так и в целом для государства. Своим поведением в компьютерной жизни, а именно при использовании информационно-телекоммуникационных технологий, социальных сетей, граждане непроизвольно могут провоцировать преступников. Медийные личности полностью рассказывают о своей жизни, показывают свой дом, места, где отдыхают, проводят досуг, и т. д. Все это становится полем для противоправных действий киберпреступников. Злоумышленникам легче выйти на тех или иных людей. Поскольку большая часть информации находится в открытом доступе. Персональные данные не стоит размещать без особой надобности, особенно это касается документов, адреса, номеров телефона и иных личных данных [2, с. 38; 3, с. 266].

[1] © Маслов Н. В., 2022.

И возможно предположить, что одной из задач криминалистики является обеспечение трансформации следовой информации в доказательство. С учетом того, что в настоящее время ставится знак равенства между документом на бумажном носителе и электронным документом, и в уголовном судопроизводстве электронный документ может фигурировать как "вещественное доказательство" или как "иной документ". В современной криминалистике, в предмет изучения входят вопросы обнаружения, фиксации, изъятия и первичного исследования электронных следов, как «вещественных доказательств», и весьма широко это понятие: это могут быть следы в электронных вычислительных машинах, информационных системах, информационно-телекоммуникационных сетях. Работа с такими «вещественными доказательствами», обладает определенной спецификой, которая учитывается в ходе производства процессуальных действий, при осмотре и выемке электронной информации, и обнаружением ее материальных носителей в ходе производства выемки и обыска [4, с. 128; 5]. Каждый день учащаются случаи совершения киберпреступлений, которые совершаются различными способами – кибератаками, киберкражами, кибермошенничествами, что становится уже неотъемлемой частью нашей жизни. В 2021 г. в России зарегистрировано около 518 тыс. киберпреступлений, что на 1,4 % больше, чем годом ранее, но сразу в 1,8 раза превосходит показатель 2019 г. Об этом свидетельствуют данные компании RTM Group, которая проводила оценку на основе возбужденных уголовных дел, связанных с использованием информационных технологий [14, 143]. Наибольшее распространение киберпреступления имеют в крупных территориальных образованиях с развитыми областями информационных технологий. Рассматривая отдельные субъекты, хотелось бы выделить город федерального значения Москву и Московскую область. Кроме большого количества жителей, проживающих в данных субъектах, на их территориях высокий процент граждан, активно использующих компьютерные технологии. Современный мир уже невозможно представить без представителей дистанционной работы, учебы. Кроме того, на территории Москвы немало учебных заведений, которые готовят специалистов в сфере высоких информационных технологий. Нередки случаи совершения преступлений выпускниками данных заведений, что вполне логично, поскольку без наличия специальных знаний и умений в этой области совершать киберпреступления просто невозможно. Практика показывает, что при совершении данного вида преступлений преступники активно скрывают свои IP-адреса, используя для этого специальные программы и службы. Преступные цели чаще всего определяют раскрываемость преступлений, так преступления, совершенные с корыстной целью раскрыть легче, поскольку посредством проведения ряда оперативно-розыскных мероприятий можно установить движение денежных средств, полученных преступным путем. Различные сервисы позволяют совершенствоваться киберпреступности, что позволяет ей развиваться, но и методы раскрытия данной группы преступлений не стоят на месте [6, с. 107; 7, с. 185]. На сегодняшний день одним из наиболее популярных способов распространения угроз являются вирусные письма, при открытии которых с персонального компьютера или иного технического устройства происходит заражение вирусом, в результате которого преступникам открывается доступ к персональным данным,

находящимся на техническом устройстве. Кроме того, распространенность киберпреступлений определяется сложностью доказывания вины отдельного лица, поскольку если преступления касаются электронного мошенничества с использованием определенных интернет-страниц, то ее легко изменить или вовсе удалить. Однако на сегодняшний день и эта проблема практически решена, поэтому раскрытие данного вида преступлений не остается без внимания. Информационно-справочные системы сети Интернет дают возможность получения информации по средствам изучения данных, которые в них размещаются. Получение такой информация не является проблемой, поскольку данная информация находится в открытом доступе [8]. Для результативности выявления и раскрытия киберпреступлений требуется соответствующий уровень информационно-технической подготовки сотрудников органов внутренних дел. Еще одной проблемой раскрытия киберпреступлений является определение всех участников преступной организации. В большинстве случаев соучастники не имеют личных контактов, связей и каких-либо отношений, чаще всего они знакомы друг с другом посредством сети Интернет. Общение по поводу разработки вредоносных программных обеспечений осуществляется посредством зашифрованных каналов сетей сообщениями (skype, viber, WhatsApp, telegram и т. п.), либо через зашифрованные каналы, перевод денежных средств осуществляется через платежные электронные системы, которые оформлены на подставных лиц. Все это усложняет работу правоохранительным органам по установлению и идентификации всех причастных лиц. На сегодняшний день персональные данные граждан не защищены в полной мере от краж паролей банковских карт, аккаунтов социальных сетей, фотографий и иной информации на электронных носителях [9, с. 74]. Граждане Российской Федерации имеют право на дачу согласия на обработку персональных данных различными организациями, но при этом они не имеют возможности ее отозвать. Личность преступника, совершающего киберпреступления определяется наличием познаний в сфере информационных технологий, программирования, способности создавать программное обеспечение [10, с. 190]. По статистике преступления совершаются гражданами в возрастной группе от 12 до 30 лет, имеющими техническое образование.

Выделяется ряд условий, которые способствуют совершению киберпреступлений:

высокая латентность данного вида преступлений – не все лица, пострадавшие от киберпреступлений, а именно мошенничества, мелких краж или хулиганства в информационно-компьютерной сфере, заявляют о преступлениях, кроме того, не все знают, что данные деяния являются преступными;

а) несовершенство законодательной базы в рамках квалификации преступлений;

б) отсутствие в отделах МВД России сотрудников экспертно-криминалистических подразделений, обладающих специальными знаниями в области компьютерной информации, которые способны провести профессиональное исследование предметов киберпреступлений;

в) низкая материальное состояние экспертных подразделений, способных извлекать данные с электронных носителей без потери информации и обеспечении сохранности сведений, представляющих оперативный интерес;

г) малый опыт сотрудников следственных органов в части, затрагивающей исследования материалов проверки и расследования уголовных дел по преступлениям в сфере компьютерной информации (преступления гл. 28 УК РФ, ст. 159.6 УК РФ), и как следствие отсутствие судебной практики. Профилактикой со стороны граждан может стать использование ими лицензионного программного обеспечения, а также блокирование сомнительных сетевых ресурсов [11, с. 105]. Успех борьбы с киберпреступностью должен быть связан не только с раскрываемостью данных преступлений, но и с профилактическими мерами, направленными на декриминализацию и снижение количественных показателей киберпреступлений. Для эффективности данных мер необходимо улучшать следующие показатели:

– усовершенствование материально-технического обеспечения экспертных подразделений и соответственно профессиональных знаний, навыков и умений сотрудников экспертных, оперативных и следственных отделов;

– проведение лекций на базах образовательных организаций и курсах по повышению квалификации с участием практических сотрудников;

– распространение опыта между территориальными подразделениями, касающегося практики выявления и документирования киберпреступлений, и соответственно судебной практики;

– сотрудничество с подразделениями специальных технических мероприятий при выявлении, расследовании и раскрытии данного вида преступлений.

Основываясь на том, что киберпреступность относительно новое явление в криминальной среде, мы можем быть уверены в том, что количество данных преступлений со временем будет расти, и возникает необходимость противодействия киберугрозам и решения отдельных вопросов методики расследования преступлений совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Несомненно, развитие компьютерных и информационных технологий большой шаг в совершенствовании всего человечества, но несмотря на множество преимуществ, данный факт имеет место,, и развитие нового вида киберпреступлений, именно поэтому подразделения правоохранительных органов должны идти вместе с развитием технологий, совершенствовать свои знания, умения и навыки, делиться опытом и сотрудничать со специализированными учреждениями и людьми [12,с.212]. Современная криминалистика, используя технологию искусственного интеллекта – как новое техническое решение, основанное на наработках в области искусственного интеллекта, и решающее сложные юридические задачи, изучает технические и тактические вопросы работы с электронными следами. Актуальным научным направлением представляется разработка новых технико-криминалистических средств обнаружения, фиксации и изъятия таких следов, особенно с учетом того, что последние могут модифицироваться, изменяться. И возникает необходимость разработки информационных технологий, и использование технических средств, направленных на этапы работы со следовой картиной, обнаружения, фиксации и изъятия следов, в том

числе латентных, слабовидимых, и цифровых следов, что требует применения специальных знаний в области электронной криминалистики и соответствующей компьютерной техники. Использование информационных технологий в условиях цифровой трансформации позволяет повысить эффективность работы юридического персонала, например за счет использования программного обеспечения, помогающего определить правовые вопросы и ключевые моменты, а также способствовать повышению качества производства судебных экспертиз. Отдельным направлением являются вопросы производства вокалоскопических и фоноскопических исследований аудиозаписей и звукового сопровождения видеозаписей, с использованием современных информационных технологий и применения специальных знаний при проведении процессуального действия «осмотр видеозаписей и прослушивание аудиозаписей» как «компьютерных и электронных документов», трансформируемых при производстве процессуальных действий в «вещественное доказательство». В связи с чем, к данной проблеме приковано пристальное внимание не только юридического сообщества в целом, но и специалистов в области уголовного права и уголовного процесса, компьютерной криминалистики, криминологии, оперативно-разыскной деятельности, и судебной экспертизы, в том числе специалистов и экспертов в области судебно-компьютерной экспертизы, специалистов в области технических наук, в том числе в сфере высоких технологий, компьютерного и информационного обеспечения расследования преступлений совершенных в области искусственного интеллекта, в сфере информационно-телекоммуникационных систем. И особое значение имеет электронная криминалистика в сфере применения специальных знаний и информационных технологий при производстве судебных экспертиз [13, с. 84].

Использование информационных технологий в условиях цифровой трансформации позволит повысить эффективность работы со следовой информацией при противодействии киберугрозам.

Список литературы

1. Катаев А. С., Кадочников Д. С., Маслов Н. В. О профессиональном стандарте «Врач-судебно-медицинский эксперт». Медицинский вестник МВД. 2021. Т. 114. №5 (114). С. 71–74.

2. Маслов Н. В. Электронная и компьютерная криминалистика в сфере искусственного интеллекта: противодействие преступности в информационно-телекоммуникационных системах и отдельные вопросы расследования киберпреступлений. Modern Science. 2021. № 8. С. 38-41.

3. Маслов Н. В. Современный подход в применении специальных знаний в уголовном процессе при производстве судебных экспертиз. В сборнике: Уголовное судопроизводство: современное состояние и стратегия развития. Сборник научных трудов IX ежегодной Всероссийской конференции. Под редакцией О.В. Химичевой. 2020. С. 265–267.

4. Маслов Н. В., Савина Л. А., Мозговая Д. А. Современный подход в применении специальных знаний в уголовном процессе. В сборнике: Обеспечение прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства. сборник

материалов научно-методологического семинара в рамках Проекта "Пропаганда научных знаний". Под редакцией О. В. Химичевой. 2019. С. 127–130.

5. Маслов Н. В. Цифровая криминалистика в сфере обеспечения безопасности бизнеса от киберугроз. В сборнике: ЛОМОНОСОВ-2018. Материалы Международного молодежного научного форума. Электронное издание комплексного распространения. 2018.

6. Маслов Н. В. Применение специальных знаний в процессуальной деятельности субъектов юрисдикции. В сборнике: Российский и международный опыт производства судебных экспертиз. Материалы Международной научно-практической конференции. 2017. С. 105-112.

7. Маслов Н. В., Суворов А. С. Некоторые вопросы цифровой криминалистики в сфере обеспечения безопасности бизнеса от киберугроз. В сборнике: Технико-криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений. Сборник статей по итогам международной научно-практической конференции, проводимой в рамках деловой программы Международной выставки «Интерполитех-2018». 2018. С. 184–187.

8. Маслов Н. В. Современная концепция цифровых методов и методик в расследовании «компьютерных» преступлений. В сборнике: ЛОМОНОСОВ-2019. Материалы XXVI международного молодежного научного форума. Электронное издание комплексного распространения. 2019.

9. Суворов А.С., Маслов Н.В. Концептуальные основы правового регулирования криминалистического обеспечения безопасности бизнеса от киберугроз. Сборник материалов криминалистических чтений. 2019. №16. С.73-75.

10. Маслов Н.В. Электронная криминалистика в сфере информационных технологий в юридической деятельности. В сборнике: Технико-криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений. Сборник статей Всероссийской научно-практической конференции, проводимой в рамках деловой программы Международной выставки средств обеспечения безопасности государства «Интерполитех-2020». Москва, 2021.С. 189–191.

11. Маслов Н.В. Цифровая экономика: концептуальные основы правового регулирования криминалистического обеспечения безопасности бизнеса от киберугроз. Modern Science. 2020. №1-3. С.104-107.

12. Маслов Н.В. Криминалистика и судебная экспертиза: современные информационные технологии применения специальных знаний при производстве судебных экспертиз. В сборнике: Сборник научных статей по итогам Недели Российской науки в Рязанском филиале Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя. 2021. С.212.

13. Маслов Н.В. Цифровая экономика: концептуальные основы правового регулирования криминалистического обеспечения безопасности бизнеса от киберугроз в России. В книге: Российская правовая система в условиях четвертой промышленной революции. Материалы конференции. 2019. С.83-86.

14. Маслов Н.В. Некоторые организационные вопросы криминалистического обеспечения противодействия терроризму и экстремизму. В сборнике: Противодействие терроризму и экстремизму. Материалы Международной научно-практической конференции. 2017. С.143-146.

Меркулова М. В.[1]*,*
доцент кафедры криминалистики
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ ЦИФРОВЫХ СЛЕДОВ В КРИМИНАЛИСТИКЕ

В настоящее время цифровые технологии применяются во всех сферах жизни общества. Современный человек фактически неотделим от комплекса технических устройств, при этом он либо пользуется ими самостоятельно, (мобильные телефоны, персональные и планшетные компьютеры, ноутбуки), либо попадает в сферу их действия (камеры видеонаблюдения, видеорегистраторы и др.). Не является исключением и сфера преступной деятельности, в которой информационные технологии используются сейчас не менее активно. В силу этого традиционные следы преступления сегодня уступают цифровым (виртуальным), которые все чаще выявляются в ходе расследования преступлений.

Вместе с тем в литературе остается дискуссионным вопрос не только о наименовании, но и о природе цифровых следов. Большинство ученых склоняются к тому, что рассматриваемые следы по своей природе материальны (либо обладают свойствами материальных следов), хотя и не могут быть классифицированы по традиционным основаниям, принятым в трасологии. Так, по мнению Ю.В. Гаврилина, цифровые следы как специфическая форма преобразования компьютерной информации являются материальными по своей природе, но не отражают пространственную форму следообразующего объекта [1].

Цифровые следы по своей сути – это электрический сигнал в триггерной ячейке памяти, т. е. в минимальной адресуемой области памяти данных ЭВМ [2]. Формирование цифрового следа происходит благодаря способности триггера длительно находиться в одном из двух устойчивых состояний и чередовать их под воздействием управляющего сигнала. Каждое состояние триггера распознается по значению выходного напряжения – высокому (около 1 вольт) или низкому (около 0 вольт). Приняв условно одно из состояний за «1», а другое за «0», можно считать, что триггер запоминает один разряд числа, записанного в двоичном коде. Термин «двоичный код» подразумевает способ представления данных в виде одного из двух возможных значений. Чаще всего для этого используются указанные выше значения «1» и «0», но могут быть и иные варианты («+/– », «yes/no», «on/off» и др.).

Таким образом, цифровая система использует числа для представления конкретного объекта или абстрактной идеи. Каждое числовое место в системе – это бит. Набор битов можно описать и подсчитать, как и все остальное [3]. Наиболее распространенный способ подсчета битов в системе – байтовый или восьмибитный, хотя компьютерные технологии отказались от байтов как дискретных объектов несколько десятилетий назад.

[1] © Меркулова М. В., 2022.

Рассматриваемую категорию следов в литературе чаще всего именуют «цифровыми» или «бинарными» [5]. Однако заметим, что это название является в известной мере условным, поскольку не отражает ни механизма образования таких следов, ни их физического происхождения. Наряду с ним используют и иные названия, например, «компьютерно-технические» или «виртуальные» следы.

Сказанное дает возможность констатировать, что цифровой след представляет собой криминалистически значимую компьютерную информацию о событиях или действиях, отраженную в материальной среде в процессе ее возникновения, обработки, хранения и передачи [7]. Цифровые следы отличаются высокой скоростью трансформации, легко уничтожаются и модифицируются, могут быть представлены практически бесконечным количеством копий и легко распространяются в компьютерных сетях [6]. По сравнению с традиционными следами преступлений, цифровые следы способны передавать идентичные, не искаженные сведения, имеющие значение для уголовного дела.

Цифровые следы недоступны непосредственному восприятию человеком и существуют только на материальном носителе (запоминающие устройства персональных компьютеров, ноутбуков, смартфонов, карты памяти цифровых фотоаппаратов и видеокамер, портативные запоминающие устройства, USB-накопители, оптические диски). Для их извлечения необходимо использование соответствующих программных и аппаратных средств. Извлекаемые сведения могут содержать в себе информацию о местоположении лица, совершившего преступление, о его средствах перемещения и телекоммуникационного общения. При этом данные, получаемые в режиме онлайн, возможно выявить из log-файлов, cookie-файлов, хранящих информацию, полученную при посещении веб-ресурса, а также из современных игровых приставок, оснащенных wi-fi и предназначенных для онлайн игр (аккаунты могут содержать личные сведения пользователя: имя, электронный адрес), а также из иных цифровых каналов связи. Полученная цифровая информация исследуется специалистами и может быть приобщена к делу в качестве доказательства. Следует помнить о том, что цифровые следы могут быть изменены или утрачены из-за сбоя в работе технических средств или по другим независящим от человека причинам. Кроме того, потеря цифровых следов возможна из-за неправильного обращения с ними, а также целенаправленного воздействия заинтересованных лиц.

Таким образом, можно выделить следующие отличительные признаки цифровых следов как объектов криминалистического исследования:

- недоступность для непосредственного восприятия человеком;
- множественность форм визуального представления;
- возможность модификации вплоть до полного уничтожения;
- неограниченная возможность копирования и передачи по каналам связи (и, соответственно, возможность нахождения одной и той же информации у неограниченного круга лиц).

Использование информационных технологий сотрудниками правоохранительных органов позволяет зафиксировать цифровые следы, которые после процессуального оформления становятся электронными доказательствами. Так, в ходе осмотра персонального компьютера может быть обнаружена информация,

имеющая значение для расследования уголовного дела (цифровые следы). Путем их извлечения с помощью специалиста (копирование на материальный носитель) и процессуального оформления (фиксация в протоколе) осуществляется «перевод» этих данных из криминалистически значимой информации в доказательственную информацию по уголовному делу [4].

Ст.74 УПК РФ в перечне сведений, относящихся к доказательствам, не предусматривает такого вида доказательства, как электронное (цифровое), однако с позиции криминалистики его можно рассматривать как определенный объем цифровой информации, которая относятся к обстоятельствам совершения преступления. Важнейшая задача следователя – грамотно выявить, зафиксировать и изъять указанную информацию, не допуская ее утраты (уничтожения) или изменения и строго соблюдая все процессуальные требования и необходимые тактические условия. Данная задача может быть успешно решена лишь при условии эффективного взаимодействия со специалистом, а также надлежащего технического и методического обеспечения. В связи с этим представляется необходимой разработка базовых алгоритмов собирания цифровых следов при осмотре различных устройств, а также регламентация на ведомственном уровне основных требований к используемым при этом технико-криминалистическим средствам.

Список литературы

1. Гаврилин Ю. В., Шипилов В. В. Особенности следообразования при совершении мошенничеств в сфере компьютерной информации // Российский следователь. 2013 № 23 С. 2–6.

2. ГОСТ 15971-90. Системы обработки информации. Термины и определения. Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. [Электронный ресурс] – URL: http://docs.cntd.ru/document/1200015664

3. Линько В. В., Правовое регулирование следственных действий по выявлению, изъятию, фиксации и использованию в качестве доказательств цифровой информации // Закон и право. 2020. №2. – С.102-105.

4. Окоменко Р.И. К вопросу о правомерности осмотра компьютера как следственного действия // Адвокат. 2015. № 1. – С.27-30.

5. Россинская Е. Р. Концепция учения об информационно-компьютерных криминалистических моделях как основе методик расследования компьютерных преступлений // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. 2021. № 2(97). С. 190–200.

6. Россинская Е. Р., Рядовский И. А. Концепция цифровых следов в криминалистике // Аубакировские чтения: материалы Международной научно-практической конференции (19 февраля 2019 г.). Алматы, 2019. С. 6–8.

Мичурина О. В.[1],
профессор кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор юридических наук, профессор

ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРОЦЕДУР ПРОДЛЕНИЯ СРОКОВ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ И ДОЗНАНИЯ

Производство по уголовному делу неотъемлемо связано с процессуальными сроками. Их соблюдение и правильное исчисление является важнейшей обязанностью должностного лица, в производстве которого находится уголовное дело. В этой связи, продление срока предварительного следствия или дознания весьма уязвимы в правильности принятия такого решении. Со стороны видится негативный аспект, выражающийся в процедурном затягивании следователем (дознавателем) производства по уголовному делу по причине нежелания активно работать, слабой квалификации или чего-то еще подобного. Особенно обостренно это воспринимается в тех процедурах, которые априори считаются ускоренными в системе российского уголовного судопроизводства, а именно в процедуре дознания. Нам представляется, что ожидаемый эффект тут вполне очевиден: «все, что можно сделать за отведенный срок дознания – сделайте».

Вместе с тем, в укороченные сроки дознания не всегда можно уложиться с назначением и получением результата проведенной экспертизы. Объективно рассуждая на этот счет, давно назрела необходимость в оптимизации порядка экспертной деятельности, которая избавила бы от необходимости неоднократного продления сроков предварительного расследования. Кроме того, значительный документооборот при производстве по уголовному делу, несвоевременное получение справок, выписок, характеризующего материала и пр. тоже являются существенным препятствием для дознавателя, чтобы уложиться в отведенный для него законом более быстрый, по сравнению с предварительным следствием, процессуальный срок. Нисколько не ратуя за необходимость его нормативного увеличения, хотелось бы заметить следующее, если мы говорим об ускоренной процедуре, то она должна быть тогда и более упрощенной. При разделении этих понятий, рассмотрении их автономно друг от друга, мы не получим ни того, ни другого. Это обусловлено тем, что отягощенное установленными законом формальностями для предварительного расследования, дознание теряет свою ускоренность и упрощенность.

В процедурных особенностях дознания есть еще одна проблема, влияющая на искусственное усечение процессуального срока. Так, для составления итогового процессуального документа обвинительного акта дознавателю необходимо определенное время. Его он должен составить, не выходя за рамки установленного срока дознания. По этой причине дознаватель вынужден заранее завершить практически весь комплекс следственных и иных процессуальных действий по уголовному делу. Таким образом, фактически исследование доказательств (по

[1] © Мичурина О. В., 2022.

сути, расследование), завершается заблаговременно до истечения срока дознания. Традиционно практика правоприменения осуществляется именно по такому сценарию. Проведенное нами исследование показало, что в большинстве подразделений дознания дознаватели вынуждены проводить следственные и процессуальные действия не в тридцатисуточный, а меньший срок, чтобы успеть составить обвинительный акт и утвердить его у начальника органа дознания. Справедливо ли тогда винить дознавателя в его вынужденной просьбе о продлении срока дознания, если он не может воспользоваться первоначальным сроком в полной мере?

В большей степени описанная нами ситуация затрудняет возможность успеть произвести дознание в сокращенной форме. Там ч. 3 ст. 226.7 УПК РФ установлено требование составить итоговый документ (обвинительное постановление) не позднее десяти суток со дня вынесения постановления о производстве дознания в сокращенной форме. Таким образом, реальный срок этого вида дознания составляет уже десять, а не пятнадцать суток. Дознаватель вынужден завершать расследование в условиях явного дефицита времени, что во многом объясняет его спешку и сказывается на качестве процедуры доказывания. Кроме того, при сокращенном дознании, также как и при дознании в общем порядке, а также предварительном следствии, ознакомление с материалами уголовного дела не входит в общий срок расследования. При этом нормативный механизм ознакомления предполагает, что все следственные действия к его началу должны быть завершены.

Отчасти по этой причине законодателем спрогнозированы обстоятельства, допускающие продление предварительного расследования, когда следователь или дознаватель не могут уложиться в установленный первоначальный срок. Для каждой формы предварительного расследования он продляется в своем порядке: предварительное следствие – руководителем следственного органа, а дознание – прокурором. Относительно процедурных моментов обращения следователя с ходатайством о продлении срока к своему непосредственному руководителю практика особо серьезных проблем не выявляет. Что же касается подобного обращения дознавателя, то оно более усложнено в силу того, что направляется не руководителю из сферы дознания (начальнику органа дознания или начальнику подразделения дознания), а надзирающему прокурору. Кроме того, в законе не регламентируется порядок действий дознавателя в случае отказа прокурора в удовлетворении ходатайства о продлении срока дознания.

В рассматриваемой ситуации особый интерес представляет мнение практических сотрудников органов внутренних дел. Так, более 70 % опрошенных сотрудников подразделений дознания полагают, что прокурор в принципе не имеет права отказать дознавателю в продлении срока дознания, так как порядок такого отказа не закреплен в УПК РФ. При этом часть опрошенных пояснила, что в случае наличия нарушений со стороны дознавателя (в частности, несоблюдения принципа разумного срока уголовного судопроизводства), последний должен быть наказан, но с обязательным продлением срока предварительного расследования. Также среди опрошенных дознавателей было высказано мнение о том, что

отказ прокурора в продлении срока производства дознания «толкает» дознавателя на совершение противоправных действий, таких как проведение предварительного расследования за рамками установленного срока либо фиксацию производства следственных действий «задним числом», что фактически является должностным подлогом.

Кроме того, отсутствие нормативного закрепления процедуры отказа прокурора в удовлетворении ходатайства о продлении срока дознания порождает серьезные проблемы в практике и его правоприменения, побуждая прокурора к принятию заранее «псевдоправомерного» решения. Проведенное нами исследование выявило случай, когда прокурор в постановлении о возбуждении ходатайства о продлении срока дознания к слову «продлеваю» лишь добавил предлог «не» и поставил свою подпись.

По большому счету, отказ прокурора в удовлетворении ходатайства о продлении срока дознания заведомо уже неправомерен, как бы странно это ни звучало. Ведь имея широкие надзорные полномочия, он мог не допустить негативного развития ситуации, заблаговременно спрогнозировав, что дознаватель не укладывается в отведенный срок дознания. Это с одной стороны. С другой стороны, поскольку нет законодательной регламентации относительно дальнейших действий дознавателя, после того, как прокурор отказал ему в продлении срока дознания, это порождает необходимость их «выдумывать».

Совершенно очевидно, что уголовное дело не может долго остаться без принятого по нему решения. Дознавателю необходимо либо составить обвинительный акт (обвинительное постановление для сокращенной формы дознания), либо вынести постановление о прекращении уголовного дела. Ни одно из указанных решений нельзя назвать в полной мере законными в данных обстоятельствах. Если дознаватель обратился к прокурору с ходатайством о продлении срока дознания, то это означает, что он не успел произвести требуемого объема следственных и иных процессуальных действий, позволяющих ему принять законное и обоснованное итоговое решение. Пожалуй, только для сокращенного дознания есть более-менее легитимный выход. Дознаватель может отказаться от него, не уложившись в установленный срок, и продолжить предварительное расследование в формате обычного дознания, где сроки значительно больше и вопрос об их продлении стоит в перспективе.

Рассматриваемая проблема усугубляется еще тем, что зачастую отказ прокурора в удовлетворении ходатайства выражается в устной форме и не сопровождается внесением каких-либо записей в постановление дознавателя о возбуждении ходатайства о продлении срока дознания, не говоря уже о вынесении прокурором мотивированного постановления об отказе в удовлетворении указанного ходатайства дознавателя.

В практической деятельности ситуации, когда прокурор отказывает в удовлетворении ходатайства о продлении срока дознания, разрешаются выполнением требований прокурора и (или) исправлением выявленных им в ходе рассмотрения ходатайства ошибок, после чего следует повторная попытка получить у представителя надзорного органа заветные дополнительные тридцать суток. При

этом возникает вопрос: что делать дознавателю, если срок предварительного расследования истекает в день предоставления прокурору постановления о возбуждении ходатайства о продлении срока дознания, которое прокурор отказался удовлетворить? Частично ответ на данный вопрос дается на уровне подзаконного нормативного регулирования, где дознаватель должен представлять ходатайства о продлении срока дознания до шестидесяти суток за пять дней до истечения срока, свыше шестидесяти суток – за десять дней, свыше шести месяцев – за пятнадцать дней [1].

Но как поступить дознавателю, если срок расследования истек, а ходатайство о его продлении оказалось так и не удовлетворено? Ведь в данном случае у него отсутствуют законные основания для дальнейшего производства по уголовному делу. Выходов тут может быть несколько.

Если речь идет об уголовном деле, расследуемом в отношении конкретного лица и имеющем очевидную «судебную перспективу», то дознаватель может приложить все свои усилия, чтобы составить обвинительный акт и направить уголовное дело прокурору для направления по подсудности, «рискуя» получить его обратно для производства дополнительного дознания. И этот риск оправдан, он предоставляет дознавателю одну из легитимных возможностей для продления срока дознания.

Попробуем спрогнозировать для дознавателя еще один выход из затруднения. Например, начальник органа дознания при проверке уголовного дела, предоставленного ему с обвинительным актом, не утверждает итоговый документ, а возвращает уголовное дело дознавателю для дополнительного дознания, установив при этом срок дополнительного дознания, в рамках которого дознаватель сможет полноценно расследовать уголовное дело и направить его прокурору. Либо он может устранить недостатки, указанные прокурором при рассмотрении ходатайства о продлении срока дознания и повторно выйти с таким ходатайством. Но этим проблема вряд ли будет полностью исчерпана, поскольку срок дополнительного дознания, который уполномочен установить начальник органа дознания, не может выходить за пределы общего срока дознания по уголовному делу. Стоит также заметить, что основания возвращения уголовного дела начальником органа дознания для производства дополнительного дознания в действующем УПК РФ не закреплены. Поэтому полностью разделяем озвученную в научной литературе позицию, что данный пробел должен быть восполнен путем включения в него соответствующей нормы [2, с. 115–123].

Нам представляется совершенно очевидным с точки зрения логики уголовно-процессуальной деятельности и оправданным для практики правоприменения, что начальник органа дознания, получив итоговый процессуальный документ от дознавателя для его утверждения, может в рамках процессуального контроля выявить там неполноту проведенного расследования, вернуть его для пересоставления и проведения дополнительного дознания. В ныне существующей современной концепции дознания роль начальника органа дознания остается пока существенной. А вот крупномасштабный надзор прокурора вдобавок к двойному процессуальному контролю (еще и начальника подразделения дознания) для до-

знавателя уже обременителен. Поэтому считаем необходимым осуществить корректировку надзорной деятельности прокурора по аналогии с той моделью, которая реализована законодателем в отношении следователя. Разумное переопределение контрольно-надзорных полномочий в сфере дознания даст в итоге неплохой результат.

Есть еще один вариант легального продления срока дознания. К примеру, когда идет речь об уголовном деле, расследуемом в отношении неустановленного лица, дознаватель имеет возможность вынести постановление о приостановлении дознания по основанию, предусмотренному п. 1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ, которое впоследствии, скорее всего, будет отменено прокурором или начальником подразделения дознания с установлением срока дополнительного дознания.

Высказанные нами рекомендации это лишь попытки разрешения более глобальной проблемы, с которой не пришлось бы столкнуться правоприменителю, если бы продление срока предварительного расследования имело надлежащую нормативную регламентацию в уголовно-процессуальном законе.

Предложим свою нормативную модель процедуры, которую мы хотели бы видеть в УПК РФ для случаев отказа прокурора в удовлетворении ходатайства о продлении срока дознания, и которая оправдана потребностями современной практики дознания. Учитывая, что УПК РФ в принципе нет порядка рассмотрения ходатайства дознавателя о продлении срока дознания, считаем необходимым прописать также, что решение о продлении срока дознания или о его отказе принимается прокурором в форме мотивированного постановления.

Итак, прокурор, рассматривая ходатайство дознавателя о продлении срока дознания, может удовлетворить его и продлить срок дознания, а может отказать в удовлетворении. В последнем случае, прокурор должен одновременно принять по уголовному делу одного из следующих решений:

1) о возвращении уголовного дела дознавателю для завершения дознания и составления обвинительного акта (обвинительного постановления). При этом прокурор может продлить срок дознания не более чем на пять суток;

2) о прекращении уголовного дела по основаниям, предусмотренным статьями 24-28.1 УПК РФ.

По сути, прокурор в случае отказа в продлении срока дознания принимает по уголовному делу либо промежуточное решение, либо итоговое решение по аналогии с его полномочиями, предусмотренными ст. 226 и 226.8 УПК РФ, когда к нему поступает оконченное расследованием уголовное дело с итоговым процессуальным решением для проверки и дальнейшей передачи его в суд.

Таким образом, предлагаемый нами сценарий не ставит дознавателя перед вынужденной безысходностью, когда прокурор отказывает продлять срок дознания и возлагает всю ответственность на истекший срок только на дознавателя. Нам представляется более разумным, когда прокурор, оставляя ходатайство о продлении срока предварительного расследования без удовлетворения, сам определяет дальнейшую судьбу уголовного дела. Ведь он чем-то руководствуется, когда отказывает в продлении дознания, не видя необходимости в дополнительном производстве следственных и иных процессуальных действий. Поэтому должен разделить всю ответственность с дознавателем при направлении

уголовного дела в суд (давая небольшое время на его завершение) либо установить основание для его прекращения. Если же оснований для прекращения уголовного дела нет, и прокурор не видит его перспектив для направления в суд, ему остается лишь один единственный вариант – удовлетворить ходатайство дознавателя и продлить первоначальный срок дознания. Вариант передачи уголовного дела для производства предварительного следствия нами не рассматривается по причине того, что еще не исчерпан потенциал самого дознания, которое так и не было продлено в установленные законом сроки. Кроме того, мы не видим смысла в том, чтобы лишний раз загружать следователя.

Анализируемый пробел нормативного регулирования продления срока дознания напрямую отражается не только на эффективности уголовно-процессуальной деятельности, но и на правах, а также законных интересах участников уголовного судопроизводства. Информирование дознавателем подозреваемого и его защитника, а также потерпевшего об обращении к прокурору с ходатайством о продлении срока дознания могло бы создать дополнительные гарантии обеспечения их прав и законных интересов, в частности права на быстрый доступ к правосудию.

Таким образом, разрешением анализируемых проблем является устранение нормативного пробела в порядке продления срока дознания, направленного на регламентацию процедуры продления дознавателем срока дознания, выражающееся в определении порядка удовлетворения или отказа в удовлетворении прокурором заявленного дознавателем ходатайства, а также выносимого им решения, установлении перечня конкретных действий дознавателя, если в таком ходатайстве ему будет отказано. Вместе с тем, любые изменения закона должны носить системный характер, то есть учитываться во взаимосвязи и взаимозависимости с другими нормами, институтами и в целом со всей структурой уголовного судопроизводства. Иначе теряется логическая взаимосвязь правовых предписаний между собой, они становятся непоследовательными, а отчасти даже лишенными смысла. По этой причине в предложенной нами нормативной регламентации нуждается также и порядок рассмотрения ходатайства о продлении срока предварительного следствия, а также установления перечня конкретных действий следователя, если в таком ходатайстве ему будет отказано руководителем следственного органа. Это позволит решить институциональные проблемы всего предварительного расследования и повысить качество его осуществления.

Список литературы

1. Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 26 января 2017 г. № 33 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов дознания» // СПС «КонсультантПлюс».

2. Митюкова, М. А. К вопросу о процессуальных полномочиях начальника органа дознания. / М. А. Митюкова // Сибирский юридический вестник. – № 2 (73). – 2016. – С. 115-123.

Мозговая Д. А.[1],
доцент кафедры криминалистики
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук
Макаревич В. Е.[2],
слушатель института-факультета подготовки сотрудников
для органов предварительного расследования
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ФИКСАЦИИ СЛЕДСТВЕННОГО ЭКСПЕРИМЕНТА

Российский уголовно-процессуальный закон предусматривает возможность производства такого следственного действия, как следственный эксперимент (ст. 181 УПК РФ). При его проведении следователь может достоверно проверить выдвинутые ранее версии, внести соответствующие уточнения в различные обстоятельства преступления.

Одним из значимых этапов следственного эксперимента является фиксация его хода и результатов.

Данный этап предполагает составление протокола – основного процессуального документа, содержащего подробное описание условий и обстановки эксперимента, степень их соответствия исходным обстоятельствам, результаты опытных действий. Общим требованием, предъявляемым к протоколу − соблюдение уголовно-процессуального законодательства и достоверное содержание сведений.

Для фиксации следственного эксперимента применимы такие же варианты, как и при фиксации иных следственных действий: протокол может составляться непосредственно на месте проведения следственного эксперимента так и по прибытии в рабочем кабинете следователя. Следователь в ходе опытных действий эксперимента может вести черновые записи, изготавливать схемы, а затем, используя их, составить протокол.

Достаточно часто это практикуется в тех случаях, когда информация, подлежащая внесению в протокол, объемна. Более того, напечатанный, а не написанный от руки протокол следственного эксперимента более удобен для прочтения и в нем меньше допускается неточностей и неопределенностей при описании.

Так, Н. А. Столбова, В. Р. Столбов выделяют следующие ошибки следователя при фиксации хода и результатов следственного эксперимента:

− неприменение технических средств фиксации хода и результатов следственного эксперимента при отсутствии понятых;

− отсутствие в протоколе следственного действия отметки о невозможности применения технических средств [4, с. 16].

---

[1] © Мозговая Д. А., 2022.
[2] © Макаревич В. Е., 2022.

Перечень таких ошибок не исчерпывающий, можно продолжить, указав на следующие:

– некорректное процессуальное описание произведенных экспериментов;

– отсутствие некоторых важных сведений в описательной части протокола (например, отсутствие описания обстановки, в которой производились опытные действия; отсутствие описания самих опытных действий; отсутствие отметки о проведении фото или видеосъемки; отсутствие пометки о применении технических средств и др.);

– нарушение последовательности при описании проводимых экспериментов, в случае непоследовательного описания экспериментальных действий;

– присутствие в протоколе сведений, не имеющих отношения к проводимому следственному эксперименту. К примеру, в протоколе дается детальное описание обстоятельств, не имеющих значения для дела, или детальное описание обстановки, которые для результатов следственного эксперимента также не имеют значения и др.;

– небрежная литературная редакция протокола [2, с. 179].

В изученных нами протоколах следственного эксперимента (всего изучено 32 протокола), отмечены следующие ошибки: например, отсутствуют подписи участников следственного эксперимента, подтверждающие факт разъяснение им применения технических средств; указание только вида технических средств без обозначения марки, модели; отсутствие данных относительно типа карты памяти, ее объема, класс скорости и иных данные.

Большое значение в фиксации результатов следственного эксперимента отводится фотосъемке, которая представляет собой систему научно выработанных способов запечатления объектов, их состояний, свойств, расположения и взаиморасположения в целях представления суду наглядных доказательств. Эту функцию выполняет фототаблица, которая выступает дополнением к протоколу.

Фотосъемку можно рассматривать как средство объективного удостоверения факта производства следственного эксперимента. Правильное оформление результатов ее применения имеет немаловажное значение [5, с. 148]. Обязательно, в протоколе следственного эксперимента должно найти отражение:

– сведения об объекте фотографирования;

– указание на использование технико-криминалистических средств (тип фотоаппарата, вид объектива);

– данные о лице, производящем фотосъемку (должность, специальность, звание);

– дополнительно использованные средства при фотосъемке (объективы, штативы и т. д.);

– отражение времени и условий съемки с указанием объектов и точек [3, с. 29].

Несмотря на очевидные достоинства фотографических материалов, они не могут заменить протокол, что приводит к выводу о том, что результаты использования фотографических средств фиксации при допущенных нарушениях при

составлении протокола, о чем выше мы писали, не имеют доказательственного значения.

На сложности производства видеофиксации следственного эксперимента указывают практические сотрудники. Запечатлевать следует весь ход следственного действия с того момента как следователь разъясняет участникам права и обязанности, и до конца, когда составляется и подписывается протокол следственного действия, высказываются замечания и заявления [1, с. 184]. Каждый перерыв в видеозаписи должен оговариваться следователем, с обязательной видеофиксацией речевой информации относительно времени начала и окончания перерыва и его цели.

Использование видеосъемки дает больший потенциал по сравнению с фотосъемкой. На сегодняшний день, опыт использования видеосъемки позволяет с уверенностью утверждать, что применение видеозаписи целесообразно при проведении следственного эксперимента в любой ситуации, и, если имеется техническая возможность, ее следует производить в сочетании с фотографированием.

В протоколе следственного эксперимента отражению подлежит следующая информация: во-первых, сведения о видеоаппаратуре, принадлежности к ней, использованные при видеосъемке и карте памяти; во-вторых, данные об условиях съемки; в-третьих, общая продолжительность съемки, время записи, размер видеофайла. При видеосъемке в протоколе также необходимо указать: кем проводилась съемка, предупреждены ли участники о применении видеозаписывающей аппаратуры.

В заключении отметим, фиксация хода и результатов следственного эксперимента, как элемент собирания доказательств, представляет собой систему процессуальных действий в сочетании с применением криминалистических средств и способов запечатления и закрепления фактических данных. Заключительный этап следственного эксперимента призван объективно, полно, всесторонне и наглядно отразить весь ход этого следственного действия.

Список литературы

1. Баев О. Я. Тактика следственных действий : учебное пособие М.: Юрлитинформ, 2013.

2. Белкин, Р. С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики / Р. С. Белкин. – М.: Издательство НОРМА (Издательская группа НОРМА-ИНФРА М), 2001.

3. Савельева, М. В. Следственные действия: учебник для магистров / М. В. Савельева. – М.: Издательство Юрайт, 2018.

4. Столбова, Н. А. Проблемы производства следственного эксперимента в российском уголовном процессе / Н. А. Столбова, В. Р. Столбов // Российский следователь. – 2021. – № 6. – С. 14-16.

5. Сысенко, А. Р. Особенности использования видеозаписи в качестве средства фиксации при производстве осмотра места происшествия / А. Р. Сысенко, Н. И. Герасименко // Актуальные проблемы права и государства в XXI веке. – 2018. – № 10. – С. 148-152.

Корниенкова М. Р.[1]**,**
преподаватель кафедры уголовного права
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя
Нефедов М. С.[2]**,**
курсант ФПСОПП Московского университета
МВД России имени В. Я. Кикотя

НЕКОТОРЫЕ ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЕ ПРИЗНАКИ ДОБРОВОЛЬНОГО ОТКАЗА ОТ ДЕЯТЕЛЬНОГО РАСКАЯНИЯ

Поощрительные нормы в современном мире привлекают к себе все более серьезное внимание. Так, одной из них является добровольный отказ от совершения преступления.

Для того, чтобы более глубоко и подробно рассмотреть особенности отдельного института права, в том числе и уголовного, важно проводить его исследование не автономно, а в сопоставлении со смежными правовыми институтами, так как сравнительный анализ дает возможность детального изучения тех отличительных свойств, которые наиболее объективно позволят определить сущность отдельного института права.

Отметим, что институт добровольного отказа от преступления имеет наибольшее сходство с институтом деятельного раскаяния, так как в обоих случаях лицо, которое посягнуло на охраняемые законом интересы, непосредственно в процессе развития его преступной деятельности по собственной воле отказывается от дальнейшего совершения преступления и направляет свои усилия на компенсирование или заглаживание причиненного его деянием вреда или же на недопущение наступления общественно опасных последствий. В.В. Сверчков указывает, что «правовая природа добровольного отказа близка правовой природе освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием с той лишь разницей, что в ней речь идет не о послепреступном раскаянии, а о раскаянии в процессе криминального поведения» [5, С. 33].

Однако следует подчеркнуть, что несмотря на очевидное на первый взгляд сходство между рассматриваемыми уголовно-правовыми институтами, они также обладают и специфическими чертами, определяющими их существенные различия.

Так, отметим, что главный отличительный признак добровольного отказа, заключается в том, что он возможен до окончания совершаемого преступного деяния лицом. Об этом свидетельствуют положения ч. 1 ст. 31 УК РФ, указывающие на то, что лицо не подлежит уголовной ответственности в случае добровольного и окончательного отказа от доведения преступного деяния до конца. Однако ч. 1 ст. 75 УК РФ, напротив, предусматривает освобождение лица от уголовной ответственности при наличии обстоятельств, которые свидетельствуют о его деятельном раскаянии при совершении им преступления небольшой или

[1] © Корниенкова М. Р., 2022.
[2] © Нефедов М. С., 2022.

средней тяжести. Т. А. Лесниевски-Костарева отмечает, что деятельное раскаяние обязательно требует установления самого факта совершения преступления [4, С. 156]. Нормы УК РФ к уголовно наказуемым деяниям относят: 1) совершение оконченного преступления, 2) приготовление к тяжкому и особо тяжкому преступлению, а также покушение на преступление, поэтому именно момент окончания преступления или же его пресечения не по воле субъекта, совершающего его, выступает в качестве критерия, разделяющего действия лица, направленные на предотвращение наступления общественно опасных последствий, на добровольный отказ либо деятельное раскаяние в зависимости от того, в какой момент времени такие действия были совершены: до окончания преступления (добровольный отказ) или же после (деятельное раскаяние).

Особое внимание необходимо обратить на ситуацию, когда лицо после первой неудачной попытки совершить преступление отказывается от повторного посягательства, то есть, когда действия лица образуют оконченное покушение, в случае которого добровольный отказ невозможен. Следует понимать, что оконченное покушение и дальнейший отказ виновного от повторной попытки достигнуть желаемого преступного результата образуют не добровольный отказ от окончания преступления, а деятельное раскаяние. Такой вывод поддерживают как в доктрине уголовного права, так и в практики применения.

В процессе квалификации действий лица, направленных на предотвращение наступления общественно опасных последствий, могут вызывать существенные вопросы следующая ситуация: лицо, выполнив все действия, включенные в объективную сторону конкретного преступления, начинает предпринимать активные действия, чтобы не допустить наступления преступных последствий. Такая ситуация должна разрешаться исходя из конструктивных особенностей того состава преступления, которое первоначально лицо планировало совершить. В рассматриваемой ситуации добровольный отказ лица от преступления после выполнения всех составляющих объективную сторону преступления действий возможен только в случае, если изначально его умысел был направлен на совершение преступления с материальным составом, так как только этот вид преступлений предполагает связь момента окончания преступного деяния с наступлением общественно опасных последствий. Так, например, довольный отказ невозможен, когда лицо намереваясь совершить насильственное половое сношение с потерпевший отказывается от его совершения в силу эректильной дисфункции.

Таким образом, в случаях, когда лицом добровольно было предотвращено наступление общественно опасных последствий, с которыми закон непосредственно связывает окончание преступления, в его действиях следует признавать добровольный отказ, так как недоведение лицом преступления до конца происходит по его воле. В ситуациях же, когда преступные последствия не оказывают влияния на момент окончания преступления, а действия, совершенные лицом, образуют объективную сторону преступления, при наличии других обязательных элементов состава преступления, деяние лица следует признавать преступлением. В таком случае уголовный закон предусматривает обязательное привлечение лица к уголовной ответственности, а значит, все его последующие

действия могут расцениваться не как направленные на предотвращение преступления, а как заглаживающие причиненным охраняемым интересам вред, то есть речь идет о деятельном раскаянии.

Исходя из вышесказанного, необходимо отметить, что положительное влияние на определение содержания действий, которые образуют деятельное раскаяние (п. «к» ч. 1 ст. 61, п. 1 ст. 75 УК РФ), оказало закрепление положения не о предотвращении вреда, причиняемого совершенным преступлением, а именно его возмещение и заглаживание. В ранее действующем УК РСФСР, в статье 38, как одно из смягчающих обстоятельств рассматривалось предотвращение лицом вредных последствий от преступления и устранение причиненного им вреда, что, очевидно, не вносило ясности в решение возникающих в процессе квалификации данных действий вопросов: как обстоятельства, смягчающего уголовную ответственность лица, либо как его добровольного отказа от преступления.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «Консультант-Плюс».

2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 09.03.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 17.03.2022).

3. Борисов С.В., Дмитренко А.П., Русскевич Е.А. и др. Необходимая оборона, крайняя необходимость, задержание преступника (правовая оценка действий сотрудников полиции). Отв. ред. д.ю.н., проф. Н.Г. Кадников. / монография / "ИД Юриспруденци". 2012. – 192 с.

4. Лесниевски-Костарева Т. А. Дифференциация уголовной ответственности: Теория и законодательная практика // Изд. 4-е, перераб. и доп. М. : НОРМА, 2006. 400 с.

5. Сверчков В. В. Место добровольного отказа от преступления в системе уголовного законодательства // Уголовное право. 2018. № 2. С. 30-35.

Нуйкин С. Ю.[1]**,**
преподаватель кафедры предварительного расследования
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат исторических наук
Ильинская К. О.[2]**,**
курсант факультета подготовки
сотрудников полиции для подразделений по охране общественного порядка
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

ОСОБЕННОСТИ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ ЧЕРЕЗ ИНТЕРНЕТ РЕСУРСЫ

Современное общество характеризуется стремительным внедрением цифровых технологий абсолютно в каждую из сфер жизни людей. Данное обстоятельство стало предопределяющей чертой для возникновения новых общественных отношений. Глобальная информационно-телекоммуникационная сеть «Интернет» своими ресурсами заполонила мировое сообщество, подарив ему относительно дешевую и беспрепятственную коммуникацию, открыла новые горизонты для каждого человека. Кроме того, стоит сказать, что «Всемирная Паутина», под которой понимается «Интернет», дала человеку безграничные возможности в области распространения информации, в том числе для лиц, совершающих преступления.

Немногим ранее, из-за особой привилегированности интернет-преступлений, они совершались в Российской Федерации достаточно редко, а интернет-преступность, как негативное социальное явление, представляло реальную угрозу лишь в обозримом будущем. В настоящее время часть интернет – преступности в общероссийской структуре, как и в структуре всего мирового сообщества в целом, определенно увеличилась. Указанное обстоятельство можно проанализировать на основе статистических данных, которые объективно отражают неуклонное увеличение количества преступных деяний, совершенных с использованием информационно-коммуникационных технологий [3, с. 52].

Так, в период с января по декабрь 2019 г. правоохранительным органами системы Министерства внутренних дел Российской Федерации (далее по тексту МВД РФ) зарегистрировано 294 409 (+ 68,5 % по сравнению с 2018 г.) преступлений, совершенных с использованием интернет-ресурсов, а также в сфере компьютерной информации. Количество расследованных преступлений данных категорий органами предварительного следствия и дознания системы МВД РФ составило 65 238 (+ 50,4 % по сравнению с 2018 г.). В 2020 г. наиболее распространенным видом преступлений, совершенным с использованием интернет-ресурсов и компьютерной информации являлось мошенничество. На долю мошенничеств приходилось около 70 % всех хищений, совершенных путем обмана и злоупотребления доверием – 237 121 (+ 73,4 % по сравнению с 2019 г.). Так, при

[1] © Нуйкин С. Ю., 2022.
[2] © Ильинская К. О., 2022.

совершении 25 834 (+42,4 % по сравнению с 2019 г.) мошенничеств использовались электронные средства платежа. Заметное увеличение таких деяний зафиксировано в большинстве регионов Российской Федерации. В 2020 г. в Саратовской (3 476), Омской (2 764) областях и Пермском крае (1 987) зарегистрировано наибольшее число подобных мошенничеств. За последние пять лет число преступлений, совершенных с использованием информационно-коммуникационных технологий и компьютерной информации увеличилось более чем в 11 раз, а удельный вес в структуре преступности возрос с 1,8 % до 25 %. Большинство «киберпреступлений» совершается с использованием сети «Интернет» – 300 324, или при помощи средств мобильной связи – 218 734.

В 2021 г. наиболее распространенными преступлениями являлись мошенничества в сфере информационно-телекоммуникационных технологий или компьютерной информации, на них приходилось около 73 % всех хищений (249 245), совершенных путем обмана или злоупотребления доверием. При этом существенно замедлились темпы их прироста (с 73,4 % в 2020 г. до 5,1% 2021 г.). Среди них, более чем на 60 %, (с 25 845 до 10 344) сократилось число выявленных мошенничеств, совершенных с использованием электронных средств платежа, на 43,4 % – мошенничеств в сфере компьютерной информации (с 761 до 431). В целом, число деяний, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации, в 2021 г. составило 517 768 [6].

Одной из причин увеличения количества преступлений данной категории, по нашему мнению, является рост применения более совершенных информационно-коммуникационных и компьютерных технологий, которые применяются для совершения широкого круга преступлений и сокрытия их следов.

Однако анализ следственной и судебной практики показывает, что в ходе производства следственных действий на первоначальном этапе дознаватель (следователь), производящий расследование преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, в том числе и интернет-ресурсов, сталкивается с определенными проблемами [7, с. 98].

В ходе расследования дознаватель (следователь) сталкивается с определенными трудностями, связанными с получением информации по направленным запросам в порядке ст. 21 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее по тексту УПК РФ) по различным линиям расследования для получения основной, дополнительной, а также личной информации, способной помочь изобличить преступников, в том числе направление и получение ответа на запросы об оказании международно-правовой помощи в порядке ст. 453 УПК РФ [2].

Исходя из следственной практики, можно с уверенностью говорить о том, что проблемным аспектом является также получение данных о злоумышленниках, которые скрывают свой IP-адрес в момент совершения преступления, тем самым, не давая правоохранителям шанса на быстрое установление преступной личности. Установить IP-адрес злоумышленника возможно в соответствии с тем, в каком государстве, а, соответственно, в чьей юрисдикции находятся средства анонимизации, использованные преступником.

В основном, иностранные Интернет-провайдеры не отвечают на запросы о международно-правовой помощи по уголовным делам, однако, это означает, что необходимо в первую очередь направить запрос о получении сведений на рассмотрение в подразделения Национального центрального бюро Интерпола МВД России.

Эффективность расследования преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, в том числе совершенных через Интернет-ресурсы, на наш взгляд, предопределяется комплексным подходом как при определении задач, которые необходимо разрешить в определенной следственной ситуации, так и при подготовке к проведению и при проведении отдельных следственных действий. Именно тесное и коллаборационное отношение дознавателя (следователя) с другими подразделениями МВД России во многом повышает эффективность деятельности правоохранительных органов [4, с. 138].

Стоит отметить несколько основных направлений, которые могли бы оказать существенное влияние на значительное повышение эффективности противодействия информационно-телекоммуникационным преступлениям:

В первую очередь правоохранительные органы испытывают недостаток специалистов, которые наделены определенным опытом и навыками по предупреждению и расследованию таких преступлений, поэтому система образования еще не успела адаптироваться к современным тенденциям, так как своевременной и должной подготовки кадрового состава предусмотрено не было, в том числе, имел место недостаток программного обеспечения, породивший пробелы в обучении.

Для того, чтобы преодолеть последствия, связанные с недостатком компетентных кадров, предлагается создать в ведомственных образовательных организациях МВД России специализированные лаборатории. В состав данных лабораторий целесообразно будет включить как научных педагогов, так и представителей каких-либо частных организаций. Непременно, без экспертов не обойтись. Данные сотрудники имеют опыт и наибольшую компетенцию в сфере расследования преступлений, совершенных с помощью информационно-коммуникационной сети Интернет и его ресурсов [5, с. 100].

Данный комплекс решений позволит познакомить обучающихся с современными методами и приемами работы киберкриминалистов, с программными и аппаратными комплексами, которые существуют на рынке в настоящее время.

В связи с этим становится необходимым обучение сотрудников подразделений МВД России методам и приемам работы с открытыми данными при раскрытии и расследовании рассматриваемой сферы преступной деятельности.

Во-вторых, в современных реалиях в Российской Федерации почти нет возможности для внедрения в правоохранительную деятельность технологий, которые сейчас активно разрабатывают стартапы (новые компании/бизнесы). Данное обстоятельство обусловлено, в первую очередь, завышенными материальными и другими требованиями со стороны государственных органов к овому возмож-

ному виду развития в стране, поэтому любой стартап сейчас видит просто невозможным соответствие данным требованиям, оставляя свой потенциал нереализованным в полной мере.

Все это автоматически ограничивает круг предпочитаемых «инноваторов» госкорпорациями или закрытыми научно-исследовательскими институтами.

Разрешить данную проблему, по нашему мнению, возможно посредством направления деятельности одного из государственных институтов развития в сферу работы со стартапами. Как пример можно привести создание в июле 2019 г. отдела специальных разработок (далее по тексту ОСР) на базе АО «Технопарк Санкт-петербурга».

За период своего существования, ОСР более трехсот раз привлекался для помощи правоохранительным органам в расследовании рассматриваемой сферы преступлений и собрал «под своей эгидой» десятки стартапов, занимающихся неинструментальной детекцией лжи, идентификацией и отслеживанием мобильных устройств, расшифровкой интернет-трафика, обработкой и анализом больших данных, отслеживанием криптовалютных транзакций и идентификацией пользователей интернет по их электронно-цифровому следу.

В-третьих, в Российской Федерации в киберпространстве в настоящее время совсем не используется никакого нового учета и никакой предназначенной для этого современной идентификации в правоохранительных органах.

Идентификаторы электронных устройств, а конкретно модель устройства, версия операционной системы и браузера, языковые и экранные параметры, IP-адрес и иные параметры соединения, авторизованные аккаунты электронной почты и социальных сетей, рекламные идентификаторы используются в качестве объекта криминалистической идентификации. Данные идентификаторы, использованные в совокупности, позволяют устанавливать и выделять уникальное устройство более чем из нескольких десятков миллионов.

В настоящее время темпы роста преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, в том числе через и интернет-ресурсы, отличаются динамичностью, так как все сферы общественной и частной жизни сейчас пропитаны цифровизацией и информатизированы, поэтому именно вопросы, связанные с расследованием и раскрытием преступлений, совершенных с помощью Интернета и его ресурсов, в данное время приобретают особую актуальность.

Правовое регулирование, организационные и организационно-технические меры должны стать основными направлениями противодействия преступлений, совершаемых с использованием интернет-ресурсов. Их следует направить на совершенствование норм как Особенной, так и Общей части Уголовного кодекса Российской Федерации [1]. В свою очередь, необходимо внести изменения в редакцию Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и защите информации», включив в него понятие «киберпространство». Помимо этого, в связи с экстерриториальным и трансграничным характером преступлений, совершаемых с использованием интернет-ресурсов, также необходимо разработать и принять единую Конвенцию о киберпреступлениях «под эгидой» Организации объединенных наций.

Учитывая специфику преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий и интернет-ресурсов, одновременно с правовыми и организационными мерами противодействия, необходимо принять ряд организационно-технических мер, направленных на персонализацию пользователей киберпространства, путем внедрения биометрических технологий.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13 июня 1996 г. №63-ФЗ (ред. от 28.01.2022) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. №25. Ст. 2954.

2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 30.12.2021) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 52 (Ч. I). Ст. 4921.

3. Каримов В. Х. Актуальные вопросы борьбы с преступлениями, совершаемыми с использованием систем анонимизации пользователей в сети Интернет // Российский следователь. 2018. № 6. С. 51–54.

4. Сергеев С. М. Некоторые проблемы противодействия использованию в преступной деятельности средств обеспечения анонимизации пользователя в сети Интернет // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2017. № 1 (73). С. 137–140.

5. Чекунов И. Г. Киберпреступность: проблемы и пути их решения // Вестник Академии права и управления. 2017. № 25 С. 97–103.

6. Портал правовой статистики. URL: http://crimestat.ru/offenses_chart (дата обращения: 30.03.2022).

7. Нуйкин С. Ю. О правовом положении и процессуальной самостоятельности дознавателя. В сборнике: Проблемы Криминалистики и уголовного судопроизводства в современных условиях. Сборник статей Международной научно-практической конференции. 2021. С. 97–102.

Подустова О. Л.[1],
преподаватель кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук
Соколова М. В.[2],
старший преподаватель кафедры предварительного расследования
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

РАБОТА С ЦИФРОВЫМИ ОБЪЕКТАМИ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ В СФЕРЕ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ

Следы в сфере компьютерной информации можно разделить на два типа: традиционные следы (следы-отображения, рассматриваемые трасологией, а также следы-вещества и следы-предметы) и нетрадиционные – информационные следы. К первому типу относятся материальные следы, к числу которых можно отнести рукописные записи, распечатки и т. п., которые свидетельствуют о приготовлении и совершении преступления. Материальные следы можно обнаружить и на самой вычислительной технике (следы пальцев рук, микрочастицы на клавиатуре, дисководах, принтере и т. д.), а также на магнитных носителях и CD-дисках.

Среди тактических проблем осмотра места происшествия по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации также следует назвать изъятие обнаруженных следов, так как оно должно осуществляться способом, который исключает их повреждение.

Следственная практика свидетельствует, что в ряде случаев при производстве следственных действий, связанных с изъятием электронных носителей информации, происходит потеря, подмена или уничтожение компьютерной информации, вызванные некачественной подготовкой данных мероприятий.

По отношению к электронным носителям информации в процессе производства следственного действия должно быть принято одно из следующих решений: носитель не изымать, информацию не копировать; носитель не изымать, информацию скопировать для приобщения к материалам уголовного дела; носитель изъять, информацию скопировать и передать законному владельцу; носитель изъять, законному владельцу в копировании информации отказать.

Также зачастую возникает необходимость в производстве такого следственного действия, как осмотр, к примеру, в тех случаях, когда в рамках осмотра места происшествия не было проведено детального осмотра интересующих следствие предметов или документов, либо когда изъятие было произведено в ходе обыска. В том случае, когда осмотру подвергается электронный носитель информации, что наиболее часто имеет место при расследовании преступлений в ходе

---

[1] © Подустова О. Л., 2022.
[2] © Соколова М. В., 2022.

компьютерной информации, его осмотр всегда осуществляется с использованием компьютерной техники. В научной литературе имеется мнение о том, что в данном случае необходимо в качестве средства фиксации хода следственного действия использовать фото или видеотехнику [2, С. 47-50].

Однако, по нашему мнению, вполне можно ограничиться уже используемой компьютерной техникой, а ход следственного действия в данном случае возможно фиксировать с помощью фиксации отражаемой на экране информации путем использования клавиши Print Screen и графического редактора. Также целесообразно прилагать к материалам уголовного дела не только диск с информацией, но и прикладывать распечатку данной информации.

Проанализируем тактику производства осмотра полученной информации. Так, следователь должен в протоколе осмотра указать, какие надписи имеются на конверте, каким образом он упакован, сохранена ли целостность упаковки. Для исключения впоследствии каких – либо вопросов и заявления подозреваемым о том, что информация могла быть подменена, следует зафиксировать с помощью видео или фототехники целостность поступившей упаковки. Затем следователь извлекает из конверта носитель информации и указывает в протоколе осмотра его описание, после чего вставляет данный носитель в компьютер. В протоколе описываются указанные действия, отражается наименование используемой техники [1, С. 114].

Далее, воспроизведя электронный носитель с помощью компьютерного устройства, необходимо установить и отразить в протоколе, сколько листов содержится в полученной информации, сколько папок, файлов и какого расширения содержится на диске, какова дата их создания и объем. Данную информацию нами видится необходимым дополнительно зафиксировать с помощью клавиши Print Screen. Далее надлежит открывать и исследовать каждый файл, описывая его содержимое в протоколе осмотра и фиксировать с помощью указанной клавиши.

Представляется, что фиксировать с помощью клавиши Print Screen необходимо всю имеющуюся информацию, однако, в протоколе осмотра переписывать всю имеющуюся информацию не целесообразно, достаточно отражать лишь ту, которая является значимой для расследования.

По окончании осмотра следователь должен извлечь электронный носитель из технического устройства, вновь упаковать его в конверт, отразить в протоколе осмотра все сведения о том, каким образом зафиксирована информация, содержащаяся на данном устройстве, в какое время окончено производство осмотра, как упакован электронный носитель. На этом осмотр можно считать оконченным.

Однако, особое внимание следователю необходимо уделить упаковке электронного носителя, которая должна обеспечить его сохранность и исключить неправомерный доступ посторонних лиц к нему.

Так, хранить информационный носитель следует в камере хранения вещественных доказательств, а не допускать самую распространеннию ошибку следователей – хранение конверта с электронным носителем в уголовном деле. Такое храниение диска может повлечь его повреждение, а вследствие и искажение

информации или же еще хуже – ее утрату. Следователю не стоит забывать, что диск, находящийся в конверте изготовлен из хрупкого материала, который быстро может быть разломлен на части, или же проколот во время прошивки уголовного дела.

Резюмируя вышеизложенное, необходимо отметить, что при расследовании рассматриваемой категории преступлений основные доказательства содержатся на электронных носителях, при осмотре и изъятии которых надлежит соблюдать ряд определенных рекомендаций.

Список литературы

1. Малик В. И. Некоторые вопросы расследования мошенничества в сфере компьютерной информации // В сборнике: Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: достижения и проблемы применения. сборник материалов III Международной студенческой научно-практической конференции. 2016. С. 114.

2. Яровенко В. В. Технико – криминалистическое обеспечение фиксации хода и результатов следственного действия // Сборник научных трудов SWorld. 2013. Т. 32. № 3. С. 47–50.

Попенков А. В.[1]**,**
преподаватель кафедры предварительного расследования
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

ПРОИЗВОДСТВО ОСМОТРА МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ: АКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

В рамках формирования доказательственной базы по уголовному делу одним из самых действенных процессуальных инструментов является осмотр места происшествия. Несмотря на то, что осмотр места происшествия производится по 74 % расследуемых уголовных дел [1], следует признать, что его качество и допускаемые при его производстве ошибки регулярно возникают в работе следователей и дознавателей. Законодатель, в статье 176 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации определил его основной целью обнаружение следов преступления, выяснения других обстоятельств, имеющих значение для расследования [2]. Принимая во внимание значение результатов указанного следственного действия, очевидно, что осуществляющее его лицо должно обладать комплексом необходимых знаний и навыков, позволяющих достигнуть поставленной цели. Указанные обстоятельства актуализируют вопросы, которые будут рассмотрены в рамках данной статьи.

Анализ практических материалов, изученных автором в ходе работы над данной статьей, выявил следующие проблемы, с которыми сталкивается правоприменитель. Прежде всего, сама норма, устанавливающая цели и порядок производства анализируемого следственного действия характеризуется пробельностью, в части того, что не содержит дефиниции осмотра места происшествия.

В научной литературе указанное понятие, по-разному трактуется исследователями. Так, например, Д.С. Хижняк формулирует его как «следственное действие, заключающееся в непосредственном изучении (восприятии) следователем объектов с целью обнаружения материальных следов, связанных с подготовкой, совершением и сокрытием преступлений» [3 с. 8].

В. П. Колмаков, целью осмотра определяет «…выявление фактических данных (доказательств) и выяснение обстоятельств, имеющих значение для установления истины по делу» [4 с. 18].

Очевидно, что приведенные выше определения, отражают цель следственного действия, но не учитывают всех его многосложных аспектов. В связи с этим, предлагается дополнить статью 176 УПК РФ определением осмотра места происшествия как такового, изложив его в следующей редакции «осмотр места происшествия – комплексное следственное действие, проводимое с применением научных и технических средств, при участии компетентных специалистов, для достижения целей, предусмотренных частью первой настоящей статьи».

Следующая проблема, на которой следует акцентировать внимание, связана с грамотным документированием процесса осмотра и его результатов в соответствующем протоколе. Как справедливо утверждал И. Н. Якимов «…мало наблюсти и обнаружить важное и нужное для дела при осмотре. Это только половина

[1] © Попенков А. В., 2022.

задачи, другое же это закрепить и запечатлеть все наблюденное и найденное при осмотре во внешних формах, дающих правильное и точное представление каждому, кто по ним должен ознакомиться с результатами осмотра» [5 с. 194]

Практика показывает, что следователи, зачастую, при составлении протокола использует общие фразы, не дающие четкого представления об описываемом предмете или явлении. Тождественные предметы, описываются разными терминами, что вносит путаницу в понимании обстановки места происшествия. При описании величин, используются абстрактные понятия («небольшой», «вблизи», «недалеко» и т. д.). Описываемые предметы, не отвечают градации значимости для расследуемого дела, т. е. подробное внимание может уделяться несущественным объектам, в то время как объекты, имеющие важное значение для дела, описываются поверхностно. Допускаются так же неточности в адресах проводимого осмотра.

Так, например, в ходе осмотра автомобильной стоянки, следователь ошибочно указал ее адрес «г. Москва, ул. Ак. Челомея, д. 16», однако фактически никаких строений по данному адресу не существуют, а правильное наименование адреса «г. Москва, ул. Ак. Челомея, владение 16» [6].

Некоторые практики, при производстве осмотра места происшествия осуществляют его только в одной, горизонтальной плоскости. Когда в протоколе в протоколе описываются только те предметы, которые находятся на полу (мебель, разбросанные на полу вещи и т. д.), в то время как, описания требуют, и объекты и иные материальные субстраты (расположенные на стенах, потолке и т. д.).

Очевидно, что повторный осмотр места происшествия, возможность которого задекларирована законодательно, не позволит следователю восстановить объективную картину преступления, обнаружить и зафиксировать орудия, которые при этом использовались и возможные следы. Именно поэтому качественно проведенный безотлагательно первоначальный осмотр имеет большую степень достоверности полученных результатов. Изложенные обстоятельства обосновывают необходимость учета и устранения рассмотренных недостатков в работе следователя. Важно учитывать так же, что в случае ошибок или неточностей, допущенных при составлении протокола, в последующем, протокол следственного действия может быть признан недопустимым доказательством и исключен из числа доказательств по уголовному делу.

В заключение, отметим, что, в рамках написания статьи, невозможно охватить все проблемные аспекты производства осмотра места происшествия. Однако дальнейшая разработка этой проблематики имеет ключевое значение, как для теоретической науки, так и для практической деятельности органов внутренних дел.

Список литературы

1. Чашин А. Н. Постатейный комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации. М. : «Эксмо», 2018. 979 с.

2. Сводные статистические данные прокуратуры Юго-западного административного округа г. Москвы о состояния законности при расследовании уголовных дел в 2021 г.

3. Хижняк Д. С. Осмотр места происшествия : учебное пособие. М. : «Гросс-Медиа», 2007. С. 8.

4. Колмаков В. П. Следственный осмотр. М., 1969. С. 18.

5. Якимов Н. И. Криминалистика. Руководство по уголовной технике и тактике, М., 1925. С. 194

6. По материалам уголовного дела № 12001460027000342 находившегося в производстве СО ОМВД России по Обручевскому району г. Москвы в 2020 г.

Посельская Л. Н.[1]**,**
доцент кафедры криминалистики
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя
кандидат юридических наук, доцент

ОСОБЕННОСТИ РАССЛЕДОВАНИЯ НЕПРАВОМЕРНОГО ОБОРОТА ЭЛЕКТРОННЫХ СРЕДСТВ ПЛАТЕЖЕЙ

Цифровизация социотехнической среды и насыщение ее компьютерными системами и телекоммуникационными сетями, как отмечает Е. П. Ищенко, не только обеспечило рост преступности в этом направлении, но и открыло новые возможности в расследовании преступлений [1, с. 217–221]. Структура информации в настоящее время существенно изменилась, все больше уходит в виртуальную среду, в так называемое киберпространство.

Исходной информацией, о преступлениях, связанных с неправомерным оборотом средств платежей, могут быть сообщения должностных лиц по фактам обнаружения ведомственными и контролирующими органами, сообщения о неправомерных платежах, использовании компьютерных программ для неправомерного оборота средств платежей могут быть получены от сотрудников банков, финансовых организаций, работников, обслуживающих платежные терминалы, в том числе банкоматы.

Поводами для проведения проверки может послужить информация, полученная из оперативных источников. Получению оперативно-розыскной информации о преступлениях, связанных с неправомерным оборотом средств платежей, способствует непосредственное обнаружение и выявление информации преступных деяний подразделениями по борьбе с экономическими преступлениями и коррупцией и рапорт сотрудника данного оперативно-розыскного подразделения.

По рассматриваемым преступлениям наиболее распространенным источником информации является заявление о преступлении, поступившем от граждан. Это связано с тем, что потерпевшие при незаконном обороте средств платежей обладают наиболее полной информацией о факте хищения с его банковского счета, переводе денежных средств. Будучи владельцами банковских счетов или карт, потерпевшие имеют документы, подтверждающие факт осуществления электронного перевода денежных средств (чеки, в том числе и электронные, квитанции и др.). Как правило, информация, полученная из заявления о неправомерном платеже с использованием электронных платежных документов, содержит в себе недостаточно данных, необходимых для принятия решения о возбуждении уголовного дела. В этом случае проверка сообщения о преступлении обязательна, и, от того на сколько качественно и емко будут получены дополнительные сведения в ходе этой проверки, будет зависеть дальнейший успех производства по делу. Главной задачей данного этапа является сбор информации и определение факта совершения неправомерного оборота средств платежей, а именно достаточность данных, указывающих на признаки преступления.

[1]© Посельская Л. Н., 2022.

В этой связи необходимо понимание таких объектов, как средство платежа и платежный документ. По мнению Сабитовой Е. Ю. под платежными документами понимаются любые документы, которые используются в денежных расчетах за товары, оказанные услуги и по иным платежам. Платежные документы могут содержать требование, поручение либо обязательство перечислить денежные средства и использоваться для безналичных и наличных расчетов в национальной или иностранной валюте [2, с. 31–35]. Электронное средство платежа – средство и (или) способ, позволяющие клиенту оператора по переводу денежных средств составлять, удостоверять и передавать распоряжения в целях осуществления перевода денежных средств в рамках применяемых форм безналичных расчетов с использованием информационно – телекоммуникационных технологий, электронных носителей информации, в том числе платежных карт, а также иных технических устройств [3, ст. 3]. Таким образом, использование электронных средств платежа сопряжено с использованием электронных платежных документов и рассматриваются как взаимосвязанные понятия [4, с. 229–230].

В последнее время участилось количество хищений денежных средств, совершенных посредством электронного перевода с использованием электронных платежных документов. По преступлениям, связанным с неправомерным оборотом средств платежей, методами выявления признаков преступлений является получение фактических данных о произведенном платеже с использованием электронных средств платежа. Проверка банка или финансовой организации, где был открыт счет, с которого неправомерно были списаны денежные средства, равно как и счет в банке, на который переводились похищенные средства. Установление технических средств и используемых для этого IP адресов, сайтов, мобильных средств связи, компьютерных программ, кроме этого, данные платежных карт или иные данные, которые могли быть или были использованы для хищения денежных средств. Данные о круге лиц, имевших доступ к конфиденциальной информации потерпевшего и действия лица, предшествующие контакту потерпевшего со стороной, инициировавшей неправомерный платеж, прием или перевод денежных средств.

Основной целью такой проверки является установление достаточных данных для определения признаков состава преступления в целях принятия решении о возбуждении уголовного дела. В ходе проведения предварительной проверки необходимо установить источники и получить полную информацию об элементах способа преступления, личности преступника, наступивших последствиях. В своевременной практике обнаружения признаков преступлений, связанных с неправомерным оборотом средств платежей имеются определенные недостатки. В этой связи, можно отметить недостаточную теоретическую разработанность вопросов организации и тактики проведения предварительной проверки информации, и недостаточная подготовка сотрудников аппаратов по борьбе с экономическими преступлениями и коррупцией в проведении оперативно-розыскных мероприятий по выявлению и фиксации розыскной и иной информации о данных преступлениях до возбуждения уголовного дела.

Применительно к особенностям способа преступления, предусмотренного ст. 187 УК РФ, и формированию следовой картины можно выделить следующее.

Практика применения статьи уголовного законодательства о неправомерном обороте средств платежей следственными органами идет в следующем направлении. Нарабатывается материал, и документируются факты внесения в платежные поручения, направленные в банк для списания и последующего перевода денежных средств на расчетный счет контрагентов, ложных сведений о целях расходования денежных средств назначения платежа. Чаще всего встречается изменения, вносимые в реквизиты документов, а именно изменяются подписи владельцев, размер суммы или даже номера счета.

Например, недостоверный счет за оплату работ, которые фактически не выполнялись; акт выполненных работ, которые не выполнялись вообще либо выполнялись иными организациями, договор, без намерения его реального исполнения или в случаях, когда лицо, указанное в договоре, фактически его не подписывало. Но все эти документы должны быть такими, на основании которых осуществлялись безналичные платежи или иные виды расчетов между физическими и юридическими лицами.

Как видим, при совершении данного вида преступлений, не усматривается особой сложности в способе подготовки и совершении неправомерного оборота средств платежей. Первая группа способов связана с воздействием на элементы защиты в системе электронных платежей, связанных с использованием платежных карточек. По механизму защиты платежные карты выпускались со штрих – кодом, учитывая значительную привлекательность в простоте подделки, в настоящее время мало используются. В настоящее время выпускаются смарт-карты с более высокой защитой от подделки, чем магнитные полосы. Вместе с этим совершенствуются и способы подделки. Например, в целях преодоления кодированной защиты эмитента, получил распространение такой способ, как скимминг. Это полное копирование всего содержимого магнитных треков. После чего осуществляется фиктивный оборот платежей без ведома эмитента. Совершение такого способа незаконного оборота платежей, обусловлено с транзакцией, осуществляемой также без участия эмитента.

При переходе на современные цифровые технологии в платежных системах, например Apple Pay, появляются и новые способы воздействия на оборот средств платежа. Воздействие идет посредством создания вредоносных программ. Вредоносные компьютерные программы (вирусы), создаваемые специально для внедрения при использовании телефона, к которому подключена услуга SMS-банкинг, призваны блокировать получение SMS-сообщений банка о списании (поступлении) денежных средств со счета карты, о состоянии баланса, о проверочных кодах для доступа к онлайн-банкингу и самостоятельно осуществляет отправку SMS-сообщений для проведения банковских операций. Неправомерный оборот денежных средств может также осуществляться через перенаправление его на специальный поддельный сайт. Появился новый способ осуществления неправомерного перевода и выдачи денежных средств, в ходе которого регистрируется предприятие в банке для получения услуги «торговый эквайринг» с последующим открытием расчетного счета. Далее совершаются операции по краденным, утерянным или поддельным банковским картам. После перевода средств с карт и получения возмещения по операциям от предоставляющего

услугу банка предприятие ликвидируется сразу после перечисления денежных средств. Данный вид преступлений содержит полно структурный способ преступления, который связан не только с изготовлением поддельных платежных карт, иных платежных документов, но и с отработкой механизма сокрытия следов и последствий преступления.

При совершении рассматриваемых видов преступлений остаются следы преступной деятельности. В качестве материальных следов выступают электронные документы, которые подтверждают факт перевода денежных средств с банковского счета потерпевшего на банковский счет виновного лица. А также данные, используемые при регистрации доменного имени сайта и услуг хостинга, и другая регистрируемая провайдером информация, о деятельности рассматриваемых пользователей сети [5, с. 2–5].

По мнению Салтевского М. В., следы могут носить характер материально информационных, или информационно-виртуальных [6, с. 25]. Правоохранительные органы испытывают определенные сложности в выявлении доказательственной информации, связанной с фальсификацией распоряжений о переводе денежных средств, осуществлением незаконных операций с платежными документами, не являющимися ценными бумагами.

Для криминалистической характеристики преступлений наиболее исследуемыми элементами являются установление обстановки совершения преступлений, предмета преступного посягательства и способа преступления. Способы совершения преступления, отличается разнообразием и спецификой поведения лиц их реализующих, меняются и обстановка и условия совершения преступления.

Более сложная задача типизировать личности преступников, которые осуществляют подделку распоряжений о переводе денежных средств, документов для неправомерного оборота средств платежей, использующих различные технические устройства или компьютерные программы. Пока не накоплено достаточного опыта расследования преступлений, подпадающих под признаки состава преступления, предусмотренного ст.187 УК РФ. Необходимо и совершенствование защитных механизмов информации при обороте электронных средств платежей [7].

Из сказанного можно сделать вывод, что цифровизация определила переход к использованию новых технологий в экономической, банковской, социотехнической среде. В связи с чем, изменились технологии и способы. Свойства личности влияют на способ совершения данного вида преступлений. В преступной группе исполнителей неправомерного оборота средств платежей участвуют специалисты в области IT-технологий или программисты. В отдельных случаях, имеет место преступный сговор с сотрудниками банков-эмитентов, платежные карты которых подделываются. Что требует соответствующей подготовки специалистов и совершенствование методик расследования таких преступлений.

Список литературы

1. Ищенко Е. П. О криминалистике и не только: избранные труды. Москва: Проспект, 2016. С. 217–221.

2. Сабитова Е. Ю. Документы как объективный признак состава преступлений: Автореф. дисс. канд. юрид. наук Саратов – 2005.С.31-35.

3. Федеральный закон от 27.06.2011 № 161-ФЗ (ред. от 28.11.2018) «О национальной платежной системе» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2019) п. 19 ст. 3.

4. Янковая В. Ф. Электронный документ как объект документоведения //Вестник Волгоградского гос. ун-та.Сер.2, Языкозн.2013.№3(19).С.229-230.

5. Гаврилин Ю.В., Шипилов В.В. Особенности следообразования при совершении мошенничества в сфере компьютерной информации // Российский следователь. 2013 № 23. С.2-5.

6. Салтевский М.В., Лысов Н.Н. Новый подход в технологии собирания и исследования информационных следов // Эксперт-криминалист. 2008 г. № 1. С. 25.

7. Федеральный Закон от 27.07.206 №149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и защите информации (с измен. и доп., вступ. в силу 01.01.20220).

Прохорова Е. А.[1],
заместитель начальника кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент
Клементьева Е. С.[2],
старший преподаватель кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

УСТАНОВЛЕНИЕ УСЛОВИЙ ЖИЗНИ И ВОСПИТАНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО ПОДОЗРЕВАЕМОГО, ОБВИНЯЕМОГО: НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

Условия жизни и воспитания несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого, входят в специальный предмет доказывания при производстве по уголовным делам в отношении несовершеннолетних.

Установление данных обстоятельств имеет важное значение для принятия как итогового решения, так и иных решений в ходе производства по уголовному делу, на что неоднократно обращал внимание Пленум Верховного Суда Российской Федерации [2,3].

В целях обеспечения требований п. 2 ч. 1 ст. 421 УПК РФ следователь, дознаватель, в производстве которых находится уголовное дело, используют все регламентированные УПК РФ средства, в том числе реализуют предусмотренное п. 4 ч. 2 ст. 38 УПК РФ и п. 1.1 ч. 3 ст. 41 УПК РФ полномочие давать органу дознания письменные поручения.

Анализ правоприменительной практики показывает, что чаще всего соответствующее поручение направляется инспектору по делам несовершеннолетних органов внутренних дел, что вполне обоснованно, поскольку его исполнение связано с общей сферой деятельности данного должностного лица и обозначено в качестве одного из полномочий подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел в п. 2.16 Инструкции по организации деятельности подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел Российской Федерации, утвержденной Приказом МВД России от 15 октября 2013 г. № 845 (далее – Инструкция) [1].

Согласно Инструкции, подразделения по делам несовершеннолетних в пределах своей компетенции и в соответствии с положениями ст. 38-41 УПК РФ осуществляют обследование условий жизни и воспитания несовершеннолетнего подозреваемого (обвиняемого) в совершении преступления, о чем составляют акт обследования семейно-бытовых условий жизни несовершеннолетнего, а также некоторые характеризующие материалы.

Детальный анализ обозначенных положений позволяет отметить ряд аспектов, вызывающих сомнение в эффективности и даже легитимности сложившегося порядка.

---

[1] © Прохорова Е. А., 2022.
[2] © Клементьева Е. С., 2022.

Прежде всего, обращает на себя внимание тот факт, что ст. 38, 41 УПК РФ предусматривают выполнение органом дознания в рамках поручения следователя, дознавателя конкретного перечня действий: проведение оперативно-розыскных мероприятий, производство отдельных следственных действий, исполнение постановлений о задержании, приводе, об аресте, производство иных процессуальных действий, а также оказание содействия при их осуществлении. Таким образом, все поручаемые органу дознания действия, кроме оперативно-розыскных мероприятий, относятся к процессуальным, то есть, согласно п. 32 ст. 5 УПК РФ, предусмотренным уголовно-процессуальным законом. Тем не менее, обследование условий жизни и воспитания несовершеннолетнего в том значении, которое следует из Инструкции, не относится ни к оперативно-розыскным мероприятиям, ни к процессуальным действиям.

Логично предположить, что п. 2.16 Инструкции называет обследование условий жизни и воспитания несовершеннолетнего подозреваемого (обвиняемого) в совершении преступления не как конкретное действие, а как некую цель, для достижения которой возможно производство различных процессуальных действий, среди которых, в первую очередь, следует отметить осмотр жилища (ч. 1 ст. 176 УПК РФ).

Вместе с тем, указание на то, что по результатам обследования инициатору поручения предоставляются акт обследования семейно-бытовых условий жизни несовершеннолетнего, характеристика с места учебы или работы, справка о характеризующих личность несовершеннолетнего обстоятельствах, включая постановку на профилактический учет, о совершенных ранее правонарушениях, свидетельствует об обратном и вызывает вопрос о допустимости полученных таких образом доказательств.

Проведенное анкетирование инспекторов по делам несовершеннолетних показало, что на практике ими в 99,9 % случаях составляются именно указанные в Инструкции документы и лишь 3,6 % опрошенных отметили составление протоколов соответствующих следственных действий, причем большинство из них пояснили, что протокол составляется наряду с актом обследования.

Изложенное объясняется рядом факторов.

Прежде всего, встречаются ситуации, когда следователи, дознаватели, вопреки смыслу и сущности поручения, не указывают в нем, какие именно следственные или иные процессуальные действия надлежит выполнить органу дознания для выполнения требований п. 2 ч. 1 ст. 421 УПК РФ, ограничиваясь общей формулировкой «установить условия жизни и воспитания несовершеннолетнего» или даже «провести обследование условий жизни и воспитания несовершеннолетнего», оставляя выбор средств исполнения поручения на усмотрение органа дознания

Кроме того, отмечается буквальное следование правоприменителя по данному вопросу тексту Инструкции при одновременном игнорировании положений уголовно-процессуального закона, что в корне неверно, поскольку, выполняя получение следователя, дознавателя, инспектор по делам несовершеннолетних вступает в уголовно-процессуальные правоотношения, приобретает статус дознавателя (должностного лица органа дознания) и должен

исходить из приоритета УПК РФ перед ведомственными нормативными правовыми актами.

И, наконец, срабатывает механизм поведенческой аналогии, связанный с тем, что акт обследования семейно-бытовых условий жизни несовершеннолетнего является распространенным документом в деятельности сотрудников подразделений по делам несовершеннолетних, он составляется, например, при постановке на профилактический учет и в ряде других случаев, не связанных с процессуальной деятельностью.

Таким образом, можно предположить, что в Инструкции и, как следствие в области правоприменения, произошло смешение различных видов деятельности – процессуальной и непроцессуальной – и соответствующих способов установления условий жизни и воспитания несовершеннолетнего.

Для исправления обозначенного положения дел следует исходить из того, что установление условий жизни и воспитания несовершеннолетних предполагает не только проведение соответствующего обследования в ходе производства по уголовному делу, но и получение информации за период, предшествующий совершению преступления.

В частности, целесообразно направление запроса в порядке ч. 4 ст. 21 УПК РФ в подразделение по делам несовершеннолетних о предоставлении различных материалов, характеризующих личность и поведение несовершеннолетнего, который ранее попадал в поле зрения правоохранительных органов, до совершения им преступления.

Если же затрагивать вопрос о даваемом инспектору по делам несовершеннолетних поручении в порядке ст. 38, 41 УПК РФ, то его содержание должно касаться производства (или оказания содействия в производстве) осмотра жилища.

Выбор указанного следственного действия обусловлен общим приоритетом следственных действий как основного способа собирания доказательств при производстве предварительного расследования и его регламентацией в уголовно-процессуальном законе.

Помимо этого, особо следует отметить наличие гарантий прав личности при его производстве и бесспорное доказательственное значение его результатов.

Так, согласно ч. 1 ст. 12, ч. 5 ст. 177 УПК РФ, осмотр жилища производится только с согласия проживающих в нем лиц или на основании судебного решения, на основании п. 5 ч. 1 ст. 53 УПК РФ, в производстве данного следственного действия может участвовать защитник. Аналогичных гарантий неприкосновенности жилища, обеспечения права на защиту при составлении акта обследования семейно-бытовых условий жизни несовершеннолетнего Инструкция не предусматривает.

По результатам производства рассматриваемого следственного действия составляется протокол, который, согласно п. 5 ч. 2 ст. 74 УПК РФ, допускается в качестве доказательства по уголовному делу. Доказательственное значение акта обследования семейно-бытовых условий жизни несовершеннолетнего, как мы

указывали выше, в виду несоответствия способов его получения УПК РФ, вызывает сомнения, за исключением случаев его предоставления по запросу следователя, дознавателя, когда он может использоваться как иной документ.

Примечательно, что сравнение обозначенных документов с точки зрения содержания показывает, что между ними много общего. В частности, они оба предполагают возможность указания таких сведений, как размер жилой площади, состояние жилого помещения, наличие условий для занятий и отдыха несовершеннолетнего, наличие продуктов питания, одежды для несовершеннолетнего, необходимых предметов быта.

Вместе с тем, в отличие от протокола осмотра жилища, в котором отражаются результаты визуального восприятия обстановки, форма акта обследования, представленная в Инструкции, предполагает также отражение информации, полученной вербальным путем или путем изучения других документов: данные о составе семьи, об иных проживающих в жилом помещении лицах, общем заработке семьи, характеристика родителей и взаимоотношения между членами семьи.

Полагаем, что для установления тех данных об условиях жизни и воспитания, которые не отражаются в протоколе осмотра жилища, возможно и целесообразно производство других следственных действий, например, допросов родителей, опекунов, попечителей, соседей, учителей и иных лиц из числе тех, кто знаком с членами семьи несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого, выемки необходимых документов а также иных процессуальных действий – направления запросов о предоставлении справок о доходах родителей, выписок из домовой книги и т. д.

К тому же, в практике прокурорского надзора допросам придается особо важное значение, их производство признается необходимым даже при наличии других характеризующих условия жизни и воспитания несовершеннолетнего материалов в уголовном деле. Нередки случаи возвращения уголовных дел прокурорами для дополнительного расследования по причине того, что «в ходе допросов не выяснены причины, которые побудили несовершеннолетнего… совершить… преступление», «не допрашивались родители обвиняемого, другие близкие ему лица, классный руководитель и преподаватели» об указанных обстоятельствах [4, с. 119–120].

Таким образом, совершенствование деятельности по установлению условий жизни и воспитания несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого требует, во-первых, внесения изменений в Инструкцию, разграничивающих основания и порядок процессуальной и непроцессуальной деятельности должностных лиц подразделений по делам несовершеннолетних, во-вторых, разработки рекомендаций следователям, дознавателям по вопросам содержания поручений органу дознания и реализации других положений УПК РФ в рамках обозначенного направления.

Список литературы

1. Инструкция по организации деятельности подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел Российской Федерации, утвержденной Приказом МВД России от 15 октября 2013 г. № 845 // СПС «Консультант Плюс».

2. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 1 февраля 2011 г. № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» // СПС «Консультант Плюс».

3. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2013 г. № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий» // СПС «Консультант Плюс».

4. Захарова В. О. О следственной практике расследования уголовных дел о преступлениях, совершенных несовершеннолетними и в отношении несовершеннолетних // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. – 2020. – № 2. – С. 117-120.

Пушкарев В. В.[1]**,**
доцент кафедры предварительного расследования
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ НЕПУБЛИЧНЫХ ВИДОВ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ, КАК СРЕДСТВО РАЗРЕШЕНИЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ ИХ РЕГУЛИРОВАНИЯ И ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ

В настоящее время, согласно ч. 2 ст. 20 УПК РФ уголовные дела о преступлениях, предусмотренных ч. 1 ст. 115, ст. 116^1 и ч. 1 ст. 128^1 УК РФ, считаются уголовными делами частного обвинения, возбуждаются не иначе как по заявлению потерпевшего, его законного представителя, за исключением случаев, предусмотренных ч. 4 ст. 20 УПК РФ, и подлежат прекращению в связи с примирением потерпевшего с обвиняемым. Примирение допускается до удаления суда в совещательную комнату для постановления приговора, а в суде апелляционной инстанции – до удаления суда апелляционной инстанции в совещательную комнату для вынесения решения по делу.

Как видно, из приведенной нормы к перечисленным преступлениям законодателем отнесены: умышленное причинение легкого вреда здоровью без отягчающих обстоятельств (ч. 1 ст. 115 УК РФ); нанесение побоев лицом, подвергнутым административному наказанию (ст. 116^1 УК РФ); клевета, без отягчающих обстоятельств (ч. 1 ст. 128^1 УК РФ).

Основаниями выделения данных преступлений в особую группу, как отмечается в научной литературе, являются: 1) относительно меньшая степень общественной опасности по сравнению с преступлениями, по которым уголовное преследование осуществляется в публичном порядке; 2) сложность установления не только общественной опасности деяния и личности виновного, но в ряде случаев и самого состава преступления без учета субъективного мнения потерпевшего; 3) особый круг лиц, чьи интересы, как правило, затрагивают эти деяния: члены семьи, родственники, знакомые, соседи, друзья и другие [7, с. 124–125].

Таким образом, количество преступлений, отнесенных законодателем к числу дел частного обвинения не велико. Однако, в последние годы в редакцию ч. 2 ст. 20 УПК РФ годы вносились изменения, тем самым менялся подход авторов нормативных новаций в УПК РФ относительно преступлений, по которым возможно производство дел частного обвинения.

Следует отметить, что учеными и специалистами высказываются различные позиции относительно круга этих преступлений. Наибольшие дискуссии ведутся относительно преступлений, предусмотренных ст. 116 и ст. 116^1 УК РФ [4, с. 44–57; 6, с. 143–148].

Представляется, что ст. 116 УК РФ, предусматривающую уголовную ответственность за побои, правильнее было бы предусмотреть в ч. 2 ст. 20 УПК РФ,

[1] © Пушкарев В. В., 2022.

то есть в числе уголовных дел частного обвинения, а ст. 116^1 УК РФ, устанавливающую уголовную ответственность за нанесение побоев лицом, подвергнутом административному наказанию, в ч. 3 ст. 20 УПК РФ, предусматривающей круг уголовных дел частно-публичного обвинения. Опрошенные в ходе анкетирования практические работники (89 человек) в абсолютном большинстве поддержали данную позицию.

Изучение зарубежного опыта уголовно-процессуальной регламентации положений, связанных с уголовным преследованием по делам частного обвинения, также свидетельствует о том, что отказ от исследуемого вида уголовного преследования в законе является скорее заметным исключением (УПК Грузии [14]), нежели правилом. Напротив, утверждение в уголовно-процессуальном закона частного уголовного преследования свидетельствует о расширении и значении диспозитивного начала в порядке рассматриваемого производства в других государствах, что невозможно не приветствовать.

Так, в УПК Республики Таджикистан [20] (ст. 24) также выделены три вида уголовного преследования и незначительное количество преступлений, при производстве по которым применяется частный порядок.

В УПК Республики Армения [17] (ст. 33) признается только частный и публичный порядки уголовного преследования, которые, в соответствии с ч. 4 данной статьи могут осуществляться только по возбужденному уголовному делу.

В УПК Азербайджанской Республики [19] (ст. 37) выделены виды частного, общественно-частного и общественного порядка обвинения. Уголовное преследование в порядке частного обвинения осуществляется только по жалобе потерпевшего.

В УПК Республики Беларусь [12] круг преступлений, относящихся к делам частного обвинения гораздо шире, чем предусмотрено ч. 2 ст. 20 российского уголовно-процессуального закона. Виды таких преступлений и особенности возбуждения таких уголовных дел предусмотрены в ч. 2 и ч. 3 ст. 26 УПК Республики Беларусь. В УПК Республики Казахстан [6] (ч. 2 ст. 32 УПК РК) и в УПК Украины [21] (ст. 477) также предусмотрен достаточно большое число уголовных правонарушений, производство по которым осуществляется в частном порядке.

В УПК Кыргызской Республики [22] (ч. 2 ст. 23, ч. 1 ст. 353) зафиксирована уголовно-процессуальная переоценка ряда правонарушений, отнесенных к категории проступков. Установлено, что производство по делам о проступках, предусмотренных ст.ст. 65, 66, 67, 68 и 84 Кодекса Кыргызской Республики о проступках [18], относятся к делам частного обвинения, производство которых начинается не иначе как путем подачи потерпевшим или его законным представителем в суд заявления о привлечении другого лица к ответственности, предусмотренной Кодексом о проступках, и подлежат прекращению в связи с примирением сторон. Примирение сторон допускается до удаления суда в отдельное помещение для постановления приговора.

Частному обвинению посвящен раздел 1 книги пятой УПК Федеративной Республики Германия [11]. В соответствии с § 374 к ним относятся преступления небольшой тяжести и ряд экономических преступлений. Широкий перечень

норм УПК достаточно детально регламентирует процедуры частного обвинения. Обращает на себя внимание норма § 383 УПК ФРГ о том, что суд может в случае незначительности вины подсудимого даже в ходе судебного разбирательства прекратить производство без согласия частного обвинителя.

Анализ монографического исследования П. Л. Дэвиса, который раскрывает позицию Верховного суда Соединенных Штатов о том, что у частного гражданина отсутствует юридически обоснованный интерес к судебному преследованию или непредоставлению защиты другому лицу, в связи с чем частное обвинение не должно иметь места, а также широкую правоприменительную практику по этому поводу, идущую вразрез с этой позицией, поскольку жертвы преступлений всегда должны иметь средства правовой защиты [10], – показывает, что частное обвинение является труднодостижимой целью североамериканского уголовного судопроизводства, являясь положительным процессуальным средством разрешения его серьезных недостатков в отдельных штатах.

Проведенный сравнительно-правовой анализ аналогичных уголовно-процессуальных конструкций в иных правопорядках и перспективный взгляд на изменение уголовно-правовой политики российского государства и развитие отечественного уголовного права, дают основания полагать о существующей возможности появления новых видов правонарушений или изменением отношения к имеющимся составам преступлений в Уголовном кодексе Российской Федерации, в связи с чем упразднение исследуемого института видится нецелесообразным.

В контексте сказанного необходимо позволить небольшую ремарку относительно имеющихся тенденций чрезвычайного расширения круга преступлений, которые могут относиться к частному уголовному преследованию. Анализ международного опыта правоприменения вскрыл существенные проблемы в этой области. Так, национальные исследователи констатируют, что, учитывая репутацию полиции за коррупцию по всей Индии, задержки, связанные с гражданским судопроизводством, и относительная легкость возбуждения частного уголовного преследования по индийскому уголовно-процессуальному закону приводит к тому, что некоторые заявители предпочитают именно такой порядок уголовного преследования, чтобы не столько добиться назначения наказания и осуждения, а для давления и запугивания обвиняемых [9]. Сказанное подчеркивает необходимость вдумчивого увеличения перечня деяний, которые могут быть отнесены к категории дел частного обвинения, а также проработки нормативных ограничений к возможному распространению негативной практики поведения заявителей.

Смысл уголовного преследования, осуществляемого в частном порядке, состоит именно в том, что потерпевший самостоятельно решает вопрос о необходимости возбуждения уголовного дела, кроме того, уголовно-процессуальный закон допускает прекращение уголовного дела в связи с примирением сторон. В этой связи, вопрос о возможном исключении из УПК РФ данного вида уголовного преследования и непосредственного самого производства по уголовным делам частного обвинения, является поспешным и требует, как представляется, глубокой проработки.

При этом, отсылки к правовым позициям ЕСПЧ, якобы требующим отмены частного уголовного преследования как вида, вызваны, скорее всего, невнимательным отношением к сформулированным им правовым позициям. Например, еще с 2009 г. Суд указывал, что «…эффективная защита права на физическую неприкосновенность Конвенции не требует государственного преследования во всех случаях нападений частных лиц» [15].

Таким образом, в современных условиях приходится констатировать, что дела частного обвинения, связанные с уголовно наказуемым семейно-бытовым насилием, скорее начинают отождествлять с безопасностью общества, подчеркивая публичный интерес и требуя публичного уголовного преследования. Однако, в делах о преступлениях, посягающих на частные права и интересы отдельных лиц, публичные интересы «глобально» не затрагиваются, являются вторичными и, соответственно, государство не должно чрезмерно вмешиваться в ход уголовного судопроизводства. Потенциально нарушается баланс интересов в уголовном процессе, когда существенным образом устраняются проявления диспозитивности уголовного процесса. Потерпевший не сможет самостоятельно распоряжаться движением уголовного процесса. Вторая жертва (в ситуации обоюдного нанесения телесных повреждений в результате драки между супругами и т. п.), в отношении которой уже будет принято заявление, лишается возможности обращения со встречным заявлением о привлечении к уголовной ответственности в порядке ч. 3 ст. 321 УПК РФ, утрачивает свой «положительный» процессуальный статус потерпевшего только потому, что позже подала заявление, потому находится в неоправданном дискриминационном положении, дающем первому по времени заявителю заметные преимущества при решении уже в порядке гражданского судопроизводства вопросов о расторжении брака, разделе совместно нажитого имущества, алиментных обязательствах и споров о детях.

Аргументы сторонников отмены частного обвинения «рассыпаются» сталкиваясь с правовой позицией ЕСПЧ, который в 2019 г. отметил, что «только в контексте бытового насилия указано, что частное обвинение ложится чрезмерным бременем на жертву насилия в семье, перекладывая на нее ответственность за сбор доказательств, способных установить вину обидчика, на уголовный стандарт доказывания. Сбор доказательств создает неотъемлемые проблемы в случаях, когда злоупотребления происходят в частной обстановке без присутствия свидетелей, и иногда не оставляет никаких ощутимых следов. Суд согласился с тем, что это нелегкая задача даже для подготовленных сотрудников правоохранительных органов, но эта задача становится непреодолимой для жертвы, которая, как ожидается, будет собирать доказательства самостоятельно, продолжая жить под одной крышей с преступником, будучи финансово зависимой от него, и опасаясь репрессий с его стороны» [16].

Стоит согласиться с тем, что действительно потерпевшие не наделены публичными полномочиями по сбору доказательств. Однако в главе 41 УПК РФ, предусматривающей процедуру производства по уголовным делам, подсудным мировому судье, установлено, что после возбуждения уголовного дела частного обвинения, мировой судья по ходатайству сторон вправе оказать содействие в

собирании доказательств, которые не могут быть получены сторонами самостоятельно. При этом следует подчеркнуть, что если же речь идет о беспомощном состоянии лица, потерпевшего от преступления, зависимом положении или же, когда по иным причинам он не может защитить свои права и законные интересы самостоятельно, то руководитель следственного органа, следователь, а также с согласия прокурора дознаватель возбуждают уголовное дело о любом преступлении, указанном в ч. 2 ст. 20 УПК РФ. В этих случаях, положения ч. 4 ст. 20 УПК РФ «открывают возможности для решения проблем обеспечения частных интересов указанных потерпевших и служит гарантией их защиты» [3, с. 28].

Однако по уголовным делам по ч. 1 ст. 128^1 УК РФ у частного обвинителя сложностей с доказыванием в суде факта распространения информации по сути нет и специфические процессуальные инструменты собирания доказательств ему не нужны. Проблемы оценки судом распространенной информации предмета настоящего исследования не касаются. Именно поэтому вызывает недоумение неотнесение иных преступлений, совершенных в отношении конкретного лица и предусмотренных данной статьей уголовного закона, к делам частного обвинения.

Разбор мнений сторонников отмены частного обвинения можно свести к постулату о том, что права потерпевших обретут более сильную защиту со стороны государства, а факты по делу, поступившему в суд, получат предварительную оценку в рамках досудебного производства.

Это утверждение утопично, поскольку желание осуществления уголовного преследования за такие преступления связано с убеждением конкретных правоприменителей в том, что неоднократно подвергавшийся семейному насилию супруг (заявитель) в конечном итоге потеряет интерес к уголовному преследованию и откажется сотрудничать в рамках производства по уголовному делу, что вызывает потенциальное бездействие с их стороны. Отсутствие или, тем более, наличие диспозитивности в решении вопроса об окончании уголовного преследования в связи с примирением сторон (о чем будет сказано ниже), только утверждает в данном мнении респондентов.

При принятии мнения о необходимости отмены частного обвинения игнорируется значимый вопрос о соблюдении прав жертвы такого преступления. Все-таки жертва должна иметь обоснованный юридический интерес в уголовном преследовании причинителя вреда. В случае отказа от возбуждения уголовного дела в отношении конкретного лица, вынесенного при осуществлении частно-публичного уголовного преследования, кто и как будет отстаивать интересы потерпевшего? В соответствии с ч. 5 ст. 148 УПК РФ постановление об отказе в возбуждении уголовного дела может быть обжаловано прокурору, руководителю следственного органа или в суд в порядке, установленном ст.ст. 123, 124, 125 УПК РФ. В таких условиях, будучи лишенным права на частное уголовное преследование, потерпевший окажется в рутине уголовно-процессуальных отношений, а значимое время будет утрачено. Таким образом, цель искоренения семейно-бытового насилия посредством эффективизации уголовного судопроизводства в виде простой отмены частного преследования абсолютно не оправдывается.

В соответствии с ч. 3 ст. 20 УПК РФ уголовные дела частно-публичного обвинения прекращению в связи с примирением потерпевшего с обвиняемым не подлежат. Также уголовное преследование не будет прекращено в результате отказа частного обвинителя от поддержания обвинения или неявки по неуважительной причине [13]. В связи с этим, утверждается о необходимости «сохранения элементов диспозитивности … и возможности примирения потерпевшего с обвиняемым (что представляется чрезвычайно важным, когда речь идет о семейных конфликтах), но лишь на основании ст. 25 УПК РФ с соблюдением установленных в ней условий, в том числе заглаживания причиненного потерпевшему вреда» [8, с. 417–418]. Данная мысль абсолютно приемлема по анализу нормативной возможности, предоставляемой в соответствии со ст. 25 УПК РФ, однако, противоречит правовой норме общего действия (ч. 3 ст. 20 УПК РФ). В том числе, влияние диспозитивности весьма преувеличено, поскольку прекращение уголовного дела в связи с примирением сторон в действующем уголовно-процессуальном законе включает ряд условий, связанных во-первых, именно правом, а не обязанностью суда, а также следователя и дознавателя, во-вторых, с согласием руководителя следственного органа или согласием прокурора (для следователя или дознавателя, соответственно), в-третьих, с влиянием на процесс принятия такого процессуального решения ведомственных статистических показателей работы, которые вкупе способны заблокировать такое решение потерпевшего, нарушив его частное право на примирение.

Совокупность сформулированных аргументационных положений более чем доказывает вывод о том, что диспозитивность современного уголовного процесса должна соответствовать задачам его эффективности при соблюдении баланса публичных и частных интересов. Ничего «зазорного» в правомерном включении частных интересов, образующих, в конечном итоге, общественный и государственный интерес, в качестве системообразующих публично-правовых целей досудебного производства, – нет.

Список источников

1. Гриненко А. В. Механизм возбуждения уголовного дела / А. В. Гриненко. – 2-е издание, переработанное и дополненное. – Москва : Издательство "Юрлитинформ", 2022. 216 с.

2. Предварительное следствие : Учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция» / Р. Э. Адамян, Е. Н. Арестова, Н. В. Анисимова [и др.]. – 4-е издание, переработанное и дополненное. – Москва : Общество с ограниченной ответственностью Издательство Юнити-Дана, 2021. – 575 с.

3. Анишина, Ю.А. Обеспечение прав и законных интересов потерпевшего по уголовным делам частного и частно-публичного обвинения в досудебном производстве : диссертация ... кандидата юридических наук : 12.00.09 / Анишина Юлия Александровна; [Место защиты: Моск. ун-т МВД РФ]. – Москва, 2013. – 202 с.

4. Ксендзов, Ю. Ю. В поиске оптимального порядка разрешения уголовных дел частного обвинения // Юридические исследования. – 2019. – № 7. – С. 44–57.

5. Курс уголовного процесса / под ред. д.ю.н., проф. Л.В. Головко. 2–е изд., испр. – М., 2017. – 1280 с.

6. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан [Электронный ресурс] // Источник: ИС Параграф WWW URL: http:///online.zakon.kz (дата обращения: 25.09.2021).

7. Уголовно-процессуальное право (Уголовный процесс): учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция» / под ред. А. В. Ендольцевой, О. В. Химичевой, Е. Н. Клещиной. – М., 2015. – 727 с.

8. Химичева, О. В. Есть ли будущее у частного обвинения? / О. В. Химичева // Актуальные вопросы совершенствования производства предварительного следствия в современных условиях развития уголовно-процессуального законодательства : Сборник научных трудов, Москва, 07 апреля 2021 г. – Москва: Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2021. С. 413–418.

9. Reddy, Prashant. The 'Other IP Right': Is it Time to Codify the Indian Law on Protection of Confidential Information? (August 31, 2018) // 5 (1) Journal of National Law University Delhi 1-21. 25 Pages Posted: 22 Oct 2020. Available at SSRN: URL: https://ssrn.com/abstract=3683724 (дата обращения: 20.10.2021).

10. Davis, Peter L., The Crime Victim's 'Right' to a Criminal Prosecution: A Proposed Model Statute for the Governance of Private Criminal Prosecution (1989). 38 DePaul L. Rev. 329 (1989), Touro Law Center Legal Studies Research Paper // Available at SSRN: URL: https://ssrn.com/abstract=2524165 (дата обращения: 12.11.2021).

11. Уголовно-процессуальный кодекс Федеративной Республики Германия / Головненков П., Спица Н. – Strafprozessordnung (StPO) – Научно-практический комментарий и перевод текста закона. – М.: МГЮА, 2012. – 400 с.

12. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16 июля 1999 г. № 295-З [Электронный ресурс] // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. -URL: https://pravo.by/document/?guid=3961-&p0=HK9900295; URL: https://etalonline.by/document/?regnum=HK9900295 (дата обращения: 25.09.2021).

13. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 13 апреля 2021 г. № 13-П город Санкт-Петербург «По делу о проверке конституционности статьи 22, пункта 2 части первой статьи 24, части второй статьи 27, части третьей статьи 246, части третьей статьи 249, пункта 2 статьи 254, статьи 256 и части четвертой статьи 321 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки А.И. Тихомоловой» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/docu-ment/cons_doc_LAW_382210/ (дата обращения: 12.11.2021).

14. Уголовно-процессуальный кодекс Грузии от 9 октября 2009 г. № 1772-IIс [Электронный ресурс] // Официальный сайт правительства Грузии. -URL: https://matsne.gov.ge/ru/document/view/90034?publication=135 (дата обращения: 25.09.2021).

15. Постановление Европейского Суда по правам человека от 5 марта 2009 г. Дело «Янкович против Хорватии» [Jankovic v. Croatia] (жалоба N 38478/05) № 50

(I Секция) (извлечение) // СПС «Гарант». – URL: https://base.garant.ru/12171349/ (дата обращения: 20.10.2021).

16. CASE OF VOLODINA v. RUSSIA. (Application no. 41261/17). STRASBOURG. 9 July 2019 [Электронный ресурс] // Официальный сайт ЕСПЧ. – URL: http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-194321 (дата обращения – 21.09.2021).

17. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Армения от 01.07.1998 // Официальный сайт Парламента Армении. – URL: http://www.parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=1450&lang=rus (дата обращения: 25.09.2021).

18. Кодекс Кыргызской Республики о проступках от 1 февраля 2017 г. № 18 // Официальный сайт Министерства юстиции Кыргызской Республики (Централизованный банк данных правовой информации). – URL: http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/111529?cl=ru-ru (дата обращения: 25.09.2021). (дата обращения: 25.09.2021).

19. Уголовно-процессуальный кодекс Азербайджанской Республики от 14 июля 2000 г. № 907-IQ [Электронный ресурс] // ИС Параграф WWW URL: http:///online.zakon.kz (дата обращения: 25.10.2021).

20. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства юстиции Республики Таджикистан. URL: http://adlia.tj/show_doc.fwx?rgn =15203&conttype=2 (дата обращения: 25.09.2021).

21. Уголовный процессуальный кодекс Украины от 13 апреля 2012 г. № 4651-VI [Электронный ресурс] // Источник: ИС Параграф WWW URL: http:///online.zakon.kz (дата обращения: 25.11.2021).

22. Уголовно-процессуальный кодекс Кыргызской Республики от 2 февраля 2017 г. №20 // Официальный сайт Министерства юстиции Кыргызской Республики (Централизованный банк данных правовой информации). URL: http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/111530 (дата обращения: 25.09.2021).

Рудавин А. А.[1]**,**
старший преподаватель кафедры криминалистики Рязанского филиала Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

К ВОПРОСУ О ТАКТИКЕ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ ПО ДЕЛАМ О КИБЕРПРЕСТУПЛЕНИЯХ

Преступления в сфере высоких технологий получили достаточно широкое распространение в наши дни, причем как в России, так и за рубежом. Согласно данным официальной статистики каждое четвертое преступление в стране совершается с использованием IT-технологий. Общий темп роста зарегистрированных киберпреступлений замедлился. По итогам 12-ти месяцев 2021 г. их количество выросло всего лишь на 1,4 %. Однако число раскрытых преступлений в указанной сфере за тот же период составляет всего 25,3 % или 118 920 преступлений от всего объема рассматриваемых деяний в количестве 517 722 преступления [1].

Подобная ситуация говорит о значительных недостатках, существующих в отечественной практике раскрытия и расследования преступлений с использованием IT-технологий. В наши дни это особенно актуально по отношению к сфере применения электронных платежных систем. Как известно значительное развитие системы безналичных расчетов даже в условиях международных санкций не остается без внимания преступников [2]. Помочь в решении обозначенной проблемы могут не только новые методики расследования киберпреступлений, но и обращение современных ученых-криминалистов к разработке тактики проведения отдельных следственных действий по делам рассматриваемой категории.

Как известно и это касается не только преступлений с использованием IT-технологий, эффективность процесса расследования во многом зависит от качественного уровня проведения и быстроты принятия решений о производстве следственных и иных процессуальных действий, направленных на обнаружение и фиксацию цифровых следов. В свою очередь способы сбора доказательств по делам о киберпреступлениях должны совершенствоваться с учетом развития информационных технологий. В этом плане наибольшие сложности в подготовке, производстве и фиксации следственных действий при расследовании таких преступлений, как раз таки связаны со сбором следов в электронном виде.

Такие следы можно обнаружить в рамках реализации самых разнообразных следственных действий, планирование которых происходит с учетом складывающейся следственной ситуации. Как и ранее в качестве примера обратимся к уголовным делам, связанным с хищением денежных средств в процессе использования электронных платежных систем. По делам такого рода может сложиться ситуация, в которой известно событие преступления, но необходимо установить лицо, совершившее деяние. Оптимальным алгоритмом следственных действий, оперативно-розыскных и организационных мероприятий в этом случае является:

1. Осмотр места происшествия. Роль последнего традиционно играют поме-

[1] © Рудавин А. А., 2022.

щения, в которых находилась компьютерная техника, принадлежащая потерпевшему. Таким местом также может быть территория нахождения электронной платежной системы.

2. Подготовка поручения о проведении оперативно-розыскных мероприятий.

3. Получение сведений: об адресах сетевых ресурсов, с которых скачивались файлы, либо на которых просматривалась информация; о сетевых соединениях ЭВМ, принадлежащей потерпевшему, с оборудованием провайдера, который дает выход в Интернет. Данную информацию можно получить в результате осмотра компьютера потерпевшего с участием специалиста.

4. Подготовка ходатайства с целью получения судебного решения о предоставлениисведений о соединении абонентов и (или) абонентских устройств.

5. Направление запроса провайдеру или оператору связи о представлении такой информации.

6. Подготовка ходатайства перед судом о получении от провайдера информации, содержащей охраняемую федеральным законом тайну,а именно о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами.

7. Направление запроса провайдеру о представлении информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами. Соответствующие сведения используются для установления: периодов интернет-активности преступников; точного времени, в течение которого осуществлялось управление счетом потерпевшего злоумышленниками; IP-адреса сетевого оборудования преступников в рамках конкретных сессий их сетевой активности.

8. Истребование криминалистически значимой информации у операторов электронных платежных систем и иных субъектов, включенных впроцесс осуществления противоправных транзакций.

9. Осмотр объектов на электронных носителях. Обнаружению и фиксации подлежат данныеоб операциях, нашедших отражение в осматриваемых объектах.

10. Допросы свидетелей: очевидцев выполнения действий, которые могут свидетельствовать о неправомерном доступе к информации.

11. Допросы сторонних свидетелей: работников «потерпевшей организации», которые имели отношение к осуществлению операций; лиц ответственных за организацию взаимодействия с платежными системами, либо обеспечение информационной безопасности; лиц, которые могут располагать сведениями об использовании платежной карты или электронного кошелька потерпевшим – сотрудники банка, оператора платежной системы, торговой точки, через которую осуществлен платеж и т. д.

12. Обыски на рабочих местах и по месту проживания лиц, подозреваемых в совершении преступления.

13. Назначение судебных компьютерной, бухгалтерской, финансово-экономической и иных экспертиз [3].

Каждое из перечисленных следственных действий, имеет свою специфику применительно к тактике его реализации, раскрыть которую в рамках настоящей

научной статьи не представляется возможным по понятным причинам. Мы, тем не менее, хотели бы кратко остановиться на двух из них.

Выемка по киберпреступлениям производится, если лицо ведущее расследование располагает информацией о том, что необходимые предметы и документы находятся в конкретном месте. Изъятию подлежат электронные носители информации, а также программы, которые использовал преступник. Интересующие данные могут содержаться на жестком диске компьютера подозреваемого и съемных накопителях, которыми он пользовался.

В процессе планировании выемки в сторонних организациях,предоставляющих услуги электронных платежей очень важно получить консультацию специалистов. В первую очередь тех, которые компетентны в финансовых операциях, осуществляемых с помощью таких электронных систем. Следователю это необходимо в первую очередь для того, чтобы знать, какие документы он должен изъять [4, с. 48]. Последние в свою очередь помогут получить необходимые сведения в максимально возможном объеме. Это позволит также исключить выемку ненужных документов обращая внимания на те из них, которые могут содержать доказательственную информацию.

Согласно Федеральному закону «О банках и банковской деятельности», а также ст. 183 УПК РФ получение документов, содержащих информацию о счетах и вкладах граждан в кредитных организациях, в случаеиспользования электронных платежных систем производится на основании постановления суда. В этих целях следователь ходатайствует перед судом о производстве выемки. Суд, рассмотрев его ходатайство, выносит решение о производстве либо отказе в производстве выемки. В случае положительного решения следователь производит выемку документов, подтверждающих денежные переводы. Данныедокументы играют важную роль в установлении всей цепочки передачи денежных средств.

Наличие убедительных данных о том, что у конкретного лица или в каком-либо месте могут находиться орудия преступления, документы или предметы, которые могут иметь значение для уголовного дела, служит основанием для проведения обыска. В качестве орудий преступления, а также предметов, относящихся к исследуемому событию, может выступать компьютернаятехника, средства мобильной связи, электронные носители информации, а также иные устройства содержащие следы, в первую очередь цифровые.

В ходе обыска необходимо обратить внимание на следующие объекты: записки и письма, в которых затрагиваются вопросы электронных расчетов и договоров; выписки финансового характера; гарантийные письма об оплате товаров и услуг; черновики с отражением записей о реквизитах доступа к счетам в электронной платежной системе; черновые записи о проведенных операциях и т. д. При обыске также могут быть обнаружены и другие объекты, свидетельствующие осовершении иных преступлений. В том числе общеуголовной направленности. Например, связанных с незаконным оборотом оружия. В рамках производства обыска особое внимание надо также уделять обнаружению мобильных средств сотовой связи и SIM-карт к ним. Изъятие указанных объектов, как и других электронных носителей информации должно осуществляться только с участием специалиста в области компьютерных технологий.

В завершение еще раз отметим необходимость совершенствования тактики следственных действий, позволяющих в кратчайшие сроки получить доступ к цифровым следам преступления на машинных носителям информации, грамотно работать с ними, наконец, использовать в качестве вещественных доказательств, изобличающих виновных в киберпреступлениях.

Список литературы

1. https:// мвд.рф – официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации (дата обращения: 01.04.2022).

2. Попов А. Н. Преступления в сфере компьютерной информации: учебное пособиеСанкт-Петербург: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2018. 68 с.

3. Гайдин А. И., Пидусов Е. А. Расследование мошенничеств, совершенных с использованием электронных платежных систем // Электр. дан. и прогр. Воронеж: Воронежский институт МВД России, 2017. 77 с.

4. Иванов Д. А. Взаимодействие органов предварительного расследования с органами дознания в ходе реализации мероприятий, направленных на возмещение вреда, причиненного преступлением // В сборнике: Гуманитаристика в условиях современной социокультурной трансформации. Материалы V Всероссийской научно-практической конференции. 2015. С. 47–50.

Самолаева Е. Ю.[1]**,**
доцент кафедры предварительного расследования
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

К ВОПРОСУ О ПРИМЕНЕНИИ СТ. 157 УПК РФ

Об эффективности применения неотложных следственных действий в основном упоминается при расследовании неочевидных преступлений. В этом же аспекте отмечается связь полученных на первоначальном этапе расследования уголовного дела результатов и успехов его расследования в целом, а также его судебной перспективы.

Важность положений рассматриваемого уголовно-процессуального института не вызывает сомнений. Например, своевременный допрос свидетелей и потерпевших, позволяет организовать поиск виновного по горячим следам, проведение неотложного обыска – не допустить сокрытия или уничтожения вещественных доказательств; производство освидетельствования, например, на состояние опьянения, позволяет зафиксировать состояние лица на момент совершения преступления, и т. д. Опасения утраты, деформации, изменений следов преступления, в результате которых они могут стать непригодными для идентификации, обусловливает незамедлительное их обнаружение, фиксацию и изъятие. Кроме того, своевременное назначение судебных экспертиз позволяет не только работать эксперту со «свежими» следами, но и дает возможность следователю (дознавателю) не затянуть сроки расследования в ожидании заключения эксперта, быстрее получить важную для дела информацию и использовать ее в доказывании.

В отличие от УПК РСФСР 1960 г. (ст. 119), действующие уголовно-процессуальные нормы не устанавливают перечень неотложных следственных действий, которые можно осуществлять после возбуждения головного дела установленным в УПК РФ субъектом в целях обнаружения, фиксации следов преступления, а также доказательств, требующих незамедлительного закрепления, изъятия и исследования (п. 19 ст. 5).

Как следует из анализа норм, законодатель не требует ограничиваться только следственными действиями и допустимо проводить любые процессуальные действия, которые будут направлены на достижение указанной выше цели. Лицо может быть задержано в порядке ст. 91, 92 УПК, к нему могут быть применены меры пресечения или иные меры процессуального принуждения. Если в деле есть подозреваемый, он также не может быть лишен права на ознакомление с постановлением о назначении судебной экспертизы (п. 1 ч. 1 ст. 198 УПК).

Результаты изучения практики также подтверждают этот подход к пониманию нормы. При применении ст. 157 УПК РФ дознаватели не ограничиваются проведением только следственных действий и использует все предусмотренные УПК РФ средства, направленные как на доказывание, так и на обеспечение прав

[1] © Самолаева Е. Ю., 2022.

участников уголовного судопроизводства. Имеют место случаи, когда производство неотложных следственных действий завершается предъявлением обвинения.

В этой связи можно заявить о несущественности отмечаемой в ряде научных работ проблемы, связанной с отсутствием в УПК РФ прямого разрешения на производство процессуальных действий, например, на применение задержания, мер пресечения или иных мер принуждения (привод, наложение ареста на имущество).

Также в юридической литературе до сих пор обсуждается вопрос о необходимости установления исчерпывающего перечня неотложных следственных действий, обсуждается, какие следственные действия могут в него входить, обосновывается необходимость такого ограничения (целенаправленность действий органов дознания, четки рамки полномочий, контроль прокуратуры и т. п.) [3, с. 120-121]

Мы поддерживаем позицию, что имеющий место законодательно утвержденный подход к пониманию и содержанию неотложных действий вполне отвечает нуждам современной практики, поскольку для органов расследования первостепенной задачей является качественное и своевременное расследование преступлений. Установление ограничений относительно источников доказательств и способов их собирания способны нанести ущерб расследованию. Более того, высказываются предложения по расширению объема установленных уголовно-процессуальным законом полномочий в рамках производства неотложных следственных действий, путем включения в УПК РФ отдельных положений Закона «Об оперативно-розыскной деятельности», тем самым предоставив органу дознания большую свободу по собиранию доказательств [3, с. 64–65].

Существенным недостатком представляется несогласованность положений норм УПК РФ в части регламентации субъектов производства неотложных следственных действий. Так, в п. 19 ст. 5 и ч. 1 ст. 157 УПК указаны орган дознания, а в ч. 5 ст. 152 УПК РФ предусмотрена возможность производства неотложных следственных действий также дознавателем и следователем (по уголовным делам не их подследственности). Полагаем, что в данные нормы следует внести соответствующие изменения, в первую очередь, дополнив определение всеми субъектами производства неотложных следственных действий: орган дознания, дознавателя и следователя.

Относительно наделения полномочиями по производству неотложных следственных действий лиц, указанных в ч. 3 ст. 40 УК РФ. Законодатель наделил данных лиц правом возбуждать уголовные дела в порядке ст. 146 УПК РФ и выполнять неотложные следственные действия. С другой стороны, данные лица не являются органами дознания [1, с. 10–11]. Законодатель их выделил в отдельной части ст. 40 УК РФ, наделив их только отдельными полномочиями органа дознания, а к органам дознания относит только государственные органы и должностных лиц, перечисленных в ч. 1 ст. 40 УПК РФ. Даже порядок возбуждения уголовных дел данными лицами выделен в отдельную часть (ч. 4 ст. 146 УПК РФ).

Таким образом, выявляется еще один дискуссионный вопрос, связанный с определением субъекта производства неотложных следственных действий, который требует разрешения законодателем.

Ряд авторов полагают, что в полномочия лиц, указанных в ч. 3 ст. 40 УПК РФ (капитаны дальнего плавания, руководители геолого-разведочных партий и зимовок, главы диппредставительств и др.), не входит применение мер принуждения, производство каких либо процессуальных действий, кроме следственных, и эта проблема требует законодательного разрешения [2, с. 123]. Полагаем, что в этом нет необходимости.

Исходя из вышесказанного, указанные в ч. 3 ст. 40 УПК РФ должностные лица, будучи наделенным правом на производство неотложных следственных действий, также приобретают весь круг полномочий, которыми наделены и органы дознания при производстве неотложных следственных действий. То есть вправе проводить любое процессуальное действие, направленное на обнаружение и закрепление следов преступления, получение доказательств, требующих незамедлительного исследования.

На основании изложенного сформулируем следующее понятие: неотложные следственные действия представляют собой форму делегирования полномочий на производство предварительного расследования по неподследственным органу дознания (ч.1 ст. 157 УПК РФ), дознавателю или следователю (ч. 5 ст. 152 УПК РФ), а также должностным лицам, указанным в ч. 3 ст. 40 УПК РФ, путем выполнения или в установленный законом срок после возбуждения уголовного дела любых процессуальных, в том числе следственных действий, носящих неотложный характер, промедление при производстве которых помет повлечь утрату следов или доказательств, а также нарушение прав участников уголовного судопроизводства.

Список литературы

1. Есина А. С., Аристова Е. Н., Жамкова О. Е. Дознание в органах внутренних дел / 2-е издание. М. : Юрайт, 2019. 170 с.

2. Захарченко О. И., Палиев В. Б. Проблемы теоретического и практического характера, возникающие при производстве неотложных следственных действий // Наука и образование: хозяйство и экономика; право и управление. 2021. № 6 (133). С. 120–124.

3. Мелихов А. И., Ильина Е. В., Никитина Г. А. Неотложные следственные действия и первоначальные оперативно-розыскные мероприятий: сходство и различия // Актуальные вопросы деятельности ОВД на современном этапе. Издательство «Спутник+». 2021. С. 64–66.

Саморока В. А.[1]**,**
доцент кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

МЕСТО СВЕДЕНИЙ, ПОЛУЧЕННЫХ ПУТЕМ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО АНАЛИЗА ДАННЫХ, В СИСТЕМЕ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

Средствами познания событий прошлого в уголовном процессе являются доказательства. При этом источниками такого познания являются опыт и разум – прямое наблюдение познаваемого и умозаключение. Высшей же формой отражения объективного мира является мыслительная деятельность человека, включающая восприятия, переработку информации, на основе которой появляется знание.

Понятийный аппарат теории доказательств в уголовном судопроизводстве, несмотря на свою значимость, сравнительно невелик. К числу основных понятий в том числе относятся виды доказательств, субъекты доказывания, процесс доказывания.

В это связи уместно предположить, что с развитием научного прогресса, достижениями в области науки и техники, на смену или в дополнение к исторически сложившимся средствам познания придут новые.

В данном материале мы заменим уже «набившее оскомину» выражение «искусственный интеллект» более приближенным к реальности термином «интеллектуальный анализ данных».

Так вот, появление в теории и практике возможности осуществлять интеллектуальный анализ данных при помощи цифровых (электронных) технологий, возможность имитировать мыслительную деятельность человека при помощи машины, поднимает на совершенно новый уровень возможности познания определенных событий, а вместе с этим и получение новых знаний при расследовании уголовного дела.

К примеру, если взять за основу передовой опыт КНР, то в перспективе видится именно такой тренд и в отечественном уголовном судопроизводстве. Интеллектуальная системы обработки уголовных дел («上海刑事案件智能辅助办案系统»), известная также как «Система 206» («206系统»), на данный момент функционирующая уже в третьей версии. В этой системе используются алгоритмы анализа правовых и судебных актов, распознавания графических изображений, обработки видео, цифровой речевой анализатор и др. При этом упомянутая система является частью более широкого программного комплекса. Программное обеспечение включает в себя комбинацию web-технологий и программно-технических комплексов: − интернет-портал по приему сообщений о преступлениях в цифровом виде – «cyberpolice»; − программно-аппаратные комплексы по: а) формированию материалов уголовного дела в цифровом виде; б)

[1] © Саморока В. А., 2022.

обработке и обмену несекретной информацией; в) проведению видеоконференц-связи; − интеллектуальную систему судебного разбирательства, состоящую из компонентов: регистрация дела, судебное разбирательство и решение. Функционирование данной системы основано на работе информационных платформ, которые позволяют : а) генерировать электронные досье с делом; б) добавить материалы к облачному кабинету; в) выполнить интеллектуальную транскрипцию судебных заседаний; г) составить флип-лист электронного перекрестного допроса, а также оформить судебные документы; − единую платформу народной судебной блокчейн-конвенции для распределенного хранения и борьбы с подделками доказательств (технология блокчейн).

Уверены, что в скором времени, по различным причинам, начиная от экономии бюджетных средств, и заканчивая оптимизацией штатов, придется похоронить множество сложных форм и обрядов отечественного уголовного процесса, которые только и обусловливались теорией доказательств конца 19го века. Мы стоим на рубеже двух эпох, между постепенно «увядающими» старыми порядками, несостоятельность которых очевидна, и еще неустановившимся новым устройством.

Без сомнения, использование систем ИИ уголовном судопроизводстве сделает его более эффективным, при условии, что будут учтены все возможные риски.

Полностью поддерживаем обеспокоенность Апостоловой И. И. по поводу нормативного закрепления базовых принципов работы ИИ [1, с. 135]. На наш взгляд в их числе первостепенное значение имеет принцип уважения основных прав, гарантированных Европейской конвенцией о защите прав человека и основных свобод и Конвенцией о защите физических лиц при автоматизированной обработке данных. Однако это общее положение достаточно универсально, но при этом сложно реализуемо. Именно по причине попытки «объять необъятное». А вот принцип «прозрачности, беспристрастности и справедливости», напротив, достаточно легко реализуем программными и процессуальными методами. Им подразумевается доступность и понимание методов использования ИИ судебных данных.

Однако включение всех перечисленных выше положений в УПК РФ нецелесообразно. Причины кроются в громоздкости и имеющейся возможности закрепления таких базисных положений в других (общих) нормативных актах.

Говоря о существующей ныне отечественной системе уголовно-процессуальных доказательств следует обратиться к ч. 1 ст. 74 УПК РФ. Доказательствами являются любые сведения, на основе которых суд, прокурор, следователь, дознаватель, в порядке, определенном настоящим кодексом, устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. Фактически эти сведения становятся известными следователю из показаний или при осмотре места происшествия, предметов, документов.

Важными признаками доказательств, на которые мы обращаем внимание, исходя из законодательного определения, являются: любые сведения; получены

субъектом доказывания; получены в надлежащем порядке; устанавливают обстоятельства, имеющие значение для дела.

Анализ понятия доказательств показывает, что они не существуют в природе изначально. Следователь формирует их, преобразуя сведения, имеющие значение для дела, в надлежащую процессуальную форму. На этом формирование доказательства завершается.

Этот тезис мы предлагаем взять за основу в споре о возможности использования интеллектуального анализа данных в уголовном деле. Нет логического противоречия в том, что преобразование сведений, полученных следователем, осуществляется машиной (компьютером). Также нет вопросов с их получением и формированием. УПК РФ не запрещает, а напротив, предписывает использовать достижения науки и техники на данных этапах процесса доказывания.

Есть ли необходимость разработки принципиально новой формы доказательств, с учетом того, что на сегодняшний день выделяют следующие виды доказательств: показания подозреваемого, обвиняемого; показания потерпевшего, свидетеля; заключение и показания эксперта; заключения и показания специалиста; вещественные доказательства; протоколы следственных и судебных действий; иные документы (ч. 2 ст. 74 УПК РФ)?

Полагаем ответ отрицательный. Причина в том, что на смену одному техническому достижению или термину придет новый. И это не меняет сущности данной деятельности. Скажем так – есть определенные сведения и они могут быть облачены в любую из имеющихся форм.

Основная проблема кроется в возможности проверки этих сведений. Всякое убеждение держится на доказательствах и прочно до тех только пор, пока его основания – доказательства – не пошатнулись. В зависимости от подвида деятельности ИИ, провести такую проверку бывает затруднительно.

Однако, несмотря на трудности, мы должны постараться осмыслить этот положительный фундамент, выработать логические основания применения в уголовном судопроизводстве, заложить его элементы в УПК РФ, провести сквозь весь уголовно-процессуальный кодекс эти разумные начала.

Используя заданный вектор реформирования процессуальной деятельности, полагаем, что вопросы использования возможности имитировать мыслительную деятельность человека при помощи машины должны найти отражение в системе принципов уголовного судопроизводства, а также в общих условиях предварительного расследования и судебного разбирательства.

Содержанием, квинтэссенцией данных правовых предписаний должно являться концептуальное определение места ИИ в уголовно-процессуальной деятельности.

Формулирование этих исходных, руководящих положений (начал), определяющих сущность и предназначение имитации мыслительной деятельности человека (субъекта уголовно процессуальной деятельности) при интеллектуальном анализе данных по уголовному делу является одной из наиболее важных теоретических проблем, так к принципы уголовного процесса по сути представляют собой «...основные положения, определяющие всю систему процессуальных форм, весь строй процессуальных отношений» [2, с. 206].

Список литературы

1. Апостолова Н. Н. Искусственный интеллект в судопроизводстве. // Северо-Кавказский юридический вестник. 2019. № 3. С. 135–141.

2. Строгович М. С. Природа советского уголовного процесса и принцип состязательности. М. : Юриздат, 1939. С. 206.

Светильникова Е. А.[1]**,**
следователь следственного отдела по Ужурскому району ГСУ СК России по Красноярскому краю и Республике Хакасия

ПРЕДМЕТ, ОБЪЕКТЫ И ЗАДАЧИ СУДЕБНОЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ПО ВЕРИФИКАЦИИ ПОКАЗАНИЙ

Психологическая экспертиза по верификации решает качественно новые экспертные задачи по исследованию и установлению достоверности/недостоверности информации, сообщаемой участниками уголовного судопроизводства. Данная экспертиза представляет собой исследовательские психологические технологии, в основе которых лежит научно обоснованный метод выявления лжи и скрываемой информации. Верификация – это метод распознавания (диагностики, выявления, установления и т. д.) лжи, а также достоверности любой информации, представленной участниками уголовного процесса в ходе проведенного расследования по конкретному уголовному делу и обстоятельствам его совершения [1, с. 73]. Данный вид экспертизы относится к числу психологических судебных экспертиз, поскольку ложь – это психологическая категория, а рассматриваемое экспертное исследование дает возможность установить достоверность либо не достоверность показаний, данных определенным участником уголовного судопроизводства.

Судебная психологическая экспертиза по верификации показаний предназначена для установления экспертным путем достоверности либо недостоверности сведений, полученных от участников уголовного судопроизводства в ходе производства следственных действий. Данная цель обуславливает задачи исследования, которые определяются вопросам, которые выносятся на разрешение экспертом-психологом. Основным, как правило, выступает установление достоверности или недостоверности сведений, поступающих от участников уголовного судопроизводства в ходе их допросов.

К назначению данного вида судебной экспертизы предъявляются те же общие требования, что и ко всем остальным психологическим экспертизам, проводимым в рамках уголовного судопроизводства, соответственно, для назначения необходимы фактические и правовые основания. Правовым, или юридическим, основанием назначения судебной психологической экспертизы по верификации показаний, выступает постановление лица, производящего расследование, в котором отражаются обстоятельства совершенного преступления, перечисляются предоставляемые на судебную экспертизу объекты, а также ставятся вопросы, подлежащие разрешению посредством экспертного исследования [2, с. 197].

В качестве фактического основания назначения рассматриваемого вида судебной экспертизы надлежит рассматривать необходимость установления достоверности показаний, полученных от того или иного участника уголовного судопроизводства. Проверить возможно не все показания, а лишь те, которые были

[1] © Светильникова Е. А., 2022.

запечатлены посредством видеозаписи, поскольку последняя позволяет зафиксировать поведение участника уголовного судопроизводства при даче показаний. Судебная экспертиза по верификации показаний выстроена на том, что вне зависимости от индивидуальности поведения каждого человека, при сообщении им ложной информации, универсальные паттерны вербального и невербального поведения позволяют распознавать ложь. В качестве фактического основания производства судебной психологической экспертизы по верификации показаний следует рассматривать наличие зафиксированных не только в протоколе допроса, но и при помощи видеозаписи показаний какого-либо участника уголовного судопроизводства, в отношении которых имеются сомнения по поводу их достоверности [3, с. 56].

Получение показаний от лиц, вовлеченных в уголовный процесс, возможно в ходе некоторых следственных действий вербального характера, основным из них является допрос как наиболее информативный и всегда реализуемый процессуальный элемент получения показаний. Законодательного запрета и на получение показаний в ходе очной ставки, проверки показаний на месте, нет. В решении данного вопроса, основное требование возлагается на соблюдение методических рекомендаций, предъявляемых к видеофиксации и ракурсу видеосъемки. Показания, данные лицом в ходе предъявления для опознания, зафиксированные соответствующим образом (посредством видеозаписи), также могут выступать в качестве исследуемых в рамках экспертизы по верификации показаний. Опознающий также дает показания, предмет которых ограничен, однако, в случае сообщения ложной информации о том, что конкретное лицо опознано как совершившее преступление, либо наоборот, что среди предъявленных лиц виновный отсутствует, его поведение относительно ситуаций, в которых излагается достоверная информация, отличается. Именно это обуславливает возможность использовать видеозапись следственного действия для производства рассматриваемого вида экспертизы.

Возможность применения видеозаписи для фиксации следственных действий предусмотрена уголовно-процессуальным законодательством, а в ряде случаев она является обязательной, если допрашиваемое лицо или его законный представитель не возражают против применения видеозаписи. Это касается случаев допроса несовершеннолетних потерпевших и свидетелей, что находит свое отражение в ст. 191 УПК РФ [4]. Поэтому совершенно справедливо исследователи обращают внимание на необходимость более активного применения видеозаписи для фиксации хода и результатов вербальных следственных действий [5, с. 284].

Объекты экспертного исследования могут быть подразделены на общий и частный. В качестве первого выступают видеозаписи вербальных следственных действий с участником уголовного судопроизводства, в показаниях которого имеются сомнения по поводу их правдивости, в качестве второго – особенности психической деятельности допрашиваемого, отраженные на видеозаписи вербальные и невербальные компоненты данной деятельности. Предмет исследования образуют форма и содержание речевого и эмоционального реагирования

участника уголовного судопроизводства в процессе коммуникативного взаимодействия в ходе допроса.

Необходимо учитывать, что при применении видеозаписи при производстве следственных действий необходимо соблюдать определенные методические требования, предъявляемые к видеофиксации, для того чтобы впоследствии использовать полученную видеозапись для производства психологической судебной экспертизы по верификации показаний. В соответствии с требованиями УПК РФ, в случае применения видеозаписи, лица, лица, участвующие в производстве следственного действия, уведомляются о применении средства видеофиксации, оглашается время, место, правовые основания допроса, участники допроса, разъясняются права участникам допроса, в случае перерывов в записи, должно разъясняться об их причинах и продолжительности. После того, как непосредственно записан ход допроса, необходимо составить и огласить протокол, поступившие заявления и замечания к допросу, затем завершить запись, осуществить ее перенос на носитель и его упаковку. Целесообразно сохранять запись на одноразовом носителе (диске), поскольку срок его хранения достаточно длительный, а также исключена возможность перезаписи.

Основными требованиями являются:

– осуществление записи видеокамерой, перемещаемой в пространстве, либо стационарно закрепленной, при условии нахождения объекта видеозаписи в ракурсе камеры, желательно полностью, когда им охватываются голова, туловище, руки, ноги подэкспертного;

– видеозапись должна быть четкой, характеризоваться разборчивостью, различимостью видеоряда и акустической обстановки, без различных помех;

– должны использоваться различные приемы видеозаписи (видеосъемка разными планами) [6, с. 32–33].

Экспертиза данного вида может быть проведена очно и заочно. В первом случае исследуется сам участник процесса, изучаются его инвидиуально-психологические черты и видеозаписи следственных действий (при их наличии). Предпочтительно производство именно очной экспертизы, так как большее число объектов исследования позволяет сделать более достоверные выводы. Если же экспертиза заочная, то исследуются лишь видеозаписи следственных действий [1, с. 73].

Производство судебной экспертизы по верификации показаний имеет определенные противопоказания для этого: если установлено отсутствие у лица возможности осознавать обстоятельства преступления и давать о них показания (п. 3-4 ст. 196 УПК РФ). Также производство данной экспертизы невозможно и в ряде иных случаев, в частности, когда допрашиваемый находится в состоянии алкогольного или наркотического опьянения, в гипнотическом состоянии. Препятствием будут также выступать и некоторые медицинские противопоказания (к примеру, если у допрашиваемого имеется порез мышц лица, нервный тик и т. д.) Таким образом, произвести судебную психологическую экспертизу верификации показаний можно лишь при установлении способности лица к правильному восприятию обстоятельств деяния и даче показаний о них.

В целом, по своей сущности, психологическая судебная экспертиза по верификации показаний представляет собой диагностическую судебную экспертизу, поскольку ее основная цель – диагностировать ложь либо отсутствие лжи в показаниях участника уголовного судопроизводства.

Подводя итог, представляется возможным сделать следующий вывод. Правовым основанием назначения судебной психологической экспертизы по верификации показаний, выступает постановление лица, производящего расследование, в котором отражаются обстоятельства совершенного преступления, перечисляются предоставляемые на судебную экспертизу объекты, а также ставятся вопросы, подлежащие разрешению посредством экспертного исследования. В качестве фактического основания назначения рассматриваемого вида судебной экспертизы надлежит рассматривать необходимость проверки достоверности показаний, полученных от того или иного участника уголовного судопроизводства с применением видеозаписи. Производство рассматриваемого вида судебной экспертизы возможно исключительно в том случае, когда установлена способность участника уголовного судопроизводства правильно воспринимать обстоятельства совершенного преступления и давать о них показания, в ином случае производство данного вида судебной экспертизы нецелесообразно и недопустимо.

Несмотря на то, что судебная экспертиза по верификации показаний становится все более востребованной в расследовании преступлений, до сих пор среди исследователей нет единого мнения по вопросу о возможности производства данного вида судебной экспертизы, некоторыми она отрицается по причине отнесения законом вопроса об определении достоверности показаний к компетенции суда. Однако, экспертизы данного вида проводятся, и их выводы используются в доказательственном процессе, что позволяет утверждать не только о возможности, но целесообразности производства данного вида психологического исследования при наличии к тому оснований. Поэтому актуальным является вопрос о дальнейших научных разработках, связанных с определением возможностей данной экспертизы, порядка ее производства и активным внедрением ее в судебную и следственную практику.

Список литературы

1. Черкасова Е. С. Актуальные возможности психологической экспертизы по верификации показаний участников уголовного процесса / Е.С. Черкасова, К.А. Черкасов // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. – 2020. – № 20-1. – С. 73.

2. Безлепкин Б.Т. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / Б.Т. Безлепкин. – Изд. 14-е, перераб. и доп. – М. : Проспект, 2017. – С. 197.

3. Черкасова Е.С. Специальные знания по верификации, возможность реализации в уголовном судопроизводстве: процессуальные и следственные перспективы / Е.С. Черкасова, Д.В. Смышляев // Применение специальных познаний в правоприменительной и экспертной деятельности: материалы международной научно-практической конференции. – Красноярск, 2020. – С. 56.

4. Российская Федерация. Законы. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ : [принят Государственной Думой 22 ноября 2001 г. : одобрен Советом Федерации 05 декабря 2001 г.]. – Москва, 2022. – Доступ из справочно-правовой системы КонсультантПлюс.

5. Саидова С.А. Видеозапись при проведении допроса как способ фиксации достоверности информации / С.А. Саидова // Научное наследие ученых-криминалистов Санкт-Петербурга: материалы ежегодной всероссийской научно-практической конференции. – Санкт-Петербург, 2016. – С. 284.

6. Методика выявления признаков достоверности/недостоверности информации, сообщаемой участниками уголовного судопроизводства (по видеозаписям следственных действий и оперативно-разыскных мероприятий) : научно-практическое пособие / А.М. Багмет, А.Н. Гусев, В.Ф. Енгалычев [и др.]. – М.: ФГБУ ГНЦ ФМБЦ им. А.И. Бурназяна ФМБА России, Академия СК России, 2017. – С. 32-33.

Семенкова Е. В.[1],
старший преподаватель кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЙ ПРОБЕЛ В РЕГУЛИРОВАНИИ ВРЕМЕННОГО ПОМЕЩЕНИЯ ЛИЦА, НЕ СОДЕРЖАЩЕГОСЯ ПОД СТРАЖЕЙ, В МЕДИЦИНСКУЮ ОРГАНИЗАЦИЮ, ОКАЗЫВАЮЩУЮ ПСИХИАТРИЧЕСКУЮ ПОМОЩЬ В СТАЦИОНАРНЫХ УСЛОВИЯХ

Проблема применения мер принуждения в уголовном процессе к лицам, в отношении которых ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера, давно является краеугольным камнем практики и теории уголовного процесса. Лица данной категории имеют специфический статус в уголовном процессе. Их нельзя отнести ни к категории подозреваемых, ни к обвиняемым. В то время как применение мер принуждения, особенно мер пресечения рассчитано в первую очередь на подозреваемых, обвиняемых. Кроме того, особенности психического состояния ставят под вопрос возможность применения ряда мер пресечения, которые требуют определенного психологического осознания (например, подписка о невыезде).

Наконец законодателем разрешен вопрос о помещении лица, содержащегося под стражей, в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях. Закон указывает, если по результатам судебно-психиатрической экспертизы, будет установлено наличие у подозреваемого (обвиняемого) психического расстройства, требующего его помещение в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, должностными лицами должно быть принято решение о временном помещении такого лица в соответствующую организацию. То есть фактически законодатель предусмотрел специальную меру для лиц, в отношении которых ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера. Полагаем, эту меру можно назвать носящей ограничительный характер. Вне всяких сомнений данная новелла нашла лишь положительные отзывы среди ученых и практиков, так как о ее необходимости уже давно и неоднократно говорили многие ученые-процессуалисты, ссылаясь на нормы международного права, а также на практику и те случаи, когда лица, страдающие психическими расстройствами, содержались в следственных изоляторах на общих основаниях и причиняли вред как себе, так и окружающим лицам [1, с. 227; 2, с. 36; 3, с. 102-104; 5, с. 147–151; 6, с. 686].

Обращаем внимание, что рассматриваемую меру следует признать именно специальной мерой ограничительного характера, применяемой при осуществлении производства по правилам главы 51 УПК РФ, то есть рассматриваемое помещение в медицинскую организацию применимо только в отношении отдельных участников процесса и исключено по отношению к другим. Думается, что

[1] © Семенкова Е. В., 2022.

применение мер принуждения, предусмотренных уголовно-процессуальным законом к лицам, в отношении которых ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера не допустимо. Ведь они не являются подозреваемыми или обвиняемыми, а обладают специальным статусом, в то время как раздел IV, закрепляющий меры процессуального принуждения, таких лиц вообще не упоминает.

Однако, законодатель отказался от конкретизации порядка помещения в такую стационарную организацию лиц, в отношении которых не избиралась мера пресечения в виде заключения под стражу. Вместо четкой регламентации соответствующего порядка, пошли по пути ссылок, так статья 435 УПК РФ отсылает к 203, которая в свою очередь регулирует порядок помещения лиц в соответствующие стационары (медицинский и психиатрический) для производства судебной экспертизы. Все это приводит к проблемам практического характера, потому что ставит под вопрос возможность помещения в рассматриваемую организацию лиц, не содержащихся под стражей, в отношении которых уже была проведена судебно-психиатрическая экспертиза и получено соответствующее заключение. В то же время ситуация при которой такая необходимость возникает не является исключительным случаем и встречается довольно часто, когда после производства стационарной судебно-психиатрической экспертизы у лица выявляется психическое расстройство, степень которого требует его содержания в стационарной медицинской организации.

На первый взгляд, может показаться, что здесь все просто и такое лицо может помещаться в оказывающую стационарную психиатрическую помощь организацию полномочным органом здравоохранения в судебном порядке в соответствии с Федеральным законом «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании». Однако, при помещении лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера, в медицинскую организацию для оказания психиатрической помощи в стационарных условиях, на таких лиц распространяются правила, предусмотренные данным законом. Так, права таких пациентов предусмотрены статьей 37 вышеуказанного акта. Среди них можно выделить такие как ведение переписки без цензуры, получение и отправление посылок, бандеролей и денежных переводов, пользование телефоном, прием посетителей и другие. Как видно, перечень таких прав дает возможность вышеуказанным оказать влияние на его осуществление предварительного следствия различными путями (давление на потерпевших и свидетелей, сокрытие следов преступления или имущества, добытого преступным путем, причинением иных препятствий в установлении обстоятельств деяния).

На основе вышеизложенного отметим, что помещение лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера, в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарном порядке, установленном Федеральным законом «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» нецелесообразно и идет в противовес назначению уголовного судопроизводства. Абсолютно понятно, что такие участники уголовного процесса должны помещаться в стационар по решению следователя, который должен отслеживать, контролировать и

давать разрешение на их общение с определенными лицами, а также переписку и телефонные переговоры. Следовательно, помещение таких лиц должно производиться в порядке, предусмотренном уголовно-процессуальным законом.

Возвращаясь к статье 435 УПК РФ, регламентирующей порядок временного помещения в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, обращает на себя внимание формулировка части первой: «при установлении по результатам судебно-психиатрической экспертизы наличия у лица, в отношении которого в качестве меры пресечения избрано заключение под стражу, психического расстройства…». Здесь четко услеживается возможность применения меры именно в отношении заключенного под стражу лица. Порядку помещения лица, не содержащегося под стражей, отведена отдельная часть нормы (часть одиннадцать). Но эта часть, закрепляя возможность помещения судом, отсылает к статье 203 УПК РФ, которая четко устанавливает возможность помещения такого лица для производства судебной экспертизы. Но и эта норма направляет нас в другую главу УПК, указывая, что решение о помещении лица в такую организацию для производства экспертизы производится в порядке статьи 165 УПК РФ (судебный порядок на производство следственного действия). Анализируя данную норму, устанавливаем, что она закрепляет определенную процедуру получения судебного решения на производство некоторых следственных действий, которые определены пунктами 4-9, 10.1, 11, 12 части второй статьи 29 УПК РФ. Среди этих следственных действий отсутствует пункт 3 статьи 29, предусматривающий помещение подозреваемого (обвиняемого), не находящегося под стражей в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, для производства судебно-психиатрической экспертизы. Но даже если бы такой пункт присутствовал, он все равно не отражал бы всего существа рассматриваемой меры, так как в закрепленных полномочиях суда содержится четкое указание, что суд может помещать лицо в соответствующую организацию только для производства соответствующей судебной экспертизы. На это также указывает тот факт, что в организацию помещается подозреваемый (обвиняемый), а не лицо, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера. Таким образом, конструкция существующих сегодня норм уголовно-процессуального закона, закрепляющих рассматриваемую процедуру помещения, будто исключает возможность помещения психически нездорового лица в медицинскую организацию, если такое лицо не заключено под стражу. Так можно ли поместить в такую медицинскую организацию тех лиц, которые под стражей не содержатся, но в отношении которых уже была проведена судебно-психиатрическая экспертиза, которым по медицинским показаниям требуется оказание психиатрической помощи в стационарном порядке?

Думается, что такое помещение не только возможно, но и необходимо, так как иных мер ограничительного характера, которые могли бы применяться при осуществлении производства, предусмотренного главой 51 УПК РФ, Закон не содержит. А.С. Червоткин, являясь судьей ВС России, называет данную меру ме-

рой безопасности и говорит о ее аналогичности заключению под стражу, применяемому в отношении лиц, указанных в части первой статьи 433 УПК РФ [4, с. 720].

Полагаем, что нормы уголовно-процессуального закона, включая статью 435 УПК РФ далеки от совершенства и требуют изменений, которые видятся в необходимости закрепления специальных мер ограничительного характера с четким закреплением процедуры временного помещения в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера, как содержащегося под стражей, так и лица, в отношении которого мера пресечения не избиралась или избрана мера, не связанная с лишением свободы. Такие меры должны быть прописаны в главе 51 УПК РФ. В этой связи, полагаем, что первая часть статьи 435 УПК РФ не должна сразу указывать на порядок избрания рассматриваемой меры в отношении лица, заключенного под стражу, а должна указывать на необходимость применения такой меры при осуществлении соответствующего производства, по медицинском показаниям, исходя из психического состояния лица. Нужно учитывать именно обязанность следователя поместить такое лицо в соответствующую организацию, а не право. От данного решения зачастую зависит психическое, а порой и физическое здоровье страдающего психическим расстройством лица, а также окружающих. Норма представляется в следующем виде: «При установлении по результатам судебно-психиатрической экспертизы у лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера, психического расстройства, требующего его временное помещение в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, следователь принимает меры к такому помещению».

На наш взгляд, такая формулировка четко указывает, что данная мера применяется к лицу, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера, независимо от содержания данного лица под стражей.

Далее в норме необходимо предусмотреть порядок помещения (перевод) в такую организацию лица, содержащегося под стражей. Думается, что он может остаться в редакции Федерального закона от 30.12.2021 № 500-ФЗ. Однако, в прописанном порядке следует указать не только о том, что участие защитника в судебном заседании является обязательным, но такое указание должно быть и в отношении законного представителя лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера. Ныне закрепленный порядок (часть четвертая статьи 435 УПК РФ) противоречит требованиям об обязательности данного участника при производстве по делам о применении принудительных мер медицинского характера (часть первая статьи 437 УПК РФ).

В этой же норме должен быть предусмотрен порядок помещения лица, не содержащегося под стражей. Какие-либо ссылки в данном случае не допустимы, так как данная мера является специальной и порядок ее применения должен быть детально прописан в соответствующей главе, регламентирующей производство

о применении принудительных мер медицинского характера (глава 51 УПК РФ). Полагаем, что такой порядок будет идентичен закрепленному ныне в отношении лиц, содержащихся под стражей.

Завершая, хотелось бы отметить особый статус производства о применении принудительных мер медицинского характера в уголовном процессе, в связи с тем, что это единственный вид производства, который осуществляется не в отношении подозреваемого (обвиняемого), а в отношении особой категории лиц, обладающих специфическим статусом, обеспечение которого осуществляется комплексом гарантий. Одной из таких гарантий является временное помещение в медицинскую организацию в связи с психическим расстройством определенной степени. Ввиду уязвимости участников, в отношении которых ведется вышеуказанное производство, необходимая четкая детальная регламентация порядка применения такой меры, а также уяснения ее процессуальной природы. Хотелось бы, чтобы попытки совершенствования, предпринимаемые сегодня в данном направлении, имели свое продолжение и способствовали укреплению процессуального статуса лиц, в отношении которых ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера.

Список литературы

1. Гасанова В. Ш. Производство о применении принудительных мер медицинского характера: Дисс. …канд. юрид. наук. -Н. Новгород, 2006.
2. Говрунова А. И. Уголовно-процессуальные проблемы применения принудительных мер медицинского характера: Дисс. … канд. юрид. наук. Краснодар, 2009. С. 36.
3. Коптяев А. Ю. Производство о применении принудительных мер медицинского характера: дисс. … канд. юрид. наук. Тюмень, 2010. С. 102–104.
4. Практика применения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации / Под ред. В.М. Лебедева. -5-е изд., перераб. и доп. –М.: Издательство Юрайт, 2011. С. 720.
5. Татьянина Л.Г. Помещение в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях (неразрешенные вопросы) // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2017. № 1(30). С. 147-151.
6. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: Учебник / Отв. ред. П.А. Лупинская.− М.: Юристъ, 2005. С. 686.

Семенцов В. А.[1]*,*
профессор кафедры уголовного процесса
Кубанского государственного университета,
доктор юридических наук, профессор

ПОЧЕМУ СЛЕДОВАТЕЛЕЙ СЕГОДНЯ ПО-ПРЕЖНЕМУ НЕ ХВАТАЕТ?

Несмотря на то, что профессия следователя социальна значима, она сегодня не относится к числу самых востребованных, о чем свидетельствуют сообщения в средствах массовой информации [1]. Тем не менее, молодых людей по-прежнему привлекает профессия следователя, работа которого представляется интересной и романтической, похожей на приключения героев художественных книг и фильмов – комиссара Мегрэ, мисс Марпл, Шерлока Холмса, Эркюля Пуаро и др. На деле эта специальность имеет мало общего с художественным образом, она ответственная и связанная с психологическими и физическими нагрузками, которые не все могут выдержать.

Еще в 1996 г. выдающийся ученый-криминалист Р. С. Белкин в своей научно-популярной книге отмечал особую трудность профессии следователя, требующей от человека всех его интеллектуальных, духовных и физических сил, мужества и безупречного исполнения служебного и гражданского долга [2, с. 3].

Насколько созвучны с современной действительностью слова профессора Р. С. Белкина, который писал о том, что «следователей катастрофически не хватает. Старые испытанные работники, подлинные асы следствия в большинстве случаев уже на заслуженном отдыхе, выпускников юридических вузов, в том числе и МВД, получивших следственную специализацию, недостает даже для покрытия естественной убыли следственного корпуса. Да и чего греха таить – многие студенты-юристы думают не о профессии следователя, а рассчитывают стать, например, адвокатами: и спокойнее, да и много прибыльнее» [3, с. 4].

В наши дни следователей тоже не хватает. Так, только в 2021 г. количество уволившихся следователей МВД России возросло (по сравнению с 2020 г.) на 34 % [4], и это при том, что именно следователи органов внутренних дел расследуют ¾ всех преступлений, отнесенных законодателем к компетенции предварительного следствия. Средний возраст следователей (по оценкам специалистов) – 25 лет, и 60 % из них со стажем работы меньше года.

В литературе констатируется, что «в результате огромной эмоциональной и физической нагрузки ″текучка″ на уровне районного звена просто катастрофическая, т.н. профессиональное выгорание происходит очень быстро, следственное подразделение за несколько лет в кадровом отношении ″омолаживается″ практически полностью» [5, с. 21].

25 июля 2020 г. в своем обращении к сотрудникам и ветеранам органов следствия Президент Российской Федерации В. В. Путин отметил, что профессиональной и нравственной основой работы следователей всегда были «честность,

[1] © Семенцов В. А., 2022.

принципиальность, объективность, строгое соблюдение закона», а главным критерием оценки их работы являются «не отдельные показатели ведомственной статистики, а доверие общества и граждан» [6].

Казалось бы, нет сомнений в целесообразности сохранения процессуальной фигуры следователя, но, тем не менее, в литературе можно найти весьма категорическое предложение о ликвидации уже к 2017 г. функции предварительного следствия и профессии следователя [7, с. 24]. Одновременно обосновывается, что «следственная форма деятельности правоохранителей по выявлению и раскрытию преступлений, привлечения к уголовной ответственности превратилась в препятствие для развития капиталистического общества в России» [8, с. 18].

В условиях современной цифровой реальности высказывается даже суждение о замене следователя роботом (компьютером), когда раскрытие преступлений будет осуществляться не людьми, а «киберследователями» [9, с. 14–15], поскольку профессия следователя – это мертвая профессия и ее должна заменить машина [10, с. 80–84].

Вызывает возражение и утверждение, что «следователь – это придаток к печатной машинке. Он ничего не раскрывает, а просто документирует то, что добыл оперативник. Он даже не принимает решения. В основном, именно оперативный сотрудник инициирует возбуждение дела и даже диктует следователю, в каком направлении двигаться, на чем настаивать, за какие струны дергать» [11].

Конечно, проблемы предварительного следствия существуют и требуют своего разрешения, что, однако, не служит основанием для отказа от этой формы предварительного расследования, в рамках которой происходит реализация тех задач, которые призван решать следователь. Для нас очевидна необходимость сохранения фигуры следователя.

К соискателю должности следователя предъявляются жесткие требования: чистая репутация, крепкое здоровье и соответствующее образование. Верным является утверждение о том, что «быть следователем не так просто, как кажется. Человек, избравший такую профессию, должен обладать такими качествами, как обширные знания, способность к анализу, хорошие физические возможности» [12].

От качества работы следователя во многом зависят ход и результаты уголовно-процессуальной деятельности, поскольку ошибки, им допущенные, нередко ведут к невосполнимой утрате доказательств. В свое время выдающийся юрист Ганс Гросс, характеризуя деятельность следователя, писал: проявления небрежности, неточности в оформлении материалов дела свидетельствуют об известной нравственной распущенности, граничащей с бессовестностью, так как порождают собой не только недоразумения, но и ошибки [13, с 73].

Приходится констатировать, что отдельные следователи не в полной мере владеют необходимыми знаниями в области уголовно-процессуальной деятельности и криминалистики, не знают современных возможностей судебных экспертиз и методик их проведения, не способны ставить правильные, четкие задачи органам дознания в процессе предварительного расследования преступлений.

25 февраля 2018 г. Ю. Я. Чайка, комментируя работу российских следственных органов, отметил снижение их профессионального уровня: «К сожалению,

для многих наших следователей сегодня уголовно-процессуальное законодательство, нормы материального права – это космос» [14]. Причина этого не только в качестве базового юридического образования, но и в «вымывании» профессионального звена, когда опытные следователи увольняются, либо «буквально через два-три года они уже начальники отделов или замы» [15, с. 5].

К нежелательным последствиям профессии следователя можно отнести правовой нигилизм, когда игнорируются требования закона, профессиональная деформация, маниакальная подозрительность, злоупотребление полномочиями, формализм и равнодушие к людям, их судьбе, раздражительность и эмоциональные срывы и др. Главными недостатками профессии является ненормированный рабочий день следователя, большая загруженность и огромная ответственность. Многие следователи уже забыли о том, что такое выходной день, когда суббота – обычный рабочий день, а в воскресенье тоже находятся дела, не терпящие отлагательства.

В итоге невольно возникает вопрос: что надо сделать, чтобы решить проблему нехватки следователей?

На наш взгляд, в числе возможных вариантов решения проблемы нехватки следователей можно указать как минимум четыре, каждый из которых требует самостоятельного исследования:

1. Повышение социального статуса следователя, от деятельности которого во многом зависит исход уголовного судопроизводства, с опорой на отечественные исторический традиции, при всей очевидности того, что труд следователя не менее тяжел и ответственен, чем работа судьи.

2. Реальное обеспечение, в том числе на законодательном уровне, процессуальной самостоятельности следователя для всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств преступления, обеспечения правовых условий его раскрытия и изобличения виновного с тем, чтобы суд получал возможность правильно разрешить дело, вынести по нему законный, обоснованный и справедливый приговор. Положение о процессуальной самостоятельности следователя должно быть сформулировано и включено в УПК РФ.

3. Изменение подходов к оценке эффективности работы следователей, когда должны учитываться не только показатели ведомственной статистики о количестве уголовных дел, направленных в суд, о числе дел, возвращенных для дополнительного расследования, и др., но и главный критерий целевой установки уголовно-процессуальной деятельности – защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, ограждение от незаконного и необоснованного обвинения.

4. Принятие мер к совершенствованию научной организации труда следователя для решения трех взаимосвязанных задач: 1) повышение производительности труда; 2) улучшение условий труда; 3) повышение профессионального уровня сотрудника и развитие его личности.

Список литературы

1. На кого пойти учиться: самые востребованные профессии – 2022 // РИА Новости. 2022. 4 марта.

2. Белкин Р. С. Моя профессия следователь. Гродно: Гродн. гос. ун-т, 1996. 160 с.

3. Белкин Р.С. Профессия – следователь (Введение в юридическую специальность). М. : Юристъ, 1998. 168 с.

4. В ключевых подразделениях МВД России не хватает сотрудников. Следователи увольняются все чаще // Фонтанка.ру. 2022. 17 февраля.

5. Белоусов А. В., Смахтин Е. В. Следователь: процессуальный статус и проблемы его реализации // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2019. № 3 (25). С. 19–25.

6. Путин напомнил следователям о нравственной основе работы // Политика. 2020. 25 июля.

7. Александров А. С., Поздняков М. Л. Каким не стать Следственному комитету России к 2017 г. // Уголовный судопроизводство. 2014. № 1. С. 20–24.

8. Александров А. С. Революционная ситуация в российской уголовной процессуалистике // Единство и дифференциация досудебного и судебного производства в уголовном процессе: новые концептуальные подходы в свете наследия Великой Судебной Реформы: сб. науч. ст. Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, посвященной 155-летию Судебных Уставов 1864 г., приуроченной к 55-летию Юго-Западного гос. ун-та. Курск: Университетская книга, 2019. С. 18–21.

9. Власова С. В. К вопросу о приспосабливании уголовно-процессуального механизма к цифровой реальности // Библиотека криминалиста. 2018. № 1 (36). С. 9–18.

10. Александров А. С. Учение о следственных действиях на пороге «цифрового мира» // Юридический вестник Самарского ун-та. 2017. Т. 3. № 4. С. 80–85.

11. Ясеницкая А. Следователь – это придаток к печатной машинке. Монолог бывшего оперативника ФСБ // Медиазона. 2019. 17 мая.

12. Следователь ФСБ // Информационный сайт Федеральной службы безопасности России. 2019. 16 ноября.

13. Гросс Г. Руководство для судебных следователей как система криминалистики. Новое изд., перепеч. с изд. 1908 г. М.: ЛексЭст, 2002. 1088 с.

14. Юрий Чайка заявил о деградации следственных органов // Коммерсантъ. 2018. 21 февраля.

15. Иванов Д. А. Следователь – лицо государственное // Служу закону. 2022. № 3 (105). С. 4–5, 7.

Скачко А. В.[1],
профессор кафедры организации финансово-экономического,
материально-технического и медицинского обеспечения
Академии управления МВД России,
доктор юридических наук

ПРИМИРЕНИЕ СТОРОН И ДЕЯТЕЛЬНОЕ РАСКАЯНИЕ, КАК ОСНОВАНИЯ ПРЕКРАЩЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА (УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ) ПРИ ВОЗМЕЩЕНИИ ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО ПРЕСТУПЛЕНИЕМ

Прекращение уголовного дела (уголовного преследования) по данным основаниям применяется при соблюдении условий, заявленных в диспозициях ст. 25, 28 УПК РФ. Отметим, что в обоих случаях одинаковым условием является доказанность факта заглаживания причиненного вреда лицам, признанным потерпевшими от преступлений.

В настоящее время предметом исследования отечественных ученых-процессуалистов является заимствованный из зарубежных правовых систем «институт медиации» и связанные с ним медиационные процедуры, которые представляют собой элементы так называемого восстановительного правосудия. Наиболее актуальным данный институт видится на фоне классического отношения к отечественному уголовно-процессуальному судопроизводству как к «карательному», то есть выполняющему в первую очередь функцию наказания лиц, виновных в совершении преступления. Традиционно второстепенная роль отводится задаче восстановления прав лиц, ставших жертвами преступных посягательств, и возмещения причиненного им вреда, что по нашему убеждению не соответствует современным мировым стандартам в области защиты интересов личности, общества и государства.

В связи с вышесказанным усматривается необходимость заострить внимание на вопросах достоверности примирения сторон и заглаживания причиненного преступлением вреда. Как показывает собственный опыт практической деятельности авторов в следственных подразделениях, а также изученные им материалы уголовных дел, обозначенная проблема существует и требует взвешенного подхода к ее разрешению.

В ст. 25 УПК РФ и ст. 76 УК РФ речь идет о необходимости загладить вред, причиненный потерпевшему. Но то, каким образом будет заглажен вред, в законе не указано. В свою очередь термин «заглаживание», в отличие от термина «возмещение», указывает на значительную степень свободы усмотрения сторон в определении способа и размеров возмещения вреда, а также прочих условий восстановительного процесса. При этом нами не ставится под сомнение то, что все действия по заглаживанию вреда не должны противоречить закону и, кроме того, в полной мере обеспечивать соблюдение прав и законных интересов тех лиц, которых это касается.

[1] © Скачко А. В., 2022.

Актуальной видится позиция Е. С. Трясейкиной о том, что «свобода волеизъявления потерпевшего на прекращение уголовного дела подлежит проверке и контролю со стороны должностного лица государственного органа, ведущего производство по делу» [5, с. 185].

В продолжение считаем необходимым отдельно подчеркнуть важность доказывания факта заглаживания причиненного вреда со стороны подозреваемого (обвиняемого). Самым распространенным процессуальным документом, свидетельствующим о том, что состоявшиеся примирительные процедуры удовлетворяют обе стороны и произошли на добровольных началах, а также устанавливающим желание и готовность сторон к примирению, является протокол допроса потерпевшего.

Анализ изучения уголовных дел показал, что чаще всего добровольному возмещению подлежит имущественный вред. В связи с чем в большинстве изученных авторами протоколах допросов потерпевших речь шла о возмещении именно имущественного вреда.

В случае добровольного возмещения вреда в материалы уголовного дела следователю, дознавателю надлежит приобщить заявление потерпевшего, в котором последний подтверждает и признает факт получения различного рода компенсаций и указывают на отсутствие материальных претензий к обвиняемому (гражданскому ответчику). При наличии заявления потерпевшего следователь, дознаватель должен прежде всего убедиться в том, что оно написано потерпевшим добровольно, а не под угрозой или давлением со стороны обвиняемого или его близких. Кроме этого целесообразно подробно допросить потерпевшего о порядке и условиях произошедшего примирения между участниками со сторон защиты и обвинения.

Ситуация не вызывает сложностей, если в ходе допроса потерпевшего будет установлено, что подозреваемый (обвиняемый) возместил ему вред в полном объеме. Однако вопрос возникает в случае, если потерпевший указывает при допросе, что вред ему возмещен частично. Некоторые авторы (Х. Д. Аликперов, Е. А. Артамонова) предлагают в таком случае составлять протокол о примирении [1, с. 12–13; 2, с. 220–221].

В свою очередь М. В. Парфенова предлагает перенять гражданско-правовой аспект и внедрить в уголовно-процессуальное законодательство положение о примирительном соглашении, дополнив УПК РФ отдельной статьей, которая содержала бы структуру, основания, порядок составления и подписания такого рода документа [2, с. 62–63]. Это, по ее убеждению, позволит отразить все условия договоренности об отсрочке заглаживания причиненного вреда и выступает юридической гарантией выполнения подозреваемым (обвиняемым) взятых на себя обязательств.

Возражая относительно такого решения данного вопроса, авторы считают возможным высказать точку зрения о том, что договоренность подозреваемого и потерпевшего, даже зафиксированная на бумажном носителе в присутствии следователя, дознавателя, не дает гарантий дальнейшего полноценного возмещения вреда и уплаты оставшихся сумм долга. Какие-либо достигнутые договоренно-

сти могут быть нарушены, и прежде всего должником, в данном случае подозреваемым (обвиняемым), так как после прекращения уголовного дела отсутствуют основания для выплаты оставшейся суммы в счет возмещения вреда. Весь процесс здесь будет сведен к тому, что потерпевший должен будет вновь обратиться в суд в порядке гражданского судопроизводства, имея на руках составленный ранее протокол либо иной документ в подтверждение своих требований. Из всего сказанного следует вывод о том, что подвергается сомнению предлагаемая вышеуказанными учеными инициатива о возможности рассрочки части оставшегося долга подозреваемого (обвиняемого) перед потерпевшим в счет заглаживания причиненного вреда. Вывод здесь очевиден – следователь, дознаватель могут принять итоговое решение о возможности прекращения уголовного дела (уголовного преследования) в отношении подозреваемого (обвиняемого) лишь в том случае, если последний полностью загладил причиненный им потерпевшему вред.

При этом действия, выразившиеся в примирении подозреваемого (обвиняемого) с потерпевшим и заглаживании причиненного преступлением вреда, должны найти отражение в материалах уголовного дела, т. е. должны быть доказанными и установленными [6, с. 53], в том числе и в протоколах допроса потерпевшего и подозреваемого (обвиняемого), а также непосредственно в самом постановлении о прекращении уголовного дела (уголовного преследования).

Так, по уголовному делу № 257167, расследованному в СО ОМВД России по району Коньково г. Москвы, из постановления о прекращении уголовного дела следует, что «обвиняемый П. имея преступный умысел, направленный на тайное хищение чужого имущества, действуя из корыстных побуждений, во исполнение своего преступного умысла, воспользовавшись свободным доступом в квартиру № XX дома XX корп. X по ул. Введенского в г. Москве, совершил тайное хищение двух золотых колец, принадлежащих Ч., после чего с похищенным скрылся с места совершения преступления, причинив тем самым потерпевшей своими действиями значительный материальный ущерб на сумму 6 000 руб. В ходе предварительного расследования от потерпевшего Ч. поступило заявление о том, что он примирился с П., претензий к нему не имеет и просит прекратить в отношении него уголовное дело в связи с примирением сторон.

Анализируя содержание указанного постановления, мы видим, что факт примирения обвиняемого и потерпевшего отражен лишь в нескольких стандартных фразах. В то время как о конкретном способе и формах возмещения вреда, причиненного преступлением, вообще не упоминается. Причем такая тенденция отмечается в большинстве из изученных авторами уголовных дел. Так, в постановлениях о прекращении уголовного дела (уголовного преследования) содержались исчерпывающие сведения о действиях подозреваемого (обвиняемого), предпринятых для возмещения причиненного преступлением вреда, а также указаны конкретные способы его возмещения лишь в 35,8 % случаев. При этом в 37,8 % изученных постановлений изложен только непосредственный вывод о том, что вред, причиненный потерпевшему, возмещен, и он не имеет претензий к подозреваемому (обвиняемому). Вызывает вопросы и тот факт, что в 29,4 % изученных постановлений имелась только ссылка на ст. 25, 25^1, 28, 28^1 УПК РФ,

руководствуясь которыми следователь, дознаватель принимал решение о прекращении уголовного дела (уголовного преследования) без указания на соблюдение условий применения данных положений уголовно-процессуального закона.

В связи со сказанным отметим, что Верховный Суд Российской Федерации относительно способов заглаживания вреда сформулировал свою позицию в постановлении Пленума от 27.06.2013 № 19, в котором разъясняется, что «под заглаживанием вреда (часть 1 статьи 75, статья 76.2 УК РФ) понимается имущественная, в том числе денежная, компенсация морального вреда, оказание какой-либо помощи потерпевшему, принесение ему извинений, а также принятие иных мер, направленных на восстановление нарушенных в результате преступления прав потерпевшего, законных интересов личности, общества и государства» [4]. Резонно отметить, что указанные способы возмещения вреда должны найти свое объективное отражение в итоговом процессуальном документе, который составляется следователем, дознавателем при принятии описываемого нами решения.

Однако важно отметить, что действующий уголовно-процессуальный закон не требует отражения сведений о конкретных фактах заглаживания причиненного преступлением вреда в постановлении о прекращении уголовного дела (уголовного преследования). Данный вывод сделан авторами при буквальном толковании положений ч. 2 ст. 213 УПК РФ. Следует отметить, что десять пунктов указанной части данной статьи уголовно-процессуального закона не содержат одного из необходимых элементов. Речь идет именно об основаниях принятия подобного рода решений. Применительно к случаям заглаживания и возмещения вреда, причиненного преступлением, отметим, что достоверные и доказанные материалами уголовного дела сведения о мерах, предпринятых подозреваемым (обвиняемым) должны найти свое отражение в постановлении о прекращении уголовного дела (уголовного преследования). Принимая во внимание высказанные выше аргументы, представляется обоснованным дополнить ч. 2 ст. 213 УПК РФ пунктом 7.1 следующего содержания: «обстоятельства, послужившие основанием для прекращения уголовного дела (уголовного преследования)».

Авторы убеждены, что данное предложение обяжет должностных лиц, осуществляющих предварительное расследование, излагать в постановлениях о прекращении уголовного дела (уголовного преследования) не только ссылки на статьи уголовного и уголовно-процессуального законов, на основании которых принимается данное решение, но и детально раскрывать все обстоятельства, которые сопутствовали их принятию. Относительно изучаемой авторами проблемы, следует всесторонне излагать обстоятельства, подтверждающие факты примирения сторон, деятельного раскаяния и непременного условия – возмещения причиненного преступлением вреда.

Резюмируя вышесказанное, добавим, что следователь, дознаватель обязан лично удостовериться посредством производства следственных действий в том, что причиненный преступлением вред потерпевшему возмещен в полном объеме.

Таким образом, проведенным исследованием установлено, что только при доказанности факта реального возмещения вреда, причиненного потерпевшему,

лицо, виновное в совершении инкриминируемого деяния, может быть освобождено от уголовной ответственности, а уголовное дело прекращено в связи с примирением сторон (ст. 25 УПК РФ) или деятельным раскаянием (ст. 28 УПК РФ).

Список литературы

1. Аликперов Х. Д. Освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим // Законность. – 1999. – № 6.

2. Артамонова Е. А. Проблемы применения института прекращения уголовного дела в связи с примирением сторон // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2014. – № 3.

3. Парфенова М.В. Возмещение морального вреда и материального ущерба в случае прекращения уголовного дела в связи с примирением сторон // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2012. – № 11.

4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» (в ред. постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2016 г. № 48) // Росс. газета. – 2013, 5 июля.

5. Трясейкина Е.С. Прекращение уголовного дела в связи с примирением сторон в условиях состязательности уголовного процесса // Общество и право. – 2011. – № 1 (33).

6. Химичева Г.П., Мичурина О.В., Химичева О.В. Прекращение уголовного дела на стадии предварительного расследования: Учебно-методическое пособие. – М.: ЮИ МВД России, 2001.

Скороделова Е. И.[1]**,**
доцент кафедры криминалистики
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

ОСОБЕННОСТИ МЕТОДИКИ РАССЛЕДОВАНИЯ МОШЕННИЧЕСТВА, СОВЕРШЕННОГО С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫХ СЕТЕЙ

В настоящее время мошенничество занимает одно из ведущих мест среди иных видов преступлений против собственности. Данный факт объясняется прежде всего способом совершения преступления, а также тем, что в настоящее время мошенничество существует во всех сферах общественной жизни, в которых присутствуют имущественные отношения, в том числе и в цифровом пространстве. Отметим, что в связи с развитием информационных технологий в ведении МВД России появилось значительное количество технических устройств и различного рода программного обеспечения, в частности аппаратно-программный комплекс «Безопасный город», которые сводят к минимуму совершение карманных краж, а также различного рода мошенничества и иных преступлений на улицах города, что, в свою очередь, «перенесло» преступную сферу в Интернет-пространство. Данный факт, а также условия пандемии коронавирусной инфекции (COVID-19), способствовало росту дистанционных мошенничеств и краж.

Проанализировав статистические данные за октябрь 2020 г., представленные Генеральной прокуратурой Российской Федерации, отметим, что продолжается активный рост совершения различного рода мошеннических действий, в результате чего «в структуре преступности доля мошенничеств увеличилась с 12,7 до 16,4 %» [1]. Также, в связи с введением в марте 2020 г. ограничений, связанных с пандемией коронавирусной инфекции (COVID-19), правоохранительными органами выявлено в два раза больше случаев мошенничества, совершенного с использованием электронных средств платежа (+107,8 %, 20 852 тыс.) [1].

Статистические данные, указанные выше, свидетельствуют о недостаточной развитости методики расследования видов мошенничества, совершенных дистанционным способом, что, в свою очередь, делает деятельность следователя менее результативной и во многом снижает процент раскрываемости подобных преступлений. Эффективное расследование преступлений невозможно без рациональной организации этой деятельности, которая предусматривает избрание оптимальных методов получения доказательной информации в пределах установленных законом процедур и с учетом особенностей механизма следообразования.

Существует разнообразие способов мошеннических действий, совершаемых с использованием информационно-коммуникационных сетей. В первую очередь к ним относятся те, которые связаны с компьютерной и банковской информацией

[1] © Скороделова Е. И., 2022.

и, непосредственно, информационно-телекоммуникационной сети «Интернет»[1]. К таким способам следует отнести:

мошенничество, связанное с приобретением товаров в интернет-магазинах. Такой способ нередко связан с реализацией поддельных товаров, а также предоставлением некачественных услуг через сеть Интернет, что достаточно сложно распознать до получения той или иной вещи или услуги;

фишинг и иные методы социальной инженерии. Состоят в перенаправлении интернет-пользователей на сетевые ресурсы, являющиеся полной имитацией оригинальных [3, с. 16–20]. Таким образом злоумышленники получают данные банковских карт Интернет-пользователей. Разновидностями фишинга являются:

1) звонки псевдоработников банка;

2) благотворительность в социальных сетях;

3) распространение вредоносных компьютерных программ через социальные сети;

4) интернет-знакомства на специализированных сайтах;

5) мошенничество, связанное со ставками на различные спортивные мероприятия;

6) противоправное использования электронной подписи;

7) «Free GSM» [4, с. 98–104], то есть распространение мошенниками недостоверных программ, связанных с бесплатными звонками и смс-сообщениями другим абонентам сотовой связи и т. д.

На первоначальном этапе расследования дистанционных видов мошенничества следователю необходимо определить круг следственных действий, а также оперативно-розыскных мероприятий, которые позволят наиболее полно и качественно раскрыть и расследовать преступление, а также предотвратить возможность совершения повторных преступных посягательств. В частности, рекомендуется проводить контроль и запись переговоров, снятие информации с технических каналов связи, проверку по различных учетам, допросы, выемки, обыски, а также назначать проведение экспертиз (компьютерных, фоноскопических, лингвистических и др.).

С позиции М. А. Асташова, на первоначальном этапе расследования выделяют две типичные следственные ситуации в зависимости от полноты поступивших первичных данных о признаках мошенничества:

– на основании полученной информации можно сделать однозначный вывод о наличии признаков состава мошенничества в действиях лица или группы лиц;

– полученная информация с большей или меньшей степенью вероятности позволяет судить о наличии в действиях лица или группы лиц признаков мошенничества [2, с. 165].

Последующий и заключительный этапы расследования мошенничества связаны с принятием следователем мер по расширению доказательственной базы преступления. Его деятельность направлена на собирание недостающей информации, изобличающей преступника, на выявление ранее неизвестных и неуста-

[1] Далее – «сеть Интернет».

новленных обстоятельств преступления, соучастников. Для установления вышеперечисленного в арсенале следователя имеется достаточно большое количество необходимых к проведению следственных действий и экспертиз.

Рассматривая мошенничество, совершенное с использованием информационно-коммуникационных технологий, оговоримся о том, что такие преступления, в большинстве своем носят латентный характер, тем не менее, оставляя, так называемые цифровые следы, свидетельствующие о факте совершения преступления и являющиеся одним из основных источников информации. Такие следы, на сегодняшний день, трудно распознаваемы в виду недостаточной оснащенности органов внутренних дел Российской Федерации необходимым оборудованием и техническими средствами.

Довольно часто по делам о мошенничестве проводятся обыски по месту жительства подозреваемых, их семей, близких родственников. Из раздела криминалистической тактики мы знаем, что успешность в проведении обыска во многом зависит от его внезапности, поэтому целесообразно проводить данное следственное действие как можно скорее после установления виновных лиц.

Переходя к допросу подозреваемых по делам о мошенничестве, упомянем о том, что обычно он проводится в условиях конфликтной ситуации и подозреваемый либо нарочно дает ложные и противоречивые показания, либо выдает совершенное преступление за законную сделку.

По мнению Юрина В. М., в качестве основного приема получения правдивых показаний следователю необходимо использовать предъявление доказательств, в особенности – документов, в отношении которых заранее должна быть проведена экспертиза результатов контроля и записи телефонных переговоров и т. д. [6, с. 78].

Одним из главных источников доказательственной базы при расследовании любого уголовного дела является проведение экспертиз. Исключением не стали и дела о видах мошенничества, совершенных дистанционным способом.

А. Г. Филиппов отмечает, что на первоначальном этапе расследования указанного вида мошенничества чаще других проводятся диагностические экспертизы для установления происхождения различных объектов, в свою очередь, последующим этапам в большей степени характерны идентификационные экспертизы [5, с. 599].

По делам о мошенничестве, совершенных дистанционным способом, преобладают так называемые цифровые следы, в виду чего чаще других назначаются различного вида компьютерные экспертизы. Напомним, что целью компьютерных экспертиз является получение доказательств о модификации компьютерной информации, действиях внутри информационных систем путем исследования компьютерного оборудования, смартфонов, отражающих действия пользователя.

В частности, следователь может поставить перед экспертом вопросы, касающиеся внутреннего содержания мобильного телефона, а именно наличие установленных специальных программ, позволяющих осуществлять обмен сообщениями и звонками (например, мессенджеров WhatsApp или Telegram), сохраненнных смс-сообщений, изображений, аудиофайлов и т. д.

Подводя итог, отметим, что на современном этапе криминалистическое обеспечение расследования мошенничества, совершенного с использованием информационно-коммуникационных сетей, пока еще не достигло надлежащего уровня. Следователь ограничен несовершенством правового регулирования. Необходима разработка и расширение уголовно-процессуальных механизмов и способов получения доказательств при расследовании совершенного мошенничества. Для снижения случаев мошенничества, совершаемого с использованием информационно-коммуникационных сетей, представляется целесообразным воздействовать на правосознание населения, информировать его о существующих способах и приемах мошенничества, совершаемого с использованием информационно-коммуникационных сетей.

Список литературы

1. Генеральная прокуратура Российской Федерации. Сборник о состоянии преступности в России за январь – декабрь 2020 года // [Электронный ресурс]. – URL: http://crimestat.ru/analytics (дата обращения: 01.03.22).

2. Асташов М.А. Типичные следственные ситуации при расследовании мошенничества // Территория науки. – 2017. – № 3.

3. Баулина М.Ю. Способы совершения мошенничества с использованием электронных средств платежа и криминологические меры его предупреждения // Актуальные проблемы современного права и правосознания в России и за рубежом. – 2019. С. 16-20.

4. Михайленко И.А. К вопросу о способах мошенничества в сети Интернет // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. – 2016. – № 5 (13). С. 98-104.

5. Филиппов А.Г. Криминалистика. Полный курс: учебник для бакалавров / под общ. ред. А.Г. Филиппова. – 5-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт. – 2015.

6. Юрин В.М. Расследование преступлений в сфере экономики. Учебное пособие. Гл. 3 // Саратов, 2018.

Соколова М. В.[1]**,**
старший преподаватель кафедры предварительного расследования Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук
Бондаренко И. А.[2]**,**
курсант Института подготовки сотрудников для органов предварительного расследования Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СЛЕДОВАТЕЛЯ ПО ПРОИЗВОДСТВУ ОБЫСКА ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ КИБЕРПРЕСТУПЛЕНИЙ

Результат обыска при расследовании киберпреступлений находится в прямой зависимости от правильной и четкой подготовки к его производству. Особенность характера киберпреступлений – это спланированность, а также осведомленность преступника о возможных действиях лиц, участвующих в обыске. Во-первых, потенциальный преступник успевает продумать способ сокрытия доказательств путем шифрования. Во-вторых, профессионалы работают, стараясь защититься в первую очередь именно от атаки перебором, путем шифрования используя ту же (VeraCrypt).

Необходимо отметить, что на сегодняшний день не были взломаны ни AES (симметричный алгоритм блочного шифрования принятый в качестве стандарта шифрования), ни какие-либо другие алгоритмы шифрования, представленные в криптоконтейнере VeraCrypt.

При производстве обыска при расследовании киберпреступлений следователю необходимо учитывать тот фактор, что большая часть доказателственненной основы хранится на компьютере, в частности, в оперативном запоминающем устройстве представляющим временное хранилище для данных, необходимых для работы игр и программ. Все что нужно, чтобы не утратить такую информацию-это не выключать техническое устройство и предоставить возможность эксперту сохранить образ оперативной памяти. Для того, чтобы создать образ оперативной памяти понадобится всего пару минут, а весь объем можно вместить на USB-флешку с помощью инструментов, например нашей отечественной компании «Belkasoft».

В этой связи, первоначально по прибытии на место обыска следователю необходимо незамедлительно ограничить доступ к компьютерной технике и телекоммуникационным сетям всех участвующих в следственном действии лиц и предоставить специалисту возможность сохранения образа оперативной памяти.

Необходимо отметить, что в оперативной памяти любого технического устройства можно найти ключи от криптоконтейнеров, с помощью которых можно мгновенно расшифровать содержимое, сообщения в месседжерах, использующих сквозное шифрование, алгоритмы MTPoto и даже собственные протоколы. В оперативной памяти содержатся полученные и отправленные сообщения через социальные сети, форумы, мессенджеры, информация о последних

[1] © Соколова М. В., 2022.
[2] © Бондаренко И. А., 2022.

скаченных файлах, а так же страницы и изображения с веб-сайтов, загруженные ветки реестра.

Не стоит при производстве обыска забывать и о мобильных девайсах. Большинство людей используют в повседневной жизни мобильные девайсы, будь то сотовые телефоны, смарт-часы, планшеты и так далее. Они содержат следующие основные типы криминалистических данных: контакты (телефонная книга), (книга контактов в мессенджерах), вызовы, СМС-сообщения, ММС-сообщения, чаты, электронную почту, мультимедиа файлы, данные геолокации, вредоносные программы и иные артефакты. Благодаря мобильному девайсу можно определить платежные системы, используемые злоумышленником, электронные карты, оформленные на «дропов», то есть подставных лиц, криптокошельки.

Также следует отметить, что после проведения обыска (изъятия) все обнаруженные компьютеры, содержащие необходимую информацию о расследуемом киберпреступлении, вещественные доказательства, соответствующим образом упаковываются и опечатываются. Упаковка должна обеспечивать сохранность вещественных доказательств от повреждения и порчи. На упаковке указываются: наименование документов, их количество, номер дела, к которому приобщены вещественные доказательства, а включенные компьютеры ни в коем случае не должны быть выключены, если с них предварительно не снят слепок оперативной памяти. Выключенный компьютер приведет к утрате последних сообщений, которые отправлял подозреваемый через социальные сети, исчезновению ключей, необходимых для расшифрования криптоконтейнеров, уничтожению иных данных, имеющих значение для уголовного дела [1].

Подведем итог и сформулируем ряд действий при производстве обыска:

– осуществить анализ исходных сведений и определить вид и содержание компьютерной информации, которая предположительно находится в руках у преступника, а также выяснить на каких материальных носителях может находиться исходная информация;

– установить точные сведения о месте проведения обыска;

– подготовить материально-техническое обеспечение, использование которого следует изначально согласовать со специалистом, присутствующем при производстве обыска;

– осуществить выбор понятых. При выборе понятых следует ориентироваться на наличие у них навыков работы с компьютерной техникой и телекоммуникационными сетями.

– привлечь специалиста в области компьютерной информации и эксперта-криминалиста;

– установить места расположения компьютерной техники и незамедлительно ограничить доступ к ней всем участвующим лицам при проведении обыска;

– организовать обнаружение следов рук на технике, используемой при совершении киберпреступления;

– зафиксировать места прокладки телекоммуникационных кабелей и наличия беспроводной (Wi-Fi) и глобальной сети в помещении, наличия сервера;

– установить запоминающие устройства;

– обнаружить документацию и записи, относящиеся к киберпреступлениям [2, С. 33].

Подводя итог вышеизложенному, необходимо отметить, что особенность характера киберпреступлений – это спланированность, а также осведомленность преступника о возможных действиях лиц, участвующих в обыске. Во-первых, потенциальный преступник успевает продумать способ сокрытия доказательств путем шифрования. Во-вторых, профессионалы работают, стараясь защититься в первую очередь именно от атаки перебором. Результат обыска при расследовании киберпреступлений находится в прямой зависимости от правильной и четкой подготовки к его производству. Поэтому важно не дать информации уйти, не выключать техническое устройство и предоставить возможность эксперту сохранить образ оперативной памяти.

Список литературы

1. Метод снятия образа памяти при запароленном компьютере // URL: https://lektsii.org/4-5853.html (дата обращения 18.03.2022).

2. Прикмета А.Н. Киберпреступность в России. Юридическая ответственность за нарушения прав в сфере информационных технологий // Информатика и кибернетика. 2018. С. 25–33.

Соломатина А. Г.[1]**,**
доцент кафедры уголовного процесса
Московского Университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

ПРИМЕНЕНИЕ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ОТДЕЛЬНЫХ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

Внедрение цифровых технологий в различные области жизнедеятельности нашего общества, предполагает совершенствование уголовно-процессуальной деятельности, в том числе и при производстве следственных действий.

Повсеместная цифровая трансформация сформировала новый тренд институциональных изменений в сфере уголовного процесса, способствовала созданию «нового поколения» механизмов, направленных на собирание, проверку и оценку информации.

В настоящее время не актуален вопрос о целесообразности применения цифровых технологий при производстве следственных действий, – отдельные из них способствуют успешному их проведению уже очень давно, например, цифровые фотоаппараты и видеокамеры, – важны другие: какие возможны риски при их использовании? как уберечь цифровые доказательства от фальсификации? будет ли устранена субъективность при собирании, проверке и оценке доказательств с использованием цифровых технологий? изменят ли цифровые доказательства их сущность? каковы способы цифровых доказательств? какими компетенциями должен обладать следователь в эпоху повсеместной цифровой трансформации? Современные цифровые технологии кардинально изменили условия использования обычной речи, став средством для ее записи при допросе, очной ставке, проверке показаний на месте. Появились возможности преобразования речи в текст, ее распознавания.

Доказательства пребывания человека в определенном месте можно найти по фотографии лица, биометрических данных. Не секрет, что даже, если целенаправленно не фиксировать свои действия в интернет-пространстве, все равно остается цифровой след поисковых и иных действий в сети.

В уголовном судопроизводстве к настоящему времени сложился определенный опыт использования цифровых технологий при производстве следственных действий. Так, при осмотре места происшествия, обыске, проверке показаний на месте применяются цифровая аппаратура фото и видео-фиксации. При допросе возможно использовать средства видео-конференц связи. Повсеместно применяются технологии глобального позиционирования (ГЛОНАСС, GPS), позволяющие, например, в определенной степени более точно установить местонахождение объектов как при осмотре места происшествия, так и в непосредственной близости от него [1, с. 345].

Но научный технический прогресс не стоит на месте и ожидаемого эффекта от использования цифровых технологий при производстве следственных дей-

[1]© Соломатина А. Г., 2022.

ствий не получено, так как отсутствует нормативная правовая база, регламентирующая использование цифровых технологий при производстве следственных действий или вообще отсутствием таких норм.

В настоящее время нормативной основой использования технических средств или информационных технологий в ходе производства следственных действий служат нормы УПК РФ, определяющие правила их производства и порядок оформления хода и результатов этих действий.

В части 6 ст. 164 УПК РФ закреплены общие правила производства следственных действий, согласно которым при их производстве могут применяться технические средства и способы обнаружения, фиксации и изъятия следов преступления и вещественных доказательств. Однако необходима более детальная нормативная регламентация использования цифровых технологий.

Ценность собранной с помощью цифровых технологий доказательств заключается в возможности их хранения в информационных пространствах – «облачных», например, а в связи с этим и в возможности их истребования даже по прошествии времени. Возможность истребования доказательств из цифрового хранилища следователем из любой точки нашей страны даже по прошествии времени способна совершить революцию в установлении обстоятельств, подлежащих доказыванию.

Следует согласиться с авторами, которые считают, что «цифровизация уголовного судопроизводства должна идти параллельно в двух направлениях: во-первых, в направлении внедрения новых информационных технологий, способствующих повышению открытости, доступности и оперативности правосудия, а во-вторых, в направлении усовершенствования самого процесса посредством снижения его избыточного формализма» [2, с. 95].

В.С. Власова усматривает в уголовно-процессуальной цифровизации «революционный» потенциал для сущностного изменения уголовного процесса и считает неприемлемым лишь реализацию предложений «по переходу на электронный документооборот, созданию электронного аналога «уголовного дела», о дублировании процессуальных действий и решений в электронном виде» [3, с. 9–18].

Как уже было сказано выше – научно-технический прогресс не стоит на месте, что порождает постоянное устаревание имеющихся технологий и появление новых, более современных. И в скором будущем для производства следственных действий понадобятся методологии расследования с открытым исходным кодом; использование методов машинного обучения, применение программного обеспечения для распознавания невербальных коммуникаций, методы сетевого анализа; использование виртуальной реальности и интерактивных платформ для воссоздания мест преступлений; крупномасштабное цифровое архивирование; дистанционное зондирование и др.

Фиксация и документирование, например, при производстве осмотра места происшествия, проверке показаний на месте, допроса стало возможно осуществлять даже дистанционно, не присутствуя на месте события и производства следственного действия, например, с помощью современных средств, таких как ZOOM, Whatsapp, Discord и др.

Рассмотрим некоторые прогрессивные направления технологий цифровой индустрии, способные вывести возможности уголовно-процессуальной деятельности на новые рубежи:

Географическая информационная система (ГИС) – комплекс программ, осуществляющих сбор, отображение, обработку и анализ изображений, а также использование глобальной системы определения местоположения (GPS), спутниковых изображений данных (в реальном и прошлом времени), указанных в явном виде географических координат.

Такие технологии могут применяться при осмотре места происшествия, помещений, предметов, освидетельствования в режиме реального и прошлого времени и др. Особое значение данные технологии приобретают в целях наблюдения и сбора информации в любых точках земного шара, водного и воздушного пространства, куда не способна ступить нога человека.

Подобные задачи можно решить, используя технологии дистанционного зондирования Земли (ДЗЗ) из космоса, представляющие незаменимое средство изучения и постоянного мониторинга нашей планеты [4, с. 21–44].

Оценить и проанализировать полученную информацию способен геопространственный искусственный интеллект – GeoAI (Geospatial Artificial Intelligence) [5]. Анализ ситуации на дорогах – наиболее знакомая иллюстрация нового направления деятельности искусственного интеллекта. Геопространственные технологии, такие как LiDAR, спутниковые снимки, картография дронов, съемка наземных камер, позволяют получать точные данные с трехмерной информацией, найти любой искомый объект в том числе и разыскиваемого человека, позволяют снизить трудозатраты органов предварительного расследования и повысить точность расчетов и прогнозов.

Интересной представляется такая форма использования новых технологий, как on-line-расследования преступлений, осуществляемая по принципам работы on-Line-разведки на основе открытых источников (англ. *Open source intelligence, OSINT*) – это инновационная технология, суть которой состоит в поиске, выборе и сборе информации из общедоступных источников (поисковые системы Интернет, социальные сети, форумы, блоги, веб-сообщества, вики-справочники; публичные отчеты органов государственной власти, материалы пресс-конференций, публичные выступления и заявления; профессиональные и научные отчеты, конференции, доклады, статьи, включая литературу, относящуюся к «желтой прессе»), а также ее анализ. Множество открытых источников позволяет в ходе производства по уголовному делу осуществить поиск, собирание, проверку необходимой для доказывания информации, а их доступность предоставляет такую возможность каждому пользователю Интернет.

Следователи, компетентные в работе с сервисами и базами данных сети Интернет, поиске, анализе и проверке фактических данных, способны осуществлять расследование преступлений на более высоком уровне качества и эффективности.

Несомненно, всю полученную при производстве следственных действий информацию в соответствии со ст. 17 УПК РФ судья, присяжные заседатели, прокурор, следователь, дознаватель оценивают по своему внутреннему убеждению,

основанному на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств, руководствуясь при этом законом и совестью. «Оценка достоверности свидетельских показаний прежде всего определяется на основе здравого смысла, который каждый день используется разумными людьми, чтобы определить говорит ли человек правду. Нет никакой магической формулы для оценки достоверности свидетельских показаний» [6, с. 14].

Подводя итог сказанному, следует отметить, что преимущества цифровых технологий при производстве следственных действий очевидны – позволяют: избавиться от волокиты и существенно повысить эффективность уголовного судопроизводства по сравнению с традиционной формой [7, с. 226-229]; осуществлять следственные действия в условиях дистанционного режима работы; смягчить субъективность, присущую традиционным методам доказывания.

Приведенный в статье перечень является лишь малой частью тех возможностей, которые предоставляют новые технологии для более эффективного и успешного расследования преступлений. Уголовный процесс в целях более быстрого, качественного расследования преступлений и отправления правосудия должен неразрывно идти вместе с развитием научно-технического прогресса, опираясь на положительный опыт зарубежных государств.

Список литературы

1. Леонов А. И., Смагин П. Г. Использование информационных технологий при производстве следственных действий, в том числе с ограничением конституционных прав граждан // Вестник Тульского государственного университета. 2011. Вып. 9 (101). С. 345–349.

2. Качалова О.В., Цветков Ю.А. Электронное уголовное дело – инструмент модернизации уголовного судопроизводства // Российское правосудие. 2015. № 2. С. 95–101.

3. Власова В.С. К вопросу о приспосабливании уголовно-процессуального механизма к цифровой реальности // Библиотека криминалиста : науч. журн. 2018. № 1. С. 9–18.

4. Лупян Е.А. Саворский В.П., Шокин Ю.И., Алексанин А.И. Назиров Р.Р., Недолужко И.В., Панова О.Ю. Современные подходы и технологии организации работы с данными дистанционного зондирования Земли для решения научных задач // Современные проблемы дистанционного зондирования Земли из Космоса. 2012. Т. 9. № 5. С. 21-44.

5. Фатеев О., Носов Н. Искусственный интеллект в географии // // ИКС, № 1. 2021. URL: https://www.iksmedia.ru/articles/5695009-Iskusstvennyj-intellekt-v-geografii.html (Дата обращения: 10.04.2022).

6. Доказательные аспекты в судебных делах по торговле людьми // Сборник судебных решений. Организация объединенных наций. Вена, 2017. С. 14.

7. Бертовский Л. В. Технология блокчейна в уголовном процессе как элемент цифрового судопроизводства // Проблемы экономики и юридической практики.2017, № 6. С. 226–229.

Титовец И. В.[1]*,*
старший преподаватель кафедры правового обеспечения национальной безопасности института кибербезопасности и цифровых технологий РТУ МИРЭА

НОВОЕ В МЕХАНИЗМЕ ИСКЛЮЧЕНИЯ НЕДОПУСТИМЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

Несмотря на почтительный срок существования в УПК РФ положений о недопустимых доказательствах, законодатель полагает возможным их корректировать, внося дополнения и изменения.

В 2017 г. ст. 75 УПК РФ дополнена п. 2.1 о том, что к недопустимым доказательствам относятся предметы, документы или сведения, входящие в производство адвоката по делам его доверителей, полученные в ходе оперативно-розыскных мероприятий или следственных действий, за исключением предметов и документов, указанных в части первой статьи 81 УПК РФ [1].

Данное положение введено после состоявшегося постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 17.12.2015 № 33-П [2], касающихся дополнительных гарантий независимости адвокатов при оказании ими квалифицированной юридической помощи в уголовном судопроизводстве.

Замысел законодателя о введении п. 2.1 ч. 2 ст.75 УПК РФ состоит в отстаивании сохранения адвокатской тайны во всем ее многообразии.

Осмотр места происшествия, обыск, осмотр и выемка у адвоката могут быть произведены только с участием члена совета адвокатской палаты соответствующего субъекта Российской Федерации, или иного представителя, уполномоченного президентом этой адвокатской палаты.

Полагаем, что нарушения порядка производства данных следственных действий, их производство в отсутствие члена совета адвокатской палаты могут повлечь признание полученных доказательств недопустимыми, в частности, если речь идет об обыске (выемке), то должны быть признаны недопустимыми доказательствами постановление о производстве обыска (выемки), протокола обыска (выемки) и полученные в ходе его производства предметы и документы.

Совершенствуя нормы о недопустимых доказательствах, и преследуя почти ту же цель – сохранения тайны, но только в данном случае налоговой, через два года после упомянутых изменений, Федеральный закон от 27.12.2019 № 498-ФЗ [3], вновь видоизменяет ст.75 УПК РФ, дополняя часть 2 положением о том, что к недопустимым доказательствам следует относить:

– полученные в ходе оперативно-розыскных мероприятий или следственных действий сведения о факте представления подозреваемым, обвиняемым специальной декларации в соответствии с Федеральным законом «О добровольном декларировании физическими лицами активов и счетов (вкладов) в банках и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» и (или) указанная декларация и сведения, содержащиеся в указанной декларации

[1] © Титовец И. В., 2022.

и документах и (или) сведениях, прилагаемых к указанной декларации, за исключением случаев представления декларантом копий указанных декларации и документов и (или) сведений для приобщения к уголовному делу (п. 2.2);

– полученные в ходе оперативно-розыскных мероприятий или следственных действий сведения о факте указания подозреваемого, обвиняемого в специальной декларации, представленной иным лицом в соответствии с Федеральным законом «О добровольном декларировании физическими лицами активов и счетов (вкладов) в банках и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», и (или) сведения о подозреваемом, обвиняемом, содержащиеся в указанной декларации и документах и (или) сведениях, прилагаемых к указанной декларации, за исключением случаев представления декларантом копий указанных декларации и документов и (или) сведений для приобщения к уголовному делу (п. 2.3).

Приведенные положения действуют с 08 января 2020 г.

Рассмотрим почему законодатель идет по пути «расширительного толкования» положений о недопустимых доказательствах.

Реализация Федерального закона от 08.06.2015 № 140-ФЗ [4], называемого обычно законом «Об амнистии капиталов» выявила сложности правоприменения во взаимосвязи с положениями УПК РФ. В частности сложилась ситуация, что прописанные в законе гарантии не действуют в отношении декларантов и лиц, сведения о которых содержатся в специальной декларации.

Так, ст.4 приведенного Федерального закона предусматривает, что в случае представления в установленном порядке специальной декларации декларантам гарантируется:

– полное освобождение от уголовной ответственности за совершение деяний, сведения о которых содержатся в специальной декларации, содержащих признаки отдельных составов преступлений (ст. 193, частями первой и второй ст. 194, ст. ст. 198, 199, 199.1, 199.2 УК РФ);

– запрет на использование в качестве основания для возбуждения уголовного дела или в качестве доказательства по уголовному делу факта в отношении декларанта и (или) номинального владельца имущества в случае совершения им любого деяния, предусмотренного УК РФ, представления декларации или документов и (или) сведений, прилагаемых к декларации, а также сведений, содержащихся в декларации и документах и (или) сведениях, прилагаемых к декларации, если это доказательство представлено не самим декларантом.

Однако правоприменительная практика в настоящее время идет по такому пути, что рамках доследственной проверки и после возбуждения уголовного дела имеют место ситуации, когда указанная специальная декларация в противовес положениям закона в установленном порядке (выемка, обыск) в ФНС изымается и используется как доказательство.

В качестве примера приведем следующий. И. привлечен в качестве обвиняемого по ч. 4 ст. 159 УК РФ (двум эпизодам преступной деятельности). В ходе производства обыска сотрудники Следственной службы УФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области обнаружили и изъяли копию специальной декларации, поданной в ФНС России, которая в числе прочих документов приобщена

к материалам уголовного дела [5].

Защитник И. несколько раз обращался с ходатайствами об ее исключении как недопустимого доказательства в силу положений Федерального закона от 8 июня 2015 г. № 140-ФЗ, в том числе и после введения соответствующих изменений в ст.75 УПК РФ. Однако Дзержинский суд г. Санкт-Петербурга отказывал в удовлетворении, в связи с чем по инициативе защитника сложный правовой случай стал предметом рассмотрения Президиумом Верховного Суда Российской Федерации, который разъяснил следующее: «В соответствии с частью 6 статьи 4 Федерального закона от 8 июня 2015 г. № 140-ФЗ сведения, содержащиеся в декларации и документах и (или) сведениях, прилагаемых к декларации, признаются налоговой тайной в соответствии с законодательством Российской Федерации о налогах и сборах. Режим хранения таких сведений и документов и доступа к ним обеспечивают исключительно налоговые органы. Иные государственные или негосударственные органы и организации не вправе получать доступ к таким сведениям и документам. Исходя из этого, не могут быть получены такие сведения и документы и на основании судебного решения. Сведения, содержащиеся в декларации и документах и (или) сведениях, прилагаемых к декларации, могут быть истребованы только по запросу самого декларанта. Декларант вправе представлять такие сведения и документы для приобщения их к уголовному делу в качестве доказательств. Отказ в приобщении этих доказательств не допускается» [6].

В связи с вышесказанным предлагается напрямую признать недопустимыми доказательствами при производстве любого уголовного дела сам факт представления специальной декларации, а также документы и (или) сведения, содержащиеся в такой декларации или в документах, представленных одновременно с декларацией, в том случае, когда такие доказательства не представляются самим декларантом, а получены в ходе оперативно-разыскных мероприятий или следственных действий.

Кроме того, в ст. 164 УПК РФ «Общие правила производства следственных действий» включено положение о том, что при производстве следственных действий по уголовным делам о преступлениях, совершенных в сфере предпринимательской деятельности, запрещается изъятие соответствующей специальной декларации.

Учитывая, что практика применения норм о признании доказательств недопустимыми в ходе досудебного производства неоднозначная, в том числе и после введения относительно новых положений о недопустимых доказательствах, полагаем возможным высказаться о реализации механизма исключения недопустимых доказательств.

В отличие от судебной стадии, современное закрепление действия механизма исключения /признания доказательств недопустимыми в ходе досудебного производства по уголовному делу не содержит последовательного механизма его реализации.

Определяющей в данной вопросе является ст.88 УПК РФ, которая в ч. 2 и ч. 3 закрепляет только общие положения в системе правил оценки доказательств

о праве прокурора, следователя, дознавателя признать доказательство недопустимым и о праве подозреваемого (обвиняемого) заявить соответствующее ходатайство.

Вместе с тем право потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика о заявлении субъекту расследования ходатайства о признании доказательства недопустимым вытекает из положений норм УПК РФ, регламентирующих их статус.

Защитник подозреваемого (обвиняемого), как показывают исследования, проведенные автором по анализу следственной и судебной практики, несмотря на отсутствие законодательной нормы об этом, достаточно активно «оперирует» положениями о недопустимых доказательствах, и следуя тактике защиты, «приберегает арсенал их мощного воздействия» на судебную стадию, заявляя ходатайства для проведения предварительного слушания по делу в соответствии с ч.5 ст.234 УПК РФ и при проведении судебного следствия.

На первый взгляд, все понятно и есть статьи УПК РФ, подлежащие применению, если доказательство получено с нарушением уголовно-процессуального закона. Однако с другой стороны у следователей и дознавателей возникают вопросы, какие нарушения должны определять ущербность доказательства и невозможность его использования, исходя из определяющих в данном вопросе конституционных положений ч.3 ст.7 УПК РФ «Законность при производстве по уголовному делу», определяющей, что нарушение норм УПК РФ прокурором, следователем, органом дознания, начальником органа дознания, начальником подразделения дознания влечет за собой признание недопустимыми полученных таким путем доказательств.

Приведем пример. При производстве по уголовному делу следователь, производя допрос несовершеннолетнего потерпевшего, выполняя требования нормы ч.5 ст. 191 УПК РФ, выяснил вопрос у последнего и его законного представителя о возможности применения видеозаписи. Получил ответ, что указанные участники уголовного судопроизводства возражают против фиксации показаний с использованием соответствующих технических средств. Остальные требования об особенностях допроса несовершеннолетних, касающиеся времени его производства, участников, следователь выполнил.

Вместе с тем, прокурор, получив уголовное дело для утверждения обвинительного заключения усмотрел здесь нарушение и своим постановлением исключил добытое без существенных нарушений УПК РФ – протокол допроса несовершеннолетнего потерпевшего из числа доказательств по делу и вернул следователю уголовное дело для производства дополнительного расследования [7].

Автор полагает, что понимание вопросов, каким образом, по каким критериям осуществлять оценку этих сложных в применении вопросов, может дать подробная регламентация механизма исключения доказательств.

В первую очередь это повод и основания для признания доказательства недопустимым. Поводом в данном случае в отличие от повода для возбуждения уголовного дела будет являться источник сведений об открытом волеизъявлении участников уголовного судопроизводства. Источником может быть ходатайство,

поданное на имя следователя, дознавателя, либо полученное в ходе производства следственного действия. Повод будет являться одновременно и юридическим фактом, влекущим для следователя и дознавателя возникновение соответствующей процессуальной деятельности.

Основание для признания доказательства недопустимым – это предусмотренная законом совокупность достаточных данных, свидетельствующая о допущенных нарушениях уголовно-процессуального закона при собирании доказательственной информации, побуждающая властных (компетентных) субъектов уголовно-процессуального доказывания приступить к осуществлению соответствующей деятельности.

На основе анализа правоприменительной практики, полномочий властных субъектов, прав участников уголовного судопроизводства выделены следующие виды поводов для признания доказательств недопустимыми в ходе досудебного производства по уголовному делу:

1) собственное усмотрение следователя, РСО дознавателя, начальника подразделения дознания, начальника органа дознания, прокурора; 2) указание РСО (вышестоящего РСО) в порядке ст.39 УПК РФ; 3) указание начальника подразделения дознания в порядке ст.40.1 УПК РФ; 4) указание начальника органа дознания в порядке ст.40.2 УПК РФ; 5) указание прокурора дознавателю в порядке ст.37 УПК РФ; 6) ходатайства участников процесса со стороны защиты (подозреваемого, обвиняемого и их защитников); 7) ходатайство потерпевшего, его представителя; 8) ходатайство гражданского истца (ст.44 УПК РФ), гражданского ответчика (ст.54 УПК), представителя гражданского истца (ст.45 УПК РФ), представителя гражданского ответчика (ст.55 УПК РФ).

Принятие процессуального решения по результатам рассмотрения поводов и оснований для признания доказательств недопустимыми в определенные сроки является обязательным. Процессуальное решение в ходе досудебного производства по уголовному делу вне зависимости от того, какой повод рассматривался (собственное ли решение, ходатайства) облекается в форму постановления, несмотря на то, что законодатель никак это не регламентирует.

Анализ практики применения данных норм свидетельствует, что следователи (дознаватели) именуют документы следующим образом «Постановление об оценке доказательств», «Постановление об исключении доказательств», «Постановление об отказе в удовлетворении ходатайства об исключении доказательства»

При определении сроков целесообразно ориентироваться на положения ст.121 УПК РФ, допускающей разрешение ходатайств не позднее трех суток со дня их заявления.

Следующий этап – уведомление участников о принятом решении и разъяснении соответствующих процессуальных прав. При принятии решения об исключении доказательства должностное лицо уведомляет заинтересованных лиц по правилам ст.119 УПК РФ и разъясняет право обжаловать данное постановление вышестоящему РСО, прокурору, в суд.

Заключительный этап – реализация правовых последствий исключения недопустимых доказательств включает деятельность властных субъектов по принятию процессуальных решений с учетом исключения недопустимых доказательств по «нейтрализации» таких последствий (производство следственных действий, направленных на восполнение исключенного доказательства).

Безусловно, самым важным аспектом в рассматриваемом механизме является возможность понимания, какие доказательства получены с существенным нарушением уголовно-процессуального закона и по каким критериям их определять.

Представляется, что если доказательство и получено с так называемым незначительным (несущественным) нарушением закона, которое не затрагивает конституционных положений о праве не свидетельствовать против себя, близких родственников, круг которых определен федеральным законом, о праве на защиту и др., а также принципов уголовного судопроизводства, общих условий производства следственных и судебных действий и не влияет на промежуточные, либо итоговые решения по уголовному делу, оно должно использоваться. Если же субъекты доказывания не будут входить в оценку существенности допущенного нарушения, то при таком нормативном предписании допустимо манипулирование нормами о недопустимых доказательствах и как следствие – принятие решений об исключении всех доказательств по делу.

В связи с изложенным полагаем возможным заключить, что в приведенном в статье примере речь шла все – таки о несущественном нарушении закона и реакцию прокурора при оценке доказательств следует оценить, как чрезмерную.

Список литературы

1. Федеральный закон 17.04.2017 № 73-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Российская газета. № 83. 19.04.2017.

2. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 17.12.2015 № 33-П // Российская газета. № 296. 30.12.2015 (Постановление).

3. Федеральный закон от 27.12.2019 N 498-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Российская газета. № 296. 31.12.2019.

4. Федеральный закон от 08.06.2015 № 140-ФЗ «О добровольном декларировании физическими лицами активов и счетов (вкладов) в банках и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета. № 124. 10.06.2015.

5. Адвокатская газета от 20 февраля 2020 // https://www.advgazeta.ru/novosti/nesmotrya-na-popravki-v-upk-i-pozitsiyu-vs-sud-vnov-otkazalsya-isklyuchat-spetsdeklaratsiyu-iz-chislla-dokazatelstv/.

6. Решение Президиума Верховного Суда РФ от 30 октября 2019 г. http://www.vsrf.ru/documents/thematics/28357/.

7. Постановление заместителя военного прокурора 231 военной прокуратуры гарнизона г. Москвы.

Тишутина И. В.[1],
профессор кафедры криминалистики
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор юридических наук, доцент

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ВОЗМОЖНОСТЕЙ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ В РАСКРЫТИИ И РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Сегодня интернет и социальные сети выступают основным информационным полем для большинства населения, а значит – организация работы по функционированию таких каналов должна быть одной из приоритетных задач в рамках взаимодействия с населением и СМИ. Именно их наличие позволит не только эффективно и в сжатые сроки решать задачи раскрытия и расследования преступлений, но и минимизировать информационное давление за счет размещения недостоверной информации в неофициальных медиа с целью сформировать «нужное» общественное мнение.

В текущих условиях очевидно противоречие между колоссальным уровнем цифровизации жизни и деятельности в обществе, резким увеличением информационной нагрузки на социальные медиа и высокой погруженностью граждан в сферу интернет информирования – с одной стороны, и слабым развитием этой сферы, как потенциального направления взаимодействия со средствами массовой информации (СМИ) и гражданами, в правоохранительных органах – с другой. Быстро прогрессирующее распространение цифровых социальных медиа требует от правоохранительных органов совершенствовать свою деятельность в части их использования для решения задач раскрытия и расследования преступлений.

Реалии сегодняшнего дня как никогда наглядно демонстрируют всю глубину проблемы. Информация является одним из основных ресурсов, позволяющих отдельным гражданам, группам и целым государствам с той или иной эффективностью решать стоящие перед ними задачи. Это актуализирует потребность в установлении продуктивных контактов по использованию возможностей средств распространения информации в интересах правоохранительных органов.

Социальное медийное пространство активно используется для формирования общественного мнения, индивидуальной позиции, оказания воздействия на граждан, информационной войны, пропаганды криминала, экстремизма и организации массовых беспорядков. И, несмотря на серьезные изменения в его структуре, происходящие в последнее время, сокращение работающих аккаунтов, интернет-СМИ, по сравнению с их волнообразным ростом в последние десять лет, модернизация старых и появление новых информационных интерент-площадок, – активность населения по поиску и оценке информации, распространяемой ими не только не ослабевает, а наоборот – еще более усиливается. Количество времени, проводимого пользователями в соцсетях не уменьшается, происходит определенное перераспределение его затрат между существовавшими и вновь

[1] © Тишутина И. В., 2022.

появляющимися или реанимируемыми сетями и информационными площадками.

Модернизация организационных и тактических основ взаимодействия правоохранительных органов со СМИ в условиях цифрового общества необходима, при этом в числе основных ее условий следует обозначить следующие.

1. Организация взаимодействия на взаимовыгодной основе в условиях обоюдной заинтересованности. Правоохранительные органы заинтересованы в подаче информации, соответствующей действительности и решении задач выявления, раскрытия и расследования преступлений, а СМИ – в повышении рейтинга за счет распространения актуальных и привлекающих интерес граждан сведений.

Независимо от формата СМИ призваны играть важную роль в формировании позитивного имиджа сотрудников правоохранительных органов, в поддержании доверия к ним со стороны населения, и в целом в деле борьбы с преступностью в государстве и на международном уровне. СМИ призваны освещать структурные изменения в системе правоохранительных органов, отдельные события их внутренней жизни, поскольку только открытость способствует максимальному доверию со стороны населения. Однако, более важно их участие в решении текущих повседневных задач раскрытия и расследования преступлений, которые тесно связаны с информационными процессами, протекающими в социальной среде.

2. Сочетание в рамках взаимодействия возможностей социальных медиа и традиционных СМИ, как выпускаемых самими подразделениями правоохранительных органов, так и частными.

Так, количество подписчиков официальных аккаунтов МВД субъектов Российской Федерации в социальных сетях колеблется от одного-двух до десяти процентов от объема населения субъектов, редко – чуть выше. Очевидно, о какой эффективности размещаемой в них информации идет речь. Эффективность работы аккаунтов и страниц в соцсетях, как известно, определяется охватом аудитории, а соответственно – необходимо не просто их наличие, а активность ведущейся в них работы не только по подаче актуальной информации, но и по продвижению. Как свидетельствуют результаты пилотажного опроса, именно интернет-СМИ сегодня выступают главным источником информации для большинства населения (78 %), однако о деятельности правоохранительных органов сведения из этого источника систематически получают только 23 %. С одной стороны это объясняется нежеланием воспринимать негативные события, не касающиеся человека напрямую, а с другой – отсутствием у граждан информации о возможности почерпнуть ее в социальных медиа и малой информационной насыщенностью последних.

3. Тактические задачи взаимодействия со СМИ и гражданами не дифференцируются и не изменяются в зависимости от того с какой разновидностью или формой средств массовой информации предполагается взаимодействие. Что касается критериев выбора СМИ, то их стандартный перечень в случае выбора интернет-СМИ может дополняться или уточняться.

При этом, задача может предполагать как использование СМИ, охватывающих наибольшую аудиторию для увеличения вероятности достижения желаемого результата, так и использование возможностей конкретных СМИ – предполагая нацеленность информации на конкретного человека или группу лиц, характеризующихся определенными специфическими признаками.

4. Субъект взаимодействия вариативен – сотрудник подразделения следствия, дознания, оперативных аппаратов, важно, чтобы этот факт был согласован всеми заинтересованными сторонами.

Сегодня в органах внутренних дел организует и осуществляет информационное сопровождение Управление по взаимодействию с институтами гражданского общества и средствами массовой информации Министерства внутренних дел Российской Федерации (УОС МВД России), которое совместно с территориальными органами МВД России обеспечивает эффективность деятельности подразделений, ответственных за взаимодействие со СМИ и доступ граждан к информации о деятельности, – пресс-служб, подразделений информации и общественных связей МВД России.

5. Алгоритм подготовки информации к передаче посредством СМИ стандартен независимо от качественных характеристик СМИ. В данном случае необходимо учитывать такие факторы как: четкость и ясность, доступность и понятность языка сообщения; краткость, но содержательность; сопровождение фотоснимками и видеоматериалами; возможность обратной связи: указать адреса, аккаунты соцсетей, номера телефонов, по которым граждане, располагающие какой-либо информацией о подготовке, совершении, сокрытии преступления могут сообщить в правоохранительные органы; недопустимость размещения информации, провоцирующей панику и страх [1 С. 99].

6. Учет общих и специфических характеристик передачи информации через СМИ. Общие касаются достоверности транслируемой информации, вероятности распространения нежелательной либо запрещенной законом информации; специфические свойственны только интернет-СМИ и касаются свободы доступа к информации, длительности ее хранения, возможности практически бесконечного воспроизведения, а также неподконтрольности распространения.

7. Учет вероятности использования СМИ заинтересованными лицами в целях противодействия расследованию (публикации заказного характера). Специфика цифровой информации и данных, размещаемых в них, позволяет достаточно легко не просто копировать ее, но и осуществлять монтаж и изменение контекста подачи информации. Этим, зачастую, пользуются различные telegram-каналы, нацеленные на деструктивную деятельность и работающие с целью реализации задач стратегического и тактического противодействия, в том числе, в интересах организованных групп и преступных сообществ.

Появление большого количества интернет-СМИ, которые зачастую не обладают качествами аналитичности, обстоятельности и последовательности раскрытия проблем, существенно усложнило отношение сотрудников практических подразделений к вопросам взаимодействия с ними. Как показывает практика, размещаемые ими материалы, характеризуются такими признаками, как:

– преобладание визуальной информации над текстовой;

– оценка событий и фактов на основе искаженной версии происшедшего;

– наличие «кричащих» заголовков, привлекающих внимание, но не соответствующих действительному положению вещей;

– сопровождение размещенной информации заранее подготовленными негативными комментариями якобы «независимых читателей»;

– отсутствие синхронизации с официальной версией события (факта).

Таким образом, правовое, организационное и тактическое обеспечение взаимодействия органов внутренних дел со средствами массовой информации в целях пресечения, раскрытия и расследования преступлений в современных условиях цифровизации жизнедеятельности общества и функционирования государства нуждается в совершенствовании. Арсенал новых социальных медиа должен эффективно использоваться в интересах правоохранительных органов и в целях обеспечения своевременного доступа граждан к информации, ее достоверности и непротиворечивости.

Список литературы

1. Тишутина И. В. Первоначальный этап раскрытия и расследования бандитизма: дис. … канд.юрид.наук. – М.: МосУ МВД РФ, 2003. – С.99.

Ткаченко Л. Б.[1],
старший преподаватель-методист кафедры предварительного расследования Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ КРИЗИСА ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ СЛЕДОВАТЕЛЯ

Кризисы профессионального развития встречаются у личности в течение всего периода трудовой деятельности. Это явление касается не только начинающих специалистов, но и субъектов туда с большим опытом работы, которые имеют хорошие рекомендации по месту службы, а также высокие трудовые показатели.

Формирование профессиональных кризисов осуществляется на границе самостоятельных этапов внутри зрелости, к примеру, в период обучения в высшем учебном заведении, колледже, вначале профессиональной деятельности, на этапе повышения квалификации или в процессе переподготовки по смежной специальности.

Проблемы кризиса профессионального развития исследуются в одной из отраслей психологии – психологии труда. В. И. Даль в своем толковом словаре определяет кризис как перелом, переворот, решительная пора переходного состоянья. Кризис или перелом болезни; кризис или переворот денежный. Непредсказуемой переменой в течение болезни называют кризис врачи [1].

Давая определение кризису Е. А. Климов подчеркивал, что достаточно непростые многофакторно детерминированные устройства переживают в своем развитии внешние и внутренние несоответствия, процессы их развития протекают неравномерно. Это допустимо, в соответствии с нормой, а если соотнести с субъектом деятельности, то и полезно. Нередко процессы несоответствия сопровождаются положительной динамикой, в случае их своевременного обнаружения, при наличии правильно выбранной стратегии и тактики. Грамотно выстроенные отношения взаимоотношения между руководством и трудовой личностью (включая грамотное отношение личности к самой себе) могут обеспечить гарантию протекания кризиса в легкой форме, предупредить личностное крушение на профессиональном пути [3, с. 59].

Кризисам могут быть подвергнуты специалисты различных профессий, в том числе следователи. На протекание кризисов следователей накладывают отпечаток специфические особенности их служебной деятельности. В исследованиях А. Р. Ратинова в качестве таковых выделены особенности, о которых мы расскажем ниже.

Важной составляющей следственной работы является взаимодействие с предметом расследования, которыми служат поступки граждан, нарушивших правоохраняемый порядок. Следователь в своей деятельности систематически сталкивается с потребностью принятия решений о факте события, предусмотренного уголовным законом и совершении противоправного деяния конкретным лицом.

[1]© Ткаченко Л. Б., 2022.

Эта работа является его правом и обязанностью. Важно отметить, что следственная работа зачастую связана с безостановочным возникновением и прекращением многообразных правоотношений с чрезвычайно широким кругом лиц. Каждое действие следователя влечет за собой серьезные правовые последствия, что очень существенно отличает его работу от большого числа других профессий, а также добавляет ей особую общественную значимость.

Статус следователя в системе государственных органов обосновывает предъявление к лицам, назначаемым на эту должность, специальных требований [6, с. 53].

В нашей статье мы рассматриваем кризис профессионального развития следователей применительно к обоим биологическим полам. Работа представителя каждого пола характеризуется некоторыми особенностями, которые важно подчеркнуть.

Все больше женщин определяют для себя приоритетными профессии, которые традиционно считаются мужскими. По мнению Я. А. Конах кризису профессионального развития зачастую подвержены женщины-следователи.

Пребывание длительное время в профессии может спровоцировать у женщины внутриличностный кризис и привести к отсутствию счастливой семейной жизни, по причине трудности совмещения следственной работы с ролью хранительницы домашнего очага. Специалистами-психологами, работающими с сотрудниками органов внутренних дел, в частности с сотрудниками-женщинами необходимо проведение работы в целях профилактики возникновения кризиса. По нашему мнению, психологу важно предоставлять адаптированную информацию, например, в рамках занятия по морально-психологической подготовке, для сотрудниц об особенностях возникновения кризиса профессионального развития и условиях его прохождения, о культивировании других интересов помимо профессиональных, о соблюдении режима труда и отдыха, об обязательном поддержании своего здоровья, о наличии хобби и др. К сожалению, знания о кризисе профессионального развития воспринимаются как менее важные, чем профессиональные знания, тем не менее достаточно полная информация о них должна обусловить снижение количества потрясений и привести к эффективной профессиональной коммуникации [4, с.70–71].

Ученые Национального медицинского исследовательского центра психиатрии и наркологии имени В. П. Сербского Т. Н. Кабанова, Н. Е. Лысенко и М. С. Московская изучили группы следователей мужчин и женщин, в своей работе использовав Пятифакторный личностный опросник они установили, что у большинства обследованных мужчин-следователей уровень самоконтроля превышал среднее значение по Пятифакторному личностному опроснику. Они определили, что у мужчин-следователей, как правило, отмечаются такие качества, как высокий уровень самоконтроля и управления ситуацией, низкий уровень тревожности, способность контролировать и переоценивать в соответствии с изменяющимися условиями свою деятельность, способность к принятию ответственности [2, с. 436–444].

По мнению ученого Л. Н. Костиной и в результате проведенных ею исследований по методике ММРІ (в модификации Ф. Б. Березина) в корреляции с методикой КОС-2 и методикой САМОАЛ у следователей женщин отмечается выраженность показателя мускулинности.

Данный показатель сопровождается такими особенностями личности как непринужденность, уверенность в себе, предприимчивость и последовательность, доминантность и др. У следователей мужчин наблюдается выраженный подъем феминности, выражающийся в специфических чертах: увеличение внимания к эмоциональным деталям, сентиментальности, потребности в дружелюбных, гармоничных отношениях, снижении авторитетности и грубости [5, с.29-30].

Кризис профессионального развития следователей мужчин имеет и другие особенности. И если у женщин кризис связан с трудностями совмещения своей деятельности и семьи, то у мужчин он проявляется в нарушении планирования профессиональной деятельности, сконцентрированности на личных психологических проблемах, и как следствие – усугублении вредных привычек.

Таким образом кризис профессионального развития у представителей обоего пола протекает по – разному. Профилактикой кризиса является грамотное взаимодействие сотрудников психологических подразделений со следователями-женщинами и следователями мужчинами, которое проходит в виде групповых занятий или, при необходимости, в виде индивидуальных бесед. На занятиях психологом подается информация не только об особенностях возникновения кризиса, но и, в обязательном порядке, о важности соблюдения режима труда и отдыха, воспитании способности «переключать» сознание с рабочих интересов на семейные, важности наличия хобби, организации саморефлексии.

В рамках нашей статьи следует затронуть негативные компоненты специфики работы следователей, которыми являются: чрезмерная психологическая нагрузка, высокая интенсивность работы, угроза жизни и здоровью, непредсказуемость событий, необходимость принятия решений в условиях дефицита времени, возникновение и разрешение конфликтных ситуаций, повышенный психоэмоциональный фон (хроническая напряженная психоэмоциональная деятельность), повышенная ответственность за исполняемые функции и операции, психологически трудный контингент. Ненормированный рабочий день также оказывает влияние на психологическое состояние следователя.

Важно обратить внимание, что перечисленные компоненты определяют экстремальность работы, что, с большой вероятностью повлечет за собой кризис профессионального и личностного развития.

Соглашаясь с мнением А.Р. Ратинова подчеркнем, что на должности следователя достаточно часто оказываются люди, не считающие эту работу делом своей жизни. Чаще всего те, кого привлекает деятельность следователя имеют о ней смутное представление, сложившее под влиянием детективной литературы, а не в результате ясного понимания особенностей этого нелегкого труда. Ощутив трудность и многокомпонентность работы следователя, люди понимают несерьезность своего сложившегося мнения и испытывают к ней разочарование, либо остаются ремесленниками, которые не в состоянии воодушевиться даже самыми

захватывающими сторонами своей профессии. В последствии, не удовлетворяя предъявляемым требованиям, они оставляют следственную работу. Естественный профессиональный отбор, происходящий в процессе самой деятельности, является одной из причин систематической смены, нестабильности следственных кадров [6, с. 41].

Принимая во внимание все вышесказанное, можно подчеркнуть, что различные направления и итоги кризиса профессионального развития следователя связаны с одной стороны с достижением высоких профессиональных результатов, эффективностью и успешностью выполняемой профессиональной деятельности, с другой с отсутствием планирования, перекладыванием ответственности, неопределенностью ситуации и трудностью прогнозирования ее развития, систематическим дефицитом времени, состоянием ожидания, дезадаптацией и как следствие уходом из профессии. Несомненно, развитие субъекта данного труда (следователя) определяет внутреннее отношение личности к избранной профессии, эмоциональной включенности в нее, соответствующим состоянием профессионально значимых качеств.

Список литературы

1. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка.

2. Кабанова Т. Н., Лысенко Н. Е., Московская М. С. Личностные особенности сотрудников следственных органов (гендерный аспект) // Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие. 2020. Т. 8, №4(31). С. 436–444.

3. Климов Е. А. Введение в психологию труда: Учебник для вузов. М. : Культура и спорт, ЮНИТИ, 1998. 350 с. С.59.

4. Конах Я. А. «Эмоциональное выгорание» женщин-следователей. Научный вестник Омской академии МВД России № 4(39), 2010.

5. Костина Л. Н., Воронина А. С. Влияние профессиональной деятельности на гендерные особенности личности сотрудников подразделений предварительного следствия МВД России // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2019. Т. 24, №1(76). С. 28–33.

6. Ратинов А. Р. Судебная психология для следователей : учебное пособие. Москва. 1967, 289 с. С. 53, С. 41.

Угольникова Н. В.[1]**,**
доцент кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент
Сбитнева И. А.[2]**,**
курсант Института подготовки сотрудников для органов
предварительного расследования
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА НА ЗАЩИТУ ПРИ ЯВКЕ С ПОВИННОЙ

Явка с повинной в современном уголовном процессе имеет характер смешенного правового института. С точки зрения материального права, явка с повинной является обстоятельством, смягчающим наказание. С точки зрения, процедурной формы явка с повинной является условием для прекращения уголовного дела и поводом для возбуждения уголовного дела. Следует отметить, что есть и третье процессуальное значение в рамках анализа явки с повинной как доказательства [7, с. 598].

Сегодня с каждым новым днем вносятся различные поправки в нормативно-правовые акты, разрабатываются законопроекты федеральных законов, и Уголовно-процессуальный кодекс не исключение. Как известно, главной задачей любого федерального закона является обеспечение прав и свобод человека и гражданина, и, если он не отвечает заявленной задачей, то возникает необходимость внесения в него изменений. На сегодняшний день в уголовно-процессуальном законодательстве одной из важнейших проблем является тот факт, что система защиты прав лица, добровольно сообщившего о совершенном им преступлении до конца не разработана. В этой связи нельзя говорить об объективном правосудии.

Ст. 2 Конституции Российской Федерации гласит, что: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства». Одним из таких прав, которое также указывается в статье 48 Конституции Российской Федерации, является право на получение квалифицированной юридической помощи. Необходимо заметить, что речь идет именно об оказании бесплатной юридической помощи, от своего рода оказания защиты со стороны государства. Также Конституция Российской Федерации гарантирует, что каждый задержанный, заключенный под стражу, обвиняемый в совершении преступления имеет право пользоваться помощью адвоката с момента задержания, заключения под стражу или предъявления обвинения.

Важно сказать, что сформированная в настоящее время в России система правосудия не обеспечивает должным образом указанные нами выше конституционные права граждан.

---

[1] © Угольникова Н. В., 2022.
2 © Сбитнева И. А., 2022.

В связи с этим 23 января 2019 г. в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации группой депутатов был внесен проект Федерального закона № 631546-7 «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный Кодекс Российской Федерации» (далее – Законопроект). Главной, масштабной целью данного законопроекта является совершенствование системы защиты прав задержанного, подозреваемого, обвиняемого в случаях, когда лицо добровольно заявляет о совершении им преступления. Иными словами, данный законопроект обращает внимание законодателей на необходимость оказания государственной поддержки лицу в самом начале уголовно-процессуального производства.

В соответствии со статьей 142 УПК РФ лицо может добровольно в письменном или устном виде сообщить о совершенном им преступлении. Однако УПК РФ четко не регламентирует порядок получения первоначальных признательных показаний, оформляемых в форме заявления или протокола о явке с повинной, а также не требует обязательного участия защитника в случае дачи признательных показаний.

В пояснительной записке законопроекта устанавливается следующая правовая коллизия. Явка с повинной, с одной стороны, является волеизъявление лица, совершившего преступление и сообщающим об этом в орган уполномоченный принимать решение о возбуждении уголовного дела и с, другой стороны, является только одним из поводов для возбуждения уголовного дела, подлежащим проверке. В связи с эти появляется целый ряд вопросов о правом статусе лица и прежде всего вопрос о реализации права на защиту. Эта коллизия обусловлена, прежде всего, отсутствием у данного лица статуса подозреваемого. Как известно, момент вступления в процесс защитника, регламентированный ч. 3 статьи 49 УПК РФ защитник связан в уголовном производстве с моментом наделения лица специальным статусом подозреваемого или обвиняемого, а также с момента начала осуществления иных мер процессуального принуждения или иных процессуальных действий, затрагивающих права и свободы лица, подозреваемого в совершении преступления. Возникает логичный вопрос – каким образом происходит обеспечение и защита прав лица, подавшего явку с повинной, в тот момент, когда лицо добровольно заявляет о совершенном им преступлении, но уголовное дело до явки с повинной еще не было возбуждено в отношении этого лица. Безусловно, следует разобрать и еще одно основание допуска защитника, предусмотренного ст. 49 УПК РФ: «с момента начала осуществления процессуальных действий, затрагивающих права и свободы лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении в порядке, предусмотренном статьей 144 УПК РФ». С первого взгляда кажется, что это как раз о самое основание предоставление защитника для рассматриваемого нами субъекта, однако проверка в порядке ст. 144 начинается только после появление оформленного повода для возбуждения уголовного дела. В случае же с явкой с повинной – сам акт принятия и оформление явки происходит за пределами действия. 144 ст. УПК РФ, а именно на этом этапе должен появится защитник. На основании вышеизложенного представляется, что вопрос о избыточности дополнении статьи 49

УПК РФ остается открытым. Кроме того, в данной правовой ситуации все неоднозначно, поскольку явка с повинной, даже добровольная, входит в конфликт с иммунитетом, предусмотренным статьей 51 Конституции Российской Федерации. Получается, что лицо, добровольно сообщившее о совершении преступления, умышленно отказывается от своего права не свидетельствовать против себя самого.

Поэтому на сегодняшний день выделяется целый ряд проблем в сфере защиты прав лица, подающего заявление о явке с повинной, которые пока еще не регулируются должным образом нормами уголовно-процессуального права. Среди таких проблем можно выделить следующие:

– лицо, которое раскаивается в содеянном и является в отдел полиции с повинной находится в зоне риска с точки зрения права, поскольку просто не имеет возможности защитить свои права должным образом;

– в качестве следующей проблемы выступают такие ситуации, когда сотрудники полиции ставят перед собой цель добиться признательных показаний и сотрудники полиции всевозможными средствами и способами «добывают» эти данные. Например, путем психического воздействия, которое может проявляться, как вариант, в обещаниях получения снисхождения в наказании. Таким образом, рассматриваемый участник не только не может в такой ситуации защитить свои права, он даже элементарно не осознает происходящего и не может дать правовую оценку ситуации;

– следует также отметить проблемность показаний данного лица с точки зрения их оценки как доказательств. УПК закрепляет в себе исчерпывающий перечень доказательств в ч.2 ст. 74 УПК, значение закрытость этого перечня исследую многие авторы, [4, с. 17; 5; 6, с. 489]. И все же практика идет по пути признания доказательственного значения заявления и протокола явки с повинной в качестве иного доказательства, что обуславливает острую необходимость решения вопроса о реализации права на защитника;

– в качестве еще одной проблемы можно выделить такую как возможность получения заявления о явке с повинной в порядке статьи 142 УПК РФ без участия защитника часто ставит необходимость получения признательных показаний от лица, подозреваемого в совершении преступления, выше системы правосудия.

Предложенный вариант Законопроекта повышает уровень социальной защищенности участников уголовного процесса [3, с. 2]. Проектируемые положения соответствуют целям Законопроекта, поскольку направлены на обеспечение условий, позволяющих этому лицу получить должное представление о своих правах и обязанностях, о выдвигаемом против него обвинении и, следовательно, эффективно защищаться, и гарантирующие в дальнейшем от признания недопустимыми полученных в ходе расследования доказательств (статья 50, часть 2, Конституции Российской Федерации).

Другим социальным эффектом Законопроекта является противодействие незаконным действиям со стороны правоохранительных органов при выявлении, раскрытии и расследовании преступлений, а также совершенствование реализации принципа состязательности уголовного процесса в Российской Федерации.

На основании вышеизложенных правовых проблем, данный законопроект предлагает внести некоторые изменения в УПК РФ в части оформления и представления заявления о явке с повинной или оформления соответствующего протокола только в присутствии защитника.

Депутаты, разработавшие данный законопроект, предлагают следующий возможный вариант решения правовых коллизий в уголовно-процессуальном производстве, касающихся защиты прав подозреваемого или обвиняемого лица в случае представления им заявления о явке с повинной, а именно: при возникновении ситуации, когда лицо, совершившее преступление, представляет заявление о явке с повинной, а защитник в такой момент отсутствует – необходимо использовать средства видеозаписи хода сообщения лица о совершенном им преступлении. При обнаружении фактов пренебрежения этим требованиям данное заявление или составленный протокол о явке с повинной необходимо признать недопустимыми доказательствами при рассмотрении уголовного дела.

Таким образом, стоит отметить, что актуальность и необходимость разработки Законопроекта обусловлена целесообразностью совершенствования правового регулирования уголовно-процессуальных отношений в части оформления и представления заявления о явке с повинной или оформления соответствующего протокола только в присутствии защитника.

Список литературы

1. Пояснительная записка к проекту федерального закона N 631546-7 «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/631546-7 (дата обращения 08.03.2022).

2. Селина Е. В. Концептуальное значение перечня видов доказательств в уголовном процессе Российской Федерации // Российский следователь. 2016. № 19. С. 16–18.

3. Якимович Ю. К. Досудебное производство по УПК Российской Федерации / Т.Д. Пан. СПб. Юридический центр Пресс [Электронный ресурс] – URL : https://lawbook.online/ugolovnoesudoproizvodstvo-rossii/ponyatie-dokazatelstv-34726.html 3.

4. Курс уголовного процесса / Под ред. д.ю.н., проф. Л.В. Головко. – 2-е изд., испр. М.: Статут, 2017. – 1280 с.

5. Шаутаева Г.Х. Явка с повинной как обвинительное доказательство: проблемы теории и практики // Вестнник Удм. ун-та. Сер.: Экономика и право. 2018. Т. 28, вып. 4. С. 598-603.

Уханова Н. В.[1]**,**
доцент кафедры предварительного расследования
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ НАЗНАЧЕНИЯ ПОРТРЕТНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ И ОЦЕНКИ СЛЕДОВАТЕЛЕМ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ЭКСПЕРТА ПО ВИДЕОЗАПИСЯМ

На современном этапе в экспертной практике основными объектами исследования в портретной экспертизе по уголовным делам являются цифровые видеоизображения, полученные с помощью видеоконтрольных устройств, установленных в магазинах, банках, вокзалах, а также на подъездах, светофорах, банкоматах и т. д. [1, с. 38].

При этом в качестве образцов для сравнительного исследования следователю целесообразно предоставлять фотографии людей, изготовленные в соответствии с требованиями, предъявляемыми к сигналитической съемке [2, с.106]. Кроме того, для сравнительного исследования могут быть предоставлены и видеопортреты, полученные в результате видеофиксации допроса подозреваемого (свидетеля, потерпевшего) [4, с. 91].

Чтобы эксперт мог работать с качественным материалом, следователь должен предоставлять на экспертизу качественные видеозаписи (именно видеозаписи, а не их раскадровку, так как в этом случае качественные анализ признаков внешности более затруднителен для исследования) [5, с. 275].

О низком качестве видеоматериалов, направляемых на портретную экспертизу, свидетельствуют:

1) малый размер изображения лица человека относительно площади видеокадра;

2) нерезкость изображения вследствие зашумленности и сильной дискретности (пикселизации);

3) высокая контрастность и наличие бликующих участков;

4) низкая контрастность (как правило, возникает от неверного расположения осветителей);

5) низкое разрешение сохраняемых изображений и другие [4, с. 95].

На достоверность отображения признаков внешности человека на видеозаписи влияют:

– факторы, обусловленные технологией фиксации изображений и характеристикой видеозаписывающей аппаратуры (видеокамер, видеорегистраторов и др.);

– условия, в которых происходит видеозапись;

– факторы, влияющие на сохранение и воспроизведение видеоизображений (в частности, формат формируемых графических файлов);

[1] © Уханова Н. В., 2022.

– манеры и привычки фиксируемого человека (так, визуально фиксируемые асимметрии лица могут свидетельствовать не только о действительной асимметрии, но и о повороте головы) [4, с. 92].

Для успешного отбора объектов, направляемых на экспертизу, необходима предварительная консультация следователя с экспертом (специалистом).

Видеоизображения, направляемые на экспертизу, могут быть получены в результате проведения следственных и иных процессуальных действий, а также в ходе оперативно-розыскных мероприятий, проведенных по поручению следователя.

Например, для получения видеозаписей, фиксирующих преступные действия, могут быть направлены: а) запросы в банки и иные организации; б) поручения о производстве оперативно-розыскных действий. В ходе обыска в жилище могут быть изъяты любительские видеозаписи, сделанные в кругу семьи или друзей (они могут выступать в качестве свободных образцов для сравнительного исследования).

При оценке заключения эксперта по портретной экспертизе, объектом которой являются видеозаписи, следователю необходимо обращать внимание на следующие важные моменты.

1. Образование и специальность эксперта, из которых должно следовать, что он имеет право проводить не только портретные исследования, но и исследования, связанные с видеозаписывающей аппаратурой, так как при исследовании видеозаписей могут понадобиться дополнительные сведения об обстоятельствах появления видеоизображения в электронной памяти устройства. Эта информация содержится в приложении к файлу, для ее извлечения и оценки нужны специальные знания в области информационных технологий.

2. Правильное название проведенного исследования (портретная экспертиза, а не медико-криминалистическая, к примеру).

3. Сопоставимость представленных на исследование изображений (ракурса лица, масштаба кадров, освещенности).

Изображения не всегда сопоставимы. Часто на исследование предоставляют видеозапись для сравнения ее с фотоснимками. На видеозаписи, как правило, лицо человека занимается небольшую часть кадра. Кроме того, лицо бывает зафиксировано в ракурсах, затрудняющих изучение признаков внешности, что связано с тем, что видеозапись ведется с точки, расположенной выше человеческого роста. Например, как показало изучение архивных уголовных дел, такая ситуация характерна для видеозаписей, изымаемых в банках (в частности, в ПАО «Сбербанк»).

Кроме того, видеоизображения могут быть «размытыми» и, вследствие этого, непригодными решения идентификационных задач экспертизы.

Однако при назначении портретной экспертизы следует знать, что видеоизображение низкого качества не препятствует решению вопросов диагностического характера (о половой принадлежности, возрасте), а также отождествлению человека по динамическим признакам (походке, бытовым привычкам). Кроме того, по изображению низкого качества экспертом может быть сделан категорический вывод об отсутствии тождества между сравниваемыми лицами [4, с. 97].

В заключении эксперта по результатам портретной экспертизы возможен также вывод о так называемом портретном сходстве лица (положительный вероятный вывод), которое не исключает исследованный объект из круга проверяемых лиц. Это дает основания следователю для поиска дополнительных более качественных изображений, для назначения дополнительной экспертизы [2, с.110].

Для качественной оценки заключения эксперта по результатам проведенной портретной экспертизы следователь должен ознакомиться не только с выводами, но и с исследовательской частью заключения. Так, следует обратить внимание на то, проводил ли эксперт исследование по цифровому оригиналу представленного на исследование видеоизображения, либо была изготовлена копия изображения, которая подвергалась дальнейшему исследованию. Оставление в неприкосновенности цифрового оригинала портретного изображения – важная предосторожность, которая повысит воспроизводимость и проверяемость портретного исследования, позволит назначить дополнительную или повторную экспертизу [4, с. 396].

Таким образом, при подготовке и назначении портретной экспертизы, а также оценке заключения эксперта следователю требуются специальные знания. Кроме того, получение и отбор образцов для сравнительного исследования, направляемых на эту экспертизу, должны сопровождаться консультацией эксперта (специалиста).

Список литературы

1. Давыдов Е. В., Финогенов В. Ф. Современная классификация судебно-портретных экспертиз // Современные проблемы криминалистики и судебной экспертизы. Материалы VI Всероссийской научно-практической конференции. Саратов: Издательство «Саратовский источник», 2018. С. 35–39.

2. Зинин А. М. Актуальные проблемы судебной портретной экспертизы // Энциклопедия судебной экспертизы. 2018. № 4 (19). С. 104–110.

3. Подволоцкий И. Н. Использование цифровых технологий в практике описания объектов портретной экспертизы // Теоретико-методологические и прикладные аспекты социальных институтов права, экономики, управления и образования. Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. Гуманитарно-социальный институт. М. : Издательство «Перо», 2016. С. 396–398.

4. Подволоцкий И. Н. Методическое обеспечение производства многообъектной судебной портретной экспертизы по видеоизображениям // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2014. № 3(3). С. 89–101.

5. Черкашина И. И. Подготовка материалов для назначения судебной портретной экспертизы по видеозаписям // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. 2015. № 1(3). С. 270–275.

Фадеев П. В.[1]**,**
профессор кафедры предварительного расследования
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ ПОЛОЖЕНИИ ЧАСТНОГО ДЕТЕКТИВА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Реализация назначения уголовного судопроизводства, в основе которого защита прав, свобод и законных интересов личности, осуществляется государственными органами, адвокатами (защитниками, представителями), а также иными уполномоченными лицами. В числе таких лиц следует выделить частного детектива, который на договорной основе с участниками уголовного процесса оказывает им содействие в сборе сведений, предметов и документов по уголовным делам, в розыске имущества должников, в производстве следственных действий и др. [5, с. 25–30; 3, с. 24–27].

В настоящее время правовой статус частного детектива регламентируется Законом Российской Федерации от 11 марта 1992 г. № 2487-1 «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации» (далее – Закон) [2]. В соответствии с ч. 1 ст. 5 данного Закона он имеет право осуществлять устный опрос граждан и должностных лиц (с их согласия), наведение справок, изучение предметов и документов (с письменного согласия их владельцев), внешний осмотр строений, помещений и других объектов, наблюдение, а также использовать технические и иные средства, не причиняющие вред жизни и здоровью граждан.

Как отмечает М. А. Осьмаков, в процессе детективной деятельности устанавливаются свидетели (очевидцы) происшествия (преступления), осуществляется розыск предметов (автотранспорта, похищенного имущества), скрывшихся соучастников преступления или иных лиц (например, без вести пропавшие «погибшие»), а также устанавливаются различные факты, необходимых для выяснения обстоятельств дела (знакомство участников процесса, использование имущества и др.) по уголовному делу [7, с. 22–23].

При этом воспользоваться помощью частного детектива может любой заинтересованный участник уголовного процесса, воспользовавшись своим конституционным правом защищаться иными средствами и способами, не запрещенными законом. Как показывает анализ, частного детектива активно привлекают защитники подозреваемого или обвиняемого, представители потерпевшего, а также правоохранительные органы и их должностные лица в расследовании и раскрытии преступлений [8].

Однако анализ уголовно-процессуального законодательства и правоприменительной практики показывает, что процессуальный статус частного детектива в нормах уголовно-процессуального закона не определен, так как он не является участником уголовного судопроизводства.

---

[1] © Фадеев П. В., 2022.

Вместе с тем в юридической литературе предлагается признать частного детектива субъектом уголовно-процессуальной деятельности [11, с. 153–160; 6], а также выделяются признаки, определяющие правовое положение любого участника уголовного процесса (указание в законе; выполнение соответствующей функции; наличие правосубъектности; наделение правовым статусом) [12, с. 104–123].

На наш взгляд, совокупность прав и обязанностей частного детектива, закрепленных в вышеприведенном Законе, а также примеров его деятельности в России [4] и зарубежных странах [1], через «призму» признаков субъекта уголовного процесса, показывает целесообразность признания частного детектива участником уголовного судопроизводства с наделением соответствующим процессуальным статусом.

Такой подход, также потребует, *во-первых*, более четкого определения оснований привлечения к производству по уголовному делу частного детектива участниками уголовного судопроизводства. Например, в настоящее время положения УПК РФ в качестве таких оснований предусматривают их право защищаться любыми средствами и способами, не запрещенными законом. Однако таким правом наделены только подозреваемый и обвиняемый (ч. 2 ст. 16, п. 11 ч. 4 ст. 46, п. 21 ч. 4 ст. 47 УПК РФ).

Во-вторых, совершенствования процессуальных средств, применяемых частным детективом, для содействия участникам уголовного процесса [9, с. 79]. Следует отметить, что розыскная деятельность частного детектива, с одной стороны, находится в неизменном состоянии с 1992 г. Как показывает анализ, с момента принятия вышеуказанного Закона порядок и методы осуществления сбора сведений по уголовным делам, перечень розыскных действий почти не менялись, за исключением запрета использования оперативно-технических средств связи (ст. 5 Закона).

С другой стороны, она носит ограничительный характер как в процессе использования полученных частным детективом в порядке, установленном законодательством, любой информации, предметов и документов [10, с. 83–85], так и во взаимоотношениях с органами и лицами, осуществляющими уголовное судопроизводство. Например, после заключения договора частный детектив обязан в течение суток письменно уведомить об этом лицо, производящее дознание, следователя или суд, в чьем производстве находится уголовное дело (ч. 7 ст. 3 Закона). В тоже время, собранные частным детективом данные могут им и не передаваться, так как вопрос об их передаче решается соответствующим нанимателем.

В тоже время, на наш взгляд, деятельность частного детектива, оказывающего содействие участникам уголовного судопроизводства, по своей сущности схожа с процессуальной деятельности защитника, оказывающего квалифицированную юридическую помощь по сбору и представлению доказательств (п. 2 ч. 1 ст. 53 УПК РФ), а также оперативно-розыскной деятельностью оперативных сотрудников правоохранительных органов, оказывающих содействие органам предварительного расследования при производстве по уголовному делу (ст. 89 УПК РФ) [11, с. 153–160].

Таким образом, на основании изложенного представляется целесообразным предусмотреть в УПК РФ:

– отдельную статью, предусматривающую права и обязанности частного детектива, отнеся его к иным участникам уголовного судопроизводства;

– положения об использовании сведений, полученных в результате сыскной деятельности частных детективов», в главе 11 «Доказывание».

Список литературы

1. Детективы в Европе, профессия частный детектив // https://dtornado.ru/detektiv/detektivy-v-evrope#a2 (дата обращения: 02.02.2022).

2. Закон РФ от 11.03.1992 № 2487-1 «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации» // Ведомости СНД РФ и ВС РФ. 1992. № 17. Ст. 888;

3. Иванов Д.А. Участие представителя потерпевшего – юридического лица в производстве обыска с целью обеспечения возмещения причиненного преступлением вреда // Уголовное судопроизводство. 2016. № 2. С. 24–27.

4. «Игра, прямо скажем, грязная». Как работают частные детективы в России // https://secretmag.ru/news/zhemchug-vina-tryufel-avstraliya-zapretila-eksport-roskoshi-v-rossiyu-05-04-2022.htm (дата обращения: 02.02.2022).

5. Карпович Д.Н. Частный детектив в уголовном процессе / Д.Н. Карпович // Правовые проблемы укрепления российской государственности : сб. ст. / под ред. О.И. Андреевой, И.В. Чадновой. – Томск: Том. ун-т, 2015. С. 25–30;

6. Мешков В.М., Строгая Н.В. Некоторые аспекты использования в уголовном процессе материалов, полученных частными детективами // Наркоконтроль. 2007. № 4 / СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.02.2022).

7. Осьмаков М.А. Адвокатское расследование в современном уголовном процессе: автореф. дис. ... к. ю. н. Владимир, 2007.

8. Приказ МВД России от 17 апреля 2013 г. № 211 «Об утверждении типовых форм соглашений о содействии частных охранных организаций правоохранительным органам в обеспечении правопорядка и о содействии частных детективов правоохранительным органам в предупреждении и раскрытии преступлений, предупреждении и пресечении административных правонарушений» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.02.2022).

9. Семенов В.Г. Участие частного детектива в защите прав и законных интересов участников гражданского, арбитражного и уголовного судопроизводства: монография. – М.: Юрлитинформ, 2017.

10. Соловьев А.Б., Семенов В.Г. Использование результатов частной детективной деятельности при расследовании преступлений // Уголовное право. 2005. № 5. С. 83-85.

11. Фадеев П.В. Особенности участия лиц, не являющихся субъектами уголовного судопроизводства, в оказании правовой помощи личности // Вестник экономической безопасности. 2019. № 2. С. 153-160;

12. Фадеев П.В. Правовая помощь участникам уголовного процесса в досудебном производстве: монография. – М.: Юрлитинформ, 2020.

Федулова И. И.[1]*,*
преподаватель кафедры предварительного расследования
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

О ВОЗМОЖНОСТИ ПРОИЗВОДСТВА СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ В ДИСТАНЦИОННОЙ ФОРМЕ

Сегодняшний век – это период серьезных преобразований во всех сферах жизни человека. Связано это со многими причинами. Это и сложившаяся экономическая ситуация в мире в целом, а также в нашей стране, пандемия, начавшаяся в 2020 г. и продолжавшаяся по сей день и многое другое. Мы живем в постоянно меняющемся мире. Еще совсем недавно люди и не могли подумать, что появится понятие «Интернет магазин» и все необходимое для своей жизнедеятельности можно будет доставкой заказывать с помощью приложения, загруженного в телефон с помощью сети интернет. Все чаще в средствах массовой информации, да и везде мы слышим, что при обсуждении вопросов организации того или иного вида деятельности применяют такое понятие как «информационные технологии». В настоящее время цифровизация проникает во многие сферы жизнедеятельности человека и это неизбежно. Очень многие организации стали все чаще задействовать различные электронные платформы. Этот процесс затронул и систему Министерства внутренних дел Российской Федерации. Так, например, министр МВД России Колокольцев В. В. в октябре 2021 г., участвуя в заседании Совета Министров внутренних дел государств – участников СНГ в своем выступлении подчеркнул, что в настоящее время апробированы и используются дистанционные форматы проведения многосторонних и двусторонних мероприятий, дабы сохранить прежний уровень взаимодействия между правоохранительными органами Содружества. Также он сообщил, что создается совместная защищенная инфраструктура информационного обмена с применением специализированной Мультисервисной сети.

Не обошел стороной этот вопрос и уголовно-процессуальное законодательство нашей страны. Теперь и некоторые следственные действия можно проводить в дистанционной форме. Так, в декабре 2021 г. Федеральным законом № 501-ФЗ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации был дополнен новой статьей 189.1. «Особенности проведения допроса, очной ставки, опознания путем использования систем видео – конференц – связи» [1]. Нам видиться, что цель введения данной нормы законодатель видел, конечно же, в повышении эффективности деятельности органов, осуществляющих предварительное расследование. Однако есть очень много спорных моментов в данном вопросе. Данное нововведение для практических органов создает, на наш взгляд, некоторые проблемные моменты.

Для проведения видео – конферец – связи обязательно и необходимо наличие соответствующей техники. Полагаем, что в некоторых районах и регионах нашей страны с этим вопросом явно могут возникнуть трудности. Сегодня, например, далеко не во всех УМВД и ОМВД есть специальные оборудованные кабинеты

[1] © Федулова И. И., 2022.

для проведения опознания, исключающих визуальное наблюдение опознающего, а чего уж говорить о кабинете, где будут установлены соответствущие технические средства. Данный вопрос требует серьезных финансовых затрат и в условиях сегодняшней обстановки могут возникнуть материальные проблемы с его решением.

Исходя из содержания с ч. 4 ст. 189.1 УПК РФ следователь или дознаватель обязан вести видеозапись при проведении следственного действия с использованием видео- конференц-связи. После проведения следственного действия видеозапись должна приобщаться к протоколу проведенного следственного действия. И здесь возникает вопрос, а если видеозапись будет отсутствовать по каким-либо причинам и не будет приобщена должным образом, может ли протокол проведенного следственного действия являться недопустимым доказательством. Буквальное толкование указанной нормы не дает ответа на этот вопрос. Но совершенно очевидно, что если видеозапись проведенного, например, допроса либо очной ставки будет отсутствовать, то само и проведение такого следственного действия, на наш взгляд бессмысленно.

Следует обратить внимание и на тот очень важный факт, что в соответствии с п.8 ст. 189.1 УПК РФ проведение допроса, очной ставки, опознания путем использования видео- конференц-связи не допускается в случае возможности разглашения государственной или иной охраняемой федеральным законом тайны либо данных о лице, в отношении которого приняты меры безопасности [2]. В этом вопросе могут возникнуть сложности. Так как никто не может быть уверен в том, что канал видео-конференц-связи с помощью которого будет проводиться следственное действие будет полностью недоступен для кого-либо еще подключения извне, о стопроцентной защищенности в этом вопросе говорить не приходиться. То есть существуют серьезные риски утечки информации.

Кроме того, следует отметить, что в ст. 189.1 УПК РФ ничего не сказано о том, имеет ли то лицо, которое допрашивают либо опознают право указывать свои замечания именно в рамках видеозаписи. В рассматриваемой нами статье говориться лишь о письменных замечаниях только в подписке, где разъясняются права участнику следственного действия.

Рассуждая о возможности проведения следственных действий в дистанционном формате, также необходимо и важно сказать о следующем. Дело в том, что проведение таких следственных действий как допрос, очная ставка и опознание требует серьезной, тщательной подготовки со стороны следователя или дознавателя в плане их организации, так как в них участвует всегда достаточное количество лиц. Кроме подозреваемых, потерпевших и свидетелей, часто присутствуют защитники, законные представители, а иногда их бывает и несколько. Необходимо и важно соблюсти все права участников, которыми наделяет их закон. Очень важна психологическая атмосфера. Полагаем, что проведение указанных следственных действий в дистанционном формате может вызвать затруднение в установлении психологического контакта. Никакое техническое средство не сможет заменить живого человеческого общения. Достаточно сложно лицу, проводящему такое следственное действие, видеть реакцию допрашиваемого, его эмоциональное состояние. Нет никакой уверенности и в том, что помимо всех

необходимых и приглашенных участников конкретного следственного действия «по ту сторону экрана» могут не присутствовать какие либо посторонние лица, которые могут оказывать какое либо давление на допрашиваемое лицо, либо иное лицо, которое присутствует законно на данном следственном действии. Все эти моменты, на наш взгляд, имеют очень важное значение.

Следует также сказать в целом, что при проведении какого – либо действия с помощью видео-конференц-связи очень часто возникают технические затруднения. Так, например, настройка самой связи, подключение каналов требует иногда определенного количества времени, так как не всегда это удается сделать сразу. Во время проведения такой связи очень часто происходит сбой, как со звуком, так и с изображением и видимостью на экране, на восстановление этого, требуется также определенное время. Сам автор, участвуя в рамках осуществления преподавательской деятельности, сталкивалась с такой проблемой. Бывают случаи, когда связь прерывается полностью и наладить технику в нужное для участников проведения мероприятия время, не представляется возможным вообще.

Говоря о практике применения ст. 189.1 УПК РФ стоит сказать, что на сегодняшний день по России зафиксирован только один случай в Саратовской области. Среди дознавателей, осуществляющих свою процессуальную деятельность в г. Москве и Московской области пока никто не пользовался в рамках расследования уголовного дела указанной нормой. Результаты проведенного анкетирования среди них, подтвердили это факт, кроме того, почти все опрошенные дознаватели высказали мнение о том, что вряд ли сами будут по своему желанию прибегать к проведению указанных следственных действий.

В данной статье отражены не все проблемные вопросы, связанные с возможностью проведения следственных действий с помощью видео –конференц – связи, а только некоторые из них. Полагаем, что практика применения рассматриваемой нами нормы УПК РФ подскажет пути решения указанных спорных вопросов.

Список литературы

1. Федеральный закон от 30.12.2021 г. № 501-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской федерации» / Консультант плюс.

2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 09.03.2022) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 52 (ч. 1). Ст. 4921.

Федюкина А. Ю.[1]**,**
доцент кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

ОСОБЕННОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ ДОПРОСА ПУТЕМ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СИСТЕМ ВИДЕО-КОНФЕРЕНЦ-СВЯЗИ

Видео-конференц-связь (далее – ВКС) уже более 20 лет достаточно успешно применяется российскими судами при производстве допросов участников судебного заседания. Первое слушание дела в Верховном Суде Российской Федерации в режиме удаленного присутствия осужденных было проведено 19 апреля 2000 г. [1]. Особо острая необходимость в ВКС возникла в период пандемии, тогда, в 2020 г., Верховный суд Российской Федерации (далее – ВС РФ) разрешил в полном объеме проводить уголовные разбирательства в режиме видео-конференц-связи. Согласно Обзора ВС РФ: «Суд по каждому уголовному делу или материалу, требующему безотлагательного рассмотрения, вправе принять решение о проведении всего судебного разбирательства с использованием систем видеоконференц-связи, обеспечив соблюдение требований справедливого судебного разбирательства: возможность обвиняемого и потерпевшего следить за ходом процесса, видеть и слышать участников заседания, задавать вопросы и т. д.)» [2].

Появление видео-конференц-связи на стадии предварительного расследования оставалось вопросом времени. И вот, в конце 2021 г., в уголовно-процессуальный закон была включена статья 189.1 УПК РФ, посвященная особенностям производства допроса, очной ставки и опознания путем использования систем видео-конференц-связи. В данной статье законодателем закреплены особенности производства указанных следственных действий в дистанционном формате. Так как доказательственная база допроса, очной ставки и предъявления для опознания, в основном, строится на показаниях участников процесса, мы решили ограничиться рассмотрением особенностей допроса на стадии предварительного расследования с использованием видеосвязи, как основополагающего следственного действия.

Для начала необходимо разобраться, что же представляет собой ВКС, так как в УПК РФ данный термин не раскрывается. Согласно приказу Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, видео-конференц-связь – это способ осуществления процессуальных действий, предусмотренных законом, с использованием программно-технических средств передачи аудио- и видеоинформации по каналам связи с одним или несколькими абонентами [3]. Данный приказ подробно регламентирует организацию ВКС в судах общей юрисдикции, порядок технического обеспечения и обслуживания ВКС ответственными лицами и, самое главное, подготовку и проведение судебного заседания в удаленном формате. К сожалению, нормативного акта, который бы содержал подобный регламент применения ВКС на стадии предварительного

[1]© Федюкина А. Ю., 2022.

расследования пока не существует. Вместе с тем, полагаем возможным применять отдельные положения приказа Судебного департамента по аналогии. Исходя из этого, а также руководствуясь положениями ст. 189.1 УПК РФ можно вывести следующий алгоритм организации и проведения видео-конференц-связи на стадии предварительного расследования:

1. Подготовка к дистанционному допросу. Согласно ч. 2 ст. 189.1 УПК РФ следователь (дознаватель), которым поручено производство предварительного расследования, направляет следователю (дознавателю или органу дознания) по месту нахождения лица, участие которого в следственном действии признано необходимым, письменное поручение об организации участия данного лица в следственном действии. Таким образом, вся ответственность за организацию дистанционного допроса возлагается на должностных лиц, находящихся удаленно от органа ведущего предварительное расследование.

2. Проверка наличия технической возможности для применения видео-конференц-связи в ходе допроса. Согласно вышеназванному приказу Судебного департамента ВС РФ, оборудование ВКС включает в себя комплекс технических средств, состоящий из каналообразующего оборудования, программно-технических средств передачи аудио- и видеоинформации по каналам связи и пр. Соответственно, орган предварительного расследования, которому было направлено поручение, должен быть технически оснащен необходимым оборудованием, иначе, дистанционный допрос не состоится.

3. Проверка возможности подключения технических устройств к определенной системе электронной связи и сервисов. В настоящее время наиболее распространенным коммуникационным сервисом в системе МВД является система видео-конференц-связи ИСОД МВД России. По справедливому замечанию Р. Р. Абдразяпова: «использование СВКС ИСОД МВД России представляется более целесообразным с точки зрения безопасности канала связи от постороннего вмешательства и возможной утечки информации, в том числе, персональных данных участников уголовного судопроизводства, так как данный канал связи является локальным и более защищенным, нежели иные способы связи, основанные на открытых глобальных сетях, в частности Интернете» [4, с. 13]. Надо полагать, что все технические неполадки в системе ВСК должны разрешаться в органе ее организующим с помощью соответствующим специалистов, при непременном взаимодействии с обратной стороной.

4. Уведомление сторон. Все участники дистанционного допроса, должны быть своевременно извещены о дате и месте его производства, а также предупреждены об условиях его производства. О сроках уведомления ст. 189.1 УПК РФ не упоминает. Вместе с тем, если сроки вызова свидетеля и потерпевшего на допрос не определены и могут варьироваться в зависимости от волеизъявления следователя (дознавателя) (ст. 188 УПК РФ), отдельные статьи уголовно-процессуального закона четко формулируют сроки начала производства допроса. Так, например, допрос подозреваемого по существу подозрения должен последовать не позднее 3 суток с момента вручения ему копии уведомления (ч. 1 ст. 223.1 УПК РФ); допрос обвиняемого должен быть начат незамедлительно, после предъявления ему обвинения (ч. 1 ст. 173 УПК РФ). Данные правила следует

учитывать при принятии решения о производстве допроса в удаленном режиме. Ситуация может осложниться невозможностью своевременной явки компетентных и следующих лиц, адвоката, переводчика и др., что может затруднить процесс технической подготовки к допросу.

5. Процессуальное оформление. В ходе удаленного допроса, необходимо четко помнить о соблюдении общих требований к производству следственных действий, предусмотренных ст. 164 УПК РФ, но учитывать следующие особенности. Так, допрос с использованием ВКС предусматривает 2 процессуальных документа: 1) *протокол допроса*, который составляется следователем, принявшим решение о его производстве (ч. 3 ст. 189.1 УПК РФ). В протоколе указываются дата, время, место производства допроса как по месту составления протокола, так и по месту нахождения лица. Получается, что протокол, в обязательном порядке, должен отражать разницу во времени и месте между участниками допроса, с учетом территориальной отдаленности. В протоколе также должна содержаться запись о разъяснении всем участникам допроса их прав, обязанностей, ответственности, о порядке производства следственного действия, об оглашении им протокола; 2) *подписка*, которая отбирается у допрашиваемого лица, находящегося вне места расследования уголовного дела. В подписке дублируется запись о разъяснении прав, обязанностей, ответственности участников допроса, а также запись об оглашении протокола, *что удостоверяется его подписью* (ч. 3 ст. 189.1 УПК РФ).

Следует отметить, что применение видеозаписи в ходе допроса, с использованием ВСК является обязательным. Это сделано для того, чтобы в дальнейшем исключить вопросы к законности его производства. Материалы видеозаписи также приобщаются к протоколу следственного действия.

Участники допроса вправе приносить замечания, дополнять или уточнять записи протокола. Это также делается удаленно, но с обязательным включением в протокол.

6. Заключительный этап. После завершения допроса, проведенного путем использования ВСК, следователь (дознаватель) по месту нахождения лица, участвующего в допросе, отключает системы связи и *в течение 24 часов* направляет следователю (дознавателю), в производстве которого находится уголовное дело, *подписку, а также иные документы и материалы, полученные в ходе допроса* для приобщения к протоколу. При этом, УПК РФ не раскрывает каким способом и в каком виде могут быть направлены данные документы. Надо полагать, что в данном случае имеет место быть 2 варианта – либо электронная версия документов направляется посредством внутренней электронной почты интегрированной системы обмена данными МВД России, либо, документы должны быть направлены посредством фельдъегерской связи.

7. Исключительные условия. Проведение допроса путем использования систем видео-конференц-связи не допускается в случае возможности разглашения государственной или иной охраняемой федеральным законом тайны либо данных о лице, в отношении которого приняты меры безопасности.

Итак, мы вывели основные элементы дистанционного допроса на стадии предварительного расследования. Что касается эффективности рассматриваемой процедуры, покажет практика. Несмотря на организационную подготовку, не исключено, что технические средства могут выходить из строя, отключаться, связь может давать сбои, что негативно отразиться на результате следственного действия. Могут быть вопросы и к факту дистанционного ознакомления с протоколом следственного действия у допрашиваемого лица, несмотря на отобранную подписку. В любом случае, это еще один шаг на пути цифровизации уголовно процесса, который непременно будет совершенствоваться и развиваться.

Список литературы

1. 20-летнее применение видео-конференц-связи в Верховном Суде Российской Федерации. Режим доступа: URL: https://www.vsrf.ru/press_center/news/28850/ (дата обращения: 07.04.2022).
2. Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 2 (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 30.04.2020) // СПС «Консультант Плюс».
3. Об утверждении Регламента организации применения видео-конференц-связи при подготовке и проведении судебных заседаний: приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 28.12.2015 № 401 (ред. от 30.12.2020) // СПС «Консультант плюс».
4. Абдразяпов Р. Р. Отдельные процессуальные аспекты использования видео-конференц-связи при производстве следственных действий по уголовным делам / Стратегическое развитие системы МВД России: состояние, тенденции, перспективы [Электронный ресурс]: сборник научных статей по материалам Международной научно-практической конференции / под ред. И.Г. Чистобородова. – Электронные текстовые данные (16,3 Мб). – Москва: Академия управления МВД России, 2021. С. 13.

Химичева О. В.[1]**,**
начальник кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор юридических наук, профессор
Сумин А. А.[2]**,**
профессор кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор юридических наук

ONUS PROBANDI: ПРОБЛЕМА ПЕРЕНОСА (РЕВЕРСА) В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Презумпция невиновности по праву считается одним из фундаментальных положений уголовного судопроизводства, оно закреплено на конституционном уровне [1, ст. 49], последовательно развивается в уголовно-процессуальном законе [3, ст. 14 и др.] и определяет не только правовое положение обвиняемого, но и устанавливает стандарты уголовно-процессуального доказывания. Не случайно поэтому в «формулу» уголовно-процессуального принципа презумпции невиновности входит и правило об обязанности (бремени) доказывания (*onus probandi*). В ч. 2 ст. 49 Конституции Российской Федерации говорится о том, что обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность; а в ч. 2 ст. 14 УПК России данное правило сформулировано несколько шире: «Подозреваемый или обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность. Бремя доказывания обвинения и опровержения доводов, приводимых в защиту подозреваемого или обвиняемого, лежит на стороне обвинения».

Вместе с тем предмет доказывания по уголовному делу весьма неоднороден и не сводится только к доказыванию обвинения и виновности обвиняемого. Это видно из ст. 73 УПК России, которая в круг обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу, в частности, включает такой обязательный элемент состава преступления как его субъективная сторона: подлежат установлению виновность лица в совершении преступления, форма его вины и мотивы; а также обстоятельства, исключающие преступность и наказуемость деяния, обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание и др.

В силу провозглашения в уголовном судопроизводстве принципа состязательности сторон (ст. 123 Конституции Российской Федерации, ст. 15 УПК России) объективно возникает вопрос о том, каким образом должно действовать правило *onus probandi*. Иными словами, означает ли правовая формулировка, закрепленная в ч. 2 ст. 14 УПК России, тот факт, что доказывание *всех* обстоятельств, перечисленных в ч. 1 ст. 73 УПК России, лежит только на стороне обвинения, а стороне защиты достаточно простого отрицания доказательств стороны обвинения или же существует (или должно существовать) правило распределения между сторонами бремени доказывания тех или иных существенных обстоятельств, включенных в ч. 1 ст. 73 УПК России?

---

[1] © Химичева О. В., 2022.
[2] © Сумин А. А., 2022.

По смыслу ч. 2 ст. 14 УПК России, обязанность доказывания всех обстоятельств, указанных в ст. 73 УПК России, возлагается на сторону обвинения, поскольку, используя формулировку «бремя доказывания обвинения … лежит на стороне обвинения», ни данная, ни иные правовые нормы уголовно-процессуального закона не устанавливают никаких исключений, позволяющих перемещение на сторону защиты бремени доказывания каких-либо из указанных обстоятельств.

Большинство ученых-процессуалистов считают, что перенос этого бремени на сторону защиты недопустим ни при каких обстоятельствах.

Так, ученые кафедры уголовного процесса, правосудия и прокурорского надзора юридического факультета Московского университета имени М. В. Ломоносова отмечают, что что в отличие от многих западных уголовно-процессуальных систем в России запрет перелагать бремя доказывания на сторону защиты является *абсолютным* и не знающим никаких (даже локальных) исключений [8, с. 487].

Этот подход поддерживает, например, В. И. Зажицкий, который, предлагая внесение изменений в ряд правовых норм (в том числе и в ст. 14 УПК России), определяющих состав участников уголовного судопроизводства со стороны обвинения, формулирует новую редакцию ч. 2 названной статьи в следующей редакции: «Обязанность доказывания и опровержения доводов, приводимых в защиту подозреваемого и обвиняемого, лежит на участниках уголовного процесса, осуществляющих функцию уголовного преследования (обвинения)» [6, с. 5].

Такую точку зрения, в принципе, высказывает А. Р. Белкин [4, с. 55–57].

С. А. Шейфер разделяет обязанность стороны обвинения и право стороны защиты по доказыванию [10, с. 141–144], что также можно расценивать как согласие с рассматриваемым толкованием ч. 2 ст. 14 УПК России.

Вместе с тем есть и другое мнение. К.Б. Калиновский и некоторые другие исследователи отмечают, что в российском уголовном процессе реально существует распределение между сторонами обвинения и защиты бремени доказывания, но в теоретическом аспекте данный правовой феномен изучен недостаточно [7, с. 245–249].

Действительно, есть целый ряд обстоятельств, доказывание которых стороной обвинения возможно лишь путем предположения. Например, обнаружение в жилище подозреваемого или обвиняемого наркотических веществ в крупном размере дает «основание» стороне обвинения делать вывод о предназначенности этих веществ для последующего сбыта, но если при этом не доказано ни одно событие такого сбыта, то версия стороны защиты о хранении наркотика для личного потребления объективно ничем не опровергается. Иными словами, есть основанная на статистических данных уголовно-правовая презумпция того, что хранение наркотика в крупном размере преследует цель сбыта. Таким образом, сторона защиты объективно находится в альтернативном положении: либо принять на себя доказывание инкриминируемой цели преступления (входящей, кстати, в объективную сторону преступления, то есть в обязательный элемент состава преступления), либо применить пассивную защиту (простое отрицание),

однако вполне очевидно, что последний выбор неминуемо приведет к тому, что суд согласится с доводами стороны обвинения.

Другим примером может быть ситуация, когда субъект обвиняется в халатности. В этом случае у стороны защиты также возникает альтернатива: доказывать, что субъект добросовестно выполнил все свои обязанности и вредное последствие наступило вследствие факторов, не связанных с действиями (бездействием) субъекта (или, как вариант, субъект не по своей вине не знал о каких-либо своих обязанностях) или же, как и в предыдущем примере прибегнуть к пассивной защите.

Наконец, толкование ч. 2 ст. 14 УПК России как обязанности стороны обвинения доказывать все обстоятельства, перечисленные в ст. 73 УПК России, приводит к ситуации, абсурдность которой ранее неоднократно отмечали многие исследователи: указанная сторона должна доказывать обстоятельства, исключающие уголовную ответственность, а также обстоятельства, смягчающие наказание.

Действительно, если имеются обстоятельства, исключающие ответственность, сторона обвинения вообще не обязана это доказывать в суде, поскольку автоматически продолжает действовать принцип презумпции невиновности (он в любом случае не опровергнут вступившим в законную силу обвинительным приговором суда), то есть относительно этого обстоятельства бремя доказывания вообще не возникает (точнее, это обстоятельство подлежит выяснению в досудебном производстве).

Что касается обстоятельств, смягчающих наказание, то элементарная логика дает основание высказать суждение о том, что их доказывание должно быть целью стороны защиты, а не обвинения и, следовательно, в таком случае следует согласиться с допустимостью возложения обязанности такого доказывания именно на сторону защиты.

Ситуация с объективным возникновением обязанности стороны защиты осуществить доказывание имеет место и при рассмотрении судом ходатайства об избрании одной из четырех мер пресечения. Попутно отметим, что положение стороны защиты осложнено тем обстоятельством, что в основном происходит не защита от обвинения, основанного на конкретных доказательствах, а опровержение *предположений* следователя или дознавателя *о возможном* (неправомерном поведении обвиняемого (может совершить новое преступление, скрыться, воспрепятствовать предварительному расследованию и т. п.).

Практика Европейского суда по правам человека свидетельствует, что *onus probandi* может переходить на сторону защиты. К примеру, Европейский суд в решении по делу «Джон Мюррей против Соединенного Королевства» (John *Murray v. the United Kingdom*) (1996 г.) признал соответствующим ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод [2] вывод судьи о виновности обвиняемого, исходя из того, что он не отвечал на вопросы на полицейских допросах и на суде; доказательства, представленные против обвиняемого, были серьезными, и во время ареста он был предупрежден о том, что может хранить молчание, но утаивание какого-либо факта, на котором впоследствии будет основана его защита, может быть учтено судом в пользу версии обвинения [11].

В странах семьи общего права и континентальной правовой семьи, несмотря на признание презумпции невиновности незыблемым принципом уголовного процесса, также существует возможность переноса бремени доказывания [9, с. 94–100].

К примеру, во Франции правовая доктрина, а вслед за ней законодательство и судебная практика возложение бремени доказывания на сторону обвинения не на считают абсолютным [5, с. 316]. В уголовном процессе этой страны перенос бремени доказывания на сторону защиты возможно «во-первых, по определенным категориям дел, связанных с отдельными видами преступлений (специальные правила о бремени доказывания), а во-вторых, по всем уголовным делам, когда речь идет о доказывании некоторых обстоятельств (общие правила о возложении бремени доказывания на защиту)» [5, с. 316].

В странах общего права (в частности, в Великобритании) под влиянием юридической науки и прецедентной практики судов сформировалась развитая система исключений из вытекающего из презумпции невиновности возложения бремени доказывания за сторону обвинения [9, с. 94–100]. Так, исследователи данной проблемы отмечают, что обвинение обязано доказать вину обвиняемого только в случаях ее отрицания последним. Признание вины обвиняемый освобождает сторону обвинения от бремени доказывания, что может служить процессуальной предпосылкой для назначения наказания без анализа собранных доказательств, а равно для заключения между сторонами различных «сделок» и «соглашений» [5, с. 101].

Как видим, в зарубежном уголовном процессе используется более гибкий подход к возложению *onus probandi* на сторону защиты, в чем ни правовая доктрина, ни судебная практика не усматривают какого-либо отступления от презумпции невиновности.

По нашему мнению, принципиальная, но недостаточно четко выраженная возможность распределения бремени доказывания между сторонами отражена и в положении ч. 2 ст. 14 УПК России: «Подозреваемый или обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность». Можно полагать, что формально закон не запрещает перенос (реверс) обязанности доказывания иных обстоятельств, имеющих значение для законного и обоснованного разрешения судом уголовного дела.

Таким образом, есть основание сделать вывод о том, что в российском уголовном процессе уже фактически сложилась практика перемещения со стороны обвинения на сторону защиты бремени доказывания тех или иных обстоятельств, в том числе имеющих значение для решения судом вопроса о доказанности виновности обвиняемого. Следовательно, возникла необходимость глубокого изучения института бремени доказывания, в частности, оснований, критериев, пределов и правового регулирование распределения бремени доказывания

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС КонсультантПлюс.

2. Конвенция о защите прав человека и основных свобод" (Заключена в г. Риме 04.11.1950) (с изм. от 24.06.2013) (вместе с "Протоколом [N 1]" (Подписан в г. Париже 20.03.1952), "Протоколом N 4 об обеспечении некоторых прав и свобод помимо тех, которые уже включены в Конвенцию и первый Протокол к ней" (Подписан в г. Страсбурге 16.09.1963), "Протоколом N 7" (Подписан в г. Страсбурге 22.11.1984)) // СПС КонсультантПлюс.

3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 09.03.2022) // СПС КонсультантПлюс.

4. Белкин А.Р. Теория доказывания в уголовном судопроизводстве. М.: Норма, 2007.

5. Гуценко К.Ф., Головко Л.В., Филимонов Б.А. Уголовный процесс зарубежных государств. Изд. 2-е, доп. и испр. М.: Издательство “Зерцало-М”, 2002.

6. Зажицкий В.И. Доказывание и доказательства по УПК РФ: теоретико-правовой анализ. СПб.: Издательство «Юридический центр-Пресс», 2015.

7. Калиновский К. Б. Бремя доказывания в уголовном процессе: взаимосвязь стандарта доказанности с презумпциями и правовое взаимодействие участников правоотношений. // Правовые состояния и взаимодействия: историко-теоретический, отраслевой и межотраслевой анализ: Материалы VII Международной научно-теоретической конференции. Санкт-Петербург, 1-2 декабря 2006 г. / Под общ. ред. Р.А. Ромашова, Н.С. Нижник: в 2 ч. Ч. 1. СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2006.

8. Курс уголовного процесса / Под ред. д.ю.н., проф. Л. В. Головко; Московский гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, юридический фак., каф. уголовного процесса, правосудия и прокурорского надзора. 3-е изд., испр. и доп. М.: Статут, 2021.

9. Сумин А.А., Химичева О.В. Бремя доказывания в уголовном процессе: некоторые сравнительно-правовые аспекты // Юристъ-правовед. 2018. № 3 (86).

10. Шейфер С.А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. М.: Норма, 2009.

11. Джон Мюррей против Соединенного Королевства (John Murray v. the United Kingdom): Постановление Европейского Суда по правам человека от 08.02.1996 (№ 41/1994/488/570) // Право на справедливый суд в рамках Европейской конвенции о защите прав человека (статья 6). http://www.echr.ru/documents/manuals/Article06/Interights-Art6-manual_RUS.pdf (дата обращения 25.03.2022).

Хмелев С. А.[1],
старший преподаватель кафедры предварительного расследования
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук
Макушинская А. А.[2],
слушатель Института подготовки сотрудников
для органов предварительного расследования
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРОИЗВОДСТВА ОСМОТРА МЕСТА ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ В УСЛОВИЯХ НЕОЧЕВИДНОСТИ

Обеспечение безопасности в сфере обеспечения дорожного движения была и остается одной из современных актуальных проблем, как для государства и общества, так и для органов внутренних дел. В этой связи, особое значение имеет всестороннее и объективное расследование указанной категории преступлений, в условиях неочевидности. К неочевидным обстоятельствам приводят многие факторы и в первую очередь, это тот факт, что в последние годы участились случаи уезда водителей с места происшествия. В последнее время эти случаи получили чрезвычайно широкое распространение: так в 2з021 г. водители скрывались с места происшествия 1 945 раз, оставив транспортное средство, в 3 213 ДТП – случаи, с неустановленным транспортным средством [4].

При расследовании данных преступлений, основными следственными действиями на первоначальном этапе является осмотр места дорожно-транспортного происшествия непосредственно сразу после его совершения.

Осмотр места происшествия при совершении дорожно-транспортного преступления является основным первоначальным следственным действием. Именно на этом этапе обнаруживаются следы, имеющие значение для уголовного дела, определяются механизм и обстановка совершения преступления, выдвигаются следственные версии, устанавливается категория тяжести преступления и причиненный преступлением вред. Осмотр места дорожно-транспортного преступления следует производить незамедлительно, пока обстановка не изменилась, а возможность установить водителя «по горячим следам» наиболее высока. Полученные в ходе осмотра места дорожно-транспортного происшествия, ложатся в основу для проведения дальнейшего всестороннего расследования.

Данное следственное действие имеет свои особенности, а в частности – объект осмотра, которым является участок дороги и прилегающая к нему территория (дорога, тротуар, обочина, лесопарк и иная близ лежащая территория), которая может иметь достаточно большие границы.

Результаты осмотра места дорожно-транспортного происшествия фиксируются в соответствующем протоколе следователем. Указанный протокол является единственным специализированным, установленным бланком протокола

[1] © Хмелев С. А., 2022.
[2] © Макушинская А. А., 2022.

осмотра места дорожно-транспортного происшествия, который был разработан Следственным Департаментом при МВД Российской Федерации в 2017 г.

Осмотр места дорожно-транспортного происшествия (далее по тексту ДТП) состоит из трех самостоятельных этапов: 1. Подготовка к осмотру места ДТП (подготовительный этап); 2 Непосредственный осмотр места ДТП (рабочий этап); 3. Фиксация результатов осмотра (заключительный этап) [3, с. 424].

Подготовительный этап наступает с того момента, когда следователь принимает решение о производстве выезда следственно-оперативной группы на место происшествия. Подготовительный этап включает в себя следующие действия, которые подразделяются на две стадии:

1) Действия до прибытия на место происшествия (определение следственно-оперативной группы, состав которой обозначен ведомственными нормативными актами). Также, наряду с данными мероприятиями на месте происшествия уже работают сотрудники ГИБДД, ДПС, прибывшие на место первыми, осуществляя мероприятия по оцеплению территории дорожно-транспортного происшествия и предпринимая меры по оказанию первой помощи пострадавшим от преступления и вызову бригады скорой медицинской помощи;

2) Действия по прибытии на место происшествия. На данной стадии следователь самостоятельно проводит осмотр места происшествия под протокол, дает поручения органу дознания.

Затруднения вызывает определение границ осмотра и зон развития аварийной ситуации, а также выявление следов дорожно-транспортного преступления, сложность чего заключается в их малым размере и большим радиусе разлета. Для определения границ осмотра необходимо выделять пять зон: 1. Исходная – место фактического восприятия водителем возникшей опасной ситуации; 2. Промежуточная – место, с которого водитель после неопределенного периода времени принимает меры по предотвращению ДТП (торможение, изменение направления движения); 3. Зона совершения ДТП – место столкновения, удара или наезда (осыпь стекол, грязи из-под капота, подкрылков, выбоины); 4. Зона перемещения транспортного средства (разброс стекол и деталей, следы волочения); 5. Расположение транспортных средств после ДТП и его следы (сами ТС, пострадавший, его вещи) [2, с. 143].

При неочевидных дорожно-транспортных преступлениях, определение границ осмотра осложняется, так как водитель может скрыться вместе с транспортным средством, что при данных происшествиях закономерно и в таком случае воспроизвести аварийную ситуацию следователю необходимо исходя из показаний очевидцев, материальных следов на месте происшествия, просмотра видеозаписей, при наличии камер видеонаблюдения.

Рабочий этап включает в себя две стадии – общий и детальный осмотры.

Стадия общего осмотра включает в себя следующие действия следователя: 1. Изучение внешней обстановка (расположение строений, деревьев, препятствий); 2. Установка точного времени дорожно-транспортного происшествия; 3. При наличии на месте происшествия транспортных средств, их расположение и расположение пострадавших; 4. Установка состояния дороги (вид дорожного по-

крытия, его назначение и состояние, наличие или отсутствие дефектов); 5. Изучение освещения проезжей части на необходимом участке, видимости на нем и обзорности в определенное время суток, погодных условий; 6. Изучение дорожных знаков, светофоров, ограждений на проезжей части дороги, их расположение.

Стадия детального осмотра содержит последовательные действия следователя, которые проводят в определенном порядке: 1. Осмотр и фиксация начала тормозного пути транспортного средства, описание иных следов, имеющихся на месте происшествия (следы лакокрасочного покрытия, след волочения трупа, осыпь стекла и другие); 2. Осмотр и описание места наезда (столкновения); 3. При оставлении транспортного средства на месте происшествия производится ее осмотр и фиксация расположения, также исследуются все повреждения, определяется последовательность их возникновения, устанавливается, какие части транспортного средства получили повреждения, проведение авто-технической экспертизы; 4. Осмотр пострадавшего, его одежды, характер ее дефектов, характер повреждений кожи и иных органов, после чего назначается судебно-медицинская экспертиза; 5. Если на месте происшествия имеется труп, то производится фиксация его места расположения относительно элементов окружающей среды и описание трупа, после чего назначается судебно-медицинская экспертиза трупа.

Заключительный этап включает в себя такие действия следователя, как: 1. Составление протокола осмотра места дорожно-транспортного происшествия; 2. Проведение необходимых измерений; 3. Составление плана места происшествия, схем, чертежей, производство фотофиксации; 4. Фиксация, изъятие и упаковка обнаруженных предметов – вещественных доказательств; 5. Если на месте происшествия находится труп – проведение его осмотра, дактилоскопирование (если его личность не установлена), 6. Направление трупа в бюро СМЭ для производства экспертизы; 7. Если на месте происшествия находится оставленное виновным лицом транспортное средство – отправление его на специальную стоянку.

В свою очередь особенно важно при производстве осмотра места дорожно-транспортного происшествия в условиях неочевидности это определение видимости в условиях окружающей обстановки.

Согласно письма ГСУ ГУ МВД России по Московской области № 14/2517 от 2 марта 2021 г. руководством ГСУ ГУ МВД России по Московской области указывалось, что следователи, выезжающие в составе следственно-оперативной группы на место дорожно-транспортного происшествия, при проведении осмотра места происшествия следует проводить (по необходимости) осмотр места происшествия с производством экспериментальных следственных действий для установления общей видимости проезжей части и конкретной видимости объекта, имеющих существенное значение для дальнейшего расследования уголовного дела, в целях избегания затягивания сроков предварительного следствия в дальнейшем.

От точности и объективности проведения осмотра места происшествия и следственного эксперимента зависит ход проведения предварительного следствия, а также дальнейшие решения следователя по расследованию уголовного дела.

Таким образом, следует констатировать, что осмотр места происшествия является обязательным и основным следственным действием при совершении дорожно-транспортного преступления, полученные в ходе данного следственного действия объективные данные в дальнейшем лягут в основу обвинения лица, совершившего дорожно-транспортное преступление в условиях неочевидности.

Список литературы

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (редакция от 30 декабря 2021 г.).

2. Паутова Т.А. Особенности осмотра места дорожно-транспортного происшествия // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2017. №3 (41). URL: https:cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-osmotra-mesta-dorozhno-transportnogo-proisshestviya-1.

3. Хмелев С.А. Актуальные вопросы совершенствования производства предварительного следствия в современных условиях развития уголовно-процессуального законодательства: Всероссийская научно-практическая конференция, 7 апреля 2021 г. :Сборник научных трудов / [сост. Д.А. Иванов]. – М. : Московский университет МВД России имения В.Я. Кикотя, 2021. – 587 с. – 1 электронный опт. диск (CD-R).

4. Официальный сайт Государственной Инспекции дорожного движения Министерства внутренних дел Российской Федерации. URL: http://stat.gibdd.ru/.

Шаров А. В.[1]**,**
начальник кафедры криминалистики
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

О ВОЗМОЖНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ СТОРОННЕГО ПРОГРАММНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЛЕДОВАТЕЛЯ

Совершенствование деятельности следователя предполагает не только эволюцию имеющихся и выработку новых средств и методов раскрытия и расследования преступлений, но и изменение подходов к организации труда, например, через цифровизацию. Интенсификация процесса расследования в современных условиях невозможна без применения современных информационных технологий, которые позволяют автоматизировать повторяющиеся процессы или получать значимые для расследования сведения путем применения прикладного программного обеспечения (приложений), предлагаемых сторонними или независимыми разработчиками.

Организационные мероприятия, которые следователь проводит для обеспечения расследования преступления в соответствии с УПК РФ (направление запросов и т. п.), успешно реализуются посредством применения ПК, используя его в качестве пишущей машинки. Говорить о глубокой модернизации или цифровизации этой стороны деятельности следователя не приходится.

В следственной работе существенное место занимают алгоритмы осуществления организационных мероприятий: заполнение карточек статистической отчетности, составление и направление запросов в различные организации и др. Кроме затрат материальных сил и средств, эти действия оказывают негативное психологическое воздействие на следователя, не лучшим образом сказываясь на его трудовых функциях. По идее, выполнение организационных мероприятий давно должно быть автоматизировано. Однако это не так. До сих пор в органах предварительного следствия отсутствует централизованно внедренная система поддержки принятия управленческих решений на основе компьютерного сопровождения организационно-распорядительных функций следователя.

Предпринималась попытка внедрения специального программного обеспечения – автоматизированного рабочего места следователя (АРМ следователя), закончившаяся, к сожалению, неудачно. В литературе приводился анализ причин. В их числе называют «… значительный объем финансирования, … ведомственную разобщенность инициаторов и разработчиков указанного комплекса; недостаточный уровень материально-технического обеспечения; отсутствие единых информационно-технологических подходов; непоследовательность в решениях и действиях федеральных органов исполнительной власти; отсутствие обратной связи с потенциальными пользователями разрабатываемой системы – следовате-

[1] © Шаров А. В., 2022.

лями, дознавателями, руководителями следственных органов и специализированных подразделений дознания» [1, с. 67]. С момента публикаций прошло значительное время, однако обозначенные проблемы остались не решенными.

В сети Интернет можно встретить приложения различных разработчиков, так или иначе позволяющих некоторым образом облегчить деятельность следователя и дознавателя по отдельным видам организационной работы. Например, автоматизированное заполнение статистических карточек. При этом следует иметь в виду, что подготовленный в 2005 г. нормативный акт предписывает: «заполнение реквизитов … производится вписыванием текстовой информации от руки либо путем подчеркивания соответствующего значения реквизита с дублированием этого значения в размещенных в правой стороне документа первичного учета кодовых полях (там, где это предусмотрено)». То есть сохраняется анахронизм заполнения статистических карточек вручную, что ведет к существенным временным затратам и ошибкам. Поэтому назрела необходимость разрешения заполнения этих документов машинным способом, например, авторизованными пользователями ИСОД, что, в свою очередь, ведет к необходимости разработки соответствующего сервиса.

Независимые разработчики-энтузиасты [2] давно предлагают решения некоторых таких задач локально отдельными следователями и дознавателями. Так, выполненное в оболочке Excel приложение «Статистические карточки ИЦ в excel» позволяют автоматически заполнять и распечатывать карточки, при этом значения вводятся в связанные ячейки и отображаются в других карточках. Этот же разработчик предлагает скрипты на языке программирования Python: генератор запросов, конвертер показаний из «от первого лица» в «от третьего лица» и т. п.

Не остается без внимания и проблема разработки АРМ следователя как комплексного программного обеспечения. Так разработчиком TS-Group предлагается платное программное обеспечение – программный комплекс «АРМ следователя (дознавателя)» [3], имеющий возможности: базовый учет уголовных дел и материалов проверок, составление процессуальных документов по своим шаблонам, планирование рабочего времени (задачи и напоминания), учет экспертиз, следов и вещественных доказательств, выгрузка отчетов, голосовой набор текста и др.

Вместе с тем следует отметить, что два-три года назад предлагаемого набора функций было достаточно для выполнения служебных функций. Сегодня стоит вопрос о применении технологий искусственного интеллекта, в том числе интеллектуальную поддержку принятия решений. Например, известны исследования по построению цифровой криминалистической модели серийных преступлений, то есть разработки «…эффективных и точных алгоритмов построения поискового портрета серийного преступника, выявления в массиве нераскрытых деяний тех, которые носят серийный характер и совершены одним и тем же субъектом, установления наиболее вероятного подозреваемого из числа лиц, учтенных в базе данных о преступниках» [4, с. 27; 5, с. 47]. Тем самым реализуются попытки сужения круга поиска подозреваемых. Представляется, что в перспективе на ос-

нове введенных данных о преступлении, точнее, сведениях, составляющих криминалистическую характеристику преступлений, будет решена задача выдвижения типовых версий и составления программ действий следователя. То есть, полувековая научная дискуссия о значении криминалистической характеристики преступлений будет закончена.

Вторая сторона применения программного обеспечения в деятельности следователя состоит в отнесении знаний в области компьютерной информации и компьютерной техники к специальным знаниям, не входящим в компетенцию следователя. К примеру, наличие у следователя специального инженерного образования в области информационных технологий не дает ему право проводить изъятие электронных носителей информации без участия специалиста (статья 164.1 УПК РФ), хотя следователь самостоятельно может выполнить эти действия, так как у него есть соответствующие навыки.

На наш взгляд, особенности развития информационных технологий, их простота, широкая распространенность, позволяют говорить, что эти знания могут перестать быть для следователя специальными. Разработчики стремятся распространить свои приложения на неограниченный круг пользователей, вследствие чего прикладное программное обеспечение становится абсолютно несложным в понимании, имеет дружественный интерфейс, в том числе на русском языке. То есть наблюдается картина движения знаний в области информационных технологий, ранее считавшихся специальными, в сторону общеупотребимых, можно сказать, бытовых. А это делает возможным их применение в расследовании преступлений без помощи специалиста.

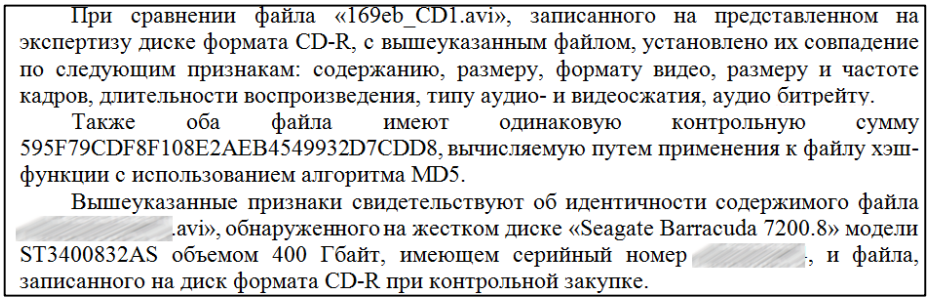
Кроме того, навыки работы, например, с электронными носителями информации при их изъятии можно получить при освоении программ высшего профессионального образования или в рамках повышения квалификации, что приведет к уменьшению необходимости участия в следственных действиях специалистов. Если обратить внимание на положения статьи 164.1 УПК РФ, роль специалиста заключается в изъятии электронного носителя информации, копировании с него информации, его упаковке. При наличии необходимых навыков у следователя, специалист при проведении подобных действий не нужен. Необходимо только «перевести» подобные специальные знания в категорию профессиональных навыков следователя и сформировать их при осуществлении профессиональной подготовки.

Сейчас практически каждый пользователь может отличить одни атрибуты файла от других. Работающие с изображениями умеют анализировать EXIF-файлы, содержащие в текстовой части сведения об условиях выполнения снимков, например, геометки, параметры фотоэкспозиции и ряд других, что играет существенную роль в установлении места проведения съемки и иных важных обстоятельств [6], в том числе при производстве комплексной компьютерной и фототехнической экспертизы. Эти знания должны также входить в круг профессиональных знаний следователя.

Мы неоднократно говорили, что в эпоху оборота цифровых документов, их многочисленных копий и дубликатов, крайне просто определить исходный документ, показать его целостность и неизменность, если известна его контрольная

сумма или хэш-код. Можно легко доказать, что, информация, скопированная на электронный носитель информации – эта та же самая информация, хранившаяся в компьютере какого-либо лица. Достаточно в протоколе соответствующего следственного действия указать хэш-код файла, который вычисляется за минимальное время с помощью различных приложений, например, такого как HashTab.

Русифицированный интерфейс программы позволяет за секунды не только вычислить контрольную сумму конкретного файла, но и затем сравнить ее с контрольной суммой другого файла, получив совпадение или различие. Такое сравнение используется при производстве компьютерной экспертизы как один из методов идентификации файлов. Приведем выдержку из заключения эксперта по исследованию компьютерной информации – видеофайла (рис.1).

При сравнении файла «169eb_CD1.avi», записанного на представленном на экспертизу диске формата CD-R, с вышеуказанным файлом, установлено их совпадение по следующим признакам: содержанию, размеру, формату видео, размеру и частоте кадров, длительности воспроизведения, типу аудио- и видеосжатия, аудио битрейту.

Также оба файла имеют одинаковую контрольную сумму 595F79CDF8F108E2AEB4549932D7CDD8, вычисляемую путем применения к файлу хэш-функции с использованием алгоритма MD5.

Вышеуказанные признаки свидетельствуют об идентичности содержимого файла [redacted].avi», обнаруженного на жестком диске «Seagate Barracuda 7200.8» модели ST3400832AS объемом 400 Гбайт, имеющем серийный номер [redacted], и файла, записанного на диск формата CD-R при контрольной закупке.

Рис. 1. Фрагмент заключения эксперта

Уже сейчас можно говорить, что сравнив свойства (атрибуты) приведенных видеофайлов и их контрольных сумм, следователь вполне самостоятельно смог бы сделать вывод об их идентичности без производства длительной экспертизы. С другой стороны, следователь легко убедит сторону защиты в неизменности файлов с момента их обнаружения, если производство экспертизы необходимо. Представляется, протокол следственного действия с фиксацией всех действий следователя по сравнению свойств файла и вычислению их контрольной суммы вполне соответствует требованиям, предъявляемым к доказательствам.

Таким образом, при освоении следователем в рамках профессиональной подготовки навыками работы с файлами, в перспективе повлечет отмену необходимости каждый раз, в силу требований статьи 164.1 УПК РФ, привлекать для участия в следственных действиях специалиста, и, возможно, производства судебной компьютерной экспертизы по некоторым объектам.

В заключении отметим, что навыки применения стороннего программного обеспечения сотрудниками правоохранительных органов не укладываются в привычное понимание «применение специальных знаний», поскольку они фактически перестали быть специальными и вполне могут определяться как профессиональные знания, умения и навыки. При таком понимании процесса цифровизации деятельности органов предварительного расследования существенно сократятся временные затраты на производство следственных и иных процессуальных действий, а также проведение организационно-распорядительных мероприятий.

Список литературы

1. Загвоздкин Н. Н. Автоматизированное рабочее место следователя: проблемы разработки и внедрения в практику // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. – 2016. – № 1(9). – С. 67-75.

2. Программы для облегчения работы следователей и дознавателей. Форум сотрудников МВД. Сайт. – URL: https://police-russia.com/showthread.php?t=97532 (дата обращения: 02.04.2022).

3. Автоматизированное рабочее место (АРМ) следователя (дознавателя). (ИП Студенников А.О.). Сайт. – URL: https://ts-group.ru/awp.php (дата обращения: 02.04.2022).

4. Бессонов, А. А. Современные информационные технологии в расследовании серийных преступлений / А. А. Бессонов // Криминалистика и судебная экспертиза: наука, практика, опыт : Всероссийский форум, 27–28 апреля 2021 г. : сборник научных трудов / [сост. И. В. Тишутина]. – М.: Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2021. – 628 с.

5. Бессонов, А. А. Использование алгоритмов искусственного интеллекта в криминалистическом изучении преступной деятельности (на примере серийных преступлений) / А. А. Бессонов // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2021. – № 2(78). – С. 45-53. – DOI 10.17803/2311-5998.2021.78.2.045-053.

6. Щербаков, С. Метаданные в цифровой фотографии. Информационно-аналитический сайт iXBT.com. ООО «Аспект Исследования и Публикации». Сайт. – URL: https://www.ixbt.com/digimage/metadxph.shtml (дата обращения: 03.04.2022).

Шаталов А. С.[1]***,***
профессор кафедры уголовного процесса
Московской академии Следственного комитета Российской Федерации,
доктор юридических наук

СУДЕБНЫЙ КОНТРОЛЬ НА СТАДИИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ, КАК СПОСОБ ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ НЕОБОСНОВАННОГО ОГРАНИЧЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ И СВОБОД УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Конституция Российской Федерации гарантирует каждому судебную защиту его прав и свобод (ст. 46), чем обеспечивается право граждан на обжалование в суд действий (бездействия) и решений органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и должностных лиц. Данное право перекликается с конституционным принципом охраны достоинства личности (ст. 21), которым провозглашается, в частности, обязанность государства обеспечивать каждому возможность отстаивать свои права в споре с любыми органами и должностными лицами, в том числе с наделенными правом рассматривать сообщения о совершенных (готовящихся) преступлениях и осуществлять предварительное расследование по уголовным делам. Если их действия и решения затрагивают не только сами уголовно-процессуальные отношения, как таковые, но и порождают определенные неблагоприятные последствия, выходящие за их рамки и влекущие за собой существенные ограничения прав и свобод личности, то отложение проверки законности и обоснованности таких действий до начала судебного разбирательства может причинить ущерб, восполнение которого в дальнейшем будет являться неосуществимым. Поэтому всем заинтересованным лицам в ходе досудебного производства по уголовным делам должна быть обеспечена возможность незамедлительного обращения в суд …. Именно такие аргументы некогда привел в своем решении Конституционный Суд Российской Федерации, признав, что оперативный судебный контроль за действиями органов предварительного расследования является необходимой гарантией защиты прав и законных интересов граждан и юридических лиц.

С тех пор прошло более двух десятилетий. Сейчас практически ни у кого из процессуалистов не вызывает сомнений тот факт, что судебный контроль над предварительным расследованием не только вполне оправдан, но и необходим Его осуществление на этой стадии уголовного процесса привело к тому, что права и свободы участников уголовного судопроизводства, должностными лицами со стороны обвинения, стали нарушаться значительно реже. Это означает что в российском уголовном процессе идея сочетания и организационной автономии ведомственных проверок, прокурорского надзора и судебного контроля смогла получить законодательное признание. Дополняя друг друга, эти формы контрольной деятельности обеспечивают соблюдение такого порядка возбужде-

[1] © Шаталов А. С., 2022.

ния и предварительного расследования уголовных дел, который призван исключать нарушения прав, свобод и законных интересов лиц, вовлеченных в производство по уголовному делу. Для этого каждая из названных форм наделена различным арсеналом средств и методов предупреждения нарушений законности при производстве по уголовному делу и устранения их последствий.

В отличие от ведомственных проверок и прокурорского надзора, традиционно осуществляемых в непрерывном режиме, судебный контроль носит эпизодический характер с тем, чтобы не допустить ничем не оправданного сочетания у одного и того же субъекта процессуальной деятельности функций правосудия, уголовного преследования и защиты от него. Более того, судебный контроль, не преследует цели выявления допущенных нарушений законности, он лишь констатирует их наличие или отсутствие при принятии соответствующих процессуальных решений. Осуществляя его суд не подменяет руководителя следственного органа и прокурора, чьи возможности по оказанию влияния на ход предварительного расследования значительно шире. В отличие от них, суд не способен немедленно реагировать на возникшую следственную ситуацию, поскольку масштаб его деятельности в досудебном производстве по уголовным делам ограничен и конституционно, и процессуально. Целью его вовлечения в досудебное производство является исключение случаев необоснованного ограничения конституционных прав и свобод его участников, а также восстановление нарушенного права, но, не более того. Понимая его фактическую нацеленность, процессуалисты в своих трудах правильно отмечают: «… осуществляя судебный контроль на стадии предварительного расследования, суд не проявляет собственную инициативу. Он лишь придает решениям органа дознания, дознавателя, следователя и руководителя следственного органа обязательную силу или наоборот, лишает их этого свойства» [12, С. 43].

Важно отметить, что судебный контроль над принятием процессуальных решений, относительно новое явление в российском уголовном судопроизводстве. Его осуществление предусмотрено и Конституцией Российской Федерации и действующим уголовно-процессуальным законодательством. Несмотря на то, что понятие «судебный контроль» в этих законодательных актах не употребляется, оно присутствует в Концепции судебной реформы Российской Федерации, в которой среди ключевых преобразований российского уголовного судопроизводства значится «… судебный контроль за законностью и обоснованностью производства на ранних стадиях процесса» [6, С. 85–86].

В отечественной процессуальной литературе судебный контроль издавна позиционировался как важнейшая функция судебной власти и как необходимое условие ее существования [11, С. 160]. Некоторые процессуалисты небезосновательно считают, что судебный контроль, над законностью предварительного расследования, способен в большей мере обеспечить защиту прав личности, чем прокурорский надзор [2, С. 60], поскольку он осуществляется в форме судебной проверки законности и обоснованности действий и решений должностных лиц органов уголовного преследования, ограничивающих права и свободы граждан [4, С. 70]. Таким образом, имеются все основания рассматривать судебный кон-

троль, в качестве системы средств, направленных на недопустимость незаконного ограничения права на свободу и личную неприкосновенность участников уголовного судопроизводства, охрану их личной и семейной тайны, права на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых телеграфных и иных сообщений, неприкосновенность жилища, частной жизни и др.

В этом ракурсе судебный контроль предстает средством, обеспечивающим защиту прав граждан в уголовном судопроизводстве и предотвращающим их ограничение в целях и порядке противоречащих закону. В такой направленности судебного контроля и проявляется его специфика. Также она проявляется в том, что судебный контроль может иметь место только в тех случаях, которые прямо оговорены в законе. Следовательно он не призван защищать абсолютно все права участников уголовного судопроизводства. На стадии предварительного расследования он представляет собой деятельность суда, осуществляемую в форме процессуальной проверки законности и обоснованности только тех действий и решений должностных лиц, которые ограничивают права и свободы граждан. В таком понимании судебный контроль предстает не только в качестве весьма важной правовой гарантии, но и как эффективный процессуальный механизм реализации конституционных положений, в рамках отдельно взятой досудебной стадии уголовного судопроизводства.

Пределами его осуществления являются предусмотренные законом временные границы этой стадии в общей системе уголовного процесса, на условиях недопустимости объединения различных процессуальных функций. Иными словами, судебный контроль не должен нарушать установленный законом порядок процессуальной деятельности, быть инструментом вмешательства в ход предварительного расследования и девальвировать процессуальную самостоятельность следователя и дознавателя. Именно поэтому, суд не уполномочен осуществлять судебный контроль по собственной инициативе. Она должна исходить либо от должностного лица, производящего предварительное расследование, либо от участника уголовного судопроизводства, решившего обжаловать его действие или решение. Сам суд, вместо следователя или дознавателя никаких действий не производит и процессуальных решений не принимает. Он лишь дает свое согласие на практическую реализацию их инициативы или отказывает в этом, предварительно подвергнув проверке возможность проведения конкретного следственного действия или принятия того или иного решения с позиций законности, обоснованности и мотивированности. Иначе говоря, суд призван признавать легитимность этих действий и решений или констатировать ее отсутствие. При этом он не уполномочен давать свои рекомендации следователю или дознавателю относительно обоснования заявленных ими ходатайств.

Судебные решения, принимаемые по итогам каждого акта судебного контроля, разрешают вопросы, возникающие в случае производства следственных действий, применения мер принудительно-обеспечительного характера, поставленные в жалобах на действия и решения должностных лиц, осуществляющих предварительное расследование по делу и т. д. Предмет доказывания по каждому из рассматриваемых судом вопросов является индивидуальным. Он может вклю-

чать не только условия процессуального характера, но и те или иные фактические обстоятельства инкриминируемого подвергнутому уголовному преследованию лицу деяния. Это связано с тем, что предварительное расследование, особенно на начальном его этапе, обычно характеризуется недостатком фактических данных и дефицитом времени для принятия процессуальных решений о производстве следственных действий. Если выражаться предельно точно, то оно осуществляется в иной информационной ситуации, чем, в частности, судебное следствие, поскольку здесь еще нет четкой картины события преступления и достаточной совокупности доказательств. Вместе с тем, от правильного установления судом наличия оснований для производства того или иного следственного действия, нередко зависит ход и исход производства по уголовному делу.

Еще раз обратим внимание на то, что решения, при осуществлении судебного контроля над предварительным расследованием могут быть приняты только по инициативе заинтересованных участников в уголовного судопроизводства. Сам суд не может инициировать их принятие. Анализ следственной и судебной практики показывает, что любое решение имеющее непосредственное отношение, в частности, к производству следственных действий должно приниматься только на основе совокупности имеющихся в уголовном деле фактических данных, имеющих, как правило, различную правовую природу. Следовательно оценка судом сведений, обосновывающих ходатайство о производстве следственного действия, должна зависеть от вполне конкретных обстоятельств, которыми обычно являются:

– предусмотренные законом основания для производства следственного действия;

– процессуальный статус участника (участников) уголовного судопроизводства с участием которого (которых) предполагается его производство;

– характер ограничений данным следственным действием конституционных прав участника (участников) уголовного судопроизводства;

– требования предъявляемые законом к форме и содержанию решения о его производстве.

В судебном заседании, предметом которого является установление таких обстоятельств, анализу должна подвергаться любая криминалистически значимая информация, в т. ч. полученная по результатам осуществления оперативно-розыскной деятельности. Свое решение суд должен принимать, сообразуясь с логикой предварительного расследования, но не разрешения уголовного дела по существу, поскольку судебные решения, принимаемые по результатам осуществления судебного контроля, сам уголовно-правовой конфликт разрешить не могут и не должны. Их назначение – защита в конкретной следственной ситуации конституционных прав и законных интересов лиц, вовлеченных в уголовно-процессуальную деятельность. Вместе с тем, как и все другие процессуальные решения, они должны быть законными, обоснованными, мотивированными и подлежать безусловному исполнению. В отличие от итоговых процессуальных решений, судебные постановления, принимаемые по результатам осуществления судебного контроля, разрешают лишь отдельно взятые вопросы так или иначе

связанные с применением мер принудительно-обеспечительного характера, производством процессуальных (в т. ч. следственных) действий, обжалованием действий и решений должностных лиц, осуществляющих досудебное производство по делу и т. д. В отличие от итоговых судебных решений, процедура их принятия в законе не детализирована. Тем не менее их появлению также должно предшествовать исследование представленных суду доказательств.

Для каждого из рассматриваемых им вопросов предмет доказывания специфичен. Он может включать в себя не только фактические обстоятельства инкриминируемого лицу деяния, данные о его личности, принадлежащем ему имуществе и др., но и обстоятельства сугубо процессуального характера, имеющие, как правило, приоритетное значение по отношению к фактическим обстоятельствам имевших место общественно опасных действий (бездействия). Пределы доказывания при этом зависят как от сути рассматриваемого вопроса, так и от фактического содержания принесенных ходатайств, жалоб и представлений. Рассматривая их суд сопоставляет обстоятельства процессуального характера и принятое следователем или дознавателем решение с предписаниями уголовно-процессуального закона, устанавливая таким образом наличие или отсутствие связи их взаимного соответствия. Отсутствие стандартов доказывания при принятии судебных решений такого рода нередко влечет за собой их необоснованность, а вместе с ней неспособность выступать надлежащим регулятором уголовно-процессуальных правоотношений. Следовательно их разработка и имплементация в текст российского уголовно-процессуального закона в обозримом будущем непременно должна стать предметом научных исследований процессуалистов.

Список литературы

1. Азаренок Н. В. Концепция совершенствования российского уголовного процесса в рамках его исторической формы. Автореферат дисс. … докт. юр. наук. Омск. 2021. 35 с.

2. Бойков А. Д. Третья власть в России. Очерки о правосудии, законности и судебной реформе. – М.: Изд-во НИИСЗ, 1997. – 261 с.

3. Вопросы уголовного судопроизводства в решениях конституционного суда РФ в 2 ч. Часть 1: практ. пособие / Е. Г. Васильева, Е. В. Ежова, Р. М. Шагеева. – 3-е изд., пер. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2018. – 228 с.

4. Кашепов В. П. Институт судебной защиты прав и свобод граждан и средства ее реализации. // Государство и право. 1998. №2. С. 66–71.

5. Концептуальные основы реформы уголовного судопроизводства в России» (материалы научной конференции 22–23 января 2002 г., Москва). Отв. ред. И. Б. Михайловская. – М.: Проспект, 2002. – 192 с.

6. Концепция судебной реформы в Российской Федерации. М., 1992. – 110 с.

7. Малышева О. А., Малышева Ю. В. Реализация правовых позиций Европейского Суда по правам человека в российском уголовном процессе. – М.: 2019. Изд. «Юрлитинформ» – 176 с.

8. Маслов И. В. Уголовно-процессуальные функции участников досудебного производства. – М.: 2018. Изд. «Юрлитинформ» – 352 с.

9. Морщакова Т. Г. Российское правосудие в контексте судебной реформы. М.: Р. Валент, 2004. – 264 с.

10. Практика применения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации / под общ. ред. В. М. Лебедева. 6-е изд., перераб и доп. – М.: Издательство «Юрайт», 2013. – 834 с.

11. Русский уголовный процесс / Викторский С. И. – М.: Изд. А. А. Карцева, 1912. – 443 с.

12. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: академический курс по направлению «Юриспруденция». – Москва: Проспект, 2021. – 863 с.

13. Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. Том I. СПб.: Издательство «Альфа»,1996. – 607 с.

Шеховцова Л. С.[1],
старший преподаватель кафедры криминалистики
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

УЧАСТНИКИ ДОПРОСА НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ СВИДЕТЕЛЕЙ

Как справедливо отметила И. А. Яровая при обсуждении законопроекта ФЗ №388776-7 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части совершенствования механизмов борьбы с преступлениями против половой неприкосновенности несовершеннолетних», уголовные дела, где свидетелями выступают несовершеннолетние чаще всего возбуждаются по факту совершения бытового и сексуального насилия. Такие преступления носят преимущественно латентный характер, часто являются длящимися и сопряжены с соучастием близких несовершеннолетнему лиц [1]. В связи с этим проблема защиты несовершеннолетних от возможного психологического насилия в уголовном судопроизводстве приобретает особую актуальность.

Свидетельские показания несовершеннолетних со времен дореволюционной России критически воспринимались в юридической литературе [2, С. 104–109]. В.А. Артемов анализируя детскую психологию, неоднозначно оценивал показания малолетних оспаривая их достоверность [3, С. 40–44]. Б.М. Шавер, отмечая тактические сложности проведения допроса несовершеннолетних свидетелей, вызванные необходимостью учета их возрастных особенностей, делал вывод, что к допросу несовершеннолетнего свидетеля необходимо обращаться только тогда, когда без этого обойтись нельзя [4, С. 31–42]. Со временем ситуация изменилась незначительно, в современной юридической литературе получение и оценка показаний несовершеннолетних свидетелей остается актуальной проблемой для правоприменителей.

Однако при расследовании наиболее тяжких латентных преступлений показания несовершеннолетних свидетелей-очевидцев незаменимы, в ряде случаев они играют решающее значение при построении обвинения. Качество полученных в ходе допроса сведений во многом зависит от грамотной организации следственного действия, правильного подбора участвующих в допросе лиц.

Привлечение иных участников уголовного судопроизводства требует от следователя строгого соблюдения закона в части обязательного разъяснения им прав, обязанностей, а также их роли в допросе несовершеннолетнего свидетеля.

В ст. 191 Уголовно-процессуального кодекса (далее – УПК) Российской Федерации сказано, что при допросе лица не достигшего возраста 16 лет либо достигшего этого возраста, но страдающего психическим расстройством или отстающего в психическом развитии, обязательно участие психолога или педагога. Буквальное толкование текста закона свидетельствует, о том, что законодатель

[1] © Шеховцова Л. С., 2022.

не проводит различий между такими участниками. Однако уголовно-процессуальные законодательства сопредельных государств, в этой части отличаются от нашего. Так, ч. 2 ст. 145 УПК Монгольской Народной Республики содержит требование об обязательном участии при допросе несовершеннолетнего родителя или педагога [5], а ст. 116 УПК Республики Грузия предписывает присутствие законного представителя или психолога [6]. Ст. 215 УПК Республики Казахстан говорит об обязательном участии в допросе свидетеля до четырнадцати лет педагога и (или) психолога [7], то есть фактически разделяя их уголовно-правовую роль и допуская участие обоих. Существуют ли различия между педагогом и психологом как участниками допроса несовершеннолетнего свидетеля?

Участие педагога при допросе несовершеннолетних свидетелей было предусмотрено не только в действующем законодательстве, но и в ст. 159 УПК РСФСР 1960г. С тех пор педагог, как лицо, обладающее специальными знаниями в области обучения, воспитания и возрастной психологии, призван оказывать допрашиваемому помощь в понимании и воспроизведении значимой для расследования информации без ее корректировки.

Исходя их смысла п. 62 ст. 5 УПК РФ основная функция педагога –образование и воспитание. ФЗ «Об образовании» в ст. 42 содержит норму о необходимости оказания психолого-педагогической помощи детям, которые являются свидетелями преступления, не конкретизируя в чем эта помощь заключается.

Законодательного определения «психолога» как участника уголовного судопроизводства не дано. В юридической литературе традиционно признается, что психолог оказывает содействие следователю в определении уровня зрелости детской психики, развитости способностей допрашиваемого к запоминанию и осознанию информации, склонности к фантазированию. Психолог поможет определить особенности развития у допрашиваемого эмоционального интеллекта, способности грамотно формулировать свои чувства, распознавать мотивы и желания других людей. Следователь при подготовке и в ходе допроса должен использовать знания психолога об особенностях развития детей для установления с ребенком психологического контакта.

Таким образом педагогическое и психологическое содействие являются самостоятельными видами деятельности. Они осуществляются сведущими лицами, имеющими специальное образование и опыт работы. И педагог, и психолог призваны оказать квалифицированную помощь допрашиваемому и следователю при получении полных и объективных показаний несовершеннолетнего свидетеля.

В соответствии с ч. 1 ст. 191 УПК РФ при допросе несовершеннолетнего свидетеля вправе присутствовать его законный представитель: родитель, усыновитель, опекун, попечитель. Такие лица содействуют в решении вопросов, касающихся личности несовершеннолетнего, условий его жизни и воспитания, обстоятельств, причин и роли допрашиваемого при совершении преступления.

Россия многонациональная страна, где встречается языки 14 языковых семей [8]. Несмотря на то, что русский язык является официальным, он не всегда выступает в качестве основного для проживающих здесь народов, поэтому при

допросе несовершеннолетнего свидетеля возникает необходимость в привлечении переводчика. Так, например, допрошенный несовершеннолетний свидетель гр. А. в присутствии переводчика пояснил следующее: когда мамы не было дома, он играл и видел, как дядя Ильшат и гр. Б зашли к ним в дом, у них в руках был пакет, потом они обратно с пакетом вышли, в руках деньги железные несли. Потом мама вернулась домой. Он зашел домой и увидел документы валялись, сахар был рассыпан. Дядя Ильшат их родственник, они каждый день с мамой общаются [9 Т.1, л. д. 81–83].

При привлечении переводчика следователю нужно учесть наличие у него опыта перевода детской речи. Лингвисты утверждают, что язык несовершеннолетних отличается от языка взрослых, как фонетически, так и грамматически, например, ограниченностью числа речевых конструкций, нарушением причинно-следственных отношений, своеобразным слоовообразованием, использованием «детских» неологизмов, это требует от переводчика применения особых приемов и лингвокогнитивных знаний [10].

Переводчик также нужен при допросе несовершеннолетних с нарушениями слуха и речи для перевода слов следователя на жестомимическую либо дактильную речь и, наоборот, мимику, жесты или дактильные знаки глухонемых – на обычную разговорную речь.

Допрос несовершеннолетних свидетелей, которые на момент допроса находятся на излечении в стационаре или амбулаторно лечатся от заболеваний опасных для жизни и здоровья может быть проведен с участием врача, или иного медицинского работника.

Например, после убийства отцом бабушки, малолетняя гр. Д. находилась в психоневрологическом отделении детской больницы, где и была допрошена в качестве свидетеля с участием врача [11 Т.3, л. д. 105–108]. Выступая в качестве специалиста-медика, врач позволит установить, что состояние здоровья допрашиваемого не препятствует проведению его допроса, своевременно предупредит возможное ухудшение самочувствия ребенка. Медработник также, полагаем, может ходатайствовать о сокращении времени допроса по медицинским показаниям.

Допрос несовершеннолетнего свидетеля – сложное следственное действие, успех которого во многом зависит не только от профессионализма следователя, но и от действий иных участвующих лиц. Исходя из возрастных особенностей лица, следственной ситуации допроса и задач, стоящих перед специалистом, законодатель предоставляет следователю право выбора: педагога или психолога приглашать на допрос несовершеннолетнего.

Список литературы

1. Выступление Яровой И. А. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/388776-7 (дата обращения 06.04.2022 г.).

2. *Баширова С.Г.* Психологические основы получение показаний от малолетних свидетелей и потерпевших на предварительном расследовании: некоторые замечание и рекомендации. // Вестник Волжского Университета им. В.Н. Татищева 2017, № 1. Т.2 С. 104–109.

3. *Артемов В.А.* Детская экспериментальная психология: школьный возраст: учебное пособие для вузов / В.А. Артемов. Изд. 2-е. Ленинград: Гос. социально-экономическое изд-во, 1931. С. 40–44.

4. *Шавер Б. М.* Допрос несовершеннолетних // Социалистическая законность : журнал. 1938. № 10. С. 31–42.

5. Уголовно-процессуальный кодекс Монголии принят 10 января 2001 г., вступил в силу с 1 сентября 2002 г. URL: Criminal procedure code of Mongolia https://wipolex.wipo.int/ru/text/333655 (дата обращения 06.04.2022).

6. Уголовно-процессуальный кодекс Грузии принят 09 октября 2010 г., вступил в силу 01 октября 2010 г. // [Электронный ресурс] URL: http://jurytrial.ru/media/files/library/file895.pdf (дата обращения 06.04.2022).

7. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан принят 4 июля 2014 г., вступил в силу 29 сентября 2014 г. // URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=31575852&pos=4096;9#pos=4096;9 (дата обращения 06.04.2022).

8. Языки народов России /Большая российская энциклопедия // [Электронный ресурс] URL: https://bigenc.ru/text/3040752 (дата обращения: 13.03.2022).

9. Уголовное дело 1-175/2018 Ишимбайский городской суд Республики Башкортостан.

10. *Сами З.А.* Лингвокогнитивное моделирование и перевод детской речи: социальный аспект // Молодой ученый. 2019. № 6 (244). С. 174–175. [Электронный ресурс] URL: https://moluch.ru/archive/244/56374/ (дата обращения: 13.03.2022).

11. Уголовное дело № 1–202/19 Орджоникидзевский районный суд г. Магнитогорска Челябинской области.

Шуваева М. С.[1]**,**
старший преподаватель кафедры криминалистики
Московского университета МВД России имен В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ РАССЛЕДОВАНИЯ И ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ НЕКОТОРЫХ ВИДОВ ИНТЕРНЕТ-МОШЕННИЧЕСТВ

Глобальные информационные сети и современные компьютерные технологии стремительно ворвались в наше жизненное пространство. Возможности их использования расширяются и это обстоятельство закономерно явилось основой трансформации преступной среды, поскольку все посягательства, которые считаются преступными, так или иначе в наши дни связаны с цифровизацией общества.

Рост уголовной активности в IT-сфере, согласно официальной статистике ГИАЦ МВД России, за 6 месяцев 2021 г. составил 92 %. Если говорить о конкретных цифрах, то такие деяния возросли с 12000 (данные 2020 г.) до 23000 (данные 2021 г.). Кроме того, транснациональный характер обрели такие виды преступлений, как мошенничество в сфере виртуальных активов, хайп-проекты и подобные им, за счет того, что существует некая возможность удаленного доступа к средствам в связи с научно-техническим прогрессом.

Все эти аспекты создают условия, в которых возникает необходимость совершенствования выявления, расследования и предупреждения преступлений, совершаемых при помощи IT-технологий.

Термин «интернет-мошенничество» возник и стал употребляться в связи с тем, что при совершении хищений началось активное применение неких информационно-телекоммуникационных технологий, и он полностью нивелировал непосредственный контакт жертвы с преступником и тем самым изменил механизм совершения привычных видов преступлений.

Действия, которые направлены непосредственно на завладение персональными данными жертвы или же финансовыми средствами в рамках сети Интернет, принято сегодня называть «интернет-мошенничеством». В настоящее время это становится актуальным видом киберпреступности.

Современный мир предлагает много возможностей с помощью такой сети, такие как онлайн-покупки, оплата услуг. Оборот виртуального мира составляет приблизительно 200 миллиардов долларов в год. Именно этот факт стал причиной того, что мошенники придумали множество вариаций и способов, которые соединили в схемы, которые они применяют при совершении таких преступлений [2, с. 12].

Интернет-мошенничество можно разделить на две большие категории: фишинг и кража наличности, которые, в свою очередь, делятся на множество подтипов.

---

[1] © Шуваева М. С., 2022.

Рассмотрим эти категории и их подтипы детальнее. Самым распространенным является оплата товара и услуг. Пример такого способа мошенничества довольно простой: человек заказывает товар, оплачивает его, а он не приходит или же потерпевший заказывает билет на поезд, а на вокзале узнает, что на его место уже есть другой пассажир, но с настоящим билетом, купленным через кассу вокзала.

Нигерийские письма. Основой такого метода является предложение для гражданина, которое заключается в переводе определенных сумм за внушительные проценты от нее. Но перед тем, как принять такое предложение и получить желаемые проценты необходимо оплатить некие налоги и сборы, что по сравнению с заработком, казалось бы, совершенно незначительной суммой. Вообще, этот способ довольно простой и, как кажется на первый взгляд, никто не должен бы верит в него, но возможность заработать легкие деньги всегда нравилась гражданам, поэтому эта схема нашла свое место в мире интернет-мошенничества [3, с. 6–9].

Легкий заработок. За маленькую сумму людям предлагают секретную методику заработка денег (чаще всего это касается онлайн-казино). Иногда мошенники за свой счет предлагают тестовый период такого способа заработка, и гражданин в это время выигрывает большие деньги, но, когда начинается игра за собственный счет, они так же быстро исчезают.

Финансовые пирамиды. Данная схема мошенничества не нова, достаточно вспомнить такие громкие названия финансовых пирамид как «МММ», «Властелина», процветающие на территории Российской Федерации и нашумевшие в 90-е годы. Человеку предоставляется схема, за небольшие вложения, в которой он сможет заработать в 5 или 10 раз больше, или же осуществить такую мечту, как покупка квартиры, автомобиля. Без сомнений, люди вкладывают деньги в такие схемы, по началу даже получают определенную отдачу, но, когда все больше и больше людей вкладывают свои денежные средства и уровень доверия к деятельности подобной организации вырастает, то организатор схемы или объявляет о банкротстве или вовсе пропадает вместе со всеми собранными средствами. Таким образом, участники таких схем не получают обратно ни заработка, ни своих же собственных вложений (пример: финансовая пирамида Финико) [4, с.86].

Фишинговые сайты. На просторах интернета находятся множество зарегистрированных страниц различных организаций и частных лиц. Любая организация, осуществляющая финансовую деятельность через сеть Интернет (банк, интернет-магазин и пр.) имеют свою зарегистрированную страницу с персональными данными, логотипом и т. д. Страницы, которые являются копиями сайтов известных в стране банков, торговых марок сетей магазинов и других организаций с незначительными изменениями, незаметными невнимательному пользователю сети –потребителю услуг (интернет-покупателю и пр.) – это так называемые фишинговые сайты. Действуют эти сайты таким образом: покупатель желает оплатить покупку, вводит номер карты и другие свои персональные данные, а при таком вводе мошенники, аналогично подлинной организации, получают эти данные, цифры и пароли, что дает им неограниченный доступ к ис-

пользованию денежных средств с банковской карты такого невнимательного человека. Второй способ получения данных при такой же схеме: владельцу банковской карты адресовано письмо от имени банка, якобы его отправившего о блокировке расчетного счета владельца карты. В таком письме о блокировке отправлена ссылка, по которой нужно пройти, однако она ведет на фишинговый сайт, в следствии чего мошенники опять же получают доступ к персональным данным.

Ложный интернет-покупатель. Люди, которые хотят продать вещи при помощи размещения частных объявлений в Интернете так же могут стать жертвами мошенников. Это работает таким образом: человек выставляет товар на определенном сайте, якобы покупатель готов купить такую вещь и обращается к продавцу с просьбой сообщить ему номер карты, срок действия и верификационный код. Такие просьбы поступают однозначно со стороны мошенника, так как сообщать верификационный код не нужно ни в каких случаях, просто потому что для совершения транзакции в нем нет необходимости [5, с. 54–62].

К уже существующей классификация считаю правильным добавить такой новый вид Интернет-мошенничества, как капперство, что представляет собой мошенничество за счет покупок ставок на спорт.

Так, капперы считаются профессиональными аналитиками, обладающими математическим складом ума, которые анализируют спортивные достижения команд, тем самым предугадывают результаты игр. Такой вид деятельности сам по себе не запрещен на территории Российской Федерации и не является преступным, но с эволюцией таких социальных сетей в обществе, как инстаграмм, телеграмм, он стал способом регулярного заработка для капперов, основанном на азарте и алчности обычных гражданах, которые мечтают быстро и легко разбогатеть.

Схема состоит в следующем: известные личности предлагают на просторах Интернета так называемую раскрутку счета, то есть лицо покупает ставку у самого доверенного лица и ожидает поступления этих денег на свой счет с определенными %, которые должны вырасти в связи с точной ставкой каппера, но такие ожидания чаще всего не оправдываются, так как деньги просто исчезают, сами же капперы аргументируют неудачу тем, что ставка не выиграла.

Таким образом, на сегодняшний день существует достаточно много способов мошенничества, совершаемого при помощи сети Интернет, но с каждым днем мошенники придумывают все более изощренные, новые схемы обмана, что создает необходимость более глубокого изучения данного вида преступлений.

Необходимость решения вопросов, описанных выше, приводит к потребности их осмысления в научном аспекте и создании абсолютно новых подходов на практике, выражающихся в предупреждении и раскрытии таких преступлений. Однако такой процесс если и происходит, то очень медленно и хаотично. Очевидной является необходимость сбалансирования правовых и организационных вопросов в данном процессе.

Эффективность расследований таких преступлений будет заметной только в том случае, если новые методы, средства и рекомендации, в соответствии с эволюцией информационных технологий, будут не только разработаны, а и внедрены в практику [6, с. 93].

Решением проблемы, которая заключается в том, что субъект преступления может проживать в другой стране, является сотрудничество с другими государствами в международных рамках, общая база данных таких мошенников [7].

Проблему с изменением IP-адреса с помощью различных программ можно разрешить с помощью разработки новых программ, которые будут блокировать такие изменения.

Преодолеть излишнее доверие населения по отношению к мошенникам можно при помощи пропагандисткой работы средств массовой информации, искореняя тем самым элементарную безграмотность граждан. Можно, например, организовать регулярный выпуск информационной программы по данной тематике, где будут освещать такие мошеннические схемы и учить различать население страны различные фишинговые сайты от их подлинных оригиналов.

Еще одна проблема – своевременное и быстрое получение информации, которая необходима для расследования уголовных дел. Она также может быть решена с помощью конкретного временного ограничения, закрепленного в нормативно-правовой базе, на основании которого реакции банковских и других организаций на требование правоохранительных органов предоставить такую информацию будут более быстрыми.

Если говорить о механизме блокировки действий или же программного обеспечения, что имеет вредоносный характер, то можно сказать об его полном отсутствии, как такого, поэтому существует необходимость в создании такого механизма, что непосредственно должно помочь решить эту проблему [8].

Так же целесообразно создать единую базу данных, которая будет систематизирована и содержать полную информацию о лицах, совершающих мошеннические действия (мошенниках) и создать систему мониторинга сети.

Для более эффективного использования криминалистического обеспечения при расследовании таких преступлений целесообразнее применять разработанные именно на практике средства и методы.

Что касается сложностей с применением закона, то их можно избежать с помощью усовершенствования законодательства. Техническое обеспечение необходимо обновить полностью, для этого власть должна выделить необходимые средства из государственного бюджета. Напоследок, стоит предложить подготовку новых специалистов для правоохранительных органов, особенно в области IT-технологий, которые будут быстро решать такие вопросы, и обеспечить уже существующих на сегодняшний день специалистов обучением для совершенствования их профессиональных качеств, навыков и умений.

Еще несколько лет назад некое хищение путем обмана или злоупотребления доверием квалифицировалось с помощью статьи 159 УК РФ. Но мир не стоит на месте, и система коммуникации и информатизации постоянно эволюционирует, что способствовало появлению новых способов хищения, а это в свою очередь

вызвало необходимость регулирования действий на уровне законодательства. Таким образом в УК РФ появились статьи 159.1-159.6.

Внесение изменений в законодательство было обусловлено предварительным изучением мошенничества, совершаемого при помощи социальной сети со стороны правоприменителя, но тем не менее, даже изучение и внесенные изменения, не смогли устранить некоторых проблем, с которыми приходиться сталкиваться на практике правоохранительным органам, ведущим расследования подобных преступлений.

Так, общественные отношения, которые находятся в рамках сферы экономики выступают родовым объектом данного преступления.

Видовой объект, в связи с толкованием закона и названием главы – собственность. Что касается непосредственно собственности, то такие отношения урегулированы нормами Гражданского кодекса Российской Федерации, а именно статьями 209-306.

Непосредственным объектом мошенничества в сети Интернет являются отношения собственности, в частности конкретная форма собственности: государственная, муниципальная или частная.

Уголовно-процессуальное законодательство определяет некий порядок ведения дел, так же и для статьи 159.6 УК РФ, где предусмотрены некие аспекты возбуждения, ведения и раскрытия уголовных дел.

Исходя из сказанного видно, что законодательство в данной области и его применение на практике все еще нуждается в совершенствовании, несмотря на вносимые дополнения и изменения.

Список литературы

1. Сидоренко Е. По цифровым следам: в РФ раскрывается лишь четверть киберпреступлений // Статьи Известия iz.ru 13.01.2020

2. Россинская Е. Р., Рядовский И.А. Концепция цифровых следов в криминалистике// Аубакировские чтения: материалы Международной научно-практической конференции 19.02.2019г. Алматы, 2019

3. Основы теории электронных доказательств: монография /под ред. С.В. Зуева, М: Юрлитинформ, 2019

4. Александрова И. А. Новое уголовное законодательство о мошенничестве// Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России 2013, № 21

5. Бабаев М. М., Пудовочкин Ю.Е. Проблемы российской уголовной политики. М., 2014

6. Батурин Ю. М., Жодзишский А.М. Компьютерная преступность и компьютерная безопасность –М.: Юридическая литература, 1991, 160с.

7. Воронцова С.В. К вопросу о квалификации преступлений в сфере электронных платежей // Банковское право, 2009 №1

ЧАСТЬ 2. ТРИБУНА МОЛОДОГО УЧЕНОГО

Балакирева Е. М.[1],
курсант Института подготовки сотрудников
для органов предварительного расследования
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя
Алимамедов Э. Н.[2],
доцент кафедры предварительного расследования
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАССЛЕДОВАНИЯ МОШЕННИЧЕСТВ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

На сегодняшний день научно-технический прогресс (далее по тексту – НТП) достиг широких масштабов. Он приносит обществу как много позитивных моментов, так и негативных, на основе которых появляется большое количество преступлений, совершение которых стало возможным именно благодаря достижениям НТП. К примеру, ст. 159.3 УК РФ, а именно мошенничество с использованием электронных средств платежа или иные схожие преступления в сфере экономической деятельности. Мошенничество охватывает все сферы жизнедеятельности, в том числе и экономику. Социальная опасность мошенничества определяется, в первую очередь, сложностью оценки действия преступников, как преступных или не являющихся предметом гражданско-правовых отношений. Зачастую признаки мошенничества совпадают, а в некоторых случаях маскируются, с гражданско-правовыми отношениями. Опасность заключается и в большом количестве и в большом ущербе совершаемых мошенничеств, в противовес небольшому количеству раскрываемости этих самых преступлений. Мошенничества экономической направленности, среди всех видов мошенничеств, занимает особое место. При совершении таких мошенничеств преступники используют большое количество современных хитростей, используя современный научно-технический прогресс. Изменение информационной среды, которая позволила увеличить скорость передачи и получения информации, позволила преступникам собирать и использовать, в преступных целях, качественную и актуальную информацию о жертве. Преступники активно адаптируются к современным социальным сетям, что позволяет им получать информацию о жертве из различных источников. В настоящее время финансовые мошенники – это преступники использующие знания из разных отраслей науки. Будучи интеллектуалами обманщиками, преступники использую не только современные технологии, но и новейшие разработки в области психологии, а в частности нейролингвистического программирования (НЛП). Иногда рекламные компании мошенников экономической направленности, набирают большую популярность, чем рекламные компании ведущих рекламных агентств. Еще одним фактором

[1] © Балакирева Е. М., 2022.
[2] © Алимамедов Э. Н., 2022.

такого быстрого и большого роста мошенничеств экономической направленности, послужило то, что преступники взяли за шаблон своих преступных действий иностранные схемы совершения преступлений такого рода. Иностранные государства, которые раньше Российской Федерации начали использовать современные технологии обмена информацией, а также различные социальные платформы общения между людьми, и послужили полигоном для развития преступных схем (комбинаций, шаблонов) совершения преступлений.

Отметим, что согласно статистическим данным за 2021 г. всего зарегистрировано 2 004 404 преступлений, из них 1 030 708 преступлений раскрыто. Что касается преступлений, предусмотренных ст. 159-159.6 УК РФ, то их количество составило 339 606, из них 66 690 раскрыто. При этом в суды поступило 51 440 дел [2]. Анализируя указанные данные, стоит обратить внимание на то, что такие преступления раскрываются довольно редко, а в суд направляется малое количество уголовных дел по данным преступлениям.

Это является проблемой, которая требует принятия соответствующего решения законодателем. К примеру, законодателем был принят Федеральный закон от 29.11.2012 № 207-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации», изменяющем и дополняющем ст. 159-159.6 УК РФ, который содержит положения, направленные на изменение правовых условий деятельности по расследованию мошенничеств экономической направленности органов предварительного расследования.

Стоит отметить, что в соответствии с ч. 3 ст. 20 УПК РФ уголовные дела, возбуждаемые по ст. 159-159.6 УК РФ, относятся к уголовным делам частно-публичного обвинения. Д. И. Ураков в своем исследовании указывает условия, наличие которых обязательно для возбуждения данной категории уголовных дел, а именно: «если преступление совершено индивидуальным предпринимателем в связи с осуществлением им предпринимательской деятельности и (или) в связи с управлением принадлежащим ему имуществом, используемым в целях предпринимательской деятельности; если эти преступления совершены членом органа управления коммерческой организации в связи с осуществлением им полномочий по управлению организацией; если эти преступления совершены членом органа управления коммерческой организации в связи с осуществлением коммерческой организацией предпринимательской деятельности или иной экономической деятельности» [6, С. 78]. При этом необходимо, чтобы потерпевший желал привлечь лицо, совершившее данное преступление в отношении него, к уголовной ответственности. В противном случае может возникнуть проблемный вопрос, касающийся прекращения уголовного дела по основанию, предусмотренному п. 5 ч. 1 ст. 24 УПК РФ [1, С. 102].

Возникает вопрос: «Получилось ли у законодателя достичь цели, которую он преследовал?» На наш взгляд, ответ на данный вопрос является отрицательным. В частности, это касается преступлений, предусмотренных ст. 159.2 УК РФ. Стоит обратить внимание на то, что данное преступное деяние совершается за рамками действия различных федеральных законов, федеральных и региональ-

ных целевых программ, а также за рамками постановлений Правительства Российской Федерации и органов местного самоуправления. На первое место выходит такое преступное деяние как обналичивание материнского капитала, что запрещено действующим российским законодательство.

Существуют некоторые особенности данных преступлений. Рассмотрим их. Трудности возникают при установлении умысла лица, которое совершило данное преступление. Как правило, преступник пытается скрыть свой настоящий умысел, для достижения результатов которого он обманным путем, либо с помощью поддельных документов, получает право на указанные в законе выплаты. В некоторых случаях, преступники маскируют свою преступную деятельность под финансово-хозяйственные отношения, пытаясь выдать хищение денежных средств, как невозможность исполнения договорных отношений. При этом, пока сотрудники правоохранительных органов пытаются установить в действиях преступников наличие или отсутствие признаков состава преступления, никто не ограничивает преступников в использовании и распоряжении ими похищенных денежных средств. Отдельно необходимо рассмотреть хищение денежных средств путем создания подставных сайтов или фирм, которые под видом коммерческой деятельности занимаются хищением денежных средств путем обмана. В частности, такие фирмы проводят агрессивную рекламную компанию, привлекая потерпевших низкими ценами и высоким качеством. Принимают предоплату за товар, при этом сумма предоплаты, в зависимости от стоимости товара, может превышать и один миллион рублей, после набора определенной суммы или ожидания определенного времени, такая фирма прекращает свое существование. Сложность расследования таких видов преступлений представляется в том, что фирмы могут быть зарегистрированы на подставных лиц или вообще могут быть использованы данные другой организации. В случаях с интернет-магазинами, вообще может быть неизвестно кто принимал заказы и от какой организации работали эти лица. В некоторых случаях фирмы – интернет магазины зарегистрированы в третьих странах к которым у правоохранительных органов нет доступа, что делает проведения проверки о сообщении невозможной.

В свою очередь, по данным преступлениям потерпевшим, в первую очередь, является государство. Поскольку именно государство выделяет конкретные денежные суммы на соответствующие выплаты. Поэтому, в основном, такие уголовные дела возбуждаются по заявлению различных представителей органов государственной власти. Например, по заявлению Министра сельского хозяйства и продовольствия Удмуртской Республики было возбуждено уголовное дело по признакам состава преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 159.2 УК РФ [3].

Стоит отметить, что данные преступления могут возбуждаться также по рапорту сотрудников ЭБиПК. В ходе изучения нами сложившейся практики возбуждения таких категорий дел, было установлено, что рапорт сотрудников ЭБиПК является одним из наиболее часто применяемых [4]. Также, немалое количество данных уголовных дел возбуждаются по материалам прокурорских проверок [5].

На основании проведенного анализа можно сделать вывод, что преступления, предусмотренные ст. 159.2, и направленные против экономической деятельности,

расследуется всеми органами предварительного расследования, под надзором органов прокуратуры. Однако, для эффективной работы по раскрытию и расследованию данных видов преступлений, необходимо обеспечить сотрудникам правоохранительных органов незамедлительный доступ к целевой информации. В настоящее время несвоевременное получение информации имеющих доказательственное значение, из банковских или иных кредитно-финансовых учреждений учреждений, значительно затрудняет своевременное выявление и раскрытие таких преступлений, а также способствует тому, что преступники успевают скрыть похищенное. Исследователь Якимович Ю. К., мнение которого мы полностью поддерживаем, правильно выделяет негативное влияние расширения прав потерпевшего, которые фактически предоставляют последнему не использовать право на уголовное преследование виновных лиц по делам частно-публичного обвинения. Заставить же потерпевшего воспользоваться его правами – значит незаконно принудить его к действиям [7, С. 18]. Предлагаем внести изменения в ст. 20 УК РФ установив, что преследование за преступление, предусмотренное ст. 159.2 УК РФ, должно осуществляться в публично.

Список литературы

1. Александров А. С., Грачев С. А. Стадия возбуждения уголовного дела: ликвидировать нельзя оставить // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2015. № 1 (31). С. 101-107.
2. Портал правовой статистики Генеральной Прокуратуры РФ. Состояние преступности в России за январь-ноябрь 2021 г. URL: http://www.crimestat.ru/analytics (дата обращения:02.04.2022 г.)
3. Уголовное дело № 03/1161 по обвинению в совершении преступления, предусмотренного частью 3 ст. 159.2 УК РФ // Отдел СЧ СУ МВД по Удмуртской Республике.
4. Уголовное дело № 4188 по обвинению А.Ю. Куликовой в совершении преступления, предусмотренного частью 2 статьи 159.2 УК РФ // СЧ СУ МВД по Удмуртской Республике.
5. Уголовное дело № 80105 по обвинению Д.Б. Байгонусовой в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 159.2 УК РФ // СО МО МВД РФ по Республике Алтай «Усть-Канский».
6. Ураков Д.И. О проблемах оптимальной правовой организации расследования криминального мошенничества в сфере экономической деятельности. Вестник Казанского юридического института МВД России. №3 (25), 2016. 125 с.
7. Якимович Ю. К. Участие потерпевшего в уголовном преследовании // Уголовное судопроизводство. 2014. № 4. С. 17–20.

Бондаренко И. П. [1],
соискатель кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:

Химичева О. В.,
начальник кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор юридических наук, профессор

О РАЗГРАНИЧЕНИИ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ТЕРМИНОВ «ПРИМЕНЕНИЕ» И «ИЗБРАНИЕ» В ЧАСТИ МЕР ПРЕСЕЧЕНИЯ

При регламентации мер пресечения в уголовно-процессуальном законе используются схожие термины – «избрание» и «применение», смысловые разграничения которых определены в ст. 5 УПК РФ [1].

Согласно п. 29 указанной статьи «применение меры пресечения» представляет собой процессуальные действия, осуществляемые с момента принятия решения об избрании меры пресечения до ее отмены или изменения. Приведенное в п. 13 вышеуказанной статьи «избрание меры пресечения» состоит в принятии дознавателем, следователем, а также судом решения о мере пресечения в отношении подозреваемого, обвиняемого.

Иными словами, закон устанавливает соотношение этих терминов через последовательность процедур, где за избранием (выбором) конкретной меры пресечения следует ее применение (реализация).

Однако непосредственно в статьях, посвященных конкретным мерам пресечения, указанные термины часто используются в ином значении, чем в исходной пятой статье УПК РФ.

Так, в статьях 97, 99, 100, 101, 103, 104, 105, 106, 108 УПК РФ, определяющих соответственно основания, условия, порядок избрания мер пресечения и отдельные меры пресечения, употребляется термин «избрание», а «применение» используется лишь в статьях 100, 106, 108 УПК РФ. Законодатель достаточно непоследователен, когда в отношении большинства мер пресечения использует термин «избрать», а в отношении таких мер, как заключение под стражу, залог и др. – «применить».

Более того, касательно одной и той же меры пресечения и одного и того же правоотношения используются разные термины: в части 1 ст. 107 УПК РФ говорится: «домашний арест в качестве меры пресечения избирается по судебному решению …», а ч. 3 ст. 107 УПК РФ – «домашний арест в качестве меры пресечения применяется … по решению суда…».

Казалось бы, подобную непоследовательность правовых предписаний можно было бы объяснить дефектами законодательной техники, «просочившимися» в

[1] © Бондаренко И. П., 2022.

УПК РФ еще в момент его принятия, однако, изменения и дополнения, внесенные в более поздний период, дублируют уже имеющиеся несостыковки.

В этой связи обратим внимание на относительно недавнюю новеллу (2018), предусмотренную ст. 105.1 УПК РФ, которая в частях 1, 3, 6, 7 указывает на избрание меры пресечения в виде запрета определенных действий, а в частях 2, 9 и 10 – на применение указанной меры.

Исходя из сказанного, можно сделать вывод, что законодатель эти понятия строго не разграничивает. Об этом свидетельствуют и правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации [2].

Что же касается содержащего разъяснения судебной практики Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19.12.2013 № 41 (ред. от 11.06.2020) «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий» [3], то уже из его наименования следует, что термин «применение» используется как более широкое понятие, чем избрание, а в тексте документа речь идет попеременно и об избрании, и о применении мер пресечения.

В теории уголовного судопроизводства вопрос о соотношении указанных понятий, их разграничении также однозначно не решен.

В частности, учеными высказана точка зрения, что у каждого из этих действий – своя цель и это может быть основу для их размежевания. В этой связи можно привести мнение профессора Р. Х. Якупова, который связывал достижение цели избрания меры пресечения с выбором конкретной меры и ее оформлением; иную цель он обозначал для применения меры пресечения, котороя, с его точки зрения, знаменуют окончание конкретных правоограничений за отпадением в них необходимости [5, с. 197-198].

В своей докторской диссертации Л. К. Трунова пришла к иному выводу: цели избрания меры пресечения и цели применения меры пресечения совпадают, а понятия «избрание» и «применение» тождественны [4, с. 28].

Если проанализировать термин «применение», то пункт 29 ст. 5 УПК РФ связывает момент начала применения мер пресечения с принятием решения о ее избрании. Следовательно, в это понятие не включается деятельность следователя либо дознавателя по избранию мер пресечения в части мер, не требующих решения суда. Если же вести речь о других мерах пресечения (заключении под стражу, залоге и проч.), то за границами понятия «применение» остается подготовка следователем, дознавателем ходатайства перед судом, согласование его с руководителем следственного органа или прокурором соответственно, а также фактический процесс рассмотрения судом заявленного ходатайства об избрании меры пресечения.

Конечно, ключевым моментом в процедуре использования в уголовном процессе таких мер процессуального принуждения, как меры пресечения является их избрание. Именно поэтому правовая регламентация данного процессуального решения столь детальна и в законе подробно прописаны полномочия государственных органов и должностных лиц, права и обязанности иных участников

процесса, порядок их действий и т. д. Но следует отметить, что реализуется такое решение путем применения (реализации) избранной меры пресечения.

Из общей теории права следует, что «применение права» представляется в виде государственно-властной, организующей деятельности компетентных органов советского государства и (или) общественных организаций по реализации правовых норм относительно конкретных жизненных случаев путем вынесения индивидуально-конкретных правовых предписаний [6, с. 370]. Конечно, нужно учесть, что источник, в котором приведено изложенное определение, датируется 1985 г., но в настоящее время понятие применение права, полагаем, не утратило своего смысла, за исключением термина «советского».

Полагаем, что применение права – это многогранная деятельность государственных органов и должностных лиц, включающая в себя целый ряд элементов (этапов) и лишь один из них – принятие решения и его оформление. Применение права как процесс можно считать последовательностью действий и решений, поэтому можно говорить о стадиях применения права.

Специалисты в области теории права предлагают развернутую логической структуру правоприменительного процесса с делением его на следующие стадии:

- установление и изучение фактических обстоятельств;
- выбор и анализ нормы права;
- толкование нормы права;
- принятие решения;
- вынесение акта применения нормы права и обеспечение его исполнения [7, с. 104].

Экстраполируя это суждение на меры пресечения, отметим, их применение также можно разделить на стадии или этапы.

Установление фактических обстоятельств, дающих основания для избрания мер пресечения, является первой стадией их применения. На этом этапе осуществляется наиболее значимая доказательственная деятельность, направленная на установление сведений о том, что обвиняемые может скрыться, продолжить преступную деятельность, повлиять на ход расследования и т. д.

Далее, собранная фактическая база позволяет перейти ко второй стадии применения меры пресечения, когда компетентный государственный орган или должностное лицо создает юридическую основу конкретной меры пресечения. Для этого (если следовать толкованию правоприменительного процесса теоретиками права) он выбирает такую нормы права, которая рассчитана на регулирование возникших отношений, и осуществляет правовую квалификацию фактических обстоятельств. Эту стадию следует считать избранием меры пресечения – основной стадией применения этих мер.

Итоговым этапом правоприменительной деятельности в части мер пресечения является исполнение принятого процессуального решения.

Следует согласиться с О. В. Химичевой и Ю. Б. Плоткиной, которые представляют применение меры пресечения в качестве более широкого понятия по

отношению к ее избранию, определяя моментом начала применения мыслительный процесс следователя, дознавателя по «определению оснований и условий для избрания меры пресечения и ее вида, а также принятию решения о возбуждении перед судом ходатайства об избрании соответствующей меры пресечения» [8, с. 57].

Исходя из этого, отметим, что сущность понятия «избрание меры пресечения», толкуется у́же, чем ее «применение», поскольку последнее составляет процессуальную деятельность следователя, дознавателя, суда по определению наличия оснований и условий для избрания меры пресечения, выбору ее конкретного вида с учетом личности подозреваемого, обвиняемого и тяжести инкриминируемого деяния, а также реализации избранной меры до ее отмены или изменения.

Список литературы

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 09.03.2022) // СПС КонсультантПлюс.

2. По делу о проверке конституционности ряда положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих порядок и сроки применения в качестве меры пресечения заключения под стражу на стадиях уголовного судопроизводства, следующих за окончанием предварительного расследования и направлением уголовного дела в суд в связи с жалобами ряда граждан: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 22.03.2005 № 4-П // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2005. № 3.

3. О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19.12.2013 № 41 (ред. от 11.06.2020) // СПС КонсультантПлюс.

4. Трунова Л. К. Современные проблемы применения мер пресечения в уголовном процессе: дисс…. докт. юрид. наук. М., 2002.

5. Якупов Р. Х. Уголовный процесс. М., 1998.

6. Теория государства и права / Под ред. С. С. Алексеева. М.: Юрид. лит., 1985.

7. Левченко И. П. Механизм применения права: Опыт системного исследования: Монография. Смоленск, 1997.

8. Химичева О. В., Плоткина Ю. Б. Применение в стадии предварительного расследования мер пресечения, избираемых по решению суда: монография. М.: Юрлитинформ, 2012.

Буй Т. Т.[1]**,**
адъюнкт факультета подготовки
научных и научно-педагогических кадров
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ СТАТУС И ПОЛНОМОЧИЯ ПРОКУРОРА В ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ В СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ ВЬЕТНАМ

В уголовно-процессуальном законе Вьетнама отсутствует понятие «прокурор», содержание которого раскрыто в Законе № 63/2014/QH13 «Об организации народной прокуратуры». В соответствии со ст. 75 указанного Закона, прокурор – это лицо, назначенное в соответствии с законом для осуществления функции по осуществлению уголовного преследования и надзору за судебной деятельностью. При этом, согласно ч. 1 ст. 4 Закона № 63/2014/QH13, под надзором за судебной деятельностью понимается деятельность по проверке законности действий и решений органов, организаций и лиц:

– при получении, рассмотрении и разрешении сведений о преступлениях, приложений о возбуждении уголовного дела, а также в ходе разрешения уголовного дела;

– при разрешении административных, гражданских, брачно-семейных, предпринимательских, торгово-трудовых дел;

– при исполнении судебных решений, разрешении жалоб и заявлений в судебной деятельности;

– при осуществлении иных судебных действий в порядке, установленном законодательством.

В уголовном процессе Вьетнама, прокурор осуществляет надзор за соблюдением следственным органом законности в ходе уголовного судопроизводства: при получении, рассмотрении и разрешении сведений о преступлениях; возбуждении уголовного дела; осуществлении предварительного следствия; разрешении уголовного дела и исполнении приговоров по уголовным делам.

Следовательно, по уголовно-процессуальному законодательству Вьетнама, к основным функциям прокурора относятся уголовное преследование и надзор за деятельностью органов и лиц, осуществляющих расследование преступлений.

При этом, цель уголовного преследования заключается в доказывании преступления и выявлении преступника, в обеспечении того, чтобы все преступные деяния были раскрыты, расследованы, и преступники были привлечены к ответственности. Целью же надзора за следственной деятельностью является выявление нарушений для обеспечения точности и объективности следственных действий, а также соблюдения принципов, порядка и процессуальных процедур в соответствии с законом.

Следовательно, можно согласиться с мнением Чан Конг Фам, о том, что «эффективный надзор за следственной деятельностью будет условием выполнения

[1] © Буй Т. Т., 2022.

прокуратурой своей функции уголовного преследования, а наоборот, эффективное осуществление функции уголовного преследования будет способствовать оперативному выявлению правонарушений в ходе расследования» [1, С. 40]. Справедливо также пишут Ву Вьет Хунг и Чан Хынг Бинь, утверждая, что «уголовное преследование и надзор за следственной деятельностью тесно связаны друг с другом, поддерживая, взаимодействуя, и позитивно дополняя друг друга» [2, С. 67].

Согласно ч. 1 ст. 42 УПК СРВ 2015 г., прокурор, назначенный для осуществления уголовного преследования и надзора за соблюдением законов в уголовном судопроизводстве, решает следующие задачи:

– надзирает за получением и рассмотрением сообщений о преступлениях компетентными органами и лицами;

– надзирает за приемом и рассмотрением сообщений о преступлениях, возбуждением уголовного дела, применением мер пресечения и принудительных мер; составлением органами или лицами, компетентными в проведении расследования материалов рассмотрения сообщений о преступлениях и уголовных дел; следственной деятельностью следственного органа и органа, которому поручено проведение определенных следственных действий;

– непосредственно надзирает за проведением осмотра места происшествия, осмотра трупа, очной ставкой, опознания, следственного эксперимента и обыска;

– надзирает за временной приостановкой и возобновлением рассмотрения сведений о преступлениях; временным приостановлением, приостановлением, возобновлением, прекращением расследования;

– требует расследования; ходатайствовал перед следственным органом о розыске обвиняемого;

– вызывает и допрашивает обвиняемого, заявителя, подозреваемого, законных представителей, свидетелей, потерпевших и иных лиц; получает показания задержанных в случае необходимости;

– непосредственно проводит определенные следственные действия в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством;

– заявляет отвод лиц, уполномоченных проводить уголовное судопроизводство, защитников, переводчиков;

– проводит производство в судебном заседании; озвучивал обвинительное заключение или постановление о привлечении к уголовной ответственности в порядке упрощенного производства, иные решения прокуратуры по обвинению подсудимого; допрашивает, представляет доказательства, документы и предметы, возражает, спорит, высказывает мнение о разрешении дела в судебных заседаниях;

– надзирает за соблюдением закона на стадии судебного производстве судом и участниками процесса; надзирает за приговорами, решениями и другими процессуальными документами суда;

– надзирает за исполнением приговоров и решений суда;

– осуществляет иные процессуальные задачи и полномочия, отнесенные к компетенции прокуратуры, возложенные Главного прокурором прокуратуры в соответствии с УПК СРВ.

Выполняя свои полномочия, прокурор несет ответственность перед законом, а также перед главой прокуратуры и его заместителем за свои действия и решения (ч. 2 ст. 41 УПК СРВ 2015 г.). При этом, следует отметить, что прокурор не вправе самостоятельно принять ряд решений, связанных с уголовным делом.

Некоторые виды решений может принимать только главный прокурор прокуратуры либо его заместители, так как согласно ч. 2 ст. 42 УПК СРВ 2015 г., при осуществлении функций уголовного преследования и надзора за соблюдением законности в уголовном судопроизводстве, главный прокурор прокуратуры имеет следующие обязанности и полномочия:

– ходатайствовать перед следственным органом или органом, которому поручено проведение ряда оперативно-розыскных мероприятий, о приеме и рассмотрении сведений о преступлениях, возбуждении уголовного дела; изменении или дополнении постановления о возбуждении уголовного дела, привлечении обвиняемого к уголовной ответственности; принять решение о возбуждении уголовного дела, об отказе в возбуждении уголовного дела; изменении или дополнении постановления о возбуждении уголовного дела, привлечении обвиняемого к уголовной ответственности в соответствии с положениями настоящего Кодекса;

– принять решение о временном приостановлении рассмотрения сведений о преступлениях; об объединении и разделении уголовных дел;

– принять решение о применении, изменении или отмене мер пресечения, мер принуждения, специальных следственных и процессуальных мер; о продлении срока рассмотрения сведений о преступлениях, срока содержания под стражей, срок предварительного расследования и срока уголовного преследования;

– принять решения о производстве обыска, выемки, выемки и обращения с вещественными доказательствами;

– принять решение о запросе экспертизы, проведении дополнительной экспертизы или повторной экспертизы, экспериментального исследования; о смене или требовании смены экзаменатора; о проведении оценки либо переоценки имущества, а также смене оценщика имущества;

– ходатайствовать перед руководителями органов дознания и руководителей органов, которым поручено проведение ряда оперативно-розыскных мероприятий, об изменении следователей и дознавателей;

– утверждать или не утверждать решения и распоряжения следственного органа и органов, которым поручено проведение определенных следственных действий;

– принять решение об отмене необоснованных и незаконных решений и предписаний органа дознания, органа, которому поручено проведение ряда следственных действий;

– разрешить споры о подследственности рассмотрения сведений о преступлениях, возбуждения уголовного дела, предварительного следствия; принять решение о передаче уголовного дела;

– принять решение о применении или приостановлении меры принудительного лечения;

– принять решение о применении упрощенного порядка или отменить решение о применении упрощенного порядка;

– принять решение о привлечении обвиняемого к уголовной ответственности, возврате дела на дополнительное расследование или повторное расследование;

– ходатайствовать о возобновлении расследования; принять решение о приостановлении или прекращении дела, о приостановлении или приостановлении дела в отношении обвиняемого; принять решение об отмене решения о временном приостановлении рассмотрения сведений о преступлении; принять решение о возобновлении расследования по делу, о возобновлении расследования в отношении обвиняемого, о восстановлении дела и о восстановлении дела в отношении обвиняемого;

– издать решения, распоряжения и осуществлять иные процессуальные действия, отнесенные к компетенции прокуратуры.

Итак, в своей деятельности, прокурор подчиняется главному прокурору прокуратуры и его заместителям. В то же время можно сделать вывод о том, что с 2003 г. до настоящего времени, уголовно-процессуальное законодательство Вьетнама развивается в направлении усиления полномочий прокурора при осуществлении уголовного преследования и надзора за процессуальной деятельностью органов расследования. При этом, следует отметить, что соотношение между прокурором и следователем постепенно теряет формат «начальник – подчиненный», а носит взаимный характер, об этом свидетельствует опубликование ряда совместных циркуляров о взаимоотношении следственного органа и народной прокуратуры при применении некоторых норм уголовно-процессуального законодательства [3, С. 77–79]:

– совместный циркуляр № 05/2005/TTLT-VKSNTC-BCA-BQP от 7 сентября 2005 г. о взаимодействии следственного органа и народной прокуратуры при применении норм УПК СРВ;

– совместный циркуляр № 06/2013/TTLTBCA-BQP-BTC-BNN-VKSNDTC от 2 сентября 2013 г. о приеме и рассмотрении сообщений о преступлениях и ходатайств о возбуждении уголовного дела;

– совместный циркуляр № 02/2017/TTLT-VKSNDDT-BCA-BQP-TANDTC от 27 ноября 2017 г. о взаимодействии органов, осуществляющих уголовное судопроизводство при возвращении материалов для дополнительного расследования и другие.

Более того, кроме установленных в ст. 42 УПК СРВ общих задач, полномочий, ответственностей, законодатель выделил отдельные статьи о задачах, полномочиях прокуратуры, в том числе прокурора:

– при осуществлении уголовного преследования в рассмотрении сведений о преступлениях (ст. 159 УПК СРВ);

– при приеме сведений о преступлениях и надзоре за рассмотрением следственным органом сведений о преступлениях (ст. 160 УПК СРВ);

– при осуществлении уголовного преследования и надзоре за возбуждением уголовного дела (ст. 161 УПК СРВ);

– при осуществлении уголовного преследования на стадии расследования уголовного дела (ст. 165 УПК СРВ);

– при надзоре за расследованием уголовного дела (ст. 166 УПК СРВ).

Тем не менее, согласно ст. 162 и 167 УПК СРВ следственный орган и органы, которым поручено проведение следственных действий, обязаны выполнять требования и решения прокуратуры на стадии возбуждения уголовного дела и на стадии предварительного расследования, а в случае несогласия с требованиями и решениями прокуратуры, указанные органы все же обязаны их осуществить, но вправе подать жалобу непосредственно в вышестоящую прокуратуру. При этом, в течение 20 суток с момента получения жалобы следственного органа или в течение 5 суток с момента получения жалобы органа, которому поручено проведение следственных действий, прокуратура обязана рассмотреть, разрешить и уведомить их о результатах.

Таким образом, в заключение можно сделать вывод о том, что прокурор во Вьетнаме наделяется более широким объемом процессуальных полномочий по осуществлению уголовного преследования и прокурорского надзора на стадии досудебного производства, чем прокурор в России, в том числе его инициативность в возбуждении уголовного дела и проведении определенных следственных действий.

Список литературы

1. *Trần Công Phàm*. Một số vấn đề về chủ trương tăng cường trách nhiệm công tố trong hoạt động điều tra, gắn công tố với hoạt động điều tra theo yêu cầu cải cách tư pháp // Tạp chí kiểm sát. – 2012. – Trang 40. (Источник переведен автором: *Чан Конг Фам*. Некоторые проблемы об усилении ответственности уголовного преследования в деятельности расследования в соответствии с требованиями // Прокурорский надзор. 2012. № 6. С. 40–46.

2. *Vũ Việt Hùng, Trần Hưng Bình.* Nâng cao chất lượng thực hành quyền công tố và kiểm sát điều tra các vụ án về trật tự xã hội theo yêu cầu cải cách tư pháp ở Việt Nam hiện nay. Đề tài khoa học cấp bộ: Vụ 1A. Viện kiểm sát Nhân dân Tối cao. (Источник переведен автором: *Ву Вьет Хунг, Чан Хынг Бинь.* Повышение качества осуществления уголовного преследования и надзор за следственной деятельностью по уголовным делам, связанным с общественным порядком в соответствии с требованиями судебной реформы во Вьетнаме. Научная тематика на министерском уровне: Отдел 1А. Народная прокуратура Верховного).

3. *Đào Anh Tới*. Mối quan hệ giữa cơ quan cảnh sát điều tra và viện kiểm sát nhân dân trong tố tụng hình sự Việt Nam hiện nay. Luận án tiến sĩ luật học. – Hà Nội. 2018. – Trang 77-79 (Источник переведен автором: *Дао Ань Той*. Взаимоотношение

между органом полицейского расследования и народной прокуратурой в уголовном судопроизводстве Вьетнама: дис. ... канд. юрид. наук. – Ханой. – 2018. – С. 77–79).

Васеха М. С.[1]**,**
курсант института подготовки сотрудников
для органов предварительного расследования
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя
Иванова О. М.[2]**,**
старший преподаватель кафедры предварительного расследования
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ И ТАКТИКИ ПРОВЕДЕНИЯ ДОПРОСА НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ УЧАСТНИКОВ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ: ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ И ЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ

Результативность допроса напрямую зависит от его проведения, следователь (дознаватель) помимо тактических приемов должен учитывать психологические особенности допрашиваемого и соответственно настраивать с ним определенный контакт. При этом конструктивно допрос должен быть правильно построен, во избежание нарушения правил его проведения, и, как следствие, признание недействительным доказательством.

Ввиду того, что сегодня совершается все больше хитроумных преступлений, субъекты предварительного расследования должны обладать тактическими приемами производства следственных и процессуальных действий [1, с. 50]. С целью получения эффективных данных, необходимо заранее определить психологические особенности потерпевшего, свидетеля, подозреваемого (обвиняемого). Следователь (дознаватель) является свидетелем борьбы, происходящей внутри человека в момент допроса. При проведении данного следственного действия на допрашиваемого влияет ряд факторов: объективные (обстановка и условия проведения допроса) и субъективные (эмоциональное, психофизическое состояние).

Перед проведением любого следственного действия уполномоченное должностное лицо проходит этап подготовки, включающий в себя криминалистическую, специальную и психологическую подготовки. Последние характерны и для проведения допроса выше обозначенных участников предварительного расследования, в том числе и несовершеннолетних, требующих наиболее пристального внимания и тщательной подготовки, на которых мы и хотели бы акцентировать свое внимание в настоящем исследовании.

Криминалистическая подготовка включает в себя сбор и анализ данных о личности несовершеннолетнего допрашиваемого. Для начала, необходимо изучить все имеющиеся материалы уголовного дела, в ходе анализа требуется выстроить несколько возможных версий совершения преступления, исходя из которых необходимо определить круг обстоятельств, подлежащих выяснению в ходе допроса.

---

[1]©Васеха М. С., 2022.
[2] ©Иванова О. М., 2022.

Анкетные данные не позволят раскрыть нам человека как личность. Однако для органов предварительного расследования важную информацию такого рода можно обнаружить в характеризующем материале, например, в характеристике с места работы или учебы. Представление о лице можно получить при первоначальном контакте с ним по манере его разговора, мимике и жестикуляции.

В доктрине уголовно-процессуального права отмечено, что при подготовке к допросу помимо материалов уголовного дела необходимо изучить: условия жизни несовершеннолетнего (состав семьи, жилищные условия, материальное положение членов семьи, отношения в семье, отрицательные наклонности членов семьи (злоупотребление алкоголем, наркотическими средствами) т. п.); образ жизни несовершеннолетнего (место учебы и (или) работы, круг друзей и интересов, увлечения и т. п.); направленность личности (отношение к учебе и семье, основные интересы, приоритеты, принципы, планы на будущее и т. п.); интеллектуальные способности (уровень образования, свойство памяти и воображения и т. п.); характер (самооценка, эгоцентризм, лживость, грубость, конфликтность, внушаемость т. п.); эмоциональность (сила эмоциональных переживаний, глубина переживаний, мстительность, преобладающее настроение, склонность к аффективным взрывам).

Важным моментом при допросе несовершеннолетнего участника предварительного расследования является участие третьих лиц, поскольку именно их присутствие может негативно сказаться на допрашиваемом. Например, в случае если законный представитель оказывает на него психологическое давление или запугивает. В присутствии такого человека несовершеннолетний будет скован, может утаивать какие-либо данные.

Учитывая, что несовершеннолетние могут давать ложные показания в силу различного рода причин (например, боязни ответственности), уполномоченному на проведение допроса должностному лицу нужно быть готовым к этому. Поэтому при подготовке к допросу следует самостоятельно определить перечень доказательств, а также порядок их демонстрации, с целью изобличения во лжи.

Способ вызова на допрос является важной составляющей криминалистической подготовки. Существует несколько способов вызова: при помощи почтово-телеграфного отправления (повестки), информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», телефонной связи. Последний, на наш взгляд, является наиболее оптимальным и эффективным способом.

Проведение допроса необходимо планировать в первой половине дня, поскольку организм человека, в том числе несовершеннолетнего, наиболее активен в этот период. Согласно положениям уголовно-процессуального законодательства допрос производится по месту осуществления предварительного следствия. Однако в ч. 1 ст. 187 УПК РФ указано, что следователь может осуществлять допрос по месту нахождения допрашиваемого лица [2]. Допрос несовершеннолетнего чаще всего проводится по местонахождению последнего, поскольку это способствует установлению психологического контакта между участниками, дает подростку ощущение спокойствия. Но существуют и сторонники иного способа, которые считают, что допрос несовершеннолетнего необходимо проводить в кабинете должностного лица, производящего предварительное расследование,

так как служебное помещение может воздействовать психологически на подростка, дисциплинировать его и подчеркнуть важность проводимого мероприятия.

При подготовке к допросу важно определиться с технической составляющей: диктофон или видеокамера, протокол допроса, компьютер, принтер и т. п. В современном информационном мире допросы часто проводятся с использованием аудио- и видеофиксацией, что безусловно эффективно при производстве предварительного расследования с участием несовершеннолетнего, поскольку показания всегда можно проанализировать совместно с психологом и оценить степень их достоверности и полноты. Однако здесь необходимо соблюсти законное требование: фиксация на электронный носитель возможна только с разрешения допрашиваемого лица и его законного представителя.

В ходе специальной подготовки субъект предварительного расследования изучает специальную литературу, исследующую психолого-педагогические особенности формирования личности несовершеннолетнего допрашиваемого, с целью изучения процесса восприятия и запоминания им окружающей среды, а также восприятия личностью стрессовой ситуации. Кроме того, в данный этап входит беседа со специалистами, а именно психологом. Согласно ч. 1 ст. 19 УПК РФ при допросе несовершеннолетнего до 16 лет участие педагога или психолога обязательно, а после 16 лет присутствие вышеуказанных лиц осуществляется на усмотрение следователя. Также участие психолога или педагога обязательно в случае психического расстройства несовершеннолетнего, достигшего 16 лет или же его отставания в психическом развитии. Педагог (психолог) помогает следователю (дознавателю) по речевым, мимическим или особенностям жестикуляции выявить ложные показания подростка, трактовать его поведение во время допроса, установить контакт.

Психологическая подготовка – заключительный этап, включающий проработку последовательности задаваемых вопросов и предъявления доказательств.

Итак, тщательная подготовка уполномоченного на производство допроса должностного лица способствует эффективному его проведению. На каждой стадии допроса применяются свои способы установления психологического контакта с допрашиваемым [6, с. 48]. Допрос можно разделить на несколько вытекающих стадий, а объединив их, выделить три основные его части: вводную, главную и заключительную.

В водной части происходит неформальная беседа для получения анкетных данных несовершеннолетнего, с акцентированием внимания на обстоятельствах положительно характеризующих его. Здесь следователь (дознаватель) окончательно определяет линию поведения как свою, так и допрашиваемого. Главная часть – закрепление контакта с лицом и дальнейшее его поддержание, включает вопросы, предъявление доказательств, постоянная активизация внимания. В заключительной части происходит вовлечение в написание протокола допроса, активное участие в обсуждении формулировок, внесение поправок.

При проведении допроса несовершеннолетнего необходимо руководствоваться правилами психологического диагностирования личности. Во-первых,

необходимо научиться понимать допрашиваемого посредством рефлексии, эмпатии и стереотипизации. Во-вторых, научиться признавать и видеть психологические ошибки, анализировать их. В-третьих – уметь разбираться в характере и психологии человека по его внешности.

Приемы установления психологического контакта при проведении допроса разнообразные, среди них можно выделить следующие: создание соответствующей обстановки допроса, вызывающей интерес к самому следственному действию; проведение допроса наедине; недопущение предвзятого отношения к допрашиваемому; демонстрация умения слушать и слышать; проведение беседы на отвлеченную тему до самого непосредственно допроса.

Также Ф. В. Глазарин к тактическим приемам относит возбуждение эмоционального состояния, то есть обращение к определенным чувствам: гордость, стыд, сожаление, раскаяние и воздействие положительными качествами (доброжелательность, вежливость) следователя (дознавателя) [3]. А.В. Дулов относит и обращение к закону, разъяснение того, насколько значима информация, ознакомление с обстоятельствами, смягчающими вину [4, с. 317–319]. О.А. Галустьян, А.Д. Белоусов и И.Е. Реуцкая предлагают для расположения к себе допрашиваемого необходимость его «отзеркаливания»: «подстройки к дыханию», «подстройки к голосу», «подстройки к позе» [5, с. 31–34].

Безусловно, субъект предварительного расследования при производстве допроса несовершеннолетнего не ограничивается применением одного тактического приема. Выбор последних зависит от усмотрения следователя (дознавателя), от предполагаемых следственных ситуаций и иных условий. Трудность при осуществлении данного следственного действия заключается в том, что должностные лица, осуществляющие допрос, обладают процессуальными и теоретическими знаниями в области закона и слабо владеют навыками в области психологии и криминалистики, что на наш взгляд является необходимым.

Список литературы

1. Ведерников Н. Т. Избранные труды. В 2 т. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2014. – Т. 1.

2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ, ред. от 31 июля 2020 г.] // Собрание законодательства РФ. 2001. – № 52 (часть I). – Ст. 4921.

3. Глазырин Ф.В. Изучение личности обвиняемого и тактика следственных действий. Учебное пособие. – Свердловск, 1973.

4. Дулов А. В. Судебная психология. Учеб. пособие для юрид. ин-тов и фак. – Минск: Вышэйш. шк., 1975.

5. Галустьян О.А., Белоусов А.Д., Реуцкая И.Е. Психология первоначального допроса подозреваемого // Психопедагогика в правоохранительных органах, 2006. – № 2 (26).

6. Иванов Д. А. Взаимодействие органов предварительного расследования с органами дознания в ходе реализации мероприятий, направленных на возмеще-

ние вреда, причиненного преступлением // В сборнике: Гуманитаристика в условиях современной социокультурной трансформации. Материалы V Всероссийской научно-практической конференции. 2015. С. 47-50.

Воронина Н. А.[1],
адъюнкт факультета подготовки
научно-педагогических и научных кадров
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:

Химичева О.В.,
начальник кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор юридических наук, профессор

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМНЫХ АСПЕКТАХ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПОЛОЖЕНИЯ ЛИЦ, КОТОРЫМ ПЕРЕХОДЯТ ПРАВА ПОТЕРПЕВШЕГО, В СЛУЧАЕ ЕГО СМЕРТИ

Среди имеющихся в уголовном процессе проблем особое место занимают пробелы, связанные с процессуальным положением лиц, которым переходят права потерпевшего, в случае его смерти. Это обусловлено недостаточной правовой регламентацией процессуального статуса этих лиц, а также наличием существенных противоречий в правоприменительной практике.

Правовое положение этих лиц отчасти урегулировано Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации (ч. 8 ст. 42), в свою очередь, разъяснение по вопросам правоприменительной практики закреплено в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 июня 2010 г. № 17 «О практике применения норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве», а также в Определении Конституционного Суда Российской Федерации от 18 января 2005 г. № 131 – О «По запросу Волгоградского гарнизонного военного суда о проверке конституционности части 8 статьи 42 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».

Исследуя данную тему, не раз ученые – процессуалисты поднимали вопрос: каким процессуальным статусом обладает лицо, которому переходят права умершего потерпевшего? Несмотря на дискуссии в научных кругах, данный вопрос до сих пор остается открытым и требует разрешения.

Часть 8 статьи 42 УПК РФ гласит: «По уголовным делам о преступлениях, последствием которых явилась смерть лица, права потерпевшего переходят к одному из близких родственников и (или) близких лиц, а при их отсутствии или невозможности их участия в уголовном судопроизводстве – к одному из родственников».

В данной норме не содержится указание на процессуальный статус указанных в ней лиц. На наш взгляд, это приводит к нарушению доступа к правосудию.

Отметим тот факт, что в отличие от российского уголовно-процессуального законодательства, в некоторых государствах постсоветского пространства, дан-

[1] ©Воронина Н. А., 2022.

ный вопрос законодательно урегулирован, назвав лицо правопреемником потерпевшего, например в УПК Республики Армения и в УПК Республики Азербайджан.

Считаем, что данный опыт можно внедрить в российский уголовный процесс, в виду того, что на сегодняшний день в нормах УПК РФ нет специальных норм, регулирующих процессуальное положение лиц, которым переходят права умершего потерпевшего.

В свою очередь, в научной литературе высказываются различные точки зрения относительно того, каким статусом наделить лицо, которому переходят права потерпевшего, в случае наступления смерти. Ученые разделились во мнении. Так одни выступают за то, что данное лицо именовать «представитель потерпевшего» [12, С. 258]; другие – «потерпевший» [10, С. 98]; «правопреемник потерпевшего» [11, С. 22].

Профессор М.С. Строгович придерживается позиции, что данных лиц следует признать представителями потерпевшего. Ученый аргументирует высказанную точку зрения тем, что «прямая причинно-следственная связь между преступлением и причинением вреда родственникам погибшего отсутствует» [15, С. 259].

На наш взгляд, данную позицию следует считать верной. Действительно, отсутствие причинно-следственной связи между совершенным преступлением и родственниками погибшего отсутствует. Даже легальная дефиниция «потерпевший», закрепленная в ч. 1 ст. 42 УПК РФ гласит: «Потерпевшим является физическое лицо, которому преступлением причинен физический, имущественный, моральный вред…». Формулировка – «*физическое лицо, которому преступлением*…» указывает на то, что перечисленный в статье вред должен причиняться лицу непосредственно преступлением. Полагаем, что родственникам, близким лицам вред причиняется преступлением косвенно. Справедливо указывает Л.В. Павлова «моральные страдания, связанные с переживаниями по поводу утраты близкого родственника, не являются основанием для признания их потерпевшими («рикошетные жертвы», вторичный круг жертв)». [13, С. 76].

Считаем также, что смерть потерпевшего приводит к утрате его процессуального статуса, следовательно, родственники должны признаваться представителями потерпевшего, а в случае их отсутствия – представителем должно выступать государство, например, в лице государственного обвинителя. Такие случаи в судебной практике имеют место. Так, из материалов уголовного дела № 1-69/2019 следует, что потерпевшая умерла во время расследования уголовного дела. Родственники не были признаны потерпевшими по уголовному делу. В последующем, из приговора по данному уголовному делу видится, что «в связи со смертью потерпевшей заявленный ею гражданский иск надлежит оставить без рассмотрения с признанием за правопреемниками потерпевшей права на его возмещение в порядке гражданского судопроизводства». В свою очередь, в судебном заседании по уголовному делу интересы умершей потерпевшей представлял государственный обвинитель [12, С. 210–211]. Данной позиции придерживается А. Д. Прошляков «Если потерпевший умер, то его интересы отстаивают должностные лица, осуществляющие производство по уголовному делу». [13, С. 207].

Противоположной точки зрения придерживаются Н. А. Золотухин; Е. П. Кадатенко. Ученые указывают на то, что близкого родственника и (или) близкого лица и (или) родственника умершего потерпевшего целесообразно признавать потерпевшим, а не представителем такового. Свою точку зрения они аргументируют тем, что нельзя допускать утраты процессуального статуса «потерпевший» [8, С. 160].

Отметим, что на практике придерживаются разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации, закрепляющие положение о необходимости признания близких родственников умершего, в результате преступного посягательства, *потерпевшими* по уголовному делу [6].

Так из приговора Кировского районного суда г. Санкт-Петербурга от 02 сентября 2020 г. № 1-3372020 следует, что потерпевшим по уголовному делу был признан сын погибшей в результате дорожно-транспортного происшествия гражданки Н.С.Л. [7].

Данный пример наглядно продемонстрировал, что в большинстве случаев правоприменительная и судебная практика руководствуется разъяснениями Пленума Верховного Суда Российской Федерации.

Встречаются случаи, когда родственники погибшего в результате дорожно-транспортного происшествия признаются представителями потерпевшего. Так, из постановления Благовещенского районного суда от 3 ноября 2020 г. № 1-192/2020 следует, что в судебном заседании участвовал представитель погибшей потерпевшей Н. [6].

В силу того, что данный вопрос остается неурегулированным, практика прибегает к различным вариантам именования лица, которому переходят права потерпевшего, в случае наступления смерти.

В настоящей статье мы пытались продемонстрировать несовершенство уголовно-процессуального законодательства, вызванное неоднозначностью толкования ч.8 ст. 42 УПК РФ. Также попытались предложить возможные пути решения имеющихся проблем. Отметим, что представленная тема остается открытой и требует особого внимания не только со стороны ученых, но и законодателя, и практиков.

Список литературы

1.Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 09.03.2022) // Собрание законодательство Российской Федерации. 24.12.2001. № 52. Ст.4921.

2. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Армения от 01.09.1998 г. № ЗР-248, принятый Национальным Собранием Республики Армения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://www.arlis.am/DocumentView.aspx?docid=82645 (Дата обращения: 22.03.2022).

3.Уголовно-процессуальный кодекс Республики Азербайджан, утвержденный Законом Азербайджанской Республики от 14.07. 2000 г. № 907-IQ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL:

https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30420280 (Дата обращения: 22.03.2022).

4.Определении Конституционного Суда Российской Федерации от 18 января 2005 г. № 131 – О «По запросу Волгоградского гарнизонного военного суда о проверке конституционности части 8 статьи 42 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Российская газета. 2005. № 126.

5.Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.06.2010 № 17 «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве» // Российская газета, № 147, 07.07.2010

6.Постановление Благовещенского районного суда № 1-192/2020 от 3 ноября 2020 г. по делу № 1-192/2020. [Электронный ресурс].- Режим доступа: URL: www.sudact.ru. (Дата обращения: 22.03.2022)

7.Приговор Кировского районного суда г. Санкт-Петербурга № 1-3372020 от 2 сентября 2020 г. по делу № 1-3372020. . [Электронный ресурс].- Режим доступа: URL: www.sudact.ru. (Дата обращения: 22.03.2022)

8.Золотухин Н.А., Кадатенко Е.П. Защита прав потерпевшего в уголовном судопроизводстве в случае его смерти // Вестник экономической безопасности. 2019. № 4. С. 158-161.

9.Кокорев Л.Д. Потерпевший от преступления в советском уголовном процессе. Воронеж: Изд-во Воронеж. 1964. 136 с.

10.Ларин А.М. Представители и правопреемники в уголовном процессе // Советская юстиция. 1981. № 8. С.21-22.

11. Мисник И.В. Неопределенность процессуального статуса родственников потерпевших, умерших во время уголовного судопроизводства // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2020. № 3(15). С.208-213.

12. Павлова Л. В. К вопросу об обеспечении прав и законных интересов потерпевшего от преступления посредством гармонизации уголовного законодательства и развития института правопреемства / Л. В. Павлова // Развитие судебной власти в Республике Беларусь: мат-лы междунар. кругл. стола, 2017. С. 74–79.

13.Прошляков А. Д. О неотчуждаемости статуса юридического лица – потерпевшего по уголовному делу / А. Д. Прошляков // Российский юридический журнал. 2009. № 5. С. 206–208.

14.Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса: основные положения науки советского уголовного процесса. М.: Наука. 1968. Т.1. 470 с.

Вяхирева Е. С.[1]**,**
курсант института подготовки сотрудников
для органов для предварительного расследования
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:

Артемова В. В.,
заместитель начальника кафедры предварительного расследования
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ПРОИЗВОДСТВА ДОЗНАНИЯ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ В СФЕРЕ С НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ И ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ

В последнее время тенденция роста преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ, остается неизменной. При этом, практически в каждом регионе страны присутствуют субъекты преступной деятельности, занимающиеся производством наркотических средств и психотропных веществ, а также их сбытом. Стоит отметить, что наряду с организованными преступными группами, в незаконном обороте наркотиков участвуют и еще так называемые «любители», которые в одиночку изготавливают разовые дозы для личного употребления или продажи.

Обращаясь к статистическим показателям за последнее время, можно отметить, что наблюдается значительное увеличение числа лиц, занимающихся незаконным оборотом наркотические средств и психотропные веществ. Стоит отметить, что в данную статистику попадают не все лица, поскольку многие правонарушители пытаются скрыть свою зависимость, понимая, что данный факт скажется на них неблагоприятным образом. Нарушители закона понимают и осознают, что противоправная деятельность в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ является причиной проблем на работе, учебе, в семье и других сферах жизни. И если бы лица, которые незаконно занимаются оборотом, употреблением наркотических средств и психотропных веществ, осознавали значительную опасность своей зависимости, то проблема с незаконным оборотом и употреблением наркотиков в нашей стране была бы решена быстрее [4, с. 260].

Проводя анализ статистических показателей, начиная с 2012 г., можно проследить тенденцию, того, что за 10 лет число лиц, вовлеченных в незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ, а также их употребляющих, возросло. Не стоит забывать, что под эту статистику попадают только те

[1] © Вяхирева Е. С., 2022.

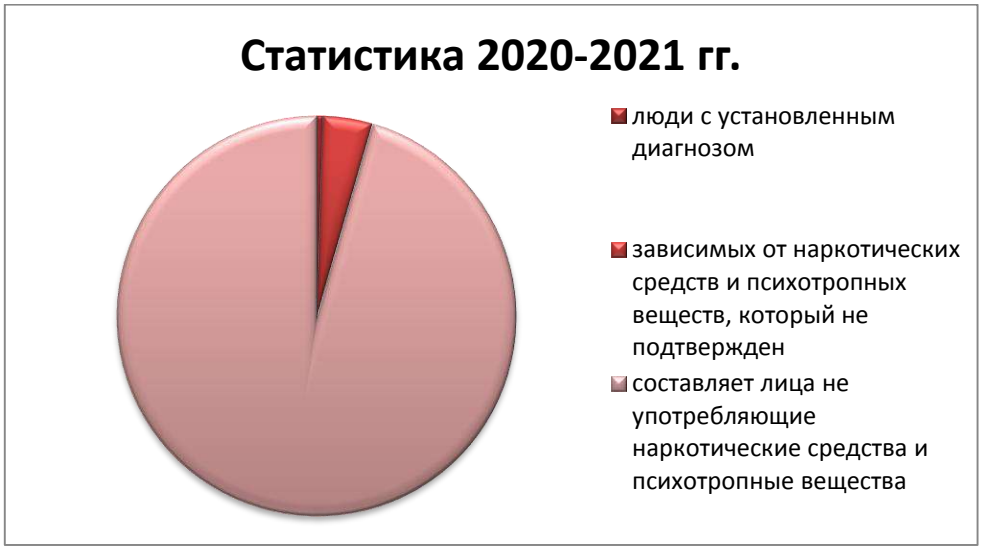
лица, которые состоят на учете. Учитывая латентность данной преступной деятельности, реальные цифры могут быть значительно выше. По данным проекта «Трезвая Россия», по состоянию на май 2021 г., численность лиц, только употребляющих наркотические средства и психотропные вещества, приближена к 5 миллионам, при этом средний возраст большинства наркоманов составляет – 20 –39 лет [5].

Исходя из этого, можно сделать вывод, что на население 2020-2021 г. в Российской Федерации приходится:

– 0,5 % – лица с установленным диагнозом;

– 4 % – зависимые от наркотических средств и психотропных веществ, диагноз которых документально не подтвержден;

– 95,5 % – лица, не употребляющие наркотические средства и психотропные вещества.

Стоит отметить, что чаще всего в статистику попадают лица, принимающие наркотические средства и психотропные вещества, то есть те, кто решается на совершение преступления для того, чтобы приобрести себе временную дозу данных средств и веществ. В целях сокращения количества преступлений данной категории, Уголовным кодексом Российской Федерации (далее по тексту – УК РФ) предусматривается специализированная глава 25 УК РФ «Преступления против здоровья населения и общественной нравственности» в которой отдельным блоком выделены ст. ст. 228 – 238.1 [1], отнесенные в соответствии со ст. 150 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее по тексту – УПК РФ) к подследственности следователя и дознавателя органов внутренних дел (далее по тексту – ОВД) [2].

Тщательное и скрупулезное проведение следственных и иных процессуальных действий по вышеуказанным видам преступлений – залог успешной работы дознавателей и следователей органов внутренних дел Российской Федерации. Дознаватель ОВД России в ходе расследования уголовных дел указанной кате-

гории сталкивается с определенными проблемами как в ходе производства доследственной проверки сообщения о преступлении, так и при осуществлении предварительного расследования уголовных дел [7, с. 99].

В первую очередь, необходимо сказать о сроках производства предварительного расследования. Говоря о производстве дознания по уголовным делам, связанным с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, следует указать, что оно должно завершиться в общий, установленный УПК РФ срок производится дознания по уголовному делу в 30 суток. Отметим, что по делам указанной категории в ходе расследования возникает необходимость производства большого количества судебных экспертиз. Наиболее востребованными экспертизами являются: физико-химическая (экспертиза веществ, материалов и изделий); судебно-психиатрическая; судебно-медицинская; технико-криминалистическая экспертиза документов; судебно-ботаническая; судебно-биологическая; судебно-наркологическая; комплексная судебно-медицинская и наркологическая.

Исходя из анализа материалов уголовных дел, судебные экспертизы дознавателем (следователем) назначаются уже после возбуждения уголовного дела в соответствии с п. 8 Приказа МВД России № 840, Минюста Российской Федерации № 320, Минздрава Российской Федерации № 388, Минэкономики Российской Федерации № 472, ГТК РФ № 726, ФСБ РФ № 530, ФПС РФ № 585 от 9 ноября 1999 г. [3], при этом порядок и последовательность назначения производится с учетом соответствующих криминалистических методик. Однако назначение и производство судебных экспертиз возможно также в рамках проверки сообщения о преступлении, о чем прямо указано в ст. 144 УПК РФ. В конкуренцию с нормами УПК РФ вступает положение п. 10 вышеуказанного межведомственного приказа МВД России, в котором прямо указано, что заключение составляется экспертом в срок, не превышающий 15 суток с момента поступления постановления о назначении экспертизы. Также стоит отметить, что срок производства экспертизы может быть увеличен по мотивированному уведомлению эксперта, которое направляется дознавателю (следователю), вынесшему постановление о производстве экспертизы. Кроме того, необходимо учитывать, что производство хотя бы одной экспертизы из перечня, приведенного автором ранее, дает основание для продления срока дознания в соответствии со ст. 223 УПК РФ, что приводит к затягиванию расследования и невозможности вынесения обвинительного акта (постановления) и окончания дознания в установленный уголовно-процессуальным законом срок [6, С. 283].

Другим немаловажным аспектом деятельности дознавателя по производству следственных действий по делам о незаконном обороте наркотиков является производство осмотра места происшествия с последующим изъятием, упаковкой и хранением обнаруженных средств и веществ, находящихся в незаконном обороте. При этом положения ст. 170 УПК РФ допускают производство осмотра (в том числе места происшествия) без участия понятых, с применением технических средств фото-видеофиксации. В свою очередь положения п. 5 упомянутого выше межведомственного приказа от 9 ноября 1999 г., прямо указывают на необходимость изъятия запрещенных средств и веществ, в присутствии не менее двух

понятых. В данном положении также указано на необходимость участия в изъятии средств и веществ специалиста, которым применяются средства фото – киносъемки и видеофиксации, что подтверждается соответствующей отметкой в протоколе.

Таким образом, дознавателю уголовно-процессуальным законом предоставлены полномочия, которые ограничиваются межведомственным нормативным актом. Вместе с тем следует отметить, что консультации и участие специалиста в мероприятиях по обнаружению, фиксации и изъятию запрещенных к обороту средств и веществ в определенных случаях просто необходимо. Поскольку дознаватель в ходе изъятия и фиксации веществ и предметов может иметь дело с необычными веществами, именно в этот момент необходим точный алгоритм, как действовать в любой ситуации, например, если во время входа в помещение может возникнуть реакции из-за перепада температуры. Необходимо обладать достаточными познаниями, как этого избежать, чтобы сохранить нужные доказательства. Также стоит помнить о том, что нельзя укладывать в одно место не схожие между собой по составу вещества (например, щелочные растворы с различными кислотами). В связи с чем, возникают проблемные вопросы при изъятии и упаковки реагентов, при этом следует заранее приготовить специальную тару и место для их хранения. Указанные предметы ввиду их структурированных особенностей и индивидуального состава нельзя хранить в обычной коробке или пакете. В дальнейшем необходимо безопасно транспортировать изъятые средства и вещества. Например, для большинства наркотических средств и психотропных веществ необходима стеклянная тара, так как тары, сделанные из других материалов, таких как пластик или металл, могут вступить в реакцию и произойдет взрыв, что повлечет потерю нужных доказательств, а также причинение вреда иным лицам, которые окажутся рядом в этот момент.

Исходя из вышеизложенных проблем и в целях их предотвращения, при производстве дознания по уголовным делам, связанным с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, необходимо четкое, грамотное, своевременное производство следственных действий, включая назначение и проведение соответствующих экспертиз. Правильно спланированный алгоритм работы дознавателя позволит обеспечить перспективу всему проводимому процессу расследования по данным преступлениям в плане формирования качественной доказательственной базы.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 25.03.2022) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – №25. – Ст. 2954.

2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 25.03.2022) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 52 (Ч. I). Ст. 4921.

3. Приказ МВД России № 840, Минюста РФ № 320, Минздрава РФ № 388, Минэкономики РФ № 472, ГТК РФ № 726, ФСБ РФ № 530, ФПС РФ № 585 от

09.11.1999 «Об утверждении Инструкции о порядке изъятия из незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, инструментов и оборудования, находящихся под специальным контролем и используемых для производства и изготовления наркотических средств и психотропных веществ, а также их учета, хранения, передачи, использования и уничтожения» // Бюллетень Министерства юстиции Российской Федерации, № 4 (2002).

4. Котышева, Е. А. Правовое обеспечение деятельности государства по противодействию незаконному обороту наркотиков // Молодой ученый. 2020. № 48 (338). С. 259-261.

5. Официальный сайт «ТРЕЗВАЯ РОССИЯ». – Режим доступа: URL: http://www.trezvros.ru (дата обращения: 30.03.2022).

6. Самолаева Е.Ю. Проблемы доказывания ч. 1 ст. 228 Уголовного кодекса Российской Федерации при производстве дознания в сокращенной форме // В сборнике: Уголовное судопроизводство России: проблемы и перспективы развития. Материалы всероссийской научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 2020. С. 281 – 284.

7. Нуйкин С.Ю. О правовом положении и процессуальной самостоятельности дознавателя // В сборнике: Проблемы Криминалистики и уголовного судопроизводства в современных условиях. Сборник статей Международной научно-практической конференции. 2021. С. 97-102.

Глазунова А. А.[1],
курсант института подготовки
сотрудников для органов предварительного расследования
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:

Горач Н. Н.,
доцент кафедры предварительного расследования
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат педагогических наук

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ РАССЛЕДОВАНИЯ МОШЕННИЧЕСТВ СОВЕРШЕННЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ВОЗМОЖНОСТЕЙ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Глобальная информатизация общества создала благоприятные предпосылки для возникновения новых видов преступлений, а также способов их совершения. Анализ правоприменительной деятельности свидетельствует о росте количества мошенничеств, совершенных с применением IT-технологий (в том числе с использованием сети Интернет, средств мобильной связи).

Основными источниками значимой информации по таким преступлениям являются оставленные следы. Благодаря такой информации правоохранительные органы получают данные о событии преступления, позволяющие установить и изобличить преступника, а также собрать необходимые доказательства.

В результате изучения научной литературы было установлено, что в настоящее время существует ряд неразрешенных проблем теоретического и практического характера, связанных с определением понятия, места, а также значением электронно-цифровых следов, используемых для эффективного расследования мошенничеств, совершенных в сфере информационно-коммуникационных технологий. Способы совершения рассматриваемого вида преступлений предопределяют специфику механизма следообразования и свидетельствуют о их дистанционном характере, что обуславливает необходимость изучения и выявления закономерностей механизма следообразования не только материальных и идеальных следов, но и электронно-цифровых.

Так, собранные в ходе предварительного расследования электронно-цифровые доказательства можно использовать для привлечения преступников к уголовной ответственности. К тому же электронно-цифровые доказательства могут раскрыть механизм совершения преступления, выявить последовательность его совершения, предоставить следствию информацию о случившемся, опровергнуть или подтвердить показания свидетелей и идентифицировать вероятных по-

[1] © Глазунова А. А., 2022.

дозреваемых. В процессе проведения исследования следов, образованных в информационном пространстве, на практике возникают разного рода проблемные вопросы, вызванные следующими обстоятельствами.

Мошенники, стараются приложить максимальные усилия для удаления доказательств их преступных действий из памяти технических устройств сотовой связи, персонального компьютера, памяти интернет-браузера, иного программного обеспечения и так далее.

А. Л. Осипенко указывал на особую сложность обнаружения электронно-цифровых следов, обуславливая это тем, что данные следы рассматриваются по множеству объектов, таких как компьютерная система жертвы, преступника, провайдера, промежуточные сетевые узлы.

Анализируя обозначенные обстоятельства, мы пришли к выводу о том, что формирование и широкое распространение информационных технологий, а также их использование в криминальной деятельности стали основаниями для выделения электронно-цифровых следов в самостоятельную группу следов, принимающих участие в воссоздании картины механизма следообразования рассматриваемых преступлений.

В подтверждение названной позиции об электронно-цифровых следах необходимо учесть мнение П. В. Мочагина, который предлагает к двум традиционным формам следообразования добавить третью, выраженную в закреплении следов в виртуально-информационной и технико-компьютерной сфере.

Мошенничество в Интернете имеет много общего с обычным банковским мошенничеством. В этом ландшафте угроз доминируют следующие сценарии атак:

1. Социальная инженерия. Жертва невольно раскрывает свои учетные данные для доступа к учетной записи, или ее обманом заставляют выдавать средства по каналу, который трудно отследить, например, снимая наличные, а затем используя услугу денежных переводов.

2. Фишинг. Эта уловка обычно включает попытку обмануть жертв, заставив их посетить мошеннический сайт, который утверждает, что предлагает платежные услуги, скидки, инвестиционные возможности, кредиты и т. д. Попав на крючок, пользователь рискует раскрыть свои персональные данные и данные кредитной карты.

3. Шпионские программы. В этом случае данные клиента, которые не являются анонимными, могут быть украдены с зараженного компьютера или с помощью вредоносного кода, введенного в веб-ресурс.

Вышеперечисленные угрозы расположены в таком порядке не просто так. На протяжении последних лет создатели средств борьбы с вредоносными программами сосредоточились на совершенствовании программного обеспечения. Однако в последнее время выясняется, что мошеннику гораздо проще обмануть человека, чем программу, что активно ими эксплуатируется при совершении преступных действий.

Развитие информационных технологий вызывает потребность не только в совершенствовании расследования новых преступлений, но и в обновлении современных представлений о механизме следообразования и классификации следов преступной деятельности.

Кроме того, рассматривая сущность таких следов, оставляемых мошенниками в информационно-коммуникационной среде при совершении противоправных деяний, можно выделить некоторые их особенности:

1. Электронно-цифровые следы могут быть изменены или уничтожены злоумышленниками, не оставляя при этом никаких явных признаков искажения.

2. Электронно-цифровые следы можно восстановить, их копию исследовать так, как если бы это был оригинал. Зачастую успешной практикой при работе с рассматриваемыми следами считается изучение их копий. Это позволяет избежать риска изменения или повреждения оригинального источника доказательства.

3. При исследовании электронно-цифровых следов можно определить была ли информация подделана или изменена.

4. Электронно-цифровые следы практически невозможно уничтожить. В случае удаления какого-либо файла, его можно восстановить, используя при этом специальные инструменты.

Таким образом, под электронно-цифровыми следами можно понимать изменение состояния автоматизированной системы, а также информации, которая содержится в памяти электронно-вычислительных средств (приборов), непосредственно связанных с преступной деятельностью злоумышленника.

Необходимо отметить, что в ходе расследования возникают проблемы в связи с несвоевременным получением доступа к данным хранящимся на зашифрованных устройствах, в облаке.

Анализ особенностей электронно-цифровых следов свидетельствует о том, что бурное развитие современных технологий, которые используются в совершении преступлений, породило значительный спрос на специалистов в сфере ИТ-безопасности, которые могут оказать помощь в выявлении, фиксации, изъятии, анализе электронно-цифровых следов на более качественном уровне.

Такой специалист, анализируя полученные данные, может получить максимально полную информацию о жертве, мошеннике, а также установить взаимосвязь мошенника со своим персональным компьютером, мобильным телефоном, иными техническими средствами. В настоящее время наблюдается нехватка указанных технических специалистов, что необходимо учитывать при дальнейшем совершенствовании работы органов предварительного расследования, в целях повышения компетенций практических сотрудников по работе с электронно-цифровыми следами.

В частности, растет потребность в квалифицированных специалистах, обладающих навыками выявления, фиксации цифровых следов, извлечения из них полезной информации для понимания ключевых аспектов совершенного информационно-коммуникационного мошенничества.

Первым шагом является сбор данных о мошенничестве в сфере коммуникаций. Для того чтобы проанализировать характеристики и способы мошенничества в сфере коммуникаций, первое, что необходимо сделать, – это собрать текстовые данные. Сбор данных в основном предназначен для сбора текстов, связанных с мошенничеством в сфере коммуникаций.

Целевые данные включают случаи мошеннических звонков, язык описания мошенничества в сфере коммуникаций и новости в средствах массовой информации. В процессе сбора данных используется технология веб-сканирования, а поисковым системам (таким как Baidu и т. д.) оказывается помощь в сборе текстовых данных о мошенничестве в сфере коммуникаций в Интернете.

Второй шаг – извлечение функций и создание правил. После сбора данных на первом этапе важно извлечь функции и создать правила для обнаружения мошенничества в сфере коммуникаций. В этом исследовании используется технология обработки естественного языка для извлечения функций, являющихся ключевыми словами, из текста мошенничества. И мы используем алгоритмы машинного обучения, чтобы доказать уместность собранных нами текстовых данных и достоверность извлеченных нами ключевых слов. Затем, в соответствии с признаками, которые извлекаются из текста, это исследование строит правила обнаружения коммуникационного мошенничества.

Последняя часть – это внедрение системы обнаружения коммуникационного мошенничества. В данном случае в качестве примера может использоваться приложение для оповещения о мошенничестве в сфере коммуникаций на платформе Android. В деталях приложение сначала начинает отслеживать входящий вызов, когда звонок поступает на телефон пользователя. Затем приложение использует технологию распознавания речи для преобразования голоса вызывающего абонента в текст. После этого приложение использует правила обнаружения, встроенные на предыдущем шаге, чтобы определить, является ли это мошенническим вызовом или нет. Если приложение указывает, что это мошеннический вызов, на экране смартфона появится предупреждающая информация, побуждающая пользователя обратить внимание на этот вызов.

Грубый мониторинг репутационных рисков и управление рисками безопасности со стороны владельца бизнеса являются еще одним основным катализатором мошенничества. Одним из наиболее впечатляющих проявлений этой неосмотрительности является неспособность идентифицировать поддельные сайты, имитирующие оригинальный магазин.

В мире коммуникаций злоумышленники сталкиваются с нетривиальной проблемой. Поскольку текущие цены на большинство услуг интернет-провайдеров и операторов мобильной связи относительно низкие, обмануть клиентов на большую сумму денег за один раз проблематично. Тем не менее, в этой области есть две основные области мошенничества.

Первый из них – это нанесение косвенного ущерба телекоммуникационной компании путем нарушения ее правил и условий, подключения нерегулируемых точек доступа, совместного использования услуг с близлежащими пользователями или подключения к оборудованию других людей без их ведома. Это также охватывает злоупотребление каналами сотовой связи для рассылки спама и злонамеренное использование оборудования оператора для создания мошеннических колл-центров, направленных на организацию атак с помощью социальной инженерии. Вторая теневая тенденция в телекоммуникациях – это использование фишинговых сайтов для сбора информации о платежных картах клиентов и последующей кражи с них денег.

Системы предотвращения мошенничества, разработанные для других бизнес-систем, используют аналогичную логику для выполнения своих задач. Однако они основаны не только на информации, полученной в ходе денежных переводов, но и на большом количестве других данных. В электронной коммерции данные могут включать страну происхождения заказа, адрес доставки, изменение способа оплаты и валюты, подозрительную настройку настроек корзины покупок и случай переключения на другое устройство.

Это всего лишь пример требуемого набора данных. Поставщики систем защиты от мошенничества предлагают широкий спектр настраиваемых шаблонов для каждого этапа жизненного цикла бизнеса, начиная с входа пользователя в свою учетную запись в интернет-магазине и заканчивая моментом доставки продукта или услуги.

Хотелось бы отметить, что цифровизация дала возможность более оперативно реагировать на уже известные виды преступлений, но прогресс не стоит на месте, в связи с чем, сотрудникам правоохранительных органов необходимо продолжать совершенствовать свою деятельность.

С учетом изложенного, следует отметить, что в настоящее время невозможно переоценить важность дальнейшего повышения цифровой грамотности правоохранительных органов, поскольку полученные результаты влияют на снижение риска неправильного обращения с новыми видами электронных доказательств. Неправильная работа с электронно-цифровыми следами в ходе расследования мошенничеств совершенных с использованием информационно-коммуникационных технологий, представляет реальную угрозу для эффективного расследования указанных преступлений, установления, задержания и привлечения к уголовной ответственности причастных к этому лиц.

Горбатых И. М.[1]**,**
адъюнкт факультета подготовки НиПК
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

РЕЗУЛЬТАТЫ ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАК ОСНОВАНИЕ ДЛЯ ПРИМЕНЕНИЯ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ В ВИДЕ ДОМАШНЕГО АРЕСТА

Домашний арест, являясь одной из мер пресечения избираемой судом, предусматривает наличие установленных нормами уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) оснований и условий, а также выполнение соответствующего порядка его применения [3].

Процессуальный порядок получения и применения доказательств, подтверждающих законность оснований и условий применения меры пресечения в виде домашнего ареста, распространяется и на данные, полученные оперативным путем. Как правило, результаты оперативно-розыскной деятельности могут использоваться в качестве оснований при соблюдении требований, предъявляемых положениями УПК РФ к доказательствам.

Однако в юридической литературе по данному вопросу нет единого мнения. На взгляд одних юристов, недопустимо «вливание» оперативных данных в уголовно-процессуальную деятельность [4, с. 18; 6, с. 117; 8, с.74]. Заслуживает одобрения мнение других ученых, которые полагают, что оперативные данные можно использовать при условии соблюдения закона и их проверки в установленном порядке [9, с. 146].

Позиция ученых второй группы подтверждается данными следственной и судебной практики. Например, 22 сентября 2021 г. Белгородским районным судом Белгородской области рассмотрено ходатайство старшего следователя следственной части СУ УМВД России по Белгородской области об избрании меры пресечения в виде домашнего ареста в отношении К, обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 186 УК РФ. В суд с ходатайством об избрании домашнего ареста были представлены данные оперативно-розыскной деятельности. Суд, исследовав эти данные, признал их основанием для удовлетворения ходатайства следователя.

Как показывает анализ, возможность и целесообразность использования доказательств, полученных оперативным путем, в качестве оснований для избрания меры пресечения в виде домашнего ареста определяется:

1) ч. 2 ст. 11 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» [1]. В соответствии с п. 36.1 ст. 5 УПК РФ, под результатами оперативно-розыскной деятельности понимаются сведения, полученные в соответствии с федеральным законом об оперативно-розыскной деятельности, о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного преступления, лицах, подготавливающих, совершающих или совершивших преступление и скрывшихся от органов дознания, следствия или суда;

---

[1] © Горбатых И. М., 2021.

2) ч. 6 ст. 74 УПК РФ, устанавливающей в качестве доказательств использование иных документов. Представленные в суд в качестве основания для избрания меры пресечения доказательства должны быть оценены по правилам относимости, допустимости, достоверности и достаточности (ч. 1 ст. 88 УПК РФ);

3) положения Инструкции «О порядке предоставления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд» [10].

Следует обратить внимание, что в процессе оперативно-розыскной деятельности источник и способы получения доказательств, как правило, не раскрываются. Вместе с тем законодатель предусмотрел возможность использования оперативных данных. Анализ показывает, что сведения, подтверждающие наличие оснований для избрания меры пресечения в виде домашнего ареста, должны быть получены не только в соответствии с нормативными правовыми актами Российской Федерации, но и Инструкцией «О порядке предоставления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд».

Оценка доказательств, полученных оперативных путем, проводится только уголовно-процессуальными средствами, как в ходе предварительного расследования, так и судебного заседания. При невозможности их проверки, они не могут использоваться в качестве оснований при избрании любой меры пресечения, в том числе в виде домашнего ареста.

Так, Октябрьский районный суд г. Белгорода при рассмотрении 01.02.2021 ходатайства следователя отдела № 4 СУ УМВД России по г. Белгороду об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении Б.Ю.Н., обвиняемой в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 30 – п. «г» ч. 4 ст. 228.1 УК РФ, принял во внимание тот факт, что в отношении обвиняемой проводятся оперативно-розыскные мероприятия по установлению канала сбыта наркотического средства и причастных к его распространению лиц. Однако, в связи с тем, что оперативные данные суду в установленном порядке и соответствующей форме не представлялись и в судебном заседании не исследовались, они в качестве доказательств не были признаны.

Следует согласиться с мнением ученых [5, с. 626; 7, с. 95] о том, что в ч. 1 ст. 97 УПК РФ целесообразно прямо указать не только о наличии оснований избрания меры пресечения, но и конкретные доказательства, полученные в ходе расследования уголовного дела. Признавая возможность использования доказательств, полученных оперативных путем, желательно предусмотреть в нормах уголовно-процессуального закона соответствующую процедуру их представления. Например, результаты оперативно-розыскных мероприятий, связанных с существенным ограничением конституционных прав граждан (на тайну переписки, телефонных переговоров; проникновение в жилище против воли проживающих в нем лиц), могут быть использованы в качестве доказательств по делам при условии их получения по разрешению суда на проведение таких мероприятий [2].

Таким образом, в целях устранения противоречий и выработки единого правоприменительного подхода, полагаем целесообразным дополнить статью 97 УПК РФ частью 1.1 следующего содержания: «Вывод о наличии достаточных

оснований, указанных в ч. 1 настоящей статьи, должен быть основан на конкретных доказательствах, полученных в соответствии с настоящим Кодексом. Результаты оперативно-розыскной деятельности в качестве оснований для избрания мер пресечения могут быть использованы только при условии законности их получения и проверки в соответствии с установленным настоящим Кодексом порядке».

Список литературы

1. Федеральный закон от 12.08.1995 N 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (ред. от 01.04.2022) // Собрание законодательства РФ. 1995. № 33. Ст. 3349.

2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31.10.1995 № 8 (ред. от 03.03.2015) «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия», СПС «Консультант Плюс» (дата обращения 01.02.2022).

3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 № 41 (ред. от 11.06.2020) «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2014. № 2.

4. Жога Е.Ю., Рукавишников В.П. Цели и основания применения предварительного заключения под стражу // Следователь. 2000. № 7. С. 18-27.

5. Иванов Д.А., Куликов М.А. Международные стандарты мер пресечения и их имплементация в законодательство Российской Федерации. Всероссийский криминологический журнал. Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, 2020. Том 14. № 4. С. 623-630.

6. Климов В.В. Законность и обоснованность домашнего ареста в уголовном судопроизводстве России: дис. … канд. юрид. наук. М., 2011.

7. Кутуев Э.К. Меры принуждения в уголовном процессе. Теоретические и организационно-правовые проблемы: монография. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2017.

8. Овчинников Ю.Г. Домашний арест как мера пресечения в уголовном процессе. М., Юрлитинформ, 2006.

9. Фирсов В.Г. Основания, условия и порядок избрания меры пресечения в виде домашнего ареста // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: ЭКОНОМИКА и ПРАВО. 2019. № 7. С. 146-152.

10. Приказ МВД России № 776, Минобороны России № 703, ФСБ России № 509, ФСО России № 507, ФТС России № 1820, СВР России № 42, ФСИН России 3 535, ФСКН России 3 398, СК России 3 68 от 27.09.2013 «Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд» // Российская газета. 2013. № 282. 13 дек.

Горбунова А. А.[1]**,**
курсант Института подготовки сотрудников
для органов предварительного расследования
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:

Ермаков С. В.,
заместитель начальника кафедры
предварительного расследования
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя
кандидат юридических наук, доцент

ПРИМЕНЕНИЕ СЛЕДОВАТЕЛЕМ ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ДОПРОСА

Допрос представляет собой наиболее распространенное и эффективное следственное действие. Большинство протокольных материалов уголовных дел составляют протоколы допроса. До четверти своего рабочего времени следователь тратит на производство допросов, которые могут длиться по времени от нескольких часов, до полноценного рабочего дня (не более 8 часов с перерывом на 1 час) Объясняется это высокой информационной емкостью каждого отдельно взятого допроса, его гносеологической ценностью. Допрос следует рассматривать как следственное действие, которое направлено на получение важной доказательственной информации, которая может оказать влияние на ход предварительного расследования.

При производстве допроса могут применяться технические средства и современные информационно-телекоммуникационные технологии. В узком смысле под «техническим средством» следует понимать различные приборы, инструменты, приспособления и материалы, которые можно использовать для решения целей и задач, которые стоят перед уголовным судопроизводством [2]. Соответственно, технические средства возможно использовать и для фиксации результатов и хода производства отдельных следственных действий.

Применение технического средства является, как правило, правом, а не обязанностью следователя. Применение технического средства должно не противоречить правам и законным интересам участников следственного действия, обеспечивать безопасность проводимого следственного действия. Так, например, нормами УПК РФ в целях дачи дополнительных гарантий соблюдения прав несовершеннолетних предусмотрен запрет на использование технического средства, если против этого возражает несовершеннолетний или его законный представитель.

УПК РФ (ч.8 ст. 166) [1] предусматривает способы фиксации следственных действий, под которыми следует понимать фотографирование, киносъемка и

[1] © Горбунова А. А., 2022.

аудио- и видеозапись проводимого следственного действия. Соответственно, по результатам применения технического средства к протоколу проводимого следственного действия приобщается также и материальный носитель, на котором имеется видео- либо аудиозапись, подтверждающая ход и результат проведенного следственного действия.

Использование технических средств в ходе предварительного расследования значительно повышается в связи с развитием информационно-коммуникационной сферы жизни общества. Практически все полученные аудио- и видеозаписи в дальнейшем становятся доказательствами по расследуемому уголовному делу, пройдя процедуру проверки на допустимость, относимость и достоверность.

Достоверность применения технического средства обеспечивается тем, что применяемое техническое средство должно обеспечить соблюдение принципа отражения объективной действительности окружающей обстановки [3, с. 137].

Применение технических средств имеет множество преимуществ, к которым следует отнести повышение объективизации проведения отдельного следственного действия. Так, материальный носитель с аудио- или видеозаписью, приложенный к протоколу следственного действия становится вещественным доказательством и может быть в последующем проанализирован участниками процесса с целью установления объективно значимых обстоятельств и преодоления противодействия, оказываемого на органы предварительного расследования.

Применение методов дистанционного допроса в настоящее время продиктовано необходимостью соблюдения принципа разумного судопроизводства. Так, в практической деятельности нередко встречаются случаи, когда, в силу наличия объективных причин явиться на допрос к следователю затруднительно (например, в связи с нахождением в длительной командировке) [7, с. 160]. В конце 2021 г. вступил в силу ФЗ №501 от 30.12.2021 «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс». Законодатель добавил в действующий УПК РФ новую статью 189.1, регламентирующую особенности проведения допроса, очной ставки, опознания путем использования систем видео-конференц-связи.

В ч.4 ст.189.1 УПК РФ говорится, что применение видеозаписи в ходе следственных действий, проведенных с использованием видео-конференц-связи, является обязательным. Аудио- или видеозапись следует рассматривать и как средство защиты лица, которое проводит предварительное расследование. Так, аудио- или видеозапись может быть источником доказывания при необоснованных обвинениях лица, осуществляющее допрос, в нарушении норм УПК РФ, она также может явиться средством, подтверждающим, что данные обстоятельства были установлены именно в ходе допроса и высказаны именно допрашиваемым лицом [9, с. 73].

При производстве допроса возможно использование программ для распознавания речи. Примером может служит программа «Горыныч 6.4», которая давно используется в работе следователей СК РФ. Это программа предназначена для распознавания русской речи и набора текста путем диктовки. Очень проста

в использовании. В ее основе лежат российские разработки в области распознавания устной речи. Используя данную программу при допросе, следователь сможет набирать текст, просто зачитывая его в микрофон. «Горыныч» же в свою очередь может выводить диктуемый текст практически в любой текстовый редактор или другие программы [10, с. 72].

Новые возможности предоставляют технологии искусственного интеллекта.

Применение искусственного интеллекта в деятельности правоохранительных органов представляет собой использование технологически сложных комплексов, которые позволят осуществлять имитацию когнитивных функций человека, то есть осуществить замену участия человека при выполнении определенного алгоритма действий [5, с. 74].

Системы искусственного интеллекта позволяют с большей эффективностью решать определенные задачи, при этом они оперативны и практически не допускают ошибок, которые обычно называют «человеческим фактором».

Рассматривая такое явление как «чат-бот» можно отметить, что это компьютерная программа, которая позволяет вести диалог с использованием слуховых или текстовых методов. Иными словами, это виртуальные собеседники, которые позволяют смоделировать простейшие виды диалогов. Кроме того, при чат-боте, встроенная система искусственного интеллекта могла бы определять типичные следственные версии по каждому конкретному случаю с учетом имеющихся у системы возможностей. В основе этого при этом должна лежать заложенная типовая модель преступления, создаваемая по их криминалистическим обоснованиям [4, с. 8]. Механизм искусственного интеллекта мог бы позволить собрать первоначальные сведения о совершенном деянии, значительно ограничить методы, используемые при совершении преступления на перечень заранее сформированных вопросов.

На современном этапе развития технологий, использование систем искусственного интеллекта можно признать допустимыми, однако, использование данных систем должно носить вспомогательный характер, при этом основное решение по каждому конкретному случаю должен принимать все же человек, а не какая-либо система. Во многом в данном случае возникают и этические проблемы, связанные с тем, что система искусственного интеллекта сформирует большую базу персональных данных человека, которые будут ей необходимы с целью установления сведений, имеющих значение для осуществления расследования. В условиях современного мира не исключаются и случаи неправомерного доступа к таким системам, что в свою очередь может принести значительный вред правам и законным интересам человека и гражданина.

Список литературы

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 24.12.2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

2. Белоусов А.В. Проблема фиксации доказательств в досудебных стадиях уголовного процесса России: дис. ... канд. юрид. наук. М.: РГБ, 2003.

3. Васюков В.Ф., Семенов Е.А. Правовая основа применения технических средств при производстве следственных процессуальных действий // Вестник экономической безопасности. 2016. №5. С. 137-138.

4. Вехов В.Б. Автоматизированные методики расследования преступлений как новое направление в криминалистической технике / В.Б. Вехов // Известия тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2016. № 3-2. С. 8-11.

5. Лебедев М.Д., Саввоев С.А. Использование искусственного интеллекта в расследовании преступлений // Скиф. 2020. №7 (47). С. 74-78.

6. Поддубняк А.А., Евдокимова И.С. Допрос свидетеля посредством видеоконференц-связи на стадии предварительного расследования как новелла российского законодательства // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2018. №3. С. 159-165.

7. Савельева М.В., Смушкин А.Б. Следственные действия. М.: Юрайт, 2017.

8. Узгорская И.А. Необходимость применения аудиозаписи при производстве допросов на стадии предварительного расследования // Вестник КРУ МВД России. 2020. №4 (50). С. 73-76.

9. Усольцева Н.А., Усольцев Ю.М. Чат-бот как элемент правовой реальности // Юридическая наука. 2020. №9. С. 72-74.

Григорян Т. А.[1],
соискатель кафедры предварительного расследования
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

СОБИРАНИЕ И ПРИОБЩЕНИЕ ВЕЩЕСТВЕННЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ НА СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

Стадия возбуждения уголовного дела, как первоначальная стадия уголовного процесса на сегодняшний день является одной из наиболее динамично изменяющихся, что порождает множество споров и неразрешенных противоречий, в том числе в части наличия процесса доказывания на данной стадии.

Так, по справедливому мнению И. Н. Зиновкиной «доказывание пронизывает каждую стадию уголовного судопроизводства, представляя из себя непрерывный, целенаправленный и единый процесс, приобретающий специфику на каждом из этапов процесса» [4, с. 94].

Полагаем, что доказывание на стадии возбуждения уголовного дела непременно существует, поскольку для того, чтобы принять одно из процессуальных решений, предусмотренных ч. 1 ст. 145 УПК РФ, необходимы сведения, обличенные в строго определенную процессуальную форму – только в этом случае решение можно считать законным, обоснованным и мотивированным.

Что касается вещественных доказательств, то на данной стадии уголовного судопроизводства следователь, дознаватель не принимают решения о признании объектов таковыми, однако, следует отметить, что объект фактически становится вещественным доказательством не в момент принятия соответствующего процессуального решения, а когда начинает обладать признаками, отраженными в ч. 1 ст. 81 УПК РФ.

Более того, как показывает изучение материалов уголовных дел (подобная ситуация наблюдалась в 7 случаях из 10), предметы и документы, которые были получены в ходе проверки сообщения о преступлении, впоследствии признаются вещественными доказательствами.

Анализ проведенного интервьюирования свидетельствует о том, что данная ситуация возникает на практике довольно часто – более 70 % опрошенных следователей указали на возникающие факты.

В связи с этим будет вполне правильным и обоснованным говорить о том, что собирание вещественных доказательств на стадии возбуждения уголовного дела присутствует и имеет важное значение, поскольку своевременное изъятие предметов и документов может, во-первых, поспособствовать принятию законного и обоснованного решения о возбуждении уголовного дела (отказе в возбуждении), а во-вторых, послужить ограничению от негативного воздействия на данные объекты со стороны заинтересованных в этом лиц или непреодолимой силы.

[1] © Григорян Т. А., 2022.

Учитывая специфику и назначение стадии возбуждения уголовного дела, возможность применения принуждения в рамках проверки сообщения о преступлении существенно ограничены, что выражается, в том числе, в ограниченном числе следственных действий, которые можно производить на данном этапе. К данным следственным действиям, в соответствии с ч. 1 ст. 144 УПК РФ, относятся: осмотр места происшествия, осмотр предметов (документов), осмотр трупа, освидетельствование, назначение и производство судебной экспертизы.

Стоит отметить, что из вышеперечисленных процессуальных действий, изъятие возможно лишь в рамках осмотра места происшествия. Так, в соответствии с ч. 3 ст. 177 УПК РФ в рамках осмотра места происшествия изымаются предметы (документы), осмотр которых на месте невозможен по причине негативных условий или большого объема; в остальных случаях изъятие объектов происходит на усмотрение следователя (дознавателя), которое ограничено лишь относимостью данного объекта к соответствующей проверке или уголовному делу.

Кроме этого, среди ученых-процессуалистов существует мнение, что в рамках такого следственного действия, как освидетельствование, также возможно изъятие. Например, Л. В. Макогон считает «возможным изымать обнаруженные в ходе освидетельствования предметы и документы» [5, с. 9], а А. Г. Потапова и вовсе полагает «правомерным осматривать не только тело человека, но и его одежду, и обувь с возможностью их изъятия» [9, с. 6].

Анализ проведенного интервьюирования следователей, дознавателей показал, что 25 % опрошенных сотрудников отметили возможность изъятия объектов биологического происхождения, а больше 50 % – любых объектов.

Аналогичные действия признаются законными также и судами общей юрисдикции, которые принимают протокол освидетельствования, в котором отражено изъятие предметов, как доказательство. Так, в приговоре Сладковского районного суда Тюменской области от 29.08.2019 по делу № 1-28/2019, установлено, что в ходе освидетельствования, произведенного следователем, у подозреваемого изъяты трико и кофта [10].

Однако, по мнению автора, подобные действия незаконны и необоснованны, а изъятие в рамках освидетельствования нельзя признать способом собирания вещественных доказательств, поскольку это прямо противоречит процессуальной природе данного следственного действия, объектом которого является тело живого человека, а предметом – его анатомические, функциональные и иные индивидуальные особенности.

Кроме того, в ст. 179 УПК РФ, регулирующей порядок производства освидетельствования, не имеется нормы, которая позволяла бы производить изъятие или отсылала к порядку производства осмотра.

В связи с этим, с целью исключения неправомерной практики реализации изъятия вещественных доказательств в рамках освидетельствования, автор предлагает дополнить ст. 179 УПК РФ новой ч. 6, которую целесообразно изложить в следующей редакции: «6. Изъятие при производстве освидетельствования запрещено».

Рассмотрев следственные действия, которые возможно производить в рамках проверки сообщения о преступлении, считаем целесообразным рассмотреть иные процессуальные действия. По нашему мнению, необходимо начать с самого противоречивого из них – изъятия предметов и документов в установленном УПК РФ порядке.

В связи с тем, что законодатель, предусмотрев данное процессуальное действие, не раскрыл порядка и способа его производства, возникло множество споров среди ученых-процессуалистов, а также образовался пробел в законодательстве, который различными способами заполняется на практике.

Так, одна группа ученых [12, с. 5; 6, с. 10] полагает, что таким образом законодатель завуалировал возможность производства таких следственных действий как выемка и обыск.

Более того, некоторые правоприменители толкуют данную норму аналогичным способом. Например, апелляционным Постановлением Ульяновского областного суда от 28.09.2016 установлено, производство выемки до возбуждения уголовного дела признано законным, поскольку, по мнению суда, в ч. 1 ст. 144 УПК РФ имеется прямое указание на это [2].

Следует отметить, что до недавнего времени такая практика складывалась во многих регионах. Как показывают результаты интервьюирования, после внесения дополнений в ст. 144 УПК РФ на протяжении нескольких лет проводились обыски и выемки до возбуждения уголовного дела, в том числе и обыски в жилище. Данный факт отметили более 87 % опрошенных нами следователей и дознавателей.

Действительно, в ст. 144 УПК РФ нет прямого указания на возможность производства выемки до возбуждения уголовного дела. Более того, законодатель, при дозволении производства определенного следственного действия до возбуждения уголовного дела, как исключения из правила, использует прием юридической техники, который заключается в двойном указании на такую возможность: в норме, регулирующей порядок производства проверки сообщения о преступлении (в нашем случае – ст. 144 УПК РФ) и в норме, регулирующей порядок производства конкретного следственного действия (например, ст. 179 УПК РФ).

Обратившись к ст. 182, 183 УПК РФ автор не находит подобных оговорок, что говорит о том, что производство выемки и обыска до возбуждения уголовного дела недопустимо.

Продолжая вопрос изъятия вещественных доказательств в ходе проверки сообщения о преступлении, следует отметить, что вторая группа ученых [13, с. 65; 11, с. 223] полагает, что таким образом законодатель конкретизировал возможность изъятия в рамках осмотра места происшествия.

Стоит отметить, что большинство опрошенных нами следователей и дознавателей (75 %) толкуют данное процессуальное действие именно в данном ключе.

Так, в ходе изучения уголовных дел был установлен факт, что до возбуждения уголовного дела осмотр места происшествия производился в

помещении служебного кабинета следователя с целью изъятия документов, имеющих значение для проводимой проверки.

Однако, подобная практика прямо противоречит позиции Конституционного Суда Российской Федерации, согласно которой изъятие предметов и документов, осмотр которых на месте происшествия затруднен или требует продолжительного времени, не должен подменять собой иные следственные действия, в том числе выемку и обыск [10].

Обобщая все вышесказанное, полагаем необходимым допустить возможность производства выемки до возбуждения уголовного дела, поскольку это будет способствовать сохранению вещественных доказательств, не будет вынуждать правоприменителей искать «обходные» пути изъятия предметов (документов), а также гарантирует законность и обоснованность изъятия владельцам вещей, потому что ст. 183 УПК РФ обязывает выносить отдельное постановление о производстве данного следственного действия.

Среди ученых-процессуалистов также устоялось мнение о том, что необходимо разрешить производство выемки до возбуждения уголовного дела, особенно по сообщениям о преступлениях экономического характера, где выемка, а не осмотр места происшествия является основным способом собирания вещественных доказательств [1, с. 13; 3, с. 28].

Таким образом, предлагаем исключить из ч. 1 ст. 144 УПК РФ слова «изымать их в порядке, установленном настоящим Кодексом» и заменить их следующее выражение: «производить выемку предметов и документов».

Список литературы

1. Алутина А. А. О проблемах оформления изъятия предметов и документов до возбуждения уголовного дела // Молодой ученый. – 2018. – № 4.
2. Апелляционное постановление Ульяновского областного суда от 08.09.2016. № 22-2032/2016 // [Электронный ресурс] URL: https://sudact.ru/ (Дата обращения: 19.03.2022).
3. Ермаков С.В. Проверка сообщений о преступлениях экономической направленности: пути совершенствования законодательства // Научный портал МВД России. – 2017. – № 2.
4. Зиновкина И.Н. Проверка заявлений и сообщений о преступлениях: Проблемы правового регулирования : дис … канд. юрид. наук. – М., 2015.
5. Макогон Л. В. Реализация принципов уголовного судопроизводства в стадии возбуждения уголовного дела : автореф. дис … канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2008.
6. Наумов А. М. Проблемы выполнения следственных действий до возбуждения уголовного дела // Российский следователь. – 2016. – № 7.
7. Определение Конституционного суда Российской Федерации от 05.03.2014. № 518-0 // [Электронный ресурс] URL: https://www.garant.ru/ (Дата обращения: 20.03.2022).
8. Петрухин И. Л. Теоретические основы реформы уголовного процесса России: монография. – Изд-во «Эксмо». – М., 2006.

9. Потапова А. Г. Освидетельствование в уголовном судопроизводстве России: процессуальный аспект : автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Челябинск, 2007.

10. Приговор Сладковского районного суда Тюменской области № 1-28/2019 от 29.08.2019 по делу № 1-28/2019 // [Электронный ресурс] URL: https://sudact.ru/ (Дата обращения: 14.10.2021).

11. Прохорова Е. А. О производстве следственных действий на стадии возбуждения уголовного дела // Сборник материалов Международной научно-практической конференции, посвященной 50-летнему юбилею доктора юридических наук, профессора А.В. Гриненко. – 2016.

12. Халиков А. Н. Собирание доказательств в ходе проверки сообщения о преступлении // Законность. – 2013. – № 12.

13. Шадрин В. С. Новые возможности уголовно-процессуальной проверки в стадии возбуждения уголовного дела, их истоки и последствия // Вестник Академии Генеральной Прокуратуры РФ. – 2014. – № 6 (44).

Гущина С. В.[1],
курсант Института подготовки сотрудников
для органов предварительного расследования
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:

Ермаков С. В.,
заместитель начальника кафедры
предварительного расследования
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

ОРГАНИЗАЦИОННО-ТАКТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПЕРВОНАЧАЛЬНОГО ЭТАПА РАССЛЕДОВАНИЯ ДИСТАНЦИОННОГО МОШЕННИЧЕСТВА, СОВЕРШЕННОГО ПРИ ПОМОЩИ СРЕДСТВ МОБИЛЬНОЙ СВЯЗИ

За 2021 г. было зарегистрировано 517,7 тысяч преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации, что на 1,4 % больше, чем за аналогичный период прошлого года [1, с.3]. Почти половина таких преступлений, а именно 42 % совершаются с использованием средств мобильной связи. При этом из 217 552 совершенных преступлений раскрыто только 30 246, что составляет 7,2 % [1, с. 31–33].

За период январь-февраль 2022 г. было зарегистрировано 79,7 тысяч преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, что на 2,2 % меньше, чем за аналогичный период прошлого года [2, с. 3]. 33 635 зарегистрированных преступлений совершены с использованием средств мобильной связи, а раскрыто только 5 364 преступления, что составляет 6,3 % [2, с. 31–30]. Данные статистические показатели демонстрируют насколько актуальна данная тема, ведь раскрываемость данной категории преступлений крайне мала. Согласно сведениям, которые сообщило Министерство внутренних дел Российской Федерации на территории Украины создаются call-центры, которые специально предназначены для осуществления преступной детальности на территории Российской Федерации [3]. После начала спецоперации на Украине количество мошеннических звонков сократилось в 10 раз. Это зафиксировали антифрод-системы банков, которые сотрудничают с проектом «Мошеловка» [4].

По нашему мнению, необходимо рассмотреть наиболее частые случаи совершения дистанционного мошенничества при помощи средств связи и определить примерный алгоритм расследования данных преступных деяний.

Мошенничество, осуществленное путем сообщения информации потерпевшему о том, что необходимо разблокировать банковскую карту или предотвра-

[1] © Гущина С. В., 2022.

тить попытку незаконного перевода денежных средств. Злоумышленник направляет смс-сообщения потерпевшим с текстом: «Вашу карту заблокировали, информация по номеру 8950322654» или «В связи с подозрением на компрометацию карты и для сохранности ваших средств карта заблокирована банком. Для получения рекомендаций свяжитесь по номеру 8929651328» и другие подобные текстовые смс-сообщения.

Мошенничество, совершаемое путем сообщения сведений потерпевшему о том, что его родственник попал в беду. Под бедой может быть, как оказание платной медицинской помощи близкому человеку или иные осбсьтоятельства. Мошенник путем звонка на стационарный или абонентский номер сообщает потерпевшему о случившейся с его родственником бедой и просит перевести денежные средства или продиктовать необходимые данные о карте. В основном под данные мошеннические действия попадают люди пожилого возраста, так как в своем большинстве они мало знакомы с информационно-телекоммуникационными технологиями и их мошеннику легко обмануть.

Мошенничество, совершаемое путем телефонного звонка в котором говорит автоматическая система о «выгодном» предложении на услуги. Такими услугами могут являться: здравоохранение (например, мошенники предлагают большую скидку на стоматологические услуги), другие сферы деятельности (скидка на спа-процедуры, горячие путевки в другую страну и другое). При этом мошенник проси перевести часть суммы за услугу, чтобы записать его на прием к специалисту. В последующем люди приходя по адресу не находят себя в числе записанных на услугу, либо вовсе отсутствует такая организация.

Далее рассмотрим некоторые организационно-тактические особенности расследования дистанционного мошенничества, совершенного при помощи средств мобильной связи.

Так, при поступлении заявления, сообщения о дистанционном мошенничестве сотрудник дежурной части производит необходимые действия, для его регистрации.

При формировании оперативной сводки (информации) необходимо обращать внимание на способ совершения преступления. Если совершается дистанционное мошенничество, совершенного при помощи средств связи, то при заполнении информации о данном виде преступления, в обязательном порядке вносит в оперативную сводку следующие сведения, если они присутствуют в данном случае:

- абонентские номера телефонов потерпевшего и преступника;
- номер счета (карты) потерпевшего и преступника;
- номер IMEI устройства потерпевшего;
- сведения о преступнике, которыми он представлялся потерпевшему;
- содержание смс-сообщений, поступивших потерпевшему от преступника.

В настоящее время в рамках реализации приказа МВД России от 29 декабря 2020 г. № 925 «Об утверждении Временной инструкции по формированию, ведению и использованию подсистемы «Дистанционное мошенничество» ПТК «ИБД-Ф» в ГУ МВД России по г. Москве» был издан приказ ГУ МВД России по

г. Москве от 05 апреля 2021 г. N 121 «О порядке формирования, ведения и использования подсистемы «Дистанционное мошенничество» ПТК «ИБД-Ф» в ГУ МВД России по г. Москве» [7]. На основании данного законодательного акта следователь/дознаватель органов внутренних дел при возбуждении уголовного дела в установленном порядке незамедлительно направляет информацию для внесения ее в данную подсистему.

После признания потерпевшим лица, кому был причинен имущественный ущерб, следователь/ дознаватель проводит допрос данного лица. В рамках данного следственного действия необходимо узнать следующие данные:

– дату, время поступления звонка/звонков, абонентские номера телефонов на которые звонили и с которых звонил злоумышленник;

– при ответе на звонок кем представился злоумышленник, какую информацию сообщал, какие действия предлагал осуществить, желательно чтобы потерпевший наиболее точно указал данные сведения;

– если имеется запись, то выяснить особенности голоса мошенника, если данной записи нет, то узнать у потерпевшего данные особенности, манеру речи, построения предложений. Голос человека можно охарактеризовать как хриплый, высокий или низкий, молодой или старый;

– обладает ли мошенник какими-то особенности речи, они могут выражаться следующим образом: злоумышленник шепелявит, проглатывает окончание фразы, не выговаривает какие-то буквы картавит и другое;

– имеется ли запись разговора на мобильном телефоне/смартфоне/планшете (это возможно только если потерпевший имеется специально установленное приложение такие как «Truecaller», «Call Recorder», «ACR» и другие или данная функция заложена в самом устройстве;

– установить круг лиц, состоящих в близких отношениях с потерпевшим, которым могло быть известно о наличии денежных средств на банковских счетах;

– поступали ли сообщения о проведение попыток транзакции, к которым потерпевший не имеет никакого отношения;

– сумма и подробный способ передачи/перевода денежных средств злоумышленнику;

– абонентский номер телефона, банковские карты, банковские счета на которые были переведены денежные средства;

– имеются ли у потерпевшего документы, подтверждающие списание денежных средств;

– какие действия осуществил потерпевший после обнаружения факта мошеннических действий.

Следователь также разъясняет право требования возмещения имущественного вреда, причиненного преступлением, путем подачи искового заявления, признать гражданским истцом.

В дальнейшем следователь /дознаватель принимает меры по установлению лица, совершившего преступления, дает поручения органам дознания, направляет запросы в организации связи, банки, Интернет-торговли и другие.

Список литературы

1. Состояние преступности в Российской Федерации за январь-декабрь 2021 г. // URL: https://мвд.рф/reports/item/28021552/ Состояние преступности в Российской Федерации за январь-февраль 2022 г. // URL: https://мвд.рф/reports/item/29152810/

2. 14 апреля 2022 г. МВД заявило о создании ВСУ call-центров для телефонного терроризма в России// URL: https://turbo.ria.ru/20220414/koll-tsentry-1783597948.html (дата обращения 14.04.2022 г.)

3. 5 марта 2022 «Разорвать связь: с начала спецоперации число звонков мошенников упало в 10 раз» // URL: https://iz.ru/1300784/anna-kaledina/razorvat-sviaz-s-nachala-spetcoperatcii-chislo-zvonkov-moshennikov-upalo-v-10-raz (дата обращения 14.04.2022 г.)

4. Шипулин, Г. Ф. Способы совершения мошенничества, связанные с использованием мобильной связи / Г. Ф. Шипулин // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. № 2-2(65). С. 186–189 // URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=48078330 (дата обращения 14.04.2022 г.)

5. Бикинеева, Л. Н. Особенности предварительной проверки и возбуждения уголовных дел о мошенничествах, совершенных с использованием средств мобильной связи / Л. Н. Бикинеева, Р. Р. Хаснутдинов // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2021. – № 6-2(57). – С. 128-133.

6. Приказ МВД России от 29 декабря 2020 г. № 925 «Об утверждении Временной инструкции по формированию, ведению и использованию подсистемы "Дистанционное мошенничество"// URL: http://www.consultant.ru/(дата обращения: 14.04.2022).

7. Приказ МВД России Главное Управление Министерства Внутренних Дел Российской Федерации по городу Москве (ГУ МВД России по г. Москве) Приказ от 05 апреля 2021 г. № 121 // URL: https://cao.мск.мвд.рф/Dop/Pravovaja_informacija/документы/приказы-гу-мвд-россии-по-г.-москве/item/24322825/(дата обращения 14.04.2022 г.)

8. Ермаков, С. В. Проблемы раскрытия и расследования, преступлений, совершенных с использованием компьютерных и телекоммуникационных технологий / С. В. Ермаков // Актуальные проблемы совершенствования производства предварительного следствия в современных условиях развития уголовно-процессуального законодательства : Сборник научных трудов Всероссийской научно-практической конференции. Электронное издание, Москва, 07 апреля 2020 г. – Москва: Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2020. С. 107–110 // URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44003288 (дата обращения 14.04.2022)

Данг Вьет Хынг[1]**,**
адъюнкт факультета подготовки научных и научно-педагогических кадров Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

ПРОБЛЕМЫ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ ПРИ СОКРАЩЕННОМ ПРОИЗВОДСТВЕ В СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ ВЬЕТНАМ

Сокращенное производство в СРВ представляет собой особый порядок, установленный УПК СРВ с соблюдением основных принципов УПК СРВ, в целях сокращения времени разрешения уголовного дела, уменьшения затрат и усилий органа, ведущего производство, обеспечения прав и законных интересов участников уголовного процесса [1, с. 18].

Становление сокращенного производства связано с принятием 26 ноября 2003 г. УПК СРВ. В этом кодексе впервые было предусмотрено сокращенное производство, порядок производства которого закрепили в семи статьях в главе 24 «Сокращенное производство». Действующий УПК СРВ 2015 г. оставил данный правовой институт, включив его в отдельную главу XXXI. Следует отметить, что в данную главу были внесены существенные дополнения как по содержанию, так и по количеству статей, число которых было увеличено до одиннадцати (ст. 455-465 УПК СРВ).

Как показывает анализ, в отличие от уголовного судопроизводства Российской Федерации сокращенное производство Вьетнама распространяется на 3 стадии: предварительное расследование, уголовное обвинение и судебное разбирательство [3, с. 15]. По УПК СРВ стадии предварительного расследования и уголовного обвинения являются стадиями досудебного производства.

Решение о применении предварительного расследования в сокращенном производстве принимает руководитель следственного органа, что существенно отличается от установленного порядка в УПК РФ (ст. 226-1 УПК РФ). Постановление о применении сокращенного производства выносится при наличии следующих условий, закрепленных в ст. 456 УПК СРВ:

– лицо, совершившее преступления, задержано с поличным или сознается;

– преступление простое, имеются ясные доказательства;

– преступление относится к преступлениям небольшой тяжести и вполне очевидно;

– лицо, совершившее преступление, имеет постоянное место жительства и четкую биографию.

По нашему мнению, вышеперечисленные условия имеют не корректно понимаемые слова и термины, что существенно затрудняет принятие законного и обоснованного решения руководителем следственного органа. К таким выражениям следует отнести слова: «ясное доказательство», «преступление … вполне очевидно», «лицо, … имеет четкую биографию». Данное обстоятельство существенно влияет на время расследования преступления. Например, в случаях,

[1] © Данг Вьет Хынг, 2022.

когда есть несколько обвиняемых, задержанных с поличным за совершение преступления небольшой тяжести, проверка наличия судимости, а также выяснения вопроса является ли оно рецидивистом, требует значительного времени для сбора соответствующих документов.

Постановление о применении сокращенного производства, после ознакомления с ним обвиняемого и его защитника, направляется прокурору в течение 24 часов с момента вынесения постановления. Прокурор, изучив данное постановление и признав его незаконным, в течение 24 часов выносит постановление об отмене постановления о применении сокращенного производства и направляет его в следственный орган (ст. 457 УПК СРВ).

В отличие от норм уголовного процессуального закона Российской Федерации, УПК СРВ не предусматривает согласие или ходатайство обвиняемого или его защитника о применении сокращенного производства. Вместе с тем они имеют право обжаловать принятое решение. Срок для подачи жалобы составляет 5 суток со дня получения постановления. Жалоба направляется в органы следствия, вынесший постановление о применении сокращенного производства, и должна быть разрешена в течение 3 суток со дня поступления жалобы (ст. 457 УПК СРВ).

Несмотря на возможные положительные моменты при применении сокращенного производства в уголовном судопроизводстве СРВ, связанные сокращением времени расследования преступления, уменьшения различных затрат, практика показывает, что эффективность этого производства не оправдала ожиданий законодателей. Согласно данным следственного органа Бадинь города Ханоя, с момента вступления в силу УПК СРВ 2015 г. количество дел, разрешенных в сокращенном производстве, составляет: в 2018 г. – 0 дел (из общего числа уголовных дел и количества обвиняемых: 103 дела / 112 обвиняемых), в 2019 г. – 1 дело / 1 обвиняемый (126 дел / 150 обвиняемых); в 2020 г. – 1 дело / 1 обвиняемый (270 дел / 331 обвиняемых); в 2021 г. – 1 дело / 1 обвиняемый (435 дел /468 обвиняемых) [3].

Анализ вышеизложенного позволяет выделить несколько различных причин как организационного, так и правового характера не применения сокращенного производства. *Во-первых*, одной из причин является нехватка следователей, нагрузка которых не позволяет им расследовать преступление в более короткий срок, несмотря на кажущуюся их простоту.

Во-вторых, ограниченность времени сокращенного производства до 20 суток (п.3 ст.459 УПК СРВ), которое существенно уменьшается за счет различных выходных праздничных дней (например, Новый год). При этом много времени занимает сбор некоторых документов и доказательств по делу. Например, лля получения результатов оценки имущества, может пройти неделя, иногда месяц и более. Та же самая ситуация и с проверкой судимости обвиняемого.

В-третьих, не урегулированность процессуального порядка некоторых этапов сокращенного производства, не конкретность и ограниченность условий начала сокращенного производства.

По нашему мнению, представляется целесообразным в УПК СРВ:

1) предусмотреть согласие потерпевшего и обвиняемого на производство расследования в сокращенном варианте;

2) дополнить условия применения сокращенного производства положением о явке с повинной, чтобы применить сокращенное производство к случаям, когда лицо, совершившее преступление, самостоятельно явилось с повинной;

3) предусмотреть возможность продления срока сокращенного производства.

Список литературы

1. Nguyễn Thị Yến. Thủ tục rút gọn trong tố tụng hình sự. Tạp chí Luật việt. 2018. Số 7. Trang 18-20/ Нгуен Тхи Иен. Сокращенное производство в уголовном судопроизводстве. Журнал Вьетнамского закона. – 2018 г. – № 7. – С.18-20.

2. Tô Huệ. Thủ tục rút gọn trong Bộ luật Tố tụng hình sự năm 2015?. Tạp chí Bộ Tư pháp. 2018. Số 5. Trang 15-18/То Хюэ. Сокращенное производство в Уголовно-процессуальном кодексе 2015 года? Журнал Министерства юстиции. – 2018г. – № 5. – С. 15-18.

3. Cơ quan Cảnh sát điều tra Công an quận Ba Đình, Hà Nội. Báo cáo tổng kết công tác phòng chống tội phạm năm 2018,2019, 2020, 2021. (Источник переведен автором:Агентство следственной полиции района Бадинь, Ханой. Доклад о результате расследования преступния за 2018, 2019, 2020, 2021 гг.).

Демичева Т. С.[1]***,***
адъюнкт 1-го года обучения факультета подготовки
научно-педагогических и научных кадров
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СОВРЕМЕННЫХ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ НА СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА В КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Стадия возбуждения уголовного дела по праву считается отправной точкой всего уголовного судопроизводства, в ходе которой должностными лицами решается вопрос о начале предварительного расследования либо об отсутствии оснований для его производства. Данная позиция характерна как для уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации, так и для законодательства Китайской Народной Республики (далее – КНР). Деятельность должностных лиц в соответствии с Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации на данном этапе складывается из последовательно сменяющих друг друга действий, а именно: принятие сообщения о преступлении, проверка этого сообщения, принятие по нему решения. Уголовное судопроизводство в соответствии с Уголовно-процессуальным кодексом КНР (далее – УПК КНР) предусматривает начало уголовного судопроизводства со стадии предварительного расследования, которая начинается после получения сообщения о преступлении. Статьи 84 и 85 УПК КНР четко регламентируют, что Народный суд и прокуратура должны предусмотреть возможность получения таких сообщений, а статья 84 УПК КНР специально предоставляет гражданам право и налагает на них обязанность делать такие сообщения.

Стоит заметить, что законодательство обеих стран идет по пути цифровизации уголовного процесса, внедряя все более современные и эффективные технологии в деятельность должностных лиц при выявлении и расследовании преступлений. В рамках реализации пятилетнего плана национального экономического и социального развития КНР и долгосрочных целей на 2035 г. происходит формирование цифровой экосистемы, в том числе, в сфере правоохранительной деятельности [7]. Кроме того, в соответствии с Разъяснением Министерства общественной безопасности КНР от 29.12.2015 «Об изменении и совершенствовании процедуры возбуждения уголовного дела» указывается важность использования сети-Интернет при приеме сообщений о преступлении [2. С. 100]. Учитывая, что КНР следует по пути к созданию мирового лидерства в области применения искусственного интеллекта и других современных информационных технологий, стоит обратить внимание на достаточно популярный в настоящее время опыт КНР по внедрению современных информационных систем, в том числе и на базе искусственного интеллекта, позволяющих повысить эффективность деятельности должностных лиц по расследованию преступлений.

[1] © Демичева Т. С., 2022.

Китайское уголовно-процессуальное законодательство предусматривает возможность приема, регистрации поступившей информации о преступлении, ведение информационных баз данных в онлайн-режиме. Например, при подаче заявления о преступлении лицо, пожелавшее зарегистрировать его на онлайн-платформе, получает идентификационный номер, который позволяет заявителю отслеживать на сайте отдела безопасности процесс проведения проверки, а также получает уведомления, о принятых по данному заявлению решениях [4 с. 129]. Данная система также предоставляет потерпевшим возможность полной дистанционной подачи заявления о преступлении. В соответствии со ст. 84 УПК КНР обращение потерпевшего в органы общественной безопасности, Народную Прокуратуру или Народный Суд о факте преступления именуется жалобой. На официальном сайте Национальной администрации по работе с обращениями населения в настоящий момент появилась возможность подачи жалобы в онлайн-формате. После регистрации и заполнения электронной формы жалобы, лицо получает идентификационный номер, который позволяет ему самостоя-тельно отслеживать ход проведения проверки, а также в режиме онлайн получать уведомления о результатах рассмотрения жалобы, которая системой направляется в соответствующий отдел в зависимости от содержания жалобы.

Следует отметить, что российский законодатель в ст. 140 УПК РФ при перечислении поводов для возбуждения уголовного дела, не указывает на возможность их подачи в электронной форме. Это лишь закрепляется ведомственными приказами, в которых указывается возможность подачи сообщения о совершенном или готовящемся преступлении, но в законе отсутствует регламентация данной процедуры, что, по нашему мнению, требует дополнительной регламентации. О наличии такой проблемы, в частности, указывала В.К. Захарова, указывая о необходимости обеспечения реализации права заявителя на доступ к информации о ходе рассмотрения, принятого органом общественной безопасности заявления посредством онлайн-платформ. Это позволяет пострадавшему лицу отслеживать ход рассмотрения поданного им сообщения почти в режиме реального времени, в то же время и реагировать на действия или бездействие следователя [2 с. 100]. Важно также отметить, что подобные системы приема сообщений о преступлении активно функционируют в Испании, Германии, ОАЭ и других государствах. По нашему мнению, зарубежный опыт использования подобных онлайн-платформ является весьма полезным для внедрения его в отечественную уголовно-процессуальную деятельность.

Согласно ст. 144 УПК РФ порядок рассмотрения сообщения о преступлении включает в себя ряд этапов: принятие, проверка сообщения о преступлении и принятие процессуального решения по результатам его рассмотрения. УПК КНР содержит похожие положения. Основным этапом стадии возбуждения уголовного дела как в КНР, так и в России является проверка сообщения о преступлении. Особенностью стадии возбуждения уголовного дела в КНР является наличие двухэтапной проверки сообщения о преступлении. В результате «первого» этапа (检查 jiǎnchá) проверки осуществляется установление наличия состава преступления в совершенном деянии. После чего в ходе «второго этапа» (审查

shěnchá) происходит осуществление проверочных мероприятий, перечень которых в соответствии с УПК КНР является открытым [4 с. 129].

Современные информационные технологии в уголовном процессе Китая являются неотъемлемой частью процесса доказывания. Вместе с традиционными видами доказывания активно используются и электронные. Они включают в себя микроблоги Weibo, сведения, опубликованные посредством сети Интернет, SMS-сообщения и др. Об этом указывается в ст. 1 Определения о порядке собирания и проверки электронных доказательств по уголовным делам [6]. Возникающие вопросы, связанные с получением и хранением подобных доказательств, китайский законодатель предложил решить путем использования инновационной системы больших данных технологии «blockchain».

В КНР существует «Единая платформа народной судебной блокчейн-конвенции» для распределенного хранения и борьбы с подделками доказательств, что значительно увеличивает защиту подлинности доказательств. С 2020 г. Верховный Народный суд КНР признает технологию блокчейн и другие технические средства сбора, фиксации и защиты от несанкционированного доступа к доказательствам. О возможности использования данной технологии в уголовном процессе России положительно высказывается Л. В. Бертовкий, указывая на некоторые преимущества, которые дает технология блокчейн, а именно, она позволит повысить уровень гласности, без потери конфиденциальности данных следствия, кроме того, использование новых технологий позволит значительным образом сократить сроки следствия, что в целом скажется на качестве расследования [1 с. 229].

Активное развитие современных информационных технологий в КНР позволило создать полицейский автоматизированный участок на базе искусственного интеллекта. В провинции Фуцзянь данный кибернетический участок функционирует без участия персонала 24 часа в сутки. В настоящий момент его функционал ограничен вопросами, связанными с автотранспортными средствами, однако в перспективе его функционал планируется расширить. Примечательно, что документы заявителю не нужны, так как в данном участке используется система распознавания лиц.

Однако, среди как отечественных, так и зарубежных ученых существует множество дискуссий, относительно законности использования некоторых систем с элементами искусственного интеллекта в процессе предварительного расследования. Например, использование искусственного интеллекта при принятии процессуальных решений в уголовном судопроизводстве. Так, по мнению О.В. Мичуриной, в вопросе использования искусственного интеллекта в процессе оценки доказательств данная система не является достойной альтернативой по причине ее необъективности, поскольку невозможно в настоящее время создать алгоритм, позволяющий полностью исключить субъективным момент в процессе оценки доказательств, так как данная деятельность является продуктом сознания человека. Никакого универсального алгоритма, который был бы пригоден на все случаи доказывания, не существует [3 с. 68].

Таким образом, использование современных информационных систем на стадии возбуждения уголовного дела требует дальнейшего детального изучения.

Опыт КНР в вопросе использования современных информационных технологий при рассмотрении сообщения о преступлении как один из способов совершенствования отечественного уголовно-процессуального законодательства может служить основой для развития нормативного правового регулирования внедрения технических новинок в уголовный процесс России.

Список литературы

1. Бертовский Л.В. Технология блокчейна в уголовном процессе как элемент цифрового судопроизводства // Проблемы экономики и юридической практики. 2017. № 6. С.226-230.

2. Захарова В.К. Применение современных медиакоммуникационных технологий в деятельности органов общественной безопасности и народной прокуратуры КНР // Академическая мысль. 2018. № 2 (3). С. 99-102.

3. Мичурина О.В. Искусственный интеллект против внутреннего убеждения: взгляд в будущее уголовного судопроизводства // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 3. С. 65-68

4. Смирнова И.Г., Алексеева Е.В. Обеспечение прав и законных интересов потерпевшего в ходе проверки сообщения о преступлении: сравнительно-правовой анализ УПК РФ и УПК КНР // Уголовная юстиция. 2021. № 17. С. 128-133.

5. Положения Верховного народного суда по ряду вопросов, касающихся рассмотрения дел интернет – судами Официальный сайт Верховного Народного суда Китайской Народной Республики URL: https://www.court.gov.cn/zixun-xiangqing-116981.html (дата обращения: 05.04.2022).

6. «Интернет и прокуратура» – исследование и результаты. URL: http://newspaper.jcrb.com/ html/2016-01/13/content_204512.htm (дата обращения: 05.04.2022).

7. 公安部关于改革完善受案立案制度的意见. Мнения об изменении и совершенствовании процедуры возбуждения уголовного дела. Официальный сайт Министерства общественной безопасности КНР. URL: http://www.mps.gov.cn/n-16/n1237/n1342/n803715/4946200.html.

Денисова М. Д.[1],
адъюнкт кафедры уголовного процесса
Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова

Научный руководитель:

Химичева О. В.,
начальник кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор юридических наук, профессор

О НЕОБХОДИМОСТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНА, РЕГЛАМЕНТИРУЮЩЕГО НАЛОЖЕНИЕ АРЕСТА НА ИМУЩЕСТВО

В процессе производства предварительного расследования по уголовным делам о преступлениях имущественного характера, с целью возмещения причиненного преступлением ущерба следователь или дознаватель часто прибегают к применению обеспечительных мер, одной из которых является наложение ареста на имущество.

На протяжении длительного периода времени обеспечительная мера в виде наложения ареста на имущество не теряет своей практической актуальности. Об этом свидетельствуют статистические данные МВД России: так в 2021 г. добровольно погашено, изъято денежных средств, ценностей, а также наложен арест на имущество на общую сумму 379 миллиардов рублей, что составило 68 % от причиненного ущерба [4].

Применяемый в процессе осуществления правоприменительной деятельности порядок наложения ареста на имущество регламентирован нормами Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [1] (далее – УПК), который был принят 22 ноября 2001 г., а именно статьями 115 и 115.1. Законодатель практически ежегодно вносит корректировки и дополнения в нормы, регулирующие наложение ареста на имущество в уголовном процессе. В период с 2002 г. по настоящее время в нормы, регулирующие наложение ареста на имущество, было внесено около 15 изменений и дополнений.

Однако внесенные изменения и дополнения не устраняют многих правоприменительных проблем, поэтому с момента принятия УПК и до настоящего времени в адрес процессуальных норм, регулирующих институт процессуального принуждения в виде наложения ареста на имущество, со стороны ученых-процессуалистов, а также практических работников высказано достаточно критических замечаний, говорящих о недостаточности, противоречивости либо пробельности правового института наложения ареста на имущество.

[1] © Денисова М. Д., 2022.

Неоднократные обращения Конституционного Суда Российской Федерации к рассмотрению норм о наложении ареста на имущество также высвечивают проблемы на практике и указывают законодателю на необходимость реформирования соответствующих норм УПК РФ.

В частности, недостаточную правовую регламентацию имеет срок действия наложенного ареста на имущество. На это нам указывает Конституционный Суд Российской Федерации в постановлениях № 1-П от 31 января 2011 г., а также № 25-П от 21 октября 2014 г. [2; 3].

В действующем УПК нет четко определенного срока действия наложенного ареста на имущество, продолжительность применения данной меры процессуального принуждения может регулироваться на основании норм ст. 162, 223, 226.6, 227 и 233 УПК. Данные статьи регламентируют сроки производства предварительного следствия и дознания по уголовным делам, а также сроки начала судебного разбирательства и полномочия судьи по уголовному делу, поступившему с обвинительным заключением.

Если данная мера принуждения применяется в отношении подозреваемого, обвиняемого или лиц, несущих по закону материальную ответственность за их действия, то арест на имущество сохраняет свое действие в течение всей продолжительности производства по уголовному делу. Не стоит забывать тот факт, что срок предварительного следствия только руководителем следственного органа субъекта может быть продлен до 12 месяцев и далее продление осуществляется вышестоящим руководителем. Здесь важно то, что все это время наложенные ограничения на имущество будут действовать.

Сроки судебного разбирательства также довольно продолжительные и, как правило, судьба арестованного имущества решается лишь по приговору суда. В судебных заседаниях внимания наложенному аресту часто не уделяется, если только собственник имущества не обратится в вышестоящий суд с жалобой на длительность наложенных ограничений. Но и в этом случае нет гарантий того, что наложенный арест будет отменен.

Учитывая, что предельные сроки предварительного расследования и судебного разбирательства ограничиваются лишь сроками давности, наложение ареста на имущество подчас носит продолжительный характер. Уголовно-процессуальный закон, конечно, обязывает суд и должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство, придерживаться разумных сроков при наложении ареста на имущество. Однако в данной ситуации разумный срок для каждого правоприменителя будет разный и какого-либо единства в этом вопросе нет.

Стоит обратить внимание на еще один момент. Действующий УПК не запрещает правоприменителям накладывать арест также на имущество третьих лиц, то есть тех, кто не является подозреваемым или обвиняемым по уголовному делу (ч. 3 ст. 115 УПК). Если обратиться к норме ч. 3 ст. 115 УПК, непосредственно посвященной данной мере процессуального принуждения, применяемой в отношении этой категории лиц, то там о сроке действия наложенного ареста на имущество мы видим следующее: арест должен налагаться с учетом срока предварительного следствия по уголовному делу, а также с учетом времени, необходимого для передачи уголовного дела в суд.

Иными словами, данная мера хоть и имеет срочный, но недостаточно определенный характер. Ввиду отсутствия нормативно закрепленного срока действия наложенного ареста применение данной меры процессуального принуждения в отношении указанных лиц, не причастных к расследуемому преступлению, создает предпосылки нарушения их процессуальных прав и обязанностей. Поскольку лицо, не имеющие процессуального статуса, не имеет доступ к материалам уголовного дела, следовательно, оно не может и отследить сроки предварительного расследования и сроки действия наложенных ограничений на имущество.

Также нельзя на отметить, что третьи лица не могут контролировать сроки действия наложенных ограничений на их имущество и в процессе рассмотрения уголовного дела в суде. Поскольку данную категорию граждан не допускают к участию в судебному разбирательстве по уголовному делу, мотивируя это тем, что они не указаны среди участников уголовного судопроизводства, которые регламентированы гл. 6-8 УПК.

Как уже ранее упоминалось, сроки предварительно следствия и дознания, а также судебного разбирательства по уголовному делу могут быть достаточно продолжительными. В большинстве случаев суд не придает значения действующему аресту на имущество, до тех пор, пока по уголовному делу не будет принято итоговое решение (вынесение обвинительного приговора, либо постановление о прекращении уголовного дела).

Это будет происходить до тех пор, пока на законодательном уровне не разрешится проблема защиты прав третьих лиц. Конституционный Суд Российской Федерации в своем постановлении № 25-П от 21 октября 2014 г. указывал законодателю внести изменения, касающиеся ограничения срока применения наложенного ареста на имущество. Однако следует отметить, что до настоящего времени законодатель не внес соответствующие изменения, если не считать отмеченной выше неопределенной нормы ч. 3 ст. 115 УПК, а также ст. 115.1 УПК, предусматривающей продление срока применения наложения ареста на имущество.

В уголовно-процессуальном законе отсутствует четкий алгоритм действий с арестованным имуществом в случаях приостановления предварительного следствия по основаниям, изложенным в статье 208 УПК, что также неразрывно связано со сроками применения данной меры процессуального принуждения. Законодатель предлагает два варианта действий с арестованным имуществом.

Первый вариант – это обратиться в суд с ходатайством о продлении срока действующего ареста на имущество. Однако тут имеется один нюанс. Срок действия меры процессуального принуждения ограничивается сроками предварительного расследования по уголовному делу, но в случае приостановления производства по уголовному делу срока предварительного следствия у нас нет и фактически действие наложенных ограничений должно быть приостановлено. В данной ситуации правоприменители поступают «хитрым» образом: обращаются в суд ходатайством о продлении действия наложенного ареста, не предоставляя в суд копии движения уголовного дела (процессуальных сроков); суд удовлетворяет данное ходатайство и наложенный арест продолжает свое действие, но уже

за сроками предварительного следствия. Такие действия должностных лиц являются грубейшим нарушением процессуальных прав лиц, чье имущество подвергнуто аресту. Недопущение подобного рода нарушений возможно с внесением изменений в действующее законодательство, касаемо сроков действия наложенного ареста на имущество.

Вторым вариантом действий правоприменителя в случае приостановления производства по уголовному делу является отмена наложенного ареста. Отмена наложенного ареста в случае приостановления производства по уголовному делу, на наш взгляд, самая логичная мера, поскольку в данном случае не будут ограничиваться процессуальные права граждан. Подводя итог вышесказанному, мы видим, что в нормативном регулировании наложения ареста на имущество имеются пробелы, которые в процессе осуществления правоприменительной деятельности приводят к нарушению процессуальных прав участников уголовного судопроизводства. Избежать нарушений процессуальных прав граждан возможно только с внесением изменений в действующий уголовно-процессуальный закон. В качестве таковых можно предложить следующее:

– приостанавливать срок действия наложенного ареста на имущество вместе со сроком предварительного следствия или дознания по уголовному делу;

– закрепить в нормативно-правовых актах обязанность должностного лица предоставлять в суд копии движения по уголовного дела с целью недопущения продления срока ареста на имущество за сроком следствия или дознания;

– нормативно закрепить срок действия наложенного ареста, например, не более 6 месяцев.

Так же в заключение хотелось бы отметить, что рассмотренные пробелы в уголовно-процессуальном законодательстве не являются исчерпывающими.

Список литературы

1.Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : федер. закон : [от 18 декабря 2001 № 174-ФЗ : с изменениями и дополнениями] : справочная правовая система КонсультантПлюс.

2. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 21 октября 2014 г. № 25-П по делу о проверке конституционности положений частей третьей и девятой статьи 115 уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами общества с ограниченной ответственностью «Аврора малоэтажное строительство» и граждан В. А. Шевченко и М. П. Эйдлена : справочная правовая система КонсультантПлюс.

3. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 31 января 2011 г. № 1-П по делу о проверке конституционности положений частей первой, третьей и девятой статьи 115, пункта 2 части первой статьи 208 уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и абзаца девятого пункта 1 статьи 126 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве) в связи с жалобами открытого акционерного общества «Недвижимость-М», общество с ограниченной ответственностью «Соломатинское хлебоприемное предприятие» и гражданки Л.И. Костаревой : справочная правовая система КонсультантПлюс.

4. Статистика МВД РФ // Режим доступа: мвд.рф

Духвалова И. Г.[1],
слушатель факультета заочного обучения
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя
Научный руководитель:
Мичурина О. В.,
профессор кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор юридических наук, профессор

ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР ЗА ЗАКОННОСТЬЮ И ОБОСНОВАННОСТЬЮ ПРИОСТАНОВЛЕНИЯ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ

Понятие приостановления предварительного следствия традиционно выражается в науке уголовного процесса через использование термина «временный перерыв». При этом стоит отметить, что приостановление предварительного следствия не означает прекращение всей процессуальной деятельности следователя. Наоборот, она предусматривает осуществление следователем определенных мер, направленных на устранение обстоятельств, способствовавших приостановлению расследования для соблюдения одного из основных принципов уголовного судопроизводства – разумного срока уголовного судопроизводства.

Отсюда важно надлежащим образом обеспечить законность и обоснованность решения о приостановлении предварительного следствия. Это способствует защите конституционных прав и свобод человека и гражданина, а также охране действующим законодательством правоотношений, складывающихся в ходе уголовно-процессуальной деятельности.

Прокурорский надзор за процессуальной деятельностью следователя осуществляется с целью выявления имеющихся нарушений и проверки принимаемых им решений на предмет их соответствия нормам закона. Деятельность прокурора по осуществлению надзора за процессуальными полномочиями органов предварительного следствия можно определить посредством двух основных направлений: выявление как самих нарушений, так обстоятельств, способствовавших их образованию, а также мероприятий, направленных на устранение выявленных. В качестве средств, используемых для осуществления своих полномочий прокурор использует меры уголовно-процессуального воздействия, используя при этом комплексный подход.

И. М. Кунов предлагает выделить четыре этапа, характеризующие прокурорский надзор в рамках приостановленного предварительного следствия [1, с. 3]. Так, на первом этапе следователь выносит постановление о приостановлении предварительного следствия.

Второй этап определяет получение копии постановления о приостановлении предварительного следствия прокурором. В соответствии с действующим зако-

[1] © Духвалова И. Г., 2022.

нодательством временных рамок предоставления этого процбессуального документа прокурору не обозначено. По нашему мнению, это является определенного рода недостатком.

В ходе третьего этапа прокурор определяет законность и обоснованность принятого следователем решения. В этот период полагаем признать целесообразным истребования материалов дела у следователя для принятия суждения надзорным органом о правомерности. Обстоятельства, на которые нужно обратить внимание прокурору: многочисленные решения об отмене приостановлении или о приостановлении предварительного следствия, а также жалобы заинтересованных лиц. Полнота истребования материалов уголовного дела по его внутреннему убеждению в зависимости от конкретных фактов уголовного дела. Стоит отметить, что довольно сложно определить пределы самой проверки, поскольку анализируются как основания, предшествующие приостановлению предварительного следствия, так и сами основания, способствующие принятию подобного решения.

В соответствии с действующим законодательством следователь: обязан принять все возможные меры, направленные на установление лица, совершившего общественно опасное противоправное деяние; осуществить весь комплекс следственных мероприятий, производство которых возможно при отсутствии подозреваемого и обвиняемого; разрешить вопросы относительно имущества подозреваемого или обвиняемого (наложение ареста, отмена ареста, подтверждение о получении данного имущества преступным путем или использования его в качестве орудия совершения преступления); принимает решение о применении мер пресечения.

Также происходит анализ того, насколько точно была соблюдена позиция относительно устранения обстоятельств, препятствующих расследованию. Таким образом прокурор определяет не только сами факты, способствующие принятию решения о приостановлении предварительного следствия, но также законность, обоснованность его.

Четвертый этап – это вынесение заключения прокурором относительно оправданности приостановления предварительного следствия. Оно вместе с материалами уголовного дела отправляется руководителю следственного органа, а потом подлежит приобщению к материалам уголовного дела. Нередко именно в порядке прокурорского надзора выявляются факты несоответствия решения о приостановлении предварительного следствия тем основаниям, что указаны в законе. Именно учитывая значимость прокурора в ч. 2 ст. 208 УПК РФ закреплена обязанность следователя направлять постановление о приостановлении предварительного следствия прокурору. При обнаружении незаконных и необоснованных оснований приостановления предварительного следствия прокурор отменяет принятое решение.

В соответствии со статистическими данными, представленными ФКУ «ГИАЦ МВД России», с января по октябрь 2021 г. было зарегистрировано 1705,8 тыс. преступлений (меньше на 1,9 % по сравнению за аналогичный период прошлого года), из них нераскрытыми являются 712,5 тыс. преступлений (меньше на 1,7 % по сравнению за аналогичный период прошлого года). Из них

698,1 тыс. преступлениями (-0,8 %) являются преступления, нераскрытыми в виду не установлению лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого [5]. Таким образом, анализируя эти данные можно заметить, что нераскрытых преступлений за период с января по октябрь 2021 г. составляет 41,7 % от общего числа зарегистрированных преступлений, в том числе доля преступлений, нераскрытых в виду не установлению лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого составляет 97.9 %. Согласно п. 1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ это одно из оснований приостановления предварительного расследования.

В соответствии с Федеральным законом от 05.06.2007 № 87-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» произошло существенно разделение контрольно-надзорных полномочий за деятельностью следователя. В настоящее время процессуальное руководство за его действиями в большей степени возложено на руководителя следственного органа.

Вместе с тем, нельзя сказать о полной ликвидации прокурорского надзора за деятельностью органов предварительного следствия. Перед прокурорским надзором в этой сфере поставлена задача сохранения процессуальной самостоятельности следователя, с одной стороны, а также соблюдение прав и свобод граждан, с другой. Прокурор продолжает выявлять и устранять нарушения, допущенные следственными органами. Прокурор осуществляет свой надзор постоянно, непрерывно (с момента возбуждения уголовного до передачи уголовного дела в суд). И поэтому ему надо законодательно закрепить право истребовать различные материалы, необходимые для тщательной проверки законности процессуальной деятельности органов предварительного следствия.

Между тем, на деле непосредственным инициатором проверки принятого решения о приостановлении предварительного следствия является следователь, поскольку, направляя соответствующее постановление, предполагается, что прокурор изучит материалы дела и соответствующее постановление на предмет значимых критериев – законности и обоснованности. Однако, в законе четко не обозначены те временные рамки, в которые следователь обязан направить прокурору копию соответствующего постановления, что, как справедливо замечают исследователи, следует признать серьезным пробелом, поскольку данное обстоятельство в разы снижает эффективность деятельности прокуратуры в данном случае [2, с. 86].

Перечислим ряд значимых обстоятельств, подлежащих проверке в порядке прокурорского надзора при принятии следователем решения о приостановлении предварительного следствия: были ли выполнены следователем все необходимые для расследования конкретного уголовного дела следственные действия до вынесения соответствующего постановления; своевременно ли вынесено соответствующее постановление; были бы даны следователем необходимые указания органам дознания о принятии мер для розыска лица, скрывшегося от органов следствия или местонахождение которого неизвестно (в том случае, если решение о приостановлении принимается на основании п. 2 ч. 1 ст. 208 УПК РФ); осуществляется ли следователем деятельность, направленная на устранение тех

обстоятельств, в соответствии с которыми было приостановлено предварительное расследование уголовного дела.

Актом прокурорского реагирования в данном случае является отмена незаконного и необоснованного постановления о приостановлении предварительного следствия и вынесения постановления о возобновлении производства по уголовному делу. Также, прокурором предоставляются следователю письменные указания об устранении недостатков, допущенных им в процессе расследования.

Кроме того, нестабильная санитарно-эпидемиологической ситуация в мире, вызванная распространением новой инфекции – коронавируса изменила привычный уклад жизни всего человечества. На данный момент активно идет применение различных платформ с применением информационно-коммуникационных технологий, а также изучение юристами различных направлений новой программы Cloud Video Platform (CVP) [3, с. 144].

Перспективно также развитие, с нашей точки зрения, цифровизации прокурорского надзора. В этом случае можно отметить более эффективный документооборот и баз данных, дистанционный доступ к интересующей и запрашиваемой информации, а также аудиопротоколирование. Мы считаем, что, используя подобный метод контроля можно существенно уменьшить нарушения действующего законодательства. Ведь у прокурора будет возможность получить электронный доступ к материалам уголовного дела, а у участников уголовного судопроизводства – дистанционно оформить жалобу по поводу неправомерных действий органов дознания и органов предварительного следствия. Планируется включение цифровой системы органов прокуратуры в общую систему электронного межведомственного документооборота. Тем самым будет обеспечено тесное взаимодействие между различными государственными органами, судом, прокуратурой и участниками уголовного судопроизводства посредством электронного документооборота.

Генеральный прокурор Российской Федерации И.В. Краснов по итогам работы органов прокуратуры в первом полугодии 2021 г. отметил, что имеется положительная динамика при осуществлении надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного расследования и дознания: увеличения на 2,3 % количества оконченных производством дел, на 5,2 % – направленных в суд. Сократилось на 1,3 % число уголовных дел, расследованных в срок свыше установленного законом, на 3,6 % – приостановленных производством, на 4,4 % – возвращенных прокурорами для производства дополнительного расследования [5].

В заключении хотелось бы сделать вывод, что деятельность прокурора по установлению законности и обоснованности решения о приостановлении предварительного следствия является сложной, предполагающей как выполнение прокурором процессуальных действий, так и принятие процессуальных решений, в том числе применение прокурором мер реагирования. Прокуратур попрежнему играет важную роль в институте приостановления предварительного следствия и его возобновления, осуществляя значимые функции по выявлению имеющихся нарушений и пробелов в проведенном расследовании. Однако его

деятельность, несмотря на имеющееся нормативное регулирование, еще нуждается в дальнейшем совершенствовании.

Список литературы

1. Кунов И. М. Процессуальная деятельность прокурора по проверке законности приостановления уголовных дел нуждается в совершенствовании // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2017. № 6-7. С. 140–144.

2. Малиненко М. К. Проблемы обеспечения прокурорского надзора за законностью предварительного следствия // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2014. № 1. С. 84–89.

3. Попов А. А. Организация прокурорского надзора за исполнением законов при производстве предварительного следствия: дисс. … канд. юрид. наук. М., 2020.

4. URL: https://мвд.рф/reports/item/27024130/ (дата обращения: 15.03.2022).

5. URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/mass-media/news?item=64046867 (дата обращения: 25.03.2022).

Евсеева Н. С.[1]**,**
курсант Международно-правового факультета
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя
Шишов В. В.[2]**,**
старший преподаватель кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России имения В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ПРИНЦИПА РАВЕНСТВА ВСЕХ ПЕРЕД ЗАКОНОМ В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ГОСУДАРСТВ-УЧАСТНИКОВ СНГ

Распад Союза Советских Социалистических Республики повлек за собой возникновение ряда проблем, требующих нормативного правового регулирования, что послужило предпосылкой создания Содружества Независимых Государств (далее – СНГ).

Статья 2 Устава СНГ предусматривает, что одной из целей Содружества является взаимная правовая помощь и сотрудничество в других сферах правовых отношений [2]. В этой связи, законотворческими органами государств-участников СНГ разработаны нормативные правовые акты, в том числе и Модельный Уголовно-процессуальный кодекс для государств-участников СНГ, принятый 17 февраля 1996 г. (далее – Модельный УПК) [1].

Как и любые правоотношения, уголовно-процессуальные основываются на принципах. Одним из принципов Модельного УПК является «Принцип равенства всех перед законом», который, как представляется, является наиболее важным, поскольку общество всегда стремилось к созданию равных условий для его участников в правоотношениях.

Не случайно Н.В. Романенко заметила, что принцип равенства всех перед законом заключается «в беспристрастном, объективном, не допускающем исключений отношении к участникам уголовного процесса суда любого звена судебной системы, а также любой инстанции, в лице любого судьи или присяжного заседателя, непосредственно участвующих в единоличном или коллегиальном составе в отправлении правосудия с целью разрешения споров о праве, иных вопросов при отсутствии спора о праве, выполнения судебного контроля на любой стадии досудебного или судебного производства по уголовному делу» [14, с. 10].

Отсутствие в настоящее время правовой регламентации принципа равенства всех перед законом в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации, вызывает ряд вопросов, как в научных кругах, так и у правоприменителей. Как представляется, отсутствие этого принципа в УПК Российской Федерации вызвано, прежде всего, наличием большого количества особенностей уголовного преследования отдельных категорий лиц, нашедших свое отражение в главе 52

[1] © Евсеева Н. С., 2022.
[2] © Шишов В. В., 2022.

УПК Российской Федерации. П. О. Панфилов полагает, что «сами по себе особенности производства по отдельным категориям уголовных дел не свидетельствуют об исключениях положений о равенстве всех перед законом» [13, с. 120]. Однако, как справедливо заметил С.С. Безруков, «правовая регламентация принципа равенства всех перед законом и судом обусловлено предписаниями международного права и Конституции России» [12, с. 18]. В этой связи, несмотря на регламентацию принципа равенства перед законом и судом в статье 19 Конституции Российской Федерации, законодателю все же следует регламентировать его и в рамках уголовно-процессуальной деятельности в Главе 2 УПК Российской Федерации.

Принцип равенства всех перед законом, регламентированный в статье 13 Модельного Уголовно-процессуального кодекса СНГ, состоит из норм, предусматривающих, что все равны перед органами уголовного преследования, судом и законом, которые не должны отдавать предпочтения участникам судопроизводства по признакам их государственной, социальной, половой, расовой, национальной, языковой, политической, религиозной принадлежности, в зависимости от их происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства и места нахождения, убеждений, а равно и по другим не основанным на законе соображениям; особые условия уголовного преследования депутатов определяются Конституцией, Модельным УПК и другими законами независимого государства [1].

Положения рассматриваемого принципа нашли свое отражение в Уголовно-процессуальных кодексах государств-участников Содружества Независимых государств (далее – СНГ).

Так, ст. 11 УПК Азербайджанской Республики [2] предусмотрен принцип «Равенства каждого перед законом и судом», которой в целом соответствует нормам, предусмотренным ст. 13 Модельного кодекса, однако значительно расширяет круг субъектов, в отношении которых допускаются особые условия уголовного преследования. К ним относятся: Президент, в том числе и в отставке, или его (ее) супруга, депутат законодательного органа власти, Премьер-министр, Уполномоченный по правам человека, члены Судебно-правового совета и судьи.

Уголовно-процессуальное законодательство Республики Армения также предусматривает в статье 8 УПК Республики Армения [3] принцип «Равенства всех перед законом», который содержит лишь указание на то, что все равны перед законом и защищены им одинаково. Иных положений, предусматривающих предоставление преимуществ отдельным участникам уголовного судопроизводства УПК Республики Армения не содержит.

В Республике Беларусь, как представляется, наиболее полно отражены идеи, заложенные Модельным УПК. Статья 20 УПК Республики Беларусь «Равенство граждан перед законом и равенство защиты их прав и законных интересов» [4] в частях первой и второй содержит схожие положения со ст. 13 Модельного УПК, однако в части третьей содержит указание на некоторые исключения, которые могут быть применены в отношении отдельных категорий лиц, перечень которых в статье не приводится. Интерес представляют нормы, предусмотренные частями 4 и 5 ст. 20 УПК Республики Беларусь, о праве каждого на юридическую

помощь адвокатов и других представителей в ходе производства как по материалам, так и по уголовным делам, в том числе за счет государственных средств.

УПК Республики Казахстан в статье 21 предусматривает принцип «Осуществления правосудия на началах равенства перед законом и судом» [5], который в целом отражает нормы, закрепленные в статье 13 Модельного кодекса, однако содержит указание о возможности некоторых лиц, обладающих привилегиями или иммунитетами от уголовного преследования. Перечень указанных лиц в статье не приводится, однако анализ УПК позволяет установить наличие главы 57 «Особенности производства по делам лиц, обладающих привилегиями и иммунитетом от уголовного преследования», в которой закреплены следующие субъекты, в отношении которых применяются особые условия уголовного преследования: депутат Парламента (ст. 547), кандидат в Президенты, кандидат в депутаты Парламента (ст. 548), Председатель или член Конституционного Совета (ст. 549), судьи (ст. 550), Генеральный прокурор (ст. 551), Уполномоченный по правам человека (ст. 551-1), лица, обладающие дипломатическим иммунитетом от уголовного преследования (ст. 553).

В Уголовно-процессуальном кодексе Кыргызской Республики в статье 18 регламентирован принцип «Принцип осуществления уголовного судопроизводства на основе равноправия и состязательности сторон», который содержит в себе объединения норм, предусмотренных отдельными статьями Модельного УПК, – принципа «Равенства всех перед законом» (ст. 13) и «Состязательности уголовного судопроизводства» (ст. 28) [6]. Анализ ст. 18 Кыргызской Республики позволяет сделать вывод о том, что она не содержит указания на наличие каких-либо предпочтений отдельным участникам уголовного судопроизводства по определенным признакам, а также наличие особых условий уголовного преследования депутатам, однако ст. 494 УПК Кыргызской Республики определены категории лиц, в отношении которых применяется особый порядок. К указанным субъектам следует отнести: Президента Республики, отрешенного от должности законодательным органов государственной власти, экс-президента Республики, депутата законодательного органа государственной власти, Председателя и членов Кабинета Министров, Генерального прокурора, судью, в том числе экс-судью, председателя Счетной палаты Республики, председателя Национального банка Республики, Председателя и члена Центральной комиссии по выборам и проведению референдумов Республики, Уполномоченного по правам человека Республики и его заместителя, адвоката.

Статья 9 УПК Республики Молдова предусматривает принцип «Равенства перед законом и властями» [7], который включает в себя идеи, заложенные Модельным УПК, однако не раскрывает перечень субъектов, в отношении которых допускаются особые условия уголовного преследования. Анализ Конституции Республики Молдова [8] позволяет отнести к особым субъектам, обладающим неприкосновенностью Президента и депутата Парламента Республики Молдова.

Аналогичным образом отражен принцип «Равенства граждан перед законом и судом» в ст. 16 УПК Республики Таджикистан [9], а также принцип «Осуществления правосудия на началах равенства граждан перед законом и судом» в

ст. 16 УПК Республики Узбекистан [10], которые не содержат перечня лиц, в отношении которых допускаются особые условия уголовного преследования.

Таким образом, анализ уголовно-процессуального законодательства государств-участников Содружества Независимых Государств позволяет сделать вывод о регламентации принципа «Равенства всех перед законом» Модельного УПК. Законодательство Республики Азербайджан, Республики Беларусь, Республики Казахстан в наибольшей степени отражают идеи, заложенные Модельным кодексом СНГ. Норма о равенстве всех перед законом УПК Кыргызской Республики не является самостоятельным и включен в общий принцип «Осуществление уголовного судопроизводства на основе равноправия и состязательности сторон». В остальных государствах прослеживается ограничительное восприятие в национальном законодательстве норм Модельного УПК в части регламентации принципа «Равенства всех перед законом», что, возможно, связано с особенностями развития национального законодательства.

Вместе с тем, представляется необходимым и внести изменения в часть 3 статьи 13 Модельного УПК, согласно которой особые условия уголовного преследования предусматриваются лишь для депутатов. Анализ уголовно-процессуального законодательства государств-участников СНГ показывает о расширении перечня лиц, в отношении которых допускается применение особых условий уголовного преследования: Президент (Республики Азербайджан, Казахстан, Молдова), Президент, прекративший свои полномочия (Республика Азербайджан), кандидат в Президенты (Республика Казахстан), Уполномоченный по правам человека, судьи (Республика Азербайджан и Казахстан). Ввиду того, что в указанных государствах, как и в Российской Федерации особые условия уголовного преследования применяются к общей группе субъектов, предлагается выделить их следующим образом: депутаты, члены законодательных (представительских) органов государственной власти, а также кандидаты на указанные должности; судьи, Уполномоченные по правам человека; Глава государства, Глава государства, прекративший свои полномочия, а также кандидат на должности Главы государства.

Представленные изменения позволят объединить практику привлечения к уголовной ответственности в отношении лиц, к которым применяются особые условия уголовного преследования, повысят эффективность межгосударственного взаимодействия в условиях оказания правовой помощи.

Список литературы

1. Модельный Уголовно-процессуальный кодекс для государств – участников Содружества Независимых Государств (принят постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств в г. Санкт-Петербурге 17.02.1996 г. // ИС «Континент». URL: http://continent-online.com/(дата обращения 25.02.2022);

2. Уголовно-процессуальный кодекс Азербайджанской Республики (утвержден Законом Азербайджанской Республики от 14.07.2000 г. № 907-IQ). // ИС «Континент». URL: http://continent-online.com/ (дата обращения 25.02.2022).

3. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Армения от 01.07.1998 г. № ЗР-248. // Официальный сайт Национального Собрания Республики Армения. URL: http://www.parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=1450&lang=rus (дата обращения 07.02.2022 г.).

4. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16.07.1999 г. № 295-З // ИС «Континент». URL: http://continent-online.com/ (дата обращения 25.02.2022).

5. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 04.07.2014 г. № 231-V // ИС «Континент». URL: http://continent-online.com/ (дата обращения 25.02.2022).

6. Уголовно-процессуальный кодекс Кыргызской Республики, введенным Законом Кыргызской Республики от 28.10.2021 г. № 129 // ИС «Континент». URL: http://continent-online.com/ (дата обращения 25.02.2022).

7. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Молдова от 14.03.2003 г. № 122-XV // ИС «Континент». URL: http://continent-online.com/ (дата обращения 25.02.2022).

8. Конституция Республики Молдова от 29.07.1994 г. // ИС «Континент». URL: http://continent-online.com/ (дата обращения 25.02.2022).

9. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан от 03.12.2009 // ИС «Континент». URL: http://continent-online.com/ (дата обращения 25.02.2022).

10. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Узбекистан от 22.09.1994 г. № 2013-XII // ИС «Континент». URL: http://continent-online.com/ (дата обращения 25.02.2022).

11. Устав Содружества Независимых Государств от 22.01.1993 г. Ратифицирован постановлением Верховного Совета РФ от 15.04.1993 г. N 4799-1 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 25.02.2022).

12. Безруков С.С. Принципы уголовного процесса: дисс. … докт. юрид. наук. М. – 2016. – 513 с.

13. Панфилов П. О. О реализации принципа равенства всех перед законом и судом при производстве по уголовным делам о преступлениях в сфере экономической и предпринимательской деятельности // ЮП. 2017. №1 (80). С. 117-123.

14. Романенко Н.В. Реализация принципа равенства перед законом и судом при осуществлении уголовного судопроизводства в отношении представителей власти: дисс. … канд. юрид. наук. Екб. – 2014. – 221 с.

Звонарева Ю. И.[1]**,**
слушатель факультета заочного обучения
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель

Мичурина О. В.,
профессор кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор юридических наук, профессор

ОБ ОТДЕЛЬНЫХ ПРОБЛЕМАХ ЭЛЕКТРОННЫХ ДОКУМЕНТОВ КАК ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ

В уголовно-процессуальном законе России пусть недостаточно широко, но все же предусмотрена возможность использования электронных документов. Так, в ч. 2 ст. 474 УПК РФ говорится о возможности выполнения процессуальных документов не только типографским, но электронным или иным способом, а в ст. 474.1 УПК РФ раскрывает порядок использования электронных документов в уголовном судопроизводстве. Однако такая возможность реализуется исключительно в ходе судебного производства. Что же касается подобных возможностей для досудебного производства, то в ч. 4 ст. 81 УПК РФ указывается на изъятые в ходе досудебного производства, но не признанные вещественными доказательствами предметы, включая электронные носители информации, и документы подлежащие возврату лицам, у которых они были изъяты, а в ст. 81.1 УПК РФ раскрывается порядок признания предметов и документов, в том числе электронных носителей информации, вещественными доказательствами по уголовным делам о преступлениях в сфере экономики. Статья 164.1 УПК РФ раскрывает особенности изъятия электронных носителей информации и копирования с них информации при производстве следственных действий. Кроме того, ч. 7 ст. 185 УПК РФ позволяет следователю по решению суда проводить осмотр и выемку сведений, при наличии достаточных оснований полагать, что сведения, имеющие значение для уголовного дела, могут содержаться в электронных сообщениях или иных передаваемых по сетям электросвязи сообщениях.

По справедливому мнению М. П. Полякова, нормы УПК РФ подробно регламентируют каждую процедуру, производимую в ходе взаимодействия участников уголовного судопроизводства, чего нельзя сказать о нормах, которые в настоящее время содержат положения об электронном документообороте и электронных документах как доказательствах. В уголовно-процессуальном законе имеются лишь отсылки и упоминание общего плана относительно использования процессуальных документов в электронном формате [3, с. 135–145].

Между тем, зарубежные страны более активно развиваются в этом направлении. Примером может служить наш ближайший сосед – Республика Казахстан.

[1] © Звонарева Ю. И., 2022.

В 2020 г. в УПК РК внесены дополнения, позволяющие вести уголовное дело полностью в электронной форме. При этом сохраняется и оформление производства по уголовному делу на бумажных носителях. Для осуществления электронного судопроизводства создана информационная система «Единый реестр досудебных расследований» (ИС ЕРДР), содержащая модуль «Электронное уголовное дело», а также функционал «Публичный сектор», позволяющий участникам уголовного процесса получать удаленный доступ к материалам электронного уголовного дела [4, с. 297]. Таким образом, орган расследования сам может определять форму предварительного расследования – бумажную или электронную.

Что же касается имплементации подобного опыта в среду российского уголовного судопроизводства, то тут было бы существенным не допустить двойного копирования (одновременно в бумажном варианте и в электронной форме), делая двойную работу. Важно не загромождать данную процедуру подписями иных должностных лиц. Следователь (дознаватель) должен принимать самостоятельно решение, учитывая мнения участников уголовного процесса, выносит соответствующее постановление о производстве предварительного расследования (предварительного следствия или дознания) в электронной форме или на «традиционном» бумажном носителе. При вынесении постановления о производстве предварительного расследования в электронной форме – следователь (дознаватель) могли бы переносить все материалы уголовного дела на защищенную электронную площадку.

Отличным примером защищенной электронной площадки может служить сайт предоставления государственных услуг https://www.gosuslugi.ru/. Характерным примером может служить реализуемая практика осуществление государственных закупок. Так, для осуществления закупок в соответствии с Федеральным законом «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» от 05.04.2013 № 44-ФЗ и Федеральным законом «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» от 18.07.2011 № 223-ФЗ, поставщику или заказчику необходимо иметь квалифицированную цифровую подпись, а также быть зарегистрированным на Портале Государственных услуг как должностному лицу (руководителю юридического лица). То есть поставщик или заказчик заходит на сайт Государственных услуг и выбирает соответствующую роль. Если он захочет записаться к врачу, решить иные жизненные ситуации в государственных органах, поставщик или заказчик входит на Портал https://www.gosuslugi.ru/ как частное лицо. Однако, если поставщик или заказчик будет участвовать в закупках, то на Портал https://www.gosuslugi.ru/ он заходит как должностное лицо.

Данная площадка могла бы использоваться для уголовного судопроизводства, где при помощи электронной подписи следователь (дознаватель), руководители в сфере дознания и предварительного следствия, прокуроры, судьи, имели доступ к электронному уголовному делу. В свою очередь, каждый пользователь электронной площадки оставлял бы за собой электронные следы, и это давало бы возможность отследить любые действия пользователя. Кроме того, в

аспекте доступа к уголовному делу нельзя не заметить целесообразность раздельного доступа каждого должностных лиц и других участников уголовного судопроизводства.

В судебной системе России с 2004 г. существуют электронные интернет-приемные. Постепенно вся судебная система успешно переходит на электронный вариант правосудия.

Между тем, в понимании правовой природы электронных доказательств ощущается нехватка четкого представления. Острыми проблемами при рассмотрении данного вопроса на сегодняшний день являются, во-первых, отсутствие необходимых навыков для своевременного изъятия и фиксации электронных документов, которые впоследствии будут признаны электронными доказательствами. Во-вторых, отсутствие технических знаний у должностных лиц (сотрудников полиции, юстиции), и в целом, отсутствие IT-специалистов на местном уровне. Последнее наиболее актуально еще и с появившейся недавно возможностью применения средств видеоконференц-связи при производстве отдельных следственных действий. Как нам представляется, участие специалиста в и этой процедуре тоже потребуется.

Что же касается электронных документов, то рассматривая порядок их приобщения к уголовному делу в качестве доказательств, В.Д. Нечаев задался вопросом: выступает ли копирование информации с электронных носителей самостоятельным процессуальным действием или лишь частью следственного действия? [1, с. 449–450].

Нам представляется, что копирования информации с электронного носителя правомерно признать отдельным следственным действием ввиду того, что копию, записанную с электронного носителя, можно подвергнуть сомнению из-за низкого битрейта (количество бит, используемых для передачи или обработки данных в единицу времени). При утрате оригинала и сделанной некачественной копии, восстановить оригинал надлежащего качества из копии будет невозможно. Соответственно к данному следственному действию можно привлечь специалиста, но в условиях нового времени следователь (дознаватель) сам может иметь соответствующее образование или навыки, что значительно ускорит весь процесс.

При появлении электронной базы с электронными уголовными делами и в ходе проверки электронного уголовного дела, уполномоченные пользователи (должностные лица) будут копировать информацию или делать скриншоты документов, что не будет являться уголовно-процессуальным действием. При ведении электронного уголовного дела также пропадет необходимость проведения отдельного следственного действия как ознакомление потерпевшего (представителя потерпевшего), подозреваемого, обвиняемого, защитника с материалами уголовного дела. Участники электронного уголовного дела смогут иметь доступ к материалам электронного уголовного дела, подавать жалобы и ходатайства.

В результате появления электронных доказательств начинает развиваться новая уголовно-процессуальная информационная технология в законодательстве, способная составить конкуренцию технологии, основанной на формальной логике, усиленной традиционной письменностью [2, с. 695–707].

Эффективность работы следователя и дознавателя с электронными доказательствами, их собирание, проверка и оценка напрямую зависят от необходимости законодательного закрепления правил производства следственных и процессуальных действий в дистанционном формате, порядка составления электронных процессуальных документов, в том числе введением электронного уголовного дела, а также жестких требований информационной безопасности и хранения, которые бы одновременно не усложняли, а упрощали уголовный процесс. Мы надеемся, что со временем обозначенные нами проблемы, их понимание и применение будут устранены в ходе следственно-судебной практики.

Список литературы

1. Нечаев В. Д. Проблемы использования электронных доказательств в уголовном процессе. Текст : непосредственный // Молодой ученый. 2021. № 18 (360). С. 449-450. URL: https://moluch.ru/archive/360/80640. (дата обращения: 25.03.2022 г.).

2. Пастухов П. С. «Электронные доказательства» в нормативной системе уголовно-процессуальных доказательств // Пермский юридический альманах. 2019. № 2. С. 695-707.

3. Поляков М. П., Смолин А. Ю. Концептологический анализ феномена электронных доказательств // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2019. № 2 (46). С. 135-145.

4. Щерба С. П., Чащина И. В // Использование электронных доказательств в уголовном процессе государств – участников СНГ. С. 297. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_45759688_26422860.pdf (дата обращения: 25.03.2022).

Кожемякина О. С.[1]***,***
курсант факультета подготовки сотрудников
для подразделений по охране общественного порядка
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя
Научный руководитель
Золотухин Н.А.,
старший преподаватель кафедры уголовного процесса
Московского Университета МВД России имени В.Я. Кикотя

РАССМОТРЕНИЕ НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМНЫХ ВОПРОСОВ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ В РОССИИ

Совершенно очевидно, что от качества предварительного расследования зависит объективное рассмотрение уголовного дела по существу и вынесение по нему окончательного и справедливого решения. Предварительное расследование в течение всей истории России постоянно развивается, модернизируется. Конечной целью проводимых реформ всегда является повышение качества предварительного расследования. Несмотря на это, в настоящее время в сфере предварительного расследования остаются нерешенными большое количество вопросов, возникающих с развитием нашего общества. Предварительное следствие и дознание всегда нуждаются в постоянном совершенствовании. Для того, чтобы выбрать оптимальную форму производства по уголовному делу, необходимо найти наиболее эффективный способ, который максимально выгодно будет отражаться на раскрытии и расследовании преступлений.

В последние годы деятельность органов внутренних дел по предотвращению, раскрытию и расследованию преступлений не соответствует уровню, предъявляемому государством и обществом. В ходе ежегодного расширенного заседания коллегии Министерства внутренних дел, Президент России в своей речи заострил внимание на отрицательных показателях деятельности ведомства, особо акцентировав внимание на повышении качества предварительного расследования, как в форме следствия, так и дознания.

В настоящее время можно отметить наличие ряда трудностей правового регулирования предварительного расследования, которые требуют своего разрешения.

Одной из проблем в рассматриваемой сфере является та, которая связана с участием защитника в стадии предварительного расследования, а именно наиактуальнейшая проблема предварительного расследования связана с участием защитника в процессе сбора доказательств. В соответствии с Конституцией Российской Федерации, а также общими принципами уголовного судопроизводства, правосудие осуществляется на основе принципа состязательности. Процессуальная процедура существенно изменяется с полноправным применением принципа состязательности в России. Данный принцип предполагает наличие равных прав и обязанностей у сторон, а также независимость суда по отношению к участни-

[1] © Кожемякина О. С., 2022.

кам процесса. Несмотря на наличие данного принципа и смешанной формы уголовного судопроизводства в Российской Федерации, все же на досудебной стадии уголовный процесс занимает больше обвинительную позицию, что является явным несоответствием существующему принципу состязательности. В целях недопущения данного обвинительного уклона, прослеживается мысль, что законодатель попытался уровнять стороны в правах, стремясь допустить участие защитника на всех стадиях уголовного судопроизводства и гарантируя ему возможность поддерживать интересы подозреваемых и обвиняемых.

Вопрос об отношении защитника к процессу доказывания, сбору и оценки доказательств вызывает ряд неоднозначных дискуссий и противоречий в уголовно-процессуальной литературе. [6, С. 336-338] Сейчас защитник имеет право непосредственно собирать доказательства. Однако именно данный момент вызывает противоречия. Так, в соответствии с ч. 3 ст. 86 УПК РФ защитник вправе собирать доказательства для оказания квалифицированной юридической помощи только путем получения предметов, документов и иных сведений по делу; опроса лиц с их согласия, а также истребовать справки, характеристики и иные документы от органов государственной власти, которые обязаны представлять запрашиваемые документы или их копии.

Таким образом, с одной стороны, в УПК РФ в ч. 3 ст. 86 УПК РФ закреплен перечень конкретных мероприятий по сбору доказательств, которые вправе осуществлять и представлять защитник. Но в тоже время в ч. 2 ст. 74 УПК РФ этот список никак не вступает в число доказательств по уголовному делу, а кроме этого, указанная статья никак не содержит часть о признании представленных защитником сведений в качестве доказательств. Отталкиваясь от рассмотрения утверждений, можно сделать вывод, что законодатель не закрепляет право защитника собирать именно доказательства. Как уже отмечалось ранее, ст. 86 УПК РФ закрепляет то, что собирание доказательств осуществляется определенными субъектами, которые обладают исключительной компетенцией на осуществления процессуальных и следственных действий, посредством которых и происходит собирание доказательств и обличение их в соответствующую процессуальную форму, для того чтобы они отвечали допустимости и достоверности.

Можно сделать вывод о том, что допустимость доказательств, собранных защитником, должна решаться на стадии подготовки к судебному заседанию, где непосредственно будет решаться вопрос о возможности использования таких доказательств в судебном разбирательстве, о чем и предлагаем внести соответствующие изменения в действующее уголовно-процессуальное законодательство.

Так же считаем немаловажной является проблема взаимодействия следственных органов и органов прокуратуры. В российском уголовном процессе прокурор является одним из основных субъектов уголовного преследования. Законодательное фиксирование полномочий и статуса прокурора закреплены в том числе и в ч. 1 ст. 21 УПК РФ, где прокурору, выступающему в качестве субъекта уголовного преследования, поручается по уголовным делам выполнение этой функции от имени государства. После создания Следственного комитета Российской Федерации полномочия органов прокуратуры фактически ограничиваются надзором за осуществлением предварительного следствия и процессуальным

контролем за дознанием. При этом за последние годы появилось большое количество исследований, где различные ученые доказывают необходимость как расширения полномочий органов прокуратуры (в том числе возврате ей следственный функций), так и в существенном ограничении полномочий органов прокуратуры, ввиду того что в настоящее время прокурор все еще имеет возможность значительного влияния на осуществление расследования.

Не вдаваясь в дискуссию относительно возможности расширения или сужения полномочий органов прокуратуры, необходимо отметить, что и в действующем порядке взаимодействия следственных органов и прокуратуры имеется множество проблем. Так, одна из проблем связана с приостановлением и возобновлением предварительного следствия. Исходя из УПК РФ решение о приостановлении предварительного следствия обязательно проверяется прокурором на предмет обоснованности, и при отсутствии достаточных оснований прокурор может признать соответствующие постановление незаконным и вынести свое мотивированное постановление, направив его для реализации руководителю следственного органа. После поступления постановления прокурора к следователю, последний выносит постановление о возобновлении следствия. Вместе с тем, законодатель не регламентирует сроки, в течение которых следователь обязан вынести такое постановление о возобновлении расследования. Только в ч. 6 ст. 162 УПК РФ содержится положение о том, что срок при возобновлении производства устанавливается со дня поступления дела к следователю. На наш взгляд этот пробел требует законодательного урегулирования, так как ссылаться только на принцип разумного срока уголовного судопроизводства, закрепленный статьей 6.1 УПК РФ нам представляется недостаточным, ввиду возможного неоднозначного трактования этого принципа применительно к рассматриваемой ситуации.

Также на наш взгляд существует проблема невозможности проведения дознания в сокращенной форме в случае, когда подозреваемый не владеет языком, на котором ведется уголовное производство. Данное ограничение введено законодателем для защиты прав подозреваемого. Однако этот вопрос является дискуссионным, поскольку при отсутствии прочих ограничений, дознаватель обязан вести дознание в общем порядке и, тем самым, увеличивать срок проведения дознания, и в дальнейшем время рассмотрения данного уголовного дела в суде, тогда как само по себе преступление предполагает возможность проводить по нему расследование в форме сокращенного дознания.

По нашему мнению, необходимо ввести возможность ведения дознания в сокращенной форме при отсутствии владения подозреваемым языком, на котором ведется дознание, естественно, при условии предоставления подозреваемому переводчика. Данный шаг позволит снизить нагрузку на органы дознания, что положительно скажется на качестве и объеме выполняемой данными органами работы. В связи с этим МВД РФ необходимо установить наиболее крепкие связи с учреждениями, которые предоставляют сотрудников, выполняющих роль переводчика в уголовном судопроизводстве. А также законодателю необходимо закрепить возможность проведения дознания в сокращенной форме в отношении

подозреваемого лица, не владеющего языком судопроизводства. Данная необходимость обусловлена производственных расходов при раскрытии преступления и отправления правосудия.

Таким образом, на примере настоящего рассуждения видно, что в сфере осуществления предварительного расследования несмотря на динамичное изменение уголовно-процессуального законодательства продолжает оставаться большое количество нерешенных вопросов. В рамках настоящей статьи были рассмотрены некоторые, на наш взгляд, актуальные проблемы предварительного расследования, касающиеся участия защитника в предварительном следствии, взаимодействия органов предварительного следствия и органов прокуратуры. Кроме того, были проанализированы проблемы организации деятельности органов предварительного расследования. Для полноценного и правильного решения, поставленных проблем представляется, что законодателю необходимо внести ряд дополнения и изменений действующих правовых норм в указанных нами аспектах.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации http://www.pravo.gov.ru.

2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. №174-ФЗ (ред. от 25 марта 2022 г. №63-ФЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. №52 (ч. I). Ст. 4921.

3. Аверченко А. К., Монахов А. А., Османова Н. В., Пантелеев В. О., Серов Д. О., Хмелева А. В. История органов следствия России. Хрестоматия для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция». М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2017. 223 с.

4. Алексеева В. В. Соотношение предварительного следствия и дознания как форм предварительного расследования // Вестник дальневосточного юридического института МВД России. 2016. № 1 (34). С. 51–55.

5. Давлетов А. А. Уголовное судопроизводство: учебное пособие. Екатеринбург: Уральский юридический ин-т МВД России, 2017. 347 с.

6. Марьин А. С. Проблема собирания и представления доказательств защитником на стадии предварительного следствия//Молодой ученый. 2020. № 19 (309). С. 336–338.

Коновалова Е. А.[1]**,**
адъюнкт кафедры предварительного расследования
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:

Есина А. С.,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры предварительного расследования
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

СЛЕДОВАТЕЛЬ И ЕГО РОЛЬ ПРИ ЗАКЛЮЧЕНИИ ДОСУДЕБНОГО СОГЛАШЕНИЯ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ ОРГАНИЗОВАННЫМИ ПРЕСТУПНЫМИ ГРУППАМИ

На протяжении 12 лет в уголовном процессе Российской Федерации действует институт досудебного соглашения о сотрудничестве, закрепленный в главе 40.1 УПК РФ. Когда законодатель ввел данный институт в правовую сферу применения в 2009 г., то скорее всего предполагалось, что будут более эффективно решены ряд задач уголовного судопроизводства, в том числе и такая задача как раскрытие групповых преступлений, выявление всех их участников, соучастников и, как конечный результат, будет оказано более эффективное противодействие организованной преступности.

Надо признать, что отчасти надежды законодателя оправдали себя, о чем свидетельствуют статистические данные, подготовленные судебным департаментом Верховного Суда Российской Федерации. Так, за период с 2017 по 2021 г. ежегодно судами рассматривается около 3 000 уголовных дел в отношении лиц, заключивших досудебное соглашение о сотрудничестве, при этом обвинительный приговор выносится в 90 % случаев [1].

В ходе применения норм главы 40.1 УПК РФ практическими работниками органов предварительного следствия не только накоплен положительный опыт, но были выявлены отдельные недоработки и несовершенство законодательного регулирования данного аспекта процессуальной деятельности. На наш взгляд, до сих пор не разрешена проблема с определением оптимального количества участников заключения досудебного соглашения о сотрудничестве.

В соответствии с частью 3 статьи 317.3 УПК РФ данное соглашение подписывают прокурор, подозреваемый или обвиняемый и его защитник. Некоторые авторы, такие как Блинова-Сычкарь И. В., Кравцова О. В. Дмитриенко С. А., высказывают позицию о том, что при рассмотрении вопроса о заключении досудебного соглашения следует учитывать и позицию потерпевшего. Авторы считают, что между потерпевшим и обвиняемым должно быть заключено соглашение о

[1] ©Коновалова Е. А., 2022.

возмещении ущерба, а потерпевшие должны указать основания дачи ими согласия на заключение досудебного соглашения (например, был ли возмещен ущерб, в каком объеме, кем и в каком порядке, в какие сроки и т. д.) [2].

Позиция указанных авторов представляется нам спорной. В погоне за соблюдением прав потерпевшего были упущены интересы стороны обвинения в лице следователя. Если следовать логике авторов, то будет очевидно, что на следователя будет возложена функция, которая в итоге будет сведена к торгам о размере выплаченных потерпевшему денежных средств. Фактически, будет искажена сама суть досудебного соглашения о сотрудничестве, при которой интересы одного потерпевшего ставятся выше интересов государства и общества в целом. В этой связи мы не поддерживаем мнение о том, что при заключении досудебного соглашения следует учитывать позицию и волеизъявление потерпевшего по отношению к данной процедуре. Безусловно, интересы потерпевшего и восстановление его нарушенных прав является приоритетным направлением в деятельности следователя. Однако следует обратить внимание, что, определяя значение досудебного соглашения, законодатель подчеркнул следующее: подозреваемый или обвиняемый должны совершить действия в целях содействия следствию в раскрытии и расследовании преступления, изобличении и уголовном преследовании всех лиц, участвующих в совершении преступлении, в розыске имущества, добытого преступным путем. Таким образом, содействуя следствию, подозреваемый (обвиняемый) будет содействовать и интересам потерпевшего.

Стоит отметить, что роль следователя при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве определенна законодателем странным образом. С одной стороны, следователь не является стороной заключения досудебного соглашения. С другой стороны, именно следователь выносит постановление об отказе в удовлетворении ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, поступившее на имя прокурора (ч. 3 ст. 317.1 УПК РФ).

Некоторые авторы (Казаков А. А., Корешников Д. С.) предлагают наделить следователя правом заключения досудебного соглашения. В качестве аргумента авторы указывают: «Содержание обязанностей подозреваемого, обвиняемого, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, сводится прежде всего к содействию в раскрытии и расследовании преступлений, т. е. реализации тех полномочий, которые напрямую возложены на лицо, в производстве которого находится уголовное дело» [3]. Мы отчасти разделяем высказанное предложение, однако, нельзя не отметить того факта, что реализация досудебного соглашения, оценка действий обвиняемого происходит в конечном итоге именно на судебной стадии, где следователь не уполномочен принимать какие-либо решения, а эстафета стороны обвинения полностью переходит в руки государственного обвинителя. С этой точки зрения участие прокурора в процедуре рассмотрения ходатайства о заключении досудебного соглашения вполне уместно и необходимо. Так же как, на наш взгляд, и участие следователя. Не случайно законодатель обязал подавать ходатайство о досудебном соглашении прокурору именно через следователя, который в течении трех суток должен оценить ситуацию, сложившуюся по конкретному уголовному делу, с учетом обоснованности

подобного ходатайства и только затем принимает решение: передать ходатайство прокурору или отказать в удовлетворении этого ходатайства. Полагаем, что роль следователя в решении вопроса о заключении досудебного соглашения гораздо значимее, чем это может показаться из текста ст. 317.1 УПК РФ. По нашему мнению, законодатель не удачно обозначил в законе роль следователя в данной процедуре.

Законодатель не установил для прокурора основания принятия решения о заключении досудебного соглашения. Как показывает анализ правоприменительной практики, прокуроры принимают решение о удовлетворении ходатайства на досудебное соглашение исходя из личного усмотрения, основанного на опыте, той практики, которая складывается в конкретном регионе, на внутреннем убеждении о том реальном содействии, которое может быть оказано в ходе расследования. Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 15.03.2010 № 1071 предписывает прокурорам при принятии решения о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве обращать внимание на возможность реального исполнения обязательств, указанных в заявленном ходатайстве. Прокурор должен: «истребовать при необходимости дополнительные сведения у инициаторов обращения; выяснять у подозреваемого (обвиняемого), какие конкретно действия он выполнит в целях исполнения соглашения о сотрудничестве; проводить анализ перспективности сотрудничества правоохранительных органов с этим лицом» [4].

К сожалению, нигде не указывается на необходимость учитывать мнение следователя при окончательном решении прокурора о поступившем ходатайстве в порядке ст. 317.2 УПК РФ. Кто как не следователь более полно владеет информацией о той реальной возможности и тех рисках, которые могут иметь место как в ходе предварительного следствия, так и в судебном производстве по выполнению обвиняемым взятых обязательств?

Полагаем, что именно следователь является тем лицом, которое может обоснованно оценить доводы, изложенные в ходатайстве о заключении досудебного соглашения, перспективу заключения данного соглашения, а также значимость информации, предоставляемой обвиняемым для уголовного дела. В законе указывается, что следователь должен предоставить прокурору мотивированное постановление о возбуждении ходатайства о заключении с подозреваемым или обвиняемым досудебного соглашения о сотрудничестве, что возлагает на следователя обязанность изложить в подобном постановлении свое усмотрение по данному вопросу, в том числе обоснованность и целесообразность удовлетворения подобного ходатайства. Учитывая это, тем более необходимо, чтобы досудебное соглашение заключалось и следователем, и прокурором. Только при их совместном единодушном решении может заключаться подобное соглашение.

На основании изложенного мы предлагаем компромиссное решение этой ситуации, в основу которого положены следующие аргументы:

– досудебное соглашение заключается на досудебном этапе, до момента окончания предварительного следствия, а потому ответственным лицом за все решения, принимаемые по уголовному делу является именно следователь;

– только следователь в состоянии объективно оценить необходимость и пользу от досудебного соглашения, а также определить возможные риски несоблюдения подозреваемым (обвиняемым) взятых обязательств по досудебному соглашению;

– следователь уполномочен законодателем принимать решение и выносить постановление об отказе в удовлетворении ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве (ч. 3 ст. 317.1 УПК РФ), было бы логично, предоставить ему полномочие и на заключение подобного соглашения наряду с прокурором.

Мы предлагаем, наделить следователя правом быть стороной заключения досудебного соглашения, законодательно возложив на прокурора контроль за его исполнением в ходе досудебного производства. В рамках предложенной концепции, каждый из участников стороны обвинения – следователь и прокурор, соглашаясь на досудебное соглашение и поддерживая его в период производства по делу, действовали бы во взаимосвязи между собой, но каждый на своем этапе: следователь в ходе досудебного производства; прокурор – в ходе судебного.

В качестве аргументов в пользу высказанного предложения можно привести результаты анализа материалов уголовных дел, опыт правоприменительной практики, мнения практикующих следователей. В данной работе авторы смогли обозначить свою позицию по рассмотренной проблеме, надеясь на ее поддержку другими авторами, занимающимися проблемами досудебного производства.

Список литературы

1. Данные судебной статистики Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации // URL http://www.cdep.ru/.

2. Блинова-Сычкарь И. В., Дмитриенко С. А., Кравцова О. В. Законные интересы потерпевшего в досудебном соглашении о сотрудничестве // Молодой ученый. 2014. №3. С. 633-635. URL https://moluch.ru/archive/62/9575/.

3. Казаков А.А., Корешников Д.С. К вопросу о наделении следователя правом заключать досудебное соглашение о сотрудничестве в контексте разрешения проблем применения главы 40.1 УПК РФ // Российский следователь. 2017. № 10 – из информационного банка «Юридическая пресса». URL: http://отрасли-права.рф/article/25557.

4. Приказ Генеральной прокуратуры РФ от 15 марта 2010 г. № 107 «Об организации работы по реализации полномочий прокурора при заключении с подозреваемыми (обвиняемыми) досудебных соглашений о сотрудничестве по уголовным делам» // «Законность», № 6, 2010.

Карпова А. Г.[1]**,**
курсант института подготовки сотрудников
для органов предварительного расследования
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя
Попенков А. В.[2]**,**
преподаватель кафедры предварительного расследования
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ НА ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СЛЕДСТВЕННО-ОПЕРАТИВНОЙ ГРУППЫ МВД РОССИИ

На современном этапе развития общества проблема внедрения цифровых инноваций особенно актуальна в различных ведомствах и министерствах Российской Федерации. Это касается и органов внутренних дел России. Эволюция современных технологий и организация деятельности следственно-оперативной группы (далее СОГ) в МВД является непосредственной задачей, решение которой жизненно необходимо, поскольку с каждым днем в мире происходит апробация и внедрение новых технологий и средств совершения преступления. Все больше совершается дистанционных преступлений с помощью глобальной сети INTERNET и IT технологий. Несмотря на обобщенность, цифровизация не ограничивается социальными сетями, веб-сайтами, мессенджерами и пр. Она включает в себя любую деятельность или процессы, ставшие возможными благодаря цифровым технологиям [1].

Сама по себе работа масштабирования электронного документооборота и непосредственного его внедрения на сегодняшний день остается затруднительной по целому ряду причин и обстоятельств. Сама же цифровизация МВД России в требует серьезных модернизаций и улучшений, особенно на региональном уровне. Например, в г. Смоленске в отделах, можно увидеть устаревшие факсимильные устройства, либо вообще их отсутствие, непродуктивные принтеры и старые средства связи. Отсутствие высокоскоростных сетей связи и многое другое. Если, рассматривать ситуацию на примере сравнительного анализа Вяземского района Смоленской области и г. Москвы, то можно наблюдать стремящийся рост цифровизации в крупных городах. На входах стоят роботы – полицейские, а также новые устройства, позволяющие работать СОГ с комфортом и наибольшей эффективностью.

Говоря о цифровизации СОГ, хочется отметить важность развития их деятельности, а также средств, приемов и методов, которые используются в их компетентности. Учитывая статистику, темп роста зарегистрированных преступлений, которые совершенны с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, по итогам 12-ти месяцев 2021 г. увеличился – на 1,4 % [2]. Динамика наблюдается отрицательная и соответственно необходимо внедрение высококачественного оборудования, новых технических

[1] © Карпова А. Г., 2022.
[2] © Попенков А. В., 2022.

устройств и рекомендаций по их применению в деятельности следственно-оперативной группы.

К детальным примерам, можно отнести доступ к учетным базам данных ГИБДД, следственно – оперативных групп на местах совершения дорожно – транспортных происшествий. И если вдруг при экстренном случае им потребуется оперативно установить владельца транспортного средства, то приходится сделать ряд сложных и долгих действий, звонков и иных манипуляций. Нужно позвонить в дежурную часть (далее ДЧ), которая будет искать необходимую информацию, если ее не будет, то будут запрашивать информацию в ДЧ батальона ГИБДД, а это потерянное время. И это при условии работающих в данный момент баз данных и компьютерной техники. При этом у самих сотрудников ДПС ГИБДД есть планшеты с доступом к своим базам. Полагаем, что СОГ так же необходимо обеспечить доступ к данной информации по аналогии с дорожно – патрульной службой. Это поможет оперативно и качественно выполнять роли и задачи участников следственно-оперативной группы. Также, благодаря доступу к базам, сотрудники, которые являются участниками СОГ, не будут терять время, которое, возможно, окажет большое влияние на безопасность отдельного человека, расследование и раскрытие преступления.

Интересным предложением видится нам, использование цифровой фототаблицы, позволяющей делать обзор 360° как в GOOGLE-панораме, с возможностью детализации тех или иных участков, которые необходимы для работы следственно-оперативной группы и качественной фиксации результатов. Данное внедрение позволит фиксировать детали и важные обстоятельства в кратчайший срок и с наибольшей эффективностью. С этой же целью, возможно создание портативного принтера и использование вместе с ним планшета, которые смогут передать 3D обстановку места происшествия и сразу визуализировать в фототаблицу, соответственно благодаря переносному принтеру можно будет сразу печатать все нужные документы, которые относятся к конкретному уголовному делу. Стоит отметить, что указанная техника уже стоит на вооружении органов Следственного комитета Российской Федерации и ее применение крайне положительно зарекомендовало себя в практической деятельности.

На сегодняшний день выделяется ряд современных проблем:

– правоохранительная информация на бумажных (аналоговых) носителях не интегрируются с цифровой геоинформационной основой;

– оперативная идентификация подозреваемых лиц сейчас происходит по традиционным неуникальным анкетным данным человека, а не по цифровым личным кодам;

– уровень использования ГЛОНАСС-устройств и географических координат при составлении документов в ОВД крайне низкий;

– сотрудники ОВД не имеют идентифицирующих их единых лично-служебных цифровых кодов, в том числе и СОГ;

– в деятельности СОГ не наблюдается применение современных ИТК-технологий.

Так, например, Соловых Н. Н. предлагает внедрять ID события, ID служащего государственного правоохранительного органа, ID человека. В целях унификации, централизации и интеграции правоохранительных информационных ресурсов не соподчиненных правоохранительных органов он считает целесообразным адаптировать и внедрить их в состав ИСОД МВД России [3].

Подводя итог, следует отметить, что цифорвизация и передовые IT технологии играют важное значение в развитии государства в целом и правоохранительных органов в частности [4]. Решение указанных проблем, видится авторам в скорейшей постановке современных технологий на благо охраны общественного порядка и защите граждан от преступных посягательств, снижение количества преступлений, совершаемых с использованием IT технологий, а так же повышения эффективности МВД России в выполнении возложенных на него задач.

Список литературы

1. Выступление Президента России В. В. Путина на Международном конгрессе по кибербезопасности (ICC), Москва, 06.07.2018 // Стенограмма выступления опубликована на Официальном сетевом ресурсе Президента Российской Федерации http://www.kremlin.ru/events/president/news/57957.

2. Быков А. Ю. Право цифровой экономики: некоторые народно-хозяйственные и политические риски. М.: Проспект, 2018.

3. Тонконогов А. В. Кибернетическое общество как реальность XXI века. // Закон и право, 2018. № 9.

4.Соловых Н. Н. Цифровая экономика диктует необходимость квалифицированных кадров с новыми компетенциями // Российский следователь. 2018. № 5.

Лавриков Р. И.[1],
слушатель Факультета подготовки
сотрудников для оперативных подразделений полиции
Московского Университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:

Соломатина А. Г.,
доцент кафедры уголовного процесса
Московского Университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ И ПУТИ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ

Совершенно не защищенными в сфере уголовного судопроизводства являются некоторые фигуранты стадии возбуждения уголовного дела, такие как заявитель и очевидец. По мнению некоторых ученых этих лиц следует называть участниками, не имеющими уголовно-процессуального статуса, поскольку их права и обязанности не закреплены в уголовно-процессуальном законе, а потому в отношении них не установлены правовые гарантии, выраженные в нормах международного права, Конституции Российской Федерации и принципах уголовного судопроизводства [1, с. 10–15].

Так, заявитель в случае вынесения постановления следователя приобретает статус потерпевшего, а до этого момента он не подлежит допросу как полноправный участник уголовного судопроизводства. При этом следует обратить внимание, что уголовно-процессуальный закон на сегодняшний день не содержит определение такой дефиниции, как «заявитель». Кроме того, законодателем не дается также и уточнение его процессуального статуса.

Вместе с тем, анализ положений 148 УПК РФ позволяет отметить, что соответствующее лицо наделено право приносить жалобы на решение об отказе в возбуждении уголовного дела, а также обращаться в соответствии с законом к услугам защитника.

Необходимо заметить, что процессуальное положение заявителя даже после возбуждения уголовного дела по факту совершенного уголовно наказуемого деяния носит в некоторой степени неопределенный характер. Об этом свидетельствует тот фактор, что после возбуждения уголовного дела соответствующее лицо утрачивает статус «заявитель», но пока еще не приобретает статус «потерпевший» в связи с совершением преступления. Обязанность по признанию лица, которое пострадало от совершения уголовно наказуемого деяния, в качестве потерпевшего, возлагается на следователя (дознавателя), который, в свою очередь, уполномочен вынести соответствующее постановление [2, с. 143].

В качестве непосредственного начала уголовного преследования по факту

[1] © Лавриков Р. И., 2022.

совершения преступления на стадии возбуждения уголовного дела является получение органами внутренних дел соответствующей информации. Заявить о преступлениях могут как лица, которым преступлением был причинен вред, так и иные лица, узнавшие о событии преступления при различных обстоятельствах.

Вместе с тем, нужно отметить еще одну немаловажную деталь.

Так, в первую очередь, соответствующее лицо – заявитель в большинстве случаев имеет все необходимые сведенья, которые касаются совершенного уголовно наказуемого деяния. Именно данное обстоятельство позволяет органам внутренних дел провести быструю, а также тщательную проверку данного сообщения и по ее итогу принять необходимое решение.

Во-вторую очередь, следует учитывать тот фактор, что вся информация, которая может быть предоставлена со стороны заявителя, сообщается им только на добровольных засадах.

В связи с отмеченным мы можем сделать вывод о том, что заявитель, который заявляет о совершении уголовно наказуемого деяния, выступает в данном случае непосредственным инициатором (если такая информация будет подтверждена) уголовного преследования. Таким образом, информация, заявленная заявителем – это ни что иное, как основание для проведения правоохранительными органами предварительной проверки об уголовно наказуемом деянии. Такая проверка включает в себя сбор первичных данных и всех возможных сведений, которые касаются противоправного деяния, а также способствуют принятию обоснованного решения о необходимости возбуждения уголовного дела.

Продолжая данное исследование следует отметить, что именно заявление о совершении уголовно наказуемого деяния, которое подлежит рассмотрению в установленном уголовно-процессуальном законе Российской Федерации порядке, отражает объяснения, представленные заявителем (потерпевшим) по факту совершенного преступления.

Само по себе такое объяснение относится к числу всех необходимых данных, которые необходимо обязательно получить при проведении предварительной проверки материалов дела по факту совершенного деяния [3, с. 53-56]. В связи с отмеченным верной представляется позиция, высказанная Т.И. Ширяевой о том, что «важно не просто предусмотреть, но и гарантировать обеспечение права потерпевшего на доступ к правосудию, которое возникает уже на начальном этапе расследования уголовного дела» [4, с. 120].

Таким образом, принимая решение, которое касается возбуждения уголовного дела, в обязательном порядке следует отталкиваться от всех поученных и подтвержденных достоверных сведений, которые были представлены непосредственно самим заявителем (лицом, потерпевшим от совершения уголовно наказуемого деяния) в своем сообщении. На этот счет вполне верно считает процессуалист В.М. Быков о том, что «сегодня продолжает существовать практика принятия решений о возбуждении уголовного дела, которая предполагает обязательное подтверждение доводов заявителя иными фактическими данными» [5, с. 43–44].

Также следует отметить, что на данной стадии довольное часто допускаются нарушения прав лиц, в отношении которых было совершено преступление.

Так, прежде всего, следует отметить несоблюдение уполномоченным на то лицом процессуальных сроков, которые установлены в уголовно-процессуальном законе Российской Федерации для осуществления проверки сообщения об уголовно наказуемом деянии. В связи с отмеченным А. М. Багмет в своих исследованиях обращает внимание на то, что «любые отступления от правил, касающихся в том числе и сроков рассмотрения заявлений, влекут серьезные последствия. Так, например, возможно принятие незаконного решения об отказе в возбуждении уголовного дела только потому, что были затянуты сроки проверки, что, в свою очередь, может привести к утрате или недостаточности полученных доказательств по делу» [6, с. 147–148].

В связи с отмеченным верной следует считать позицию указанного исследователя о том, в положениях УПК РФ должна найти свое отражение прямая обязанность, возлагаемая на всех должностных лиц, уполномоченных в соответствии с законом осуществлять предварительную проверку сообщения о преступлении, возбуждать уголовное дело по факту совершенного преступления в случае, если полученная от заявителя информация не была опровергнута.

Таким образом, потерпевшее от преступного посягательства лицо, на начальной стадии уголовного судопроизводства имеет статус заявителя. При этом, законодатель на сегодняшний день не предусмотрел правовой статус данного участника уголовного судопроизводства, а также не установил перечень его прав и обязанностей кроме тех, которые выборочно представлены в ст.ст. 141 и 148 УПК РФ.

По нашему мнению, наличие соответствующей нормы в положениях уголовно-процессуального закона Российской Федерации способствовало бы не только четкому закреплению прав и обязанностей данного лица, но также его последующей правовой защите.

В связи с изложенным считаем верной позицию А.П. Рыжакова, что глава 8 УПК РФ, в которой законодатель предусмотрел перечень иных участников уголовного судопроизводства, могла бы быть дополнена новой статьей 60.1 «Заявитель». Данная норма должна включать в себя права и обязанности, возлагаемые на данного участника уголовного судопроизводства [7, с. 70], что в последующем позволит:

1) данному лицу приобрести уголовно-процессуальный статус полноправного участника уголовного судопроизводства, который он приобретет с момента, когда им будет подано в органы внутренних дел сообщение о совершенном или готовящемся в отношении него уголовно наказуемом деянии;

2) уполномоченному на то лицу (дознавателю либо следователю, в максимальной степени расширить возможности доказывания на рассматриваемом этапе уголовного судопроизводства.

Другой участник стадии возбуждения уголовного дела – очевидец произошедшего события также не наделен правами и обязанностями по отстаиванию своих интересов. Полноправным участником уголовного судопроизводства он становиться только в стадии предварительного расследования после вынесения постановления о признании его свидетелем, а равно и может полноценно реали-

зовать свои права, предусмотренные УПК РФ – являться на допрос со своим адвокатом и ходатайствовать о применении в отношении него мер безопасности.

В связи со сложившейся проблемой, есть два пути ее решения – включить в круг участников уголовного судопроизводства заявителя и очевидца, наделив их соответствующими правами и обязанностями, либо признавать за данными лицами статус потерпевшего и свидетеля на стадии возбуждения уголовного дела для возможности полноправной реализации своих прав на начальном этапе уголовного процесса.

Для обеспечения прав и свобод одних участников уголовного судопроизводства требуется точное и своевременное исполнение обязанностей других. Потому наравне с процессуальными правами участников процесса для них имеются и определенные ограничения в виде мер уголовно-процессуального принуждения.

Применение мер уголовно-процессуального принуждения является вынужденной необходимостью, без которой невозможно восстановить нарушенные преступным деянием права потерпевших, а также обеспечить безопасность их и других участников процесса.

Но необходимость применения мер уголовно-процессуального принуждения, а равно ограничение прав личности, должно быть конгруэнтно обеспечению права на неприкосновенность личности.

Ограничение прав и свобод личности может быть вызвано задержанием подозреваемого, заключением под стражу, домашним арестом, либо запретом определенных действий, помещением в медицинскую организацию, оказывающую медицинскую помощь в стационарных условиях, или в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, для производства судебной экспертизы. Применение указанных мер должно быть вызвано исключительными обстоятельствами.

В основе правоотношений участников уголовного процесса лежит условие неприкосновенности личности в уголовном судопроизводстве, которое является гарантом стратегии безопасности участников уголовного судопроизводства, а также его важнейшим принципом, направленным на невозможность уголовного преследования лиц при отсутствии на то установленных УПК РФ оснований, требующих от следователя, прокурора и суда обеспечения законности и обоснованности привлечения их к уголовной ответственности, а также защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод.

Список литературы

1. Францифоров Ю. В. Неприкосновенность личности в уголовном судопроизводстве // Правовая парадигма. 2018. Т. 17. № 2. С. 10-15.

2. Оюн Д. И. Принципы уголовного преследования. Принцип уважения чести и достоинства личности в уголовном процессе. Принцип неприкосновенности личности. Принцип обеспечения подозреваемому и обвиняемому права на защиту // Моя профессиональная карьера. 2021. Т. 2. № 26. С. 143.

3. Титова К. А. Некоторые вопросы, связанные с участием потерпевшего в уголовном преследовании на стадии возбуждения уголовного дела // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2020. № 3 (49). С. 53-56.

4. Ширяева Т. И. Современное состояние и перспективы совершенствования правового регулирования реализации права потерпевшего на доступ к правосудию в досудебном производстве по уголовному делу // Теория и практика общественного развития. 2018. № 12 (130). – С. 120.

5. Быков В. М. Права потерпевшего в уголовном судопроизводстве России. М.: Юрист, 2015. С. 43-44.

6. Багмет А. М. Актуальные проблемы расследования преступлений. М.: "Буки Веди", 2013. С. 147-148.

7. Рыжаков А. П. Предусмотренный ст. 123 УПК РФ круг субъектов, приносящих жалобу // Вестник ЮУрГУ. 2007. № 28. С. 70.

Любимова А. А.[1]**,**
адъюнкт 1-го года обучения
факультета подготовки научно-педагогических
и научных кадров Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,

ЗАЩИТА ИМУЩЕСТВЕННЫХ ПРАВ И ИНТЕРЕСОВ ЛИЧНОСТИ В ДОСУДЕБНОМ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Как справедливо отмечается исследователями в области изучения вопросов защиты имущественных прав личности на различных стадиях уголовного судопроизводства, на современном этапе, несмотря на то, что настоящий вопрос уже давно себя исчерпал, некоторые проблемы ее организации и реализации по-прежнему актуальны.

На фоне этого следует отметить, что большинство проблем в целом можно разделить на две группы. Первая группа подразумевает слабое законодательное сопровождение тех вопросов, которые находят свое отражение в современной уголовно-правовой логистике при оценке применения необходимых мер процессуального принуждения. В данном случае мы можем видеть, что, к примеру, то же наложение ареста на имущество, попавшего под следствие гражданина, может проводиться без учета ряда значительных факторов. Вторая группа сформирована за счет того, что в правоприменительной практике не до конца еще выработаны и стабильно функционируют определенные стандарты и принципы использования тех процессуальных механизмов, которые позволяют должностным лицам, осуществляющим следствие по уголовному делу, применять указанные меры, делая это без нарушения прав иных лиц (не имеющих отношения к производству по уголовному делу).

В свою очередь, исследователями, рассматривающими аспект защиты лиц, участвующих в уголовном судопроизводстве, вынашивается позиция, что в настоящее время институт обеспечительных мер в уголовном процессе явно доминирует над возможностями сторон, которые стараются избежать санкций со стороны органов предварительного следствия [5, с. 163]. Наиболее часто отмечается, что судами, которые определяют судьбу ходатайств по уголовным делам, к примеру, по части наложения того же ареста на имущество, выносятся разнонаправленные решения. Большинство действий, которые совершает следователь в ходе изъятия имущества, обнаруженного во время обысков и выемок, обжалуются защитой, но и при отсутствии четких законодательных границ, определяющих полномочия следователя в данном вопросе, признаются судами правомерными и нивелируются, как правило, только после вынесения приговора.

Действительно, указанное положение дел – не миф, предварительное расследование в уголовном праве, как правило, защищаемое «тайной следствия», пока еще не скоррелировано законодателем таким образом, чтобы действующая презумпция невиновности позволяла отстаивать права не только подозреваемого, но

[1] ©Любимова А. А., 2022.

и тех лиц, которые могут стать его участниками при условии, что их имущественный интерес неразрывно связан с аналогичным интересом подследственного.

Так, автор диссертационного исследования «Обеспечение права на защиту в стадии возбуждения уголовного дела в Российской Федерации и иных государствах – членах СНГ» Н.А. Логинов отмечает, что слабость развития законодательной и правоприменительной мысли в сфере контроля за действиями должностных лиц, осуществляющих предварительное следствие, может наносить прямой вред правам и законным интересам собственников. Закон должен быть таким, чтобы его применение, по части временного изъятия имущества у тех же должников или нарушителей, чьи действия уже причинили вред, носило изначально взвешенный характер [6, с. 92-93]. При этом, учитывая, что действие конституционного принципа о верховенстве прав и свобод гражданина (ст. 2 Конституции Российской Федерации) в совокупности с положениями уголовного законодательства (ст. 2 Уголовного кодекса Российской Федерации – далее по тексту – УК РФ) формируют (или во всяком случае обязаны формировать) модель оценки и действий, реализация которых не должна приводить к нарушению тех же прав и интересов иных лиц, в действительности не имеют четких правовых очертаний и в большинстве своем держатся на логике судов, порой выносящих решения абсурдные и необоснованные.

Попробуем затронуть вопрос использования надлежащих механизмов по обеспечению прав собственников на предварительном следствии, а также установить причины их нарушения со стороны следователей и дознавателей, при условии, что последние, действуя из соображений необходимости реализации удовлетворения интересов другой категории участников уголовного процесса – потерпевших, стараются принять всевозможные меры, предусмотренные законом.

В частности, как отмечается во многих научных работах, данный вопрос, прежде всего, начинает проседать в русле действия законодательной логики, где пока еще нет четкой дифференциации относительно того, по каким именно преступлениям принятие мер обеспечительного характера необходимо [1, с. 26]. На практике же следователь, осознавая, что противоправным деянием причинен вред (в особенности это становится очевидным, если речь идет о материальных составах преступления), «должен» провести комплекс мероприятий, направленных на установление имущественного положения подозреваемого и тем самым установить, является ли обнаруженное у него имущество следствием реализованных им преступных намерений. В данном случае, если такая взаимосвязь установлена, то следователь (дознаватель) вправе заявить соответствующее ходатайство и тем самым лишить возможности распорядиться указанным имуществом до решения вопроса об его окончательном изъятии по распоряжению суда.

Правильность реализации указанного подхода, в частности, предусмотрена и положениями международного права. Логика таких действий крайне проста и не требует от того же законодателя использования каких-то изощренных приемов, дабы внести баланс имущественного характера между интересами собственника-нарушителя и потерпевшего. Например, в соответствии с требованиями ст. 3

Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции [4] ее положения подлежат применению в том случае, если это необходимо для защиты имущественных интересов потерпевших, в том числе и путем использования следующих способов: приостановление операций (замораживание активов), конфискация и арест имущества, при условии, что указанные меры не будут нарушать права иных лиц. При этом стоить отметить, что в данном международном акте раскрываются понятия «имущество», «доходы от преступления» и другие категории, которые наиболее точно определяют сущность используемых мер, а также позволяют разграничить позицию правоприменителя в вопросе законности совершения тех или иных действий.

Между тем статья 115 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, определяющая такой порядок, не содержит указаний на то, по каким именно преступлениям рассматриваемая мера допустима к применению. Здесь вопрос соответствующей оценки поставлен в зависимость от дискреции самого следователя, а также учета фактических обстоятельств, которые опять же будут учитываться судом так, каким их видит должностное лицо, проводящее предварительное следствие.

В частности, согласно требованиям приведенного положения должностное лицо, осуществляющее предварительное расследование, если полагает, что обнаруженное им у подозреваемого (обвиняемого) имущество является (или может являться) последствием совершения преступления, вправе заявить ходатайство в суд о наложении на него ареста. При этом следователь делает это с санкции руководителя следственного органа, а дознаватель – с согласия прокурора. Симптоматично, но должностным лицам, заявляющим такие ходатайства, разрешается делать это в отношении не только тех граждан, чьи действия стали причиной для реализации уголовного преследования, но и в отношении «иных лиц, несущих по закону материальную ответственность за их действия» (ч.1 ст. 115 УПК РФ). В данном случае закон не конкретизирует – кого следует относить к таким лицам, а также по какому именно закону у данных лиц возникает соответствующая ответственность. В результате чего законодатель недопустимо расширяет усмотрение следователя по установленной мере, что, как следствие, может привести к нарушению прав лиц, чье материальное положение полностью зависит от материального положения подозреваемого (обвиняемого), но не является (или частично является) его собственностью.

Отдельно стоит обратить внимание на то, что суд рассматривает такое ходатайство в соответствии с требованиями ст. 165 УПК РФ, где опять же нет четких указаний на то, каким образом дается (или должна даваться) оценка имущественного состояния вышеуказанных лиц.

Следовательно, вопрос оценки имущественного состояния, а также упоминаемой выше взаимосвязи между действиями подозреваемого (обвиняемого) и его имуществом находится в руках следователя, которого нормы только обязывают при направлении указанных ходатайств предоставлять суду конкретные, фактические обстоятельства, на основании которых он принял такое решение, но при этом не обязывает предоставлять доказательства того, что такое имущество было получено по причине реализации преступного замысла. В разрезе решения этого

вопроса нарушение защиты интересов, связанных с владением, пользованием, распоряжением арестованным имуществом, становится более чем реальным. К примеру, в уголовном законе отсутствует указание на то, какое именно имущество и в каком количестве может арестовываться в рамках уголовного судопроизводства [2, с. 82]. Показательным в данном вопросе является и то, что в действующем законодательстве нет пока указаний к тому, а может ли имущество быть объектом ограничений, если его приобретение стало возможным до совершения преступных действий. На основании чего следователи, заявляя ходатайство, не учитывают этого, а суд, также не обращая внимание на данный пробел, накладывает арест на все, что следователь смог обнаружить [3, с. 117].

Так, в одном из процессов оценки имущественного состояния обвиняемого следователь заявил ходатайство о наложении ареста на активы членов его семьи, указав тем самым, что обнаруженные средства могут иметь отношение к имущественному положению преступника, поскольку возможно являются платежом по незаконной услуге, оказанной последним в рамках осуществления неправомерной деятельности. В подтверждение своей позиции следователь сослался на то, что на личных счетах подследственного иных средств не обнаружено, а для оплаты расходов он как раз пользовался картой жены или счетом двоюродного брата. Суд, рассмотрев указанное ходатайство, удовлетворил его, однако не учел, что совместно нажитое имущество супругов, а также денежные средства, находящиеся на счетах иных родственников, не обязательно должны быть связаны с противоправными деяниями. В свою очередь, лица, определяемые в ходатайстве, как причастные к возможности совершения обвиняемым отдельных финансовых операций, не подпадают под определение тех лиц, чьи действия могут (или должны) повлечь за собой необходимость возмещения материального вреда, причиненного преступлением [7, с. 48]. Впоследствии данное решение было обжаловано и отменено, а при указании на основания при его отмене вышестоящей инстанцией было обращено внимание на отсутствие в данном случае фактических обстоятельств, напрямую связывающих действия обвиняемого в его преступных намерениях и его родственников, способных покрывать такие намерения.

Учитывая сказанное, следует подчеркнуть, что действующие механизмы оценки имущественного состояния подозреваемого (обвиняемого) при предварительном расследовании, которые необходимы для правильности применения мер обеспечительного характера в уголовном судопроизводстве, пока еще не имеют четкой законодательной опоры. Основной причиной такого состояния дел является отсутствие четкой позиции законодателя по некоторым вопросам определения взаимосвязи между имущественным положением подследственного и имущественным положением его близких родственников, а также иных лиц.

Список литературы

1. Вилкова Т. Ю. Неприкосновенность собственности в системе принципов уголовного судопроизводства // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2017. № 3(32). С. 21–31.

2. Гараева Т. Б. Особенности правового совершенствования ареста на имущество в рамках уголовного судопроизводства // Юридическая наука в XXI веке: актуальные проблемы и перспективы их решений: сборник научных статей по итогам работы девятого круглого стола со Всероссийским и международным участием, Шахты, 29–30 сентября 2020 г. / Донской государственный технический университет. – Шахты: ООО «Конверт», 2020. – С. 80-84.

3. Егоров А. С. Арест имущества в уголовном деле / А. Егоров // Журнал РШЧП. – 2020. – № 2. – С. 206-232.

4. Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции (Заключена в г. Нью-Йорке 31.10.2003) // Собрание законодательства Российской Федерации. 26 июня 2006 г. N 26. ст. 2780.

5. Лаврова О. Н. Механизм защиты права собственности: к вопросу о его содержании в отечественном уголовном судопроизводстве // Вопросы российского и международного права. – 2017. – Т. 7. – № 1А. – С. 161-168.

6. Логинов Н. А. Обеспечение права на защиту в стадии возбуждения уголовного дела в Российской Федерации и иных государствах – членах СНГ: дисс…канд.юрид. наук. Специальность 12.00.09. Уголовный процесс. Москва, 2019. 198 с.

7. Носов В. И. Судебная практика рассмотрения судами Ростовской области в 2019 г. ходатайств о наложении ареста на имущество по основаниям, предусмотренным ч.1 ст.115 УПК РФ / В. И. Носов // Реализация в Южном федеральном округе государственной политики в сфере противодействия коррупции: Сборник научных трудов по материалам научно-практической конференции, Ростов-на-Дону, 09 декабря 2020 г. / Под общей редакцией Б.М. Магомедова, А.А. Никитиной, Р.В. Бушманова. – Ростов-на-Дону: Ростовский институт (филиал) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)» в г. Ростове-на-Дону, 2020. – С. 44-55.

Милованов П. П.[1]**,**
соискатель кафедры предварительного расследования
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

ПОНЯТИЕ «НАЧАЛЬНИКА ПОДРАЗДЕЛЕНИЯ ДОЗНАНИЯ» СЛЕДУЕТ УТОЧНИТЬ И РАСШИРИТЬ

Статус участника уголовного судопроизводства начальнику подразделения дознания придал Федеральный закон «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 06.06.2007 N 90-ФЗ в 2007 г., который закрепил его законодательное определение (п. 17.1 ст. 5 УПК РФ) его процессуальные полномочия (ст. 40.1 УПК РФ), что явилось важным шагом в развитии теории и практики уголовного процесса.

Законодательное нововведение в научном сообществе получило довольно неоднозначную оценку. Некоторые авторы не видят необходимости в законодательном закреплении понятия начальника подразделения дознания. Например, А. Р. Белкин полагает, что законодатель весьма невнятно изложил пункты 17-17.1 ст. 5 УПК РФ и предлагает сделать единое определение для начальника органа дознания и начальника подразделения дознания, объединив их в одном пункте ст. 5 УПК РФ [1]. Схожую позицию высказывают и другие авторы (Погорелова Е.Н., Безлепкин Б.Т., Александров А.А., Белов С.) полагавшие, что введение в число участников уголовного судопроизводства начальника подразделения дознания в определенной мере ослабляет процессуальное положение начальника органа дознания, статус которого сохраняется номинально, но перестает иметь практическое процессуальное значение.

Данный подход, по нашему мнению, является спорным, поскольку он фактически отождествляет не только двух разных участников уголовного судопроизводства – начальника органа дознания и начальника подразделения дознания, но и собственно понятия органа дознания и специализированного подразделения дознания, тогда как их разграничение, безусловно, является весьма важным как с теоретической, так и с практической точки зрения и неоднократно подчеркнуто законодателем в различных нормах УПК РФ – ст. 40.1, 40.2 и др.

Несмотря на выраженный по рассматриваемому вопросу плюрализм мнений, следует отметить, что большинство авторов положительно восприняли придание начальнику подразделения дознания статуса участника уголовного судопроизводства (Герасенкова В. М., О. В. Мичурина, Насонова И. А., Арепьева Т. А., Дядченко А. А., Табаков С.А. и др.). Мы разделяем и поддерживаем позицию авторов, выступающих за необходимость закрепления на законодательном уровне процессуального статуса начальника подразделения дознания. Вместе с тем, отмечаем, что определение, приведенное в п. 17.1 ст. 5 УПК РФ не лишено недостатков.

---

[1] ©Милованов П. П., 2022.

Согласно п. 17.1 ст. 5 УПК РФ начальник подразделения дознания – это должностное лицо органа дознания, возглавляющее соответствующее специализированное подразделение, которое осуществляет предварительное расследование в форме дознания, а также его заместитель.

Поскольку УПК РФ не содержит определения понятия должностного лица, то п. 17.1 ст. 5 УПК РФ можно считать частично бланкетной нормой. Традиционно в работах уголовно-правовой и уголовно-процессуальной тематики при определении понятия должностного лица авторы обращаются к примечанию 1 к ст. 285 УК РФ. Согласно указанной норме, должностными лицами признаются лица, постоянно, временно или по специальному полномочию осуществляющие функции представителя власти либо выполняющие организационно-распорядительные, административно-хозяйственные функции в государственных органах, органах местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждениях и так далее. Исходя из характера выполняемых функций и должностных обязанностей начальника подразделения дознания, регламентированных положениями ведомственных нормативных правовых актов и соответствующими положениями УПК РФ, можно сделать вывод, что лицо, занимающее должность начальника (заместителя начальника) специализированного подразделения дознания системы МВД России в полной мере соответствует признакам должностного лица и с этой точки зрения указание в определении начальника подразделения дознания как на должностное лицо вполне оправданно. Данный руководитель на постоянной основе осуществляет функции представителя власти, принимает решения, обязательные для исполнения гражданами, организациями, учреждениями независимо от их ведомственной принадлежности и форм собственности, например, исполняя обязанности руководителя группы дознавателей (ч. 2 ст. 40.1 УПК РФ), осуществляет руководство штатными дознавателями, которые проходят службу в органах внутренних дел.

Соответственно, использование законодателем в п. 17.1 ст. 5 УПК РФ термина «должностное лицо» нам представляется полностью оправданным и в авторском определении мы намерены его сохранить.

Ряд авторов высказывались за то, чтобы в определении начальника подразделения дознания перечислить полномочия данного участника досудебного производства (И. А. Насонова, Т. А. Красноруцкая). Например, Т.А. Арепьева предлагала следующее определение: ««должностное лицо органа дознания, возглавляющее соответствующее специализированное подразделение, предназначенное для предварительного расследования в форме дознания, его заместитель, которые осуществляют руководство процессуальной деятельностью дознавателей и контроль над ней, а также, обладая их полномочиями, могут сами производить расследование по уголовному делу» [3, стр. 12]. Полагаем, что попытка закрепить в законодательном определении начальника подразделения дознания максимально все его процессуальные полномочия приведет к дублированию положений УПК РФ, словарной «перегрузке» текста закона, и не внесет ясность в рассматриваемый вопрос. Учитывая динамику нашего законодательства можно предположить, что полномочия начальника подразделения дознания, закрепленные в ст. 40.1 УПК РФ, могут со временем изменяться, расширяться

или как минимум корректироваться. В этом случае неизбежно встанет вопрос о внесении дополнений и в п.17.1 ст. 5 УПК РФ. Любое перечисление или конкретизация в отдельных нормах закона чего либо может оказаться излишним и даже вредным для правоприменителей. В случаях, где можно избежать излишнего дублирования текста закона без ущерба для правового регулирования отдельного фрагмента уголовно-процессуальной деятельности, следует оптимально использовать формулировки закона. С этой точки зрения более предпочтительным следует признать предложение О.С. Морева, который предлагает дать следующую редакцию п. 17.1 ст. 5 УПК РФ – «Начальник подразделения дознания – это руководитель (его заместитель) подразделения дознания (специализированного подразделения дознания), осуществляющего расследование в форме дознания и реализующего иные функции, предусмотренные законом» [4, стр.8]. Данное определение следует оценить положительно с той точки зрения, что автор расширил действующее определение за счет указания на возможность реализации подразделением «иных функций», тем самым сделав перечень полномочий подразделения открытым. На наш взгляд, это оправданно, поскольку компетенция специализированных подразделений дознания не ограничивается только лишь дознанием и в действительности является более широкой. В то же время, в данном определении автор использовал наименование сразу двух подразделений: «подразделение дознания» и «специализированное подразделение дознания». При попытке интерпретации данной авторской формулировки возникает закономерный, на наш взгляд, вопрос – а в чем автор видит разницу между подразделением дознания и специализированным подразделением дознания?

УПК РФ не раскрывает понятия «специализированное подразделение дознания», однако в русском языке слово «специализированный» означает «предназначенный для работы или использования в одной специальной области». Применительно к рассматриваемой проблематике такой областью является, безусловно, предварительное расследование уголовных дел в форме дознания, которое в настоящее время осуществляют подразделения (отделы, отделения) дознания на основании Приказа МВД России от 15 июня 2020 г. № 430 (с изменениями от 23.12.2021г.) «Вопросы организации деятельности подразделений организации дознания (подразделений дознания) территориальных органов Министерства внутренних дел Российской Федерации». Основной задачей указанных подразделений органов внутренних дел является производство предварительного расследования в форме дознания и, соответственно, их можно с полным правом считать специализированными подразделения дознания. В этой связи подразделения дознания и так считаются специализированными подразделениями в системе органов внутренних дел, поскольку предназначены для выполнения определенных, специальных задач.

В анализируемом понятии обращает на себя внимание указание в п. 17.1 ст. 5 УПК РФ на производство предварительного расследования в форме дознания как на одно единственное полномочие специализированного подразделения дознания. Это ошибочное утверждение, которое может нанести вред правоприменительной практике. Сотрудники специализированных подразделений дознания (дознаватели) возможно и не часто, но по указанию начальника органа дознания

осуществляют такие виды процессуальной деятельности как: проводят проверку сообщений о преступлениях в порядке ст. 144 УПК РФ, производят неотложные следственные действия по уголовным делам, по которым предварительное следствие является обязательным в порядке ст. 157 УПК РФ, осуществляют исполнение международных поручений, а также правомочны как участники уголовного судопроизводства производить и ряд других действий, которые выходят за рамки предварительного расследования в форме дознания. С этой позиции подход предложенный О.С. Моревым, который не ограничивал деятельность подразделений дознания только дознанием, вполне оправдан.

Кроме того, следует обратить внимание как законодатель ограничил пределы уголовно-процессуальной компетенции начальника подразделения дознания, определив распространение его полномочий только по отношению к находящимся в его подчинении дознавателям (ч. 1 ст.40.1 УПК РФ). Это важный момент, поскольку определяет границы полномочий и сферу деятельности для начальника подразделения дознания. Представляется что этот признак рассматриваемого участника уголовного судопроизводства должен быть отражен в его определении.

Выход из сложившейся ситуации нам видится во внесении изменений в законодательное определение понятия начальник подразделения дознания, установленное п. 17.1 ст. 5 УПК РФ, изложив его в следующей редакции:

«начальник подразделения дознания – это должностное лицо органа дознания, возглавляющее соответствующее подразделение дознания, а также его заместитель, который осуществляет процессуальный контроль за деятельностью подчиненных ему дознавателей, а также осуществляет иные процессуальные полномочия, предусмотренные настоящим Кодексом».

Представляется, что данное определение позволит:

1. Решить вопрос о процессуальном положении начальников подразделений организации дознания и их заместителей, устранив какие-либо сомнения в легитимности принимаемых ими процессуальных решений и производимых процессуальных действий по осуществлению ведомственного контроля за процессуальной деятельностью дознавателей.

2. Более точно определить пределы уголовно-процессуальной компетенции начальника подразделения дознания.

Список литературы

1. Белкин А. Р. УПК РФ: отменить нельзя поправить? В 2 т. Том 1. Общая часть (2-е изд., испр. и доп.). – М.: Юрайт, 2017. С. 62.

2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» // Российская газета. 2009. № 207.

3. Арепьева Т. А. Начальник подразделения дознания в Российском уголовном процессе: автореф. дис … канд. юрид. наук. – М., 2013. С. 12.

4. Морева О. С. Дознание как форма предварительного расследования в современном уголовном судопроизводстве: автореф. дис. … канд. юрид. наук. – М., 2008. С. 8.

Михалева Е. С.[1]**,**
аспирант кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Московского государственного института международных отношений Министерства иностранных дел Российской Федерации

ПРОБЛЕМЫ ПРИ ПОЛУЧЕНИИ ЭЛЕКТРОННЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

При расследовании преступлений и установлении фактов, имеющих отношение к расследуемому деянию, крайне важно получить максимально полную информацию, для соблюдения прав и законных интересов граждан, обеспечения общественной безопасности и привлечения виновных лиц к ответственности в соответствии с действующим законодательством и при соблюдении принципов уголовного процесса.

В условиях динамичного использования информационно-коммуникационных технологий (далее – ИКТ), а также текущей санитарно-эпидемиологической обстановки, обусловленной пандемией COVID-19, число преступлений, совершаемых в сети «Интернет» или с помощью ИКТ возросло в геометрической прогрессии. Отметим, что фиксируется рост не столько исключительно «компьютерных преступлений», i.e. cybercrimes, сколько традиционных преступлений, квалифицирующим составом которых является совершение с использованием ИКТ или посредством сети «Интернет», так называемые computer-enabled crimes, то есть «опосредованные использованием информационных технологий».

В США в 2020 г. количество сообщений об угрозах, связанных с неправомерным доступом к информации и ее модификации, а также размещении программного обеспечения (далее – ПО), основной целью которого было вымогательство денежных средств индивидов, достигало 4.000 в день [3, с. 179]. За первое полугодие 2020 г., по данным МВД России, рост киберпреступлений составил 91,7 % по сравнению с аналогичным периодом в 2019 г.

С учетом технических особенностей, децентрализованного характера сети «Интернет» и использования злоумышленниками технологий маскирования IP-адресов с помощью систем VPN (virtual private network), все больший объем доказательств, необходимых для установления обстоятельств совершенного преступления, находится вне пределов юрисдикции Российской Федерации.

В Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – УПК РФ) установлен порядок получения доказательств, в том числе «электронных». Несмотря на отсутствие законодательно закрепленной дефиниции электронных доказательств, по сути, препятствий для отнесения информации в электронной форме, обрабатываемой с использованием специальных технических средств, не наблюдается [2, с. 77]. Перечень сведений, установленный в ст. 74 УПК РФ, может быть представлен в электронном виде. В зарубежной практике даже воссоздание ситуаций с использованием виртуальной реальности принимается в качестве доказательства.

---

[1] © Михалева Е. С., 2022.

В отечественной доктрине большое внимание уделяется признакам электронной информации, которая может использоваться в качестве доказательств в рамках уголовного процесса, а также электронным носителям информации, изъятие которых, предусмотренное в порядке ст. 164.1. УПК РФ, позволяет получить доступ к электронной информации, имеющей потенциально доказательственное значение по уголовному делу. Отмечается, что только та информация будет иметь ценность в рамках расследования, которая позволяет устанавливать обстоятельства, подлежащие доказыванию по уголовному делу [4, с. 118]. Информация, рассматриваемая в качестве «электронных доказательств», может именоваться цифровой, электронной информацией, компьютерной информацией или компьютерными данными (например, в Конвенции Совета Европы о киберпреступности от 23.11.2003 используется именно такой термин – computer data). При этом такие сведения могут выступать и как объект правонарушения, и как доказательство. Значение такая информация приобретает в не столько сама по себе, хотя в некоторых случаях электронная информация содержит доказательства prima facie, но и в случае формирования на ее основе основания для назначения, например, судебной экспертизы с целью установления дальнейших фактических обстоятельств. Например, первичное ознакомление (осмотр) сведений может способствовать определению участия в процессе специалистов определенного профиля и последующего определения типа назначаемой экспертизы. [1, с. 231].

При расследовании преступлений, опосредованных использованием ИКТ, ключевым моментов является оперативность проведения следственных действий ввиду ограниченных сроков хранения информации. Для получения информации сотрудники правоохранительных органов направляют запросы о правовой помощи в компетентные органы иностранных государств с просьбой о предоставлении соответствующей информации. При этом направление запросов, как это предусмотрено в большинстве двусторонних договоров о взаимной правовой помощи, является формализованной и достаточно затратной процедурой с точки зрения временных ресурсов, поэтому компетентными органами зарубежных государств такие запросы исполняются только при условии наличия запроса о предварительном сохранении информации, адресованному провайдерам услуг в сети «Интернет» (preservation of evidence). Любопытно, что в США, юрисдикции с наибольшим количественном учрежденных провайдеров коммуникативных сервисов, даже есть случаи патентования системы и метода сохранения электронных доказательств с соблюдением права на частную жизнь лица, а также механизмом восстановления данных.

Генеральной прокуратурой Российской Федерации как центральным компетентным органом по вопросам оказания правовой помощи информировались правоохранительные органы о необходимости перед направлением запроса о правовой помощи в оперативном порядке принимать меры к обеспечению сохранения Интернет-провайдерами интересующих данных. С учетом отсутствия унификации политики сроков хранения данных и фактически достаточно непродолжительного периода их сохранения отсутствие запроса о предварительном сохранении информации может привести к получению правоохранительными

органами ответов об отсутствии запрашиваемых данных и технической невозможности исполнения запроса о правовой помощи. При этом истекают сроки следствия и возможности для проведения эффективного и полного расследования могут существенно сократиться.

Провайдеры услуг в сети «Интернет», предоставляющие, по большей части, коммуникативные сервисы, выступают новыми крупными игроками, имеющими реальное воздействие на осуществление расследования. При этом сохранение данных может быть инициировано с помощью одновременно нескольких каналов. Прежде всего контакт непосредственно с провайдером путем направления запроса по соответствующей форме. Процедура упрощается, если провайдер предоставляет услуги на территории Российской Федерации и в своей политике по взаимодействию с госорганами предусматривает возможность прямых контактов с иностранными правоохранительными и судебными органами.

При направлении запроса о правовой помощи в компетентный орган иностранного государства для наибольшей эффективности необходимо прилагать реквизиты, полученные от провайдера, о дате и уникальном идентификационном номере сохраненных материалов.

Запрос о сохранении информации может быть также направлен по каналам правоохранительного сотрудничества, в частности, коммуникационной сети Интерпола I-24/7.

Некоторые страны и провайдеры требуют направления запроса о сохранении информации только в порядке оказания правовой помощи. Соответственно, такой запрос на сохранение является частью общего запроса на производство следственных действий по осмотру и выемке информации, в особенности если такие запросы касаются установления личности пользователей IP-адресов, поскольку данная информация может рассматриваться в качестве персональных данных.

При этом с точки зрения отечественного УПК для получения информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами (ст. 29 УПК РФ) необходимо получение судебного решения (ст. 165 УПК РФ). Так, запрос иностранному Интернет-провайдеру о получении, например, истории входящих и исходящих сообщений из почтового сервиса без наличия санкции суда не может быть направлен, поскольку нарушает установленный порядок и может рассматриваться в качестве нарушающего права и законные интересы лица, электронная почта которого подлежит осмотру, что приведет к признанию доказательств не допустимыми. Причем данное положение одинаково характерно как для российского права, так и для права США.

Для повышения эффективности коммуникации с провайдерами услуг в сети «Интернет» Управлением по наркотикам и преступности Организации Объединенных Наций (далее – УНП ООН) опубликованы примеры составления запроса о сохранении информации в адрес провайдера. Отмечается, что при направлении запросов могут возникнуть трудности в связи с отсутствием у Интернет-провайдеров руководящих принципов для правоохранительных органов по направлению просьб о сохранении, нежелание сотрудничать и взаимодействовать с запросами в связи с трудностью проверить подлинность запроса и аутентифицировать

заращивающую сторону, в то время как на провайдере лежит обязанность сохранения конфиденциальных данных их пользователей. УНП ООН предлагается в таких ситуациях связаться с Интерполом, Европолом, сетью 24/7, магистратами по связям и контактами между полицией, чтобы подтвердить, что Интернет-провайдер может обладать какой-либо информацией, которая поможет расследованию.

В типовой форме запроса к Интернет-провайдеру, помимо стандартных формулировок (наименование запрашивающей стороны, правовое основание, описание составов инкриминируемых деяний, ссылка на источник, подлежащий сохранению), положительной чертой является указание на информирование или неинформирование владельца аккаунта, в отношении которого направляется запрос о сохранении и получении информации. Во политиках запросов правоохранительных органов к Интернет-провайдерам по умолчанию прописано, что сервис уведомляет своего пользователя, что может негативно сказаться на расследовании. Компетентными органами иностранных государств, в частности США, повторно заращивается информация у инициатора о его желании уведомить владельца аккаунта. С учетом коммуникации через центральные компетентные органы процесс является крайне затратным по временным ресурсам, при этом сохранение информации может быть не инициировано. Именно поэтому указание в запросе на сохранение информации о неуведомлении пользователя на этапе подачи такого запроса может рассматриваться в качестве ключевого аспекта. Например, может быть использована такая формулировка: I request that you do not disclose the existence of this request to the subscriber or any other person, other than as necessary to comply with this request. If compliance with this request might result in a permanent or temporary termination of service to the account(s), or otherwise alert any user of the account(s) as to your actions to preserve the information described below, please contact me as soon as possible and before acting (перевод: Я прошу не разглашать информацию о направлении данного запроса пользователю или иному лицу в дюбых случаях, не относящихся к исполнению настоящего запроса. Если исполнение настоящего запроса может повлечь постоянное или временное прекращение оказание услуг в отношении владельца учетной записи в сервисе или, наоборот, повлечь уведомление пользователя о намерении сервиса исполнить запрос о сохранении информации, изложенной ниже, прошу связаться со мной в возможно короткий срок до принятия соответствующих действий.

Несмотря на кажущуюся эффективность практики взаимодействия с Интернет-провайдерами, в силу их независимого статуса и наличия собственного порядка обработки запросов о сохранении информации на практике для российских правоохранительных органов могут возникнуть определенные трудности. Например, в 2021 г. по уголовному делу был направлен запрос о правовой помощи в США с ходатайством о проведении следственных действий по выемке из почтового сервиса Gmail, а также получении информации на персональной странице в социальной сети Twitter в связи с наличием оснований полагать, что на указанных ресурсах может быть информация, имеющая значение для уголовного дела. При этом несмотря на направление просьб в Twitter Incorporated Inc. о необ-

ходимости сохранения информации с момента создания интересующего аккаунта, сохранение произведено не было. Функционал портала Twitter для правоохранительных органов, размещаемому на странице: t.co/lr или http://legalrequests.twitter.com, для российских правоохранительных органов не доступен, поскольку для подачи запроса необходима авторизация с почтовым доменом правоохранительного органа, а домен Следственного комитета Российской Федерации администрацией соцсети таким признан не был. В то же время альтернативного способа сохранения данных Twitter не предусматривает.

Политика сохранения информации Twitter. позволяет сохранить информацию в течение 90 дней со дня поступления запроса. В исключительных случаях Twitter допускает продление срока хранения данных, в отношении которых был подан запрос на сохранение, при условии подачи нового отдельного запроса на продление срока за 7 дней до истечения первичного ходатайства, однако в случае продления периода хранения социальная сеть не гарантирует, что информация все еще будет доступна в силу технических особенностей.

Как отмечается в политике Twitter, в отношении запросов о сохранении персональной информации пользователей необходимо судебное решение. В отношении содержания информации, размещаемой в социальной сети (содержания частных сообщений пользователей, фотографий), необходим ордер на обыск или равнозначный ему документ соответствующей юрисдикции. Представляется, что постановление о проведении выемки по российскому праву соответствует данному условию.

В Условиях предоставления информации по запросам правоохранительных органов Google приводится схожий механизм реагирования. В первую очередь Google уведомляет владельца аккаунта о полученном запросе. В своих действиях компания руководствуется правом США и на основании четвертой поправки к Конституции США и Закона «О защите информации, передаваемой с помощью электронных систем связи» (Electronic Communications Privacy Act) вправе раскрывать весьма ограниченную информацию о своих пользователях. Для предоставления информации, не являющейся контентом, то сведения об отправителе, получателе информации, дате отправки и т. д. требуется наличие судебной санкции. В отношении контентной части, то есть содержания сообщений и прикрепленных вложений, необходимо получить ордер на обыск, который обязывает провайдера раскрыть данного рода чувствительную информацию. В случае поступления в адрес Google запросов о правовой помощи о проведении процессуальных действий от иностранных правоохранительных органов, корпорация раскрывает запрашиваемую информацию только, если ее раскрытие не противоречит законодательству США, законодательству страны – инициатору запроса, международным нормам и внутренним правилам Google, под которыми подразумеваются все действующие условия использования и политики конфиденциальности, а также правила, которые касаются защиты свободы самовыражения.

Еще одним крупным иностранным провайдером, у которого часто запрашиваются данные, является Facebook. Согласно политике Facebook в отношении

взаимодействия с правоохранительными органами Facebook раскрывает информацию аккаунта исключительно в соответствии с условиями собственного пользовательского соглашения и требованиями применимого права, то есть США, в том числе в соответствии с Законом «О защите информации, передаваемой с помощью электронных систем связи». Для раскрытия контента аккаунта может потребоваться запрос или судебное поручение в рамках Договора о взаимной правовой помощи. При запросе о сохранении информации через форму онлайн запросов интересующие следствие данные могут сохраняться в течение 90 дней до получения надлежащим образом оформленного судебного приказа. При этом политика Facebook также предусматривает уведомление своих пользователей о запросах относительно их информации до ее раскрытия.

Среди наиболее актуальных документов, описывающих взаимодействие с провайдерами Интернет-услуг, стоит обратиться ко Второму дополнительному протоколу к Будапештской конвенции, а также проекту Конвенции ООН о противодействии использованию информационно-коммуникационных технологий в преступных целях. Статья 7 Второго дополнительного протокола посвящена мерам национального регулирования, создающим возможность для правоохранительных органов стран-участниц, напрямую взаимодействовать с Интернет-провайдерами в целях получения информации об абонентах и содержания пользовательской информации. Проект Конвенции ООН также предусматривает порядок обеспечения сохранности электронной информации Интернет-провайдерами. Статьей 34 Конвенции предполагается принятие государствами-участниками законодательных мер, наделяющих компетентные органы возможностью обеспечивать сохранение интересующей следствие информации во взаимодействии с Интернет-провайдерами, в частности в случаях, когда имеются основания полагать, что эти данные особенно подвержены риску уничтожения, блокирования, копирования или модификации, в том числе в результате истечения срока давности их хранения, установленного внутренним законодательством или правилами предоставления услуг провайдера.

Список литературы

1. Быкадорова Е. В. Электронные носители информации в системе вещественных доказательств // Федерализм. 2018. № 4.

2. Воронин М. И. Электронные доказательства в УПК: быть или не быть? // Lex Russica. 2019. № 7 (152).

3. Кобец П. Н. Особенности киберпреступности в период пандемии COVID-19: состояние и дальнейший прогноз // Ученые записки Казанского юридического института МВД России. 2021. № 2 (12).

4. Количенко А. А. Электронные носители информации как источник получения электронных доказательств в уголовном процессе // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2022. №1 (47).

Московцева К. А.[1]**,**
адъюнкт кафедры предварительного расследования
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

СООТНОШЕНИЕ ФУНКЦИИ РУКОВОДСТВА ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ СЛЕДОВАТЕЛЯ И КОНТРОЛИРУЮЩЕЙ ФУНКЦИИ РУКОВОДИТЕЛЯ СЛЕДСТВЕННОГО ОРГАНА ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ВЕДОМСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ

Статья 39 уголовно-процессуального закона включает в себя достаточно широкий перечень компетенций руководителя следственного органа. Тем не менее, данный перечень исчерпывающим не является, и поэтому на просторах уголовно-процессуального закона можно найти еще немало полномочий, входящих в компетенции руководителя следственного органа.

Между тем, такое разнообразие полномочий предполагает наличие функции руководства процессуальной деятельностью следователя, хотя прямо в уголовно-процессуальном законе не говорится о ее существовании.

Этимология слова «руководить» говорит об его использовании в контексте направлять, управлять, заведовать [3]. А значит, руководство процессуальной деятельностью следователя означает направление руководителем следственного органа деятельности следователя по возбуждению и расследованию уголовных дел на строгое соответствие закону, а также соблюдение объективности, полноты и всесторонности при производстве предварительного расследования.

В научной среде данная функция обозначается по-разному. Одни процессуалисты именуют ее процессуальным руководством, другие – функцией по осуществлению руководства расследованием. Стоить заметить, что последнее наименование все-таки не совсем корректно, так как подразумевает под собой деятельность руководителя следственного органа по осуществлению руководства на стадии предварительного расследования, тогда как очевидно, что данная функция применима еще на стадии возбуждения уголовного дела, начиная с проверки сообщения о преступлении.

Нельзя не согласиться с точкой зрения И. А. Насоновой, Н. А. Моругиной, которые пишут, что данная функция «отражает предмет руководства (процессуальная деятельность), объект руководства (следователь) и границы ее действия», исходя из чего рассматриваемую функцию следует именовать функцией руководства процессуальной деятельностью следователя [2, С. 19].

Границы ее действия распространяются от этапа проверки сообщения о преступлении до возобновления производства по уголовному делу в виду новых или вновь открывшихся обстоятельств, сосредотачивая основной спектр полномочий на стадиях возбуждения уголовного дела и предварительного расследования.

Тем не менее, не взирая на именование, суть данной функции остается неизменной. Так, руководитель следственного органа осуществляет руководство процессуальной деятельностью следователя еще до возбуждения уголовного дела.

[1] © Московцева К. А., 2022.

Это следует из полномочия по проверке материалов проверки сообщения о преступлении.

На данном этапе руководитель следственного органа проверяет собранные материалы на полноту, законность, допустимость и их достаточность для возбуждения уголовного дела. Кроме того, руководитель следственного органа уполномочен продлевать срок проверки сообщения о преступлении, возвращать материалы для дополнительной проверки, поручать следователю проверку сообщения о преступлении.

Таким образом, полномочий на данном этапе, осуществляемых руководителем следственного органа, достаточно, чтобы говорить о том, что осуществление функции руководства процессуальной деятельностью следователя начинается уже с этапа проверки сообщения о преступлении, а не со стадии предварительного расследования.

Заметим, что, завершая этап проверки сообщения о преступлении принятием соответствующего процессуального решения, руководитель следственного органа, как самостоятельно, обладая всеми полномочиями следователя, так и проверяя обоснованность вынесенного по результатам проверки сообщения о преступлении решения, осуществляет еще одну функцию – функцию принятия процессуальных решений.

После возбуждения уголовного дела полномочия руководителя следственного органа в рамках рассматриваемой нами функции руководства процессуальной деятельностью следователя направлены на полноту, законность, обоснованность и своевременность расследования уголовных дел. Несомненно, грамотное руководство процессуальной деятельностью следователя будет являться залогом качества всего расследования. Реализуя рассматриваемую функцию, руководитель следственного органа помогает следователю быстро и эффективно разрешать возникающие перед ним задачи, принимать решения.

Стоит заметить, что функция процессуального руководства тесно связана с контролирующей функцией руководителя следственного органа, осуществляемой в рамках ведомственного контроля.

В уголовно-процессуальной науке бытует мнение о том, что контроль и руководство, касаемо полномочий руководителя следственного органа, функционально не различимы. Так, Толковый словарь В. И. Даля говорит о том, что слово «контролировать» означает «поверять, проверять» [1].

Соответственно, полномочия по проверке материалов проверки сообщения о преступлении, материалов уголовного дела являются составляющей функции процессуального контроля руководителя следственного органа. Действительно, границы, субъектно-объектный состав у данных функций будет неразличим, но цель у контролирующей функции будет шире. Так, «направление руководителем следственного органа деятельности следователя по возбуждению и расследованию уголовных дел на строгое соответствие закону, а также соблюдение объективности, полноты и всесторонности при производстве предварительного расследования» будет дополнено своевременным выявлением нарушений процессуального и непроцессуального характера.

Нельзя не заметить, что контроль руководителя следственного органа по своей цели схож с функцией прокурорского надзора, но, между тем, по содержанию они весьма отличны друг от друга. Так, прокурорский надзор направлен на выявление нарушений закона с требованиями об их устранении. Но все требования прокурора об устранении выявленных им нарушений сперва будут переданы руководителю следственного органа и им рассмотрены.

Таким образом, ведомственный процессуальный контроль руководителя следственного органа имеет несколько основополагающих функций, неразрывно существующих и активно дополняющих друг друга.

Рассмотрев лишь отдельные функции руководителя следственного органа, осуществление которых возможно в рамках ведомственного процессуального контроля, мы приходим к выводу, что все они тесно взаимосвязаны и дополняют друг друга. Наиболее выраженными и активно реализующимися функциями являются руководство процессуальной деятельностью следователя и контролирующая функция руководителя следственного органа.

Симбиоз указанных функций позволяет руководителю следственного органа помогать следователю при разрешении спорных задач и сложных ситуаций советом, квалификацией деяния, оказанием содействия при постановке и проверке дополнительной версии содеянного, выявлением недостатков и их устранением, что эффективно как для опытного следователя, в производстве которого могут находиться десятки уголовных дел, так и для молодого специалиста.

Список литературы

1. Даль В. И. Толковый словарь русского языка. URL: https://gufo.me/dict/dal/рука (дата обращения: 28.03.2022).

2. Насонова И. А., Моругина Н. А. Роль руководителя следственного органа при осуществлении функции руководства процессуальной деятельности следователя при расследовании преступлений // Вестник Воронежского института МВД России. 2008. № 3. С. 18–20.

3. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка // URL: https://gufo.me/dict/ozhegov/руководить (дата обращения: 28.03.2022).

Плахота К. С.[1]***,***
Адъюнкт факультета подготовки
научно-педагогических и научных кадров
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя

ТАКТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗВОДСТВА ДИСТАНЦИОННОГО ДОПРОСА СЛЕДОВАТЕЛЕМ (ДОЗНАВАТЕЛЕМ)

Допрос занимает особое место в системе следственных действий, так как не существует уголовных дел, в которых бы отсутствовали материально зафиксированные показания лица (потерпевшего/ свидетеля/ подозреваемого/ обвиняемого и т. д.).

В условиях цифровизации стало возможным производство дистанционного допроса посредством использования видеоконференцсвязи (ВКС) или же мессенджеров (электронных платформ). Однако применение указанной технологии при получении доказательственной информации возможно лишь в исключительных случаях: отсутствие возможности у лица физически присутствовать по месту производства предварительного следствия, для обеспечения безопасности участников, в условиях пандемии и т. д. Для того чтобы полученная информация отвечала требованиям относимости, допустимости, достоверности и приобрела статус доказательства, на наш взгляд, необходимо помимо записи экрана технического устройства (компьютера/ смартфона) осуществлять видеосъемку (из нескольких точек, чтобы охватить всю площадь помещения). Таким образом, ВКС – это не только дополнительный способ фиксации информации, но еще и тактический прием, при помощи которого можно получить более полную вербальную информацию по факту преступления.

Применение технологии видеоконференцсвязи при производстве любого следственного действия имеет организационно-тактические особенности. В связи с этим от предварительной подготовки следователя зависит результативность как отдельного мероприятия, так и в целом расследования.

Подготовка следователя к дистанционному допросу состоит из следующих этапов:

1. Формулирование цели, задач, а также предполагаемого результата;

2. Выбор места и времени проведения процессуального действия, определение круга его участников;

Необходимо заранее подготовить рабочее место к сеансу ВКС: проверить освещение, убрать с рабочего стола отвлекающие внимание предметы, приготовить необходимые материалы, которые следователь планирует продемонстрировать гражданину.

При производстве допроса с использованием видеоконференцсвязи участвует следователь, специалист, оператор с одной стороны и свидетель (иной участник уголовного судопроизводства), следователь, специалист, оператор – с другой. В случае несовершеннолетия лица будут привлечены: педагог и (или) психолог,

[1] © Плахота К. С., 2022.

законный представитель; нередко требуется присутствие переводчика, адвоката и т. д. Наличие третьих лиц порой вынуждает граждан давать ложные показания, так как им может быть стыдно или неприятно озвучивать случившееся.

«Как известно особое внимание в УПК РФ уделяется времени производства следственных действий. В соответствии с ч. 4 ст. 164 УПК РФ их производство в ночное время не допускается, за исключением случаев, не терпящих отлагательства. Таким образом, при планировании допроса с использованием ВКС необходимо учесть его предполагаемую продолжительность, а также местное время в обоих местах связи (в протоколе следственного действия указать временные рамки в обеих точках связи). Аналогично следует поступать при приостановлении и возобновлении видеосвязи» [1, с. 288–291].

3. Составление плана проведения следственного действия:

3.1. Изучение личности допрашиваемого.

Следователь наделен полномочиями запрашивать характеризующий материал из образовательной организации, организации дополнительного образования, с места работы, учреждений здравоохранения, военкомата, истребовать справки ИЦ и ГИАЦ о судимости, из мест лишения свободы (иных исправительных учреждений) и т. д. Существует ряд критериев, которым должно соответствовать исследование характеристик личности:

– Объективность. Выявлению и анализу подлежат как негативные, так и позитивные качества;

– Целенаправленность. Следователь должен поставить перед собой цель, определить и конкретно сформулировать задачи в соответствии, с которыми будет изучать личность участника уголовного судопроизводства;

– Комплексность. Использование нескольких научно обоснованных методов, которые учитывают специфичность объекта исследования, различные следственные ситуации, дефицит времени.

При составлении портрета человека необходимо обратить внимание на следующие критерии, например, общительные люди (экстраверты) по сравнению с замкнутыми (интровертами) чувствуют себя в компании неизвестного человека комфортно, при необходимости могут прибегнуть к обману без затруднения. Экстравертам легче управлять своими эмоциями, а также контролировать невербальные реакции (жесты, мимику и т. д.). У таких людей зачастую есть заготовленные варианты поведения в случае уличения их во лжи, с целью сохранения мнимой честности. Интровертам приходится сложнее в незнакомой обстановке вступая с человеком впервые в контакт, они лишены преимуществ экстравертов. Чувства стыда и страха перед разоблачением оказывают на них значительное воздействие, в связи с чем прибегают они к лжи крайне редко.

Вторым критерием является артистичность, которая повышает шансы человека на использование хитростей, уловок, обмана. Артистичные люди способны играть различные роли, хорошо контролируют вербальную и невербальную коммуникации. Человек вошедший в роль искренне верит в свою невиновность, чем вводит следователя/ дознавателя в заблуждение.

И наконец, качественная, тонкая ложь требует высокоразвитого интеллекта; психологические процессы: память, внимание, мышление – способствуют подавлению страха при обмане. Поэтому при изучении личности необходимо обратить внимание на образование, профессию, увлечение лица и т. д.

3.2. Следователь должен заранее подготовить доказательства по уголовному делу, которые он хочет предъявить допрашиваемому.

3.3. Определить последовательность предъявления доказательств.

Во-первых, от низшего к высшему. То есть сначала предъявляются менее значимые, затем более значимые и, наконец, решающие доказательства, изобличающие правонарушителя в совершении преступления. Данный прием эффективно воздействует на психику допрашиваемого, так как он находится в постоянном напряжении, ожидая демонстрации новых доказательств, которые разбивают выбранную им линию защиты (отрицание, ложь). Следователи используют указанный способ, когда имеют дело с лицом, отказывающимся давать показания; лицом, которое обдуманно совершило преступление (заранее был продуман план, сокрыты следы преступления и т. д.)

Во-вторых, от высшего к низшему. Прием будет результативен в отношении подозреваемого / обвиняемого, впервые совершившего преступление, когда он осознает неопровержимость доказательств; лица, которое не использовало в качестве линии защиты ложь или же она легко опровержима, а также имеются основания полагать, что допрашиваемый раскаивается, несмотря на отсутствие признания вины.

И в заключении все доказательства предъявляются одновременно. Данный способ применяется по многоэпизодным преступлениям, следователь сам определяет последовательность анализа эпизодов и приведения по ним доказательств. Рекомендуется сначала их применять по хорошо доказанным эпизодам, создавая у правонарушителя иллюзию, что по иным эпизодам (менее доказанным) также собрана качественная доказательственная база и сопротивление бессмысленно [2, с. 85].

3.4. Планирование развития следственной ситуации.

В данном случае важную роль играет занимаемая допрашиваемым позиция: готов ли он говорить правду или же желает ввести следствие в заблуждение.

Допрос производится в течение небольшого промежутка времени и в условиях постоянно меняющейся следственной ситуации, поэтому следователь должен строго подходить к вопросу выбора психологических методов. Оптимальным и результативным является – наблюдение, в особенности если лицо занимает вторую позицию (желает ввести следствие в заблуждение). Наблюдение – специально организованное, целенаправленное восприятие личности с целью изучения различных проявлений ее психики. В ходе данного метода следователь анализирует реакции, которые возникают во время задаваемых вопросов, черты характера, темперамент, вербальную (стилистику, грамматику, лексику и т. д.) и невербальную коммуникации (жесты, мимику, позы, тембр и т. д.).

Другим методом является беседа: в ходе допроса ей необходимо уделить отдельное внимание, так как это способствует установлению психологического контакта. В ходе беседы подлежат выяснению биографические данные, уровень

развития, травмы, состояние органов чувств, психики, памяти, определяется мировоззрение, понимание моральных и этических норм, антиобщественные взгляды.

Важно учитывать, что бывают случаи, когда допрашиваемый желает помочь в расследовании. Однако из-за недостаточной осведомленности дает ложные показания, не понимает какие данные имеют первостепенное значение, а какие не представляют для следствия интерес. Гражданин в силу нервного расстройства, стресса, усталости, волнения мог не запомнить все обстоятельства преступления, забыть из-за травмирующего воздействия либо добросовестно заблуждаться. Лицо могло не адекватно воспринимать происходящее также в связи с дефектами органов чувств.

Как мы отмечали выше, при использовании технологии ВКС важно вести видеосъемку, чтобы полученные доказательства отвечали необходимым требованиям. Видеозапись обеспечивает объективность показаний и позволяет участнику уголовного судопроизводства не присутствовать в судебном заседании.

В ходе сеанса видеоконференцсвязи следователь ограничен в психологических приемах, которые может применить. При допросе совершеннолетних граждан проблемы возникают значительно реже, чем при допросе несовершеннолетних, так как последние не обладают достаточным жизненным опытом и словарным запасом, чтобы рассказать об обстоятельствах произошедшего. В кабинете следователя они теряются, смущаются и способны лишь односложно отвечать на вопросы.

Если у следователя отсутствует достаточный опыт работы, то допрос с применением технических средств вызывает у него сложности, так как он концентрируется на видеосъемке и забывает об обстоятельствах подлежащих выяснению, в результате чего требуется проведение данного следственного действия дополнительно. Предварительная подготовка граждан к дистанционному допросу не всегда имеет положительный эффект и иногда возникают проблемы, приводящие к признанию полученных доказательств недопустимыми.

При расследовании уголовного дела по обвинению несовершеннолетнего N в совершении шести эпизодов насильственных действий сексуального характера в отношении малолетней К. он дал исчерпывающие признательные показания. Перед его допросом в качестве обвиняемого, N высказал согласие на применение видеозаписи. Однако, после включения видеокамеры, разъяснения ему прав и предложения в ходе свободного рассказа пояснить об обстоятельствах совершенного им преступления, несовершеннолетний замкнулся и не мог вымолвить ни слова. Следователь был вынужден ограничиться лишь вопросами о том, подтверждает ли обвиняемый данные ранее показания и признает ли он свою вину, после чего следственное действие было окончено [3].

Таким образом, следственная практика нуждается в разработке методических рекомендаций о производстве дистанционного допроса с ведением видеозаписи, так как использование технических средств ограничивает следователей/ дознавателей в применении психологических приемов жесткими рамками законодательства. Знания юридической психологии позволяют лицу, производящему расследование, быстрее установить психологический контакт, расположить

человека, настроить его на дачу правдивых показаний. Однако важно помнить о критериях допустимости психологического воздействия, так как при видеофиксации действия должностного лица могут носить дискредитирующий характер и привести к признанию доказательств недопустимыми.

Список литературы

1. Плахота К. С. Видеоконференцсвязь на стадии досудебного производства как новая форма собирания доказательств // в сборнике: Теория и практика расследования преступлений. Материалы IX Международной научно-практической конференции. Редколлегия: Э.С. Данильян [и др.]. Краснодар. 2021. С. 288-291.

2. Руководство для следователей / Под ред. Селиванова Н.А. М. : ИНФА-М., 2004. 384 с.

3. Уголовное дело № 11702840004000013//Архив Турочакского МСО СУ СК России по Республике Алтай /72017 год

Попова Н. А.[1]**,**
студентка факультета подготовки криминалистов
Московской академии Следственного комитета Российской Федерации

Научный руководитель:

Кардашевская М. В.,
профессор кафедры предварительного расследования
Московской академии Следственного комитета Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИ ЗНАЧИМЫЕ СВЕДЕНИЯ О ПРЕСТУПНЫХ ГРУППАХ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ, СОВЕРШАЮЩИХ ГРАБЕЖИ И РАЗБОИ

Криминалистическая характеристика грабежей и разбоев включает в себя информацию о преступных группах несовершеннолетних как основной элемент своей структуры.

Отмечая определенную своеобразность данного вида преступлений, В.М. Быков подчеркивал, что составной частью криминалистической характеристики преступлений выступает установление факта совершения преступления группой, характер данной группы, ее состав и организационная структура [1, с. 84].

Преступная группа несовершеннолетних состоит из двух или более лиц, каждому из которых присущи определенные личностные качества и соответствующий возраст. Данная преступная группа состоит из определенной системы, главным элементом которой является личность отдельных ее участников. Особенность несовершеннолетнего, входящего в состав преступной группы, обладающего отличительными признаками, присущими только ему и отделяющими от других участников преступной группы [2, с. 223], оказывает влияние на поведение всей группы и отношения внутри группы между ее участниками.

К криминалистически значимым сведениям о преступных группах несовершеннолетних, совершающих грабежи и разбои, следует относить также данные о поведении преступников до, во время и после совершения преступления. Указанная информация влияет как на обстоятельства, подлежащие установлению на первоначальном этапе, так и на весь процесс расследования грабежей и разбоев.

Личность несовершеннолетнего участника преступной группы характеризуется его социальный статусом, видом деятельности, имеющимся преступным опытом, мотивами совершения преступлений и чертами характера. Для успешного поиска лица, совершившего преступление и расследования преступления в общем, следует выявлять связь между признаками, которыми обладает личность несовершеннолетнего, совершающего преступление с криминалистической характеристикой грабежей и разбоев [3, с. 94].

К криминалистически значимым сведениям о преступной группе несовершеннолетних относится информация о понятии, виде и структуре преступной

[1] © Попова Н. А., 2022.

группы, психологической и функциональной характеристике, возрасте участников данной группы.

Преступная группа в уголовном праве представляет собой объединение двух или более лиц, обладающих возрастом уголовной ответственности, для совершения указанных в Особенной части Уголовного кодекса деяний [4, с. 89].

В литературе существуют различные определения преступной группы. Предпочтение большинства авторов отдается определению В.М. Быкова, который отмечает, что преступная группа является противообщественным объединением лиц, осуществляющим единую преступную деятельность [5, с. 21]. Данным определением отмечается асоциальный характер поведения несовершеннолетних.

На формирование преступного поведения несовершеннолетних большое влияние оказывает их стремление к завоеванию авторитета среди сверстников, желание самоутверждения, что находит наибольшее выражение в возрасте от 15 до 18 лет [6, с. 177].

Обращая внимание на пол несовершеннолетних участников преступных групп, совершающих грабежи и разбои, то в значительном большинстве случаев ими выступают лица мужского пола. Данный факт объясняется тем, что лица мужского пола наиболее решительны в своих действиях, у них наиболее повышено желание самоутверждения в круге их общения, они менее подвержены родительскому контролю.

Исходя из результатов исследования архивных уголовных дел, можно выделить несколько возрастных категорий несовершеннолетних, совершающих грабежи и разбои в составе преступной группы: 1) от 14 до 16 лет; 2) от 16 до 17 лет; 3) от 17 до 18 лет. Следователю при расследовании грабежей и разбоев, совершенных преступными группами несовершеннолетних следует обращать внимание на то, что наибольшее количество данных преступлений совершается именно несовершеннолетними второй возрастной категории. Данная особенность должна быть в обязательном порядке учтена при выборе отдельных тактических приемов для производства следственных действий.

Для расследования грабежей и разбоев, совершаемых преступными группами несовершеннолетних огромное значение имеют сведения о формировании, структуре и деятельности таких групп.

О.Н. Терехова в своем исследовании выделяет следующую классификацию преступных групп несовершеннолетних по основанию степени ориентации на преступную деятельность [7, с. 32–33]:

1. Стихийно-криминальные группы. В таких группах на первом плане стоит именно субъективное общение, а преступная деятельность, осуществляемая совместно, занимает второй план.

2. Ситуативно-криминальные группы. В группах данного вида и общение между участниками и совместная преступная деятельность равны по своему значению.

3. Последовательно-криминальные группы. В данных группах на первом плане стоит преступная деятельность, осуществляемая совместно, а субъективное общение занимает второй план.

Важнейшими критериями отнесения преступных групп несовершеннолетних, совершающих грабежи и разбои к какому-либо из данных видов являются: количество совершенных преступлений данного вида в составе группы; подготовка к их совершению; структура участников; оценка лидерства в данной группе.

Состав стихийно-криминальной группы включает в себя в основном от шести до десяти человек. Подготовка в преступных группах данного вида слабо выражена. Большинство участников такой группы характеризуются положительно, ранее преступления не совершали. Знакомство между участниками происходит по месту учебы либо случайным образом. Продолжительность знакомства составляет от одной до двух недель. Большая часть группы являются обучающимися. Лидер в данных группах, как правило, не имеется. Участники группы данного вида равноправны.

Преступные группы несовершеннолетних второго вида включают в себя в основном от трех до пяти человек. В большом количестве случаев группа формируется для совершения нескольких грабежей и разбоев. Большая часть участников ситуативно-криминальной группы не имеет криминального прошлого. Объединение участников, входящих в такую группу происходит в основном на учебе, знакомых не более месяца. Подавляющее большинство членов группы являются обучающимися. В таких группах имеется лидер, который осуществляет распределение ролей.

В состав группы третьего из указанных видов входят в основном два участника. Совершение несовершеннолетними в такой группе грабежей и разбоев имеет серийный характер.

Стоит отметить, что на совершение несовершеннолетними грабежей и разбоев влияет употребление ими алкогольных напитков, чуть реже – наркотических средств. В некоторых случаях данное употребление носит эпизодический характер.

Как показывает практика, в преступных группах несовершеннолетних, совершающих грабежи и разбои, в большинстве случаев присутствует лидер, который организует совершение данных преступлений. Н.Е. Медведева справедливо отмечает, что лидерство несовершеннолетнего выражается во влиянии на взгляды, убеждения участников группы и направленность деятельности группы в целом. Именно лидер, влиянию которого поддаются участники группы, организует совершение групповых грабежей и разбоев [8, с. 38].

При совершении грабежей и разбоев преступными группами несовершеннолетних следователю при планировании производства отдельных следственных действий необходимо выяснять положение участников в составе группы. Исходя из анализа следственной практики, преступная группа несовершеннолетних, совершающих грабежи и разбои включает в себя следующих участников:

– лидер;

– исполнители;

– участники группы, обладающие информацией о потенциальном объекте посягательства (потерпевшем);

– члены группы, осуществляющие действия по хранению похищенного имущества;

– участники группы, реализующие похищенное.

При этом одним несовершеннолетним участником преступной группы может выполняться более чем одна из указанных ролей.

Необходимо отметить, что знание определенной роли несовершеннолетнего, совершающего грабеж или разбой в составе группы, даст возможность следователю подобрать определенные тактические приемы, необходимые при производстве отдельных следственных действий.

Личность несовершеннолетнего, входящего в состав преступной группы, характеризуется отличительными чертами его возраста. Отрицательное поведение у несовершеннолетних связано с чувством психологического одиночества, их потребности в самозащите, самовыражении и самоутверждении [9, с. 62–64].

Исходя из направленности несовершеннолетнего на совершение грабежей или разбоев в составе преступной группы, можно выделить три группы на основе рассмотренных ранее видов преступных групп несовершеннолетних, взяв за базис классификации личность преступников, представленную Д.И. Фельдштейном [10, с. 28–35].

В состав последовательно-криминальной группы входят несовершеннолетние, осознанно совершающие групповой грабеж или разбой. Отличительными возрастными качествами таких несовершеннолетних выступают агрессивность, эгоизм, повышенная эмоциональность. В состав ситуативно-криминальной группы входят несовершеннолетние, подражающие представителям первой группы, совершающим групповой грабеж или разбой. Отличительными возрастными качествами таких несовершеннолетних выступают завистливость, несформированные нравственные установки, эгоизм, отсутствие самокритичности, несдержанность. В состав стихийно-криминальной группы входят несовершеннолетние, являющиеся по своей сути случайными участниками группового грабежа или разбоя. Отличительными возрастными качествами таких несовершеннолетних выступают слабоволие, подвластность мнению окружающих, боязливость.

Данная классификация дает возможность следователю на основе определенных особенностей возраста несовершеннолетнего участника преступной группы несовершеннолетних определить его отношение к той или иной группе и наметить правильный ход расследования преступления путем определения производства следственных действий с каждым из несовершеннолетних участников.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что большая часть грабежей и разбоев совершается последовательно-криминальными группами несовершеннолетних, так как участники такой группы на основе ярко выраженной антиобщественной обстановки готовы к совершению преступных действий. В данной преступной группе несовершеннолетних отношения носят управленческий характер, присутствует лидер, который принимает решение о совершении очередного грабежа или разбоя. Структура группы определяется не только физиологическими свойствами, но и отличительными возрастными качествами, присущими отдельному несовершеннолетнему участнику преступной группы.

Список литературы

1. Быков В. М. Криминалистическая характеристика групповых преступлений // Криминалистическая характеристика преступлений: сборник науч. Трудов. М., 1984. С. 84.

2. Ушаков Д. Н. Большой толковый словарь русского языка: современная редакция. М., 2008. С. 223.

3. Каневский Л. Л. Указ. соч. С. 94.

4. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. В.М. Лебедева. 6-е изд., перераб. и доп. – С. 89.

5. Быков В.М. Что такое организованная группа? // Российская юстиция. 1995. № 10. С. 21.

6. Кон И.С. Социология личности. М., 1967. С. 177.

7. Терехова О.Н. Групповая преступность несовершеннолетних и ее предупреждение подразделениями по делам несовершеннолетних. – Красноярск, 2009. С. 32–33.

8. Медведева Н. Е. Указ. соч. С. 38.

9. Ташева А. Н. Психологический статус подростков с признаками девиантного и делинквентного поведения // Преступность и профилактика девиантного поведения молодежи. – Ростов-на-Дону, 1996. С. 62–64; Антонян Ю.М. Жестокость в нашей жизни. М., 1995.

10. Фельдштейн Д. И. Психология воспитания подростка. М., 1978. С. 28–35.

Сарыгина К. С.[1]***,***
слушатель института подготовки сотрудников
для органов предварительного расследования
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:

Макаренко М. М.,
доцент кафедры предварительного расследования
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридический наук, доцент

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ НАЗНАЧЕНИЯ ЭКСПЕРТИЗ НА ЭТАПЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

Расследование преступлений представляет собой законодательно урегулированный процесс, в ходе чего лица, уполномоченные его осуществлять, применяют совокупность процессуальных средств и методов, конечной целью реализации которых является установление истины по уголовному делу. Среди прочих важное место в этом процессе занимает использование специальных знаний в разных формах. Одной из них, наиболее часто применяемых по уголовным делам, расследуемых в ходе дознания, выступает назначение судебных экспертиз.

В 2021 г. силами экспертно-криминалистических подразделений МВД России было проведено более 191 тыс. судебных экспертиз (191682), из них 78 776 по уголовным делам, подследственным дознавателям органов внутренних дел [1].

Порядок и особенности проводимых экспертных исследований, роль и значение их результатов для формирования доказательственной базы по уголовным делам неоднократно были предметом научной разработки в трудах различных ученых. Однако, исследования вопросов, касающихся правового регулирования и практической реализации нормативных положений по использованию специальных знаний при осуществлении расследования уголовно наказуемых деяний, по-прежнему остаются значимыми для правоохранительной деятельности. Это обусловлено высоким, а зачастую и решающим доказательственным значением по уголовным делам результатов взаимодействия лиц, расследующих преступления с экспертами и специалистами. Изложенные обстоятельства актуализируют вопросы, которые будут рассмотрены в данной статье.

Очевидно, что в процессе эффективной совместной деятельности между дознавателем, экспертом и специалистом, могут быть собраны такие вещественные доказательства по уголовному делу, которые каждый из указанных субъектов по отдельности обнаружить и закрепить надлежащим образом не сможет.

Дознавателю необходимо определить степень целесообразности непосредственного принятия участия вызываемого эксперта в следственном действии по

[1] © Сарыгина К. С., 2022.

уголовному делу. Иными словами, соответствующее решение должно быть мотивировано и определятся четко поставленными перед расследованием целями, а также задачами следственного действия как такового. Должна быть проанализирована вся имеющаяся по уголовному делу информация, которая находится в распоряжении у дознавателя и касается ситуации отдельно взятого расследуемого события преступления. Логичное и обоснованное решение, которое принимается дознавателем во время производства по уголовному делу о целесообразности участия эксперта и специалиста в следственном действии, в последующем позволит избежать со стороны всех указанных субъектов расследования бесполезной работы, а также обеспечить высокую эффективность необходимого применения всех имеющихся технико-криминалистических средств и методов и максимальную результативность следственного действия.

Основание и порядок назначения судебной экспертизы как следственного действия регламентированы ст.ст. 195-207 УПК РФ, а его результаты закон признает доказательствами по уголовному делу (ст. 74 УПК РФ). Вместе с тем необходимо выделить ряд проблем, с которыми сталкивается правоприменитель при их назначении.

Во-первых, следует отметить, что на законодательном уровне не предусмотрены критерии, в соответствии с которыми становится возможным определить непосредственную компетенцию эксперта, привлеченного в процесс расследования уголовного дела. Считаем возможным предложить следующие критерии определения специализации эксперта:

– наличие соответствующего специального образования;

– специальная экспертная подготовка по конкретному направлению;

– опыт работы в должности и обладание навыками исследования конкретных объектов с целью проведения экспертизы определенного рода, вида либо же подвида в зависимости от предметной специализации;

– наличие должного материального и технического обеспечения, необходимого для проведения соответствующего исследования.

В качестве второй проблемы необходимо выделить неграмотное формулирование вопросов, которые дознаватель ставит на разрешение эксперта в выносимом постановлении о назначении соответствующей экспертизы. Ее решение видится в использовании в данном процессе помощи специалиста, обладающего знаниями в соответствующей области. Это позволить правильно определить вид экспертизы, конкретизировать вопросы, подлежащие разрешению в рамках расследуемого уголовного дела, и не выйти за рамки компетенции лица, которое будет ее проводить.

Следующая проблема связана с изъятием объектов, которые дознаватель представляет для исследования в ходе экспертизы. Данный процесс должен производиться таким образом, чтобы их свойства, а также материальные следы преступной деятельности, которые содержат данные объекты, не были утрачены. Изъятые объекты должны быть упакованы по установленным правилам, а сам процесс процессуально закреплен в протоколе следственного действия. Суще-

ственные нарушения указанных положений чреваты в последующем тем, что заключение, данное экспертом по результатам проведенного исследования, будет исключено из числа доказательств как недопустимое.

Полагаем необходимым участие в указанном действии специалиста в соответствующей области знаний. Именно данный субъект должен оказать помощь дознавателю в том, чтобы наиболее точно установить относимость выявленных следов на месте преступления к расследуемому уголовному делу, их пригодности для последующей идентификации или же определении путей, посредством которых может быть получена иная доказательственная информация.

Еще одна проблема обусловлена тем, что действующий УПК РФ предусматривает возможность назначения судебной экспертизы на этапе возбуждения уголовного дела. Однако очевидно, что в ходе проверки дознаватель не может выполнить все необходимые процессуальные манипуляции с подозреваемым, поскольку фактически этот статус он (подозреваемый) приобретает уже в процессе расследования уголовного дела. На практике это приводит к дублированию действий дознавателя, вынужденного дважды знакомить с постановлением о назначении экспертизы одного и того же фигуранта: сначала как лицо заинтересованное, а затем как подозреваемого. Кроме того, это дает дополнительный повод стороне защиты для создания препятствий в расследовании уголовного дела путем затягивания данного процесса посредством многочисленных ходатайств о нарушении прав подозреваемого.

Отдельно следует отметить, что сроки проведения экспертиз не урегулированы на общепроцессуальном уровне. Как правило, они определяются и контролируются не лицом, ведущим производство по делу, а руководителями государственных судебно-экспертных учреждений с учетом требований, установленных федеральным законом и инструкциями каждого конкретного ведомства. Это вызывает немалые сложности на практике, когда срок производства экспертизы очень часто оказывается непредсказуем и не способствует соблюдению разумных сроков уголовного судопроизводства в целом [2]. Нормативно не урегулированы и сроки экспертиз при их производстве в негосударственном судебно-экспертном учреждении или индивидуальным экспертом, не работающим в экспертном учреждении. Следует акцентировать внимание на необходимости оперативного решения данной проблемы на законодательном уровне.

Существует также сложность, которая заключается в отсутствии процедуры уведомления дознавателей о готовности экспертных заключений. Это приводит к тому, что в экспертных учреждениях со временем накапливаются большие объемы готовых заключений, а дознаватели, не зная о их готовности, и зачастую не взаимодействуя с экспертными подразделениями, продляют сроки предварительного расследования по уголовным делам, что в конечном итоге приводит к затягиванию последних. Решение проблемы видится в закреплении на законодательном уровне процедуры уведомления о готовности экспертных заключений.

В заключение отметим, что в рамках статьи были рассмотрены лишь некоторые из проблем, возникающих при назначении дознавателем экспертиз на этапе

предварительного расследования. Полагаем, что их оперативное разрешение существенным образом скажется на результативности деятельности на данном направлении.

Список литературы

1. Статистические данные ФГКУ «Главный информационно–аналитический центр МВД России». Сводный отчет по России об использовании сил и средств в раскрытии преступлений. Форма 4(509). URL: //https://xn—b1aew.xn—p1ai/folder/101762/item/15304733/ (дата обращения: 17.04.2022).

2. Унжакова С. В. Теоретические и практические проблемы использования специальных знаний при раскрытии и расследовании преступлений // Вестник Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России. 2016. № 2 (7). С. 121–122.

Чиковани М. А.[1]**,**
адъюнкт кафедры предварительного расследования
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:

Есина А. С.,
доцент кафедры предварительного расследования
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

МЕХАНИЗМ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА ЗАКОННОСТИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЛЕДОВАТЕЛЯ

Ученые-процессуалисты разных лет, посвящали свои работы принципам уголовного судопроизводства, при этом для определения деятельности субъектов расследования через призму действия этих принципов были выбраны такие термины как: «*обеспечение* принципов…», «*применение* принципов…», «*реализация* принципов…». Бесспорно указанные понятия характерны и свойственны деятельности следователя. Однако мы обоснованно полагаем, что субъект расследования в своей деятельности, применяя нормы уголовно-процессуального закона, именно *реализует* принципы уголовного судопроизводства (речь пойдет о принципе законность). С этой точки зрения мы разделяем мнение профессора Якупова Р.Х. о том, что реализация принципа предполагает прежде всего реализацию предусмотренного законом положения (нормы) права. В каждом конкретном случае речь идет либо о реализации общих норм, либо исключительных [6, с. 83]. Полагаем, что понятия «реализация принципа» и «реализация нормы права» следует рассматривать как тождественные. В этой связи определенный интерес представляет уяснение смыслового содержания терминов «реализация», «реализация принципа». Согласно толковому словарю Даля В. И. реализовать означает «…осуществить, исполнить на деле…» [3].

Изучение специальной литературы позволили определить разные суждения современных исследователей о понятии «реализация принципа» и механизме его действия. Не углубляясь в анализ имеющихся мнений, разделяем позицию авторов, которые полагают, что реализация норм права – это процесс воплощения правовых норм субъектами права [2]. Применительно к нормам права авторы некоторых изданий [1] трактуют реализацию как воплощение предписаний норм права в поведении людей, выделяя при этом несколько форм.

Реализуя (исполняя) нормы права, применяя их в своей деятельности, субъект применения фактически реализует принцип законности. Даже в случаях, когда согласно предписанию закона, субъект уголовно-процессуальных отношений должен воздержаться от каких-либо действий, он и в этом случае, исполняя законодательное требование, фактически соблюдает закон, то есть реализует прин-

[1] ©Чиковани М. А., 2022.

цип законности. Мы полагаем, что реализация принципа уголовного судопроизводства возможна только через применение норм права, в которых сформулированы основные положения, требования законодателя, определяющие содержание какого-либо конкретного принципа уголовного процесса (тот принцип, который применяется в конкретной ситуации). При этом реализовать нормы права возможно только в ходе правоприменительной деятельности.

Развивая вышеупомянутые теоретические положения, исследованные учеными-процессуалистами ранее, относительно определения сущности рассматриваемого понятия, мы полагаем, что реализация принципа законность предполагает прежде всего деятельность следователя, состоящую из нескольких последовательно сменяющих друг друга действий, образующих целостную систему, при выполнении которых осуществляется поэтапное применение предписаний законодательных требований, выраженных в норме (нормах) права, что по существу и представляет собой механизм реализации принципа законности. Считаем, что механизм (если исследовать данный термин применительно к сфере права) – это действия или их совокупность, которые осуществляют субъекты права в соответствии с нормами права.

Следует отметить, что в науке уголовного процесса понятие «механизм» применяется наиболее часто именно через призму реализации принципов уголовного процесса. Так, С. Е. Егоров, рассматривая механизм применения общепризнанных принципов и норм о правах человека в уголовном процессе России совершенно справедливо утверждает, что механизм правоприменения в уголовном процессе – это и есть механизм реализации [4].

Полагаем, что механизм реализации принципа законности в деятельности следователя представляет собой комплекс действий и может состоять из нескольких этапов: первый этап – следователь выбирает норму закона, предполагаемую к применению, и определяет ее содержание через толкование нормы. Второй этап – применение положений, закрепленных в норме закона, в ходе правоприменительной деятельности, путем соблюдения процессуальной формы. Третий этап – оценка своей деятельности на предмет соответствия принятого решения (или производимого действия) предписанию закона, выраженного в норме УПК.

Не останавливаясь детально на рассмотрении всех перечисленных этапов, рассмотрим сущность первого этапа предложенной модели механизма реализации: выбор нормы и ее толкование. Следует отметить, что определяющим критерием при реализации принципа законности является именно верное толкование положений, закрепленных в норме права и подлежащих применению.

Реализуя принцип законности, следователь должен верно определить раздел, главу, норму УПК, подлежащую применению. Как правило это не вызывает затруднений поскольку уголовно-процессуальный закон достаточно полно регламентирует конкретные правоотношения на всех этапах и уровнях в сфере уголовного судопроизводства. Однако для правильного выбора нормы имеет большое значение иерархия процессуальных норм и исключительность отдельных из них. Комплексный характер уголовно-процессуального правоприменения в деятельности следователя требует от него знание основ, правил комплексного

правоприменения, разработанные учеными в области общей теории права (Нормы, обладающие высшей юридической силой, имеют приоритет перед иными. При столкновении норм общего или исключительного свойства приоритет имеют исключительные (специальные) нормы. Нельзя применять нормативные акты, которые утратили силу, или применять закон, который по уровню юридической силы ниже и слабее, чем УПК РФ.). Именно на такой подход ориентирует и принцип законности (ч. 2 ст. 7 УПК РФ), устанавливая приоритет уголовно-процессуального закона, фактически обязывая соблюдать правила комплексного правоприменения, учитывая иерархию норм в правоприменении, подчеркивая приоритет Конституции Российской Федерации, уголовно-процессуального закона и принципов уголовного судопроизводства. В этой связи следует обратить внимание на актуальность высказывания профессора Р. Х. Якупова: «несоблюдение правил реализации принципов уголовного судопроизводств рассматривается как нарушение уголовно – процессуального законодательства, влекущее отмену принятых решений» [6, с. 61, 83, 89.]. Автор полагал, что реализация принципов – это реализация предусмотренного законом общего начала, положения, выраженного в норме права, если иное не предусмотрено законом.

Выбор нормы невозможен без уяснения ее смысла и содержания. Уяснение содержания нормы права, основывается на общепринятом толковании содержания применяемой нормы, но не авторском. Что понимать под уяснением нормы и какое толкование придется по вкусу конкретному правоприменителю? Под толкованием нормы понимается уяснение смысла законодательного предписания через осмысление содержания текста норм УПК. Мы разделяет высказанное профессором Головко Л. В. мнение относительно толкования уголовно – процессуального права, под которым он предлагает понимать деятельность, направленную на установление содержания уголовно-процессуальных норм. Необходимость толкования норм уголовно-процессуального права вытекает в первую очередь из потребности применения закона, а не только из его пробельности или неясности [5, с. 259].

Однако толкование бывает разным: доктринальное (научное), когда ученые-процессуалисты, комментируя уголовно-процессуальный закон, предлагают свое усмотрение относительно содержания и смысла той или иной нормы; судебное, высказанное в Постановлениях Пленума ВС; прокурорское, выраженное в Приказах Генпрокурора; адвокатское, отраженное в комментариях к закону и другое. Толкование нормы -важный этап в деятельности следователя, а при реализации принципа законности в особенности. Именно с помощью толкования нормы можно определить ее место в правовой системе, ее силу, пределы действия, смысловое содержание и многое другое. В большинстве случаев смысл, заложенный в процессуальную норму, соответствует ее языковому выражению, что позволяет понимать норму буквально, но не в исчерпывающих случаях.

Подчеркнем, что есть много факторов, не способствующих единообразному толкованию, а следовательно, и правоприменению. Например, нестабильность правовых норм, возникающая из-за частых изменений законодательства, изобилие различного рода толкований текста закона, несовершенство законодательной

техники, поспешности в принятии некоторых правых предписаний, наличие бланкетных норм, специфика юридических терминов и понятий, интерпретация которых требует специальных познаний, высокой квалификации и другие. УПК РФ изобилует формулировками, при которых правоприменитель вправе импровизировать толкование содержания нормы по своему оценочному суждению (например, такие формулировки как: «иные сведения», «другие данные», «по усмотрению», «при необходимости», «при наличии достаточных данных полагать» и др.). Угрозу реализации принципа законности представляет именно нестабильность правовых норм и отсутствие единого стандарта по толкованию их содержания. Различного уровня толкования уголовно-процессуальных предписаний не способствуют единообразному правоприменению

Следует признать, что степень понимания текста закона у различных субъектов разная. Полагаем, что даже самый ясный закон иногда нужно толковать. Как бы ни был предусмотрителен законодатель, он все равно не может полностью объять все разнообразие жизни. С нашей точки зрения, любое неофициальное толкование может обернуться против законности. При этом деятельность следователя не есть нечто механическое, поэтому верное толкование содержания нормы, зависит в том числе и от определенного уровня подготовленности следователя, его квалификации, опыта и других значимых составляющих.

Известный русский процессуалист Г. Ф. Шершеневич указывал на целесообразность аутентического толкования, которое исходит от самого законодателя, который в законодательном порядке дает разъяснение, как следует понимать изданный ранее закон. Российский законодатель использовал данный прием в ст. 5 УПК РФ, однако как показывает практика одной нормы в законе явно недостаточно, чтобы разъяснить все необходимые термины.

На наш взгляд, способствовать правильному выбору и толкованию процессуальной нормы мог бы единый общероссийский стандарт понимания сущности уголовно-процессуальных норм. Некое официальное публичное толкование норм уголовно-процессуального закона, которое не требовало бы дополнительных разъяснений, не позволяло бы переосмысливать содержания текста закона со стороны прокурора, суда, руководителей следственных подразделений, адвокатов, в том числе с учетом региональных особенностей. Главное, когда подобный стандарт обязателен для всех участников правоприменения в сфере уголовного судопроизводства. В этом случае «автоматически» использовался бы так называемый «шаблон» в различных ситуациях практической деятельности и проблем при реализации принципа законности было бы значительно меньше.

Следует отметить, что отдельные авторы посвящают свои исследования разработке данной проблематики, аргументируя потребность и необходимость в едином стандарте уголовно-процессуального толкования применительно к отдельным процессуальным институтам. Думается, что данное направление в уголовно-процессуальной науке будет развиваться на уровне самостоятельных научных исследований и далее.

Таким образом, реализация принципа законности требует от правоприменителя прежде всего правильного выбора необходимой нормы, с учетом правил комплексного правоприменения и определение содержания законодательных

требований в ней изложенных, что является первым важным этапом в механизме реализации принципа законности.

Список литературы

1. Бичик С. В. Словарь экономических терминов / С.В. Бичик, А.С. Даморацкая, И.В. Даморацкая. – Минск: Вышэйшая шк., 2009. 270 с. [электронный ресурс] // Российская государственная библиотека – URL: https://search.rsl.ru/ru/record/01007490858 (дата обращения 03.03.2022).

2. Большой юридический словарь / под ред В.Н. Додонова, В.Д. Ермакова, М.А. Крыловой и др. – М., 2001 // Информационно – правовой портал gufo.me – URL:https://gufo.me/dict/law/реализация_права (дата обращения 24.03.2022).

3. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: избр. ст. / В.И. Даль. М. : ОЛМА Медиа Групп, 2009 [электронный ресурс] // Информационно – правовой портал gufo.me – URL: https://gufo.me/dict/dal/реализация (дата обращения: 27.03.2022).

4. Егоров С. Е. Права человека в уголовном процессе: международные стандарты и российское законодательство. М., 2006. 222 с. // РГБ – URL: https://search.rsl.ru/ru/record/01004117734 (дата обращения 03.03.2022).

5. Курс уголовного процесса / под ред. Л.В. Головко. 2-е изд., испр. – М.: Статут, 2017. С. 1280.

6. Якупов Р. Х. Уголовный процесс: учеб. для вузов / под науч. ред. В.Н. Галузо. Москва, 2004. (4. изд.). 607 с.

Щербакова М. А.[1]**,**
адъюнкт кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России

ПСИХИАТРИЧЕСКОЕ ОСВИДЕТЕЛЬСТВОВАНИЕ КАК ОСНОВАНИЕ ВОЗБУЖДЕНИЯ ПРОИЗВОДСТВА О ПРИМЕНЕНИИ ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ МЕР МЕДИЦИНСКОГО ХАРАКТЕРА

Производство о применении принудительных мер медицинского характера, представляя собой дифференцированную процессуальную форму уголовного судопроизводства, подразумевает наличие усиленных процессуальных гарантий, направленных на обеспечение прав и законных интересов лиц, которые в силу психического расстройства не способно в полной мере защищать их самостоятельно.

Очевидно, что такие процессуальные гарантии полноценны при условии их реального применения к участнику уголовного процесса, страдающему психическим расстройством. То есть, основным требованием, позволяющим обеспечить эффективность производства о применении принудительных мер медицинского характера является своевременность применения процессуальных гарантий, свойственных этому порядку.

Однако именно проблема своевременности включения механизма усиленных процессуальных гарантий, невзирая на ее достаточную очевидность, длительное время не решается. Речь – о моменте начала производства о применении принудительных мер медицинского характера. Неопределенность этого момента позволяет следователю достаточное длительное время оставлять лицо, в отношении которого производство осуществляется, не только без должных процессуальных средств защиты своих прав и интересов, но и без необходимой медицинской помощи, отсутствие которой чревато угрозой жизни и здоровью как самого лица, так и его окружающих. Не секрет, что такие лица, до помещения в медицинский стационар, оказывающий психиатрическую помощь в стационарных условиях (далее – психиатрический стационар), зачастую содержатся в следственных изоляторах, либо изоляторах временного содержания, в то время как следователь собирает доказательства его заболевания и решает вопрос о производстве стационарной судебно-психиатрической экспертизы.

Что касается законодательства, то момента начала производства о применении принудительных мер медицинского характера крайне неконкретен. Согласно положениям, ч. 1 ст. 433 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК) предусматривается, что производство «осуществляется в отношении лица, совершившего запрещенное уголовным законом деяние в состоянии невменяемости, или лица, у которого после совершения преступления наступило психическое расстройство», однако умалчивается о том, каким образом отграничить это производство от общего порядка уголовного процесса, когда его следует начинать и каким процессуальным актом оформлять.

[1] ©Щербакова М. А., 2022.

В ст. 435 УПК законодатель, определяя правила помещения лица, в психиатрический стационар, ясно указывает, что основанием для этого являются результаты судебно-психиатрической экспертизы (прямо это сказано только для лица, содержащегося под стражей, однако, нелогичным был бы вывод о нераспространении данного правила на лицо, которое под стражей не содержится). Заключение судебно-психиатрической экспертизы в данном случае юридический факт. Однако факт, порождающий правоотношения по помещению лица в психиатрический стационар, а не по началу производства. Нельзя же допустить, что при решении вопроса о назначении данной экспертизы, в ее ходе на лицо не распространяются усиленные процессуальные гарантии (например, обязательное участие защитника, участие законного представителя). Да и назначение судебно-психиатрической экспертизы дознавателем выглядит нелепо. Такая экспертиза назначается следователем при производстве предварительного расследования, то есть, в ходе уже ведущегося производства о применении принудительных мер медицинского характера. В связи с чем, полагаем, в ч. 1 ст. 435 УПК точнее было бы использовать оборот «лицо, содержащееся под стражей, в отношении которого осуществляется производство о применении принудительных мер медицинского характера».

Соотношение помещения лица в психиатрический стационар в порядке ст. 435 УПК и меры пресечения не является предметом настоящей статьи, однако, заметим, что ограничиться указанием в ч. 1 ст. 435 УПК только на «лицо, в отношении которого осуществляется производство о применении принудительных мер медицинского характера» было бы неверно. Как следует из вышеприведенной нормы, помещение в психиатрический стационар и содержание там лица, не отменяют правового режима ранее избранной меры пресечения в виде заключения под стражу, а следовательно, не исчезает и необходимость применения ряда дополнительных процессуальных мер, позволяющих обеспечить режим изоляции, характерный для содержания под стражей.

В науке весьма распространена точка зрения, согласно которой единственным моментом, с которого начинается производство о применении принудительных мер медицинского характера, в самом деле может быть только полученное в установленном порядке заключение судебно-психиатрической экспертизы, констатирующей факт психического расстройства и нуждаемость лица в принудительном лечении [1, с. 34; 2, с. 234].

Однако, стоит отметить, что в большинстве случаев заключение экспертизы приобщается к материалам уголовного дела спустя значительное время после появления сомнений относительно психического состояния подозреваемого (обвиняемого). Это, в свою очередь, ставит под сомнение эффективность и законность самостоятельного участия лица в производстве по уголовному делу до получения выводов экспертов и влечет серьезные правовые последствия для человека, страдающего психическим заболеванием.

По причинам, указанным выше эта точка зрения весьма небезупречна. Позиция о постановлении, которым возбуждается производство о применении принудительных мер медицинского характера, в литературе обосновывалась неоднократно и в целом заслуживает поддержки [3, с. 89; 4, с. 64; 5, с. 219]. Полагаем,

что правовой основой – базисом для принятия важнейших процессуальных решений (например, о допуске законного представителя, о помещении в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях и т. д.), подразумевающих в том числе существенные ограничение ряда прав лица, действительно должно выступать не заключение экспертизы, которое в данном случае имеет вспомогательное значение и служит для определения болезненного состояния, а постановление, вынесенное должностным лицом, уполномоченным проводить предварительное расследование.

Однако важно правильно определить и наличие оснований для вынесения данного постановления. Вызванная благими намерениями (обеспечить наиболее полную защиту интересов лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера) позиция, выражающая необходимость возбуждения производство о применении принудительных мер медицинского характера в случае возникновения малейших сомнений, касающихся психического состояния субъекта [3, с. 74; 6, с. 59] слишком радикальна и имеет оборотную сторону. Лицо, необоснованно вовлеченное в правоотношения, в которых он, как субъект, имеет весьма неопределенный процессуальный статус, находится под угрозой лишения права на самостоятельные действия и решения, не столько выигрывает, сколько, напротив, огранивается в возможностях защищать свои права и законные интересы.

Представляется, что при принятии решения о возбуждении производства о применении принудительных мер медицинского характера не обойтись без специальных знаний, используемых, однако, не в рамках судебно-психиатрической экспертизы, назначение которой требует времени.

Убедительным решением выглядит порядок, предусмотренный Законом Российской Федерации от 02.07.1992 № 3185-1 «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании»: до принятия решения о необходимости принудительной госпитализации лица и *с целью установления его психического состояния* (курсив – М.Щ.) допускается проведение психиатрического освидетельствования по решению врача-психиатра (в том числе и принудительное), в случаях, когда по имеющимся данным обследуемый совершает действия, дающие основания предполагать наличие у него тяжелого психического расстройства, обуславливающего его непосредственную опасность для себя или окружающих [7].

Из вышесказанного следует, что лицо, обнаруживающее явные признаки психического расстройства в бытовой обстановке, незамедлительно подвергается медицинскому освидетельствованию и в случае подтверждения психического расстройства, в результате которого могут наступить тяжелые последствия, может быть также незамедлительно подвергнуто принудительной госпитализации в психиатрический стационар, с целью изоляции от общества и получения необходимого лечения. Показательно, что в подобных случаях, когда лицом не совершено запрещенное уголовным законом деяние, законом о психиатрической помощи четко предусмотрены и основание для проведения психиатрического освидетельствования, и сроки его проведения, а также основания, сроки и порядок дальнейшей принудительной госпитализации [8]. Применить

этот порядок к лицам, которые совершили общественно-опасное деяние, невозможно, поскольку такие лица вступают в уголовно-процессуальные отношения, которые могут регулироваться исключительно уголовно-процессуальным законом. Он и не предусматривает такую форму использования специальных знаний как психиатрическое освидетельствование. Воспользоваться нормой, предусматривающей получение заключения специалиста (ч. 3 ст. 80 УПК), также не удастся, поскольку ее явно недостаточно: для принудительного медицинского освидетельствования необходима процессуальная процедура, которая для получения заключения специалиста не предусмотрена.

Выход видится в изменении уголовно-процессуального закона. В нем необходимо предусмотреть возможность проведения медицинского психиатрического освидетельствования на основании постановления следователя при наличии оснований предполагать, факт психического расстройства лица.

Согласимся, что законодательство о психиатрической помощи устанавливает взаимосвязь принудительного освидетельствования и совершения обследуемым лицом действий, позволяющих предполагать наличие у него тяжелого психического расстройства. При этом, к моменту возникновения вопроса о необходимости возбуждения производства о применении принудительных мер медицинского характера лицо не всегда может находиться в состоянии, которое внешне оценивается как тяжелое. Однако сам факт осуществления уголовного судопроизводства является достаточным основанием полагать, что лицо совершило общественно-опасное деяние, а, следовательно, не исключается опасность лица как для окружающих, так и для себя.

Медицинское психиатрическое освидетельствование, представляется, должно быть обязательным к проведению в отношении лица, подозреваемого, либо обвиняемого в совершении преступления при появлении сведений, указывающих на наличие у него психического расстройства, либо возникновении сомнений относительно его вменяемости. Возбуждать производство о применении принудительных мер медицинского характера необходимо в случае подтверждения у лица в результате проведенного медицинского психиатрического освидетельствования факта психического расстройства, после чего в правовых границах указанного производства и осуществлять последующие необходимые процессуальные действия, включая назначение и производство судебно-психиатрической экспертизы.

Список литературы

1. Трошкин Е. З., Захаров А. С. Досудебное производство по уголовным делам об общественно опасных деяниях невменяемых лиц: монография / Е.З. Трошкин, А.С. Захаров. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2010.

2. Суховерхова Е. В. Возбуждение производства о применении принудительной меры медицинского характера // Вестник Брянского государственного университета. 2012. № 2-2.

3. Ручина А. А. Производство о применении принудительных мер медицинского характера в отношении несовершеннолетних в уголовном процессе: дисс. … канд. юр. наук. Москва, 2020.

4. Колмаков П. А. Правовое положение лица, нуждающегося в применении принудительных мер медицинского характера// Правосудие. № 6. 1988.

5. Трошкин Е. З., Захаров А. С. К вопросу о правосубъектности лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера // Черные дыры в российском законодательстве. № 2. 2008.

6. Гусева С. В. Особенности предварительного следствия по делам невменяемых лиц и лиц, заболевших психическим расстройством после совершения преступления: дисс. …канд. юрид. наук. Москва, 2000.

7. Закон Российской Федерации от 02.07.1992 № 3185-1 (ред. от 08.12.2020) «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании», ч. 1 ст. 24 // Справочно- правовая система «Консультант плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_4205/b82bf31972cbd125606cd2b1ed58f428046061ab/ (дата обращения 15.03.2022)

8. Закон Российской Федерации от 02.07.1992 № 3185-1 (ред. от 08.12.2020) «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании», ч. 1 ст. 29, 32-34 // Справочно- правовая система «Консультант плюс».

Юнусов М. Д.[1],
адъюнкт кафедры предварительного расследования
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

НОВЫЕ СПОСОБЫ ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С УПОТРЕБЛЕНИЕМ, ПРОИЗВОДСТВОМ И ТРАНСПОРТИРОВКОЙ НАРКОТИКОВ В РЕСПУБЛИКЕ ТАДЖИКИСТАН

Проблема незаконного распространения и употребления наркотических средств представляет собой одну из наиболее актуальных проблем международного характера. По данным всемирной организации здравоохранения – во всем мире из ста человек как минимум один является лицом, употребляющим наркотические средства. Во многих странах постоянно увеличивается количество преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств.

Борьбу с незаконным оборотом запрещенных веществ ведут различные государства всего мира. Изготовление, производство, хранение, продажа и незаконная передача наркотических средств, в том числе согласно законодательству Республики Таджикистан, является преступным деянием [6].

Сегодня можно смело сказать, что наряду с терроризмом и экстремизмом еще одной опасностью, представляющей угрозу для мирового сообщества, является производство и транспортировка наркотических веществ различными преступными элементами. В результате потребления таких веществ умирают тысячи людей, столько же человек ежегодно привлекаются к уголовной ответственности за преступления в рассматриваемой сфере жизни общества.

Республика Таджикистан, выступая в качестве одного из инициаторов наращивания темпов противодействия незаконному обороту наркотических и психотропных веществ, также признает проблему распространения наркобизнеса одной из главных угроз национальной и государственной безопасности, принимает активное участие в осуществлении и развитии международного сотрудничества в сфере борьбы с рассматриваемой категории преступлений.

Республика Таджикистан, изучая передовой мировой опыт, постоянно разрабатывает различные концепции и стратегии противодействия незаконному обороту наркотических средств в своей стране, включающие краткосрочные и долгосрочные программы действий, в том числе и по вопросам сотрудничества с другими государствами и международными организациями. В Республике Таджикистан за последние десятилетия были приняты неотложные меры по стабилизации ситуации с незаконным распространением наркотических средств, выявлению и ликвидации каналов контрабанды указанных веществ, способов ввоза и вывоза наркотиков, сокращению количества потребляемых веществ и больных наркоманией [1, с. 6]. В целях усиления мер противодействия незаконному обороту наркотиков в Республике Таджикистан принят и действует в настоящий момент Закон Республики Таджикистан «О наркотических средствах, психотропных веществах и прекурсорах» № 843 от 10 декабря 1999 г.

[1] © Юнусов М. Д., 2022.

Среди основных задач по борьбе с распространением наркотических средств в Республике Таджикистан можно выделить успешную государственную политику, реализацию действий международных договоров, повышение роли государства в сфере законного оборота наркотических средств и психотропных веществ, их прекурсоров, активная профилактика и раскрытие преступлений, связанных с незаконным оборотом, предупреждение развития наркомании и токсикомании, своевременное оказание помощи лицам, страдающим наркоманией и токсикоманией [3].

В Республике Таджикистан законодательно закреплена монополия государства на осуществление основных видов деятельности, связанной с наркотическими средствами. Речь идет о культивировании наркосодержащих растений, процессах и способах разработки, производства, изготовления, распределении, ввозе в страну, вывозе за ее пределы, а также об уничтожении наркотических средств и психотропных веществ.

Кроме того, в нормативных правовых актах Республики Таджикистан закреплен запрет на свободный оборот аналогов наркотических средств [2].

Тем не менее, в качестве основополагающего нормативного правового акта в сфере предотвращения совершения преступлений, связанных с употреблением, производством и транспортировкой наркотиков в Республике, выступает Национальная стратегия по контролю за наркотиками в Республике Таджикистан на 2021–2030 гг. (далее – Стратегия) [8].

Различные преступные группы, специализирующиеся на незаконном обороте наркотических и психотропных веществ, постоянно совершенствуют свою деятельность, используют новейшие технические средства сбыта и распространения наркотических средств, научно-технические возможности противодействия работе правоохранительных органов по пресечению подобного рода преступлений. Все чаще преступниками применяются современные средства связи для бесконтактного сбыта наркотических средств, оплата осуществляется посредством использования электронных способов оплаты. Это, в первую очередь, обуславливает исключение какого-либо непосредственного контакта между сбытчиком наркотического средства и его приобретателем, потребителем [4, с. 22].

Данные особенности, безусловно, учтены в содержании новой стратегии и концепции организации противодействия преступности в рассматриваемой сфере.

Расширены основные направления деятельности по противодействию незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ, существенный акцент сделан на необходимости укрепления эффективной системы предупреждения и профилактики легализации (отмывания) доходов, получаемых в результате незаконного оборота наркотиков, разработке эффективного механизма установления и задержания лиц, осуществляющих руководство организованными преступными наркогруппами, налаживанию взаимодействия между различными министерствами, ведомствами, правоохранительными органами, общественными объединениями по борьбе с распространением наркотиков, под-

готовке кадров высшей квалификации и профессионалов, грамотно выявляющих, пресекающих и раскрывающих преступления в сфере незаконного распространения и потребления наркотических средств.

Отдельного внимания в соответствии со Стратегией заслуживает дальнейшее международное сотрудничество. На протяжении многих десятилетий в процессе формирования и реализации национальной программы борьбы с незаконным трафиком наркотических средств, учитывая различные международные соглашения и договоры, правоохранительным органам Республики Таджикистан удалось наладить эффективное взаимодействие со многими иностранными государствами по вопросам пресечения нелегальных способов и каналов транспортировки наркотиков. Также постоянно проводятся межведомственные совместные мероприятия в целях предупреждения наркопреступлений в районе государственной границы сопредельных государств, успешно «разыгрываются» оперативные комбинации по пресечению деятельности транснациональных преступных групп, осуществляется обмен информацией относительно активности указанных преступных элементов [5, с. 97–104].

В качестве приоритетного указана необходимость укрепления двусторонних и многосторонних видов взаимодействия в сфере борьбы с незаконным распространением наркотиков с представителями зарубежных стран, региональных и международных организаций. Безусловно, немаловажным остается активное взаимодействие с ООН, Шанхайской организацией сотрудничества, СНГ, Организацией Договора о коллективной безопасности. В первую очередь, это вопросы, связанные с предупреждением незаконного оборота наркотических средств и новых психотропных веществ, их прекурсоров, вопросы борьбы с организованной международной преступностью, оказание информационной и технической помощи друг другу со стороны различных правоохранительных органов Республики Таджикистан и других государств.

В отличие от предыдущей Стратегии 2013–2020 гг. [7], начиная с 2021 г. деятельность правоохранительной системы Республики Таджикистан в сфере противодействия распространению наркотиков делится на два этапа: с 2021 по 2025 г. и с 2026 по 2030 г., с принятием отдельных планов соответствующих мероприятий на каждый из этапов.

Сравнительно новым кажется акцент органов государственной власти Республики Таджикистан на необходимость контроля и сокращения пропаганды наркотиков через коммуникативную сеть «Интернет» и другие информационные ресурсы, упрощения процедуры получения доступа к наркотическим средствам и психотропным веществам при их использовании в законных медицинских, промышленных целях, необходимость создать специальный института повышения квалификации для работников различных правоохранительных органов, занимающихся противодействием незаконному распространению наркотических средств и психотропных веществ, усилить контроль и профилактику наркомании на базе Учебного центра отдела кадров Агентства по контролю за наркотиками при Президенте Республики Таджикистан [8].

Начиная с 2021 г. расширены средства и методы предотвращения преступной деятельности в сфере незаконного оборота наркотиков, среди которых стоит

отдельно отметить разработку и реализацию специальных ведомственных планов совместных мероприятий и действий соответствующих министерств, ведомств, иных органов исполнительной власти; повышение эффективности механизма взаимодействия различных правоохранительных органов, работников силовых структур, представителей исполнительных органов государства, международных организаций; осуществление профилактики наркомании, лечения и реабилитации больных наркоманией; усиление роли координационных советов по профилактике злоупотребления наркотическими средствами в областях, городах и районах.

Таким образом, на основании вышеизложенного следует отметить, что преступления, связанные с незаконным распространением наркотиков, в настоящее время представляют собой один из наиболее опасных видов международной организованной преступной деятельности в Республике Таджикистан. Для данных криминальных элементов характерен высокий уровень организованности, наличие коррупционных связей среди властных структур, среди сотрудников правоохранительных органов, что является своеобразным гарантом длительного и безопасного существования таких групп. Это однозначно недопустимо.

С целью решения указанной проблемы в Республике Таджикистан постоянно совершенствуются многие государственные программы по борьбе с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов, законодательно закрепляются и практически реализовываются новые методы противодействия данной преступной деятельности.

Список литературы

1. Гуломова Ф. А. Таджикистан в контексте регионального подхода к проблемам борьбы с незаконным оборотом наркотиков (опыт социально-политического анализа): автореф. дис. канд. полит. наук, Душанбе, 2012. С. 6

2. Закон Республики Таджикистан «О внесении дополнений в Закон Республики Таджикистан «О наркотических средствах, психотропных веществах и прекурсорах» № 1778 от 20 апреля 2021 г. // http: //ncz.tj/ system/files/Legislation/873 (дата обращения: 10.04.2022).

3. Закон Республики Таджикистан «О наркотических средствах, психотропных веществах и прекурсорах» № 843 от 10 декабря 1999 г. // http: //ncz.tj/content/закон-республики-таджикистан-о-наркотических-средствах-психотропных-веществах-и-прекурсорах (дата обращения: 12.04.2022).

4. Кушпель Е. В. Криминалистика и судебноэкспертная деятельность: теория и практика: матер. V Всерос. науч.-практ. конф. (19 мая 2017 г.). Краснодар, 2017 С. 22

5. Рустамзода З. Р. Незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ в Республике Таджикистан: проблемы и пути решения // Труды Академии управления МВД России. 2019. № 2 (50). С. 97–104.

6. Уголовный кодекс Республики Таджикистан (Закон Республики Таджикистан от 21.05.1998 № 575) // http: //ncz.tj/content/уголовный-кодекс-республики-таджикистан #collapse-266 (дата обращения: 14.04.2022).

7. Указ Президента Республики Таджикистан от 13 февраля 2013 г. № 1409 «О Национальной стратегии по борьбе с незаконным оборотом наркотиков в Республике Таджикистан на 2013-2020 г.» // http: // http://adlia.tj/show_doc.fwx?rgn=118766 (дата обращения: 10.04.2022).

8. Указ Президента Республики Таджикистан от 20 марта 2021 г. № 145 «О Национальной стратегия по борьбе с незаконным оборотом наркотиков в Республике Таджикистан на 2021-2030 г.» // http: // http:// http://adlia.tj/show_doc.fwx?Rgn=139423 (дата обращения: 10.04.2022).

Яковлева К. Ю.[1]**,**
адъюнкт факультета подготовки
научно-педагогических и научных кадров
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

ВЕРИФИКАЦИЯ КАК СВОЙСТВО ЭЛЕКТРОННОЙ ИНФОРМАЦИИ НА ПРИМЕРЕ ВИДЕО-КОНФЕРЕНЦ-СВЯЗИ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

XXI век знаменуется влиянием цифровых технологий на трансформацию элементов процесса доказывания. В связи с этим в ходе собирания сведения подвергаются угрозе нарушения безопасности. Приоритетным становится наличие надежной системы идентификации, аутентификации, а также эффективное взаимодействие через сети (например, сеть «Интернет», сеть «ИСОД МВД России»). Представленные процессы особо затрагивают обработку электронной информации для установления достоверности сведений.

В 2019 г. Е. К. Антонович, видя существование видео-конференц-связи в проведении допроса в судебном производстве, озадачился необходимостью осуществление допроса свидетеля путем использования видео-конференц-связи в досудебном производстве [1, с. 128]. Перспективу данного направления отметил и Ю. В. Гаврилин [2, с. 118].

К завершению 2021 г. в уголовно-процессуальном законодательстве появился допрос путем использования видео-конференц-связи [3] (статья 189.1 «Особенности проведения допроса, очной ставки, опознания путем использования систем видео-конференц-связь» Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [4], далее по тексту – УПК России), где необходимость идентификации и аутентификации является актуальной.

Установлению понятийного аппарата способствуют пункты 19, 21 и 22 статьи Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [5], в которых содержаться определения процессов идентификации и аутентификации.

Выделяются основные признаки идентификации: во-первых, установление сведений; во-вторых, проверка этих сведений; в-третьих, сопоставление начальных сведений с их уникальным обозначением, необходимым в дальнейшем для последующих сопоставлений с целью проверки (идентификатор).

Соответственно, признаки аутентификации: проверка сведений на их принадлежность к существующему идентификатору – сопоставление сведений с теми сведениями, которыми обладает проверяющее лицо, и установление правомерности владения этим идентификатором. В результате сведения считаются проверенными и соответствуют действительности.

Идентификация устанавливает сведения и присваивает им идентификатор. Аутентификация работает с идентификатором, то есть сопоставляет идентификатор с теми сведениями, которые подлежат проверке.

---

[1] © Яковлева К. Ю., 2022.

Применим совокупность представленных признаков в уголовном процессе на примере допроса путем использования систем видео-конференц-связи. Показания допрашиваемого фиксируются следователем (дознавателем) в протоколе следственного действия. Общая норма (часть 6 статьи 166 УПК России) предусматривает предъявление для ознакомления всеми лицам, участвовавшими в следственном действии, с протоколом допроса – путем личного ознакомления или прочтением вслух следователем (дознавателем). В свою очередь частная норма (часть 5 статьи 189.1 УПК России) предусматривает особенность – оглашение данного протокола следователем (дознавателем), который его составил. Отсутствие личного ознакомления в частной норме, скорее непредусмотренность в законе осуществления такого права всеми лицами, участвовавшими в следственном действии, из-за разных мест нахождения допрашиваемого и следователя (дознавателя), порождает сомнение в достоверности зафиксированных показаний в протоколе следственного действия [6, с. 71].

А. В. Победкин, Е. К. Антонович, Ю. В. Гаврилин предложили технические условия проведения допроса свидетеля путем использования видео-конференц-связи на досудебном производстве:

1) устойчивость канала связи в режиме видео-конференц-связи;

2) возможность преобразование устной речи в письменный текст;

3) возможность ознакомления участников следственного действия с протоколом в режиме online;

4) удостоверение протокола с использованием технологий биометрической идентификации и электронной подписи [7, с. 35].

Можно согласиться с предложенными условиями, но наиболее детально остановимся на третьем пункте. Статья 189.1 УПК России не предусматривает выбора способа допрашиваемым на осуществление своего права ознакомление в режиме online с протоколом следственного действия.

Выдвижение предложения по решению данного вопроса для начала требует обозначить некоторые особенности. Первая заключается в том, что система видео-конференц-связи предусматривает работу с электронной информацией в ходе самого проведения допроса. Внутреннее содержание данного процесса состоит в том, что в устной форме допрашиваемый предоставляет показания. Следовательно, аудио- и видео- сведения в онлайн-режиме кодируются, примененными цифровыми технологиями и передаются по безопасным каналам связи к следователю (дознавателю). Затем, эти кодированные данные подвергаются декодированию и тем самым становятся понятными получателю. По завершению допроса образуются материалы видеозаписи. Следователь (дознаватель) фиксирует полученные таким образом показания в протоколе допроса, приложением к которому в обязательном порядке станет видеозапись. Вторая особенность связана с возможность составления протокола с помощью технических средств (часть 2 статьи 166 УПК России), которая в большинстве случаев используется. Стоит заметить, что, если осуществляется первая особенность, то имеются условия для осуществления второй особенности – наличие технической возможности (часть 1 статьи 189.1 УПК России), тем самым общей особенностью является работа с электронной информацией. Имеются существенные правовые различия: в

первом случае предусматривается обязанность – применение видеозаписи (часть 4 статьи 189.1 УПК России), а во втором – существует право – каким образом составлять протокол (часть 2 статьи 166 УПК России предусматривает написать от руки, или изготовить с помощью технических средств). Следовательно, предложение заключается в трансформации указанного права в обязанность для следователя (дознавателя) только в случае использования систем видео-конференц-связи. Необходимо часть 5 статьи 189.1 УПК России представить в следующей редакции: «После завершения допроса, очной ставки, опознания, проведенных путем использования систем видео-конференц-связи, изготовление и предъявление для ознакомления участниками, соответствующего следственного действия, с протоколом обязательно с помощью технических средств, в результате чего имеется право на замечания о дополнении и уточнении протокола, как в копии протокола, так и в подписке, указанной в части третьей настоящей статьи». В части 6 статьи 189.1 УПК России к подписке дополнить копию протокола.

По мнению С.И. Кувычкова, главными свойствами информации, представленной в электронном виде, являются полезность, относимость и верифицируемость [8, с. 13]. Понятие верифицируемости можно представить как математическую модель: верификация = идентификация + аутентификация, где слагаемые данной формулы только в такой математической последовательности. Иначе модель не будет иметь смысла, то есть будет равна нулю – соответственно, осуществление данных процессов невозможно будет проводить в уголовном процессе. Стоит условиться, что существование слагаемых по отдельности имеет место быть.

Выделяются субъекты верификации – это лица, которые верифицируют. Объекты верификации – это то, с кем (чем) субъект верификации будет осуществлять процесс идентификации и аутентификации. Следовательно, верификация будет являться одним из основополагающих свойств электронной информации.

Рассмотрим зарубежную юридическую практику по данным Интерпола. Рабочая группа, разработавшая «Концепцию гармонизации практики судебной экспертизы и цифровых/мультимедийных доказательств», определяет процессы, применимые ко всем дисциплинам судебной экспертизы, включая цифровые и мультимедийные доказательства [9]. Основные процессы:

1. Аутентификация – это процесс принятия решения, который пытается установить достаточную уверенность в истинности утверждения. Этот процесс также используется на этапах идентификации для поддержки установления доверия.

2. Идентификация – это процесс принятия решения, который пытается установить достаточную уверенность в том, что некоторая информация, связанная с идентификацией, описывает конкретный объект в данном контексте в определенное время [10]. Идентификация применяется не только к людям, но и к одушевленным или неодушевленным объектам, физическим или виртуальным. Этот процесс также используется на этапах аутентификации [11].

В зарубежном документе указанные процессы представляют обратное значение, но понимание их зарубежными юристами позволяет нам шире вникнуть в суть процессов. Соответственно, в рамках уголовного судопроизводства России

будет действовать то лексическое значение этих процессов, которое предусматривает законодательство России.

Реализации вышепредложенного совершенствования уголовно-процессуального законодательства предполагает, что следователь (дознаватель), проводивший следственные действия, регламентированные статьей 189.1 УПК России, направит протокол по СЭД ИСОД МВД России следователю (дознавателю) по месту нахождения участников следственного действия для возможности этих участников лично ознакомиться и внести замечания о дополнении и уточнении протокола. Далее, совместно с подпиской направить копию протокола следователю (дознавателю), проводившему следственное действие.

Таким образом, уголовно-процессуальное законодательство позволяет применять верификацию в рамках проверки соответствия показаний в следственных действиях, проведенных путем использования систем видео-конференц-связи. Для совершенствования уголовно-процессуального законодательства предложено закрепление права допрашиваемого через обязанность следователя (дознавателя).

Список литературы

1. Антонович Е. К. Использование цифровых технологий при допросе свидетелей на досудебных стадиях уголовного судопроизводства (сравнительно-правовой анализ законодательства Российской Федерации и законодательства некоторых иностранных государств) // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 6 (103).

2. Гаврилин Ю. В. Трансформация уголовно-процессуальной формы в условиях цифровой экономики // Уголовный процесс и криминалистика: теория, практика, дидактика: сборник статей IV Всероссийской науч.-практ. конф. / под ред. А.В. Красникова. Москва: Академия управления МВД России, 2019.

3. Федеральный закон от 30.12.2021 № 501-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Российская газета – Федеральный выпуск № 2(8651).

4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 14 декабря 2020 г. № 425-ФЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

5. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 31 (ч.1). Ст. 3448.

6. Уголовный процесс. Практикум / А. В. Гриненко, О. В. Химичева, С. В. Гурдин [и др.]. – 2-е издание, исправленное и дополненное. – Москва : Общество с ограниченной ответственностью «Издательство ЮРАЙТ», 2018. – 302 с.

7. Использование информации, содержащейся на электронных носителях, в уголовно-процессуальном доказывании : учебное пособие / Балашова А. А., Васюков В. Ф., Гаврилин Ю. В. [и др.] ; под ред. Ю.В. Гаврилина и А.В. Победкина. – Москва : Академия управления МВД России, 2021. – 138 с.

8. Кувычков С. И. Использование в доказывании по уголовным делам информации, представленной в электронном виде: диссертация кандидата юридических наук: 12.00.09 / Кувычков Сергей Иванович; [Место защиты: Нижегор. акад. МВД России]. – Нижний Новгород, 2016. – 273 с.

9. Nist, A Framework for Harmonizing Forensic Science Practices and Digital/ multimedia Evidence, National Institutes of Standards and Testing: Organization of Scientific Area Committees for Forensic Science, 2018. Retrieved from, https://www.nist.gov/sites/default/files/documents/ 2018/01/10/osac_ts_0002. pdf.

10. E. Casey, D.-O. Jaquet-Chiffelle, Do Identities Matter? Policing: a Journal Of Policy And Practice, Special Issue, 2017.

11. P. Reedy. Interpol review of digital evidence 2016 – 2019. Forensic Science International: Synergy. Volume 2, 2020, Pages 489-520 URL:https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S2589871X20300152?via%3Dihub.